



**Уральский
федеральный
университет**
имени первого Президента
России Б.Н.Ельцина

ПСИХОЛОГИЯ СЕГОДНЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы

Всероссийского психологического форума

Том 1

Екатеринбург, 28–30 сентября 2022 года

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

ПСИХОЛОГИЯ СЕГОДНЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы
Всероссийского психологического форума

Том 1

Екатеринбург, 28–30 сентября 2022 года

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2022

УДК 159.9(063)
ББК Ю9я43
П86

Ответственные редакторы
Л. В. Токарская, кандидат психологических наук,
доцент кафедры педагогики и психологии образования,
М. А. Лаврова, старший преподаватель Уральского федерального
университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

*Ответственность за содержание
материалов несут авторы*

П86 Психология сегодня: актуальные исследования и перспекти-
вы : материалы Всероссийского психологического форума : в 2 т.
Екатеринбург, 28–30 сентября 2022 года / отв. ред. Л. В. Токарская,
М. А. Лаврова ; Министерство науки и высшего образования Рос-
сийской Федерации, Уральский федеральный университет. — Ека-
теринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. — Т. 1. — 1026 с. : ил. — ISBN
978-5-7996-3515-2. — ISBN 978-5-7996-3516-9 (т. 1). — Текст : элек-
тронный.

ISBN 978-5-7996-3515-2

ISBN 978-5-7996-3516-9 (т. 1)

В сборник вошли материалы участников Всероссийского психологи-
ческого форума. Представлены работы исследователей и практиков, пред-
ставляющих различные области современной психологии. Все эти работы
объединяет направленность в будущее и общая цель — формирование
новых трендов отрасли.

Предназначено для широкого круга читателей.

УДК 159.9(063)
ББК Ю9я43

ISBN 978-5-7996-3515-2

ISBN 978-5-7996-3516-9 (т. 1) © Уральский федеральный университет, 2022

**Т. Н. Адеева
И. В. Тихонова
С. А. Хазова**

*Костромской государственной университет
Кострома, Россия*

САМООТНОШЕНИЕ КАК РЕСУРС АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СИТУАЦИИ ОГРАНИЧЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЗДОРОВЬЯ

Проведен анализ особенностей самооотношения у взрослых с ограниченными возможностями здоровья. Определена специфика самооотношения при тяжелых нарушениях речи, нарушениях слуха, зрения, функций опорно-двигательного аппарата. Выявлены взаимосвязи параметров самооотношения и социально-психологической адаптации личности.

Ключевые слова: самооотношение, адаптация, ресурсы, тяжелые нарушения речи, нарушения зрения, нарушения слуха, нарушение функций опорно-двигательного аппарата.

**Tatiana N. Adeeva
Inna V. Tikhonova
Svetlana A. Khazova**

*Kostroma State University
Kostroma, Russia*

SELF-ATTITUDE AS A RESOURCE FOR PERSONAL ADAPTATION A DISABILITY SITUATION

The analysis of the features of self-attitude among adults with disabilities has been carried out, the specifics of self-attitude in severe speech disorders, hearing, vision disorders, musculoskeletal disorders have been determined. The interrelations between the self-attitude parameters and socio-psychological adaptation of personality are revealed.

Keywords: self-attitude, adaptation, resources, severe speech disorders, visual disturbances, hearing disorders, musculoskeletal disorders.

Введение. Достаточно традиционно ограниченные возможности здоровья рассматриваются как трудная жизненная ситуация, связанная с необходимостью напряжения адаптационных ресурсов субъекта. Базовой структурой личности, определяющей особенности отношения человека к себе, к миру, особенности поведения и адаптации, является самоотношение. У людей с ограниченными возможностями формирование самоотношения происходит в условиях физического или психического дефекта. Самоотношение может рассматриваться двояко — как ресурс и как фактор риска развития личности в зависимости от его содержания [1]. В ряде современных исследований одним из важных вопросов является определение специфики самоотношения при различных видах дизонтогенеза; изучение взаимосвязи специфики самоотношения, адекватной самооценки с особенностями социально-психологической адаптации [2–4].

Целью исследования является изучение взаимосвязи самоотношения взрослых с ОВЗ и параметров социально-психологической адаптации.

Материалы и методы. Методики исследования: «Методика диагностики социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонда (адаптация А. К. Осницкого), тест-опросник самоотношения В. В. Столина, С. Р. Панталева (1985). Статистическая обработка проводилась с использованием программы 10.0 Statistica; вычислялся коэффициент корреляции r_s Спирмена, для определения различий между группами использовался непараметрический критерий U Манна — Уитни, H -критерий Краскела — Уоллиса. Выборку исследования составили 73 человека: взрослые с нарушениями зрения (НЗ) 20 человек, взрослые с тяжелыми нарушениями речи (ТНР) 19 человек, взрослые с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата (ОДА) 23 человека, взрослые с нарушениями слуха (НС) 11 человек.

Результаты. В целом самоотношение взрослых с различными вариантами дизонтогенеза является довольно позитивным, но имеет особенности. Наиболее сбалансированный вариант самоотношения отмечен в группе людей с ТНР. Уровень глобального самоотношения здесь находится на уровне 74 баллов (высокая степень выраженности). В то же время шкала ожидаемого отношения других находится

в диапазоне низких значений (39,67 баллов), что свидетельствует о неадекватной самооценке, об уверенности человека в своей неважности, неинтересности для окружающих. В группах взрослых с нарушениями зрения и нарушениями слуха параметры самоотношения имеют завышенные значения. В группе людей с НЗ шкала «Самоуважение I» — 80 баллов, шкала «Самоуверенности 1» — 81,33 баллов. В группе людей с НС шкала «Самоуважение I» — 86,67 баллов; шкала «Самоинтересов IV» — 92,33 баллов; шкала «3 Самопринятия» — 89,67 баллов. Респонденты демонстрируют веру в свои силы, способности, высокий уровень энергии, способность контролировать собственную жизнь и быть самопоследовательным, показывают высокую степень доверия к себе, позитивное самоотношение. Такие результаты могут иметь компенсаторный характер. В группе людей с нарушениями функций ОДА наблюдается иная картина. По ряду шкал отмечены показатели ниже среднего (шкала «Ожидаемое отношение других III» — 39,67 баллов; шкала «1 Самоуверенности» — 47,67 баллов; шкала «7 Самопонимания» — 43,33 баллов). Такие результаты свидетельствуют о низкой самооценке, неуверенности в себе, убежденности в своей ненужности, трудности понимания своих мотивов и поступков. Наименьшая уверенность в своей важности для других отмечена в группе респондентов с НЗ и ОДА ($N = 10,297, p \leq 0,016$) по сравнению с группами людей с ТНР и НС. Менее выражена уверенность в себе в группе взрослых с нарушениями функций ОДА и ТНР ($N = 15,729, p \leq 0,001$) по сравнению с группами респондентов с НЗ и НС.

Параметры самоотношения имеют множество прямых корреляционных связей с параметрами адаптации ($p < 0,05$). Высокий уровень самоуважения ($r = 0,45$), ожидаемого отношения других ($r = 0,48$), самоуверенности ($r = 0,40$), самопоследовательности ($r = 0,27$), самопонимания ($r = 0,28$) связан с высоким уровнем адаптации, самопринятия, принятия других, эмоциональной комфортностью, интернальностью. Высокий уровень ожидаемого положительного отношения других связан со стремлением к доминированию.

Заключение. Специфика самоотношения взрослых людей с ОВЗ связана с вариантами нарушенного развития. При различных ва-

риантах дизонтогенеза самоотношение является важным ресурсом социально-психологической адаптации.

Библиографические ссылки

1. *Зими́на И. В., Кащеева А. В., Лобанов С. А.* Социальная адаптация как фактор психологической устойчивости лиц с ограниченными возможностями здоровья // Научная дискуссия: вопросы педагогики и психологии. 2016. № 2–4 (49). С. 96–100.

2. *Казакова Т. А., Фирер Р. Д., Сулова Д. В.* Взаимосвязь копинг-механизмов с показателями социально-психологической адаптации (на примере людей с ОВЗ) // Проблемы совр. пед. образования. 2020. № 67–3. С. 256–259.

3. *Калаши́никова С. А.* Жизненное самоопределение человека с ограниченными возможностями здоровья: к проблеме свободы личности // Учен. записки Забайкал. гос. гум.-пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. 2012. № 5 (46). С. 220–226.

4. *Леонтьев Д. А.* Развитие личности в норме и в затрудненных условиях // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 3. С. 97–106.

И. Б. Акимов

*Санкт-Петербургский гуманитарный
университет профсоюзов, Самарский филиал
Самара, Россия*

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ УРОВНЕЙ СТАДИЙ СТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ*

Анализируется результат апробации модифицированной методики самооценки Дембо — Рубинштейна для определения уровней стадий становления субъектности. Установлено, что уровни стадий становления субъектности (актуальный и возможный) взаимосвязаны с актуальным смысловым состоянием, экзистенциальный компонент самопонимания взаимосвязан со стадией «Творец». Самопонимание может носить ситуативный характер (актуальный уровень) и вместе с тем проявляется через определенные промежутки времени (возможный и идеальный уровни). Генерализация и осознанность личностных смыслов на новом уровне или их блокировка на менее значимом уровне обуславливается учебной ситуацией «здесь и сейчас».

Ключевые слова: субъектность, стадии, взаимосвязь, экзистенциальный компонент, самопонимание, актуальное смысловое состояние.

Igor B. Akimov

*St. Petersburg Humanitarian
University of Trade Unions, Samara branch
Samara, Russia*

EXISTENTIAL UNDERSTANDING OF THE LEVELS OF THE STAGES OF FORMATION OF SUBJECTIVITY OF STUDENTS OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION

The result of testing the modified Dembo-Rubinstein self-assessment methodology for determining the levels of the stages of subjectivity forma-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-013-00238.

tion is analyzed. It is established that the levels of the stages of subjectivity formation (actual and possible) are interconnected with the actual semantic state, the existential component of self-understanding is interconnected with the “Creator” stage. The understanding itself can be situational in nature (actual level), and at the same time, it manifests itself at certain intervals (possible and ideal levels). Generalization and awareness of personal meanings at a new level or their blocking at a less significant level is caused by the educational situation “here and now”.

Keywords: subjectivity, stages, interrelation, existential component, self-understanding, actual semantic state.

Введение. В настоящее время повышенное внимание к индивидуальным особенностям обучающихся и ресурсам их развития (саморазвития) является одним из требований российского образования. Независимо от уровня образования, осуществление этого требования во многом зависит от индивидуальных и типичных факторов познавательной деятельности. Проблема самопонимания и самопознания определяет взаимосвязь субъекта с окружающим миром с точки зрения психологии человеческого бытия, это объясняется укорененностью индивидуального сознания в личностном бытии субъекта. Современные психологи трактуют понимание двояким образом. С точки зрения познавательного, когнитивного подхода, понимание — это один из процессов мышления, индивидуального познания, направленный на поиск смысла, осмысление знаний, полученных в ходе познавательной деятельности. С точки зрения экзистенциального подхода, понимание трактуется более ёмко — это универсальная психическая способность, способ человеческого бытия в мире. Самопонимание в этом случае достигается путем рефлексии ценностно-смысловых образований личности и контекстов субъектной активности. Становление субъектности человека, онтогенеза формирования субъекта зависит от развития самопонимания [1]. В связи с изложенным встает вопрос о том, какое место занимает экзистенциальная компонента самопонимания обучающихся в развитии их субъектности. Для ответа на этот вопрос нами была использована экпсихологическая (онтологическая) модель развития субъектности [2]. Согласно этой модели

процесс становления субъектных качеств рассматривается в онтологическом континууме «субъект спонтанной активности субъект произвольного действия». Чтобы стать субъектом произвольного действия, обучающийся должен пройти в своем развитии семь последовательно сменяющих друг друга стадий от субъекта мотивации через стадии «наблюдатель», «подмастерье», «ученик», «критик», «мастер» к стадии «творец», причем в реальной ситуации эти стадии могут формироваться у обучающегося и в иной последовательности. Проведенные ранее исследования доказали, что на каждой стадии становления субъектности формируется способ выполнения учебных действий [3, 4]. Поэтому нами была поставлена цель исследования — получить эмпирическое подтверждение согласованности уровней стадий становления субъектности, а также установить взаимосвязь с экзистенциальным компонентом самопонимания обучающихся среднего профессионального образования. В качестве гипотезы исследования выступило предположение, что показатели выраженности стадий становления субъектности обладают внутренней согласованностью и взаимосвязаны с экзистенциальным компонентом самопонимания обучающихся среднего профессионального образования.

Материалы и методы. Эмпирическое пилотажное исследование проводилось на выборке обучающихся очной формы обучения инженерной направленности третьего курса профессионального колледжа в количестве 18 человек, все юноши. Для проведения исследования были выбраны следующие методики: 1. Опросник стадий становления субъектности студентов ОСС-С4 [5]; 2. Тест «Смысложизненные ориентации» (методика СЖО) Д. А. Леонтьева; 3. Модифицированный вариант методики диагностики уровней стадий становления субъектности на основе методики самооценки Дембо — Рубинштейна [6]. Доказательство гипотезы осуществлялось с помощью корреляционного анализа (коэффициент корреляции тау-Кендалла) с использованием пакета STATISTICA 10.0.

Результаты. Наибольший актуальный (76) и возможный (81,5) уровень выраженности стадий субъектности наблюдается в стадии «Творец», идеальный уровень (86,2) — в стадии «Субъект мотивации», т. е. для студентов характерно творческое самовыражение,

при этом процесс обучения становится образцовым при постановке и формулировании цели обучения. Наименее выражены в актуальном и возможном уровнях стадия «Критик» (65,2 и 68,4), в идеальном уровне — стадия «Подмастерье» (75,5), для студентов критическое оценивание действий одноклассников не является приоритетным в текущий момент обучения, а также повторение действий-образца неважно для идеального процесса обучения. При измерении внутренней согласованности были получены следующие корреляции. Актуальный уровень стадий становления выявил взаимосвязи со стадиями «Наблюдатель» (0,394), «Подмастерье» (0,486), «Ученик» (0,382), «Критик» (0,387) и «Творец» (0,486). Выявлены взаимосвязи идеального уровня стадий «Субъект мотивации» (0,411), «Наблюдатель» (0,571), «Критик» (0,389), «Подмастерье» (0,354), «Ученик» (0,478) и «Мастер» (0,406). Идеальный процесс обучения возможен и без творческой составляющей. Возможный уровень стадий показал взаимосвязи высших стадий «Мастер» (0,382) и «Творец» (0,548) и стадий «Наблюдатель» (0,512), «Подмастерье» (0,382), «Ученик» (0,412), «Критик» (0,432). Студенты испытывают некоторое затруднение в самостоятельной постановке цели обучения. Таким образом, мы наблюдаем в каждом из возможных уровней внутреннюю согласованность стадий в экпсихологической модели. При анализе актуального смыслового состояния были получены прямые корреляции актуального и возможного уровней стадии «Критик» (0,532 и 0,533), возможного уровня стадий «Мастер» (0,492). Также была получена обратная взаимосвязь актуального смыслового состояния и возможного уровня стадии «Наблюдатель» (-0,592). Студенты осмысленно подходят к постановке и формулировании цели учебного действия, замечая ошибки одноклассников, при этом уверены в своих собственных способностях выполнения учебных действий. Они чувствуют себя комфортно в плане осмысленности учебной деятельности и самостоятельности собственных действий, удовлетворены результатом выбранной специальности, ясно представляют свои цели в будущем, вместе с этим при формировании действий-образца у них уменьшается контроль за событиями в учебной жизни. Анализ экзистенциального понимания стадий становления субъектности показал взаимосвязь со стадией «Творец» (0,407),

что говорит об эмоциональной включенности творческого подхода к обучению.

Заключение. Методика Дембо — Рубинштейн для определения уровней стадий становления субъектности обладает внутренней согласованностью шкал. Стадии становления субъектности актуального и возможного уровней взаимосвязаны с актуальными смысловыми состояниями самопонимания. Выявлена взаимосвязь экзистенциального проживания стадии субъектности «Творец». Учебный процесс способствует самопониманию, происходит осмысление условий объективной реальности и идентификации себя как субъекта деятельности.

Библиографические ссылки

1. *Знаков В. В.* Самосознание, самопонимание и понимающее себя бытие. Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 65–74.

2. *Панов В. И.* Этапы овладения профессиональными действиями: экопсихологическая модель становления субъектности // Вестн. Моск. ун-та. Серия 14: Психология. 2016. № 4. С. 16–25.

3. *Акимов И. Б.* Взаимосвязь стадий становления субъектности и способов выполнения учебных действий, обучающихся среднего профессионального образования // Вестн. Самар. гум. академии. Серия «Психология». 2020. № 2 (28). С. 39–47.

4. *Акимов И. Б.* Актуальное смысловое состояние в понимании стадий становления субъектности обучающихся среднего профессионального образования // Вестн. Самар. гум. академии. Серия «Психология». 2021. № 1 (29). С. 65–75.

5. *Панов В. И., Капцов А. В., Колесникова Е. И.* Методика оценки стадий субъектности участников образовательного процесса // Эффективность личности, группы и организации: проблемы, достижения и перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. М. : КРЕДО, 2017. С. 294–296.

6. *Капцов А. В., Волкова Е. С.* Пилотажное исследование актуального, идеального и возможного уровней стадий становления субъектности старшеклассников // Вестн. Самар. гум. академии. Серия «Психология». 2022. № 1 (31). С. 104–118.

В. А. Акмаев

*Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Пермь, Россия*

ТЕХНОПСИХОСОЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ РОБОТА КАК ОБЪЕКТА СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ВОСПРИЯТИИ ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена теоретическому анализу составляющих характеристик робота, которые отражаются в восприятии человека при взаимодействии с роботизированными системами. Данные характеристики разделены на технические, социальные и психологические. Предложена технопсихосоциальная модель робота в восприятии человека. Данная модель позволяет оценить многоаспектность робота в социальном и психологическом пространстве человека.

Ключевые слова: робот, роботопсихология, восприятие роботов, взаимодействие человека и робота, технопсихосоциальная модель.

Vladislav A. Akmaev

*Perm State national Research University
Perm, Russia*

TECHNOPSYCHOSOCIAL MODEL OF A ROBOT AS AN OBJECT OF SOCIAL INTERACTION IN HUMAN PERCEPTION

The article is devoted to the theoretical analysis of the components of robot characteristics. These characteristics are reflected in the person's perception during human-robot interaction. These characteristics are divided into technical, social and psychological and integrated to technopsychosocial model of a robot in human perception. This model allows to evaluate the multidimensionality of the robot in the social and psychological space of a human.

Keywords: robot, robot psychology, perception of robots, human-robot interaction, technopsychosocial model.

Введение. Жизнь современного человека невозможна без использования информационных технологий. Робототехника является одним из активно развивающихся направлений технологической сферы производства. Внедрение роботов в общественную жизнь обусловлено стремлением человека оптимизировать труд. В последние годы в связи с распространением COVID-19 возникает острая потребность использования дистанционных и роботизированных технологий, которые препятствуют распространению инфекции. Так стали появляться роботы, которые измеряют температуру и выполняют подобные медицинские или консультативные функции в социальной сфере. В этой связи становится актуальным вопрос о готовности людей к внедрению роботизированных технологий в повседневность, о восприятии и отношении людей к роботам.

Робот представляет собой материальный объект, внешний вид которого неразрывно связан с теми функциями, которые робот выполняет. Так, например, робот-пылесос имеет щетки для уборки, а робот-консультант имеет динамики и микрофон. В этом сущность технической составляющей робота.

Существуют различные классификации роботов в зависимости от критерия выделения классов. В мировом сообществе выделяют два класса роботов в зависимости от сферы применения: промышленные (производственная сфера) [1] и сервисные (социальная сфера) роботы [2]. По способу управления выделяют программных роботов (управляются заданной программой), адаптивных (имеют возможность перепрограммироваться в зависимости от факторов окружающей среды) и интеллектуальных (обладает возможностью принимать решения в распознаваемой им сложной обстановке) роботов [3]. По сфере применения среди сервисных роботов можно выделить роботов для сферы услуг, роботов для военной сферы и сферы чрезвычайных ситуаций, а также роботов в сфере космического применения.

По степени близости внешнего вида робота к человеческому виду можно выделить механических роботов, зооморфных роботов, гуманоидных и антропоморфных роботов. Механические роботы во многом представлены классом промышленных роботов или сер-

висных роботов, не способных к коммуникации. Зооморфные роботы своим внешним видом напоминают животных. Гуманоидный робот похож на человека по своему «анатомическому» строению, но не является копией человека. Корпус такого робота скорее всего не имитирует кожу, а на голове отсутствует подобие волос. Часто части «лица» таких роботов представлены экраном или светодиодами. Антропоморфный робот близок по своему внешнему виду к человеку: имитированы кожа, волосы, мимика.

Помимо технических характеристик, робот наделяется социальным статусом и социальной ролью. Интересен вопрос социального положения робота по отношению к человеку: подчиненное, равное и главенствующее положение [4]. Социальный статус «ниже человека» представлен системами высокоточных промышленных операций, микророботами, экзоскелетами, противопожарными системами и др. Социальный статус «наравне с человеком» представлен роботами-компаньонами для пожилых, массажистами, официантами, продавцами, поварами, домработницами. Социальный статус выше человека — интеллектуальные системы анализа массивов данных и принятия сложных решений — «интеллектуальный пилот» — система управления самолетом.

Н. Н. Зильберман указывает на склонность человека одушевлять предметы, приписывая им человеческие свойства. Автор обращает внимание на то, что в некоторых сферах у роботов, находящихся в статусе «выше человека», осуществление функций руководства, планирования и анализа получается лучше, чем у человека [5]. Усиливается социальная роль роботов в обществе, например в сфере заботы и ухода за человеком. В исследовании Марсунбул большая часть испытуемых положительно относится к тому, чтобы роботы ухаживали за больными и пожилыми людьми, однако заботу о младенцах и детях роботам доверить не готовы. Также расширяется вопрос о сексуальном взаимодействии между роботом и человеком, что может повлечь за собой и развитие психологической и юридической практики в сфере робототехники [6].

Наряду с техническими и социальными аспектами робота разработчиками моделируются «психические процессы и свойства» робота и особенности его «личности». Развивается имитация фи-

зиологических процессов и феноменов высшей нервной деятельности в аспектах темперамента и эмоций робота. Моделируются психомоторные особенности робота, которые отражают «экстраверсию — интроверсию» и особенности функционирования «нервной системы» [7].

Также самим людям присуща тенденция к очеловечиванию окружающего. Так, гендерная стереотипизация действует и в отношении антропоморфных роботов, поскольку люди характеризуют робота с мужеподобными чертами как «более деятельного», чем женоподобного, имеющего длинную прическу [5]. Также показано, что мужчины более позитивно относятся к роботам и связывают работу с ними с трудовой деятельностью и социальным статусом, тогда как женщины — с упрощением повседневных бытовых задач.

Таким образом, восприятие человеком робота может быть изучено при помощи технопсихосоциальной модели робота, содержащей три системообразующих компонента:

- технические, механические характеристики (форма, тип и другие технические характеристики робота);
- социальные характеристики (социальный статус и роль робота);
- психологические проявления (особенности поведения и общения робота, его эмоции и др.).

Библиографические ссылки

1. International federation of robotics // Industrial robots : [сайт]. Франкфурт, 2019. URL: <https://ifr.org/industrial-robots> (дата обращения: 29.04.2022).
2. International federation of robotics // Service robots : [сайт]. Франкфурт, 2019. URL: <https://ifr.org/service-robots> (дата обращения: 29.04.2022).
3. Добрынин Д. А., Карпов В. Э. Моделирование некоторых форм адаптивного поведения интеллектуальных роботов // Информ. технологии и вычислит. системы. 2006. № 2. С. 45–56.
4. Методология проведения исследования восприятия культурного интерфейса социального робота / Н. Н. Зильберман, И. А. Куликов, А. В. Слободская и др. // Гум. информатика. 2014. № 8. С. 93–98.
5. Зильберман Н. Н. Обзор исследований восприятия социального робота в статусе выше человека // Гум. информатика. 2017. № 13. С. 30–38.

6. *Morsünbül, Ü.* Human-robot interaction: How do personality traits affect attitudes towards robot? // Journal of Human Sciences. 2019. № 16(2). P. 499–504.

7. *Шевченко А.И., Сальников И.С., Сальников Р.И.* Задачи и вопросы экспериментального поиска алгоритмов интеллектуального творческого процесса человека как прототипа машинного интеллекта // Искусственный интеллект. 2008. № 3. С. 6–17.

В. Д. Альперович

*Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия*

«ОБРАЗ МИРА» И СИТУАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТА СО «СВОИМИ» И «ЧУЖИМИ» ЛЮДЬМИ В НАРРАТИВАХ

Применен сравнительный теоретический социально-психологический анализ деятельностного, психосемантического и иных подходов к изучению феномена «образ мира» в российской и зарубежной психологии и интерпретация результатов эмпирических исследований автора. Представлена авторская нарративная модель анализа взаимодействия с другими людьми в изменчивом «образе мира» современной молодежи. Возможности нарративного анализа представлений субъекта о «своих» и «чужих» людях, «врагах» и «друзьях» в его «образе мира» показаны на примере эмпирических исследований автора.

Ключевые слова: социальные представления, ментальные репрезентации, нарратив, «образ мира», транзитивное общество.

Valeriya D. Alperovich

*Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia*

“WORLD IMAGE” AND SITUATIONS OF INTERACTIONS BETWEEN THE SUBJECT, “ALIENS” AND “FRIENDS” IN NARRATIVES

We applied the comparative theoretical psychosociological analysis of approaches to the study of the phenomenon «world image» in the foreign and the Russian psychology and interpretations of author’s empirical researches. Author’s narrative model of analysis of interactions with other persons in dynamic “world image” of modern young people was demonstrated. Possibilities of narrative analysis of representations about “aliens” and “friends” in the personal “world image” were considered on the example of author’s empirical researches.

Keywords: social representations, mental representations, narrative, “world image”, transitive society.

Введение. Проблематика «образа мира» актуальна в условиях транзитивности, т. е. неопределенности и быстрой изменчивости социокультурной ситуации [1; 2], поскольку этот феномен интегрирует представления субъекта о различных социальных объектах, регулирует индивидуальные поведенческие стратегии. В отечественной психологии для исследования «образа мира» в рамках психосемантического и деятельностного подходов применяются методики «Шкала базисных убеждений» Р. Янофф — Бульман (в адаптации М. А. Падун и А. В. Котельниковой), «Социальные верования» Дж. Даккита и «Семантический дифференциал». Социальные представления в понимании С. Московиси и других французских психологов о значимых общественных явлениях и процессах включают системы ментальных репрезентаций. Отношения личности к себе и с иными партнерами по общению, концептуальные системы в сознании человека выражаются в ментальных репрезентациях как когнитивных системах. Ментальные репрезентации составляют «образ мира», обеспечивая во взаимодействии с другими людьми его интерпретационный потенциал относительно происходящего в окружающем мире.

Материалы и методы. Определение теоретико-методологических оснований исследования динамики «образа мира» личности стало целью нашего теоретического исследования. Когнитивные структуры, обеспечивающие функционирование «образа мира» личности и выраженные в биографических нарративах, выступили предметом исследования. Задачи исследования заключались в сравнении концептуальных моделей субъективного «образа мира»; в выявлении особенностей когнитивных структур в нарративах респондентов об их «мире» и общении со «своими» и «чужими» людьми. Применены следующие методы: интерпретация результатов авторских эмпирических исследований и теоретический сравнительный анализ подходов к феномену «образ мира». Новые социально-экономические, дискурсивные феномены, контексты и практики, в т. ч. пандемия коронавируса, интерпретируются субъектом посредством биографических нарративов, которым посвящены исследования зарубежных [3] и российских [4; 5] психологов. «Типичные», фиксированные во фреймовых структурах, и «нетипичные» для

субъекта жизненные ситуации и явления отражаются в нарративе как последовательности взаимосвязанных событий. По мнению автора, анализ нарративов, перманентно создаваемых в обыденном общении, возможно применить для изучения изменчивости «образа мира» в сознании личности. Трансформация ментальных репрезентаций и социальных представлений индивидуального и коллективного субъектов о других людях в различных ипостасях привлекает внимание психологов в ситуации социальной транзитивности.

Результаты. Мы выполнили нарративный анализ ситуаций взаимодействия субъектов с окружающими в качестве «своих» и «чужих», «врагов» и «друзей». 140 респондентов (сотрудники различных предприятий г. Ростова-на-Дону и студенты Южного федерального университета) в возрасте 25–35 лет составляли рассказы об их «мире». Далее к ним были применены разработанные нами параметры нарративного анализа и методы математической статистики [6]. Сделаны выводы о том, что в нарративах участников исследования представлены четыре типа «образа мира». По мнению российских психологов, коллективная память и система ценностей влияют на содержание «ядерных» компонентов социальных представлений [7]. В соответствии с этим положением, нарративы респондентов отражают индивидуализированные и стереотипизированные, «фреймированные», компоненты их жизненного опыта общения с «врагами» и «друзьями»; в нарративах проинтерпретированы социальные феномены, в т. ч. взаимодействие со «своими» и «чужими» партнерами. Разнообразие образов этих партнеров обеспечивает диапазон ментальных репрезентаций, составляющих социальные представления. Изменения представлений участников исследования демонстрируют их рассказы о значимых жизненных событиях.

Заключение. На примере авторских эмпирических исследований показаны возможности нарративного анализа представлений личности о «своих» и «чужих» людях, «врагах» и «друзьях» в его «образе мира». Раскрыта авторская нарративная модель анализа взаимодействия субъекта с партнерами по общению в его «образе мира». Уточнены взаимосвязи «образа мира» с фреймами и ментальными репрезентациями в социальном познании.

Библиографические ссылки

1. Специфика становления идентичности детей и подростков в ситуации транзитивности / А. Н. Аянян, А. Н. Голубева, Т. Д. Марцинковская и др. // Псих. исследования. 2016. Т. 9, № 50. С. 5. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n50/1356-ayanyan50.html>

2. Дубовская Е. М., Киселева М. А. Социальная транзитивность как фактор формирования ценностной структуры в юношеском возрасте // Псих. исследования. 2018. Т. 11, № 60. С. 11. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n60/1605-dubovskaya60.html>

3. Heilferty C. M., Phillips L. J., Mathios R. Letters from the pandemic: Nursing student narratives of change, challenges and thriving at the outset of COVID-19 // Journal of Advanced Nursing. 2021. № 77 (8). P. 3436–3445. DOI 10.1111/jan.14862

4. Радина Н. К., Поршнев А. В. Стратегии (не)сопротивления в нарративах о трудностях: становление «подчиненного субъекта» // Соц. психология и общество. 2021. Т. 12, № 3. С. 151–169. DOI: 10.17759/sps.2021120310

5. Чудиновских М. В., Федорова А. Э., Меньшикова М. С. Переход к дистанционной работе в условиях пандемии: опыт межстранового нарративного анализа // Вестн. Омск. ун-та. Серия: Экономика. 2021. Т. 19, № 1. С. 32–40. DOI 10.24147/1812–3988.2021.19(1).32–40

6. Альперович В. Д. Особенности интерпретативных репертуаров восприятия других людей в индивидуальных «образах мира» // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2021. Т. 10, № 3 (39). С. 229–239. DOI: 10.18500/2304-9790-2021-10-3-229-239. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46616542>

7. Александров Ю. И., Александрова Н. Л., Харламенкова Н. Е. Субъективный опыт: личностное и социокультурное // Человек. 2011. № 2. С. 104–113.

ЦЕННОСТИ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

Осуществлен сравнительный анализ ценностей и ценностных ориентаций студентов, будущих педагогов разных поколений. Выявлено, что ценности, которые относятся к общечеловеческим, занимали и занимают ведущие позиции у студентов как в конце XX века, так и в настоящее время. В целом данные феномены подвержены незначительным изменениям, поскольку, являясь элементами сознания и сформировавшись в определенном возрасте, они приобретают относительно устойчивый характер.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, личность, профессионал, педагог.

Larisa N. Antilogova

*Omsk State Pedagogical University
Omsk, Russia*

VALUES AND VALUE ORIENTATIONS OF FUTURE TEACHERS

The comparative analysis of values and value orientations of students, future teachers of different generations is carried out. It is revealed that the values that belong to the universal, occupied and occupy leading positions among students both at the end of the twentieth century and at the present time. In general, these phenomena are subject to minor changes, since, being elements of consciousness and formed at a certain age, they acquire a relatively stable character.

Keywords: values, value orientations, personality, professional, teacher.

Введение. Современное общество, претерпевая трансформацию всех сфер жизни, ориентируется на социально и личностно зрелых

граждан, высокопрофессиональных, умеющих взаимодействовать с другими людьми, нестандартно мыслить и находить решения в сложных ситуациях. Такие профессионалы особенно востребованы в образовании, где происходит формирование личности, стержнем которой является система ценностей и ценностных ориентаций, под которыми понимается «отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров» [1, с. 136].

Материалы и методы. Основу исследования составили философские идеи гуманизма, положения о биосоциальной сущности человека, его развитии и саморазвитии, профессиональном росте и направленности личности. В основу исследования были положены аксиологический и деятельностный подходы. Согласно первому, высшей ценностью в обществе является человек развивающийся, руководствующийся общечеловеческими ценностями в деятельности и общении с другими людьми; согласно второму, профессионал своего дела направлен на решение нестандартных задач, на создание новых знаний и использование их в практической деятельности.

Ведущими методами исследования стали анализ состояния и перспектив развития ценностных ориентаций личности, обобщение научных достижений в этом направлении. Для сбора эмпирических данных был использован метод опроса, в ходе которого респондентов спрашивали о возможности реализации ценностей в профессиональной деятельности. Кроме того, были использованы такие методы, как моделирование нестандартных профессиональных ситуаций, а также тестирование (тест М. Рокича «Ценностные ориентации») [2].

Результаты. Было установлено, что система ценностей и ценностных ориентаций, меняясь по мере развития человека и получения им образования, не претерпевает кардинальных преобразований.

Был проведен сравнительный анализ доминирующих ценностей у студентов ОмГПУ, который был получен с помощью методики М. Рокича 20 лет назад, с современными данными. В исследовании принимало участие 236 студентов старших курсов разных факультетов.

тетов в 1999 году и 215 студентов — в 2019 году. В первом случае в качестве ценностей, занявших высокие ранговые позиции, были здоровье, материально обеспеченная жизнь, уверенность в себе, наличие хороших и верных друзей; низкие позиции заняли красота природы и искусства, счастливая семейная жизнь, творчество (терминальные ценности). Среди инструментальных ценностей доминирующие позиции заняли независимость, твердая воля, самоконтроль; низкие — высокие запросы, исполнительность, непримиримость к недостаткам, рационализм, чуткость, терпимость, честность.

Спустя 20 лет мы повторили исследование и получили такие результаты.

Анализ терминальных ценностей показал, что здесь ведущие позиции принадлежат таким ценностям, как здоровье, счастливая семейная жизнь, любовь, материально обеспеченная и активно деятельная жизнь, творчество, интересная работа, уверенность в себе. Низкие позиции заняли такие терминальные ценности, как красота природы и искусства, счастье других, развлечения, общественное признание.

Среди инструментальных ценностей главенствующие позиции заняли такие ценности, как воспитанность, образованность, независимость, ответственность, терпимость, смелость в отстаивании своего мнения. Низкие позиции заняли такие инструментальные ценности, как непримиримость к недостаткам, высокие запросы, исполнительность, рационализм.

Сравнение результатов двух исследований говорит о том, что есть некоторая устойчивость в ценностных ориентациях студентов. Те ценности, которые можно отнести к общечеловеческим, например здоровье, занимало и занимает ведущую позицию как в конце XX века, так и в настоящее время, поскольку без здоровья, по мнению студентов, невозможен ни профессиональный рост, ни самореализация [3]. Материально обеспеченная и активная деятельная жизнь также занимает устойчивую позицию в приоритетах студентов, поскольку наличие данной ценности обеспечивает стартовую площадку для реализации других ценностей, таких, например, как уверенность в себе, развитие, творчество. Существенные изменения

произошли у студентов в иерархии инструментальных ценностей, где главенствующие позиции стали занимать воспитанность, образованность, независимость, ответственность, терпимость, смелость в отстаивании своего мнения. Это связано, возможно, с произошедшими за 20 лет изменениями в культурной и образовательной политике нашего государства. Ориентация на компетентного, образованного профессионала, независимого в своих взглядах, способного отстаивать свое мнение, в то же время терпимого к инакомыслию становится центральным моментом в образовании. Однако в иерархии инструментальных ценностей, занимавших низкие позиции ранее, практически не произошло изменений. Здесь по-прежнему лидируют исполнительность, непримиримость к недостаткам, рационализм. По-видимому, ориентируясь на творчество как на преобразование окружающего мира и самих себя, студенты полагают, что здесь главное привнести что-то новое, согласуемое с духом времени. Что касается борьбы с недостатками как важной ценности в продвижении общества вперед, то студенты, видимо, думают, что они мало что могут изменить в этом направлении, отсюда и не включают данную ценность в разряд приоритетных. Рационализм как ценность, казалось бы, должна быть включена студентами в перечень главенствующих, поскольку связана с познанием — основной деятельностью студентов, но здесь, видимо, тот возрастной период, когда эмоциональность доминирует над рациональностью.

Заключение. Таким образом, сравнительный анализ данных демонстрирует, что ценности и ценностные ориентации студентов подвержены не столь значительным изменениям. На протяжении длительного времени многие из них остаются неизменными, что объясняется тем, что эти феномены являются элементами сознания, которое, сформировавшись в определенный возрастной период, приобретает относительно устойчивый характер.

Библиографические ссылки

1. *Алексеев В. Г.* Ценностные ориентации личности и проблема их формирования. М. : Речь, 1979. 232 с.

2. *Рокич М.* Методика «Ценностные ориентации» // Большая энциклопедия психологических тестов / авт.-сост. А. А. Карелин. М. : Эксмо, 2009. С. 26–28.

3. Ценностные ориентации и нравственная активность будущего педагога // Ценностно-смысловые ориентиры деятельности педагога в условиях цифрового общества : монография / С. Г. Алексеев, Т. Ю. Алексеева, Л. Н. Антилогова и др. ; под общ. ред. Н. В. Чекалевой. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2022. С. 4–16.

Н. В. Антонова

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Москва, Россия

ПСИХОЛОГИЯ КОУЧИНГА (COACHING PSYCHOLOGY): ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Анализируются особенности и направления развития новой дисциплины «Психология коучинга» (Coaching psychology), а также ее место среди других психологических дисциплин. Выделены основные направления в рамках психологии коучинга, проанализированы основные полученные в исследованиях результаты. Предлагаются направления дальнейших исследований на российских выборках. Делается вывод о том, что данная область исследований является перспективной и поможет вывести коучинг как помогающую практику на новый уровень, сделав ее доказательной и воспроизводимой.

Ключевые слова: психология коучинга, психологические механизмы коучинга, эффективность коучинга, подходы коучинга, техники коучинга.

Natalia V. Antonova

National Research University

Higher School of Economics

Moscow, Russia

COACHING PSYCHOLOGY PERSPECTIVES

The features and directions of development of the new discipline Coaching psychology are analyzed, as well as its place among other psychological disciplines. The main directions within the framework of the psychology of coaching are identified, the main results obtained in the research are analyzed. Directions for further research on Russian samples are proposed. It is concluded that this area of research is promising and will help bring coaching as a helping practice to a new level, making it evidence-based and reproducible.

Keywords: Coaching psychology, psychological mechanisms of coaching, effectiveness of coaching, approaches of coaching, techniques of coaching.

Введение. Коучинг как помогающая практика появился в 80-х годах, однако до сих пор не утихают споры по его определению. Коучинг возник как реакция на потребности людей в новых изменяющихся условиях в помогающей практике, способствующей развитию и результативности, а не только преодолению проблем. В сознании масс коучинг часто отождествляется с откровенно ненаучными или даже мошенническими практиками. Однако потенциал коучинга в значительной степени недооценен, в частности из-за отсутствия достаточной теоретической, методологической и доказательной базы. Тем не менее последние исследования коучинга, проводимые преимущественно англоязычными исследователями, позволяют выделить вполне научные основания и превратить коучинг в evidence based (научно обоснованную) практику. Такая область исследований сформировалась в последние годы в основном благодаря усилиям британских и австралийских психологов и коучей под руководством профессора Энтони Гранта [1].

Психология коучинга как научная дисциплина. Coaching Psychology (психология коучинга) сформировалась как прикладная область психологии в 2002 году, когда Стефен Пальмер, сотрудничавший в этой области с Э. Грантом, выступил на ежегодной конференции Британской психологической ассоциации с идеей создания специальной группы (Special interest Group) психологии коучинга (Coaching Psychology) в рамках подразделения консультативной психологии (Division of Counselling Psychology, DCoP). Аналогичная группа Coaching Psychology Interest Group была создана в рамках Австралийского психологического общества. Затем был основан Форум психологии коучинга (Coaching Psychology Forum), который проводил конференции и воркшопы по психологии коучинга. В 2004 году был основан первый специализированный научный журнал по психологии коучинга The Coaching Psychologist. Специальные выпуски по психологии коучинга стали появляться и в других журналах: Occupational Psychology, Selection & Development Review и других. В 2004 году также был создан журнал International Coaching Psychology Review [2].

Грант и Пальмер описали психологию коучинга как прикладную область психологии, направленную на повышение психологического

благополучия и результативности в сфере личной жизни и работы. Психология коучинга опирается на модели коучинга, технологии обучения взрослых и психологические подходы. Таким образом, психология коучинга объединяет различные подходы к коучингу как помогающей практике на основе теории психологии и педагогики (андрагогики). Стефен Пальмер определил психологию коучинга как отрасль прикладной психологии, которая фокусируется на повышении производительности, стимуляции развития и благополучия людей [3].

Объект психологии коучинга — коучинг как помогающая практика для поддержки и фасилитации развития и роста клинически здоровых людей. Предмет психологии коучинга — психологические механизмы эффективности коучинга.

Основные направления и результаты исследований:

1) Исследования эффективности и факторов эффективности коучинга.

2) Исследования коучинга в организации.

3) Разработка моделей коучинга: SPACE, PRACTICE и других, которые могут служить основой для стандартизации коучинговой практики.

4) Сравнительный анализ отдельных подходов в коучинге.

5) Сравнительный анализ коучинга и других помогающих практик (консультирования, психотерапии и др.).

В частности, получено:

1. Выделены три ключевых фактора эффективности коучинга: а) характер отношений между коучем и коучи; б) самооффективность коучи; в) готовность коучи к изменениям (мотивация к изменениям) [4].

2. Разработаны модели и методы оценки эффективности коучинга, например, Clocktower Model of executive coaching evaluation [5]. Подробнее проблема оценки эффективности коучинга проанализирована в нашей статье [6].

3. Рассмотрена эффективность различных подходов и сделан вывод о том, что наибольшую доказательность в настоящее время имеет когнитивно-поведенческий коучинг [6]. Когнитивно-по-

веденческий коучинг имеет разработанные модели и протоколы, позволяющие оценивать эффективность.

Исследования коучинга, однако, имеют ограничения. В первую очередь, эти ограничения связаны со сложностью организации исследования, так как коучинг проводится длительное время с одним клиентом, и собрать репрезентативную выборку достаточно сложно. Во-вторых, создать единообразные условия в разных кейсах довольно затруднительно, так как каждый клиент и его запрос уникальны и индивидуальны. В-третьих, сложно контролировать побочные переменные, так как на изменения могут повлиять множество факторов, не относящихся к коучингу. Поэтому большинство исследований проведены не на небольших выборках, используются преимущественно опросные методы и интервью. Есть попытки разработать количественный инструментарий для оценки эффективности коучинга (например, International Coaching Effectiveness Survey), но и эти опросники базируются на самооценке коучи.

Перспективы развития психологии коучинга

Джонатан Пассмор, один из активных исследователей коучинга, заключает, что к настоящему времени исследования коучинга вышли из «детского» периода и вступили в «подростковый», что означает, что установлены некоторые закономерности, указывающие на наличие эффекта от коучинга [7]. Однако конкретные механизмы воздействия коучинговой практики изучены недостаточно.

Основными перспективными направлениями исследований в области психологии коучинга могут быть:

- 1) Выявление психологических и психофизиологических механизмов воздействия различных техник коучинга.
- 2) Сравнительный анализ эффективности различных подходов и техник коучинга.
- 3) Разработка протоколов проведения коучинга в различных подходах, обеспечивающих возможность оценки и воспроизводимости результатов.
- 4) Соответствие типа коучинга (технологии) типу клиента; а также типу запроса.
- 5) Разработка методологии оценки эффективности коучинга.
- 6) Межкультурные аспекты применения коучинга.

Заключение. Психология коучинга представляется перспективной областью исследований, которая пока практически не представлена в России. Развитие психологии коучинга поможет вывести коучинг как помогающую практику на новый уровень, сделав ее доказательной и воспроизводимой.

Библиографические ссылки

1. *Grant A.* Developing an agenda for teaching coaching psychology // *International Coaching Psychology Review*. 2011. № 6(1). P. 84–99.

2. *Grant A. M., Palmer S.* Coaching Psychology. Workshop and meeting held at the Annual Conference of the Division of Counselling Psychology // *British Psychological Society, Torquay*, 2002. 18 May.

3. *Grant A.* It takes time: A stages of change perspective on the adoption of workplace coaching skills // *Journal of Change Management*, 2010. Vol. 10, № 1. P. 61–77.

4. *Boze G., Jones R. J.* Understanding the factors that determine workplace coaching effectiveness: A systematic literature review // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2018. № 27(3). P. 342–361.

5. *Lawrence P., Whyte A.* Return on investment in executive coaching: a practical model for measuring ROI in organizations // *Coaching: An International Journal of Theory, Research and Practice*. 2014. Vol. 7, № 1. P. 4–17. DOI: 10.1080/17521882.2013.811694

6. *Антонова Н. В., Наумцева Е. А.* Проблема эффективности коучинга: исследования в рамках психологии коучинга (coaching psychology) // *Современная зарубежная психология*, 2022. Т. 11, № 1. С. 94–103. DOI: 10.17759/jmfp.2022110109

7. *Passmore J., Lai Y.* Coaching psychology: exploring definitions and research contribution to practice? // *International Coaching Psychology Review*. 2019. Vol. 14, № 2. P. 69–83.

А. Г. Артамонова

Т. А. Воронцова

*Академия психологии и педагогики
Южного федерального университета
Ростов-на-Дону, Россия*

ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННЫХ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ И ИХ ОТНОШЕНИЕ К СВОЕМУ ВНЕШНЕМУ ОБЛИКУ КАК МАРКЕР ЕЕ ВОЗМОЖНОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ

В работе представлен анализ взаимосвязей между предполагаемой продолжительностью жизни, воспринимаемым возрастом и отношением к своему внешнему облику у молодых людей. Определяется средняя предполагаемая продолжительность жизни молодых людей в возрасте от 21 до 34 лет. Устанавливается корреляция между удовлетворённостью своим внешним обликом и предполагаемой продолжительностью жизни. Описываются значимые различия в параметрах отношения к своему внешнему облику у молодых мужчин и женщин.

Ключевые слова: возраст, воспринимаемый возраст, предполагаемая продолжительность жизни, внешний облик, отношение к внешнему облику.

Alena G. Artamonova

Tatiana A. Vorontsova

*Academy of Psychology and Educational Sciences
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia*

THE ESTIMATED LIFE EXPECTANCY OF MODERN YOUNG PEOPLE AND THEIR ATTITUDE TO THEIR APPEARANCE AS A MARKER OF ITS POSSIBLE DURATION

In the article presents an analysis of the relationship between life expectancy, perceived age and attitudes towards their appearance in young people. Determines the average life expectancy of young people aged 21

to 34. Correlations are established between satisfaction with one's appearance and life expectancy. Significant differences in the parameters of attitude to their appearance in young men and women are described.

Keywords: age, perceived age, estimated life expectancy, appearance, attitude to appearance.

Введение. В ряде зарубежных работ показано, что воспринимаемый возраст пожилых людей связан с риском общей смертности независимо от их хронологического возраста [1] является надежным биологическим маркером старения и позволяет предсказать выживаемость лиц в возрасте ≥ 70 лет [2]. Воспринимаемый возраст определяется как «возраст, приписанный человеку (объекту восприятия) другим человеком (субъектом восприятия, оценщиком) в результате восприятия его внешнего облика» [3, с. 450]. Воспринимаемый возраст молодых людей в связи с их биологическим возрастом и предполагаемой продолжительностью жизни практически не изучен. Продолжительность жизни современного человека постоянно увеличивается, ученые фиксируют старение населения как демографическую, социологическую и психологическую проблему. При этом продолжительность жизни мужчин и женщин различается в среднем на 10 лет: по последним данным ООН [4], ожидаемая продолжительность жизни российских женщин в 2019 году составила 77,54 года, мужчин — 66,81. Нас интересовало, какова предполагаемая (желаемая) продолжительность жизни современных молодых людей, которым доступны современные медицинские технологии продления активного периода жизни и омоложения внешнего облика, как она связана с их воспринимаемым возрастом и их отношением к своему внешнему облику. В рамках ценностного подхода к внешнему облику, развиваемому В. А. Лабунской и коллегами, одной из его основных функций выступает функция «выражения <...> социальной, социально-психологической сущности человека, его культурного статуса. Он указывает на поле желаний, возможностей, ценностей» [5, с. 39].

Целью настоящего исследования являлось изучение взаимосвязи между предполагаемой продолжительностью жизни, воспринимаемым возрастом и отношением к своему внешнему облику

у молодых людей в возрасте от 21 до 34 лет (относящихся к этапу жизненного пути «молодость» в классификации Д. Б. Эльконина [6]). В качестве гипотез исследования выступили предположения: 1) чем выше уровень удовлетворенности своим внешним обликом у молодых людей, тем выше цифры их предполагаемой (желаемой) продолжительности жизни; 2) коррелятом предполагаемой продолжительности жизни молодых людей в возрасте 21–34 года может выступать их воспринимаемый возраст.

Материалы и методы. В исследовании были использованы: 1) процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика» Т. А. Воронцовой [7]; 2) анкета «Самооценка возраста» Т. А. Воронцовой [7]; 3) анкета «Отношение к своему внешнему облику: удовлетворенность и обеспокоенность» В. А. Лабунской и Е. В. Капитановой [5]. Предполагаемая продолжительность жизни определялась с помощью ответа на вопрос: «До какого возраста планируете прожить?» Эмпирическим объектом исследования выступили 313 человек в возрасте от 21 до 34 лет (135 муж., 178 жен.); 114 человек из них (86 жен., 28 муж.) предоставили свои фотографии для оценки воспринимаемого возраста «оценщиками», в качестве которых в соответствии со стандартами изучения воспринимаемого возраста в мировой практике [7] выступили обычные люди, не-эксперты, в количестве от 20 до 40 человек (в различных сериях предъявления фотографий). Для проверки гипотез использован корреляционный анализ Спирмена.

Результаты. 1. Планируемая продолжительность жизни участников исследования колебалась от 34 до 120 лет ($M = 85,91$). Были получены также ответы («до пенсии», «сколько бог отмерил», «вечно», а также цифры, выходящие за максимально зафиксированную продолжительность жизни человека (ответы 140, 200, 300 лет), эти данные (24 % от основной выборки исследования) не учтены при подсчете среднего значения. Крайние значения от 34 до 67 лет и свыше 100 лет выбрали 4 и 17 % соответственно. У 55 % молодых людей предполагаемая продолжительность жизни варьируется от 70 до 99 лет ($M = 83$ года). 2. Обнаружена взаимосвязь между удовлетворенностью своим внешним обликом и предполагаемой продолжительностью жизни ($r = 0,178$, $p = 0,006$): молодые люди

с высоким уровнем удовлетворенности своим внешним обликом имеют более высокую предполагаемую продолжительность жизни. 3. Обнаруженная закономерность характерна скорее для мужчин ($r = 0,267$, $p = 0,007$), чем для женщин ($r = 0,079$, $p = 0,360$). 4. Обнаружены значимые различия в параметрах отношения к своему внешнему облику молодых мужчин и женщин: значимо различаются «обеспокоенность своим внешним обликом» (ср. ранг 1 гр. = 117,13; ср. ранг 2 гр. = 143,91; $Z = -2,839$; $p = 0,005$) и «стремление к совершенствованию своего внешнего облика» (ср. ранг 1 гр. = 110,12; ср. ранг 2 гр. = 149,54; $Z = -4,193$; $p = 0,000$). 5. Значимых различий удовлетворенности своим внешним обликом и предполагаемой продолжительности жизни у мужчин и женщин не обнаружено. 6. Воспринимаемый возраст (показатель разницы между хронологическим и воспринимаемым возрастом) не связан с предполагаемой продолжительностью жизни в возрастной группе 21–34 года, при этом он коррелирует с параметром «обеспокоенность своим внешним обликом» ($r = -0,323$, $p = 0,009$): чем больше обеспокоен человек своим внешним обликом, тем старше своих лет он выглядит.

Заключение. Полученные результаты сравниваются с данными, полученными на выборке людей, находящихся на этапе жизненного пути «зрелость», обсуждаются в контексте социальной психологии внешнего облика [5], современных концепций старения.

Библиографические ссылки

1. Uotinen V., Rantanen T., Suutama T. Perceived age as a predictor of old age mortality: A 13-year prospective study // Age and Ageing. 2005. V. 34. Issue 4. P. 368–372.
2. Perceived age as clinically useful biomarker of ageing: Cohort study / K. Christensen, M. Thinggaard, M. McGue et al. // BMJ (Online). 2009. V. 339. Issue 7735. Article number b5262. P. 1433.
3. Шкурко Т. А., Лабунская В. А. Почему мы выглядим моложе или старше своих лет: поиск психологических детерминант // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 450–457.
4. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division // World Population Prospects 2019, Online Edition. Rev. 1.

5. Социальная психология внешнего облика: теоретические подходы и эмпирические исследования : кол. монография / под науч. ред. В. А. Лабунской, Г. В. Серикова, Т. А. Шкурко. Ростов н/Д : Мини-Тайп, 2019.

6. Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психологического развития в детском возрасте // Вопр. психологии. 1971. № 4. С. 6–20.

7. Шкурко Т. А. Фотовидеопрезентации внешнего облика как метод изучения воспринимаемого возраста человека // Соц. психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 104–117.

**А. В. Астаева
К. И. Степанова**

*Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)
Челябинск, Россия*

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА НАРРАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Анализируется описание понятия нарратива в отечественной и зарубежной психологии и лингвистики. Уточняется необходимость и актуальность исследования сформированности нарратива в младшем школьном возрасте. Описываются нейропсихологические особенности сформированности устной речи у детей младшего школьного возраста, обучающиеся в общеобразовательной школе. Выявляются специфические особенности нарративной компетенции речи у детей в виде снижения автоматизации номинативной функции речи, снижения объема речевого высказывания, на фоне снижения произвольности и саморегуляции психической деятельности в целом.

Ключевые слова: нейропсихологическая оценка, нарратив, дети, младшего школьного возраста, речь.

**Alyona V. Astaeva
Kseniya I. Stepanova**

*South Ural State University (national research university)
Chelyabinsk, Russia*

NEUROPSYCHOLOGICAL ASSESSMENT OF NARRATIVE COMPETENCE OF PRIMARY SCHOOL AGE CHILDREN

The authors analyze the description of the concept of narrative in domestic and foreign psychology and linguistics. The necessity and relevance of the study of the formation of the narrative in primary school age is clarified. The neuropsychological features of the formation of oral speech in primary school-age children are described. The specific features of the narrative competence of speech in children of primary school age are revealed: a de-

crease in the automation of the nominative function of speech, a decrease in the volume of speech utterance, as well as a decrease in the self-regulation of mental activity.

Keywords: neuropsychological assessment, narrative, children, primary school age, speech.

Введение. Одной из современных проблем в исследовании развития детской речи является формирование повествовательной функция или нарративной компетенции.

Нарратив (от лат. *narrare*) — самостоятельно созданное повествование о некотором множестве взаимосвязанных событий, представленное читателю или слушателю в виде последовательности слов или образов. Следовательно, нарратив может включать в себя как описание событий, так и объяснение этих событий с опорой на субъективное мнение, то есть кроме логической структурированности устное монологическое высказывание включает в себя эстетичность, эмоциональность и ассоциативность.

В отечественной лингвистике нарратив и диалог — это первые структурные деления речи как таковой, то есть нарратив сопоставляется с монологической речью или является ее синонимом. Однако в зарубежной практике нарратив рассматривается как самостоятельный компонент речи, не привязанный к монологу или диалогу [1–4].

Актуальность данного исследования заключается в том, что отмечается активное развитие цифровой среды, в которую ребенок погружен достаточно большое количество времени уже с раннего возраста. Особенно значимым является оценка сформированности именно устной речи детей, так как от ее уровня и качества развития будет зависеть процесс овладения письмом и чтением, освоения учебной программы в целом.

Материалы и методы. В качестве основного метода исследования уровня сформированности высших психических функций была выбрана нейропсихологическая батарея Ж. М. Глозман и соавторов [5]. Отдельным компонентом оценивания устной речи была выбрана методика Н. Гагариной (Multilingual Assessment Instrument for Narrative) [6].

В исследовании приняли участие ученики первых классов МАОУ СОШ г. Челябинска, обучающиеся на общих основаниях и не имеющие отклонений в развитии (психических и неврологических расстройств). Выборку составили 95 детей 7 лет: 43 мальчика и 52 девочки.

Результаты. Для определения возрастных особенностей сформированности высших психических функций в младшем школьном возрасте было проведено комплексное нейропсихологическое исследование. Грубых нейропсихологических нарушений не выявлено, но практически у всех детей отмечаются специфические возрастные особенности развития: снижение номинативной функции, объема кратковременной памяти и недостаточность абстрактного мышления, а также снижение произвольного контроля и регуляции психической деятельности в целом, что свидетельствуют о возрастной несформированности лобно-височных отделов головного мозга, преимущественно слева.

Для оценки сформированности нарративной компетенции младших школьников было проведено исследование по отдельным пробам: пересказ текста, последовательные картинки (заданная и свободная последовательность). Большинство детей (68 %, или 65 человек) воспроизвели достаточный объем текста, но требовалась организующая помощь в виде единичных дополнительных вопросов по содержанию сюжета. При оценке лексического оформления пересказа 74 % детей (70 человек) не допустили ошибок, у остальных учащихся отмечались бедность активного словаря, вербальные замены, которые проявлялись в трудностях номинативного подбора и единичных заменах (веревка — «нитка», охотник — «те, кто ловят зверей», пробежала — «проскочила», галка — «кошка», спал — «сидел»). В целом дети передавали сюжет без каких-либо искажений, сохраняя заложенный в него смысл. При этом отмечаются как пропуск звеньев текста с их самостоятельным последующим воспроизведением, так и просто потеря частей текста или сюжета. Также наблюдаются незначительные искажения текста при описании скрытого смысла или вывода («льва убили», «мышь просто помогла один раз льву», «охотники просто проходили мимо»).

По результатам полученных данных при воспроизведении текста большинством детей (72 ребенка) были использованы грамматически правильно выстроенные предложения, однако встречались аграмматизмы и простые предложения с однообразным синтаксисом, пропуск отдельных смысловых единиц («мышь пробежала по льву пока он спал, и он хотел ее съесть; потом она убежала и пришли охотники») и фрагментарность в виде простого перечисления запомненного («там были мышь и лев, потом пришли охотники и она помогла»).

Нарушений при составлении рассказа по последовательным сюжетным картинкам у детей не наблюдалось, при этом отмечается достаточный уровень установления причинно-следственных связей, однако требовалась стимулирующая помощь в виде наводящих вопросов для самостоятельного исправления дефектов объяснения сюжета, что было вызвано и снижением уровня непосредственного воспроизведения материала на фоне недостаточной регуляции собственной деятельности в целом («девочке стало скучно смотреть телек одной, и она решила взять с собой куклу», «мальчик купался и потом не увидел носки», «мальчик пошел на глубину, и животные испугались»). Также отмечалось снижение автоматизации номинативной функции, что проявлялось в виде лексических замен (утки — «гуси», цапля — «аист», ракушка — «моллюск», «морская штучка», муха — «комар», малек — «рыбки-детки», телевизор — «телек», мальчик — «человек», «человечек»).

Выводы. Таким образом, устный нарратив младших школьников характеризуется нормативным уровнем развития. При этом отмечаются специфические особенности развития речи в виде бедности активного словаря, снижения номинативной функции, что в свою очередь затрудняет подбор слов для построения связанных распространенных высказываний и незначительно затрудняет коммуникацию. Также стоит отметить нарушение структуры повествования в виде пропуска смысловых единиц текста или сюжета, что может корректироваться самостоятельно, либо с помощью дополнительных вопросов.

Библиографические ссылки

1. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопр. философии. 2000. № 3. С. 29–42.
2. Попова Т. И. Нарратив и повествование: соотношение понятий // Вестн. БГУ. Язык, литература, культура. 2019. № 2. С. 46–50.
3. Oxford English Dictionary (online) // Oxford Learner's Dictionaries : [website]. URL: https://oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/narrative_1 (accessed: 22.01.2022).
4. Poster M. The Second Media Age. Cambridge: Polity Press, 1995. 200 p.
5. Глозман Ж. М., Соболева А. Е. Нейропсихологическая диагностика детей школьного возраста. М. : Изд-во «Смысл», 2013. 166 с.
6. Gagarina N., Klop D., Kunnari S., Gagarina N. MAIN: Multilingual Assessment Instrument for Narratives // ZAS Papers in Linguistics, 2012 : [website]. URL: <https://zaspil.leibniz-zas.de/article/view/414> (accessed: 22.01.2022).

Е. Л. Афанасенкова

О. С. Чмилевская

Сахалинский государственный университет

Южно-Сахалинск, Россия

ФИЛОСОФИЯ КАЙДЗЕН КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ПЕДАГОГА

В статье рассматриваются возможность применения философии кайдзен в качестве одного из инструментов профессиональной самореализации педагогов дошкольного образования. Использование этого инструмента для определения областей самореализации педагога в профессии; развития личностного потенциала; формирования устойчивой направленности на овладение профессиональными компетенциями. Выявляется потребность воспитателей к саморазвитию, уровень мотивации достижения успеха — избегания неудач, степень эмоционального выгорания.

Ключевые слова: инновация, философия кайдзен, профессиональная самореализация, саморазвитие, мотивация, эмоциональное выгорание.

Elena L. Afanassenkova

Oksana S. Chmilevskaya

Sakhalin State University

Yuzhno-Sakhalinsk, Russia

KAIZEN PHILOSOPHY AS A TOOL PROFESSIONAL SELF-REALIZATION OF THE TEACHER

The article discusses the possibility of applying the Kaizen philosophy as one of the tools of professional self-realization of preschool teachers. The use of this tool to determine the areas of self-realization of a teacher in the profession; the development of personal potential; the formation of a stable focus on mastering professional competencies. The need of educators for self-development, the level of motivation for achieving success — avoiding failures, the degree of emotional burnout is revealed.

Keywords: innovation, kaizen philosophy, professional self-realization, self-development, motivation, emotional burnout.

Введение. Актуальность вопроса профессиональной самореализации педагогических работников дошкольного образования (ДО) на сегодня очевидна. С начала 90-х гг. XX в. Россия начала интегрироваться в мировую экономику, что стало стартом для динамичных преобразований во многих сферах общественного устройства в том числе и национальном образовании. На современном этапе развития система российского образования нацелена на активное реформирование (Федеральные образовательные стандарты (ФГОС), профессиональные стандарты и т. п.), компьютеризацию, гибридное обучение, инновации и т. п.

Е. Ю. Усик отмечает, что в педагогической деятельности **инновация** — это процесс «создания, применения и распространения нового средства (новшества), которое удовлетворяет потребности человека и общества, вызывая при этом социальные и другие изменения» [1].

Однако ни одна инновация не будет иметь долгосрочный эффект без разработки и внедрения инструментов, направленных на поддержание эффективного функционирования процесса обеспечения соответствия педагогических работников ДО требований современного общества, отраженных в ФЗ «Об образовании в РФ» (2012), «Профессиональном стандарте педагога» (2013) и других базовых документах, согласно которым педагог должен соответствовать современным требованиям общества, что на сегодняшний день невозможно без личной заинтересованности специалиста в постоянном повышении своей квалификации и уровня профессиональной самореализации.

Опираясь на работы Е. Л. Афанасенковой, мы будем рассматривать **профессиональную самореализацию** как «активный, сознательный и целенаправленный процесс самореализации личности в профессиональной деятельности, определяемый общим уровнем ее саморазвития в совокупности реальных и потенциальных качеств, направленный на совершенствование ее личностного потенциала в выбранной сфере посредством развития профессиональных компетенций, где личность выступает как активный субъект деятельности, взаимодействия и саморазвития, а сам процесс профессиональной самореализации определяется не только

уровнем развития и степенью профессионализма специалиста, но социумом в целом и социально-профессиональной средой в частности» [2, с. 26].

Опираясь на работы Е. Л. Афанасенковой, В. В. Бойко, Т. И. Шамовой, Т. Элерса и др., отметим, что процесс профессиональной самореализации педагога непосредственно связан с такими ее компонентами, как мотивация деятельности, уровень саморазвития, склонность к эмоциональному выгоранию. При этом успешная профессиональная самореализация педагогов невозможна без соответствующей системы стимулирования.

В качестве одного из инструментов стимулирования потребности в продуктивной профессиональной самореализации педагогов ДО, мы рассматриваем философию кайдзен. Кайдзен (kaizen) означает «совершенствование». Исходя из определения М. Имаи, это «процесс непрерывного совершенствования личной, семейной, общественной и трудовой жизни» [3, с. 20]. Философия кайдзен включает в себя **пять основных компонентов**: *командная работа; постоянное саморазвитие сотрудников; нравственное положение в компании; кружки качества, предложения по улучшению.*

Понимая, что на начальном этапе сложно ввести все элементы философии кайдзен, в своем исследовании мы будем апробировать лишь трех из них: 1) командная работа; 2) постоянное саморазвитие сотрудников; 3) предложения по улучшению. Мы полагаем, что применение данных элементов философии кайдзен приведет к созданию оптимальных условий для повышения осознанности профессиональных целей, субъективно значимому определению областей для собственной профессиональной самореализации и развитию личностного потенциала педагогов в определенной перспективе. Это создаст условия для повышения уровня их профессионализма и обеспечения соответствия компетенциям профессионального стандарта и ФГОС ДО. Поэтому **целью** нашего исследования является создание и апробация тренинговой программы повышения уровня профессиональной самореализации воспитателей ДО, их компетентности посредством применения отдельных элементов философии кайдзен в процессе их психолого-педагогического сопровождения.

Материалы и методы. На первом этапе нашей работы с учетом нашего исследовательского интереса мы использовали следующий психодиагностический комплекс: 1) методика «Способность к саморазвитию» Т. И. Шамовой [4] с целью выявления способности педагогов ДО к саморазвитию как важному компоненту и условию профессиональной самореализации; 2) методика Т. Элерса «Мотивация к избеганию неудач» (МИН) [5, с. 630] и «Мотивация достижения успеха» (МДУ) [Там же, с. 626] для определения направленности педагогов на ту или иную мотивацию в педагогической деятельности; 3) методика «Диагностика уровня эмоционального выгорания» В. В. Бойко [Там же, с. 161], с целью определения уровня эмоционального выгорания и выраженности его симптомов.

Результаты. Для проведения первого диагностического среза мы провели исследование работников муниципального автономного дошкольного образовательного учреждения города Корсаков Сахалинской области, в котором приняло участие 28 педагогов. Все респонденты женщины, в возрастном диапазоне от 21 до 52 лет.

По результатам диагностики Т. И. Шамовой были получены следующие результаты: высокая способность к саморазвитию выявлена у 12 респондентов (42,9 %); средняя и близкая к низкой — у 16 оптантов (57,1 %).

Результатам по диагностикам Т. Элерса: 1) «Мотивация достижения успеха»: низкая МДУ установлена у 6 чел. (21,4 %); средняя — у 13 чел. (46,4 %); высокая — у 8 чел. (28,6 %); очень высокая — у 1 чел. (3,6 %); 2) «Мотивация к избеганию неудач»: низкая МИН определена у 9 чел. (32,1 %); средняя — у 13 чел. (46,4 %); высокая — у 5 чел. (17,9 %); очень высокая — у 1 чел. (3,6 %). Показатели по обоим методикам Т. Элерса, во-первых, согласуются между собой. Во-вторых, указывают на преобладание среднего уровня МДУ и МИН — по 13 чел. соответственно (46,4 %) от всей выборки. Высокие показатели по МДУ выявлены у 9 чел. (32,1 %), по МИН — у 6 чел. (21,4 %) по всей выборке. Следовательно, данная группа педагогов нуждается в стимулировании мотивации достижения успеха и коррекции мотивации избегания неудач в профессиональной деятельности.

Данные по диагностике В. В. Бойко имеют следующие результаты. По критерию «Напряжение»: не сложившийся симптом установлен у 17 чел. (60,7 %); складывающийся симптом — у 10 чел. (35,8 %); сложившийся симптом — у 1 чел. (3,6 %). По показателю «Резистенция»: не сложившийся симптом определен у 16 чел. (57,1 %); складывающийся симптом — у 10 чел. (35,8 %); сложившийся симптом — у 2 чел. (7,1 %). По фактору «Истощение»: не сложившийся симптом определен у 11 чел. (39,3 %); складывающийся симптом — у 11 чел. (39,3 %); сложившийся симптом — у 6 чел. (21,4 %). В целом данные по результатам диагностики на эмоциональное выгорание свидетельствуют о наличии у педагогов исследуемой группы высокого уровня эмоционального истощения — 17 чел. (60,7 %), достаточно высоких показателей симптомов резистенции и напряжения по всей выборке.

Заключение. Исходя из анализа первого диагностического среза, мы можем сделать вывод о том, что исследуемая группа педагогов ДО имеет недостаточный уровень сформированности направленности на саморазвитие, преимущественно среднюю мотивацию к достижению успеха, ярко выраженное эмоциональное истощение, которое в последствии может привести к профессиональной стагнации. Все это свидетельствует о том, что данная группа специалистов нуждается в психолого-педагогическом сопровождении для проведения коррекционной работы, и направленной на развитие у них потребности в продуктивной профессиональной самореализации. В частности, с использованием тренинговой программы, в рамках которой мы хотим использовать отдельные элементы философии кайдзен. По нашему мнению, данная работа не только повысит уровень профессиональной самореализации педагогов ДО, их профессиональную компетентность, но и позволит им соответствовать требованиям, отраженным в базовых нормативных документах Российской Федерации относительно системы образования.

Библиографические ссылки

1. Глоссарий современного образования / под общ. ред. Е. Ю. Усик. Харьков : Изд-во НУА, 2014. 532 с.

2. *Афанасенкова Е. Л.* Уровни развития профессиональной самореализации личности // Актуальные проблемы психологии личности : сб. науч. трудов / под науч. ред. Е. А. Казаевой. Екатеринбург : [б. и.], 2018. Вып. 15. С. 25–34.

3. *Имаи М.* Кайдзен. Ключ к успеху японских компаний. М. : Альпина Паблишер, 2021. 274 с.

4. *Шамова Т. И.* Управление образовательными системами: избранные труды. М. : ЦО «Перспектива», 2009. 272 с.

5. *Райгородской Д. Я.* Практическая психодиагностика. Методики и тесты : учеб. пособие. Самара : Изд. дом «БАХРАХ–М», 2001. С. 161–169; 626–632.

В. В. Бабенко

Д. В. Явна

Д. С. Алексеева

Южный федеральный университет

Ростов-на-Дону, Россия

РОЛЬ МОДУЛЯЦИЙ НЕЛОКАЛЬНОГО КОНТРАСТА В ОБНАРУЖЕНИИ ЛИЦ И ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОЛА

Проверяется гипотеза, что области с наибольшим приростом суммарного нелокального контраста содержат информацию, полезную для категоризации изображений. Гипотеза проверяется в задаче категоризации лиц по полу. Стимулы формировались с помощью созданной программы, имитирующей работу зрительных фильтров второго порядка, и формирующей изображения, состоящие из областей с заданным приростом контраста: максимальным, минимальным и промежуточным. Результат категоризации изображений лиц по полу улучшался с 38 до 87 % при увеличении амплитуды модуляции суммарного контраста фрагментов, из которых синтезирован стимул. Полученные результаты подтвердили выдвинутой нами гипотезу.

Ключевые слова: лица, пол, категоризация, прирост контраста.

Vitaly V. Babenko

Denis V. Yavna

Daria S. Alekseeva

Southern Federal University

Rostov-on-Don, Russia

THE ROLE OF NONLOCAL CONTRAST MODULATIONS IN FACE DETECTION AND GENDER DETERMINATION

The hypothesis is tested that the areas with the largest gain in the total non-local contrast contain information useful for image categorization. The hypothesis is tested in the task of face categorization by gender. The stimuli were formed with the program which imitates the functioning of second-order visual filters and forms images consisting of areas with

a given contrast gain: maximum, minimum, and intermediate. The performance of face image categorization by gender improved from 38 % to 87 % with an increase in the amplitude of modulation of the total contrast of the fragments from which the stimulus was synthesized. The obtained results confirmed our hypothesis.

Keywords: face, gender, categorization, contrast gain.

Введение. Лица обнаруживаются в сцене менее чем за 100 мс [1] и, уже будучи обнаруженными, притягивают к себе внимание наблюдателя [2]. Установлено, что именно глаза и рот вносят наибольший вклад в идентификацию лиц [3]. Однако на ранних этапах зрительной обработки отсутствуют элементы, избирательные к определенным чертам лица. Считается, что наиболее информативными участками изображения являются области пространственной неоднородности [4]. Именно они притягивают внимание. Оказалось, что в конкуренции за внимание наибольший приоритет имеют пространственные модуляции контраста [5]. В зрительной системе человека обнаружены механизмы, автоматически выделяющие такие пространственные неоднородности [6]. Речь идет о зрительных фильтрах 2-го порядка, объединяющих выходы стриарных нейронов — фильтров 1-го порядка. Все это позволило нам сформулировать гипотезу, что области с наибольшим приростом суммарного нелокального контраста содержат информацию, полезную для категоризации изображений. Цель исследования — проверка этой гипотезы в задаче категоризации изображений лиц по полу.

Методы. Для решения этой задачи была создана программа, имитирующая работу зрительных фильтров второго порядка и рассчитывающая пространственное распределение амплитуды модуляции контраста в изображении. В центре концентрической области оператора вычислялась суммарная энергия изображения, отфильтрованного на частоте 4-го цикла на диаметр окна с шириной полосы 1 октава. В периферической части оператора рассчитывалась приходящаяся в среднем на 1 октаву спектральная мощность всего диапазона воспринимаемых человеком пространственных частот. Амплитуда модуляции контраста представляла

собой разницу значений спектральной мощности, полученных в центральной и периферической областях оператора. Использовались операторы разного диаметра, и для каждого из них строились карты распределения амплитуды модуляции контраста. При обработке изображения самым крупным градиентным оператором, в котором диаметр его центральной области составлял половину размера изображения, отбирались 2 максимума, а затем по мере двукратного уменьшения диаметра оператора соответственно 4, 8 и 16 максимумов. В найденные таким способом позиции помещалась круглая апертура с гауссовой передаточной функцией, пропускающая 4 цикла изображения. Области с максимальной амплитудой модуляции контраста объединялись в новое изображение. Для создания стимулов использовались различные комбинации изображений, полученных на разных пространственных частотах. Таким способом было сформировано 840 стимулов из 40 исходных изображений лиц и 240 исходных изображений живых и неживых объектов. Затем таким же способом формировались стимулы, состоящие из областей с минимальной амплитудой модуляции контраста, а также изображения, состоящие из областей с модуляцией, имеющей промежуточное значение амплитуды между ближайшими минимумами и максимумами. Испытуемым демонстрировались синтезированные изображения лиц обоего пола. Они случайным образом чередовались с синтезированными изображениями объектов разных категорий. Испытуемый должен был сообщить о появлении лица и определить его пол. Длительность экспозиции не ограничивалась. Вычислялся процент правильных определений пола для изображений, сформированных из областей с разной амплитудой модуляции контраста при разном сочетании пространственных частот.

Результаты. Сначала мы сравнили эффективность решения задачи на разных пространственных частотах. Показатели были наилучшими, когда стимулы формировались из областей с максимальным приростом контраста на частоте 16 циклов на изображение. Результат согласуется с данными о том, что для распознавания лиц наиболее важен средний диапазон пространственных частот. Затем мы сравнили эффективность решения задачи при разном

сочетании в стимуле пространственных частот. И вновь результат оказался ожидаемым: чем больше частот присутствует в изображении, тем точнее его категоризация. Однако полученные результаты еще не отвечали на поставленный нами вопрос: действительно ли именно эти области изображения важны для идентификации пола? Мы сравнили эффективность решения задачи для лиц, сформированных из областей с разной амплитудой модуляции контраста (максимальной, минимальной и промежуточной) при сочетании в стимуле всех использованных пространственных частот. Оказалось, что в задаче идентификации пола результат улучшался с 38 до 87 % при увеличении амплитуды модуляции суммарного контраста фрагментов, из которых синтезирован стимул. Использование ANOVA ($F = 15,92$, $p < 0,01$) доказало статистическую значимость установленной зависимости.

Заключение. Полученные результаты подтвердили, что области изображения с наибольшим приростом нелокального контраста содержат информацию, способствующую обнаружению лиц и идентификации их половой принадлежности. Мы предполагаем, что зрительные фильтры второго порядка, выделяющие в изображении области с наибольшей амплитудой модуляции нелокального контраста, способны притягивать внимание и являются окнами, через которые последующие уровни обработки получают значимую информацию.

Библиографические ссылки

1. The Neural Dynamics of Face Detection in the Wild Revealed by MVPA / M. Cauchoix, G. Barragan-Jason, T. Serre et al. // Journal of Neuroscience. 2014. Vol. 34, No 3. P. 846–854.
2. Crouzet S. M., Kirchner H., Thorpe S. J. Fast saccades toward faces: face detection in just 100 ms // Journal of Vision. 2010. Vol. 10. P. 1–17.
3. Emotion recognition: The role of featural and configural face information / D. Bombari, P. C. Schmid, M. S. Mast et al. // The Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2013. Vol. 66, No 12. P. 2426–2442.
4. Visual saliency detection using information divergence / W. Hou, X. Gao, D. Tao et al. // Pattern Recognition. 2013. Vol. 46, No 10. P. 2658–2669.

5. *Бабенко В. В., Явна Д. В., Родионов Е. Г.* Вклад различных пространственных модуляций градиентов яркости в управление зрительным вниманием // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. 2020. Т. 70, № 2. С. 183–193.

6. *Graham N. V.* Beyond multiple pattern analyzers modeled as linear filters (as classical V1 simple cells): Useful additions of the last 25 years // Vision research. 2011. Vol. 51, No 13. P. 1397–1430.

К. А. Бабиянц
Е. В. Коломийченко

*Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия*

ВЛИЯНИЕ КОРОНАВИРУСНОЙ САМОИЗОЛЯЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОТЧУЖДЕННОСТИ И ПРОЦЕССЫ САМОРЕГУЛЯЦИИ У СТУДЕНТОВ ВУЗА

Рассматриваются актуальные проблемы влияния самоизоляции студентов, вызванные пандемией COVID-19, на межличностное взаимодействие и личностное состояние студентов ВУЗов. Задачами исследования является осуществление анализа формирования отношения к самоизоляции и стратегий совладания у студентов вуза. Методы исследования: методика Л. Н. Собчик, шкала самооценки Ч. Д. Спилбергера — Ханина, «Оценка нервно-психического напряжения» Т. А. Немчина, корреляционный анализ Спирмена. Объект исследования: 79 студентов вуза в возрасте от 18 до 25 лет. Были выделены особенности в реакции студентов: негативно реагирующих на самоизоляцию как на отчуждение от социального сообщества и находящихся вторичную выгоду от вынужденной самоизоляции.

Ключевые слова: студенты, самоизоляция, отчуждение, COVID-19, межличностное взаимодействие.

K. A. Babiyants
E. V. Kolomiychenko
*South Federal University
Rostov-on-Don, Russia*

THE IMPACT OF CORONAVIRUS SELF-ISOLATION ON THE FORMATION OF ALIENATION AND SELF-REGULATION PROCESSES AMONG UNIVERSITY STUDENTS

The actual problems of the impact of self-isolation of students caused by the COVID-19 pandemic on interpersonal interaction and the personal state of university students are considered. The objectives of the study are to

analyze the formation of attitudes towards self-isolation and coping strategies among university students. Research methods: L. N. Sobchik's methodology, self-esteem scale Ch. D. Spielberger-Khanin, "Assessment of neuropsychic stress" T. A. Nemchin, Spearman's correlation analysis. Object of research: 79 university students aged 18 to 25 years. Peculiarities were identified in the reaction of students: those who react negatively to self-isolation as an alienation from the social community and find a secondary benefit from forced self-isolation.

Keywords: students, self-isolation, alienation, COVID-19, interpersonal interaction.

Введение. Изменения, вызванные пандемией COVID-19, уже сегодня называют одними из серьезнейших вызовов современности. Некоторые исследователи называют пандемию «драйвером человеческого капитала» [1, с. 27], имея в виду стремительное развитие информационных технологий и их внедрение в образовательный и коммуникационный процессы. Ситуация коронавирусной самоизоляции и тотальная цифровизация повлекли за собой изменения темпов и объемов учебной нагрузки у обеих сторон учебного процесса. Переживания, вызванные вынужденной самоизоляцией, часто увеличивают риск развития тревожных расстройств и депрессивных состояний. Неоднозначное влияние самоизоляции отражается и на межличностном взаимодействии у студенческой молодежи [2]. Интересной нам представляется проблема самоизоляции с точки зрения феномена социального отчуждения. Сегодня самоизоляция затронула людей с адаптивным социальным статусом и спровоцировала отклонение от него [3; 4].

Материалы и методы. Цель исследования: осуществить анализ формирования отношения к самоизоляции и стратегий совладания у студентов вуза. Объект исследования: студенты в возрасте от 18 до 25 лет в количестве 79 человек (53 девушки, 26 юношей). Диагностический инструментарий: «Индивидуально-типологический опросник» Л. Н. Собчик, «Оценка нервно-психического напряжения» Т. А. Немчин, опросник «Шкала реактивной и личностной тревожности» Ч. Д. Спилбергер (адаптация Ю. Л. Ханина), корреляционный анализ Спирмена. Также мы опирались на специально

составленную нами анкету о выраженности состояния у студентов в период самоизоляции, в которой использовалась, помимо всех прочих вопросов, рисуночная ассоциативная техника «Нарисуй свое состояние».

Результаты исследования. Из 100 % опрошенных студентов 84 % склонны к тревожности, тип реагирования представлен физиологическими реакциями (8 %), психологическими реакциями (3 %) и смешанными реакциями (89 %). Когнитивные функции на фоне стресса самоизоляции снижаются у 67 % отобранных нами студентов, что является следствием очень высокого напряжения и влияет на отсутствие эффективности припоминания, концентрации внимания, отражается в сложности восприятия информации. У 89 % этот тип реакции проявляется как стереотипная наработанная реакция организма на стресс. Из них 67 % студентов демонстрирует тревожность как личностную характеристику. В то же время остается 11 % студентов, которые во время стресса активируют все свои когнитивные функции и психологические ресурсы. Были выявлены и описаны ситуации возникновения тревоги: во-первых, при «урезании» ценности личности, что напрямую связано с чувством отдаления от сообщества и снижения самооценки (49 %); во-вторых, при неопределенности и неизвестности относительно прогнозов на будущее (9 %); в-третьих, в ситуации сопротивления стрессу (21 %); в-четвертых, в ситуациях общего напряжения (21 %).

По результатам корреляционного анализа по методу Спирмена было выявлено, что между ситуативной тревожностью и показателем нервно-психического напряжения существует значимая прямая связь ($p = 0,000$; $r = 0,572$), а также между ситуативной и личностной тревожностью ($p = 0,000$; $r = 0,701$). Между ситуативной тревожностью и сензитивностью существует значимая прямая слабая связь ($p = 0,012$; $r = 0,281$), то есть чем больше выражена сензитивность студентов, тем выше у них уровень ситуативной тревожности. Это значит, что впечатлительные студенты, склонные к излишней рефлексии и пессимистической оценке собственных перспектив, обладают высоким уровнем ситуативной тревожности.

Способы совладания с коронавирусной самоизоляцией мы исследовали с помощью частотного анализа ответов на вопросы

анкеты: «Какие мысли обычно помогают вам справиться с необходимостью к самоизоляции?» и «Какое поведение обычно помогает вам справиться с самоизоляцией?». Были выявлены четыре типа поведенческих способов:

1. «Погружение в учебную или спортивную деятельность» — такой способ используют 36 % студентов.

2. Мысленный настрой на преодолимость, временность коронавирусной самоизоляции — такой способ используют 38 % студентов.

3. Обращение за помощью к близким: «мне помогает поддержка близких» — такой способ используют 3 % студентов.

4. Уход в развлечения: «просмотр фильмов, чтение книг, отвлечение любым способом» — такой способ используют 23 % студентов.

5. Психологическая реакция на самоизоляцию и вынужденное отчуждение исследовалась нами в рисуночном тесте «Нарисуй свое состояние». По формально-динамическим признакам мы выявили тревожность (65 %), агрессивность, защитные реакции, заниженная самооценка (35 %). Относительно названия и общей метафоры рисунка — склонность к защите, истощению и грусти (31 %).

Заключение. Исследование дает возможность сделать выводы:

1. Ситуация вынужденной отчужденности влияет на студентов вуза так же, как и стрессовая ситуация и зависит от их индивидуально-типологических особенностей. Тревожные, сензитивные студенты трудно адаптируются в ситуации самоизоляции, воспринимая ее как обесценивание, отчуждение, неопределенность и непредсказуемость, у них снижается мотивация к обучению, в межличностных отношениях активизируются такие дериватные свойства, как зависимость, конформизм, компромиссность, что отрицательно влияет на адаптивность и на выбор стратегий совладания со стрессовой ситуацией.

2. У студентов с выраженными стеничными свойствами, агрессивностью и спонтанностью наблюдается более спокойное реагирование на ситуацию самоизоляции, стремление извлечь выгоду, заняться саморазвитием и личностной самореализацией, у них акцентируются такие дериватные качества как стремление к неконформизму и коммуникативности, что способствует позитивной адаптации.

3. Были выявлены возможные стратегии саморегуляции у студентов в ситуации самоизоляции, схожие с известными копинг-стратегиями: путем рефлексии своего настоящего момента, концентрации на предмете изучения, переключении на другие виды деятельности.

4. Было доказано, что выбор способа саморегуляции во многом зависит от того, как проявляется стрессовая тревожность (физические, психологические, ментальные особенности), а также от того, каковы индивидуально-типологические особенности личности студента.

Результаты исследования могут быть использованы в практике психолого-педагогического сопровождения субъект-субъектного взаимодействия образовательного процесса, а также при разработке методических рекомендаций для студенческой молодежи.

Библиографические ссылки

1. Коронавирус как социальный драйвер трансформации повседневности / О.В. Ярмак, Е.М. Панова, А.Г. Маранчак и др. // Изв. вузов. Северо-Кавказский регион. Общ. науки. 2020. № 3. С. 27–35.

2. Горбатова М. М., Билан М. А., Ермолаева Е. Н. Система представлений студенческой молодежи о социальных аспектах COVID-19 // Проф. образование в России и за рубежом. 2020. № 4 (40). С. 9–15.

3. Федосенко Е. Б. Жизнь после карантина: психология смыслов и коронавируса COVID-19 // Психологические проблемы смысла жизни и акме : электр. сб. материалов XXV Междунар. симпозиума. М., 2020. С. 34–47. URL: <https://www.pirao.ru/images/labs/gporl/XVII-simpozium.pdf>.

4. SARS Control and Psychological Effects of Quarantine / L. Hawryluck, W.L. Gold, S. Robinson et al. Toronto, Canada : Emerg Infect Dis, 2004. 28 p.

К. А. Бабиянц
Е. А. Позднякова

*Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия;
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия*

ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕФЛЕКСИИ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЖЕНЩИН-ПЕДАГОГОВ ВУЗА В ПЕРИОД ПРОЖИВАНИЯ НОРМАТИВНЫХ КРИЗИСОВ ВЗРОСЛОСТИ

Рассматривается актуальная проблема исследования рефлексии и эмоционального состояния женщин-педагогов, проживающих нормативные кризисы взрослости. Диагностический инструментарий: методика А. В. Карпова, опросник Л. В. Куликова, кластерный анализ, критерий равенства дисперсий Ливиня. Объект исследования: женщины-педагоги вуза. В результате исследования были выявлены три основных кластера, содержательно характеризующие рефлексивные способности и эмоциональное состояние женщин-педагогов.

Ключевые слова: рефлексия, кризис взрослости, женщины-педагоги, эмоциональное состояние, рефлексивные способности.

Karine A. Babiyants
Ekaterina A. Pozdnyakova
*South Federal University
Rostov-on-Don, Russia;
Kuban State University
Krasnodar, Russia*

RELATIONSHIP BETWEEN REFLECTION AND THE EMOTIONAL STATE OF FEMALE UNIVERSITY TEACHERS DURING THE PERIOD OF NORMATIVE CRISES OF ADULTHOOD

The actual problem of studying the reflection and emotional state of female teachers living in the normative crises of adulthood is considered. Diagnostic tools: A. V. Karpov's technique, L. V. Kulikov's questionnaire,

cluster analysis, Livin's test for equality of variances. Object of study: female university teachers. As a result of the study, three main clusters were identified that meaningfully characterize the reflexive abilities and emotional state of female teachers.

Keywords: reflection, crisis of adulthood, female teachers, emotional state, reflective abilities.

Введение. Педагоги высшей школы современной системы образования являются не только субъектами профессиональной деятельности, но и субъектами своего жизненного пути, что делает необходимым исследование взаимосвязи особенностей прохождения нормативных кризисов и педагогического взаимодействия со студентами, поскольку способность к рефлексии во многом обогащает педагогический процесс: способствует толерантной межличностной коммуникации, эффективной профессиональной реализации, минимизации эмоционального выгорания, активизации копинг-стратегий и ресурсов личности [1–3].

Материалы и методы. Целью нашего исследования стал анализ взаимосвязи рефлексивных способностей женщин-педагогов высшей школы и их эмоционального состояния в период проживания нормативных кризисов взрослости. Методы исследования: эмпирические методики А. В. Карпова, опросник Л. В. Куликова, кластерный анализ, критерий равенства дисперсий Ливиня. Объект исследования: 50 преподавателей вуза женского пола, 25 % в возрасте от 30 до 35 лет, 75 % в возрасте от 36 до 55 лет.

Результаты. Относительно критерия равенства дисперсий Ливиня женщины-педагоги отличаются по показателям «Положительный образ восприятия себя» ($F = 0,015$, при $p \leq 0,05$) и «Возраст» ($F = 0$, при $p \leq 0,05$). Различительная статистика в двух группах указывает на то, что у женщин-педагогов к позднему периоду среднего возраста происходит незначительное завышение представления о своем образе (7,55 %), что сопровождается низкой критичностью в самооценивании, неадекватностью восприятия своего образа, неискренностью, связанной с социальной желательностью. Но также есть тенденция и к занижению положительного образа себя (6,25 %). Эта тенденция связана с повышением критичности к себе

и, соответственно, с повышением негативного эмоционального фона в самовосприятии.

В предпринятом нами кластерном анализе было выделено три кластера, достоверно отличающихся друг от друга. Женщины-педагоги первого и второго кластеров достоверно отличаются по показателям: «Активность» ($t = -3,009, p = 0,003$), «Тревожность» ($t = -3,284, p = 0,001$), «Устойчивость эмоционального тона» ($t = -3,005, p = 0,003$), «Положительный — отрицательный образ самого себя» ($t = -4,534, p = 0,000$).

Женщины-педагоги первого и третьего кластеров достоверно отличаются друг от друга по показателям: «Тонус» ($t = -7,632, p = 0,000$), «Тревожность» ($t = -7,951, p = 0,000$), «Положительный — отрицательный образ самого себя» ($t = -8,697, p = 0,000$), «Удовлетворенность — неудовлетворенность жизнью в целом» ($t = -8,554, p = 0,000$), «Положительный — отрицательный образ самого себя» ($t = -7,820, p = 0,000$). Сравнительный анализ доминирующих состояний у женщин второго и третьего кластеров показал отличие по таким параметрам, как «Тонус» ($t = -7,569, p = 0,000$), «Спокойствие — тревожность» ($t = -9,725$ при $p = 0,000$), «Устойчивость эмоционального тона» ($t = -9,297$ при $p = 0,000$), «Удовлетворенность — неудовлетворенность жизнью» ($t = -11,228$ при $p = 0,000$), «Положительный — отрицательный образ себя» ($t = -7,006$ при $p = 0,000$).

Исследование рефлексивных способностей женщин-педагогов показало, что в раннем среднем возрасте прослеживается отклонение в сторону понижения ретроспективной рефлексии, у женщин периода позднего среднего возраста — увеличение ретроспективной рефлексии. Относительно рефлексии настоящей деятельности просматривается тенденция к завышению у женщин в период второй половины взрослости, который приходится на «кризис середины жизни», то есть они склонны к обдумыванию, самоанализу и взвешенному принятию решений. Небольшой процент женщин совершенно не задумывается о будущих событиях, что можно рассматривать как избегание проблем, стремление жить «одним днем», либо, напротив, фиксируются на мечтах о будущем, которое когда-нибудь настанет, уходя в мир, оторванный от реальности

(эскапизм). Общие показатели относительно выраженности рефлексии у женщин в раннем периоде среднего возраста указывают на то, что заниженная способность к рефлексии представлена 25 %, и, наоборот, завышенная рефлексия выражена у 19 %. К позднему периоду взрослости отклоняющиеся показатели у женщин сокращаются в пользу баланса к средней норме.

Результаты кластерного анализа свидетельствуют о том, что у представителей второго кластера более высоко, чем у представителей первого кластера, выражена ретроспективная рефлексия ($t = -4,798, p = 0,000$). Также им свойственна высокая выраженность рефлексии настоящей деятельности ($t = -2,094, p = 0,039$) и рефлексия будущей деятельности ($t = -2,693, p = 0,008$). У респондентов второго кластера наблюдаются более высокие показатели рефлексии общения и взаимодействия ($t = -6,515, p = 0,000$) и более высокие показатели общей рефлексивности ($t = -4,643, p = 0,000$).

У респондентов третьего кластера показатели выше, чем у респондентов первого кластера ($t = -3,623, p = 0,001$), они более склонны к рефлексии будущей деятельности ($t = -2,087, p = 0,040$) и к рефлексии общения и взаимодействия ($t = -3,409, p = 0,001$).

У представителей второго кластера выше ориентации на общение и взаимодействие ($t = 2,796, p = 0,006$) и общая рефлексивность ($t = 2,906, p = 0,004$).

Заключение. Проведенное исследование указывает на то, что:

1. У представителей первого кластера общие рефлексивные способности выражены низкими показателями, при этом диагностируется склонность к усталости, несобранности, малой активности, низкой работоспособности, астенической реакции на трудности.

2. У представителей второго кластера более высоко выражены умение понимать себя, соотносить собственные психические процессы с проявлениями у других людей в социальном окружении, достаточно адекватно отражать реальные обстоятельства в целом, в том числе в общении и взаимодействии. Им свойственна большая активность, наряду с тревогой и долго не проходящей эмоциональной напряженностью.

3. Респонденты третьего кластера более склонны к фиксации на событиях прошлого и событиях, которые планируются в буду-

щем, а также имеют более высокую тенденцию к рефлексии процессов общения и взаимодействия. Повышенный уровень тревожности имеет генерализированный характер, охватывая большой диапазон эмоциогенных раздражителей.

Полученные выводы дают возможность в практическом приложении обосновать необходимость создания психологического сопровождения для женщин-педагогов, проживающих нормативные кризисы взрослости.

Библиографические ссылки

1. *Ананьев Б. Г.* Избранные психологические труды : в 2 т. Т. 2 / под ред. А. А. Бодалева. М. : Педагогика, 1980. 288 с.
2. *Карпов А. В., Жедунова Л. Г.* Рефлексивность в структуре общих способностей // Ярослав. пед. вестн. 1998. № 2. С. 57–61.
3. *Леонтьев Д. А. Аверина А. Ж.* Феномен рефлексии в контексте проблемы саморегуляции // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 2(16). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 28.02.2022).

Д. Ю. Баланев

Е. В. Смешко

Томский государственный университет

Томск, Россия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДВИГАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В ПРОЦЕССЕ РЕШЕНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ЗАДАЧ

В тезисах представлены обобщенные результаты проведенного исследования с помощью разработанного тренажера, направленного на реконструкцию двигательной, познавательной активности в процессе решения познавательной задачи. Рассмотрены возможности использования тренажера при создании индивидуального когнитивного пространства испытуемыми в сложных и измененных условиях решения познавательной задачи.

Ключевые слова: двигательная активность, познавательная задача, ханойская башня, стратегия.

Dmitry Yu. Balanев

Evgeniya V. Smeshko

Tomsk State University

Tomsk, Russia

PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF MOTOR ACTIVITY IN THE PROCESS OF SOLVING COGNITIVE TASKS

The theses present generalized results of the conducted research with the help of a developed simulator aimed at reconstructing motor, cognitive activity in the process of solving a cognitive problem. The possibilities of using the simulator when creating an individual cognitive space by subjects in complex and modified conditions of solving a cognitive task are considered.

Keywords: motor activity, cognitive task, hanoi tower, strategy.

Введение. Двигательная активность является необходимым и центральным источником познания человеком информации об особенностях познавательной ситуации и понимания смысла

воспринимаемой ситуации из внешней среды. Пространство, которое осваивает человек; объекты, которыми манипулирует; задачи, которые решает, не обходится без участия двигательной активности. Исследования двигательной активности с точки зрения ее психологического содержания давно входят в предмет изучения не только когнитивной психологии [1–2], но и актуализируются на стыке таких наук, как инженерия [3], и других смежных наук [4–5]. Результаты подобных исследований могут быть использованы для улучшения качества жизни человека в условиях нарастающей технологизации жизненного пространства. Психологический анализ двигательной активности при различных предъявляемых условиях процесса решения познавательных задач даст возможность экспериментатору понять, как человек мыслит, решает задачи [6], выбирает нужные стратегии [7], находит новые подходящие под ситуацию пути решения проблемы. Все это свидетельствует о том, что двигательная активность является фундаментальным строительным блоком нашего познания и ее изучение с точки зрения психологического содержания имеет важный научный аспект.

Материалы и методы. Разработан вариант тренажера когнитивных навыков управления движений испытуемого в процессе решения разных познавательных задач. С помощью разработанного тренажера у исследователя появляется возможность менять и задавать характер двигательной активности в процессе решения задачи, а также непосредственно визуально усложнять условия решения задачи. Методическим инструментарием исследования двигательной активности человека в процессе решения задачи выступила классическая задача «Ханойская башня».

Результаты. Использование тренажера в условиях лабораторного эксперимента позволило осуществить различные вариации пространственных смещений: усложнять условия решения задачи; менять передачу получаемой визуальной информации испытуемым, решающим задачу в различных условиях; создавать всякого рода задержки изображения во времени и реконструировать характер предъявляемого изображения. Благодаря развитию новых технологий и аппаратурных методов применение подобных пространственных смещений дает возможность фиксировать, как разворачивается

двигательная активность в сложных условиях, когда получаемая информация не соотносится с визуальным представлением. В экспериментальном исследовании и апробации данного разработанного тренажера приняли участие 30 студентов, обучающихся на разных факультетах Томского государственного университета. В результате лабораторного эксперимента были зафиксированы основные закономерности и паттерны двигательной активности, направленные на восстановление движений, нарушенных специально сконструированным экспериментальным воздействием. В ходе анализа данных, полученных с применением тренажера, были выделены различные типы решения задачи, отличающиеся между собой разной динамикой двигательной активности и способами решения задачи. Обнаружена тенденция к нахождению выбора оптимальной стратегии, которая приводила к повышению скоростной и точностной динамики двигательной активности и правильному решению задачи. Таким образом, проведенное экспериментальное исследование позволило сформулировать положение о том, что характер двигательной активности человека в процессе решения познавательной задачи может рассматриваться как предиктор психологических средств, определяющих стратегии решения. Ключевым методом выявления психологических средств стала проекция переноса фиксируемых когнитивных и двигательных паттернов испытуемых по решению задачи в спектр рефлексивно-познавательной деятельности при изменении непосредственного условия решения задачи.

Заключение. Учет специфики двигательной активности как источника психологических детерминант познавательной деятельности при использовании данного тренажера позволяет осуществлять управление различными экспериментальными переменными, направленность которых состоит в получении большего массива данных, для анализа двигательной активности в процессе решения познавательной задачи с точки зрения ее психологического содержания.

Библиографические ссылки

1. Канжин А. В., Грибанов А. В. Особенности зрительно-моторных реакций у детей-северян при синдроме дефицита внимания с гиперактивностью // Экология человека. 2005. № 5. С. 14–16.

2. The role of early fine and gross motor development on later motor and cognitive ability / J. P. Piek, L. Dawson, L. M. Smith et al. // *Human movement science*. 2008. № 27(5). P. 668–681.
3. Brain-machine interface cursor position only weakly affects monkey and human motor cortical activity in the absence of arm movements / S. D. Stavisky, J. C. Kao, P. Nuyujukian et al. // *Scientific Reports*. 2018. № 8(1). P. 1–19.
4. Sensorimotor representation impairment in dyslexic adults: A specific profile of comorbidity / R. Marchetti, M. Vaugoyeau, P. Colé et al. // *Neuropsychologia*. 2022. № 165. P. 108134.
5. Influence of cognitive-motor expertise on brain dynamics of anticipatory-based outcome processing / Y. Lu, T. Yang, B. D. Hatfield et al. // *Psychophysiology*. 2020. № 57(2). P. e13477.
6. Макаров И. Н., Кутузова А. Б. Влияние моторной тренировки на процесс разделение чанков в инсайтных задачах // *PSY-Вышка*. 2020. С. 145–147.
7. Werner K., Raab M., Fischer M. H. Moving arms: the effects of sensorimotor information on the problem-solving process // *Thinking & Reasoning*. 2019. № 25(2). P. 171–191.

Т. Н. Банщикова

*Северо-Кавказский федеральный университет
Ставрополь, Россия*

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С РАЗНОЙ СТЕПЕНЬЮ ВЫРАЖЕННОСТИ РЕГУЛЯТОРНО-ЛИЧНОСТНЫХ РЕСУРСОВ

Результаты пилотажного исследования установили: значимых различий в показателях субъективного благополучия между возрастными группами не установлено. В динамике отмечается снижение средних значений показателей благополучия к 22–24 годам. У юношей более выражены показатели гедонистического и эго-благополучия. Во всех возрастных группах показатели осознанной саморегуляции значимо связаны с показателями субъективного благополучия. Коррелятами эмоционального и социально-нормативного благополучия выступают планирование и программирование; экзистенциально-деятельностного, гедонистического и эго-благополучия — гибкость и настойчивость.

Ключевые слова: субъективное благополучие, осознанная саморегуляция, возрастные группы, юноши, девушки.

Tatiana N. Banshchikova

*North Caucasus Federal University
Stavropol, Russia*

SUBJECTIVE WELL-BEING OF YOUNG PEOPLE WITH VARYING DEGREES OF EXPRESSION OF REGULATORY AND PERSONAL RESOURCES

The results of the established that there were no significant differences in indicators of subjective well-being between age groups. In dynamics, there is a decrease in the average values of well-being indicators by the age of 22–24 in all age groups. Young men have more pronounced indicators of hedonistic well-being and ego well-being. In all age groups, self-regulation indicators are significantly related to indicators of subjective well-being. The correlates of emotional well-being and socio-normative well-being are

planning and programming; existential well-being, hedonistic well-being and ego well-being are represented by flexibility and perseverance.

Keywords: subjective well-being, conscious self-regulation, age groups, boys, girls.

Введение. Возросший интерес к проблеме субъективного благополучия (СБ) в науках о человеке обусловлен тем, что в культуре общества потребления, в которое вступило человечество, благополучие в массовом сознании стало значимым конструктом качества жизни. Качество жизни — это не только обобщенная оценка внешних условий жизни, насколько хорошо живет человек на данной территории, сколько то, как человек ощущает, понимает и принимает собственную жизнь, каково его отношение к себе и миру.

Уровень СБ молодого человека является значимым социальным индикатором, поскольку именно в этом возрасте особо остро переживается этап нахождения своего места в социальной структуре общества, удовлетворенность собственной жизнью и существующими возможностями для самореализации.

Результаты теоретических и эмпирических исследований ученых лаборатории психологии саморегуляции ПИ РАО [1], наших исследований [2] позволяют говорить о том, что осознанная саморегуляция (СР) может выступать в качестве метаресурса, который актуализируется и мобилизует познавательные и личностные ресурсы для достижения поставленных целей. В связи с этим мы предполагаем, что СР может выступать важным фактором СБ молодых людей, что существуют гендерные и возрастные различия в параметрах субъективного благополучия молодых людей с разной степенью выраженности регуляторно-личностных ресурсов.

Материалы и методы. В исследовании приняло участие 1 439 респондентов в возрасте от 18 до 35 лет. Из них 562 юноши, 877 девушек. Диагностика включала оценивание следующих факторов: базовые свойства личности — большая пятерка (Mini-IPIP) [3]; регуляторно-личностные свойства (опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения, ССПМ 2020») [4], показатели субъективного благополучия (методика диагностики субъективного благополучия личности Шамионова Р. М., Бесковой Т. В.) [5].

Математико-статистическая обработка данных осуществлялась при помощи расчета описательных статистик, а также многофакторного дисперсионного анализа и коэффициента корреляции рангов.

Результаты. Регрессионный анализ свидетельствует о том, что личностные факторы гибкость, настойчивость, экстраверсия и нейротизм выступают значимыми предикторами всех пяти видов благополучия: эмоционального (ЭБ), экзистенциально-деятельностного (ЭДБ), эго-благополучия (ЭГБ), гедонистического (ГБ) и социально-нормативного благополучия (СНБ).

Исследователи всегда рассматривают в качестве психологических коррелятов СБ именно определенные личностные черты, которые характеризуют прежде всего активность человека по достижению собственных целей и преодолению трудностей, предрасположенности испытывать определенный уровень эмоций, состояние, позволяющие удовлетворять потребности. Коррелятами СБ выступают и когнитивно-операциональные компетенции. Установлено, что в качестве значимого предиктора ЭБ и СНБ выступает программирование ($\beta = 0,11$; $p < 0,001$ и $\beta = 0,20$; $p < 0,001$ соответственно), для ЭДБ — планирование ($\beta = 0,11$; $p < 0,001$). Осознанное, детализированное планирование, продуманная последовательность способов действий для достижения значимых целей определяют меру успешности в реализации личных экзистенциальных проектов.

На следующем этапе был проведен сравнительный анализ показателей СР и СБ в четырех возрастных группах: 1) — от 16 до 18 лет; 2) — от 19 до 21 года; 3) — от 22 до 24 лет; 4) — от 25 до 35 лет. Установлены значимые различия по всем показателям СР. Отмечается рост значений по когнитивным (планирование $\mu =$ от 3,38 до 3,45; программирование $\mu =$ от 3,38 до 3,45; оценка результатов $\mu =$ от 3,15 до 3,31) и регуляторно-личностным показателям (надежность $\mu =$ от 2,77 до 2,97, настойчивость $\mu =$ от 3,71 до 3,72) от первой возрастной группы до четвертой. Моделирование и гибкость снижают свои показатели в возрастной группе 22–24 лет (моделирование $\mu =$ от 3,35 до 3,06; гибкость $\mu =$ от 3,38 до 3,12) и лишь незначительно поднимаются к 25–35 годам. Предполагаем, что на стадии профессиональной адаптации после (окончание вуза, определение места

работы) возникает необходимость в подчинении внешним обстоятельствам в виде выполнения предписаний, алгоритмов решения профессиональных задач, выполнение установленных правил, норм, что несколько снижает актуализацию задач перестройки планов и программы исполнительских действий.

Значимых различий в показателях СБ между возрастными группами не установлено. Исключение составляет социально-нормативный показатель субъективного благополучия. В динамике, по всем показателям СБ отмечается снижение средних значений к 22–24 годам. Предполагаем, что причиной выступает смена ведущего вида деятельности, адаптация к новым условиям жизнедеятельности.

Корреляционный анализ продемонстрировал значимую положительную связь всех регуляторных показателей с показателями СБ. Это свидетельствует о том, что уровень СР молодых людей с 16 до 35 лет влияет на степень их СБ.

На следующем этапе с применением трехфакторного дисперсионного анализа, где факторами выступили пол, возраст, общий уровень СР, а зависимой переменной СБ, было установлено, что общий уровень СР выступает значимым фактором, влияющим на зависимую переменную СБ. Только в двух показателях — ЭГБ и ГБ — значимым фактором выступил и пол. У юношей с высоким уровнем СР выше показатели гедонистического и эго-благополучия.

Заключение. Таким образом, результаты пилотажного исследования позволяют говорить о том, что саморегуляция выступает ресурсом субъективного благополучия молодых людей. Данная гипотеза получила свое подтверждение. Вторая гипотеза лишь частично нашла свое подтверждение. Во всех возрастных группах показатели осознанной саморегуляции значимо связаны с показателями субъективного благополучия. Только в двух показателях — эго-благополучие и гедонистическое благополучие — значимым фактором выступили гендерные особенности выборки. У юношей выше показатели гедонистического и эго-благополучия. Это позволяет обозначить перспективы дальнейшего изучения данной проблематики.

Библиографические ссылки

1. Фомина Т. Г., Ефтимова О. В., Моросанова В. И. Взаимосвязь субъективного благополучия с регуляторными и личностными особенностями у учащихся младшего школьного возраста // Пс.-пед. исследования. 2018. Т. 10. № 2. С. 64–76. DOI: 10.17759/psyedu.2018100206
2. Банищикова Т. Н. Взаимосвязь субъективного благополучия с регуляторными особенностями и личностными диспозициями педагогов // Интеграция педагогической науки и практики в современных условиях : сб. науч. трудов / под ред. В. К. Шаповалова, И. Ф. Игропуло. Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2020. 204 с.
3. The Mini-IPIP scales: Tiny-yet-effective measures of the Big Five factors of personality / M. Donnellan, F. Oswald, B. Baird et al. // Psychological Assessment. 2006. № 18. P. 192–203. <https://doi.org/10.1037/1040-3590.18.2.192>
4. Моросанова В. И., Кондратьюк Н. Г. Опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения — ССПМ 2020» // Вопр. психологии. 2020. Т. 66. № 4. С. 155–167.
5. Шамионов Р. М., Бескова Т. В. Методика диагностики субъективного благополучия личности // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 60. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/277> (дата обращения: 06.04.2022).

Л. Ф. Баянова

В. П. Ульянова

Психологический институт РАО

Москва, Россия;

Дворец детского и юношеского творчества

Октябрьский, Россия

ПСИХОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТТЕРНОВ ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И КУЛЬТУРА

Психология формирования паттернов происходит в контексте культурных правил. Для каждого возраста в онтогенезе существует инвариантный спектр правил. Способность ребенка регулировать свое поведение относительно типичных для возраста правил определяет его культурную конгруэнтность. В качестве предиктора, влияющего на формирование культурной конгруэнтности, рассмотрено занятие искусством. Исследование показало, что дети, занимающиеся искусством и не занимающиеся искусством, по-разному проявляют культурную конгруэнтность. Наибольшие различия в культурной конгруэнтности выявлено у детей, занимающихся хореографией, в меньшей степени у детей, занимающихся музыкой и рисованием. Исследование проведено на выборке младших школьников.

Ключевые слова: паттерны поведения, культурная конгруэнтность, младший школьник, искусство.

Larisa F. Bayanova

Vera P. Ulyanova

Psychological Institute, Russian Academy of Education

Moscow, Russia;

Palace of Children's and Youth Creativity

Oktyabrsky, Russia

PSYCHOLOGY OF FORMATION OF PATTERNS OF CHILDREN'S BEHAVIOR AND CULTURE

The psychology of behavior pattern formation occurs in the context of cultural rules. For each age in ontogeny, there is an invariant range of rules. A child's ability to regulate his behavior relative to age-typical rules determines his cultural congruence. As a predictor of the formation of cultural congruence, the activity of art is defined. The study showed that children who are engaged in art and do not engage in art, they show different cultural congruence. The greatest differences in cultural congruence are evident in children engaged in choreography, to a lesser extent — children engaged in music and drawing. The study was carried out on a sample of younger schoolchildren.

Keywords: patterns of behavior, cultural congruence, junior schoolboy, art.

Введение. Процесс социализации ребенка в онтогенезе связан с необходимостью формирования паттернов поведения — привычных способов действовать в определенных ситуациях. Прообразы этих паттернов находятся в культуре в виде норм и правил, трансляция которых ребенку представляется сложным путем формирования способов саморегуляции. В методологическом отношении проблема взаимодействия ребенка и культуры как системы нормативных ситуаций находится в дискурсе культурно-исторической психологии. В данной парадигме принята дедуктивная логика аргументации. Данное обстоятельство, как правило, сопровождается сложностью верификации. Многократно повторяемое исследование Л. С. Выготского о том, что «всякая функция в культурном развитии ребенка появляется дважды, в двух планах — сперва в социальном, затем психологическом; сперва

как форма сотрудничества между людьми <...> затем как средство индивидуального поведения» [1, с. 223] наиболее актуально при исследовании паттернов поведения. Общий тезис о том, что культурная норма в процессе социализации становится паттерном поведения ребенка потребовал создания инструментов диагностики этого процесса для трех возрастных этапов: для дошкольного возраста [2], младшего школьного возраста [3] и подросткового возраста [4]. Данные методики позволяют определить личностное свойство, проявляющееся в регуляторной способности субъекта соответствовать системе правил, типичных для социальной ситуации развития — культурную конгруэнтность. Данное свойство в современных условиях трансформируется в силу влияния разных предикторов [5]. В частности, экранное время, проводимое ребенком за гаджетом, существенно снижает способность к саморегуляции поведения относительно типичных правил. В настоящем исследовании показатель культурной конгруэнтности рассмотрен в контексте занятий младших школьников различными видами искусства.

Материалы и методы. Выборку составили 312 младших школьников в возрасте от 8 до 10 лет. Из них 84 респондента, занимающиеся музыкой, 60 — рисованием, 37 — хореографией. 113 респондентов не заняты в дополнительном образовании. Для диагностики культурной конгруэнтности использовали методику, которая позволила выявить общий показатель культурной конгруэнтности и шесть факторов ее составляющих: «социальное взаимодействие»; «учебная компетентность»; «самоконтроль»; «послушность»; «самообслуживание»; «регламентированность».

Результаты. При сравнении субвыборок детей, занимающихся разными видами искусства и не занимающихся в системе дополнительного образования, обнаружено, что существуют значимые различия в показателях культурной конгруэнтности в целом и наиболее выражены в факторах «самоконтроль» (2,35749, при $p = 0,01$); «самообслуживание» (3,17165, при $p = 0,001$). Рассматривая различия в культурной конгруэнтности в субвыборках респондентов, занимающихся рисованием, хореографией и музыкой, обнаружено, что различия наиболее выражены в субвыборке детей, занимающихся хореографией.

Заключение. Постановка задачи сравнительного анализа культурной конгруэнтности у детей, занимающихся разными видами искусства и не занимающихся в системе дополнительного образования, позволяют выявить тенденции формирования паттернов, что представляется важным в условиях цифровизации, приводящей к трансформации социальной ситуации развития. Занятия искусством способны выступить в качестве предиктора, определяющего формирование паттернов поведения в контексте типичных для социальной ситуации развития правил.

Библиографические ссылки

1. *Выготский Л. С.* Собрание сочинений : в 6-ти т. М. : Педагогика, 1984. Т. 4. 433 с.
2. *Bayanova L. F., Mustafin T. R.* Factors of compliance of a child with rules in a Russian cultural context // *European Early Childhood Education Research Journal*. 2016. № 24 (3). P. 357–364.
3. A cultural congruence test for primary school students / L. F. Bayanova, E. A. Tsivilskaya, R. M. Bayramyan et al. // *Psychology in Russia*. 2016. Vol. 9, № 4. P. 94–105.
4. *Bayanova L. F., Minyaev O. G.* Cultural Congruence Test for Russian Adolescents// *Psychology in Russia-state of the art*. 2019. Vol. 12, Is. 3. P. 163–176.
5. *Баянова Л. Ф.* Психология развития культурной конгруэнтности в образовательной среде. Казань : Изд-во Казан. уни-та, 2021. 320 с.

И. В. Белашева

М. Л. Есаян

Северо-Кавказский федеральный университет

Ставрополь, Россия

АНАЛИЗ СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ МЕНТАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ БУДУЩЕГО СТРАНЫ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ УРОВНЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ

В статье анализируются результаты опроса студентов, проживающих в разных регионах Северо-Кавказского федерального округа и различающихся по уровню образования. Были обнаружены полярные тенденции в представлениях о доступности качественного образования у студентов СПО; высокая значимость интересной и содержательной работы для профессионального и личностного становления и собственная ответственность за карьерный рост у студентов вузов; устойчивая гражданская, этническая и культурная самоидентификация себя как представителя Северо-Кавказского региона и желание сохранить его этнодемографическую специфику у магистрантов.

Ключевые слова: ментальные репрезентации, образ будущего, студенческая молодежь.

Irina V. Belasheva

Marine L. Yesayan

North-Caucasus Federal University

Stavropol, Russia

ANALYSIS OF THE SUBSTANTIVE SPECIFICITY OF MENTAL REPRESENTATIONS OF THE FUTURE OF THE COUNTRY BY STUDENT YOUTH OF THE NORTH CAUCASUS THROUGH THE PRISM OF EDUCATIONAL LEVELS

The article analyzes the results of a survey of students living in different regions of the North Caucasian Federal District and differing in their level of education. Polar trends were found in the perceptions of the availability

of quality education among students of secondary vocational education; high importance of interesting and meaningful work for professional and personal development and own responsibility for career growth among university students; sustainable civil, ethnic and cultural self-identification as a representative of the North Caucasus region and the desire to preserve its ethno-demographic specifics among undergraduates.

Keywords: mental representations, image of the future, student youth.

Введение. Северный Кавказ — один из ключевых регионов в социально-политической и экономической жизни России, где сложности трансформирующегося российского общества дополняются поликультурным составом населения, сверхсоциализированностью и этнодемографической спецификой северокавказских субъектов. Существенную роль в формировании представлений о собственном будущем и будущем страны у представителей различных общностей Северного Кавказа играют религиозные и нерелигиозные компоненты. Религия часто выступает матрицей кавказской цивилизации. Имеет место специфика позиционирования по отношению к традициям и инновациям, идентификации себя с традиционным или современным обществом. Эти закономерности находят отражение в региональных особенностях высшего профессионального образования, которые в том числе обусловлены климатогеографическими, историческими, экономическими, политико-административными, этническими, социокультурными и нормативно-правовыми условиями; условиями функционирования и развития самой системы образования [1].

Образовательная среда является важным фактором развития личности [2–5]. Особое влияние образовательная среда вуза или СПО оказывает на формирование ментальных репрезентаций образа страны в контексте трансляции социокультурно специфичной информации [2], поскольку предоставляет материал для построения субъективных образов внешнего и внутреннего мира, являясь системой транслируемых коллективных представлений о нем. Не случайное родство слов «образ» и «образование» позволяет определить сущность образовательного процесса как создания образов, на основе которых субъекты выстраивают свою будущую жизнь [5].

Наше исследование было направлено на сравнительный анализ параметров ментальных репрезентаций представлений о будущем страны в группах студенческой молодежи Северного Кавказа в зависимости от уровня образования.

Материалы и методы исследования. Исследование проводилось в рамках научного проекта 21-011-31258 «Представления о будущем России у студенческой молодежи Северного Кавказа: маркеры ментальных репрезентаций» выполненное при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ. В исследовании приняли участие 795 студентов СКФО в возрасте от 16 до 34 лет: 90 студентов СПО, 631 студент бакалавриата/специалитета вузов, 73 студента магистратуры. Для достижения задач исследования была разработана анкета, включающая несколько блоков вопросов: доступность качественного образования, возможность интересной и содержательной работы, карьера, временная перспектива, представления о будущем региона.

Результаты. Анализ ответов студентов СПО показал, что ближайшее (обозримое) будущее страны с большей вероятностью связывается ими с доступностью получения хорошего бесплатного образования, но среди них высоки и противоположные ожидания. О доступности хорошего платного образования в будущем говорят только студенты магистратуры.

О доступности по окончании обучения интересной и содержательной работы большинство респондентов всех трех групп высказываются с поправкой на благоприятные «входные» условия: наличие необходимых связей, материальный достаток и пр. Для большинства респондентов, обучающихся в вузе (87,7 % магистрантов и 89,1 % бакалавров/специалистов) и для 74,7 % обучающихся в СПО, интересная и содержательная работа имеет значение для профессионального и личностного роста и развития. Таким образом, в ходе обучения у студенческой молодежи СКФО на первый план в представлениях о собственном будущем начинают выходить содержательные аспекты профессиональной деятельности и возможность карьерного роста и личностного развития.

Анализ представлений студенческой молодежи СКФО по критерию вертикальной карьерной мобильности в ближайшем будущем

показывает, что большинство респондентов, особенно обучающихся в магистратуре, связывают будущее продвижение по служебной лестнице с профессиональными достижениями — успехами в работе. Респондентов, считающих, что продвижение по карьерной лестнице не связано с личными и/или профессиональными достижениями, а определяется «внешними» по отношению к профессии факторами — наличием необходимых связей, наличием «нужного» диплома и прочее, в два раза выше среди студентов, обучающихся в СПО (21,2 %). Это позволяет предположить, что чем выше уровень образования, тем больше студенты готовы взять ответственность за свой карьерный рост на себя и не искать внешних вспомогательных или мешающих им факторов.

Оценка способности планировать свое будущее в контексте «временной перспективы» показывает, что студенты СПО (33 %), а также бакалавриата/специалитета (30,55 %) предпочитают «жить сегодняшним днем», а магистранты планируют свое будущее на год (26 %). С нашей точки зрения, мы сталкиваемся не с отсутствием ментальных репрезентаций образа будущего среди студенческой молодежи, но со специфическими принципами его построения, отличающимися гибкостью, динамичностью, возможностью перестройки в условиях чрезвычайно быстрых трансформаций общества.

Анализ специфики ментальных репрезентаций образа будущего своего региона в структуре образа будущего страны показывает, что подавляющее большинство респондентов не зависимо от уровня образования считают, что разнокультурность, полиэтничность и поликонфессиональность состава населения в СКФО сохранятся и в будущем, и позитивно к этому относятся. Чаще всего оценки «полностью согласен» и «полностью не согласен» выбирают студенты СПО, что возможно, связано с тенденцией студентов СПО к упрощению принятия решений (по типу полярных ответов да/нет) и игнорированием вариативных ответов. Студенты магистратуры предпочитают средние оценки, с тенденцией к высоким, что может быть связано с устойчивой гражданской и культурной идентификацией себя как представителей Северо-Кавказского региона и желанием сохранить этнодемографическую специфику региона в будущем.

Анализ результатов исследования представлений молодых людей о трансформации межнациональных, межкультурных и межконфессиональных отношений в будущем показывает, что, в целом в ментальных репрезентациях образа будущего страны у студенческой молодежи СКФО преобладают установки толерантных межнациональных, межкультурных и межконфессиональных отношений в регионе проживания. Результаты нашего исследования согласуются с данными, опубликованными экспертами Распределенного центра межнациональных и религиозных проблем Министерства науки и высшего образования РФ. Проведенные ими опросы показали, что в общественном мнении населения СКФО проблемы межэтнических отношений и этнополитических процессов отошли на второй план в сравнении с проблемами экономического состояния, материального положения, трудоустройства [6].

Заключение. Таким образом, большинство студентов СКФО строят позитивные картины будущего, однако более сдержанные оценки будущего демонстрируют студенты магистратуры. При трудоустройстве на работу магистранты чаще надеются на собственные способности (интернатная направленность), а студенты СПО — на благоприятное стечение обстоятельств и помощь семьи и друзей (экстернатная направленность). В ментальных репрезентациях образа будущего страны у студенческой молодежи Северного Кавказа преобладают установки толерантных межнациональных, межкультурных и межконфессиональных отношений в регионе проживания.

Библиографические ссылки

1. *Говердовская Е. В.* Культурно-образовательное пространство Северного Кавказа: ориентиры, проблемы, решения // Гум. и соц. науки. 2011. № 6. С. 218–227.
2. *Григорьева М. В.* Понятие «образовательная среда» и модели образовательных сред в современной отечественной педагогической психологии // Учен. записки пед. ин-та СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Серия: Психология. Педагогика. 2010. № 4. С. 3–11.
3. *Баева И. А., Лактионова Е. Б., Тарасов С. В.* Образовательная среда как фактор развития личности // Психологическая безопасность обра-

зовательной среды региона: теоретические основы и практика создания. СПб. : ГИЭФПТ, 2019. С. 13–20.

4. *Черникова Т. В.* Логика и содержание проектирования этнокультурного исследования в сфере образования // *Методология этнопедагогического исследования*. Элиста : Изд-во Калмыц. ун-та, 2017. С. 51–67.

5. *Фролова С. В.* Роль образовательной среды в становлении отношения личности к эмиграции // *Мир психологии*. 2009. № 3. С. 103–109.

6. WCIOM : сетевое издание. URL: <http://www.wciom.ru>.

Д. Р. Белодед

Калужский государственный университет

им. К. Э. Циолковского

Калуга, Россия

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Цифровые технологии (микроэлектроника, биотехнология, информационная среда), цифровая наука, экономика, культура, медицина становятся брендами социального развития сетевого общества. Во избежание нанесения ущерба психологической безопасности человека процесс внедрения цифрового мира в общественную жизнь должен сопровождаться формированием цифровой культуры, направленной на укрепление психологической устойчивости участников процесса цифровизации.

Ключевые слова: психологическая безопасность, цифровая среда, цифровизация, цифровая культура, психологическая устойчивость.

Diana R. Beloded

Kaluga State University

named after K. E. Tsiolkovski

Kaluga, Russia

PSYCHOLOGICAL SAFETY OF HUMANS IN THE CONDITIONS OF FORMATION OF DIGITAL CULTURE

Digital technologies (microelectronics, biotechnology, information environment), digital science, economics, culture, medicine are becoming brands of the social development of the network society. In order to avoid damage to the psychological security of a person, the process of introducing the digital world into public life should be accompanied by the formation of a digital culture aimed at strengthening the psychological stability of participants in the digitalization process.

Keywords: psychological safety, digital environment, digitalization, digital culture, psychological stability.

Введение. Цифровая среда стала неотъемлемой частью жизни. Использование новых технологий в профессиональных, образовательных, художественных, развлекательных и иных сферах жизнедеятельности радикально изменило многие процессы. С появлением возможности взаимодействовать с государственными службами в Интернете, предоставлять личную конфиденциальную информацию, совершать онлайн-покупки, получать образование и пр., владельцам цифровых ресурсов необходимо обеспечивать информационную безопасность и соблюдение закона о персональных данных [1]. В настоящее время погружение в гаджеты и интернет способствует повышению социальной напряженности в связи с виртуализацией индивидуального сознания и социальных связей, ускорением технологических изменений, большими потоками информации и общей повышенной нестабильностью социальных отношений. Поэтому сейчас на стадии формирования цифрового общества необходимо развивать сетевые коммуникативные модели, в том числе обозначать гуманистические ценности и нормативные отношения социального взаимодействия как составляющие элементы цифровой культуры [2], обеспечивающие психологическую устойчивость в условиях быстроизменяющейся реальности.

Материалы и методы. Теоретический анализ данных позволяет прийти к выводу, что невозможно отрицать цифровой мир как новую среду жизни и образования человека, сегодня важнее признать необходимость обсуждения, изучения и апробирования всех достижений высоких технологий и ресурсов для решения социальных проблем без ущерба психологической безопасности и нравственному развитию общества. Современная информационная среда возникла в результате процесса оцифровки, часто называемого переходом от аналоговой к цифровой передаче информации. Однако не все так просто, цифровая среда рождается не только в результате оцифровки информации или процесса автоматизации рабочих процессов, ее создание сопровождается формированием культуры и изменениями моделей взаимодействия. Изменения такого характера возможно установить с помощью определенных психодиагностических инструментов [3]. Зарожда-

ющаяся новая культура предполагает не только использование новых технологий в различных сферах деятельности человека, но и создание определенной системы человеко-технических отношений и форм социального взаимодействия, опосредованных цифровыми инструментами. Если до недавнего времени виртуальность была противоположностью физическому пространству, то сейчас наиболее актуальна гибридная реальность. Расширение цифровой культуры сопровождается изменениями ценностной ориентации, мировоззрения, типа общения, систем социальных отношений и моделей поведения [4]. Виртуальный (гибридный) образ жизни для детей является нормальным, потому что новые технологии сопровождают их с самого рождения [5]. В этой связи можно говорить о цифровой культуре как о среде, которая формирует и психологическую составляющую молодого поколения.

Результаты. В результате изучения влияния цифровой среды на подростков особое внимание уделяется формированию идентичности и социальных связей, а также когнитивных способностей и навыков. В последние годы часто упоминается такое явление, как «клиповое мышление», наличие которого характеризует:

- способность быстро переключаться между различными семантическими частями;
- предпочтение графического изображения тексту;
- отсутствие привычки анализировать причинно-следственные связи между явлениями. Такой образ мышления, безусловно, сказывается и на процессе развития самой культуры в целом. Культурное наследие воспринимается как поверхностное и деконструированное, без осмысления глубины культурных ценностей, ее динамики, не принимая во внимание внутренние, семантические связи между культурными явлениями. Цифровая среда и безграничность глобального интернет-пространства позволяют знакомиться с другими системами ценностей и моделями поведения, а также интегрировать их в свое личное пространство. Это становится одним из ключевых факторов изменения взгляда человека на мир и может привести к «гибридной идентичности». В этой связи необходимо разработать психологические и педагогические методы, которые помогут избежать разрыва между

фундаментальными культурными ценностями представителей цифрового поколения и старшим поколением [6].

Заключение. Одним из возможных способов решения проблемы угроз психологической безопасности в цифровой среде является обучение правильному распознаванию и оценке информации, а также ее критическому осмыслению на основе моральных и культурных ценностей. Не обязательно создавать идеальную информационную среду для всестороннего развития подрастающего поколения, важнее и продуктивнее развивать психологическую устойчивость личности. В настоящее время продолжается признание того, что вопросы безопасности детей в современном информационном пространстве — это вопросы, требующие согласованных решений на всех уровнях, от внутрисемейного до государственного и международного. Способность человека отражать негативные воздействия цифровой среды выражается в способности распознавать информационные угрозы, определять уровень рисков и грамотно реагировать на них. Правильное восприятие и оценка информации, а также критическое понимание, основанное на моральных и культурных ценностях.

Библиографические ссылки

1. *Эльтемеров А. А., Эльтемерова О. В.* Культура поведения в современном цифровом пространстве // КИБ. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-povedeniya-v-sovremennom-tsifrovom-prostranstve> (дата обращения: 08.06.2022).
2. *Маслакова М. В.* Цифровая культура как фактор формирования и развития электронной информационной образовательной среды вуза // Культура и образование : науч.-информ. журнал вузов культуры и искусств. 2020. № 2 (37).
3. *Енгальчев В. Ф., Чижова Д. С.* Психодиагностический инструментарий судебного психолога-эксперта : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. Кн. 1. Изучение психических свойств и состояний личности. М. : РУСАКИ, 2003. 152 с.
4. *Викторова Е. В.* Цифровая культура межличностных взаимодействий и импрессионг как ее элемент // Международ. науч.-исследоват. журнал. 2020. № 9 (99). Ч. 2. С. 35–39.

5. *Мешкова Л. Н.* Цифровая культура и цифровое поколение: основные направления взаимодействия // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Т. 9, № 3А. С. 178–188. DOI: 10.34670/AR.2020.96.97.021

6. *Белодед Д. Р.* Особенности воздействия цифрового контента на развитие психологической безопасности личности // Весенние психолого-педагогические чтения : сб. материалов VI Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти почетного профессора АГУ А. В. Буровой, Астрахань, 19 апреля 2022 года. Астрахань : Астрахан. гос. ун-т, 2022. С. 86–89. EDN LTUORB.

М. В. Белоусов

*Автономная некоммерческая организация
дополнительного профессионального образования
«Центр региональных социально-гуманитарных связей»
Москва, Россия*

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ПРИ СОПРОВОЖДЕНИИ БЕЗРАБОТНЫХ

Анализируются особенности психологического консультирования безработных граждан, раскрываются основные инструменты, выявляющие степень неустойчивости психологического состояния безработных, влияющие на длительность нахождения в кризисе занятости и способы выхода из него. Указываются основные направления психологического сопровождения безработных. Основные проблемы, возникающие при длительном нахождении безработных во внутриличностных конфликтах.

Ключевые слова. психологическое сопровождение, психодиагностика, психологическое сопровождение, безработный, внутриличностный конфликт.

Maksim V. Belousov

*Autonomous non-profit organization of additional professional education
“Center for Regional Social and Humanitarian Relations”
Moscow, Russia*

PECULIARITIES OF PSYCHOLOGICAL COUNSELING WHEN SUPPORTED BY THE UNEMPLOYED

The features of psychological counseling of unemployed citizens are analyzed, the main tools are revealed that reveal the degree of instability of the psychological state of the unemployed, affecting the duration of being in an employment crisis and ways out of it. The main directions of psychological support for the unemployed are indicated. The main problems that arise when the unemployed are in intrapersonal conflicts for a long time.

Keywords: psychological support, psychodiagnostics, psychological support, unemployed person, intrapersonal conflict.

Введение. На данный момент представлена широкая поддержка в виде различных государственных и частных программ по содействию безработным в поиске мест трудовой деятельности в виде ярмарок вакансий, информирования о вакантных местах, профессиональное и дополнительное профессиональное образование и многое другое [1]. Отдельным пунктом при содействии в трудоустройстве идет психологическое сопровождение безработных, которое, как правило, базируется на профориентационном тестировании, развитии необходимых навыков, требующихся при дальнейшем трудоустройстве, карьерном консультировании, психологической помощи при подготовке к собеседованиям и т. д. [2].

Материалы и методы. Существует большое количество инструментов психологического сопровождения безработных, таких как игры-собеседования, тренинги по коммуникации и развитию эмоционального интеллекта, развитию устойчивой самооценки, ведению переговоров, коммуникации в профессиональном коллективе и так далее [3]. Зачастую психологическое сопровождение выстраивается по двум направлениям работы — это индивидуальное консультирование, либо групповой формат, где могут быть представлены как учебные занятия, так и тренинги для развития навыков или компетенций.

При анализе особенностей психологического сопровождения безработных отдельно хотелось бы остановиться на психодиагностике, которая базируется на применении различных профессиональных инструментов, соответствующих актуальному запросу безработного. В актуальном запросе безработных граждан присутствует необходимость получения нового рабочего места, есть четкая потребность в получении объективной и понятной обратной связи не только о потенциальных возможностях на рынке, но и о тех навыках и компетенциях, которые необходимо сформировать, либо улучшить. Существует огромное количество методик, позволяющих психологам или карьерным консультантам выявить сильные и слабые стороны, обратившихся к ним граждан и дать четкую рекомендацию по дальнейшей стратегии поиска места трудовой деятельности. Отдельное внимание имеет смысл уделить психодиагностике, которая часто проводится в формате индивидуального

консультирования с помощью тестирования. Наиважнейшую роль при психодиагностике безработных имеет изучение системных кризисов в жизни самих безработных, вызванных наличием у безработных граждан внутриличностных конфликтов, что приводит к значительному снижению мотивации в поиске работы.

Как правило, мишенями профессиональной работы психолога при осуществлении психодиагностики безработных становятся функциональное состояние высших психических функций (внимание, память, мышление), определение степени тревожности, особенно актуально для лиц, находящихся в поиске работы более 1 года. Отдельное место в психодиагностике безработных отводится тому, что переживания данной группы граждан, относительно нахождения в кризисе занятости, характеризуются крайней неоднородностью. Значительная часть людей, оказавшихся в подобной трудной жизненной ситуации, находится в крайне неустойчивом психологическом состоянии [4, с. 156]. Также обращается внимание на ценностно-смысловые ориентации, актуальные потребности безработных, мотивацию, коммуникативные навыки.

Результаты. В случае нахождения во внутриличностном конфликте значительное время, у безработных граждан, идет рассогласование между ценностными ориентациями, мотивами, установками и реальными возможностями их реализации в тех условиях, в которых они находятся. Современные клинические исследования показывают, что данное рассогласование между возможностями безработного и его стремлениями часто приводит к формированию тяжелых психологических состояний в виде: эмоционального выгорания, синдрома упущенной выгоды, апатии либо частой раздражительности, подкрепляемых постоянной тревогой за будущее. Сложность в разрешении данного противоречия самостоятельно создает устойчивое напряжение. Далее формирование внутриличностного конфликта безработных отображается в следующей последовательности:

— невозможность справиться с трудностями собственными силами, что приводит к состоянию внутреннего беспокойства, повышенной тревожности, нервного и эмоционального напряжения;

— появление неустойчивой самооценки, влекущей за собой постоянный процесс обдумывания и сравнения себя с окружающими, который, в свою очередь, создает картину неудовлетворенности своей жизнью [5].

Заключение. Как показывает практика, при осуществлении психодиагностики необходимо учитывать также и наличие внутриличностных конфликтов, которые тянутся значительное время и ложатся тяжким бременем на плечи людей, оказавшихся в столь трудной жизненной ситуации, как потеря работы. Основная суть подобных конфликтов заключена в порой неверном представлении о своих сильных и слабых сторонах, потребности в достижении общепризнанных социальных атрибутов успеха, тогда как успех в профессии понятие индивидуальное и может быть связан с личными достижениями в работе, такими, например, как профессионализм, мастерство, польза от труда окружающим людям.

Библиографические ссылки

1. Мероприятия по активной политике занятости : правительство Кабардино-Балкарской Республики : [портал]. 2017. URL: https://pravitelstvo.kbr.ru/kbr/sotsialno_obshchestvennaya_sfera/zanyatost_naseleniya/aktivnye_programmy_zanyatosti.php.

2. Профессиональная ориентация и профтестирование // Моя работа : Центр занятости населения города Москвы. URL: <https://czn.mos.ru/services/description/cd032326-0d99-4f59-9757-998d6317545e/>.

3. *Косарева О. В.* Модель психологического сопровождения безработных граждан, состоящих на учете в центре занятости : выпускная квалификационная работа по магистерской программе, 2018. URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/10580/2/Kosareva2.pdf>.

4. *Бендюков М. А.* Психология профессионального кризиса у безработных : дис. ... д-ра псих. наук. СПб., 2009.

5. *Белюсов М. В.* Психологическое сопровождение формирования компетенций у безработных в период ненормативного кризиса занятости : дис. ... канд. псих. наук. Тверь, 2022.

А. И. Белоусова

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В СИТУАЦИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ В РАМКАХ МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА

Выявляются взаимосвязи эмоциональной регуляции и уровня нравственного самосознания личности с предпочтениями принятия решений в условиях моральных дилемм. Эмоциональный компонент, проявляющийся в контексте восприятия и реакции на личностные характеристики персонажа, участвует в выборе стратегии для принятия решения и связан с уровнем морального развития.

Ключевые слова: нравственное самосознание, имплицитные теории, эмоции, принятие решений, моральный выбор.

Alina I. Belousova

Moscow State University

named after M. V. Lomonosov

Moscow, Russia

THE EMOTIONAL COMPONENT IN A DECISION IN THE SITUATION OF A MORAL CHOICE

Relationships between emotional regulation and the level of moral self-awareness of a person with preferences for decision-making under conditions of moral dilemmas are revealed. The emotional component, which manifests itself in the context of perception and reaction to the personal characteristics of the character, is involved in the choice of a strategy for making a decision and is associated with the level of moral development.

Keywords: moral self-awareness, implicit theories, emotions, decision making, moral choice.

Введение. Нравственное самосознание личности включает в себя ценности, идеалы, нормы человека, являющиеся отражением его

жизненного, практического и исторического опыта. В психологии выбора разрабатываются проблемы личностной и интеллектуальной регуляции выбора в условиях неопределенности [1, 2]. На основе идей Л. С. Выготского утверждается представление о динамическом единстве процессов когнитивной и личностной регуляции принятия решений человека [3]. При моральном выборе принятие неопределенности связано с возможностью децентрации [4] и подключении всего интеллектуально-личностного потенциала, в регуляции которого ведущими уровнем выступает нравственное самосознание личности [5]. Одними авторами психологическая регуляция морального выбора сводилась к мотивационной, другими — контекст морального выбора связывался с включением уровня личностных ценностей или отношения к другому человеку [6]. Выделяют три компонента морального самосознания: когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческий компоненты. Эмоциональный фактор связан с контекстом отношений (понимание, учет позиции и чувств другого человек) при ориентировке в ситуации морального выбора. Моральные суждения опосредуются быстрым бессознательным процессом, который превалирует над вынесением причинно-следственных суждений, за этим могут стоять как эмоциональные процессы, так и свернутые когнитивные схемы [7]. Исследовательской задачей выступает выявление роли эмоциональных компонентов и эмоциональных предвосхищений, свидетельствующих о значимости его для человека (регуляции со стороны личностных ценностей и мотивов в ситуации морального выбора). Использование метода моральных дилемм позволяет моделировать ситуацию принятия решения в условиях неопределенности, в данном случае относительно самоопределения человека в своих личностных ценностях и категориях добра и зла. *Цель исследования:* выявление взаимосвязей эмоциональной регуляции и уровня нравственного самосознания личности с предпочтениями принятия решений в условиях моральных дилемм. *Гипотезы:* 1) восприятие персонажа как «злого» или как «доброе» будет оказывать влияние на стратегию выбора одной из альтернатив при решении задачи, 2) предпочтение условно «рациональной» или

«эмоциональной» направленности различаются в соответствии со стадией морального развития.

Материалы и методы. Выборка составила 102 человека, из них 11 мужчин и 91 женщина ($M = 21$, $SD = 9,8$, $Med = 20$), все — студенты и аспиранты факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. *Методика:* шесть задач, сформулированных по типу моральных дилемм. Три задачи включали характеристики главного персонажа как относительно «доброго», три другие — указание на относительно «злого». Два этапа исследования предполагали разную инструкцию: в первой акцентировалось внимание испытуемого на совершение выбора из альтернатив, а во второй — акцент на эмоциональном отношении к выбору. Каждый из вариантов решения дилеммы составлялся в соотношении с уровнем морального развития по Колбергу: доконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный уровни.

Результаты. При решении вербальных задач с первой инструкцией выбор альтернативы, соответствующей стадии более высокого уровня морального развития, был предпочтителен в контексте «доброго персонажа». Так, в дилемме 1 значимые различия были в предпочтении выбора 3 и 4 альтернативы, где 3 выбирали в задачах, с указанием на «злого» персонажа ($F = 7,683$, $p < 0,05$), а 4 альтернативу выбирали при указании на «доброго» ($F = 4,705$, $p < 0,005$). В дилемме 3 также 1 и 2 альтернативы предпочитались при указании на характеристику «злого» персонажа ($F = 20,93$, $p < 0,05$, $F = 48,03$, $p < 0,05$ соответственно), а 3 и 4 альтернативы, соответствующие конвенциональному и постконвенциональному уровню, предпочитались при указании на «доброго» персонажа ($F = 106,43$, $p < 0,05$, $F = 137,98$, $p < 0,05$). При решении вербальных задач со второй инструкцией тенденция предпочтения альтернатив сохраняется. Дилемма 1 — предпочтение 4 альтернативы при указании на «доброго» персонажа ($F = 25,829$, $p < 0,05$), дилемма 3 — предпочтение 3 и 4 альтернатив при указании на «доброго» ($F = 42,828$, $p < 0,05$, $F = 90,876$, $p < 0,05$).

Заключение. При непосредственном варьировании инструкции не выявляется различий в предпочтении альтернатив. Несмотря на смещение фокуса испытуемых на «эмоциональный» контекст,

больше активизировались аналитические и когнитивные процессы оценки и формирования представления о собственных эмоциях, что находится не в поле непосредственной эмоциональной реакции, а в контексте когнитивных структур. При варьировании характеристики персонажей выявляются различия в выборе альтернатив. Можно принять первую гипотезу о том, что восприятие персонажа как «злого» или как «доброе» будет оказывать влияние на стратегию выбора одной из альтернатив при решении задачи. При указании на негативные черты персонажа, испытуемыми предпочитались альтернативы, соответствующие стадиям доконвенционального морального развития. Таким образом, эмоциональный компонент, проявляющийся в контексте восприятия и реакции на личностные характеристики персонажа, участвует в выборе стратегии для принятия решения, и связан с уровнем морального развития.

Библиографические ссылки

1. *Зинченко В. П.* Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? // *Вопр. психологии.* 2007. № 6. С. 3–20.
2. *Корнилова Т. В.* Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов // *Псих. журнал.* 2013. Т. 34, № 3. С. 89–100.
3. *Корнилова Т. В., Тихомиров О. К.* Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером. М., 1990. 192 с.
4. *Корнилова Т. В., Новотоцкая-Власова Е. В.* Соотношение уровней нравственного самосознания личности, эмоционального интеллекта и принятия неопределенности // *Вопр. психологии.* 2009. № 6. С. 61–70.
5. *Корнилова Т. В., Чигринова И. А.* Стадии индивидуальной морали и принятие неопределенности в регуляции личностных выборов // *Псих. журнал.* 2012. Т. 33, № 2. С. 69–87.
6. *Будинайте Г., Корнилова Т. В.* Личностные ценности и личностные предпочтения субъекта // *Вопр. психологии.* 1993. № 5. С. 99–105.
7. *Gigerenzer G.* Moral intuition — fast and frugal heuristics? // *Moral Psychology: Vol. 2. The cognitive science of morality: Intuition and diversity / ed. W. Sinnott-Armstrong.* Cambridge, MA : MIT Press, 2008. P. 1–2.

Д. В. Бердникова

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

ПРЕДИКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ

Изучаются объективные и психологические предикторы профессиональной активности как субъектной характеристики преподавателей вуза. Показано, что к числу предикторов относятся пол, стаж педагогической деятельности, формально-динамические свойства индивидуальности и рефлексия. Сделан вывод, что при проведении тренинга профессиональной активности важно учитывать свойства темперамента и делать акцент на развитии системной рефлексии.

Ключевые слова: профессиональная активность, преподаватели вузов, факторы профессиональной активности.

Daria V. Berdnikova

*Ural Federal University
named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia*

PREDICTORS OF PROFESSIONAL ACTIVITY OF UNIVERSITY TEACHERS

Objective and psychological predictors of professional activity as a subject characteristic of university teachers are researched. It has been shown that predictors include gender, experience of pedagogical activity, formal-dynamic qualities of individuality and reflection. It was concluded that in professional activity training it is important to take into account the qualities of temperament and focus on the development of systemic reflection.

Keywords: professional activity, university teachers, predictors of professional activity.

Введение. Сегодня в связи с реформированием системы высшего образования к профессиональной деятельности и личности преподавателей вузов предъявляются большие требования. Преподаватель сегодня, чтобы быстро адаптироваться к изменениям и реализовать свой потенциал, должен быть субъектом труда. Это значит самостоятельно определять вектор развития в профессии на основании системы ценностей, занимать по отношению к деятельности авторскую позицию. Ядро субъектности — профессиональная активность личности. Именно активность обеспечивает становление человека как профессионала, позволяет ему постоянно развиваться, преодолевать препятствия, управлять достижением своих целей.

Поэтому изучение структуры, динамики, факторов профессиональной активности является актуальной задачей, решение которой позволит разработать эффективные методы развития активности.

Нами было проведено исследование, в котором изучались объективные и психологические предикторы профессиональной активности: возраст, пол, стаж педагогической деятельности, формально-динамические свойства индивидуальности и рефлексия. Объективные предикторы были выделены на основе анализа теоретических источников, посвященных вопросам профессионального развития педагогов. Выбор психологических предикторов обусловлен гипотезой о том, что на профессиональную активность, с одной стороны, должны влиять природные качества (свойства темперамента), с другой — качества, формирующиеся в течение жизни и свидетельствующие о зрелости личности (рефлексия).

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 445 преподавателей из разных университетов России. Возрастной диапазон от 24 до 80 лет. Использовались следующие методики: исследовательская методика профессиональной активности и анкета профессиональной активности, опросник формально-динамических свойств темперамента В. М. Русалова и опросник «Дифференциальный тип рефлексии» Д. А. Леонтьева. Исследовательская методика разработана на основе эмпирико-теоретической модели профессиональной активности по направленности, которая была получена нами в ходе пилотажного исследования преподавателей вузов. Методика позволяет определить степень выраженности профессиональной

активности в целом и различных типов ее направленности. Анкета отражает показатель результативности преподавателя в научной и педагогической деятельности. Полученные данные были обработаны с помощью метода регрессионного анализа.

Результаты. Общими предикторами и для профессиональной активности в деятельности, и для субъективно оцениваемой профессиональной активности являются пол (женский), индекс общей активности, системная рефлексия, интроспекция.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что женщины-преподаватели вузов обладают более высокой профессиональной активностью, чем мужчины ($\beta = 0,10$; $F = 28,25$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,34$ для исследовательской методики; $\beta = 0,16$; $F = 9,06$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,14$ для анкеты). На сегодняшний день идет активный процесс «феминизации» российской науки и высшего образования. Данную тенденцию и более высокую профессиональную активность женщин авторы [1] связывают с их адаптивностью, гибкостью, конкретным мышлением. Также может быть и иное объяснение, связанное с тем, что мужчины более критично относятся к качеству своих знаний и различным аспектам своей профессиональной активности, чем женщины. Данный факт был выявлен в исследовании Т. В. Богдановой [2], посвященном изучению профессиональной идентичности преподавателей вузов.

Профессиональную активность детерминирует индекс общей активности ($\beta = 0,20$; $F = 28,25$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,34$ для исследовательской методики; $\beta = 0,18$; $F = 9,06$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,14$ для анкеты), отражающий показатели эргичности, пластичности, скорости процессов в психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной сфере. Таким образом, он представляет собой базу для формирования и развития субъектной активности человека.

Системная рефлексия ($\beta = 0,31$; $F = 28,25$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,34$ для исследовательской методики; $\beta = 0,15$; $F = 9,06$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,14$ для анкеты), заключается в способности посмотреть на себя со стороны. Это дает возможность относиться к себе как к авторскому проекту, работать над собой, что отражает сущность профессиональной активности. Кроме того, развитая рефлексия позволяет человеку

определять вектор активности, корректировать действия для достижения результата.

Интроспекция вносит отрицательный вклад в профессиональную активность ($\beta = -0,34$; $F = 28,25$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,34$ для исследовательской методики; $\beta = -0,15$; $F = 9,06$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,14$ для анкеты). Человек, который сосредоточен на собственных переживаниях, тратит энергию впустую, не видит возможности профессиональной среды, испытывает затруднения с коммуникацией. Особенно это актуально для педагогов, которые работают в системе «человек — человек». Чрезмерная фиксация на себе мешает эффективному осуществлению преподавательской деятельности, поскольку фокус внимания не на целях обучения и не на взаимодействии со студентами.

Фактором профессиональной активности, измеренной с использованием анкеты, является стаж профессиональной деятельности ($\beta = 0,21$; $F = 9,06$; $p = 0,00$; $R^2 = 0,14$). Получается, что по мере профессионального становления активность в плане ее результативности становится выше. Этот факт находит свое объяснение в работах Э. Ф. Зеера [3]. В процессе профессионального развития, если оно идет по конструктивному пути, преподаватель вырабатывает свой индивидуальный стиль деятельности, создает авторские методы обучения, выходит на уровень самоактуализации и профессионального мастерства. Напротив, активность педагогов с небольшим стажем работы направлена в основном на адаптацию, на формирование профессионально важных качеств, компетенций.

Заключение. Подводя итог, отметим, что для уравнения профессиональной активности, измеренной по исследовательской методике, коэффициент детерминации является значимым (0,34). Это свидетельствует о надежности математической модели для предсказания активности. Полученные данные можно использовать в практике, например при разработке тренинга профессиональной активности. Конечно, объективные параметры и свойства темперамента не поддаются коррекции. Но можно учитывать свойства темперамента в работе, обеспечивая тем самым индивидуальный подход, и делать акцент на развитии системной профессиональной рефлексии. Посредством углубления самопознания педагог будет лучше отражать, на каком уровне находится его профессиональная

активность сейчас, что влияет на его активность в положительном и отрицательном смысле. Это даст преподавателю возможность видеть дальнейшие перспективы развития активности с опорой на свои внутренние ресурсы и исходя из особенностей своей личности.

Библиографические ссылки

1. *Березина А. В., Витюховская Я. А.* Образ женщины-преподавателя в СМИ и в российском обществе // Человек в мире культуры. 2014. № 1. С. 3–9.

2. *Богданова Т. В.* Современные проблемы профессиональной идентичности преподавателей высшей школы // Концепт : науч.-метод. электрон. журнал. 2016. Т. 15. С. 701–705. URL: <http://e-koncept.ru/2016/96052.htm>.

3. *Зеер Э. Ф.* Психология профессий. М. : Академ. проект, 2008. 336 с.

**Е. Ю. Благов
С. И. Лукашкин
Р. К. Сперанский
Н. А. Енова
Я. Е. Павельчук**

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия;
Школа перспективных исследований (SAS) ТюмГУ
Тюмень, Россия*

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ VR-ТРЕНАЖЕРА И АЛЬТЕРНАТИВНЫХ МЕТОДОВ В ОБУЧЕНИИ НАВЫКАМ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Анализируются результаты эксперимента обучения навыкам публичных выступлений на английском языке с использованием VR-тренажера в сравнении с самообучением и взаимодействием с тренером, проведенного в Школе перспективных исследований Тюменского государственного университета совместно с сотрудниками Научно-образовательного центра «Цифровые технологии в образовании» Санкт-Петербургского государственного университета в период с 23.05.2022 по 28.05.2022. Рассматривается сравнительная эффективность сравниваемых методов обучения для улучшения различных навыков (эмоционального контроля, структурирования речи, контакта с аудиторией).

Ключевые слова: технологии виртуальной реальности, коммуникативные навыки, навыки публичных выступлений.

Evgeny Yu. Blagov
Sergey I. Lukashkin
Rostislav K. Speransky
Natalia A. Enova
Yana Ye. Pavelchuk

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia;
School of Advanced Studies (SAS)
the University of Tyumen
Tyumen, Russia

COMPARATIVE STUDIES OF VR SIMULATOR EFFECTIVENESS AND ALTERNATIVE PRESENTATION SKILLS TRAINING METHODS

The paper analyzes the results of the experiment (conducted at the School of Advanced Studies (SAS), the University of Tyumen in collaboration with the Saint Petersburg State University “Digital Technologies in Education” Science and education center from 23.05.2022 to 28.05.2022) comparing teaching English language public presentation skills using a VR simulator in comparison with self-study and exercises with the instructor. The researched teaching methods are compared for effectiveness in teaching various skills of the set (emotional control, speech structuration and contact with the audience).

Keywords: VR technologies, communication skills, public presentation skills.

Введение. Внедрение технологий виртуальной и дополненной реальности в обучение является сегодня одним из актуальных трендов развития образования, зачастую воспринимаемым некритически в качестве некоей панацеи; однако же очевидно, что, как и любая другая технология, VR и AR могут быть сравнительно более эффективными при обучении каким-то одним знаниям, умениям и навыкам, и менее эффективными при обучении другим.

Соответственно, приобретают актуальность сравнительные исследования VR/AR и других технологий в различных образова-

тельных контекстах; в данных тезисах описывается одно из таких исследований.

Материалы и методы. В исследовании были использованы следующие методы: эксперимент, анкетирование студентов, сравнение, анализ и статистическая обработка данных. В эксперименте приняло участие 57 студентов первого курса Школы перспективных исследований Тюменского государственного университета, 17–19 лет, 23 мужчины и 34 женщины. Отбор испытуемых происходил по критерию: студенты, проходившие учебный курс “Topic of the First Year”.

Испытуемые оценивали свою уверенность во время публичных выступлений, оценив себя по следующей шкале: “terrified”, “a bit nervous”, “ok”, “quite confident” и “extremely confident”. Затем испытуемые были разделены на три равные группы по 19 человек, выравненные по их субъективному уровню уверенности. Первая группа (VR — virtual reality) проходила обучение с помощью VR-тренажера, состоящее из трех тренировок длительностью от 10 до 20 минут каждая. Вторая группа (SS — self study) тренировалась самостоятельно, выполняя упражнения на развитие ключевых для выступлений навыков (визуальный контакт с аудиторией, качество и чистота речи, слова-паразиты) без ограничений по времени. Третья группа (ТТ — teacher training) была разделена на три подгруппы от 6 до 7 человек, проходившие две групповые тренировки с тренером общей длительностью 180 минут. После обучения студенты проходили повторное анкетирование для выявления уровня стресса во время публичных выступлений и субъективной оценке своих навыков публичных выступлений.

Для верификации результатов обучения была проведена оценка презентационных навыков респондентов в ходе публичной презентации перед независимым жюри по шкале от 0 до 2. Оценки, полученные респондентами, указывают на отсутствие существенных различий между квалификацией участников, проходивших тренировки в составе разных когорт, по итогам эксперимента (среднее и дисперсия для когорт: VR: $\mu = 1,705$, $\sigma^2 = 0,251$; SS: $\mu = 1,842$, $\sigma^2 = 0,114$; ТТ: $\mu = 1,555$, $\sigma^2 = 0,248$).

Результаты. Несмотря на отсутствие выявленных различий внешней оценки квалификации участников, ответы на все вопросы

анкеты демонстрируют улучшение *субъективно* воспринимаемых респондентами презентационных навыков во всех трех когортах (за исключением ответа на один из вопросов в области концентрации внимания (“My thoughts become confused and jumbled when I am giving a speech in English”), где было продемонстрировано ухудшение). Однако при сравнении степени изменения данных навыков были выявлены различия в сравнительной эффективности методов обучения. Так, когорта прошедших самообучение в ответах на все вопросы демонстрирует меньшую степень улучшения результатов: только 4 из 9 респондентов уверены, что их навыки улучшились за время эксперимента, против 10 из 14 респондентов в каждой из когорт VR и ТТ.

Сравнение же VR-тренажера и обучения с тренером для рассмотренной выборки демонстрирует:

— большую субъективную эффективность обучения с использованием VR-тренажера для улучшения навыков управления концентрацией внимания (например, в ответе на вопрос “My thoughts become confused and jumbled when I am giving a speech in English”) и взаимодействия с аудиторией (например, в ответе на вопрос “When I perform I try to engage the audience”);

— большую субъективную эффективность обучения с тренером для улучшения навыков структурирования содержательной части коммуникации (например, в ответе на вопрос “While giving a speech in English, I get so nervous I forget facts I really know”).

Данные результаты в значительной степени согласуются с представленными в литературе сравнительными исследованиями использования технологий виртуальной реальности с другими методами обучения (например, [1; 2]); однако большинство подобных исследований рассматривают в основном обучение «жестким» навыкам той или иной физической работы или работы с оборудованием, в то время, как сравнительные исследования в области обучения таким «мягким» навыкам, как публичные выступления, в литературе на настоящий момент представлены существенно меньше [3], что подчеркивает научную новизну работы.

С целью как проверки результатов на более статистически значимой выборке, так и более глубокого изучения отдельных взаи-

мозависимостей, планируется провести аналогичное исследование на более масштабной выборке обучающихся Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ).

Заключение. Результаты исследования — пусть пока и на достаточно небольшой выборке — позволяют выявить сравнительную эффективность различных технологий и методов обучения навыкам публичных выступлений на иностранном языке и тем самым обладают как теоретической, так и практической значимостью.

Библиографические ссылки

1. The Comparative Effectiveness of Virtual Reality Versus E-Module on the Training of Donning and Doffing Personal Protective Equipment: A Randomized, Simulation-Based Educational Study / M. B. Kravitz et al. // *Cureus*. 2022. Vol. 14. № 3.

2. Noyes J. A., Carbonneau K. J., Matthew S. M. Comparative Effectiveness of Training with Simulators Versus Traditional Instruction in Veterinary Education: Meta-Analysis and Systematic Review // *Journal of Veterinary Medical Education*. 2022. Vol. 49, № 1. P. 25–38.

3. Radhakrishnan U., Koumaditis K., Chinello F. A systematic review of immersive virtual reality for industrial skills training // *Behaviour & Information Technology*. 2021. Vol. 40, № 12. P. 1310–1339.

И. В. Блинникова

А. И. Измалкова

М. Д. Рабесон

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;

Московский государственный лингвистический университет

Москва, Россия

ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ И СТРАТЕГИИ ЗРИТЕЛЬНОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО ПОИСКА*

Влияние языкового опыта на глазодвигательные параметры может отражать различия в особенностях когнитивных стратегий у более и менее опытных испытуемых. Данное исследование посвящено выявлению различий в параметрах зрительного семантического поиска и когнитивной обработки лексической информации испытуемыми разного уровня владения русским языком. Полученные данные показывают, что с возрастанием уровня языковой компетентности существенно трансформируются и стратегии зрительного поиска при работе с лексической информацией, свидетельствующие о развитии более эффективных способов когнитивной обработки.

Ключевые слова: языковая компетенция, родной язык, иностранный язык, зрительный семантический поиск, глазодвигательные паттерны, когнитивная обработка.

* Работа выполнена при поддержке проекта РФФИ № 20-013-00674.

Irina V. Blinnikova

Anna I. Izmalkova

Maria D. Rabeson

Lomonosov Moscow State University;

Moscow State Linguistic University

Moscow, Russia

LANGUAGE EXPERIENCE AND VISUAL LEXICAL SEARCH STRATEGIES

The influence of language experience on oculomotor parameters may reflect differences in the features of cognitive strategies in more and less experienced subjects. This study is devoted to identifying differences in the parameters of visual semantic search and cognitive processing of lexical information by subjects of different levels of Russian language proficiency. The data obtained show that with the increase in the level of language competence, the strategies of visual search when working with lexical information are also significantly transformed, indicating the development of more effective methods of cognitive processing.

Keywords: language competence, native language, foreign language, visual semantic search, eye-movement patterns, cognitive processing.

Введение. Различные аспекты когнитивной обработки отражаются в паттернах движений глаз при решении зрительных задач [1]. Предыдущие исследования установили закономерности трансформации глазодвигательной активности при сканировании поля зрения при изменении уровня языковой компетенции [2]. Есть основания полагать, что глазодвигательная активность также может отражать особенности когнитивной обработки вербального материала на родном и иностранном языках.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 34 человека (19 носителей русского языка и 15 респондентов, изучающих русский как иностранный язык на уровне B2). В качестве экспериментальных стимулов использовались буквенные матрицы, заполненные кириллическими буквами (15 × 15), в которые помещались русские слова. Каждая из шести предлагаемых для анализа матриц

включала 10 среднечастотных слов русского языка и предъявлялась на 40 секунд. Движения глаз испытуемых регистрировались с помощью айтрекера SR 1000. Использовалась процедура выделения паттернов движения глаз зрительного поиска по межсаккадным углам и направлениям саккад, подробно описанная в нашей предыдущей статье [3].

Результаты. Полученные данные показывают, что респонденты используют разные стратегии визуального поиска. Во-первых, глагодвигательные паттерны, наблюдаемые у русскоязычных испытуемых, характеризовались большими межсаккадическими углами ($m = 74,1$), что подтверждает приверженность стратегии скользящего, неупорядоченного сканирования, в отличие от более медленной схемы последовательного сканирования, характерной для студентов, для которых русский язык не является родным ($m = 31,8$) — $F(2; 190) = 479, p < 0,05$. Во-вторых, сходные тенденции и различия наблюдались также при анализе параметров фиксации взгляда при поиске слов. Русскоязычные испытуемые демонстрировали более длительные фиксации ($m = 0,83$ мс по сравнению со средней длительностью фиксации продолжительностью в 0,33 мс у испытуемых, изучающих русский язык как иностранный, хотя и на высоком уровне владения). Эти тенденции могут свидетельствовать о более успешном извлечении релевантной информации при визуальном лексическом поиске испытуемыми, прибегающими к стратегии «беглого» сканирования с фиксациями на релевантных фрагментах зрительного поля.

Заключение. Полученные данные подтверждают, что существующие различия в режимах когнитивной обработки отражаются в паттернах глагодвигательной активности. Контраст между группами носителей языка и изучающих русский язык как иностранный согласуется с моделью трансформации режима обработки. Данные также соответствуют предыдущим исследованиям эффективности в задачах лексического решения в зависимости от уровня владения языком [4] и стратегий когнитивной обработки зрительной семантической информации опытными респондентами [5].

Библиографические ссылки

1. Two visual systems and their eye movements: Evidence from static and dynamic scene perception / B. M. Velichkovsky et al. // Proceedings of the XXVII conference of the cognitive science society. 2005. Vol. 1. P. 2005.
2. *Blinnikova I. V., Rabeson M. D., Izmalkova A. I.* Eye movements and word recognition during visual semantic search: differences between expert and novice language learners // Psychology in Russia: State of the art. 2019. Vol. 12, № 1. P. 129–146.
3. *Blinnikova I., Izmalkova A.* Modeling search in web environment: the analysis of eye movement measures and patterns // International Conference on Intelligent Decision Technologies. Springer, Cham. 2017. P. 297–307.
4. *Bultena S., Dijkstra T., Van Hell J. G.* Cognate effects in sentence context depend on word class, L2 proficiency, and task // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2014. Vol. 67, № 6. P. 1214–1241.
5. *Chen S., Kruger J. L., Doherty S.* Reading patterns and cognitive processing in an eye-tracking study of note-reading in consecutive interpreting // Interpreting. 2021. Vol. 23, № 1. P. 76–102.

Д. Б. Богоявленская

*Психологический институт
Российской академии образования
Москва, Россия*

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСТВА КАК ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ

В тексте доклада ставится проблема образования на всех уровнях, от дошкольного до университетского, связанного с используемой методологией. Результаты наших исследований по развитию интеллекта и способности к творчеству от дошкольного возраста до аспирантуры привели нас к выводу, что наблюдаемое резкое их снижение связано со сменой в 90-х годах отечественной методологии (развиваемой школами С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина и В. В. Давыдова, П. Я. Гальперина) на методологию бихевиоризма, развиваемую в рамках ассоциативной парадигмы.

Ключевые слова: творчество, интеллект, ассоциации, мотивация, познание.

Diana B. Bogoyavlenskaya

*Psychological Institute of Russian Academy of Education
Moscow, Russia*

THE DEVELOPMENT OF CREATIVITY AS A PROBLEM OF EDUCATION

The text of the report raises the problem of education at all levels, from preschool to university, related to the methodology used. The results of our research on the development of intelligence and creativity from preschool to graduate school led us to the conclusion that the observed sharp decline in them is associated with a change of the domestic methodology in the 90s (developed by the schools of S. Rubinshtein, A. Leontiev, D. Elkonin and V. Davydov, P. Galperin), to the methodology of behaviorism, developed within the framework of the associative paradigm.

Keywords: creativity, intellect, associations, motivation, knowledge.

Введение. При стремительно нарастающей актуальности к XXI в. творчество все еще не имеет научного определения, поскольку общепринятым считается определение творчества не по его процессуальной стороне — механизму, а по его результату — новизне продукта. Процесс реализации творчества связывается с понятием творческого мышления и реализуется в решении проблемных ситуаций, т. е. фактически в процессе продуктивного мышления [1]. Понимание одаренности сводится или к высоте способностей или к креативности (что было уступкой Западу в 90-е годы) и по настоящее время доминирует как в области научных исследований, так и в области образования. Уход нашего образования с проблем развития мышления к формированию его навыков привел к резкому падению как показателей развития интеллекта, так и способности к творчеству.

Материалы и методы. Для демонстрации снижения показателей по способности к творчеству мне придется напомнить развиваемое нами раскрытие понятий творчества и одаренности. Сам термин одаренность появился в XIII в., когда софисты как представители победившего христианства постулировали, что, если человек оказывается способным к творчеству, значит, это дар бога. Само же творчество рассматривается нами как порождение нового знания в результате развития выполняемой деятельности по собственной инициативе. Выйти на это определение и дифференцировать понятия творчества, творческого мышления и продуктивного мышления нам позволил новый метод «Креативное поле», построенный вне модели «стимул — реакция». Это позволяет в процессе эксперимента наблюдать у испытуемого развитие исследовательской деятельности [2]. Первый, поверхностный, слой — заданная деятельность по решению конкретных задач. Полученные на этом уровне данные позволяют судить об уровне интеллекта по всем параметрам обучаемости: темпу продвижения; уровню обобщенности, экономичности; осознанности и самостоятельности. Если работа участника эксперимента проходит только в рамках решения предъявляемых задач (проявления продуктивного мышления), то при разной степени успешности, в том числе высокой, мы относим его к стимульно-продуктивному уровню. Это — деятельность на уровне единичного,

по Гегелю. Второй — глубинный слой, замаскированный «внешним» слоем и не очевидный для испытуемого, — это деятельность по выявлению скрытых закономерностей, которые содержит вся система задач, открытие которых не требуется для их решения. Здесь человек выходит за рамки первоначальных требований, «взрывает слои сущего». На этом основании мы относим его к эвристическому уровню — работу на уровне особенного, и констатируем наличие у него способности к творчеству, т. е. одаренность. Такой вид мышления обычно называют творческим. Однако характер самого мышления не изменился, а изменилась его мотивация. Мотив достижения, адекватный требованию решить предлагаемую задачу, сменяется у ряда испытуемых в процессе деятельности по решению однотипных задач на доминирующий в их структуре личности познавательный мотив. В результате чего они открывают новые закономерности, что и расценивается как творчество. Далее самостоятельно найденная эмпирическая закономерность может не использоваться только как прием решения, а рассматриваться испытуемым в качестве новой проблемы, когда найденные закономерности подвергаются доказательству. Здесь мы впервые сталкиваемся с феноменом подлинного целеполагания. При этом действие индивида приобретает порождающий характер: его результат шире, чем исходная цель. Это — уровень постановки новых проблем и построения теорий. Здесь анализ совершается на уровне всеобщего. Такой анализ обеспечивает познание сущности объекта. Но, познав сущность явления, можно предсказать качественные скачки в его развитии, что определяет прогностические способности человека.

Результаты. Теперь, имея представление об уровнях движения нашего мышления, вернемся к сопоставлению результатов в системе нашего образования. Если в 1999 г. 5 % учащихся не могли справиться с заданием, то в 2021 г. их уже 13 %. Если до 1999 г. мы констатировали, что на творческий уровень выходило до 23 % участников, то в 2021 г. их количество достигло только 6 %. Более того, если в 1970 г. на творческие уровни вышло 50 % учащихся элитной гимназии, то в 2013 г. из выборки учащихся — победителей и призеров олимпиад, не вышел на эти уровни никто [3].

Заключение. Результаты, полученные нами в лонгитюдных и срезовых исследованиях по методу «Креативное поле», показали низкую эффективность «навыкового» подхода в системе образования для развития такого важного в современном мире качества личности, как способность к творчеству.

Библиографические ссылки

1. *Зарецкий В. К.* Если ситуация кажется неразрешимой... : 2-е изд. М. : Форум, 2019. 64 с.
2. *Богоявленская Д. Б.* Метод исследования уровней интеллектуальной активности // *Вопр. психологии.* 1971. № 1. С. 144–146.
3. *Богоявленская Д. Б., Низовцова А. Н.* К проблеме соотношения общих, специальных и творческих способностей // *Психология.* 2017. Т. 14, № 2. С. 227–298.

И. Н. Бондаренко

*Психологический институт
Российской академии образования
Москва, Россия*

СТРУКТУРНАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОСВЯЗИ САМОРЕГУЛЯЦИИ, ШКОЛЬНОЙ ВОВЛЕЧЕННОСТИ И АКАДЕМИЧЕСКОЙ УСПЕШНОСТИ УЧЕНИКОВ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ*

Изучено влияние саморегуляции, вовлеченности в учебу, мотивации и личности на академическую успеваемость с учетом эффектов медиации. Создана статистическая модель предикторов успеваемости обучающихся. Результаты показывают, что саморегуляция занимает центральное место среди ее некогнитивных предикторов. Модель демонстрирует, что поведенческая и когнитивная вовлеченность вносят в нее значительный вклад, в то время как эмоциональная и социальная вовлеченность не обнаружили с ней существенных связей и влияют на другие сферы школьной жизни.

Ключевые слова: осознанная саморегуляция, школьная вовлеченность, академическая успеваемость, подростки.

Irina N. Bondarenko

*Psychological Institute
of the Russian Academy of Education,
Moscow*

STRUCTURAL MODEL OF RELATIONSHIPS BETWEEN SELF-REGULATION, SCHOOL ENGAGEMENT AND STUDENTS' ACADEMIC ACHIEVEMENT IN SECONDARY SCHOOL

The study is aimed to investigate the impact of self-regulation, school engagement, motivation, and personality on academic achievement taking into account the effects of mediation. Statistical model of predictors of students'

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект 20-18-00470 «Саморегуляция и школьная вовлеченность как психологические ресурсы академической успешности: лонгитюдное исследование».

academic achievement was verified on the total sample and samples differing in gender and age. The results show that self-regulation is central to non-cognitive predictors of academic achievement. The resulting model demonstrates that behavioral and cognitive engagement make a significant contribution to academic performance, while emotional and social engagement did not find significant links with it, determining other areas of school life.

Keywords: conscious self-regulation, school engagement, academic achievement, adolescents.

Введение. Осознанная саморегуляция и школьная вовлеченность рассматриваются как важнейшие факторы повышения академической успеваемости в школе [1, 2]. Если раньше приоритет отдавался когнитивным характеристикам — интеллекту и исполнительным функциям, то в настоящее время исследователи все чаще обращаются к некогнитивным предикторам, в частности саморегуляции, мотивации, вовлеченности и эмоциональному отношению к учению, которые вносят прямой вклад в успеваемость, что надежно реплицируются на выборках, различающихся по возрасту, полу, виду школьной активности, культурным различиям и т. д. Однако особенности взаимосвязи некогнитивных предикторов и их совместное влияние на академическую успешность изучены недостаточно. Целью настоящего исследования является построение структурных моделей взаимосвязи осознанной саморегуляции, вовлеченности, личностных свойств, а также оценка модераторных и медиаторных эффектов их совместного вклада в академическую успешность. Саморегуляция рассмотрена в подходе В. И. Моросановой и определяется как управляющая метасистема универсальных и специальных психологических ресурсов, то есть когнитивных, внутриличностных и регуляторных компетенций человека, которые могут быть сознательно использованы в качестве средства для решения учебных задач [1]. Школьную вовлеченность мы рассматриваем как устойчивое, направленное, активное участие обучающихся в учебной деятельности и в школьной жизни в целом, включающее проявления поведения, когнитивной и эмоциональной включенности, а также особенности социального взаимодействия [3]. Среди личностных черт (Big 5) особо отметим добросовестность, которая имеет наиболее тесные связи с успевае-

мостью. Это единственная черта, влияние которой на успеваемость сопоставимо (а по некоторым данным даже превышает) влиянию когнитивных способностей [4]. По данным метаанализов, академическая мотивация является наиболее сильным предиктором академических достижений [5]. Все рассмотренные выше феномены хорошо изучены в отношении влияния на успеваемость обучающихся, но недостаточно осмыслены их особенности взаимовлияния друг на друга. Это создает необходимость построения структурных моделей и их эмпирической верификации.

Материалы и методы. Опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции учебной деятельности, ССУД-М», многомерная шкала школьной вовлеченности, опросная методика «Шкалы академической мотивации школьников, ШАМ-Ш». «Большая пятерка — детский вариант» для учащихся средней школы. Выборка: 1 524 учащихся 7–11 классов российских школ. Использовано моделирование структурными уравнениями (SEM).

Результаты. При построении модели использованы результаты корреляционного и регрессионного анализа. В качестве независимых переменных выступили интегральные показатели саморегуляции, школьной вовлеченности, мотивации и латентный фактор личностных свойств, образованный свойствами Big 5. Годовая интегральная оценка по математике и русскому языку явилась зависимой переменной. Созданная с использованием AMOS 23 структурная модель имеет хорошее статистическое соответствие теоретической модели. ($\chi^2/df = 2.57$, $p = .00$, CFI = .99, GFI = .99, RMSEA = .037, PCLOSE = .94). Она демонстрирует, что саморегуляция вносит прямой значимый вклад в академическую успеваемость ($\beta = 0,14$). Положительное влияние саморегуляции на успеваемость усиливается за счет вклада в нее вовлеченности ($\beta = 0,18$). Влияние академической мотивации на успеваемость имеет опосредствующий характер, воздействуя через школьную вовлеченность ($\beta = 0,28$) и саморегуляцию. Достигнутые учебные результаты поддерживают и усиливают учебную мотивацию подростков ($\beta = 0,15$). Все личностные свойства вносят положительный вклад в саморегуляцию ($\beta = 1,14$), вовлеченность ($\beta = 0,53$), мотивацию ($\beta = 0,57$) и успеваемость ($\beta = 0,16$). Таким образом, выявлен характер взаимосвязи между саморегуляцией,

мотивацией и вовлеченностью, также показано, что эта связь носит реципрокный характер. Предоставлены данные о сложных закономерностях, возникающих во взаимосвязях между некогнитивной сферой и академической успеваемостью. Так, саморегуляция может быть рассмотрена как ядерный компонент (core component) успешности обучения, вносящий не только непосредственный вклад в успеваемость, но и поддерживающий факторы, способствующие достижению учебных целей.

Заключение. Впервые исследован реципрокный характер связи между саморегуляцией, вовлеченностью, мотивацией и успеваемостью. Показано, что в подростковом возрасте саморегуляция компенсирует недостаточную вовлеченность и мотивацию обучающихся, что обеспечивает удовлетворительную успеваемость и подтверждает ресурсную роль саморегуляции не только для успеваемости учащихся, но и для их академической мотивации, вовлеченности в учебу и отношения к учебе. Разработанная предикторная модель академической успеваемости обеспечит основу для объединения существующих разнородных концепций в единую интегрированную модель и прояснит противоречия между ними.

Библиографические ссылки

1. *Morosanova V. I., Fomina T. G., Bondarenko I. N.* Academic achievement: Intelligence, regulatory, and cognitive predictors // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2015. № 8(3). P. 136–157. <https://doi.org/10.11621/pir.2015.0311>
2. School engagement and intentional self-regulation: A reciprocal relation in adolescence / K. K. Stefansson, S. Gestsdottir, F. Birgisdottir et al. // *Journal of adolescence*. 2018. № 64. P. 23–33. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2018.01.005>
3. *Wang C., Shim S. S., Wolters S. A.* Achievement goals, motivational self-talk, and academic engagement among Chinese students // *Asia Pacific Education Review*. 2017. Vol. 18, № 3. P. 295–307. <https://doi.org/10.1007/s12564-017-9495-4>
4. *Dumfart B., Neubauer A. C.* Conscientiousness is the most powerful non-cognitive predictor of school achievement in adolescents // *Journal of Individual Differences*. 2006. № 37(1). P. 8–15. <https://doi.org/10.1027/1614-0001/a000182>
5. *Richardson M., Abraham C., Bond R.* Psychological correlates of university students' academic performance: a systematic review and meta-analysis // *Psychological bulletin*. 2012. № 138(2). P. 353–387. <https://doi.org/10.1037/a0026838>

Г. И. Борисов

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

РЕСУРСЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛЮДЕЙ ПОЗДНЕЙ ЗРЕЛОСТИ*

Психологическое благополучие в поздней зрелости детерминирует успешность процесса геронтогенеза. Это обуславливает актуальность поиска ресурсов, обеспечивающих психологическое благополучие в поздней зрелости. Исходя из разнообразия психологических изменений в поздней зрелости, мы выделили четыре блока ресурсов психологического благополучия людей поздней зрелости: психофизиологический, эмоционально-волевой, рефлексивно-регуляционный, ценностно-мотивационный. В статье описан дизайн эмпирического исследования влияния данных ресурсов на психологическое благополучие людей поздней зрелости.

Ключевые слова: психологическое благополучие, ресурсы, поздняя зрелость, геронтогенез.

Georgy I. Borisov

*Ural Federal University
named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia*

RESOURCES FOR THE PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF PEOPLE OF LATE ADULTHOOD

Psychological well-being in late adulthood determines the success of the gerontogenesis process. This determines the relevance of the search for resources that provide psychological well-being in late adulthood. Based on the diversity of psychological changes in late adulthood, we have identified

* При поддержке Программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

four blocks of resources for the psychological well-being of people of late maturity: psychophysiological, emotional-volitional, reflexive-regulatory, value-motivational. The article describes the design of an empirical study of the impact of these resources on the psychological well-being of people of late maturity.

Keywords: psychological well-being, resources, late maturity, gerontogenesis.

Введение. Одной из тенденций современности является обеспечение благополучия человека. Вопросами изучения благополучия занимаются многие науки, однако вопросами внутреннего благополучия занимается психология. Особую актуальность приобретает изучение психологического благополучия в период поздней зрелости. Это связано с противоречивостью данного возраста, в котором инволюционные процессы начинают накладывать ограничение на возможности и психологическое функционирование человека, с другой стороны, процесс успешного приспособления к геронтогенезу связан с высоким уровнем психологического благополучия человека. Тем не менее происходящие общественные изменения характеризуются высокой стрессогенностью и непостоянством, что, как следствие, предъявляет высокие требования к ресурсам, личности, которые должны обеспечивать благополучие. Существует большое количество исследований в которых представлены эффекты, которые оказывают личностные ресурсы выступая в качестве характеристик, являющихся регуляторами различных процессов. Ресурсы психологического благополучия представляются как предикторы, которые обеспечивают благополучие. Так, от ресурсов личности зависит психологическое благополучие людей в период поздней зрелости и, как следствие, успешность дальнейшего жизненного пути, однако люди поздней зрелости находятся в ситуации как социально профессиональных изменений, так и психологических трансформации, из-за чего их психологическое благополучие находится в угрожающем состоянии. Таким образом, наше исследование направлено на выявление личностных ресурсов психологического благополучия в период поздней зрелости.

В контексте поздней зрелости мы рассматриваем психологическое благополучие в рамках эвдемонического подхода как стремление к развитию личности и индивидуальности. Это связано с тем, что поздний возраст с позиций Э. Эриксона требует от человека постоянного развития мотивационной сферы, что подразумевает каждодневные усилия и активность [1]. Эвдемоническое благополучие связано с осознанием своих жизненных целей, увеличением осмысленности жизни, способности к сопереживанию и другими видами позитивной активности [2]. В рамках эвдемонического подхода одним из основных факторов психологического благополучия является смысл жизни, различные виды позитивной активности и ресурсов, которые позволяют человеку реализовывать продуктивную активность и использовать ресурсы личности для развития и изменения, создания позитивного образа себя и своего здоровья.

Поздняя зрелость характеризуется гетерогенными изменениями в психофизиологической, ценностно-мотивационных, эмоционально-волевых, рефлексивно-саморегуляционных сферах. Для одних людей эти изменения способствуют психологическому благополучию, для других препятствуют его достижению. Это можно рассматривать так, что каждая из данных сфер обладает как ресурсами, так и характеристиками, которые оказывают деструктивное влияние.

Исходя из данных изменений, мы выявили четыре блока ресурсов психологического благополучия.

Материалы и методы. Первый блок психофизиологический, образован состоянием здоровья и индивидуальными особенностями. Исследуется при помощи методик:

1. Методика качества жизни SF-36. Содержит шкалы «физический компонент здоровья» (субшкалы «физическое функционирование», «ролевое функционирование, обусловленное физическим состоянием», «интенсивность боли», «общее состояние здоровья»), «психологический компонент здоровья» (субшкалы «психическое здоровье», «ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием», «социальное функционирование», «жизненная активность»).

2. Опросник формально-динамических свойств индивидуальности. Содержит шкалы: эргичность психомоторная, эргичность

интеллектуальная, эргичность коммуникативная, пластичность психомоторная, пластичность интеллектуальная, пластичность коммуникативная, скорость психомоторная, скорость интеллектуальная, скорость коммуникативная, эмоциональность психомоторная, эмоциональность интеллектуальная, эмоциональность коммуникативная.

Второй блок — эмоционально-волевой — связан с способностями с справляться стрессовыми и кризисными ситуациями, к таким способностям мы относим жизнестойкость и толерантность к неопределенности. Исследуется при помощи методик:

1. Тест жизнестойкости в адаптации Е. Н. Осина, Е. И. Рассказовой. Содержит общий показатель жизнестойкости и ее установок «вовлеченность», «контроль», «принятие риска».

2. Новый опросник толерантности к неопределенности Т. В. Корниловой. Содержит шкалы «толерантность к неопределенности», «интолерантность», «межличностная интолерантность к неопределенности».

Третий блок рефлексивно-регуляционный представлен различными видами рефлексией и биографической рефлексией. Исследуется при помощи методик:

1. Опросник «Дифференциальный тип рефлексии» Д. А. Леонтьева. Содержит шкалы: системная рефлексия, интроспекция, квазирефлексия.

2. Методика оценки уровня развития биографической рефлексии М. В. Клементьевой. Содержит показатели: конфигуративная рефлексия, социально-перцептивная рефлексия, когнитивная рефлексия, личностная рефлексия.

Четвертый блок ценностно-мотивационный, образованный ценностями и мотивами личности. Исследуется при помощи методик:

1. Методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» Е. Б. Фанталовой позволяющая оценить важность и доступность для личности таких ценностей, как активная, деятельная жизнь; здоровье; интересная работа; красота природы и искусства; любовь; материально обеспеченная жизнь; наличие хороших и верных друзей; уверенность в себе; познание;

свобода как независимость в поступках и действиях; счастливая семейная жизнь; творчество.

2. Методика мотивационной индукции Ж. Нюттена позволяет исследовать мотивационные комплексы личности. Основными типами мотивации в данной методике являются: S — личность, C — контакт, R — деятельность, E — познание, L — досуг, P — обладание, T — трансцендентальная мотивация.

Заключение. Описан дизайн эмпирического исследования влияния различных ресурсов на психологическое благополучие людей поздней зрелости.

Библиографические ссылки

1. *Erikson E. H., Erikson J. M., Kivnick H. Q.* Vital involvement in old age. WW Norton & Company, 1994.
2. *Ryff C. D., Singer B. H.* Know thyself and become what you are: A eudaimonic approach to psychological well-being // *Journal of happiness studies.* 2008. Vol. 9. Is. 1. P. 13–39.

О. В. Бубновская

В. В. Калита

А. В. Лысова

М. Л. Соколовский

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток, Россия;

Московский государственный университет технологий и управления

им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)

Москва, Россия;

Университет Саймона Фрейзера

Ванкувер, Канада;

Северо-Кавказский федеральный университет

Ставрополь, Россия

СВЯЗЬ САМОРЕГУЛЯЦИИ С АКТИВНОСТЬЮ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В работе дается характеристика саморегуляции поведения российской молодежи и оценка ее связи с активностью студенчества в регионах России. Анализируются региональные и половые различия в выраженности процессов и свойств саморегуляции как личностного предиктора социальной активности и политических предпочтений учащейся молодежи. Проверяется зависимость между саморегуляцией и видами активности студенчества с учетом социально-демографических характеристик молодых людей.

Ключевые слова: саморегуляция; безопасность и защищенность; молодежь; социальная, политическая и религиозная активность; кластерный и сравнительный анализ.

Olesia V. Bubnovskaia

Vitaly V. Kalita

Alexandra V. Lysova

Maxim L. Sokolovsky

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia;

Moscow State University of Technology and Management

named after K. G. Razumovsky (First Cossack University)

Moscow, Russia;

Simon Fraser University

Vancouver, Canada;

North Caucasus Federal University

Stavropol, Russia

CONNECTION OF SELF-REGULATION WITH ACTIVITY OF RUSSIAN YOUTH

The article assesses the relationship between the self-regulation of youth behavior in the regions of Russia and their activity. Regional and gender differences in the severity of the processes and properties of self-regulation are analyzed, the distribution of types and the level of expression of socio-political and religious activity by region is revealed. Correlations are established and the dependence between self-regulation, types of social and political activity, religious affiliation of young people is checked.

Keywords: self-regulation; safety and security; youth; social, political and religious activity; cluster and comparative analysis.

Введение. Одним из важных индикаторов оценки многих процессов в обществе является безопасность и благополучие людей [1], качество их жизни. Для успешной адаптации молодежи к сложной среде в условиях уязвимости к новым стрессорам и рискам [2] необходима развитая саморегуляция, согласованные процессы и свойства которой способствуют выработке гибкой модели поведения [3]. В исследовании оценка роли саморегуляции как личностного предиктора активности студенчества проверяется с использованием кластерного анализа с учетом места проживания.

Материалы и методы. Выборку составила молодежь из российских регионов, включая Ставропольский край, Северную Осетию, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкессию, Москву и Московскую область, Дальневосточный и Сибирский федеральные округа ($n = 1492$, средний возраст — 19,2, более 60 % — девушки). Для сбора данных использованы «Стиль саморегуляции поведения — ССПМ» [4], диагностика структуры социальных установок [5], опросник межличностных отношений [6], шкала привлекательности российских партий и общественно-политических организаций, оценка интенсивности социальных контактов и участия в мероприятиях, неформальных объединениях и спонтанных событиях, анкета для выявления социально-демографических характеристик; для обработки — методы кластерного (метод k -средних, SPSS Statistics 23) и сравнительного (t -Стьюдент и H -критерий Краскела — Уоллиса, Python) анализа. В качестве меры между кластерами установлено Евклидово расстояние [7]. После определения их количества на случайной выборке ($n = 242$) с помощью иерархического кластерного анализа методом межгрупповой связи выделено семь кластеров с оценкой в них представленности регионов, национальности, пола и семейного статуса, расходов и наличия кредитов, характеристик удовлетворенности жизнью: $n_1=208$; $n_2=232$; $n_3=176$; $n_4=224$; $n_5=252$; $n_6=148$; $n_7=252$ (К1–7, соответственно).

Результаты. Для саморегуляции респондентов К1, К5, К6 и К7 характерны *настойчивость* и *программирование действий*, при которых бывает трудно отказаться от принятого решения, что может скорректировать *гибкость* как способность перестроиться в меняющихся условиях, адаптируя планы и программы поведения для решения поставленной задачи в ситуации риска. Для К1 эти характеристики получили максимум относительно выборки, что свойственно и для *оценивания результатов* и *моделирования значимых условий достижения целей* и может обуславливаться тенденцией к завышению оценок в целом, хотя *планирование целей* и *надежность* в выборке минимальны. Средние позиции у К5 и К7 заняли *моделирование условий*, *оценивание результатов* и *планирование целей*; *надежность* у К5 максимальна относительно выборки и минимальна в кластере. Средние ранги у К6 получили

оценивание результатов и планирование целей, как и у К2, при этом *моделирование условий* минимально по сравнению с другими кластерами (за исключением К4 с близким баллом) при минимуме *надежности* (близко к К1). В саморегуляции К2 и К4 лидируют *программирование действий* и *настойчивость* как продумывание поведения, умение организовывать и контролировать действия по достижению выдвинутой цели при возможной ригидности; их решения и способы достижения цели часто хорошо продуманы, альтернативные варианты проанализированы, а отступления от начатого достаточно редки. В выборке у К4 минимум по этим шкалам, как и по *гибкости, оцениванию и планированию*, что, возможно, обусловлено тенденцией к занижению оценок. Картину саморегуляции К3 характеризует *настойчивость*, компенсируемая *гибкостью* как последовательность в действиях при возможности выработки адекватных реакций на изменения и *программирование действий* как потребность все продумывать, разрабатывая детализированные и развернутые программы действий; *планирование целей и моделирование условий*, занимая средние позиции, как и у К4, максимальны в выборке. В целом саморегуляцию поведения молодежи характеризуют *настойчивость* и *программирование действий*, а также *гибкость* при минимальной выраженности *надежности*, что подтверждает и региональный анализ с преобладанием *настойчивости*, и *программирования действий*. Согласно различиям по полу ($p \leq 0,001$) у юношей в большей степени развита *надежность*, а у девушек — *программирование*.

Заключение. Для молодежи характерен стиль саморегуляции, включающий в разном соотношении *настойчивость*, *программирование действий* и *гибкость* и выражающийся в последовательности и потребности продумывать способы достижения намеченных целей. При этом возможная ригидность в ситуации необходимости отказа от принятого решения может компенсироваться пластичностью регуляторных процессов, способностью перестраивать планы и программы исполнительских действий и поведения, адекватно реагируя на изменения.

Библиографические ссылки

1. *Low S.* Security at home: How private securitization practices increase state and capitalist control // *Anthropol. Theory*. 2017. Vol. 17. P. 365–381. DOI: 10.1177/1463499617729297
2. *Choi K. S., Cho S., Lee J. R.* Impacts of online risky behavior and cyber-security management on cyberbullying and traditional bullying victimization among Korean youth: Application of cyber-routine activities theory with latent class analysis // *Computers in Human Behavior*. 2019. Vol. 100. P. 1–10. DOI: 10.1016/j.chb.2019.06.007
3. *Bubnovskaya O. V.* Gender Features of Motivational and Personality Sphere of the Youth // *World Applied Sciences Journal*. 2013. Vol. 27, № 13A. (Education, Law, Economics, Language and Communication). P. 48–52. DOI: 10:5829/idosi.wasj.2013.27.elelc.11.
4. Психология саморегуляции: эволюция подходов и вызовы времени : кол. монография. М. : Псих. ин-т Рос. академии образования, 2020. 472 с.
5. *Айзенк Г., Вильсон Г.* Как измерить личность. М. : Когито-Центр, 2000. 284 с.
6. *Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. 362 с.
7. *Савченко Т. Н.* Применение методов кластерного анализа для анализа данных психологических исследований // *Прикладная юр. психология*. 2008. № 4. С. 100–111.

**Г. А. Вартанян
И. Р. Муртазина**

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

КЛАССИФИКАЦИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШИВШИХ СЕКСУАЛИЗИРОВАННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Поднимается проблема классификации несовершеннолетних, совершивших сексуализированные преступления. Анализируются имеющиеся классификации. Приводится объективная необходимость выделения классификаций, в частности для разграничения юридически релевантных психосексуальных состояний несовершеннолетних, разработки и внедрения психокоррекционных программ и превентивных вмешательств с целью снижения уровня сексуализированных преступлений. Приводятся возможности использования классификаций.

Ключевые слова: сексуализированное насилие, несовершеннолетние осужденные, классификация.

**Gayane A. Vartanyan
Inna R. Murtazina**

*Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia*

CLASSIFICATION OF JUVENILES COMMITTED SEXUAL ASSAULT AND THE POSSIBILITIES OF ITS USE

The abstract raises the problem of classification of juveniles committed sexual assault. Were analyzed current classification. The abstract substantiates the need to develop classification. In particular to identify legally relevant psychosexual conditions of juveniles as well as to develop and adapt psychological programs and preventive interventions to reduce the level of sexual crimes by juveniles. The abstract also present possibilities of using classifications.

Keywords: sexual assault, juveniles convicted, classification.

Введение. Оставаясь востребованной темой для исследований и практики, сексуализированные преступления привлекают внимание общественности и специалистов^{*}. Актуальность исследования обусловлена, во-первых, высокой вероятностью совершения рецидива; во-вторых, тем обстоятельством, что потерпевшими зачастую становятся несовершеннолетние. Несмотря на это, психологическим исследованиям сексуализированного поведения несовершеннолетних уделено крайне мало внимания. До настоящего времени отчасти господствуют выводы, полученные в ранних исследованиях. В частности, идея о преобладании агрессивно-садистических наклонностей и импульсивном желании удовлетворить сексуальные потребности (R. Kraft-Ebing, S. Temple, V. Goldner). В дальнейших исследованиях несовершеннолетние характеризуются как жестокие, циничные, с потребительским отношением к окружающим и отсутствием субъективных преград на пути к сексуальному удовлетворению [1]. По данным других коллег, им характерен определенный вид сексуального дизонтогенеза [2]. Многие исследователи отмечают стремление подавлять и ощущать свое превосходство (Ю.М. Антонян, Г.Е. Введенский, V. Goldner, J. Hunter и др.), отчего в большинстве случаев потерпевшим выбирается беззащитное лицо. Проведя метаанализ 59 независимых исследований, M. Seto и M. Lalumie`re установили, что несовершеннолетние, совершившие сексуализированные преступления ($N = 3855$), менее криминализованы, им меньше свойственны аддикции [3]. Значимыми в детерминации такого поведения оказались опыт насилия, раннее знакомство с сексом или порнографией. Однако нерешенными остаются вопросы интервенций, необходимых для ресоциализации, поскольку однородность психологических программ не позволяет выполнять поставленные задачи.

Материалы и методы. В работе представлен теоретический обзор классификаций, приводятся результаты собственного эмпирического исследования и выделенная на его основе авторская классификация.

^{*} Термин «сексуализированный» используется нами намеренно; поддерживая идею профессионального сообщества, считаем его более корректным.

Результаты. Согласно J. Hunter, несовершеннолетних, совершивших сексуализированные преступления, можно разделить на нападающих на равных себе и взрослых, и нападающих на детей [4]. Первые совершают множественные преступления с использованием оружия и телесными повреждениями женщин или случайных знакомых и характеризуются высоким уровнем агрессивности. Вторые — преступления исключительно сексуального контекста в отношении мужского пола. Им характерны антисоциальное расстройство личности, сексуальный садизм. Несмотря на явные различия между группами, автор отмечает такие общие черты, как неуспеваемость в школе, аддикции, проблемы с психической регуляцией. Согласно R. Corsini, A. Auerbach, несовершеннолетних можно разделить на сексуальных агрессоров и сексуально назойливых. Первые характеризуются антиобщественными установками, используют силовые стратегии поведения. Вторые — ненасильственные формы поведения. Они застенчивы, социально изолированы, испытывают чувство неполноценности и аберрантные эротические фантазии [5]. Коллеги Массачуссетского исправительного центра разделили несовершеннолетних на четыре группы: вымещающих агрессию, компенсаторных, сексуально агрессивных и импульсивных насильников. Вымещающие агрессию действуют жестоко и агрессивно. Компенсаторные — совершают преступления по механизму компенсации в ответ на сексуальное возбуждение. Сексуально агрессивные отличаются одновременным наличием сексуальных и агрессивных мотивов. Импульсивные не демонстрируют выраженных ни сексуальных, ни агрессивных черт, их преступления ситуативны и множественны. Проведенный метаанализ и представленные классификации имеют большое теоретико-методологическое значение и могут использоваться для разработки программ профилактики и превенции сексуализированных преступлений. Отметим, что подобных исследований в отечественной литературе не обнаружено. Проведенное нами исследование позволило выделить авторскую классификацию несовершеннолетних, совершивших сексуализированные преступления [6]. Анализ личных дел, индивидуальная беседа и психодиагностическое обследование с участием 318 несовершеннолетних мужского

пола в возрасте 16–17 лет позволили выделить два типа несовершеннолетних: подавляющий и перверсивный. В основе преступления первых лежит проявление агрессии. Их преступления ситуативны, совершаются в группе, чаще в отношении гетерообъекта, с отягчающими обстоятельствами. Обнаружено, что чем больше численный состав группы, тем больше жестокость к потерпевшему применяется ($r = 0,33$; $p \leq 0,05$). Несовершеннолетние демонстративны в общении, с готовностью рассказывают об обстоятельствах преступления, отличаются токсичной маскулинностью, имеют ранний сексуальный дебют. Сексуализированное насилие выступает способом почувствовать свою власть и носит несексуальный контекст. Преступления несовершеннолетних второго типа имеют прямой сексуальный контекст и тщательно продумываются. Они совершаются одним преступником, чаще в отношении гомообъекта, без отягчающих обстоятельств. Такие несовершеннолетние замкнуты и необщительны. Сексуальный опыт отсутствует или имеется психотравмирующий гетероориентированный дебют.

Заключение. Представленная проблема классификации открывает пути для научно обоснованной и целенаправленной психолого-профилактической и превентивной работы с несовершеннолетними. Выделение классификации имеет значение для разграничения юридически релевантных психосексуальных состояний, разработки и внедрения психологических программ и превентивных вмешательств с целью снижения уровня сексуализированных преступлений. Предложенная авторская классификация отражает специфические особенности несовершеннолетних и может быть использована в работе пенитенциарными психологами и в клинике пограничной подростковой психиатрии.

Библиографические ссылки

1. Антонян Ю. М., Ткаченко А. А. Сексуальные преступления: научно-популярное исследование. М. : Амальтея, 1993. 320 с.
2. Белопасова Е. В., Дворянчиков Н. В. Психосексуальное развитие и полоролевая идентификация у несовершеннолетних лиц, совершивших сексуальные правонарушения // Сексология и сексопатология : ежеквартал. науч.-практ. рецензируемый журнал. 2005. № 2. С. 32–38.

3. *Seto M. C., Lalumie`re M. L.* What Is So Special About Male Adolescent Sexual Offending? A Review and Test of Explanations Through Meta-Analysis. *Psychological Bulletin*. American Psychological Association. 2010. Vol. 136, No. 4, P. 526–575. DOI: 10.1037/a0019700.

4. *Hunter J. A.* Understanding Juvenile Sex Offenders: Research Findings and Guidelines for Effective Management and Treatment, 2000.

5. *Корсини Р.* Психологическая энциклопедия. СПб. : Питер, 2003. 780 с.

6. *Вартамян Г. А.* Клинико-психологические особенности несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления сексуального характера : дис. ... канд. псих. наук. 218 с.

**Н. Н. Васягина
Н. И. Шемпелева**

*Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия*

ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТЕСТИРОВАНИЯ ПРИ ДИАГНОСТИКЕ РИСКА СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье описаны возможности единой методики социально-психологического тестирования в раннем выявлении психолого-педагогических факторов, способствующих развитию антивитаальных настроений и суицидального поведения среди несовершеннолетних. Диагностический потенциал методики определен посредством эмпирической верификации данных, полученных в группах респондентов с различной суицидальной активностью.

Ключевые слова: диагностика, социально-психологическое тестирование, суицидальное поведение, раннее выявление, факторы риска.

**Natalia N. Vasyagina
Natalya I. Shempeleva**

*Ural State Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia*

THE POSSIBILITIES OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL TESTING IN THE DIAGNOSIS OF THE RISK OF SUICIDAL BEHAVIOR

The article describes the possibilities of a unified methodology of socio-psychological testing in the early detection of psychological and pedagogical factors contributing to the development of anti-vital moods and suicidal behavior among minors. The diagnostic potential of the technique was determined by empirical verification of data obtained in groups of respondents with various suicidal activity.

Keywords: diagnostics, socio-psychological testing, suicidal behavior, early detection, risk factors.

Введение. В 2021 г. суицид стал третьей по значимости причиной смерти среди обучающихся в возрасте 13–17 лет [1]. Результаты исследований проблемы подросткового суицида позволяют описать его противоречия: суицид совершает человек, не имеющий достаточного жизненного опыта, чтобы принять осмысленное решение — уйти из жизни, следовательно, он не осознает в полной мере последствий своих действий. Подросток, стремящийся завершить жизнь самоубийством, в большинстве случаев не обладает личностными качествами, характеризующими суицидента, поскольку сам подростковый период в онтогенезе характеризуется стремлением к самопознанию, развитию личностного потенциала, самоактуализации, но не к самоуничтожению [2]. Существующие диагностические методики, направленные на исследование суицидального риска, основаны на общем понимании суицида как стремления уйти из жизни, однако вышеуказанное противоречие не позволяет корректно выявить антивитаальные тенденции и своевременно принять необходимые меры по недопущению формирования суицидального риска [3]. Полагаясь на основные позиции теории Э. Шнейдмана [4], можно говорить о том, что суицидальному поведению предшествует ряд событий, а на характер реагирования личности воздействует множество факторов, таких как индивидуально-личностные особенности обучающегося, социальный статус, характер семейного воспитания, наличие или отсутствие травматического опыта, состояние здоровья, психогенетические и психолого-педагогические факторы. Таким образом, формирование и развитие антивитаальных настроений может зависеть от личностных особенностей обучающегося и его социально-психологических характеристик, но выраженность риска совершения суицида преимущественно будет зависеть от наличия или отсутствия антисуицидальных факторов, к которым можно отнести такие, как самоэффективность, наличие социально-психологической поддержки, социальная активность, самоконтроль поведения, т. е. тех, которые повышают психологическую устойчивость личности к неблагоприятным условиям, способным стать предиктором суицидальной активности несовершеннолетних.

Материалы и методы. Для исследования индивидуально-психологических особенностей личности, а также субъективного вос-

приятия социально-психологических условий подростками мы использовали результаты методики (ЕМ СПТ), разработчиком и правообладателем которой является Министерство просвещения РФ. Тестирование проводится среди обучающихся образовательных организаций Свердловской области в возрасте 13–18 лет [5].

Данная методика осуществляет оценку социально-психологического благополучия обучающихся на основе соотношения факторов риска и факторов защиты, воздействующих на тестируемых. Методика является опросником и состоит из набора утверждений, позволяющих определить степень психологической устойчивости в трудных ситуациях, а также выявить обучающихся с показателями повышенной вероятности вовлечения в дезадаптивные формы поведения. Социально-психологическое тестирование основано на представлении о непрерывности и одновременности совместного психорегулирующего воздействия «факторов риска» и «факторов защиты» и выявляет вероятность формирования поведения, сопряженного с риском.

Результаты. В проведенном исследовании был произведен пошкальный анализ 15 профилей ранее обучающихся, закончивших жизнь самоубийством, а также анализ 17 профилей обучающихся, выражающих суицидальные мысли, намерения. Профили единой методики СПТ, полученные не ранее чем за три месяца до совершения самоубийства подростков, нами были взяты из базы посмертно. Результатом анализа выраженности шкал в профилях стало получение усредненных данных, характеризующих подростков-суицидентов, а также подростков, выражающих суицидальные намерения. Полученные данные мы сравнили с региональными нормами, а также с усредненными показателями шкал, профилей обучающихся, не находящихся в группе суицидального риска.

Результат сравнительного анализа показывает, что средний профиль обучающихся, совершивших суицид, отличается от региональных норм снижением по таким шкалам, как «Потребность в одобрении», «Принятие родителями», «Социальная активность», «Самоконтроль поведения» и «Самоэффективность», а также повышением по шкале «Фрустрация». Такие шкалы, как «Импуль-

сивность», «Тревожность» и «Принятие асоциальных установок общества», находятся на верхней границе нормы.

При сравнении усредненного профиля обучающихся старших классов школы и организаций среднего профессионального образования, совершивших суицид или с суицидальным поведением и усредненным профилем обучающихся, не находящихся в группе суицидального риска, можно также наблюдать снижение у первых факторов защиты.

Заключение. Оценивая полученный усредненный профиль суицидентов, можно увидеть, что по большинству факторов риска профиль вписывается в границы региональных норм, что свидетельствует о высокой частоте встречаемости данных характеристик среди обучающихся 10–11 классов и средних профессиональных образовательных учреждений. При этом такие шкалы, как «Принятие родителями», «Принятие одноклассниками», «Социальная активность», «Самоконтроль поведения» и «Самозффективность», отнесены к «факторам защиты», т. е. к личностным, социально-психологическим и психолого-педагогическим факторам, позволяющим противостоять негативному влиянию среды. Важно отметить, что в профиле суицидентов данные шкалы редуцированы (представлены с низкими показателями). Полученные в исследовании результаты позволяют утверждать, что единая методика социально-психологического тестирования (ЕМ СПТ) обладает возможностями раннего выявления психолого-педагогических факторов, способствующих развитию антивитаальных настроений и суицидального поведения, которые при своевременном определении могут быть скорректированы в условиях образовательной среды.

Библиографические ссылки

1. Шемтелева Н. И., Васягина Н. Н. Психолого-педагогические факторы суицидального поведения обучающихся // Образование личности. 2021. № 3–4. С. 32–40.

2. Васягина Н. Н. Предикторы делинквентности подростков // Проблемы девиантного поведения подростков в современном обществе : Всерос. науч.-практ. конф. 29–30 октября 2015 : сб. материалов. Южно-Сахалинск, 2015. С. 25–29.

3. *Змановская Е. В.* Суицидальное поведение // *Е. В. Змановская. Девиантология (психология отклоняющегося поведения) : учеб. пособие.* М., 2003. С. 142–259.

4. *Шнейдман Э. С.* Душа самоубийцы. М., 2001. 370 с.

5. Особенности планирования и проведения профилактики девиантного поведения обучающихся на основе результатов СПТ : метод. пособие / сост. Д. В. Журавлев, А. В. Киселева, О. В. Мищенко. Курган, 2020. 181 с.

Т. В. Ветвицкая

ГБОУ № 616

Адмиралтейского района

*Центр абилитации с индивидуальными
формами обучения «Динамика»*

Санкт-Петербург, Россия

РИСКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ ТРЕНЕРОВ ДЕТСКОГО АДАПТИВНОГО ХОККЕЯ

Анализируется опыт деятельности тренеров детского адаптивного хоккея, особенности взаимодействия всех участников тренировочного процесса. Важными личностными характеристиками у тренеров выступают альтруизм и эмпатия к детям с ограниченными возможностями здоровья. Тренеры в своей профессиональной деятельности подвергаются эмоциональным перегрузкам, что влечет за собой профессиональную деформацию, профессиональное выгорание.

Ключевые слова: детский адаптивный хоккей, профессиональная деформация тренера, ребенок с ограниченными возможностями здоровья.

Tatyana V. Vetvitskaya

GBOU No. 616

Admiralteysky district

*"Habilitation Center with individual
forms of training "Dynamics"*

St. Petersburg, Russia

RISKS OF PROFESSIONAL DEFORMATION OF COACHES OF CHILDREN'S ADAPTIVE HOCKEY

The article analyzes the experience of the coaches of children's adaptive hockey, the peculiarities of the interaction of all participants in the training process. Altruism and empathy for children with disabilities are important personal characteristics of trainers. Coaches in their professional activities

are subject to emotional overload, which entails professional deformation, professional burnout.

Keywords: children's adaptive hockey, professional deformation of the coach, a child with disabilities.

Введение. В современных условиях общественного развития в области спорта особую актуальность приобретают вопросы, связанные со спортом детей с ограниченными возможностями (ОВЗ) [1]. Привлечение детей с инвалидностью в спортивную деятельность процесс трудоемкий, требующий гуманности, терпения, альтруизма со стороны тренерского состава. Участие детей с ОВЗ в Паралимпийском движении дает возможность на более успешную социализацию в обществе в будущем. Навыки, которым дети с ОВЗ обучаются в процессе тренировок и в соревновательной деятельности, влияют на их коммуникативную культуру. Общение с другими детьми, с тренерами — значимыми взрослыми позволяют спортсменам с ОВЗ расширить свой коммуникативный репертуар. Тренеры активно включают детей в тренировочный процесс, ожидают динамики в развитии детей, спортивных успехов. Тренеры встречаются с родителями, оговаривают с ними их участие, но не всегда родитель может удержать рекомендованную тренером границу общения. Повышенная активность родителей может влиять на самочувствие детей, их эмоциональный настрой на тренировках и соревнованиях, на отношения с тренером.

Материалы и методы. Тренеры заинтересованы в достижениях воспитанников, родительскому сообществу важен спортивный результат детей, качество предоставления услуг от тренера, спортивного сообщества. Тренеру необходимо объективно подбирать методы и методики спортивных тренировок, оценивая возможности детей с ОВЗ. Особенность личности тренера, способы реагирования на трудности, стрессоустойчивость, способность демонстрировать гибкость в поведении является важным условием для адаптации к часто меняющимся условиям. Осуществляя тренерскую деятельность с детьми с ОВЗ, не всегда тренер может использовать арсенал наиболее привычных поведенческих паттернов и стратегий влияния, так как дети с ОВЗ в поведенческом репертуаре могут

быть не всегда предсказуемы. В данных условиях работы тренеру необходимо иметь знания в области спортивной, возрастной, специальной психологии. Данный материал тренеры могут получать в рамках образовательных интенсивов, встреч со специалистами, на психологических консультациях и семинарах. В ходе наблюдений и по результатам психологических консультаций можно говорить о том, что межличностные отношения в диаде «тренер — родитель» влияют на тренировочный процесс. Ряд родителей имеют представления о завышенных способностях своих детей. Для родителей спортивная деятельность детей с ОВЗ, их результативность в спорте выступает как компенсация их переживаний. Родитель не всегда способен адекватно оценить перспективы, результаты детей, требуя порой невозможного, вследствие этого могут возникать трения в общении, конфликтные отношения и нарушаются границы во взаимоотношениях с тренером. Данная стилистика общения вызывает эмоциональную неустойчивость, неуверенность в своих действиях, и данные состояния провоцируют тренера использовать арсенал наиболее привычных поведенческих паттернов, стратегий влияния, которые часто не отвечают требованиям ситуации и не приводят к решению педагогических проблем в процессе тренировок. Методы исследования включали анализ литературы; организационные методы: определение объекта исследования, подбор группы респондентов; эмпирические методы: наблюдение, беседа, тесты. В исследовании использовали экспресс-тест на самооценку [2], тест Водопьяновой Н. Е. на определение уровня профессионального выгорания [3]. В нашем исследовании участвовали 16 тренеров по хоккею (следж-хоккей, спецхоккей, хоккей для незрячих) в возрасте 25–32 лет.

Результаты исследования. По результатам экспресс теста на самооценку в 64 % случаях у тренеров были показатели заниженной самооценки. Стоит отметить, что в процессе беседы тренеры отмечали, что чувствуют тревогу и беспомощность в силу того, что не всегда понимают, как выстраивать свое общение с родителями детей с ОВЗ, отмечая, что они нарушают границы в общении, диктуют свои правила в тренировочном процессе. Также тренеры говорили о том, что у них есть затруднение в понимании поведения

детей спортсменов с ОВЗ, в частности отмечали трудность работы с детьми с ментальными нарушениями. Эмоциональное истощение в тренерском штабе было продемонстрировано в 30 % случаев, у 24 % респондентов отмечалась деперсонализация, у 32 % редуция персональных достижений.

Заключение. Сотрудничая с родителями детей с ОВЗ, тренер подвержен эмоциональным рискам, которые выражаются в перепадах настроения, неуверенном поведении, сомнении в себе как в профессионале, в своих знаниях и умениях (по результатам беседы). Данное отношение к себе является предиктом к профессиональной деформации. В психологическом сопровождении тренировочного процесса необходимо дополнять профессиональный багаж тренера знаниями о себе, методах саморегуляции, о нарушенном развитии детей с ОВЗ, знаниями о личных границах, копинг стратегиях в индивидуальном общении и в коммуникациях в малых социальных группах (родительское сообщество).

Библиографические ссылки

1. *Ростомашвили Л. Н.* Адаптивное физическое воспитание детей со сложными нарушениями развития. М. : Советский спорт, 2009.
2. Диагностика эмоционального выгорания личности (В. В. Бойко) // Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М. : Изд-во Ин-та психотерапии. 2002.
3. *Водопьянова Н. Е.* Синдром психического выгорания в коммуникативных профессиях. Психология здоровья. СПб. : Изд-во СПб ГУ, 2000.

А. А. Волченкова

Ярославский государственный университет

им. П. Г. Демидова

Ярославль, Россия

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ В КОНТЕКСТЕ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Разработана новая научная идея, состоящая в том, что социально-психологические особенности подростков имеют сложную структуру и схожую феноменологическую выраженность в личности всех подростков, как с ограниченными возможностями здоровья, так и с нормативным развитием. Уточняется, что специально организованная социальная среда с применением современных психотехнологий, облегчающих ребенку его адаптацию к среде и обучение основным социальным и психологическим компетентностям, — основное условие создания «обходных путей развития».

Ключевые слова: инклюзивное образование, подростки, ограниченные возможности здоровья, социально-психологические особенности.

Anastasiya A. Volchenkova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Yaroslavl, Russia

SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF ADOLESCENTS IN THE CONTEXT OF INCLUSIVE EDUCATION

A new scientific idea has been developed, which consists in the fact that the socio-psychological characteristics of adolescents have a complex structure and a similar phenomenological expression in the personality of all adolescents, both with disabilities and with normative development. It is clarified that a specially organized social environment, with the use of modern psychotechnologies that make it easier for the child to adapt to

the environment and learn basic social and psychological competencies, is the main condition for creating «bypass ways of development».

Keywords: inclusive education, adolescents, disabilities, socio-psychological characteristics.

Введение. Реформы в сфере образования в Российской Федерации характеризуются высокой гуманистической направленностью. Согласно ст. 5 Федерального закона «Об образовании в РФ» (2013), в целях реализации права каждого человека на образование, создаются условия для получения без дискриминации качественного образования лицами с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) [1]. Проблематика исследования характеризуется сочетанием теоретической значимости и практической ценности. В теоретическом плане данная проблема вытекает из общей логики теории инклюзивного образования [2], связана с резким возрастанием первичной потребности в организации доступного образования для детей с особыми образовательными потребностями, необходимостью разработки теоретических основ, технологии создания инклюзивного образования, а также необходимостью в разработке методических основ по развитию личностных качеств обучающихся. Цель исследования состояла в выявлении социально-психологических особенности подростков в контексте инклюзивного образования.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 468 школьников — учащиеся 7 и 8 классов в возрасте от 13 до 15 лет (230 девочек и 238 мальчиков; 224 подростка, имеющих нормативное развитие (НР) и 244 подростка с (ОВЗ). В настоящем исследовании мы рассматриваем одну из категорий детей с ОВЗ — подростков со смешанным специфическим расстройством психологического (психического) развития (F83 по МКБ-10). Используются методики диагностического и исследовательского типа: экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатова и др.); методика диагностики общей коммуникативной толерантности (В. В. Бойко); опросник уровня агрессивности (А. Басс, М. Перри (адаптирован С. Н. Ениколоповым, Н. П. Цибульским)); методика исследования самооотношения (В. В. Столин, С. Р. Пантिलеев); опросник «Психологическая

безопасность образовательной среды школы» (И. А. Баева); методика субъективной оценки ситуативной и личностной тревожности (Ч. Д. Спилбергер (адаптирована Ю. Л. Ханиным)); тест «Самоконтроль в общении» (М. Снайдер (адаптирован Т. А. Ратановой, Н. Ф. Шляхтой)), методика диагностики социальной компетентности обучающегося (А. М. Прихожан), методика оценки уровня психологического климата коллектива (А. Н. Лутошкин).

Результаты. Обнаружены сходства личностных особенностей подростков, имеющих НР и с ОВЗ, т. е. исследуемые социально-психологические особенности имеют одинаковую феноменологическую выраженность в личности всех подростков. Установлен новый в научном отношении факт, согласно которому исследуемый дефект развития (F83 по МКБ-10) является не унитарным, а диверсифицированным, т. е. в структуре дефекта нарушенными в большей степени являются когнитивные компоненты, а многие социально-психологические особенности остаются сохранными. Данный факт следует использовать как триггер для усиления и дальнейшего развития социально-психологических особенностей, а развиваясь, они могут оказывать компенсаторное воздействие на когнитивные функции подростков. Основными проявлениями данного факта являются одинаковые показатели самооотношения. Самоотношение как базовый компонент Я-концепции лежит в основе формирования самооценки, рефлексии, уровня притязаний, а также определяется такими параметрами, как самоуважение, аутосимпатия, которые интегрируются в отношение к себе [3]. Обнаруженные сходные показатели самооотношения свидетельствуют о том, что личностно подростки развиваются тождественным друг к другу образом. Одинаковые показатели понимания социально-психологического климата в коллективе и ощущения уровня психологической безопасности. Полученный результат свидетельствует о том, что школьная реальность воспринимается сходным образом подростками со смешанным специфическим расстройством психологического (психического) развития и их сверстниками, имеющими НР [4].

Заключение. Сходная феноменологическая выраженность социально-психологических особенностей подростков, имеющих НР и с ОВЗ, создает объективные предпосылки для актуализации

и развития компенсаторных механизмов, стимулирующих развитие подростков. Таким образом, обнаруженная диверсифицированность дефекта развития (F83 по МКБ-10) является ценным ресурсом личностного и когнитивного развития подростков, а также базисом для разработки психолого-педагогических инструментов, сопровождающих развитие обучающихся. На данную проблематику может и должен быть перенесен фундаментальный психологический механизм, который заключается в том, что развитие и усиление социально-психологических особенностей подростков может оказывать компенсаторное воздействие на адаптацию подростков с ОВЗ в обществе в целом и к инклюзивному пространству, в частности [5]; а также усиливать их когнитивные возможности.

Библиографические ссылки

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года с изменениями 2017–2016 года. URL: <http://www.consultant.ru/>.

2. Гончарова Е. Л., Кукушкина О. И. Подбор образовательной среды, адекватной новым возможностям ребенка, и его дальнейшее сопровождение // Альманах Ин-та коррекцион. педагогики. 2015. № 21(1). С. 38–41.

3. Мухина В. С. Психология детства и отрочество : учебник. М. : Ин-т практ. психологии, 1998. 488 с.

4. Kashapov M., Volchenkova A. Cognitive and Regulatory Foundations of Tolerance // Schoolchildren In Inclusive Education The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS: ECCE 2018 VII International Conference Early Childhood Care and Education. М., 2018. С. 34–42.

5. Посысов Н. Н. Особенности психологического консультирования подростков с ограниченными возможностями здоровья // Образовательная панорама. 2018. № 2(10). С. 64–68.

Е. В. Воробьева

М. Д. Петровская

Южный федеральный университет

Ростов-на-Дону, Россия

СПОСОБНОСТЬ К ЭМПАТИИ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ У СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

Выраженная способность к эмпатии и высокий эмоциональный интеллект рассматриваются как важные составляющие профессии психолога. Выполнено исследование способностей к эмпатии и эмоционального интеллекта студентов-психологов в сравнении со студентами контрольной группы. Полученные результаты свидетельствуют о высоком уровне способностей к эмпатии у студентов-психологов и о взаимосвязи способности к эмпатии с эмоциональным интеллектом и его компонентами.

Ключевые слова: эмпатия, эмоциональный интеллект, студенты-психологи.

Elena V. Vorobyeva

Mariya D. Petrovskaya

Southern Federal University,

Rostov-on-Don, Russia

EMPATHY AND EMOTIONAL INTELLIGENCE IN PSYCHOLOGY STUDENTS

A pronounced ability for empathy and high emotional intelligence are considered as important components of the profession of a psychologist. The study of empathy abilities and emotional intelligence of students-psychologists in comparison with students of the control group was carried out. The results obtained indicate a high level of empathy abilities among psychology students and the relationship of empathy ability with emotional intelligence and its components.

Keywords: empathy, emotional intelligence, psychology students.

Введение. Практическая работа с людьми в профессии психолога требует наличия способностей к быстрому и безошибочному распознаванию выражения эмоций другими людьми, умения идентифицировать и выражать собственные эмоции, понимать эмоции и причины их возникновения, а также управлять эмоциями как своими, так и других людей. Такой перечень способностей как раз и описывается понятием эмоционального интеллекта в рамках теории Дж. Майера, П. Саловея и Д. Карузо. Эмпатия рассматривается как способность к сочувствию и сопереживанию и также является важной составляющей профессиональных способностей психолога [1]. В рамках модели эмоционального интеллекта Р. Бар-Она эмпатия выступает как одна из составляющих эмоционального интеллекта [2].

Эмпатия и эмоциональный интеллект, с одной стороны, зависят от формирующего воздействия семейной среды, а также успешно тренируемы и развиваются в семейном и социальном взаимодействии [3]. С другой стороны, уровень эмпатии и эмоционального интеллекта имеют психофизиологические и психогенетические корреляты [4].

Однако высокий эмоциональный интеллект не означает автоматически высокой способности к эмпатии. Напротив, при высоких показателях неклинической психопатии в сочетании с макивеализмом и нарциссизмом (темная триада личностных качеств) уровень эмоционального интеллекта может быть высоким, но это может сочетаться с низким уровнем эмпатии. Профессия психолога относится к «помогающим» профессиям, где высоко ценятся высокие морально-нравственные качества, а также эмпатия профессионала. В этой связи исследование способности к эмпатии и эмоционального интеллекта у студентов-психологов представляется актуальным.

Материалы и методы. В работе использовались «Тест эмоционального интеллекта» (ЭМИн) Д. В. Люсина, тест Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT v. 2.0), «Методика диагностики уровня эмпатических способностей» В. В. Бойко, «Опросник эмоциональной эмпатии» А. Мехрабиана, М. Эпштейна [1; 5–7]. Методы статистической обработки данных: дескриптивная статистика, ранговый коэффициент корреляции Спирмена, U-критерия Манна — Уитни. В работе участвовали

90 студентов Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону), из них 45 обучающихся факультета психологии, педагогики и дефектологии 18–24 лет и 45 студентов факультета информатики и вычислительной техники 19–23 лет (контрольная группа). 56 — девушек и 34 — юношей. Средний возраст студентов в общей выборке составил $20,98 \pm 0,89$, в экспериментальной группе студентов-психологов этот показатель равен $21,16 \pm 1,07$, в контрольной группе студентов-информатиков — $20,8 \pm 0,63$.

Результаты. Оценка уровня эмпатических способностей по методике В. В. Бойко позволила установить, что у студентов-психологов ($19,22 \pm 4,5$) в сравнении с контрольной группой ($16,38 \pm 4,2$) более высокие показатели. Оценка достоверности различий по выраженности составляющих эмпатии, оцененных по методике В. В. Бойко, показала наличие достоверных различий по показателю «идентификация в эмпатии» ($U = 616,5^{**}$, $p = 0,001$) и общему уровню эмпатии ($U = 646,0^{**}$, $p = 0,003$).

Результаты оценки способности к эмпатии у студентов-психологов и у контрольной группы по методике А. Мехрабиана, М. Эпштейна свидетельствует о более высоких значениях эмпатии у студентов психологов ($24,4 \pm 5,12$) в сравнении с контрольной группой ($21,62 \pm 5,83$). Оценка различий выраженности эмпатии, оцененной по методике Мехрабиана, у студентов-психологов и контрольной группы по критерию Манна — Уитни показала, что имеются достоверные различия ($U = 731,5^*$, $p = 0,02$).

Достоверные различия студентов-психологов и контрольной группы выявлены по показателю внутриличностного эмоционального интеллекта ($U = 692,0^*$, $p = 0,01$).

В результате проведенного корреляционного анализа по Спирмену у студентов-психологов получены положительные значимые взаимосвязи между выраженностью эмпатии и использованием эмоций в решении проблем ($r = 0,299$ при $p < 0,05$), между способностью к эмпатии и общим уровнем эмоционального интеллекта по методике Д. В. Люсина ($r = 0,472$ при $p < 0,01$), способностью к эмпатии и межличностным эмоциональным интеллектом ($r = 0,399$ при $p < 0,01$), способностью к эмпатии и внутриличностным эмоциональным интеллектом ($r = 0,431$ при $p < 0,01$), способностью

к эмпатии и пониманием эмоций ($r = 0,331$ при $p < 0,05$), способностью к эмпатии и управлением эмоциями ($r = 0$, при $p < 0,05$), между идентификацией в эмпатии и межличностным эмоциональным интеллектом ($r = 0,305$ при $p < 0,05$).

Заключение. В нашем исследовании было получено, что у студентов-психологов в сравнении с контрольной группой более высоко выражена способность к эмпатии в целом и способность к «идентификации в эмпатии» в частности (которая заключается в способности к сопереживанию и идентификацией с партнером по общению). Выраженность способности к эмпатии у студентов-психологов прямо взаимосвязана как с общим показателем эмоционального интеллекта, так и с его отдельными составляющими, такими как использование эмоций в решении проблем, понимание эмоций, управление эмоциями, внутриличностный и межличностный эмоциональный интеллект.

Библиографические ссылки

1. *Salovey P., Mayer J.D.* Some final thoughts about personality and intelligence. *Personality and intelligence*. 1994. P. 303.
2. *Bar-On R.* The Bar-On model of emotional-social intelligence (ESI) // *Psicothema*. 2006. Vol. 18. P. 13–25.
3. *Воробьева Е. В., Шульгина И. П., Ермаков П. Н.* Влияние ретроспективной оценки материнского стиля воспитания, реализуемого в детстве, на проявления алекситимии и эмпатии у молодежи с полинаркоманией // *Российский психологический журнал*. 2015. Т. 12, № 3. С. 114–133. <http://elibrary.ru/item.asp?id=24312935>
4. *Воробьева Е. В., Косоногов В. В., Ковш Е. М.* Эмоциональный интеллект: генетические и психофизиологические корреляты : монография. М. : Мир науки, 2021. 96 с.
5. *Бойко В. В.* Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М. : Филинь, 1996. 472 с.
6. *Люсин Д. В.* Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова, М. : Ин-т психологии РАН, 2009. 351 с.
7. *Рзаева Ж. В.* Развитие эмпатии у студентов педагогических специальностей : учеб.-метод. пособие. Барановичи : РИО БарГУ, 2010. 90 с.

И. В. Воробьева
О. В. Кружкова
С. Д. Робин
А. И. Матвеева

*Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия*

ИЗУЧЕНИЕ СКЛОННОСТИ К АДДИКТИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ СТУДЕНТОВ С ПОМОЩЬЮ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА

Рассматривается проблема диагностики аддиктивного поведения обучающихся, для решения которой предлагается использовать метод окулографии, позволяющий зафиксировать непроизвольное внимание человека к значимым для него стимулам. Описываются результаты проведенного эксперимента по выявлению склонности студентов к аддиктивному поведению.

Ключевые слова: аддиктивное поведение, студенты, окулография, эксперимент.

Irina V. Vorobyeva
Olga V. Kruzhkova
Sergey D. Robin
Alyona I. Matveeva

*Ural State Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia*

THE STUDY OF THE TENDENCY TO ADDICTIVE BEHAVIOR OF STUDENTS USING THE PSYCHOPHYSIOLOGICAL METHOD

The problem of diagnostics of addictive behavior of students is considered, for the solution of which it is proposed to use the method of oculography, which allows to fix a person's involuntary attention to stimuli that are significant for him. The results of an experiment conducted to identify the propensity of students to addictive behavior are described.

Keywords: addictive behavior, students, oculography, experiment.

Введение. Проблема распространения аддиктивного поведения среди молодежи остается одной из самых актуальных, и ученые во всем мире занимаются поиском не только эффективных методов коррекции зависимого поведения обучающихся, но и инструментов для его своевременной диагностики и предупреждения. Профилактика аддиктивного поведения молодежи осложняется многообразием данной формы отклоняющегося поведения (помимо химических фиксируется увеличение числа поведенческих зависимостей, связанных с компьютерными играми, социальными сетями и пр. [1]), наличием мультивариативных сочетаний (по данным австралийских исследователей более 20 % подростков употребляют в различных сочетаниях и тяжести табак, алкоголь и наркотики одновременно [2]), а также последствиями, связанными как со здоровьем обучающихся, так и с результатами их образовательной деятельности [3]. Сложность превентивной диагностики зависимого поведения заключается в том, что любые опросные инструменты демонстрируют ожидаемое искажение в силу высокой социальной желательности ответов на прямые вопросы, связанные употреблением психоактивных веществ или вовлечением в какие-либо виды деятельности. В связи с этим одним из перспективных направлений является использование для этих целей психофизиологического метода — окулографии, который позволяет определить скрытые интенции респондента с помощью анализа его глазодвигательной активности, точек фиксации взгляда, саккад появляющихся при предъявляемой визуальной информации, а также моргания и изменения диаметра зрачка, что является объективными признаками непроизвольного внимания человека к значимым для него объектам.

Материалы и методы. Исследование было проведено с применением айтрекера Tobii Pro Spectrum (150 Hz) путем демонстрации стимульного материала двух типов: «слова вокруг точки» и «поиск слов в филворде». Стимульный материал демонстрировался на экране ЖК-монитора Eizo FlexScan EV245, разрешение экрана 1920 × 1080. Расстояние от глаз испытуемых до поверхности экрана — 53 см. В ходе эксперимента велась запись движений глаз, общего поведения участников, а также протоколировались

высказывания и комментарии, помимо этого в качестве отдельного метода сбора данных использовалась беседа с последующей фиксацией ответов. В сборе данных приняли участие студенты первого и второго курса вуза. Выборка составила 36 человек, из них 7 юношей и 29 девушек в возрасте от 18 до 23 лет. Эксперимент состоял из двух этапов. Первый этап включал себя серию слайдов с точкой посередине, вокруг которой располагались четыре пары слов, где одна половина имела отношение к аддиктивной смысловой группе, вторая носила нейтральный характер. При этом основной задачей участника исследования была фиксация взгляда на точке, расположенной в центре экрана. Для второго этапа были созданы филворды, на которых среди набора случайных букв располагались слова-стимулы из аддиктивной смысловой группы и их нейтральная пара. В данной ситуации предполагалось, что в приоритете прочитываться взглядом будут те слова, которые имеют большее значение для человека.

Результаты. Для анализа данных были произведены расчеты трех групп показателей: 1) на основании анализа произвольных саккад (первый этап эксперимента) и распознавание соответствующих слов-стимулов (второй этап эксперимента) были сформированы маркеры четырех видов аддиктивного поведения — табакокурение, алкоголизм, наркозависимость, токсикомания; 2) на основании анонимной беседы подсчитаны случаи личного опыта аддикции по данным группам; 3) на основании анонимной беседы подсчитаны случаи аддиктивного поведения в социальном окружении респондентов.

Результаты дескриптивной статистики показали, что наиболее частотным во всех трех группах показателей является употребление алкоголя ($X_{cp1} = 2,00$; $X_{cp2} = 0,92$; $X_{cp3} = 1,91$). Наименее характерной для изучаемой группы оказался вариант аддикции, связанный с токсикоманией.

Корреляционный анализ (r -Спирмена) обнаружил значимые взаимосвязи между показателями трех групп. Так, прямая высокозначимая связь существует между маркером табакокурения и маркером токсикомании ($r = 0,429$ при $p = 0,009$), что вероятнее всего обусловлено активным вовлечением молодежи в современные

формы своеобразного гибрида данных аддикций — вейпов и, вероятно, отсутствием их четкой дифференциации. Также прямые высокосignимые связи присутствуют между наличием личного опыта употребления алкоголя и его употреблением в социальном окружении ($r = 0,803$ при $p = 0,000$) и табакокурением среди членов семьи и друзей ($r = 0,547$ при $p = 0,001$). Интересен факт выявления среднезначимых связей между маркером токсикомании и употреблением близкими людьми алкоголя ($r = -0,347$ при $p = 0,048$), а также этой же склонности в социальном окружении ($r = -0,351$ при $p = 0,036$). С одной стороны, обнаруженные закономерности могут быть случайны, а с другой — интерпретироваться в контексте понимания изначально низкой предрасположенности выборки к данному виду аддикции (в соответствии с результатами дескриптивной статистики), т. е. также служить косвенным указанием на доминанту алкоголя среди выбора средств ухода от реальности в представлениях студентов о своем социальном окружении и допуске для него модели токсикомании, вероятнее всего с помощью электронных сигарет. Также настораживает отрицательная связь маркера наркомании и ее злоупотреблением среди социального окружения ($r = -0,557$ при $p = 0,000$). Помимо необходимости ее дополнительного уточнения, существует вероятность наличия факта определенной автономии данной девиации у современной молодежи и несвязанности данной модели аддиктивного поведения с близким социальным окружением.

Выводы. Полученные результаты позволяют констатировать перспективность метода окулографии в диагностике аддиктивного поведения, а также подтверждают необходимость системы превентивных мер, предупреждающих формирование зависимого поведения у молодежи.

Библиографические ссылки

1. Online activities, prevalence of Internet addiction and risk factors related to family and school among adolescents in China / M. Xin, J. Xing, W. Pengfei et al. // Addictive Behaviors Reports. 2018. № 7. P. 14–18. DOI: 10.1016/j.abrep.2017.10.003

2. The topography of multiple drug use among adolescent Australians: Findings from the National Drug Strategy Household Survey / A. White, G. C. K. Chan, L.-H. Quek et al. // *Addictive Behaviors*. 2013. № 38 (4). P. 2068–2073. DOI: 10.1016/j.addbeh.2013.01.001

3. *Williams G. C., Battista K., Leatherdale S. T.* An examination of how age of onset for alcohol, cannabis, and tobacco are associated with school outcomes in grade 12 // *Addictive Behaviors*. 2020. № 102. P. 106215. DOI: 10.1016/j.addbeh.2019.106215

Т. А. Воронцова

*Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия*

ВЛИЯНИЕ ЦЕЛОСТНОГО ОФОРМЛЕНИЯ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА МУЖЧИН НА ИХ ВОСПРИНИМАЕМЫЙ ВОЗРАСТ*

Целью исследования явилось изучение влияния целостного оформления внешнего облика на воспринимаемый возраст мужчин. Метод: процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика» Т. А. Воронцовой. Выборка: в качестве объектов восприятия выступили герои телевизионной передачи «Модный приговор» на Первом канале российского телевидения: 33 от 20 до 60 лет; субъектами восприятия стали 80 «оценщиков» (40 женщин и 40 мужчин) от 18 до 60 лет. Обнаружено, что после целостного оформления внешнего облика мужчины выглядят значительно моложе. Полученные результаты сравниваются с данными, полученными на выборке женщин, обсуждаются в контексте социальной психологии внешнего облика, современных концепций старения.

Ключевые слова: возраст, восприятие возраста, воспринимаемый возраст, внешний облик, оформление внешнего облика.

Tatyana A. Vorontsova

*Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia*

THE INFLUENCE OF THE HOLISTIC DESIGN OF THE APPEARANCE OF MEN ON THEIR PERCEIVED AGE**

The aim of the study was to study the influence of the holistic design of the appearance on the perceived age of men. Method: the procedure of “Photovideopresentation of appearance” by T. A. Vorontsova. Sample:

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01763, <https://rscf.ru/project/22-28-01763/> в Южном федеральном университете.

** The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 22-28-01763, <https://rscf.ru/en/project/22-28-01763/> at the Southern Federal University.

the subjects of perception were the heroes of the television program “Fashion Verdict” on the First Channel of Russian Television: 33 from 20 to 60 years old; the subjects of perception were 80 “appraisers” (40 women and 40 men) from 18 to 60 years old. It was found that after the holistic design of the external appearance, men look much younger. The results obtained are compared with the data obtained on a sample of women, discussed in the context of the social psychology of appearance, modern concepts of aging.

Keywords: age, perception of age, perceived age, appearance, appearance design.

Введение. Воспринимаемый возраст трактуется как «результат социального восприятия одного человека другим» [1, с. 79], как «возраст, приписанный человеку (объекту восприятия) другим человеком (субъектом восприятия, оценщиком) в результате восприятия его внешнего облика» [2, с. 450]. В настоящий момент в науке выделены две основных группы факторов воспринимаемого возраста, а именно «факторы объекта восприятия» и «факторы субъекта восприятия». Выделение при конструировании возраста человека факторов, относящихся как к объекту восприятия, так и к субъекту восприятия, соответствует методологии современной психологии социального познания [3; 4] и коммуникативному подходу к исследованию когнитивных процессов в общении [5]. Отдельный блок исследований в рамках изучения характеристик объекта восприятия принадлежит анализу различных компонентов внешнего облика человека, как пусковых механизмов восприятия, оценки, интерпретации его воспринимаемого возраста. «Фактор внешнего облика» выделен нами в отдельный блок в силу его доминирующего положения среди других факторов, огромного исследовательского интереса и объема работ, посвященных ему, а также в соответствии с современными трендами изучения внешнего облика [6]. В ряде наших работ [1; 2; 7] проведен анализ дифференцированного влияния компонентов внешнего облика (физического внешнего облика, социального внешнего облика, экспрессивного поведения — в терминологии В. А. Лабунской) на воспринимаемый возраст человека, в том числе влияние целостного оформления внешнего облика (социального внешнего облика) на воспринимаемый возраст жен-

щин. Целью настоящего исследования является изучение влияния целостного оформления внешнего облика на воспринимаемый возраст мужчин. В качестве целостного оформления внешнего облика рассматривается трансформация всех элементов оформления внешнего облика мужчин (стрижка, укладка, уход за бородой/усами, подбор одежды, обуви, аксессуаров), произведенная специалистами (например, стилистами, парикмахерами).

Гипотеза исследования: воспринимаемый возраст мужчин «моделей», полученный на основе восприятия их внешнего облика другими людьми до и после его целостного оформления, будет различаться. *Актуальность исследования* определяется отсутствием в современной психологии данных относительно того, как целостная трансформация внешнего облика мужчин влияет на их воспринимаемый возраст и влияет ли вообще. Проведение такого исследования интересно также с точки зрения сравнения полученных данных с аналогичными, полученными на женской выборке. На сегодняшний момент выявлено, что целостное оформление внешнего облика женщин влияет на их воспринимаемый возраст, основная тенденция данного влияния — омоложение [7]. Нами было показано, что целостное оформление внешнего облика влияет на социальное восприятие через восходящие маршруты, изменяя визуальные сигналы (контраст лица, однородность кожи, модная одежда, современная прическа и т. д.), а также через нисходящие маршруты, актуализируя социальные представления и нормы, связанные с использованием тех или иных элементов оформления внешнего облика (например, применение макияжа у молодых женщин ассоциировано с отнесением их к более взрослой возрастной группе). У современных женщин имеется значительно больше социально приемлемых инструментов трансформации их внешнего облика, чем у мужчин. Проведенное исследование должно пролить свет на общие и гендерно-специфичные закономерности конструирования воспринимаемого возраста на основе социального внешнего облика.

Материалы и методы. Основным методом исследования выступила процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика» [8]. В качестве «моделей» выступили героини телевизионной передачи «Модный приговор» на Первом канале российского телевидения,

фотографии которых до и после целостного оформления их внешнего облика в открытом доступе имеются в сети Интернет (на официальном сайте программы www.modniy.tv): 33 мужчины в возрасте от 20 до 60 лет. Их фотографии до и после целостного оформления внешнего облика (66 фотографий) были представлены для оценки возраста 80 «оценщикам» (40 женщин и 40 мужчин) в возрасте от 18 до 60 лет. Также в работе для диагностики «оценщиков» были использованы: 1) анкета «Представления о своем возрасте» Т. А. Воронцовой; 2) анкета «Отношение к своему ВО: удовлетворенность и обеспокоенность» В. А. Лабунской и Е. В. Капитановой.

Результаты. 1) для 64 % мужчин-«моделей» доказано влияние оформления внешнего облика на их воспринимаемый возраст; 2) обнаруженное влияние является разнонаправленным: у 52 % мужчин воспринимаемый возраст уменьшился, у 12 % увеличился, что позволило сделать вывод о наличии преобладающей тенденции — снижении воспринимаемого возраста; 3) доказано влияние на оценку возраста мужчин отношения к своему внешнему облику «оценщиков».

Заключение. После целостного оформления внешнего облика мужчины выглядят значительно моложе. Полученные результаты сравниваются с данными, полученными на выборке женщин [7], обсуждаются в контексте социальной психологии внешнего облика [6], современных концепций старения.

Библиографические ссылки

1. Шкурко Т. А., Николаева Е. Г. Компоненты внешнего облика в структуре восприятия визуальных презентаций возраста // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6, № 4. С. 78–90. DOI: 10.17759/sps.2015060406
2. Шкурко Т. А., Лабунская В. А. Почему мы выглядим моложе или старше своих лет: поиск психологических детерминант // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 450–457. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-450-456>
3. Андреева Г. М. Психология социального познания. М. : Аспект-Пресс, 2000.
4. Психология общения : энциклопед. словарь / под ред. А. А. Бодалева. М. : Когито-Центр, 2015.

5. *Барабанищikov В. А.* Когнитивные механизмы невербальной коммуникации. М. : Когито-Центр, 2017.

6. *Лабунская В. А.* Тренды изучения отношения к внешнему облику с позиций прикладной социальной психологии // Соц. психология и общество. 2021. Т. 12, № 3. С. 128–150. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120309>

7. *Воронцова Т. А.* Влияние целостного оформления внешнего облика на воспринимаемый возраст женщин // Соц. психология и общество. 2020. Т. 11, № 2. С. 141–160. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110209>

8. *Шкурко Т. А.* Фотовидеопрезентации внешнего облика как метод изучения воспринимаемого возраста человека // Соц. психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 104–117. DOI: [10.17759/sps.20180903113](https://doi.org/10.17759/sps.20180903113)

**ОТНОШЕНИЕ К СВОЕМУ ВНЕШНЕМУ ОБЛИКУ
И ВОСПРИНИМАЕМЫЙ ВОЗРАСТ ВЗРОСЛЫХ СТАРШЕ 50 ЛЕТ:
КАК ОТНОСЯТСЯ К СВОЕМУ ВНЕШНЕМУ ОБЛИКУ ТЕ ЛЮДИ,
КОТОРЫЕ ВЫГЛЯДЯТ МОЛОЖЕ СВОИХ ЛЕТ?***

Целью исследования выступило изучение воспринимаемого возраста и отношения к своему внешнему облику у взрослых старше 50 лет. Методы: процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика» и анкета «Самооценка возраста» Т. А. Воронцовой; комплекс методик диагностики отношения к своему внешнему облику В. А. Лабунской. Основная выборка: 175 человек (118 женщин, 56 мужчин) от 21 до 71 года ($M = 51,64$); выборка «оценщиков»: 41 человек (36 женщин, 5 мужчин от 22 до 51 года). Проведенное исследование позволило зафиксировать возрастную динамику отношения к своему внешнему облику у взрослых старше 50 лет, а также взаимосвязь их воспринимаемого возраста и отношения к своему внешнему облику.

Ключевые слова: возраст, восприятие возраста, воспринимаемый возраст, внешний облик, отношение к внешнему облику.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-01763, <https://rscf.ru/project/22-28-01763/> в Южном федеральном университете.

ATTITUDE TO ONE'S APPEARANCE AND PERCEIVED AGE OF ADULTS OVER 50: HOW DO THOSE PEOPLE WHO LOOK YOUNGER THAN THEIR YEARS FEEL ABOUT THEIR APPEARANCE?*

The aim of the study was to study the perceived age and attitude to their appearance in adults over 50 years old. Methods: the procedure of “Photovideopresentation of appearance” and the questionnaire “Self-assessment of age” by T. A. Vorontsova; a set of methods for diagnosing the attitude to one’s appearance by V. A. Labunskaya. The main sample: 175 people (118 women, 56 men) from 21 to 71 years ($M = 51.64$); the sample of “evaluators”: 41 people (36 women, 5 men from 22 to 51 years). The study made it possible to record the age dynamics of the attitude to their appearance in adults over 50 years old, as well as the relationship between their perceived age and attitude to their appearance.

Keywords: age, perception of age, perceived age, appearance, attitude to appearance.

Введение. Стремительное старение российского населения и в целом населения Земли ставит перед правительствами, обществом и учеными ряд очень сложных задач: задач трудоустройства, повышения качества жизни, изменения представлений о старости и старении, преодоления возрастной дискриминации, что, в свою очередь, обуславливает значительный научный интерес к проблемам возраста. В современной психологии исследователями выделяется особый тип возраста — «воспринимаемый возраст», который определяется как «возраст, приписанный человеку (объекту восприятия) другим человеком (субъектом восприятия, оценщиком) в результате восприятия его внешнего облика» [1, с. 450]. Цель проведенного нами исследования: изучение воспринимаемого возраста

* The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 22-28-01763, <https://rscf.ru/en/project/22-28-01763/> at the Southern Federal University.

и особенностей отношения к своему внешнему облику у взрослых старше 50 лет. *Гипотезы исследования:* 1. Выраженность отношения к своему внешнему облику у взрослых до 50 и старше 50 лет будет существенно отличаться. 2. Разница между хронологическим и воспринимаемым возрастом у взрослых до 50 и старше 50 лет, вероятно, будет иметь существенные отличия. 3. Отношение к своему внешнему облику у взрослых старше 50 лет и их воспринимаемый возраст, представленный в параметре «спасенные годы» (разница между хронологическим и воспринимаемым возрастом), могут быть взаимосвязаны.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 216 человек. Основную выборку исследования составили 175 человек (118 женщин, 56 мужчин) в возрасте от 21 до 71 года ($M = 51,64$); 121 человек из них (объекты восприятия — 83 женщины, 38 мужчин в возрасте от 27 до 71 года) предоставили свои фотографии для оценки воспринимаемого возраста. Далее их фотографии были предоставлены для оценки возраста субъектам восприятия, в качестве которых выступил 41 человек (36 женщин, 5 мужчин в возрасте от 22 до 51 года). Методы исследования: 1) процедура «Фото-видеопрезентации внешнего облика» Т. А. Воронцовой [2]; 2) анкета «Самооценка возраста» Т. А. Воронцовой [2]; 3) комплекс методик, разработанных В. А. Лабунской для диагностики отношения к своему внешнему облику [3]: а) анкета «Отношение к своему внешнему облику: удовлетворенность и беспокойность» В. А. Лабунской и Е. В. Капитановой; б) методика «Ценности и значимости внешнего облика в различных сферах жизнедеятельности» В. А. Лабунской; в) методика «Оценочно-содержательная интерпретация своего внешнего облика и его соответствия гендерно-возрастным конструктам» В. А. Лабунской; г) «Шкалы диагностики представлений об оценках внешнего облика родителями и друзьями, приятелями и преподавателями» В. А. Лабунской; д) методика диагностики жизненной динамики удовлетворенности внешним обликом В. А. Лабунской; е) шкала appearance-перфекционизма.

Результаты: 1. Обнаружено влияние возрастного фактора на отношение к своему внешнему облику у взрослых, входящих в возрастные группы «Молодость» (21–34 года); «Зрелость —

до 50 лет» (35–49 лет); «Зрелость — после 50 лет» (50–59 лет); «Пожилые» (60–71 года): 1.1) возрастной фактор влияет: на когнитивный компонент отношения к внешнему облику: ценность/ значимость ВО для карьеры; представления об оценках своего ВО другими людьми, а именно друзьями-мужчинами и матерью; в комплексе оценок своего внешнего облика, его отдельных параметров и интегральных характеристик; поведенческий компонент (выраженность арреансе-перфекционизма и стремления к совершенствованию) отношения к своему внешнему облику; 1.2) ценность/ значимость ВО для карьеры; представления об оценках своего ВО другими друзьями-мужчинами и матерью; оценка своего лица, телосложения, выразительного поведения; оценка соответствия внешнего облика гендерной роли; привлекательность внешнего облика для партнера противоположного пола; оценка сексуальности своего внешнего облика; интегральная оценка внешнего облика значительно менее выражены у взрослых старше 50 лет: в возрастных группах «Зрелость — после 50 лет» (50–59 лет) и «Пожилые» (60–71 года); 1.3) стремление к совершенствованию своего внешнего облика и арреансе-перфекционизм имеют самые высокие показатели в возрастной группе «Молодость» и «Зрелость — после 50 лет»; а наименее низкие — в возрастной группе «Пожилые» и «Зрелость — до 50 лет». Самый низкий показатель наблюдается в группе «Пожилые».

2. Обнаружены значимые различия показателей разницы хронологического возраста и других изучаемых видов возраста в различных возрастных группах: 1) показатель «спасенные годы» (разница между хронологическим и воспринимаемым возрастом) не претерпевает возрастной динамики при смене возрастного этапа молодость/зрелость, но делает качественный рывок на этапе зрелость/пожилой возраст; 2) разница между хронологическим возрастом и самооценкой воспринимаемого возраста; хронологическим возрастом и желаемым воспринимаемым возрастом; хронологическим возрастом и оценкой воспринимаемого возраста также подвержены возрастной динамике на этапе зрелость/пожилой возраст.

3. Обнаружены взаимосвязи параметров отношения к своему внешнему облику и показателя разницы между хронологическим

и воспринимаемым возрастом взрослых старше 50 лет: 3.1) взаимосвязи «спасенных лет» и оценкой ВО человека матерью: моложе выглядят в зрелом возрасте те люди, внешний облик которых высоко оценивала/оценивает их мама; оценкой соответствия ВО гендеру: моложе выглядят в зрелом возрасте те люди, внешний облик которых гендерно специфичен; удовлетворенностью внешним обликом: моложе выглядят в зрелом возрасте те люди, которые удовлетворены своим внешним обликом; 3.2) на уровне тенденции обнаружена связь «спасенных лет» и показателями оценки ВО друзьями-женщинами и привлекательностью ВО для партнера противоположного пола.

Заключение. Проведенное исследование позволило зафиксировать возрастную динамику отношения к своему внешнему облику у взрослых старше 50 лет, а также взаимосвязь их воспринимаемого возраста (показателя «спасенные годы») и отношения к своему внешнему облику.

Библиографические ссылки

1. Шкурко Т. А., Лабунская В. А. Почему мы выглядим моложе или старше своих лет: поиск психологических детерминант // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 450–457.

2. Шкурко Т. А. Фотовидеопрезентации внешнего облика как метод изучения воспринимаемого возраста человека // Соц. психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 104–117.

3. Социальная психология внешнего облика: теоретические подходы и эмпирические исследования : кол. монография / под науч. ред. В. А. Лабунской, Г. В. Серикова, Т. А. Шкурко. Ростов на/Д: Мини-Тайп, 2019.

С. И. Галяутдинова

Н. А. Галяутдинова

Башкирский государственный университет

Уфа, Россия;

Московский государственный

психолого-педагогический университет

Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ САМООЦЕНКИ ЮНОШЕЙ-РУФЕРОВ

В работе отражены результаты исследований самооценки представителей современной городской субкультуры — руфинга. Руфинг привлекателен в первую очередь для молодежи, избравшей это опасное для жизни увлечение. Основываясь на понимании того, что самооценка может определять рискованное поведение, исследование направлено на выявление специфики самооценки руферов. Результат эмпирического исследования особенности самооценки руферов необходимо учитывать для разработки коррекционной программы предупреждения рискованного поведения у молодежи.

Ключевые слова: руферы, рискованное поведение, самооценка, субкультуры, молодежь, предупреждение.

Svetlana I. Galyautdinova

Naira A. Galyautdinova

Bashkir State University

Ufa, Russia;

Moscow State Psychological and Pedagogical University

Moscow, Russia

PECULIARITIES OF SELF-ESTEEM OF YOUNG MEN OF “RUFFERS” AND YOUNG MEN WHO ARE NOT PRONE TO DEVIANT BEHAVIOR

The paper reflects the results of self-assessment studies of representatives of the modern urban subculture-rufing. Rufing is attractive, first of all, for young people who have chosen this life-threatening hobby. Based on

the understanding that self-esteem can determine risky behavior, the study aims to identify the specifics of self-esteem of rufers.

Keywords: rufers, risky behavior, self-esteem, subcultures, youth, prevention.

Введение. В контексте изучения субкультур особый интерес для психологов представляет проблема риска [1]. Осознание риска как угрозы жизни и здоровью необходимо для представителей потенциально рискованной субкультуры, к которой относится и субкультура руферов. Руфинг — городская субкультура, приверженцы которой посещают крыши различных зданий и сооружений, довольно опасный вид деятельности. Анализ имеющихся исследований показал, что основой рискованного поведения может служить самооценка. Руферы — люди, которые совершают прогулки по крышам высотных домов порой с риском для собственной жизни.

Материалы и методы. В изучении самооценки приняли участие 100 руферов от 18 до 25 лет (первая группа) и 100 респондентов, не интересующихся руфингом, от 18 до 25 лет (вторая группа). Для определения самооценки применялась методика Дембо — Рубинштейна [2].

Результаты. Анализ самооценки респондентов обеих групп осуществлялся по шкалам: характер, внешний вид, замотивированность в успехе, уверенность. Для определения различий был использован критерий Манна — Уитни.

Исследование показало существование некоторых различий самооценки у юношей-руферов и молодых людей, не включенных в субкультуру руфинга.

Руферы более негативно оценивают свой характер, чем респонденты, не склонные к риску. Также они ниже оценивают замотивированность в собственном успехе. Однако по шкалам «внешний вид» руферы дают себе более высокую оценку.

По шкале «уверенность» наблюдается более высокая самооценка у юношей, не склонных к риску. Мы предполагаем, что заниженная самооценка по указанной шкале у руферов создает потребность в формировании уверенности через реализацию рискованного поведения.

Заключение. Дальнейшие исследования требуют выявления условий формирования у рюферов адекватной самооценки для разработки личностно-ориентированных коррекционных программ, направленных на предупреждение рискованных форм поведения.

Библиографические ссылки

1. Кленова М. А. Уровень доверия мотивированность к риску представителей молодежной субкультуры «Эмо» // Изв. Саратов. ун-та. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3.
2. Практикум по возрастной психологии : учеб. пособие / под ред. Л. А. Головей, Е. Ф. Рыбалко. СПб. : Речь, 2002. 694 с.

Б. Г. Гарамян

*Московский государственный областной университет
Москва, Россия*

ПРОЯВЛЕНИЕ АФФЕКТИВНЫХ РЕАКЦИЙ У ДЕТЕЙ С ОВЗ ПРИ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОМ ЛЕЧЕНИИ

В данной работе мы рассматриваем проблематику страха, тревоги и фобии у детей с/без ОВЗ в стоматологической практике. Актуальность проблемы обусловлена тем фактом, что на стоматологическое здоровье детей с ОВЗ влияют как физиологические особенности, так и психологические. Мы провели анкетирование среди врачей для оценки поведения детей на приеме. По результатам 66,6 % врачей-стоматологов отмечают агрессивное поведение детей с ОВЗ.

Ключевые слова: детская стоматология, стоматологическая тревога, страх, дентофобия.

Boris G. Gharamyan

*Moscow Region State University
Moscow, Russia*

MANIFESTATION OF AFFECTIVE REACTIONS OF CHILDREN WITH DISABILITIES DURING DENTAL TREATMENT

In this research, we consider the problem of fear, anxiety and phobia of children with/without disabilities in dental practice. The relevance of the problem is due to the fact that both physiological and psychological characteristics affect the dental health of children with disabilities. We conducted a survey among doctors to assess the behavior of children at the reception. According to the results, 66.6 % of dentists note the aggressive behavior of children with disabilities.

Keywords: pediatric dentistry, dental anxiety, fear, dental phobia.

Введение. Страх, тревога и фобия является одной из основных проблем в детской стоматологии. Распространенность стоматофобии среди детей в разных странах колеблется от 5 до 33 % [1]. Поход

к врачу-стоматологу — огромный стресс для ребенка. Некоторые манипуляции в полости рта могут сопровождаться неприятными, зачастую болезненными ощущениями. Осмотр и лечение у врача стоматолога у большинства детей вызывают напряжение и страх. Сегодня тревога рассматривается как неприятное эмоциональное состояние, которое характеризуется субъективными ощущениями напряжения, опасения и беспокойства; и активацией или возбуждением вегетативной нервной системы [2; 3]. На практике различают термины «стоматологическая тревожность, страх и фобия», и они часто используются взаимозаменяемо в литературе. В МКБ-10 (Международная классификация болезней) представлены фобические тревожные расстройства (F40), которые являются клиническим диагнозом. Тем не менее термин стоматологическая тревожность включает в себя различные виды стоматологических страхов и фобий: стоматофобия (дентофобия, одонтофобия), ятрофобия, трипанофобия и т. д. [2; 4]. При стоматофобии усиливается тревожность, которая способствует избеганию походов к врачу, что, в свою очередь, приводит к ухудшению состояния полости рта и зубов. Часто это означает более высокую вероятность нерегулярного ухода за зубами с использованием только неотложной стоматологической помощи или даже иногда полного избегания, что приводит к непоправимому урону здоровья зубов у детей, в частности с ОВЗ [4; 5]. Дети с ОВЗ всегда испытывают стоматологические и психолого-педагогические проблемы, такие как высокая вероятность кариозных поражений, зубочелюстные аномалии, плохая сформированность навыков гигиены полости, что определяет сложности в оказании им медицинской помощи. В силу этого актуальным на сегодняшний день остается вопрос дентофобии, в частности у детей с ОВЗ [5; 6]. Цель данного исследования является изучение проявлений тревожности у детей с ОВЗ при посещении стоматолога.

Материалы и методы. Для оценки поведения детей с/без ОВЗ нами был разработан анкета-опросник, в который были включены вопросы относительно фобии у детей, а также проведено анкетирование среди врачей-стоматологов, в котором участвовали 18 стоматологов.

Результаты. Согласно полученным результатам, из 18 опрошенных врачей-стоматологов только 11,1 % (2 человека) часто осуществляют прием детей с ОВЗ, тогда как 66,6 % (12 человек) — редко, а 22 % (4 человека) — почти не осуществляют. 66,6 % (12 человек) отмечают агрессивное поведение детей с ОВЗ, в 61,1 % (11 человек) — гиперактивность и страх, а в 33,3 % (6 человек) — плач и тревогу. Все это, естественно, приводит к полному отказу от лечения, на что указали 66,6 % врачей (12 человек). При этом сами врачи указывали, что все перечисленные негативные проявления поведения детей с ОВЗ во время приема характеризуют высокий уровень стоматофобии. Следует отметить, что случаи полного отказа от лечения происходили на практике как у врачей-стоматологов, часто работающих с детьми с ОВЗ, так и среди тех, кто работает с ними редко. По мнению 83,3 % врачей-стоматологов (15 человек), основными факторами негативного поведения детей с ОВЗ при стоматологическом приеме являются особенности патологии, высокую тревожность родителей отметили 12 человек (66,6 %), неблагоприятный стиль воспитания ребенка — 11 человек (61,1 %), наличие личностных страхов и тревоги ребенка с ОВЗ — 9 человек (50,0 %). На вопрос о применяемых стратегиях в ситуациях, когда поведение ребенка выходит из-под контроля 61,1 % врачей-стоматологов (11 человек) стараются успокоить общением. Базовые методы психологии применяют 22,2 % (4 человека), а обращаются за помощью к матери 12 человек, или 66,6 % из выборки, в том числе и специалисты, часто работающие с данной категорией детей.

Заключение. По полученным данным можно заключить, что большинство стоматологов неохотно принимаются за лечение детей с ОВЗ. Это связано с повышенной тревожностью у данной категории детей, как показали результаты нашего анкетирования. Следует отметить, что, зная вид дизонтогенеза и особенности эмоциональной сферы, стоматолог может определить индивидуальный маршрут оказания стоматологической помощи той или иной категории детей с ОВЗ для снижения у них тревожности на стоматологическом приеме.

Библиографические ссылки

1. *Wu L., Gao X.* Children's dental fear and anxiety: exploring family related factors // BMC Oral Health. 2018. Vol. 18, № 1. P. 1–10.
2. *Миленин В. В.* Предфакторы психосоматических нарушений в стоматологической практике у детей // Рос. стомат. журнал. 2012. № 4. С. 41–45.
3. *Deepak V., Mahesh K., Prabhuji M. L.* Dental anxiety, fear and phobia in children // International Journal of Dental Research & Development (IJDRD). 2014. Vol. 4, № 1.
4. Assessing children's dental anxiety: a systematic review of current measures / J. Porritt et al. // Community dentistry and oral epidemiology. 2013. Vol. 41, № 2. P. 130–142.
5. Дифференцированный подход в диагностике знаний детей с ограниченными возможностями здоровья о профилактике стоматологических заболеваний / И. Ю. Литвина и др. // Стоматология детского возраста и профилактика. 2022. Т. 21, № 4. С. 264–269.
6. Evidence-based approach to cope with dental anxiety and fear amongst children, especially those with disabilities through sensory adaptive dental environment / F. Alqabba et al. // Saudi J Oral Dent Res. 2019. Vol. 4, № 1. P. 5–7.

Э. Н. Гилемханова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия*

ТИПЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ УЧАЩИХСЯ К СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ РИСКАМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ШКОЛЫ*

Представлена классификация типов психологической устойчивости учащихся к социокультурным рискам безопасности образовательной среды школы. В основе классификации лежит авторское понимание индивидуализированных рисков безопасности образовательной среды как личностных особенностей субъектов образовательного процесса, обуславливающих сложность взаимодействия в «субъектно-контекстной» системе образовательной среды.

Ключевые слова: безопасность образовательной среды, социокультурные риски, тип психологической устойчивости, социально-психологическая уязвимость, социально-психологической дезинтегрированность, виртуальная аутизация.

Elvira N. Gilemkanova

*Institute of Psychology and Education
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia*

TYPES OF PSYCHOLOGICAL STABILITY OF STUDENTS TO SOCIO-CULTURAL RISKS OF THE SCHOOL'S EDUCATIONAL ENVIRONMENT

The study present a classification of the types of students' psychological resistance to the socio-cultural risks of the school's educational environment. The classification is based on the author's understanding of the individualized

* Работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета (ПРИОРИТЕТ-2030).

safety risks of the educational environment as personal characteristics of the participants in the educational process, which determine the problems of interaction in the “subject-context” system of the educational environment.

Keywords: safety of educational environment, sociocultural risks, type of psychological stability, socio-psychological vulnerability, socio-psychological disintegration, virtual autization.

Введение. Внимание к изучению социально-психологической безопасности образовательной среды актуализируется участвующими случаями различных деструкций во взаимодействии между обучающимися (буллинг, кибербуллинг, аддиктивное поведение, вооруженные нападения и др.) [1; 2]. В связи с этим школа как особое социокультурное и образовательное пространство отводит большую роль личностной адаптации учащихся в школе. Проанализировав существующие классификации учащихся по эффективности взаимодействия, в том числе и в образовательной среде, чаще всего исследователи обращаются к классификации копинг-стратегий Лазаруса [3] или модели Томаса — Килмана [4]. Однако данные классификации не отражают современных тенденций виктимизации подростков в школе. В то же время следует отметить, что 22 % школьников в США в какой-то момент обязательного школьного обучения оказывались в одной из ассоциированных ролей — агрессора или жертвы [5]. В основе представленной классификации типов психологической устойчивости учащихся к социокультурным рискам безопасности образовательной среды школы лежит авторское понимание индивидуализированных рисков безопасности образовательной среды. Индивидуализированные риски социально-психологической безопасности образовательной среды определяются как личностные особенности субъекта образовательного процесса, обуславливающие сложность взаимодействия в «субъектно-контекстной» системе образовательной среды. *Цель исследования:* на основе оценки доминирующих социокультурных рисков социально-психологической безопасности определить категории учащихся, различающиеся по эффективности взаимодействия (адаптации) в системе «учащийся — социокультурная среда школы».

Материалы и методы. Статистические методы исследования: кластерный анализ, описательные статистики. Методика: авторская методика «Индекс социокультурной безопасности школьников» [6]. Выборка исследования: 3 232 учащихся средних общеобразовательных школ Республики Татарстан в возрасте от 12 до 16 лет, из них 45 % юноши, 50 % девушки, 5 % предпочли не указывать свой пол.

Результаты. Нами было установлено три группы проблем устойчивости участников образовательного процесса к контекстным рискам образовательной среды: социально-психологическая уязвимость, социально-психологической дезинтегрированность, виртуальная аутизация, послужившие основой авторской классификации типов индивидуальной рискогенности. Социально-психологическая уязвимость — характеристика обучающегося, связанная с пассивностью, податливостью внешнему влиянию, гиперчувствительностью к нюансам социального взаимодействия. Проблемы взаимодействия с другими субъектами образовательной среды выражаются в саморазрушительных тенденциях, сопровождаются чувством вины, обидчивостью, повышенной тревожностью. Проблемы индивидуальной рискогенности связаны с тем, что среда оказывает поглощающее воздействие. Социально-психологическая дезинтегрированность — характеристика обучающегося, связанная с рассогласованием индивидуальных диспозиций с ценностно-нормативными характеристиками образовательной среды, отсутствием ориентации на социальные ожидания и одобрением других субъектов образовательной среды. Характерна обособленность, отчужденность. Фоновая характеристика состояния — раздражительность и агрессивность. Образовательная среда воспринимается как непродуктивная, безуспешная, враждебная. Виртуальная аутизация — характеристика обучающегося, связанная с нарушением коммуникативного диалога, предпочтением обезличенного контакта, проблемами самоопределения и самоидентификации. На основе кластерного анализа выявлено пять типов психологической устойчивости, учащихся к социокультурным рискам безопасности образовательной среды школы. Каждый тип характеризуется спецификой построения взаимодействия в системе «учащийся — социокультурная среда школы». Аутизированный тип: по пику

проблем виртуальной аутизации учащихся (кластер 1) — 22,8 %. Дезинтегрированный тип: по пику проблем социально-психологической дезинтеграции (кластер 2) — 15,5 %. Деадаптивный тип: все показатели в зоне напряженности (кластер 3) — 14,5 %. Уязвимый тип: по пику социально-психологической уязвимости (кластер 4) — 16,5 %. Адаптивный тип: все показатели в зоне ненапряженности (кластер 5) — 30,7 %.

Заключение. Выявление типа психологической устойчивости учащихся открывает возможность для индивидуализации образовательного процесса и проведения своевременных профилактических мероприятий по предупреждению социально-психологической дезадаптации детей и подростков.

Библиографические ссылки

1. Indicators of school crime and safety: 2012 (NCES 2013–036/NCJ 241446) / S. Robers, J. Kemp, J. Truman et al. Washington, DC : National Center for Education Statistics, U.S. Department of Education, and Bureau of Justice Statistics, Office of Justice Programs, U.S. Department of Justice, 2013. Retrieved from ERIC database: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/ED543705.pdf>

2. Alcohol and other drug use in middle school: The interplay of gender, peer victimization, and supportive social relationships / S. V. Wormington, K. G. Anderson, K. L. Tomlinson et al. // *Journal of Early Adolescence*. 2012. № 33. P. 610–634. <https://doi.org/10.1177/0272431612453650>.

3. *Lazarus R. S.* Stress and emotion: A new synthesis. New York, NY, US : Springer Publishing Co, 1999.

4. *Thomas W., Kenneth & Kilmann R.* Thomas-Kilmann conflict MODE instrument. 1976. 10.1037/t02326–000.

5. School Bullying in Compulsory and Advanced Secondary Education. Determining Factors in its Intervention / I. M. Sanchez, R. G. Martinez, D. G. Gonzalez et al. // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2019. № 16(5). P. 750. <https://doi.org/10.3390/ijerph16050750>

6. *Гилемханова Э. Н.* Методика «Индекс социокультурной безопасности школьника» // *Вестн. Моск. ун-та. Серия 14. Психология*. 2019. № 2. С. 164–183. DOI: 10.11621/vsp.2019.02.164

Д. И. Голубицкая
О. Ю. Стрижицкая
М. Д. Петраш
М. Г. Кузьмина

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

ПЛАНИРОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ ПОЗИТИВНОГО СТАРЕНИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ*

В работе рассматриваются особенности планирования старения в период поздней взрослости. Анализируются ретроспективные и актуальные планы относительно старения, их связи с психологическим благополучием. Рассматриваются две стратегии старения: активная и спокойная. Проводится сравнительный анализ планирования старения в зависимости от выбранной стратегии. Показано, что обе стратегии являются продуктивными, различаясь ресурсами, которые лежат в их основе.

Ключевые слова: конструирование старения, позитивное старение, психологическое благополучие, поздняя взрослость, футуризация старения.

Daria I. Golubitskaya
Olga Yu. Strizhitskaya
Marina D. Petrash
Maria G. Kuzmina

*Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia*

PLANNING OF POSITIVE AGING STRATEGIES AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING DURING LATE ADULTHOOD

The research addresses the characteristics of aging planning in the period of late adulthood. Retrospective and current plans for aging were

* Проект поддержан грантом РНФ № 22-28-00869.

analyzed, as well as their relationship with psychological well-being. Two aging strategies were considered: active and relaxed. A comparative analysis of aging planning was carried out depending on the chosen strategy. It was shown that both strategies were productive, differing in the resources that underlie them.

Keywords: construction of aging, positive aging, psychological well-being, late adulthood, futurization of aging.

Введение. Современные исследования старения выделяют многообразие механизмов поддержания качества жизни в период старения. Эти механизмы включают биологические, психологические, социальные и экологические факторы, влияющие на специфику старения [1–3]. Подобные данные позволяют ретроспективно говорить о том, как человеку следовало жить. Однако многие из этих факторов можно актуализировать на более ранних этапах (это факторы, связанные с образом жизни [2], регуляцией эмоционального состояния [4], труда [1] и т. д.). Актуальность данного исследования заключается в том, чтобы определить сензитивные периоды для активации ресурсов, что позволит перейти от ретроспективной оценки накопленных и упущенных ресурсов к сознательному конструированию старения или его футуризации.

Материалы и методы. Задачей данного исследования было проанализировать специфику стратегий старения в период поздней взрослости и оценить связи этих стратегий с психологическим благополучием респондентов. Мы предполагали, что при условии сохранения физического и психического здоровья, участники исследования будут ориентированы на активную старость и такая стратегия будет сопровождаться более высоким уровнем психологического благополучия. В исследовании приняли участие 82 респондента в возрасте 57–65 лет ($M = 60,96$ лет, 68 % женщин). Методы: авторская анкета «Планирование старения», шкала психологического благополучия К. Рифф в адаптации Л. В. Жуковской, Е. Г. Трошихиной [5].

Результаты. Исследование показало, что при сохранении психического и физического здоровья 68 % выборки предпочли бы активный образ жизни в старости. Качественный анализ стратегий,

использовавшихся респондентами 10 лет назад и на данном этапе, показал, что «активная» группа использует внешние ресурсы для создания резервов для благополучной старости, например, за счет когнитивного резерва. Для «спокойной» группы более характерна ориентация на внутренние ресурсы, например анализ генетической предрасположенности, поддержание здорового образа жизни. В пользу идеи о различных ориентациях «активной» и «спокойной» групп говорят и полученные статистически значимые различия по показателям позитивного взаимодействия с близким окружением как в рамках авторской анкеты «Планирование старения», так и по шкале психологического благополучия. Различия по шкале «Позитивные отношения с окружающими» были единственным достоверным различием по психологическому благополучию ($t = 2,671$), уровневые значения в обеих группах находятся на верхней границе среднего диапазона. Такой результат позволяет предположить, что обе стратегии («активная» и «спокойная») являются вариантами позитивного старения, и, вероятно, выбор той или иной стратегии будет зависеть от личностных особенностей человека.

С помощью корреляционного анализа мы обнаружили, что в активной группе те, кто думал и менял что-то в своей жизни для достижения благополучного старения 10 лет назад, задумываются о нем и сейчас, у них больше планов на будущее. Также те, кто что-то менял, чувствуют больший контроль над качеством своей старости. Те, кто уже 10 лет назад предпринимал что-то для создания благополучной старости, в данный момент имеют больше конкретных планов на более удаленный период будущего. Таким образом, в активной группе планирование старости проходит лейтмотивом от прошлого через настоящее к будущему. В «спокойной» группе гораздо меньше связей между показателями планирования старости. Чаще о старении задумываются те респонденты «спокойной» группы, кто задумывался об этом уже 10 лет назад, но в этой группе те, кто использовал больше стратегий для создания резервов старения 10 лет назад, на данном этапе имеют больше общих планов на относительно удаленное будущее.

Заключение. Таким образом, наша гипотеза подтвердилась частично. Наши результаты демонстрируют, что определенные

различия в психологическом благополучии между теми, кто планирует активную и спокойную старость есть, однако эти различия не позволяют считать одну из этих стратегий предпочтительней по отношению к другой. Наши результаты свидетельствуют, что это разные варианты старения, и, вероятно, эти различия основываются на личностных особенностях респондентов и требуют дальнейшего исследования.

Библиографические ссылки

1. *Стрижицкая О. Ю., Петраш М. Д.* Конструирование продуктивной старости: биологические, психологические и средовые факторы // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Т. 30, № 1. С. 8–28.
2. Daily Prosocial Activities and Well-Being: Age Moderation in Two National Studies / K. Chi, D. M. Almeida, S. T. Charles et al. // *Psychology & Aging*. 2021. Vol. 36. № 1. P. 83–95.
3. *Lachman M. E., Agrigoroaei S.* Promoting Functional Health in Midlife and Old Age: Long-Term Protective Effects of Control Beliefs, Social Support, and Physical Exercise // *PLOS ONE*. 2010. Vol. 5(10). P. e13297.
4. Longitudinal change of sleep timing: association between chronotype and longevity in older adults / A. Didikoglu, A. Maharani, A. Payton et al. // *Chronobiology International*. 2019. Vol. 36. № 9. P. 1285–1300.
5. *Жуковская Л. В., Трошихина Е. Г.* Шкала психологического благополучия К. Рифф // *Псих. журнал*. 2011. Т. 32, № 2. С. 82–93.

Ю. В. Горбатовская

*ОО «Санкт-Петербургское психологическое общество»
Санкт-Петербург, Россия*

**ЛИШЬ БЫ НЕ БЫЛО ...ВИНЫ!
(об особенностях родительской позиции
современных матерей)**

Статья носит проблемно-постановочный характер и основана на результатах многолетней диагностики родительской позиции матерей, обратившихся за психолого-педагогической помощью к специалисту. Анализируются осознаваемые и неосознаваемые факторы чувства вины матерей перед своими детьми, их стремление доказать кому-либо свою «хорошесть».

Ключевые слова: родительские установки, чувство вины, родительская позиция, нарушенная родительская позиция.

Julia V. Gorbatovskaya

*Public organization «St. Petersburg Psychological Society»
Saint-Petersburg, Russia*

**ONLY THERE WAS NO ...GUILT!
(On the Features of the Parental Position
of Modern Mothers)**

The article is of a problematic and staging nature and is based on the results of many years of diagnosing the parental position of mothers who applied for psychological and pedagogical assistance to a specialist. Conscious and unconscious factors of mothers' feelings of guilt before their children, their desire to prove their «goodness» to someone are analyzed.

Keywords: parental settings, guilt, parental position, broken parental position.

Введение. Как известно, проблема отцов и детей — извечная проблема, которая на каждом историческом этапе жизни человечества дарит нам возможность исследовать все новые и новые ее аспекты

и особенности проявления. Не погружаясь в исторический экскурс формирования родительской позиции матерей и отцов, сразу перейдем к анализу главной и, можно сказать, основополагающей особенности родительской позиции современных матерей.

Материалы и методы. Эмпирическое исследование длилось в период с 2017 по 2021 год и имело целью выявить особенности родительской позиции матерей. В исследовании приняло участие 145 женщин в возрасте от 25 до 45 лет. Были использованы следующие диагностические методики: методика изучения родительских установок (PARI; Е. С. Шефер и Р. К. Белл) в адаптации Т. В. Нещерет и методика Э. Г. Эйдемиллера и В. В. Юстицкиса «Анализ семейных взаимоотношений».

Результаты. По совокупности разработанных нами диагностических критериев нарушенной родительской позиции было установлено, что 32 % современных матерей имеют нарушенную родительскую позицию, суть которой заключается в противоречивости их родительских установок и в склонности к потворствующей гиперопеке над своими детьми [1].

В данной статье хотелось бы сделать акцент на том, что 43 % матерей испытывают воспитательную неуверенность, сомневаются в себе и по любому поводу готовы утверждать: «Я — плохая мать!» Но что скрывается за их воспитательной неуверенностью? Этот вопрос возник в связи с тем, что далеко не все исследуемые матери являются неопытными родителями: более половины исследуемых матерей имеют по два, а то и по три ребенка. Кроме того, многие современные матери активно изучают педагогическую литературу и достаточно осведомлены по многим вопросам педагогики и возрастной психологии, а значит, воспитательной неуверенности не место в содержании их родительской позиции.

В беседе с испытуемыми матерями было выявлено, что за высокими показателями по шкале «воспитательная неуверенность» зачастую скрывается их чувство вины перед ребенком. Поводом для вины выступают различные обстоятельства появления ребенка на свет и его дальнейшего развития. Например, матери испытывают вину за:

— период появления ребенка в семье: поздно/рано родила ребенка;

- способ появления ребенка на свет: кесарево сечение / естественный путь рождения ребенка со сложностями;
- здоровье ребенка при рождении и в течение его жизни: родовая травма / врожденные заболевания / болезненность ребенка;
- характер супружеских отношений: развелись с отцом / скандалы в семье на глазах у ребенка и прочее;
- характер сиблинговых отношений: ревность между детьми и неспособность матери «разорваться» между ними;
- характер отношений с прародителями: нет помощи от бабушек и дедушек/конкуренция с ними за благосклонность ребенка / конфликт стилей воспитания родителей и прародителей;
- характер отношений родителей между собой: «приватизация» ребенка матерью / конфликт стилей воспитания отца и матери (по принципу злого и доброго полицейского).

Самым популярным поводом для чувства вины выступает предположение матерей о том, что они слишком мало времени проводят со своими детьми. При этом в расчет, как правило, не берется параметр качества совместного времяпровождения матери с ребенком.

За рамками осознаваемых матерями факторов чувства вины перед ребенком остаются:

- предпочтение матерью благосклонности супруга психологическому здоровью ребенка (часто характерно для вновь созданных браков), со стороны ребенка данное предпочтение матери воспринимается как предательство;
- неустойчивость стиля воспитания, в частности посылание ребенку противоречивых посланий, что вызывает у ребенка повышенную тревожность от непонимания, что именно от него требуется, и заниженную самооценку (подобного рода явления называют модным термином «газлайтинг»);
- инфантилизация детей через гиперопеку, мотивированная потребностью матерей в значимости и в доказательной базе того, что она — «хорошая мать».

В этих случаях, столкнувшись с последствиями реализации данных тенденций в поведении ребенка, матери искренне сетуют на самого ребенка (его несообразительность, несамостоятельность

и т. п.) либо на других взрослых, участвующих в его воспитании («Весь в отца!»).

Заключение. Таким образом, матерям сложно отдавать себе отчет в том, что печальный результат их родительства — это результат реализации их подсознательных мотивов, направленных на ослабление чувства вины за «плохую мать». Соответственно, им весьма затруднительно произвести работу над ошибками, в частности пересмотреть критерии поляризации: хорошая мать — плохая мать и/или отказаться от намерения во что бы то ни стало доказать кому-то свою «хорошесть».

Итак, осознанное родительство/материнство — это перспективное прикладное направление психологии, требующее вдумчивого и системного подхода к его развитию.

Библиографические ссылки

1. *Горбатовская Ю. В.* Психологический портрет современной матери: из опыта практической деятельности педагога-психолога // Ананьевские чтения — 2021 : материалы междунаро. науч. конф., 19–22 октября 2021 года / под общ. ред. А. В. Шаболтас ; отв. ред. В. И. Прусаков. СПб. : Скифия-принт, 2021. С. 800–801.

КОНЦЕПЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Ставится проблема проектирования концепции психологического благополучия личности, интегрирующей достижения предыдущих разработок в предметной области. Приводится перечень ключевых методологических подходов и теорий, находящихся в основе проектирования концепции. В контексте системной парадигмы психологическое благополучие может рассматриваться как функциональная динамическая система организации внутренних ресурсов личности, нацеленная на обеспечение сбалансированного взаимодействия с окружающим миром. Системное изучение психологического благополучия позволит описать его структуру, функционирование и генезис — создать многомерное представление о психологическом феномене благополучия личности.

Ключевые слова: психологическое благополучие, системный подход, субъект, взаимодействие со средой, удовлетворенность, успех.

Anastasiya V. Gorbushina

*Vyatka State University
Kirov, Russia*

CONCEPT OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS

The problem of designing the concept of the psychological well-being of the individual, integrating the achievements of previous developments in the subject area, is posed. The list of key methodological approaches and theories that are at the heart of concept design is given. In the context of the system paradigm, psychological well-being can be viewed as a functional dynamic system for organizing the internal resources of the individual, aimed at ensuring a balanced interaction with the outside world. A system-

atic study of psychological well-being will make it possible to describe its structure, functioning and genesis, to create a multidimensional idea of the psychological phenomenon of a person's well-being.

Keywords: psychological well-being, systematic approach, subject, interaction with the environment, satisfaction, success.

Введение. В отношении феномена «психологическое благополучие» сложилась особая ситуация изучения предметной области. С одной стороны, в области практики наблюдается рост количества запросов и актуальности психологической помощи в повышении уровня психологического благополучия субъекта. С другой стороны, в области науки понятийная неоднозначность и существование разнонаправленных эмпирических моделей счастья, субъективного и психологического благополучия лишь частично могут отвечать на запросы практики, поскольку ограничены в применении и сосредоточены на описании отдельных составляющих благополучия личности.

Подобная ситуация ставит проблему необходимости проектирования концепции психологического благополучия личности, интегрирующей достижения предыдущих разработок в предметной области и позволяющей осуществить системное изучение психологического благополучия как феномена.

Следовательно, концепция психологического благополучия должна содержательно отвечать на следующие вопросы:

1. Что есть психологическое благополучие по своей сути: состояние или что-то иное?
2. Как психологическое благополучие связано с субъективным благополучием и счастьем?
3. Какова структура психологического благополучия?
4. Как может функционировать психологическое благополучие?
5. Каковы закономерности и механизмы развития психологического благополучия?
6. Как можно воздействовать на психологическое благополучие личности в целях повышения его уровня?

Материалы и методы. Основными методами выступили метод анализа литературных источников, позволивший эксплицировать

методологические и теоретические идеи применительно к изучению психологического благополучия, и метод проектирования, позволивший сгенерировать основные идеи концепции.

Анализ работ (N. Bradburn, E. Diener, D. Kahneman, C. D. Ryff; R. M. Ryan, E. L. Deci, M. Seligman, A. S. Waterman; V. Huta, R. M. Ryan; Д. А. Леонтьев, А. Е. Созонтов, Л. В. Карапетян, Г. А. Глотова, И. А. Джидарьян, Л. В. Куликов, О. С. Ширяева, В. И. Меренков, Р. М. Шамионов) позволяет констатировать, что «психологическое благополучие» употребляется в одном понятийном поле с такими терминами, как «счастье», «благополучие», «субъективное благополучие», «эмоциональное благополучие», «удовлетворенность».

По итогам аналитической работы можно сделать заключение о том, что сложившиеся в науке гедонистический и эвдемонистический методологические подходы к изучению благополучия личности фиксируют градации, проявления и факторы благополучия, но анализируют его исключительно как внутреннее эмоциональное состояние.

Упорядочив понятия относительно друг друга по степени выраженности интенсивности переживаемого внутреннего состояния, графически представим соотношение понятий и обозначим исходную теоретическую позицию психологического благополучия относительно других терминов на рис. 1.

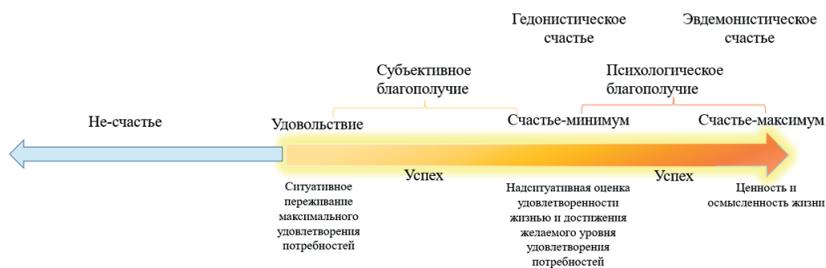


Рис. 1. Соотношений понятийных категорий

На основе анализа рисунка становится очевидным, что понятие «психологическое благополучие» является более содержательным и может включать в себя гораздо большее содержание, нежели

«субъективное благополучие». Данный факт явился отправной точкой проектирования концепции психологического благополучия. Опираясь на интегративное представление о психологическом благополучии Е. Diener, С. D. Ryff, М. Seligman, Д. А. Леонтьева, Л. В. Куликов, Р. М. Шамионова, можно оттолкнуться от идеи системности сущности психологического благополучия как феномена.

В данном контексте ключевыми теоретико-методологическими основаниями разработки концепции психологического благополучия выступают следующие.

1. Системный подход Б. Ф. Ломова [1], позволяющий анализировать сложные психические явления как системы, взаимодействующие со средой. Система — единая целостность, состоящая из определенных составляющих, взаимодействующих между собой для достижения результата. Она динамична, вписана в определенный контекст и должна исследоваться во взаимодействии с более крупными системами и окружающей средой.

Следовательно, психологическое благополучие может рассматриваться как система, поскольку является гетерогенными и неоднородными по своему составу, что отражено в моделях разных авторов (С. D. Ryff, М. Seligman, Р. М. Шамионов и др.). В то же самое время психологическая характеристика благополучия личности должна содержать описание взаимодействия со средой.

2. Теория функциональных систем П. К. Анохина [2], последовательно описывающая содержание и характер взаимодействия живого организма с окружающей средой. Любая подобная система состоит из определенных блоков, функционирует рефлекторно, нацелена на получение полезного результата: удовлетворения потребностей организма и выживания в условиях окружающей среды.

Следовательно, психологическое благополучие может анализироваться как функциональная система, имеющая рефлекторный характер и нацеленная на удовлетворение потребностей и обеспечение успешного выживания в окружающей среде.

3. Концепция функциональной системы деятельности В. Д. Шадрикова [3], описывающая содержание и характер целенаправленной активности личности. В данной концепции человек не просто активен и отвечает на воздействия извне, но исходит в своей дея-

тельности от собственной субъективности в виде предвосхищаемого результата — цели деятельности и побуждается к деятельности внутренними мотивами, реализуя собственную личность.

Функциональная система деятельности по В. Д. Шадрикову имеет более богатое содержание и характеризует уже не просто рефлекторный ответ среде, но деятельность субъекта с учетом его активной постановки личных целей, внутренних мотивов, учета особенностей собственной личности, принятия решения и планирования в ситуации деятельности.

В. Д. Шадриков указывает: «Под влиянием мотивации и цели в деятельность вовлекаются ресурсы внутреннего мира во всем их многообразии. Это вовлечение осуществляется по функциональному принципу» [3, с. 104]. Данный факт показывает, что в деятельность субъект вовлекается на основе интеграции ресурсов внутреннего мира, а следовательно, может быть более эффективен в достижении результата деятельности, может реализовывать индивидуальный подход к выполнению деятельности и ощущать единство деятельности и переживания. Другими словами, при осуществлении деятельности качество ее выполнения и результативность будут более высокими по сравнению с функционированием на уровне реактивности поведения.

Следовательно, психологическое благополучие может рассматриваться как функциональная система деятельности, имеющая в изоморфной структуре деятельности внутреннее содержание. Функционирование системы психологического благополучия определяется целями, мотивами личности, а также внутренними ресурсами личности.

4. Концепция системогенеза В. Д. Шадрикова, А. В. Карпова [4], описывающая функционирование и развитие системы деятельности в плане достижения цели и повышения ее эффективности.

Любая деятельность претерпевает процессы изменения функционирования системы. Системогенез можно представить как процесс формирования функциональных составляющих, установления связей между ними и достижения согласованности в плане достижения целей — выстраивания деятельности до получения нормативного

результата, достижение системой некоего уровня оптимального в данных условиях функционирования.

Следовательно, психологическое благополучие как функциональная система развивается во времени, может обогащаться по составу, наращивать внутренние связи между функциональными составляющими и наращивать собственную эффективность в плане достижения целей и согласованности взаимодействия с окружающей средой.

5. Концепция метасистемогенеза А. В. Карпова [5], характеризующая включенность, саморегуляцию и взаимодействие системы с более крупными метасистемами.

Метасистемогенез с позиции А. В. Карпова есть «...формирование способности системы использовать свои же собственные закономерности в качестве операционных средств саморегуляции — развитие системности как механизма этой регуляции» [5, с. 134].

Следовательно, психологическое благополучие как система взаимодействует с более крупными метасистемами личностью в целом и окружающей средой: регулируя собственную деятельность с помощью механизма системности и достигая более эффективного взаимодействия с метасистемами в виде внутреннего состояния удовлетворенности и получения успеха во внешней среде в соответствии с замыслами субъекта.

6. Модель психологического благополучия О. С. Ширяевой

По мнению автора, психологическое благополучие представляет собой совокупность личностных ресурсов, которая обеспечивает субъективную и объективную успешность личности в системе «субъект — среда» [6]. Автор описывает симметричную и несимметричную модели благополучия. Асимметричная модель психологического благополучия может быть характерна и для современных изменившихся условий ВANI-мира. Она характеризуется преимущественным обращением к внутренним ресурсам, расширением репертуара и способов взаимодействия с окружающей средой и саморазвитием. Это приводит к тому, что личность в данных условиях развивается, самосовершенствуется не «благодаря» воздействию объективных факторов, а «вопреки». Наряду с ущемлением групп личностных ресурсов, обеспечивающих взаимодействие со средой,

социальным окружением, происходит усиление внутренних ресурсов, направленных на саморазвитие, независимость, автономию, самооценку личности [6, с. 39]. Иными словами, субъект осваивает уровень саморегуляции и управления собой (происходит метасистемогенез деятельности по взаимодействию с окружающим миром).

Следовательно, психологическое благополучие как функциональная система должно описывать характер взаимодействия субъекта с окружающей средой, обеспечивающее организацию внутренних ресурсов личности, успешность личности во внутренней и внешней среде.

Результаты. Результатом осмысления теоретико-методологических основ может выступать формулировка нетрадиционного системно-деятельностного ракурса анализа феномена психологического благополучия и разработку концепции психологического благополучия, описывающую суть феномена, его структуру, функционирование и генезис. Создание многопланового представления о психологическом благополучии позволит выходить на уровень воздействия и повышения уровня психологического благополучия.

Зафиксируем основные положения концепции, понимая, что каждое из них должно быть раскрыто в последующих публикациях.

1. Психологическое благополучие — это функциональная динамическая система организации внутренних ресурсов личности, целью которой является обеспечение сбалансированного взаимодействия с окружающим миром, переживание внутреннего удовлетворения и успех во внешнем мире.

2. Психологическое благополучие включает в себя функциональные блоки: мотивационный, целевой, информационную основу, принятие решения, блок индивидуальных особенностей личности, блок регуляции собственной деятельности и связи между ними.

3. Психологическое благополучие функционирует в трех разных уровнях, отражая качество взаимодействия с окружающим миром. Критерием эффективности является достижение успешности во внутренней и внешней среде.

4. Механизм перехода с уровня на уровень — системогенез (формирование блоков, налаживание связей между составляющими и согласованность функционирования в плане достижения цели)

и метасистемогенез (выстраивание связей с более крупными метасистемами)

5. Достижение психологического благополучия возможно путем организации деятельности специфическим образом, позволяющей организовать составляющие благополучного взаимодействия с окружающей средой.

Заключение. Анализ существующих теоретико-методологических идей отечественной психологии позволяет генерировать самостоятельные фундаментальные идеи в области изучения сложных психических явлений, к числу которых можно отнести психологическое благополучие. Исследование психологического благополучия в контексте системной парадигмы позволяет дать многомерную характеристику психологического благополучия личности, разотождествив его с феноменами счастья и субъективного благополучия и представив как функционально-динамическую систему организации внутренних ресурсов личности для осуществления целенаправленного сбалансированного взаимодействия с окружающим миром, дающего успех во внутреннем и внешнем планах.

Психологическое благополучие может рассматриваться как функциональная система организации ресурсов личности таким образом, чтоб качество поведения и деятельности было оптимальным в сложившихся условиях, приводило к успеху и переживалось как максимальная степень удовлетворенности со стороны субъекта. Сформировавшееся психологическое благополучие как функциональная система и переживание систематического успеха способно приводить личность к вершине достижения целей, смысла жизни в разных ее сферах и закреплению устойчивого ощущения счастья и полноты жизни.

Библиографические ссылки

1. Ломов Б. Ф. Системность в психологии : избр. псих. труды. Воронеж : МОДЭК ; М. : Москов. псих.-соц. ин-т, 1996. 384 с.

2. Анохин П. К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. М. : Директ-Медиа, 2008. 131 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=39125> (дата обращения: 26.02.2022).

3. *Шадриков В. Д.* Психология деятельности человека. М. : Ин-т психологии РАН, 2013. 464 с. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/22zdoun0i8/112989496.pdf> (дата обращения: 26.02.2022).

4. Системогенез деятельности. Игра. Учение. Труд : монография : в 4 т. М. : Изд. дом РАО; Ярославль : ЯрГУ, 2017. Т. I : Системогенез профессиональной и учебной деятельности. 326 с.

5. *Карпов А. В.* Структура и сущность субъективной реальности : монография : в 2 т. Т. I. Сенсорика. Процессы. Сознание. Ярославль : Филигрань, 2021 627 с.

6. *Весна Е. Б., Ширяева О. С.* Психологическое благополучие личности в экстремальных условиях жизнедеятельности : монография. Петропавловск-Камчатский : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. 246 с.

А. В. Гордеева

*Донецкий национальный университет
Донецк, Донецкая Народная Республика*

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И КИБЕРКОММУНИКАТИВНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В данном исследовании рассматривается один из факторов киберкоммуникативной зависимости студенческой молодежи, а именно уровень психологического благополучия. Доказано, что в наибольшей степени подвержены возникновению и развитию киберкоммуникативной зависимости студенты с низким уровнем психологического благополучия.

Ключевые слова: психологическое благополучие, Интернет, киберкоммуникативная зависимость, интернет-общение.

Alla V. Gordeeva

*Donetsk National University
Donetsk, Donetsk People's Republic*

PSYCHOLOGICAL WELL-BEING AND CYBER-COMMUNICATIVE ADDICTION OF STUDENTS

This study examines one of the factors of cyber-communicative dependence of students, namely, the level of psychological well-being. It has been proven that students with a low level of psychological well-being are most susceptible to the emergence and development of cyber-communication addiction.

Keywords: psychological well-being, internet, cyber-communicative addiction, internet communication

Введение. Так как студенты являются будущим нашего общества, то вопрос о формировании и развитии психологически здоровой личности является достаточно актуальным. Высокая познавательная мотивация, высокая социальная активность, постоянная потреб-

ность в информации, потребность в общении формируют из них основную массу пользователей сети. Простота и удобство общения в Интернете, полнота и доступность хранимой там информации, неудовлетворенная потребность в общении в реальном мире, анонимность и отсутствие жестких рамок контроля в Сети — все это может стать основными причинами интернет-зависимости у студентов [1].

Киберкоммуникативная зависимость — это зависимость от общения в социальных сетях, различных мессенджерах, это «зависание» на коммуникации с другими людьми. Данная зависимость может со временем привести к проблемам в учебе, к замене реальных близких людей и друзей на друзей виртуальных. Виртуальная реальность может создавать иллюзию решения возникающих проблем в реальном мире [2].

Психологическое благополучие есть результат реального успеха поведения и деятельности, удовлетворенности межличностными отношениями и общением. И если этого успеха нет в жизни, человек будет стремиться компенсировать его успехами виртуальными, создавать свое новое «Виртуальное Я», пытаясь избегать конфликтов и эмоциональной напряженности, общаться только с приятными людьми, ведь в этом мире можно легко оборвать контакты, которые не соответствуют ожиданиям [3].

Материалы и методы. Мы предположили, что одним из факторов киберкоммуникативной зависимости будет показатель психологического благополучия личности, а именно: низкий уровень психологического благополучия является предиктором для развития киберкоммуникативной зависимости студентов.

В нашем исследовании приняло участие 110 студентов разных специальностей. Возраст испытуемых составил от 18 до 25 лет, среди них 48 юношей и 62 девушки.

Для определения показателей психологического благополучия были использованы две методики: «Шкала субъективного благополучия» (ШСБ) (адаптация М. В. Соколовой) и «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т. Д. Шевеленковой, П. П. Фесенко).

Методики, направленные на изучение особенностей киберкоммуникативной зависимости: «Киберкоммуникативная зависимость» А. В. Тончевой [4] и «Шкала интернет-зависимости» С. Чена (адаптация В. Д. Малыгина и К. А. Феклисова). Данные методики позволили не просто диагностировать предполагаемый факт наличия/отсутствия киберкоммуникативной зависимости в дихотомическом делении на да/нет, но и качественно определить выраженность тех или иных симптомов, характеризующих паттерн зависимого поведения.

С помощью кластерного анализа (метод k -средних) по показателям психологического благополучия двух методик были выделены две группы (кластера) испытуемых, отличающихся по общему показателю психологического благополучия: 1 группа — 53 человека (высокий уровень психологического благополучия); 2 группа — 57 человек (низкий уровень психологического благополучия).

Результаты. Сравнение выборок, выполненное с помощью t -критерия Стьюдента, по показателям киберкоммуникативной зависимости (методика А. В. Тончевой) и показателей интернет-зависимости (методика С. Чена) показало следующие значимые различия: «Киберкоммуникативная зависимость» ($t = 12,4; p \leq 0,01$), «Компульсивные симптомы» ($t = 8,8; p \leq 0,01$), «Симптомы отмены» ($t = 9,1; p \leq 0,01$), «Толерантность» ($t = 8,6; p \leq 0,01$), «Внутриличностные проблемы» ($t = 5,7; p \leq 0,01$), «Управление временем» ($t = 6,5; p \leq 0,01$).

Таким образом, не только показатели киберкоммуникативной зависимости, но и все симптомы зависимости у «психологически неблагополучных» студентов в отличие от «психологически благополучных» оказались значимо выше. Социальные сети оказывают влияние на их жизнь и являются причиной некоторых проблем: они пренебрегают прежними увлечениями и собственным здоровьем, появляются проблемы контроля времени, ухудшается их учебная и трудовая деятельность, они не желают слушать критику их образа жизни. «Зависимые» студенты большее предпочтение по сравнению с реальным отдают онлайн-общению. Для них характерна ежедневная потребность следить за обновлением событий вне зависимости от места нахождения, регулярное посещение «страницы» и бес-

прерывное нахождение «онлайн». Такие же результаты показал и корреляционный анализ этих же переменных [5].

Для доказательства гипотезы о влиянии компонентов психологического благополучия на развитие склонности к киберкоммуникативной зависимости был проведен дисперсионный анализ. Каждый из двенадцати шкал двух методик исследования психологического благополучия выступал в качестве фактора, влияющего на показатель киберкоммуникативной зависимости, измеряемый с помощью методики А. В. Тончевой. Использовался однофакторный дисперсионный анализ. Был доказан факт влияния на степень киберкоммуникативной зависимости всех компонентов психологического благополучия (уровень статистической значимости $p \leq 0,01$). Величины $F_{\text{эмп.}}$ позволили судить о степени влияния каждого из этих компонентов.

Шкалы личностного роста ($F_{\text{эмп.}} = 219,87$), положительных отношений с другими ($F_{\text{эмп.}} = 183,12$), целей в жизни ($F_{\text{эмп.}} = 140,99$), значимость социального окружения ($F_{\text{эмп.}} = 76,02$) оказывают наибольшее влияние на степень киберкоммуникативной зависимости. Менее значимыми, но влияющими на зависимость, по рейтингу явились следующие показатели: изменение настроения ($F_{\text{эмп.}} = 61,73$), управление окружением ($F_{\text{эмп.}} = 47,33$), удовлетворенность повседневной жизнью ($F_{\text{эмп.}} = 40,54$), самопринятие ($F_{\text{эмп.}} = 33,46$), самооценка здоровья ($F_{\text{эмп.}} = 30,88$), напряженность и чувствительность ($F_{\text{эмп.}} = 27,10$), автономия ($F_{\text{эмп.}} = 24,45$), психоэмоциональная симптоматика ($F_{\text{эмп.}} = 14,06$).

Заключение. Таким образом, в наибольшей степени подвержены возникновению и развитию киберкоммуникативной зависимости студенты, которые, во-первых, осознают отсутствие собственного развития, испытывают скуку и незаинтересованность в жизни, ощущают неспособность установить новые отношения или изменить поведение; во-вторых, имеют лишь ограниченное количество доверительных отношений с окружающими, в межличностных отношениях обычно замкнуты и фрустрированы, не желают идти на компромисс ради сохранения важных отношений людьми; в-третьих, лишены смысла в жизни, не находят цели в своей прошлой жизни, не имеют перспектив или убеждений, определяющих смысл жизни.

Библиографические ссылки

1. *Войскунский А. Е.* Феномен зависимости от Интернета // Гум. исследование в Интернете / под ред. А. Е. Войскунского. М. : Можайск-Терра, 2000. С. 100–131.
2. *Лучинкина И. С.* Методологические проблемы исследования коммуникативного поведения пользователей в интернет-пространстве // Гум. науки (г. Ялта). 2017. № 4 (40). С. 42–46.
3. *Водяха С. А.* Современные концепции психологического благополучия личности // Педагогика и психология. 2012. № 2. С. 132–138.
4. *Тончева А. В.* Диагностика киберкоммуникативной зависимости // Интернет-журнал «Науковедение». 2012. № 4 (13). С. 138–143.
5. *Клюшников М. А., Гордеева А. В.* Связь психологического благополучия и киберкоммуникативной зависимости студентов // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Т. 10. Донецк : Изд-во ДонНУ, 2021. С. 209–211.

Е. В. Гуткевич

*Томский государственный университет;
Томский национальный исследовательский медицинский центр;
Научно-исследовательский институт психического здоровья
Томск, Россия*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИВЯЗАННОСТИ К ДОМУ КАК ФАКТОР АДАПТАЦИИ ПРИ РАЗНОМ УРОВНЕ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

Анализируются оценки функциональной и эмоционально-смысловой привязанности лиц с разным уровнем психического здоровья — здоровых, с психическими расстройствами, респондентов и их близких — участников Дня психического здоровья к дому как месту функционирования семьи. Выявляются конкретные психологические особенности субъективного отношения к домашней среде, приводятся сравнительные данные.

Ключевые слова: привязанность к дому, функциональная и эмоционально-смысловая привязанность, психическое здоровье, адаптация.

Elena V. Gutkevich

*Tomsk State University;
Tomsk National Research Medical Center;
Mental Health Research Institute
Tomsk, Russia*

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF ATTACHMENT TO HOME AS A FACTOR OF ADAPTATION AT DIFFERENT LEVEL OF MENTAL HEALTH

The assessments of the functional and emotional-semantic attachment of persons with different levels of mental health — healthy, with mental disorders, respondents and their relatives — participants of the Mental Health Day to the house as a place of functioning of the family are analyzed. Specific

psychological features of the subjective attitude to the home environment are revealed, comparative data are given.

Keywords: home attachment, functional and emotional-semantic attachment, mental health, adaptation.

Введение. Актуальность изучения взаимодействий внешней и внутренней сред человека с различным уровнем психического здоровья определяется трансформацией парадигмы здоровья и многофакторностью причин возникновения и развития его отклонений; необходимостью идентификации ресурсов личности и семьи для формирования разноуровневых адаптационных компетенций, направленных на сохранение психического здоровья [1]. Домашняя среда является комплексом позитивных чувств и переживаний по отношению к дому как к личностно значимому месту, влияющему на поведение и ценности, направляющему жизнь, поддерживающему психологическое благополучие человека [2]. Пространство домашней среды формируется в том числе и семьей. Семейное функционирование и адаптация, описываемые психолого-генетическими феноменами, психогенеалогией являются в определенной степени интегральным критерием, учитывающим многомерную совокупность показателей психического здоровья [3].

Материалы и методы. Для возможности получения стандартизированных оценок психологических особенностей отношений лиц с разным уровнем психического здоровья — здоровых, с психическими расстройствами, респондентов и их близких — участников Дня психического здоровья к домашней среде, к дому как месту функционирования семьи проведено пилотное исследование лиц разного возраста из семей психически больных (обследовано 14 пациентов в возрасте от 21 года до 60 лет с диагнозом F2 по МКБ-10), 94 здоровых респондентов в возрасте от 17 до 26 лет, участников Дня психического здоровья разного возраста — 49 консультирующихся и 15 их родственников и близких с помощью экспериментально-психологического опросника «Мой дом» [4]. Всего обследовано 172 человека.

Результаты. У пациентов с шизофреническими расстройствами наблюдалось увеличение среднего значения общего балла «силы

значимости дома для его обитателей» по сравнению со здоровыми лицами и лицами — участниками проекта «День психического здоровья» (потребители специализированных услуг) (средний балл 4,14 по сравнению с 3,55 и 3,43). Особенностью распределения ответов пациентов с шизофренией явилось то, что самыми частыми ответами на одни и те же вопросы у разных пациентов были противоположные — «Совершенно согласен» (61 или 31 %) и «Совершенно не согласен» (47 или 24 %). Психологические основы привязанности могут быть сопряжены с множеством фактов и индивидуальных предикторов, например частым нахождением пациентов вне домашней среды в периоды повторных госпитализаций. Выявленная противоречивость ответов характеризует особенности функциональной и эмоционально-смысловой привязанности к дому больных психическими расстройствами.

Преобладающее количество положительных ответов здоровых респондентов молодого возраста, студентов были получены на вопросы, которые в большей степени относятся к эмоционально-смысловой привязанности к месту (более 60 % респондентов выбрали ответ «скорее согласен», «совершенно согласен»). Вариантом проявления эмоционально-смысловой привязанности может быть идентификация с домашней средой, при которой дом выступает личностным элементом «образа Я» молодого человека, студента. Период студенчества связан с расширением пространства жизнедеятельности человека, проведением большого количества времени вне домашней среды, что может ослаблять функциональную привязанность к дому и включенность в домашние обязательства, а также объяснять снижение среднего балла «силы значимости дома для его обитателей». Вместе с этим для студента наиболее значимыми оказываются возможности саморазвития в домашней среде, так как в этот возрастной период наиболее актуальной становится учебно-профессиональная деятельность, что может объяснять преобладающие эмоционально-смысловой привязанности к месту.

Участники Дня психического здоровья — пользователи специализированной консультативной помощи показали самые низкие оценки. Отметим, что данное мероприятие проходило в 2021 году, когда большинство населения находилось в режиме карантинных

мероприятий, связанных с пандемией новой коронавирусной инфекции в этот период описаны многочисленные разнообразные проблемы в сфере психического здоровья в семьях лиц разного возраста [5]. Родственники и близкие лиц — участников проекта «День психического здоровья» продемонстрировали наибольшие значения среднего балла «Привязанности к дому» (4,35).

Заключение. Выявленные некоторые психологические особенности субъективного отношения к домашней среде в перспективе могут стать индикаторами психологической адаптации при шизофренических и других психических расстройствах, у лиц из групп риска (родственники и близкие пациентов), что требует дальнейших исследований.

Библиографические ссылки

1. *Бохан Н. А., Гуткевич Е. В.* Охрана психического здоровья семьи как ресурс развития, повышения качества жизни и активного долголетия всех поколений // Психическое здоровье семьи в современном мире : сб. тезисов III Рос. конф. с международ. участием (Томск, 24–25 октября 2019 г.) / под ред. Н. А. Бохана, А. В. Семке, Е. В. Гуткевич. Томск : Отдел полиграфии Томского ЦНТИ, 2019. С. 5–9.

2. Метод оценки дружелюбности жилища: опросник «Функциональность домашней среды» / С. К. Нартова-Бочавер, Н. С. Дмитриева, С. И. Резниченко и др. // Психологический журнал. 2015. № 36 (4). С. 71–83.

3. *Гуткевич Е. В., Шатунова А. И.* Межпоколенная передача психической травмы, психогенеалогия и психическое здоровье в семье (феноменологическое исследование) // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2019. № 3 (104). С. 21–32.

4. *Резниченко С. И., Нартова-Бочавер С. К., Кузнецова В. В.* Метод оценки привязанности к дому // «Психология». Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 13 (3). С. 498–518.

5. Home environment as a factor in maintaining the mental health of the individual in the family / E. V. Gutkevich, E. A. Shalygina, Yu. L. Maltseva et al. // 29th EPA Virtual Congress, 10–13 April 2021, Oral Presentation. European Psychiatry. 2021. Vol. 64. Suppl. 1. Special Issue. P. S145–S146.

М. В. Данилова

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ И ВЫБОР СПОСОБОВ РЕАГИРОВАНИЯ НА СТРЕССОВЫЕ СИТУАЦИИ В СВЯЗИ С ВЗАИМООТНОШЕНИЯМИ С РОДИТЕЛЯМИ В СТАРШЕМ ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

В статье рассматриваются взаимосвязи параметров жизнестойкости, особенностей реагирования на повседневные стрессовые ситуации с показателями отношения родителей, оцениваемого подростками. Выборку составили респонденты 14–16 лет (63 юноши и 99 девушек). Показана роль родительского отношения в проявлении жизнестойкости подростков, рассмотрена половая специфика взаимосвязей исследуемых параметров.

Ключевые слова: подростки, жизнестойкость, взаимоотношения с родителями, реагирование на повседневные стрессы.

Marina V. Danilova

*Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia*

RESILIENCE AND CHOICE OF WAYS TO RESPOND TO STRESSFUL SITUATIONS IN RELATION TO RELATIONSHIPS WITH PARENTS IN ADOLESCENCE

The article discusses the relationship between the parameters of resilience, the characteristics of response to everyday stressful situations with indicators of parental attitudes, assessed by adolescents. The sample consisted of respondents aged 14–16 (63 boys and 99 girls). The role of parental attitude in the manifestation of resilience of adolescents is shown, the gender specificity of the relationships of the studied parameters is considered.

Keywords: adolescents, resilience, relationships with parents, response to everyday stress.

Введение. Подростковый возраст характеризуется не только динамичностью и открытостью новому опыту, но также особой подверженностью стрессогенным факторам, сопровождающим высокий темп и непредсказуемый характер современной жизни. В связи с этим психологи все чаще обращаются к феномену жизнестойкости. Разные подходы к определению жизнестойкости рассматривают ее как паттерн установок противостояния стрессу и преобразования трудностей в возможности саморазвития [1; 2], как личностный показатель саморегуляции [3], как отражение смыслов, самоотношения и устойчивости в ситуациях неопределенности [4]. Ряд авторов считают, что жизнестойкость не является врожденным качеством, а формируется в детстве и отрочестве [5; 6], и серьезная роль в ее формировании отводится условиям жизни, характеру воспитания, среде развития и обучения. В период взрослости показатели жизнестойкости уже не обнаруживают зависимости от пола, возраста, этнической принадлежности, образования, семейного, общественного статуса [7].

Гипотеза исследования: родительское отношение играет важную роль в проявлении жизнестойкости подростков и выборе способов реагирования в стрессовых ситуациях.

Материалы и методы. В исследовании использованы: опросник жизнестойкости С. Мадди в адаптации Леонтьева, Рассказовой; анкета с вопросами о повседневных стрессовых ситуациях и способах реагирования на них, опросник ADOR.

Выборка: 162 подростка 14–16 лет (63 юноши и 99 девушек), старшеклассников средней школы.

Результаты. Уровень жизнестойкости подростков соответствует средне-нормативным значениям (62,4; $\sigma = 22,25$), однако определяется на нижней их границе. Наиболее высокие результаты получены по параметру вовлеченности в жизнь, открытости миру, присущей данному возрасту (28,3; $\sigma = 8,8$ у юношей и 27,5; $\sigma = 9,4$ у девушек). Менее всего в обеих группах выражено принятие риска (14,3; $\sigma = 4,3$ у юношей и 14,7; $\sigma = 5,5$ у девушек), видимо, в силу возраста, у подростков нет достаточного социального опыта и широких возможностей его получения.

Анализ способов реагирования на повседневные трудности (ссоры, ситуации выбора, экзаменов, социальных взаимодействий) показал, что большинство реакций не являются конструктивными (отвлечение от ситуации с помощью прослушивания музыки, компьютерные игры, плач и т. п.), условно конструктивной можно считать попытку поиска решения. Получены достоверные различия ($p < 0,01$) по показателям реагирования «плачем», «обращения к друзьям», которые чаще присущи девушкам, и «отвлечение с помощью компьютерных игр», к которым чаще прибегают юноши. Немногочисленные различия в реагировании на трудности позволили провести факторный анализ общих показателей. Выделено три фактора (49 % объяснительной дисперсии). Первый фактор «Поиск вариантов решения» (2,33) включил с положительными знаками показатели «попытки поиска решения», «компьютерные игры», с отрицательным знаком — «плач» и «советы друзей». Во второй фактор «Передача ответственности» (2,15) вошли с положительными знаками показатели «помощь взрослых», «испытания судьбы с помощью монетки», а с отрицательным — «уход в себя». Третий фактор «Уход от решения проблемы» (1,44) объединил с положительными знаками показатели «уход из дома», «употребление алкоголя» «музыка», «друзья».

Девушки чаще ($p = 0,042$) склонны перекладывать ответственность за решение проблем на других.

По анализу отношения родителей, с точки зрения подростков, все показатели, кроме директивности родителей, оказались на среднем уровне выраженности (3–3,5 балла), что свидетельствует о гармоничных детско-родительских отношениях. При этом девушки отметили более выраженный позитивный интерес со стороны отца ($p = 0,041$). Директивность родителей выражена слабо (2,1; $\sigma = 1,1$ у юношей и 1,8; $\sigma = 0,8$ у девушек).

Анализ взаимосвязей жизнестойкости, способов реагирования на трудности с параметрами отношения родителей показал, что для юношей враждебность со стороны отца снижает желание переложить ответственность на других, чем больше требований к сыну отец предъявляет, тем чаще подросток берет ответственность за свои решения. При этом проявление враждебности и непоследовательности родителей серьезно снижают жизнестойкость юношей,

а способствует ее повышению автономность матери. Очевидно, определенная степень свободы в подходе к воспитанию, внимание матери к собственной жизни позволяет юноше проявить большую вовлеченность в свою жизнь, найти свои интересы и возможности саморазвития. Жизнестойкость юношей тесно связана с показателями их оценки отношения матери (10 связей при $p < 0,01$; 5 связей при $p < 0,05$) и менее тесно — с показателями отношения отца (1 связь при $p < 0,01$; 3 связи при $p < 0,05$).

У девушек отрицательная связь фактора «Передача ответственности» и автономности отца показывает, что активное участие отца в жизни дочери зачастую снижает у нее чувство ответственности за собственные решения. Реакции ухода от решения проблем способствует враждебное (эмоционально-холодное) отношение родителей. Враждебное, холодное отношение матери также препятствует проявлению жизнестойкости девушек, а способствует ее повышению директивность отца как признание его авторитета и правоты. Связей жизнестойкости с показателями отношения родителей у девушек меньше (по три связи с показателями отношения матери и отца), и они более слабые ($p < 0,05$).

Заключение. Исследование показало, что жизнестойкость серьезно связана с характером родительского отношения. Теснота и количество связей жизнестойкости с оценкой отношения родителей в группе девушек значительно меньше, чем в группе юношей. Данные половой специфики взаимосвязей жизнестойкости свидетельствуют, что в подростковом возрасте она становится относительно самостоятельным качеством, учитывая, что физическое и психическое развитие девушек проходит более быстрыми темпами, чем у юношей. Полученные результаты в определенной степени соотносятся с упомянутыми выше исследованиями Шаплавской, Плотки и Овчаровой. В целом можно говорить, что подростковый возраст является сенситивным для развития жизнестойкости личности.

Библиографические ссылки

1. Kobasa S. C. Stressful life events, personality, and health — inquiry into hardiness // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. № 37 (1). P. 1–11.

2. *Maddi S. R.* On hardiness and other pathways to resilience // *American Psychology*. 2005. № 60 (3). P. 261–262. DOI: 10.1037/0003-066X.60.36.261

3. *Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И.* Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала // *Личностный потенциал: структура и диагностика*. М. : Смысл, 2011. С. 178–210.

4. *Мандрикова Е. Ю.* Личностный потенциал в организационном контексте // *Личностный потенциал: структура и диагностика* / под ред. Д. А. Леонтьев. М. : Смысл, 2011. С. 469–490.

5. *Шаплавская Е., Плотка И.* Исследование связи жизнестойкости, ее компонентов и стратегий преодоления стрессовых ситуаций у студентов. *Profesines studijos: teorija ir praktika. Siauliu kolegija*. 2009. С. 149–154.

6. *Файзуллина К. А.* Анализ феномена жизнестойкости как основы для ее воспитания у подростков группы риска // *Совр. проблемы науки и образования*. 2021. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=30972> (дата обращения: 10.06.2022).

7. *Овчарова Р. В.* Методология исследования жизнестойкости личности // *Вестн. Курган. гос. ун-та*. 2019. № 2 (53). С. 59–65.

**Г. В. Денисова
А. С. Антипова
О. В. Смирнова
Д. С. Ильченко**

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА СЕМАНТИЧЕСКОГО ЯДРА КОСМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В МЕДИАДИСКУРСЕ: ПИЛОТНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ*

Представлены количественные и качественные характеристики публикаций о космосе и проведен сравнительный анализ данных за 2020 и 2021 гг. Исследование проводилось на материале изучения космической проблематики в отечественном медиадискурсе на примере ведущих федеральных общественно-политических газет, а также интернет-изданий. Отбор и анализ публикаций проведен с использованием информационно-поисковой системы мониторинга и анализа СМИ «Интегрум», индексирующей материалы и содержащей архивы более 12 тыс. источников. Предпринята попытка выявить этнокультурную специфику семантического ядра космической терминологии на основе анализа языковых особенностей представленности космической тематики в современном медиадискурсе.

Ключевые слова: космос, семантическое ядро, современный медиадискурс, научно-технологическое развитие, этнокультурная идентичность.

* Работа выполнена в рамках научно-образовательной школы МГУ имени М. В. Ломоносова «Фундаментальные и прикладные исследования космоса».

Galina V. Denisova

Alina S. Antipova

Olga V. Smirnova

Daniil S. Ilyichenko

Lomonosov Moscow State University,

Moscow, Russia

ETHNOCULTURAL SPECIFICITY OF THE SEMANTIC CORE OF SPACE-RELATED TERMINOLOGY IN MEDIA DISCOURSE: PILOT EXPERIMENT*

The study is based on quantitative and qualitative analysis of space-related terminology and represents the comparative analysis of data for 2020 and 2021. Space-related issues in domestic media discourse of leading federal socio-political, as well as the online publications are the focus of our research. The selection and analysis of publications was carried out using the Integrum information retrieval system for monitoring media analysis, containing archives of more than 12 thousand media sources. An attempt has been made to identify ethnocultural specificity of the semantic core of space-related terminology on the basis of linguistic features investigation carried out within space agenda representation in modern media discourse.

Keywords: space, semantic core, modern media discourse, scientific and technological development, ethno-cultural specificity.

Введение. На фоне явного роста внимания исследователей к теме космоса в контексте медиа и культуры, на сегодняшний день особенности космической тематики в содержании современных российских СМИ требуют комплексного исследования количественных и качественных характеристик этой проблематики в современных медиа. Изложенное обуславливает актуальность междисциплинарных исследований процессов, связанных с влиянием темы космоса на общественное сознание, в том числе и по причине того, что именно медиа выступают той силой, которая способна противостоять

* This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Fundamental and Applied Space Research”.

псевдонаучным представлениям о космосе [1; 2]. В качественном и всестороннем освещении темы космоса заинтересованы и редакции массмедиа, поскольку космические исследования, наряду с науками о жизни, — это наиболее востребованные у массовой аудитории направления научно-технической информации в СМИ [3].

Материалы и методы. В ходе исследования была сформирована содержащая ключевые слова *космо** или *космическ** выборка № = 5908 публикаций (выборка В1–2021) и соотнесена с общим количеством публикаций в исследуемых СМИ за 2021 г. (выборка В0–2021) № = 303814 публикаций. Эти данные затем сравнивались с аналогичным образом полученными результатами за 2020 г.: выборкой В1–2020 № = 3964 публикаций и выборкой В0–2020 № = 263981 публикаций.

Результаты. Изучение проблематики космоса в современном медиадискурсе позволяет выявить положительную динамику роста удельного веса публикаций с ключевыми словами *космо** или *космическ** в общем контенте массмедиа: доля публикаций выросла с 1,5 % в 2020 г. до 1,9 % в 2021 г., однако при этом и в 2020 г., и в 2021 г. удельный вес публикаций о космосе в газетах был в среднем в два раза выше, чем в интернет-изданиях.

1. На фоне стабильного роста объема информации о космосе в отечественных массмедиа в период 2020–2021 гг. очевидно выделяются месяцы с четко выраженным максимумом публикаций, а именно: декабрь 2020 г., апрель, июль и октябрь 2021 г.

2. В качестве перспективы дальнейшего исследования проблематики космоса в российских СМИ видится изучение влияния инфоповодов различных типов на формирование информационной повестки. Полученные нами данные помогут рассмотреть процесс медиатизации космической проблематики на более глубоком уровне и определить возможности его дальнейшей оптимизации.

Заключение. Изучение и освоение космического пространства в контексте научно-технологического развития Российской Федерации представляет собой одно из приоритетных направлений, и СМИ выступают важнейшим инструментом популяризации фундаментальных и прикладных космических исследований, а также их влияния на формирование общественного мнения и этнокультурной

идентичности, поскольку именно тема космоса является наиболее востребованной у массовой аудитории направлением научно-технической информации.

Приведенные результаты свидетельствуют о стабильном росте объема информации о космосе в отечественных медиа за последние два года. Актуальной представляется задача определения различных факторов, в том числе ключевых инфоповодов, влияющих на данный процесс. С этой целью была проанализирована динамика количества публикаций о космосе за период 2020–2021 гг. и выявлены месяцы — это декабрь 2020 г., апрель, июль и октябрь 2021 г. с выраженным максимум публикаций.

Библиографические ссылки

1. *Вартанова Е. Л.* О важности противостояния лженауке // Осторожно, лженаука! Вып. 1: Аналитические исследования по государственному контракту № 14.597.11.0010 / под. ред. Е. Л. Вартановой. М. : Факультет журналистики МГУ, 2015. С. 3–7.

2. Space-Related Scientific and Technical Information in Current Media Discourse: Research Results / Г. В. Денисова, О. В. Смирнова, О. Р. Алеви-заки и др. // Scientific and Technical Information Processing. 2021. № 2(48). P. 133–138.

3. *Ильченко Д. С., Фролова Т. И.* Технологические инновации как объект журналистского анализа в деловых СМИ // Медиаальманах. 2021. № 5. P. 54–64.

Г. В. Денисова

Е. Р. Перткова

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЮМОРА: К ВОПРОСУ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ВОСПРИЯТИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО АНЕКДОТА

Направлением данного исследования является изучение механизмов влияния индивидуально-психологических особенностей человека и его концептосферы на восприятие текста, созданного в иноязычном культурном пространстве. В работе предпринимается попытка выявить эмоциональную составляющую при восприятии анекдота иноязычным сознанием в его сравнении с восприятием родными носителями русской лингвокультуры. Рассматривается роль эмоций как механизм, организующий восприятие текста, уделяется особое внимание интериоризации эмоционально-смысловой доминанты иноязычного юмористического текста.

Ключевые слова: юмор, анекдот, эмоционально-смысловая доминанта, иноязычное сознание.

Galina V. Denisova

Ekaterina R. Pertkova

Moscow State University

named after M. V. Lomonosov

Moscow, Russia

COGNITIVE MECHANISMS OF HUMOR: ON THE ISSUE OF PSYCHOLINGUISTIC FEATURES OF PERCEPTION OF A FOREIGN-LANGUAGE ANECDOTES

The direction of this research is to study the influence mechanisms of the personal psychological characteristics and his conceptual sphere on the perception of a text created in a foreign cultural space. In this study attempts

to identify the emotional component in the perception of an anecdote by a foreign language consciousness in its comparison with the perception of native speakers of Russian linguoculture. The role of emotions as a mechanism organizing the perception of the text is considered, special attention is paid to the interiorization of the emotional and semantic dominant of a foreign humorous text.

Keywords: humor, anecdote, emotional-semantic dominant, foreign language consciousness.

Введение. Под «языковой картиной мира» понимается совокупность представлений, заключенных в значении разных слов и выражений, которая складывается в некую единую систему взглядов и разделяется большинством говорящих на данном языке [1; 2]. Исходя из сказанного, в данном исследовании используется термин «лингвокультурное сознание», который эксплицирует связь языкового и ментального комплексов с культурой, а также свидетельствует о динамичной форме проявления сознания.

Овладение иностранным языком и иноязычной культурой и связанная с этими процессами социализация индивида в иноязычном обществе протекает при взаимодействии перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного, социального и индивидуального опыта. Приобщение языковой личности в межкультурной коммуникации через усвоение иноязычного кода к пониманию смысловых и прагматических черт «иноязыковой» личности в идеале означает приобщение к новым картинам мира [3]. В связи с этим актуальность приобретает формирование языковой личности нового типа, ориентированной на другие культуры через систему ценностей и эмоционально-смысловые доминанты собственной родной культуры.

Проблематика восприятия юмора иноязычной лингвокультуры неразрывно связана с когнитивно-эмоциональной и личностной сферами индивида. Исходя из данных представлений о юморе, М. В. Мусийчук предлагает выделять следующие когнитивные механизмы юмора: коммуникативный (изменение смысла при скрещивании различных слов/выражений); гелозоический (оптимизация психофизиологического состояния при помощи смеха); аксиоло-

гический (обуславливается знаковостью и социальностью юмора в различных произведениях, выражающих отношение народа к событиям) [4]. Целью данного исследования, таким образом, является расширение представлений о восприятии иноязычного юмористического текста. Предметом исследования был выбран жанр анекдота по причине заложенной в нем двухчастной структуре, создающей противоречие контекстов, которое обуславливает юмористический эффект [5].

Материалы и методы. Для проведения экспериментальной части исследования были отобраны три группы по 40 человек (в группе 1–46 человек, но при статистических подсчетах все группы уравниваются по наименьшей, т. е. к 40 респондентам в каждой группе): 1 — носители русского языка; 2 — субординативные билингвы (немцы и итальянцы) со знанием русского языка; 3 — контрольная группа для проверки контргипотезы о схожести эмоциональных оценок анекдотов по их ситуативному содержанию, а не по определению культурной специфичности — иностранцы без знания русского языка.

В опросе представлены 10 анекдотов по двум категориям: теории стереотипов и прецедентности (по 5 на каждую). Респонденты оценивали по базовым эмоциям каждый анекдот по степени выраженности от 1 до 7. Логика опроса позволяет проследить схожесть эмоциональной реакции у субординативных билингвов и у носителей языка на анекдот, а также выявить степень влияния знания иностранного языка на восприятие юмористического текста.

Результаты. Был проведен дисперсионный анализ ОЛМ-повторные изменения в SPSS. Были выявлены межгрупповые различия: 1) носителей русской лингвокультуры и субординативных билингвов — 5,7 %, что указывает на почти полную идентичность эмоциональных реакций; носителей русской лингвокультуры и иностранцев — 20 % по эмоциям радости и удивления, что свидетельствует о возникновении юмористического эффекта; субординативных билингвов и иностранцев — 24 % по радости и удивлению. Различия в эмоции радости были по трем прецедентным анекдотам и одному стереотипному. Стереотипные юмористические тексты оказались

проще в понимании, чем прецедентные, которые лучше понимаются субординативными билингвами, нежели иностранцами.

Заключение. Выводы по проведенному экспериментальному исследованию особенностей восприятия анекдотов:

1. Адекватная реакция на анекдот предполагает наличие пресуппозиционных знаний у реципиента, характер которых влияет на процесс восприятия и понимания комического, содержащего национально-культурную концептосферу.

2. В случае отсутствия пресуппозиционных знаний степень эмоциональности восприятия у реципиента анекдота снижается.

3. Языковая компетенция личности проявляется в знании прецедентных текстов и представляет собой интеллектуально-эмоциональные блоки, облегчающие и ускоряющие переключение из фактологического контекста мысли в ментальный и обратно.

4. При полной передаче содержательного плана юмористический эффект теряется в случае, когда анекдот базируется на национальных прецедентных текстах и феноменах.

Библиографические ссылки

1. Денисова Г. В., Редькина Е. С., Зализняк А. А. Developing Secondary Language Identity in the Context of Professional Communication // Psychology in Russia: State of Art. 2019. № 1 (12). P. 20–29.

2. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры, 2012. 359 с.

3. Зинченко Ю. П., Шайгерова Л. А., Шилко П. С. Двухязычие и многоязычие как междисциплинарный феномен: социокультурный контекст, проблемы и перспективы развития // Нац. псих. журнал. 2019. № 1. С. 3–15.

4. Мусийчук М. В. Когнитивные механизмы юмора в структуре комического. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2010. С. 176–189.

5. Кулинич М. А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка). СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. 167 с.

Е. Г. Денисова
Ю. Н. Зайцева
П. Н. Ермаков

*Донской государственный технический университет;
Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия*

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАСПОЗНАВАНИЯ ВИЗУАЛЬНЫХ ИЛЛЮЗИЙ

Работа посвящена анализу временной динамики вызванной активности мозга по отношению к типу воспринимаемого иллюзорного искажения. В исследовании приняли участие 50 человек (75 % женщины) в возрасте от 18 до 25 лет. Показано, что при распознавании различных типов иллюзорных изображений различается амплитуда компонента N200 в окципитальных отведениях, P300 в фронто-центральных отведениях и более поздних компонентов в центральных и париетально-окципитальных областях.

Ключевые слова: визуальные иллюзии, зрительное восприятие, ЭЭГ, вызванные потенциалы.

Ekaterina G. Denisova
Yulia N. Zaitseva
Pavel N. Ermakov

*Don State Technical University;
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia*

ELECTROPHYSIOLOGICAL FEATURES OF RECOGNITION OF VISUAL ILLUSIONS

The article is devoted to the analysis of the temporal dynamics of evoked potentials (ERP) in relation to the type of perceived illusory distortion. The study involved 50 people (75 % women) aged 18 to 25 years. It was shown that the amplitude of the N200 component in the occipital areas, P300 in the fronto-central areas differ during the recognition of various

types of illusory images, and for the later components in the central and parietal-occipital areas.

Keywords: visual illusions, visual perception, EEG, evoked potentials.

Введение. Проблема исследования ошибок восприятия состоит в том, что мы до сих пор не понимаем механизма искажений субъективных представлений об объективной реальности. В основе большинства классических исследований зрительных иллюзий лежит представление о восприятии как акте отражения, а также скрытое предположение об идентичности восприятия отдельного свойства и восприятия того же свойства в соотношении с другими свойствами объекта [1–3]. Восприятие иллюзий исследуется с двух точек зрения: с позиции определения нейрофизиологических механизмов формирования зрительного образа (Клеева Д. Ф., Миняева Н. Р., Медведев Д. С., Захаров И. М., Медведев Л. Н., Федерова Е. С.) и индивидуально-психологических особенностей личности, обуславливающих различия в восприятии тех или иных видов иллюзий (Меньшикова Г. А., Шошина И. И., Карпинская В. Ю., Конарева И. Н., Белоусова Н. И., Ткаченко П. В.). Однако на сегодня практически нет данных о специфике работы мозга при распознавании различных видов иллюзий, недостаточно сведений о связи психологических характеристик субъекта с особенностями формирования ошибки восприятия.

В этой связи целью исследования выступило изучение характеристик вызванной активности мозга при восприятии визуальных иллюзий.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 50 человек (8 мужчин и 42 женщин) с нормальным или скорректированным зрением. Респонденты дали согласие на участие в исследовании, были ознакомлены с его целями и уведомлены о дальнейшем использовании и публикации результатов.

В исследовании был использован метод электроэнцефалографии (регистрация вызванных потенциалов, ВП). Регистрация ЭЭГ проводилась монополярно в 32 отведениях с двумя референтами при помощи многоканального электроэнцефалографа Нейровизор-136 (производства компании «МКС», Россия). Участникам эксперимен-

та были визуально предъявлено 700 изображений, из них 6 групп различных иллюзий (по 100 изображений каждого типа) и 1 группа из 100 контрольных изображений в виде простых геометрических фигур, не имеющих никаких искажений. Каждое изображение предъявлялось на 500 мс. Стимулы предъявлялись в рандомизированном порядке. Для обработки записей ЭЭГ использовалась программа WinEEG.

Статистические методы обработки полученных результатов включали в себя однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), post-hoc-анализ по методу Данна. Статистическая обработка осуществлялась с применением свободно распространяемого программного пакета JASP 0.16.

Результаты. С целью проверки предположения о том, что характеристики вызванной активности мозга могут быть специфичны к типу воспринимаемого искажения, исследовалась временная динамика амплитудных характеристик сигнала при распознавании различных типов иллюзий. При расчете вызванных потенциалов на очищенных от артефактов участках ЭЭГ для каждого испытуемого и каждого типа задания были рассчитаны усредненные значения амплитуды ВП на каждый временной интервал с шагом в 100 мс. Далее производилось усреднение показателей ВП по всей выборке для контрольных и иллюзорных изображений каждой группы.

При сравнении иллюзорных и контрольных стимулов удалось установить различия в левой париетальной и центрально-париетальной областях билатерально. Амплитуда компонента P100 при распознавании контрольных изображений в отведениях P3, CP5, CP1, CP2 и CP6 оказалась меньше, чем при распознавании иллюзий ($p < 0,05$). На отрезке 200–300 мс между распознаванием группы иллюзорных и контрольных стимулов были выявлены достоверные различия амплитуды ВП в центральной (CP5, CP6 при $p < 0,01$), париетальной со сдвигом к правому полушарию (P7, P4, P8 при $p < 0,04$) и окципитальной (Oz; $p = 0,03$) областях.

Далее обратимся к сравнительному анализу различий временной динамики амплитуды ВП при распознавании каждой группы стимулов. На отрезке 200–300 мс достоверно различается амплитуда ВП в окципитальной области (Oz; $p = 0,001$). Попарное сравнение

по методу Данна показало значимые различия между иллюзиями движения и иллюзиями с незавершенными фигурами. На отрезке 300–400 мс достоверно различается амплитуда в фронтальной области (Fp1, Fp2, F7, F3, Fz, F8, FT9 при $p < 0,001$), фронтально-центральной (FC5, FC1, FC2, FC6 при $p < 0,003$), центральной со сдвигом к правому полюсу латеральности (Cz, C4 при $p < 0,05$), париетальной со сдвигом влево (P7, P3, P8 при $p < 0,05$) и окципитальной (O1, O2 при $p < 0,01$) областях. Парным сравнением выявлены наибольшие различия при восприятии иллюзий с двойственными изображениями со всеми остальными стимулами.

Заключение. Показано, что характеристики ВП специфичны к типу воспринимаемого искажения. Амплитуда N200 достоверно различается в окципитальных отведениях, P300 в фронто-центральных отведениях и более поздних компонентов в центральных и париетально-окципитальных областях.

Библиографические ссылки

1. *Меньшикова Г.Я.* Конструктивистский и экологический подходы к исследованию процесса зрительного восприятия: анализ различий // Вестн. МГУ. Серия 14. Психология. 2007. № 4. С. 34–48.
2. Вызванные потенциалы мозга человека при восприятии иллюзорных стимулов / Н.Р. Миняева, Е.И. Белова, Е.В. Асланян и др. // Изв. высш. учеб. заведений. Северо-Кавказский регион. Естественные науки. 2009. № 5. С. 99–104.
3. *Kirpichnikov A., Rozhkova G.* Classification of visual illusions treated as normal percepts evoked in specific conditions // Perception. 2011. Vol. 40 (ECVP Abstract Supplement). P. 201.

**Е. Г. Денисова
Д. А. Бовдуй
А. О. Ломака**

*Донской государственный технический университет
Ростов-на-Дону, Россия*

ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАБОТНИКОВ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ*

Работа посвящена исследованию психологического благополучия работников сферы образования в связи с особенностями мотивации профессиональной деятельности, уровнем удовлетворенности трудом и профессионального выгорания. В исследовании приняли участие 140 человек (научно-педагогические, административные работники и учебно-вспомогательный персонал вузов). Установлен ряд достоверных связей между изучаемыми показателями. Выделены универсальные компоненты профессиональной мотивации. Сделано заключение о взаимной обусловленности субъективного благополучия и профессионального выгорания.

Ключевые слова: психологическое благополучие, субъективное благополучие, мотивации профессиональной деятельности, профессиональное выгорание, образование.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-00116, <https://rscf.ru/project/21-78-00116/> в Донском государственном техническом университете.

Ekaterina G. Denisova

Diana A. Bovdai

Anastasia O. Lomaka

Don State Technical University

Rostov-on-Don, Russia

STUDY OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF PROFESSIONAL ACTIVITIES OF EDUCATION SPECIALISTS

The article presents the study of the psychological well-being of education specialists, their professional motivation, levels of professional satisfaction and burnout. The study involved 140 people (scientific, teaching, administrative and support staff of universities). A number of reliable correlations between the studied parameters have been established. The universal components of professional motivation are singled out. The conclusion is made about the mutual dependence of subjective well-being and professional burnout.

Keywords: psychological well-being, subjective well-being, professional motivation, burnout, education.

Введение. Беспрецедентная интенсификация информационной нагрузки, ускорение ритма жизни и увеличение требований к продуктивности во всех сферах жизнедеятельности представляет собой один из самых больших вызовов современности. Индивидуальная психика человека и общество в целом сталкиваются с чередой глобальных кризисов и систематически подвергаются стрессовым воздействиям. В таких условиях индивидуальные ресурсы и морально-психологическое состояние и субъективное благополучие личности приобретают особое значение [1].

Проблема психологического здоровья работников сферы образования является особенно значимой, поскольку они не просто являются специалистами одной из самых динамичных сфер профессиональной деятельности, но и влияют на процесс обучения и состояние обучающихся. Профессии, подразумевающие большое количество межличностных взаимодействий и высокий уровень социальной ответственности, всегда отличались повышенным риском

развития выгорания, невротических расстройств, психосоматических проблем [2; 3]. Сохранение и предотвращение таких негативных состояний безусловно требует углубленного изучения связей психологического благополучия с различными психологическими аспектами профессиональной деятельности.

В этой связи целью исследования выступило изучение психологического благополучия работников сферы образования в связи с особенностями мотивации профессиональной деятельности, уровнем удовлетворенности трудом и профессионального выгорания.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 140 человек. Из них 106 научно-педагогических работников в возрасте от 20 до 80 лет (75 % женщины) и 34 человека — учебно-вспомогательный персонал и административные работники вузов в возрасте от 21 до 60 лет (76 % женщины).

С целью исследования заявленных характеристик использовались следующие методики: «Методика диагностики субъективного благополучия личности» (Р. М. Шамионов, Т. В. Бескова), «Источники мотивации профессиональной деятельности» (адаптация Е. В. Сидоренко), «Оценка профессиональной дезадаптации» (О. Н. Родина), «Опросник удовлетворенности трудом» (П. Спектор), «Опросник выгорания» (адаптация Н. Е. Водопьяновой). Методом анкетирования выяснялись пол, возраст, должность и общий стаж работы в сфере образования.

Статистические методы: критерий Шапиро — Уилка, коэффициент ранговой корреляции Спирмана. Статистическая обработка осуществлялась с применением программного пакета JASP 0.16.

Результаты. Уровень субъективного благополучия достоверно связан с общим показателем выгорания ($R_s = -0,609, p < 0,001$), уровнем эмоционального истощения ($R_s = -0,533, p < 0,001$), эмоциональной отстраненности ($R_s = -0,341, p < 0,001$), неудовлетворенности собой и уровнем своего профессионализма ($R_s = 0,659, p < 0,001$).

Шкала редукиции профессионализма положительно коррелирует с внешней ($R_s = 0,201, p < 0,038$) и внутренней Я-концепцией ($R_s = 0,525, p < 0,001$), интернализацией цели ($R_s = 0,318, p < 0,001$), а также с общим показателем удовлетворенности трудом ($R_s = 0,46, p < 0,001$) и большинством его компонентов. При этом инстру-

ментальная мотивация и внутренние процессы как составляющие мотивации не обнаруживают достоверных связей не с одним из показателей профессионального выгорания.

Интегральный индекс выгорания отрицательно коррелирует с внутренней концепцией Я ($R_s = -0,297, p < 0,002$) и интернализацией цели ($R_s = -0,260, p < 0,007$), а также с общим показателем удовлетворенности трудом ($R_s = -0,615, p < 0,001$) и всеми его компонентами ($p < 0,002$). Показатель профессиональной дезадаптации отрицательно связан с внешней Я-концепцией ($R_s = -0,210, p < 0,031$), внутренней Я-концепцией ($R_s = -0,255, p < 0,008$) и интернализацией цели ($R_s = -0,206, p < 0,034$), с общим уровнем удовлетворенности трудом ($R_s = -0,609, p < 0,001$) и всеми ее компонентами, при уровне значимости $p < 0,001$.

Далее был проведен сравнительный корреляционный анализ в двух подгруппах, выделенных по стажу. В группе работников со стажем менее 10 лет выявлены достоверные положительные корреляции между редукцией профессионализма и внешней Я-концепцией ($R_s = 0,561, p < 0,003$), а также между профессиональной дезадаптацией и инструментальной мотивацией ($R_s = 0,474, p < 0,014$). Внутренняя Я-концепция отрицательно коррелирует с профессиональной дезадаптацией ($R_s = -0,595, p < 0,001$) и уровнем выгорания ($R_s = -0,432, p < 0,027$). В группе со стажем более 10 лет выявлены положительные корреляции между редукцией профессионализма и внешней Я-концепцией ($R_s = 0,317, p < 0,004$), внутренней Я-концепцией ($R_s = 0,536, p < 0,000$), интернализацией цели ($R_s = 0,323, p < 0,003$). Показатель интернализации цели отрицательно коррелирует со деперсонализацией ($R_s = -0,260, p < 0,02$) и интегральным показателем выгорания ($R_s = -0,235, p < 0,036$). Отрицательные корреляции обнаружены между интегральным индексом выгорания и внутренней Я-концепцией ($R_s = -0,263, p < 0,019$), а также между профессиональной дезадаптацией и внешней Я-концепцией ($R_s = -0,277, p < 0,013$).

Заключение. В результате корреляционного анализа установлено, что повышение уровня эмоционального истощения, эмоциональной отстраненности, неудовлетворенности собой и уровнем своего профессионализма, сопряжено со снижением выраженности

компонентов психологического благополучия и профессиональной мотивации. Учитывая характер и тесноту связей, а также тот факт, что аналогичные связи получены абсолютно по всем измеренным компонентам благополучия, можно сказать, что субъективное благополучие и профессиональное выгорание могут быть рассмотрены как взаимообусловленные феномены.

Кроме того, показано, что связи между компонентами мотивации и показателями профессионального выгорания усложняются с увеличением стажа работы в сфере образования.

Библиографические ссылки

1. *Скорынин А. А.* К вопросу о структуре психологического благополучия личности // Гум. исследования. Педагогика и психология. 2020. № 2. DOI: 10.24411/2712-827X-2020-10210
2. *Константиновский Д. Л., Пинская М. А., Звягинцев Р. С.* Профессиональное самочувствие учителей: от энтузиазма до выгорания // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 14–25. DOI: 10.31857/S013216250014949-6
3. *Чернышова М. Д.* Профессиональное здоровье педагога // Науч. лидер. 2021. № 15 (17).

Е. Г. Денисова
Ю. В. Гусева
Н. В. Сылка

*Донской государственный технический университет
Ростов-на-Дону, Россия*

МЕТАКОГНИТИВНЫЕ НАВЫКИ И СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ДЕФИЦИТА ВРЕМЕНИ КАК СТРЕСС-ФАКТОРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГОВ

Работа посвящена исследованию метакогнитивных навыков и стратегий преодоления дефицита времени как стресс-фактора в профессиональной деятельности педагогов. В исследовании приняли участие 106 человек (научно-педагогические работники вузов). Показано, что более высокий уровень регуляции в стрессовых ситуациях и субъективные оценки собственной работоспособности наблюдаются в группах с более высоким уровнем сформированности метакогнитивных навыков и стратегий, в том числе, метапланирования.

Ключевые слова: метакогнитивные навыки, стресс, метакогнитивные стратегии, метапланирование, образование.

Ekaterina G. Denisova
Yulia V. Guseva
Nadejda V. Sylka

*Don State Technical University
Rostov-on-Don, Russia*

METACOGNITIVE SKILLS AND STRATEGIES FOR OVERCOMING TIME DEFICIT AS A STRESS FACTOR IN TEACHERS' PROFESSIONAL ACTIVITIES

The article presents the study of metacognitive skills and strategies for overcoming the lack of time as a stress factor in the professional activities of teachers. The study involved 106 people (universities teachers). It is shown that a higher level of regulation in stressful situations and subjective assess-

ments of one's own performance are observed in groups with a higher level of metacognitive skills and strategies, including metapanning.

Keywords: metacognitive skills, stress, metacognitive strategies, metapanning, education.

Введение. Большой интерес к тематике метапознания связан с их объяснительным и прогностическим потенциалом [1; 2]. В исследовании были впервые изучены и описаны особенности использования метакогнитивных навыков и стратегий преодоления дефицита времени в профессиональной деятельности с учетом особенностей эмоциональной регуляции и эффективности предотвращения редукции профессионализма [3; 4].

В этой связи целью исследования выступило изучение метакогнитивных навыков и стратегий преодоления дефицита времени как стресс-фактора в профессиональной деятельности педагогов.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 106 человек (29 мужчин, 77 женщин; средний возраст — 46 лет) — научно-педагогические работники вузов Ростовской области.

Для уточнения социально-психологических характеристик респондентов и использования метакогнитивных навыков применялся метод анкетирования. Респондентов просили указать пол, возраст, должность, а также оценить выраженность профессионального стресса и успешность совладания с ним. Авторская анкета самооценки метакогнитивного поведения «Метакогнитивные навыки в структуре учебно-профессиональной деятельности» (Е. Г. Денисова, 2022) содержала девять вопросов, позволяющие оценить использование и осознанность основных форм метакогнитивного поведения (метапланирование, процессуальные навыки и метакогнитивный контроль).

С целью исследования выраженности стресса и метакогнитивных навыков и стратегий было проведено психологическое тестирование с использованием следующих методик: «Опросник метакогнитивной включенности в деятельность» (Г. Шроу, Р. Деннисон, адаптация А. В. Карпова, 1994); «Шкала самооценки метакогнитивного поведения» (Д. ЛаКост, адаптация А. В. Карпова, 1998); тест «Дифференциальный тип рефлексии» (Д. А. Леонтьев, Е. М. Лаптева,

Е. Н. Осин, А. Ж. Салихова, 2009); тест «Диагностика состояния стресса» (А. О. Прохоров, 2012).

Статистические методы обработки полученных результатов включали в себя критерий Шапиро — Уилка, *k*-means clustering, критерий Краскела — Уоллиса, коэффициент ранговой корреляции Спирмана. Статистическая обработка осуществлялась с применением свободно распространяемого программного пакета JASP 0.16.

Результаты. Для проверки предположения о том, что уровень состояния стресса и субъективные оценки подверженности стрессогенным факторам в профессиональной деятельности, вероятно, могут различаться в зависимости от выраженности метакогнитивных навыков, схем и стратегий, был использован кластерный анализ, при помощи которого удалось выделить пять кластеров. В первый кластер попали 17 человек с самым высоким уровнем сформированности метакогнитивных стратегий. Во второй кластер попал 31 человек с самыми низкими значениями по шкалам «обвинение» и «катастрофизация», что говорит об отсутствии тенденции преувеличивать масштабы проблемы и перекладывать вину за пережитое на окружающих. Третий кластер составили 32 человека, не склонных искать положительный смысл в произошедшем событии в целях личностного роста. В четвертый кластер попали 13 человек с высокими показателями по системной рефлексии. Наконец, пятый кластер составили 13 человек с самым низким уровнем сформированности метакогнитивных стратегий. Анализу подверглись только статистически значимые различия (при $p < 0,05$).

Сравнительный анализ выраженности стресса и субъективные оценки подверженности стрессогенным факторам в выделенных подгруппах (кластерах) производился при помощи критерия Краскела — Уоллиса. Наиболее значимы различия между группой с высоким уровнем сформированности метакогнитивных стратегий и самыми низкими значениями по шкале «позитивный пересмотр» ($p < 0,001$); группой с низкими значениями по «катастрофизации», «обвинению» и группой с низким позитивным пересмотром ($p < 0,001$). Анализ различий самооценки выраженности стресс-факторов на работе между кластерами не выявил значимых результатов. При этом самооценка работоспособности достоверно различается

между группами ($p < 0,05$). Наиболее выражены различия между группой с высоким уровнем сформированности метакогнитивных стратегий и самыми низкими значениями по шкале «позитивный пересмотр».

В результате корреляционного анализа установлено, что возрастание показателя использования навыков метапланирования сопряжено со снижением уровня стресса ($R_s = -0,23$; $p = 0,017$) и с выраженностью негативных убеждений, связанных с неуправляемостью и опасностью беспокойства ($R_s = -0,20$; $p = 0,042$). То есть использование навыков метапланирования способно снизить уровень профессионального стресса, в частности связанного с дефицитом времени.

Заключение. Показано, что более высокий уровень регуляции в стрессовых ситуациях и субъективные оценки собственной работоспособности наблюдаются в группах с более высоким уровнем сформированности метакогнитивных способностей. Это дает основания предположить, что наличие высокого уровня сформированности метакогнитивных навыков позволяет более эффективно организовать рабочие процессы. В то же время низкий уровень сформированности метакогнитивных навыков, в частности метапланирования, отрицательно сказываются на процессах и самооценке работоспособности.

Описанные результаты эмпирического исследования могут использоваться при разработке психологических программ, ориентированных на преодоление основных стресс-факторов, встречающихся в профессиональной деятельности педагогов, благодаря развитию навыков метапланирования и других метакогнитивных стратегий.

Библиографические ссылки

1. *Серафимович И. В.* Роль метакогнитивных признаков профессионального надситуативного мышления педагогов в сохранении и укреплении социально-психологического здоровья // Психолог. 2017. № 4. С. 54–64.
2. *Кофейникова Ю. Л., Николаева Е. С., Хукуматшоева Ш.* Диагностика метакогниций студентов психолого-педагогического профиля в процессе профессионального обучения // Педагогика и психология образования. 2019. № 2. С. 153–160.

3. *Перикова Е. И., Бызова В. М.* Метапознание учебной деятельности студентов с разным уровнем психической саморегуляции // *Science for Education Today*. 2020. № 5. Р. 104–118.

4. *Кашапов М. М., Базанова Г. Ю.* Сравнение показателей метакогнитивной осведомленности врачей на разных этапах образования // *Перспективы науки и образования*. 2021. № 4 (52). С. 392–403.

А. Н. Дёмин

*Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия*

СПОСОБ ИЗМЕРЕНИЯ КАЧЕСТВА ЗАНЯТОСТИ*

Качество занятости понимается как совокупность и выраженность признаков precarious занятости. В связи с дефицитом инструментов психологического измерения precariousности на российском рынке труда предлагается шкала «Индекс precariousности». Выявлены первичные психометрические показатели данной шкалы, включая ее конвергентную и эмпирическую валидность. Намечены перспективы дальнейшей работы.

Ключевые слова: качество занятости, precarious занятость, индекс precariousности.

Andrey N. Diomin

*Kuban State University
Krasnodar, Russia*

A WAY TO MEASURE THE EMPLOYMENT QUALITY

Employment quality is defined as the set and severity of precarious employment attributes. Due to the scarcity of psychological measurement tools for precariousness in the Russian labour market, the scale Employment Precarity Index is proposed. Primary psychometric indicators of the scale were revealed, including its convergent and empirical validity. Prospects for future work were outlined.

Keywords: employment quality, precarious employment, employment precariousness index.

Введение. На современном рынке труда существенно выросла доля precarious (нестабильной) занятости. Понятие активно исполь-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 22-28-00885.

зуются в зарубежных исследованиях, оно охватывает временную, краткосрочную, неформальную, социально незащищенную и т.п. занятость [1–2]. Большой интерес к нему проявляют отечественные социологи [3]. К. Ван Арден с соавторами предложили понятие «качество трудовой занятости» [4], под которым далее будем понимать совокупность и выраженность признаков precarious занятости. Поскольку имеется серьезный дефицит инструментов психологического измерения precariousности на российском рынке труда, целью исследования стала разработка соответствующей шкалы.

Материалы и методы. Обобщение подходов к изучению precariousности позволило выделить наиболее часто упоминаемые аспекты данного явления [5]. Использование шкалы предполагает оценку выраженности аспектов, в числе которых стабильность занятости, дохода, графика работы, наличие сверхурочной работы, справедливость отношения со стороны работодателя; доступность реализации социально-трудовых прав (пособие по болезни, отпуск), возможность получать новые профессиональные знания и навыки в рамках своей трудовой деятельности. Оценки охватывают период последнего года (или последних месяцев) и период ближайшего года (или ближайших месяцев), используется трехбалльная шкала. В совокупности эти оценки формируют Индекс precariousности. В него вошли 14 показателей, которые суммируются в общий показатель.

На данном этапе проверялась внутренняя и ретестовая надежность предлагаемого Индекса precariousности, его конвергентная и эмпирическая валидность. Для оценки конвергентной валидности использовались субъективно-оценочные показатели ненадежности работы («Методика измерения ненадежности работы» А. Н. Дёмина и И. А. Петровой), вынужденности занятости (одноименная шкала из опросника «Психологическая структура занятости» А. Н. Дёмина и Д. Ю. Пивкина), восприятия барьеров карьерного развития (одноименная шкала из «Методики измерения карьерного самоопределения» А. Н. Дёмина, А. Б. Седых, Б. Р. Седых). Данные показатели демонстрируют уровень психологического благополучия в профессионально-трудовой сфере; согласно многочисленным зарубежным исследованиям, существует тесная связь между уровнем precariousности и уровнем психологического благополучия. Для

оценки эмпирической валидности измерялась взаимосвязь Индекса precariousности с типом контракта, в основе которого лежит длительность трудовых отношений (постоянная занятость; договор имеет фиксированную дату окончания через 1–3 года; временная — менее одного года — работа; случайная работа), и правовым статусом занятости (работа официально оформлена/не оформлена). Также предполагалось, что уровень precariousности связан с наличием у человека опыта безработицы. Выборку составили 318 человек (50,6 % мужчин, 49,4 % женщин), средний возраст — 36 лет (min — 30, max — 45); 30,5 % работали на постоянной основе полный рабочий день, 25,2 % имели фиксированную дату окончания контракта через 1–3 года, 23,3 % имели временную работу, у 21 % занятость носила случайный, краткосрочный характер.

Результаты. Внутренняя надежность Индекса precariousности (значение коэффициента α -Кронбаха) составила 0,76. Ретестовая надежность шкалы проверялась с помощью коэффициента корреляции Спирмена ($n = 44$, $r = 0,682$, $p < 0,001$), опрос проводился с интервалом три недели. Установлены тесные связи Индекса precariousности с переживанием ненадежности будущего и настоящего на своей работе, вынужденностью занятости, восприятием барьеров карьерного развития (во всех случаях $p < 0,0001$). Это подтверждает связь показателя precariousности с уровнем психологического благополучия в профессионально-трудовой сфере. Индекс отрицательно коррелирует с длительностью контракта (договора), которая является исходной и одной из ключевых характеристик precariousности ($p < 0,0001$), с формальным/неформальным статусом занятости (если работа официально не оформлена, то показатель precariousности растет, $p < 0,0001$). Также подтверждена взаимосвязь уровня precariousности с наличием в карьере периодов безработицы ($p < 0,0001$). В литературе зафиксировано, что безработица отрицательно влияет на качество последующей профессиональной деятельности и устойчивость карьеры.

Заключение. Предложенная шкала «Индекс precariousности» обладает приемлемыми первичными психометрическими показателями, включая конвергентную и эмпирическую валидность. Комбинация предложенных признаков precariousности формирует качество заня-

тости, которое дополняет содержание выполняемых работ и традиционные физические, биохимические и психосоциальные условия труда. Важной перспективой является расширение показателей эмпирической валидизации шкалы, проверка ее прогностической валидности, применение для оценки качества занятости в разных социальных и возрастных группах.

Библиографические ссылки

1. Precarious employment: understanding an emerging social determinant of health / J. Benach, A. Vives, M. Amable et al. // *Annual Review of Public Health*. 2014. Vol. 35. P. 229–253.

2. *Lewchuk W.* Precarious jobs: Where are they, and how do they affect well-being? // *Economic and Labour Relations Review*. 2017. Vol. 28(3). P. 402–419.

3. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : Изд-во «Весь Мир», 2021. 400 с.

4. The relationship between employment quality and work-related well-being in the European Labor Force / K. Aerden Van, G. Moors, K. Levecque et al. // *Journal of Vocational Behavior*. 2015. Vol. 86. P. 66–76.

5. *Дёмин А. Н.* Психология прекарной занятости: становление предметной области, основные проблемы и подходы к их изучению // *Орг. психология*. 2021. Т. 11, № 2. С. 98–23.

**С. Т. Джанерьян
Д. И. Гвоздева**

*Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия*

СОЦИАЛЬНАЯ ФРУСТРИРОВАННОСТЬ РАБОТАЮЩИХ И УЧАЩИХСЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В СВЯЗИ С ИХ ЛИЧНОСТНОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ

В статье излагаются результаты изучения социальной фрустрированности работающих и учащихся мужчин и женщин в связи с их личностной направленностью. Исследование проводилось с помощью методов тестирования и статистической обработки данных. Установлено, что у всех респондентов уровень социальной фрустрированности низкий, а направленность личности избирательно обуславливает особенности социальной фрустрированности личности у респондентов разного пола и статуса.

Ключевые слова: фрустрированность личности, направленность личности, женщины, мужчины, студенты, работающие.

**Svetlana T. Dzhaneryan
Daria I. Gvozdeva**

*Southern federal university
Rostov-on-Don, Russia*

SOCIAL FRUSTRATION OF WORKING AND STUDENT MEN AND WOMEN IN CONNECTION WITH THEIR PERSONALITY ORIENTATION

The article presents the results of studying the social frustration of men and women working and students in connection with their personality orientation. The study was conducted using testing methods and statistical data processing. It was found that all respondents have a low level of social frustration, and the orientation of the personality selectively determines

the features of social frustration of the personality in respondents of different sex and status.

Keywords: personality frustration, personality orientation, women, men, students, workers.

Введение. Отслеживание психологического состояния населения — одна из задач, стоящих перед любым государством. Особую актуальность она приобретает в периоды социальных потрясений, затрагивающих возможности удовлетворения потребностей личности. Возникающие изменения могут выступать в качестве препятствий и вызывать состояние фрустрированности личности, под которой мы понимаем индивидуально-личностную форму проявления социальной фрустрации, возникающую при блокировании реализации личностно значимых потребностей, мотивов и ценностей [1]. В психологических исследованиях установлены особенности социальной фрустрированности субъектов разного пола и статуса [1; 2], а также ее взаимосвязанность с невротическими чертами [3], социальной адаптацией [2], субъективным благополучием [4], ценностями личности [5]. Одной из личностных особенностей, определяющих избирательность личности в отношении окружающего мира, является ее направленность. Мы полагаем, что направленность личности может обуславливать особенности ее социальной фрустрированности. Мы провели эмпирическое исследование, *целью* которого выступило установление особенностей социальной фрустрированности работающих и учащихся мужчин и женщин в связи с их личностной направленностью.

Материалы и методы. Предметом исследования явились особенности социальной фрустрированности мужчин и женщин. Объект исследования — работающие и учащиеся мужчины и женщины в количестве 70 человек в возрасте от 17 до 45 лет. Методы исследования: тестирование (методика диагностики направленности личности Б. Басса (опросник Смекала — Кучера), методика диагностики уровня социальной фрустрированности Л. И. Вассермана (модификация В. В. Бойко)), статистической обработки данных (коэффициент корреляции Спирмена, биномиальное распределение (по Д. Оуэну)).

Результаты. Результаты исследования показали, что респонденты, вне зависимости от их пола и статуса, характеризуются низкой выраженностью социальной фрустрированности. Иные текущие исследования уровня социальной фрустрированности респондентов также констатируют низкую фрустрированность последних [6; 7]. Это позволяет полагать, что изменение привычного уклада жизни не является фактором, вызывающим повышение уровня социальной фрустрированности населения. Вероятно, на фоне сильных опасений за свое здоровье в период пандемии у людей произошла переоценка жизненных ситуаций, многие из которых перестали расцениваться как фрустрирующие, что и привело к снижению общей фрустрированности населения. Далее было установлено, что у работающих женщин «Направленность на Себя» сопровождается высокой фрустрированностью взаимоотношениями со своими мужьями ($r = 0,67$; $p = 0,02$), родственниками ($r = 0,60$; $p = 0,04$) и друзьями ($r = 0,67$; $p = 0,02$). Вероятно, фокусировка на собственных потребностях приводит к отсутствию взаимопонимания с близкими, что повышает фрустрированность взаимоотношениями с ними. «Направленность на Взаимодействие» у работающих женщин сопровождается низкой фрустрированностью своей профессиональной деятельностью ($r = 0,74$; $p = 0,00$) и работой в целом ($r = -0,68$; $p = 0,02$). Полагаем, что при данной направленности работа становится для человека местом удовлетворения целого ряда потребностей, что снижает уровень их фрустрированности данной сферой. У работающих женщин «Направленность на Дело» сопровождается низкой фрустрированностью взаимоотношениями с родственниками ($r = -0,66$; $p = 0,02$), друзьями ($r = -0,68$; $p = 0,02$) и коллегами по работе ($r = -0,79$; $p = 0,00$). Полагаем, что высокая фокусировка на решении деловых задач у женщин данной группы снижает значимость отношений с окружающими, что приводит к низкой фрустрированности данной сферой. У учащихся женщин «Направленность на Взаимодействие» сопровождается высокой фрустрированностью своим физическим ($r = 0,43$; $p = 0,01$) и психоэмоциональным состоянием ($r = 0,45$; $p = 0,01$), а «Направленность на Дело» — низкой фрустрированностью взаимоотношениями с противоположным полом ($r = -0,37$; $p = 0,04$) и своим физическим со-

стоянием ($r = -0,36$; $p = 0,04$). В мужской выборке взаимосвязь между направленностью личности и социальной фрустрированностью была установлена только для учащихся респондентов — «ориентация на Взаимодействие» сопровождается низкой фрустрированностью своим образом жизни в целом ($r = -0,53$; $p = 0,04$).

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. В целом уровень социальной фрустрированности респондентов, вне зависимости от пола и статуса, низкий. Направленность личности избирательно обуславливает особенности социальной фрустрированности личности у респондентов разного пола и статуса: у работающих женщин полностью обуславливает, у учащихся женщин и мужчин обуславливает частично, у работающих мужчин обуславливание не установлено.

Библиографические ссылки

1. Frustration features of city students / S. T. Dzhanyan, D. I. Gvozdeva, I. N. Astafeva et al. // Journal of the Social Sciences. 2015. Vol. 10, № 6. P. 1443–1448.

2. Джанерьян С. Т., Астафьева И. Н. Социальная фрустрированность выпускников школ (юношей и девушек) в связи с их индивидуально-психологическими особенностями // Актуал. проблемы гум. и естеств. наук. 2015. № 9–2. С. 182–186.

3. Тромбчинский П. К. Взаимосвязь невротических черт личности и уровня социальной фрустрированности // Вестн. С.-Петербур. ун-та. 2016. Сер. 16. Вып. 3. С. 126–139.

4. Надрин А. А. Взаимосвязь социальной фрустрированности и субъективного благополучия личности курсантов // Вестн. СамГУ. 2014. № 9 (120). С. 237–244.

5. Балина Т. Н., Малова Н. В. Социальная фрустрированность как результат рассогласования между ценностями личности и возможностью их реализации в поведении // Изв. вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 3. С. 97–102.

6. Мурашова Л. С. Исследование социальной фрустрированности студентов колледжа // Гум. науки. 2021. № 19. С. 23–24.

7. Стародубцев Н. Н., Козлова Н. И., Уласень Т. В. Изучение стрессоустойчивости и социальной фрустрированности обучающихся первых курсов медицинского вуза // Смолен. мед. альманах. 2021. № 4. С. 207–210.

С. Т. Джанерьян

Д. И. Гвоздева

Южный федеральный университет

Ростов-на-Дону, Россия

ПРОФИЛЬ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ У СПЕЦИАЛИСТОВ РАБОЧИХ ПРОФЕССИЙ С РАЗНЫМ ТРУДОВЫМ СТАЖЕМ

В статье приведены результаты эмпирического исследования мотивационного профиля специалистов рабочих профессий с разным трудовым стажем. Исследование проводилось с помощью методов тестирования и статистической обработки данных. Результаты исследования показали, что тип трудовой мотивации и мотивационные факторы у специалистов рабочих профессий различаются в связи с их трудовым стажем: индивидуалистическая направленность свойственная работникам с пятилетним стажем, направленность на общественно-полезные дела — работникам с тридцатилетним и более стажем.

Ключевые слова: мотивация, мотивационные факторы, тип трудовой мотивации, специалисты рабочих профессий, трудовой стаж.

Svetlana T. Dzhaneryan

Daria I. Gvozdeva

Southern federal university

Rostov-on-Don, Russia

PROFILE OF WORK MOTIVATION IN SPECIALISTS OF WORKING PROFESSIONS WITH DIFFERENT LENGTH OF WORK

The article presents the results of an empirical study of the type of labor motivation and motivational factors among specialists of working professions with different length of work. The study was conducted using testing methods and statistical data processing. The results of the study showed that the type of labor motivation and motivational factors among specialists of working professions differ in connection with the length of their work experience: an individualistic orientation is characteristic of employees with five years

of work experience, and a focus on socially useful deeds is characteristic of employees with thirty years or more of work experience.

Keywords: motivation, motivational factors, type of labor motivation, specialists of working professions, length of work.

Введение. Приведенное исследование направлено на получение данных о трудовой мотивации специалистов рабочих профессий. При сдельном характере работы монетарная мотивация выступает в качестве самостоятельного побудительного механизма. Однако в период кризисов особое значение приобретает немонетарная мотивация, применение которой позволяет сохранить мотивацию персонала и сократить расходы предприятия. Особо остро вопрос о поддержании мотивации сотрудников стоит на промышленных предприятиях, имеющих специалистов рабочих профессий. Особенности их трудовой мотивации не часто становились предметом научных исследований наряду с более глубокой изученностью мотивации менеджеров, юристов, учителей, предпринимателей [1–4]. Понимание мотивационных особенностей данной категории сотрудников позволит снизить риск потери специалистов, в связи с чем тема исследования является актуальной.

Материалы и методы. Мы провели исследование, нацеленное на изучение профиля трудовой мотивации специалистов рабочих профессий с разным трудовым стажем. Профиль трудовой мотивации рассматривался нами как совокупность типа трудовой мотивации (В. И. Герчиков) и мотивационных факторов труда (Ш. Ричи, П. Мартин). Предметом исследования выступили особенности трудовой мотивации специалистов рабочих профессий. В качестве эмпирического объекта исследования выступили 100 представителей рабочих профессий с разным стажем работы промышленного предприятия юга России. В исследовании применялись методы тестирования («Мотивационный профиль» (Ш. Ричи и П. Мартин) [5], «Методика диагностики трудовых мотивов» (В. И. Герчиков) [6]) и статистической обработки данных (критерии Фридмана и Вилкоксона).

Результаты. Установлено, что при пятилетнем трудовом стаже тип мотивации работников является инструментальным

(X^2 Friedman 46,59785, $p < 0,0000$; T-13,5000, $p < 0,000244$), а при достижении десятилетнего стажа наряду с этим появляется и хозяйственный тип мотивации (X^2 Friedman 12,73514, $p < 0,01265$; T-3,5000, $p < 0,024391$). При пятилетнем трудовом стаже ведущими мотивационными факторами являются потребности в признании, самосовершенствовании, общении, достижении высоких целей и достойной оплате, а при десятилетнем — только потребность во власти. Как видно, на начальных этапах трудовой деятельности молодые специалисты характеризуются индивидуалистической направленностью на достижение с помощью работы скорее личных, нежели профессиональных, целей, а трудовая мотивация поддерживается социальными признанием и адекватными поощрениями. По достижении десятилетнего трудового стажа для работников важной становится возможность самостоятельно организовывать работу, а мотивация поддерживается возможностью единолично принимать решения. Представители рабочих профессий с двадцатилетним трудовым стажем являются наиболее неустойчивыми с точки зрения трудовой мотивации, которая строится по люмпенизированному типу (X^2 Friedman 47,28974, $p < 0,0000$; T-14,5000, $p < 0,0000126$). В этот переломный момент трудовой деятельности актуализируется потребность в переменах, повышается потребность в новых контактах, что позволяет расширить круг общения и найти новые ориентиры в жизни. У работников с тридцатилетним трудовым стажем сохраняется неустойчивость трудовой мотивации, однако появляется мотивация патриотического типа (X^2 Friedman 11,75629, $p < 0,02246$; T-4,5000, $p < 0,019845$), сопровождающаяся актуализацией потребности в общественно-полезной работе. Далее мотивация патриотического типа и потребность в общественно полезной работе составляют мотивационный облик сотрудников со стажем работы сорок и более лет (X^2 Friedman 45,69831, $p < 0,0000$; T-12,5000, $p < 0,036581$). Также для последней категории работников важна достойная заработная плата. Полагаем, что, начиная с 20-летнего стажа работы, специалисты готовы активно работать на благо предприятия. По мере увеличения трудового стажа подобная мотивация сохраняется, дополняясь

готовностью участвовать в сопутствующей трудовой общественно-полезной работе и ожиданием достойной оплаты своего труда.

Заключение. Таким образом, при стаже работы пять лет доминирует инструментальный тип мотивации, 10 лет — инструментальный и хозяйственный типы, 20 лет — люмпенизированный тип, 30 лет — люмпенизированный и патриотический типы, 40 и более лет — патриотический тип.

Библиографические ссылки

1. *Salw A., Noor I. S.* A Measurement Model of Teachers' Motivation Factors in Primary Schools // *Pertanika journal of social science and humanities*. 2020. Vol. 28(3). P. 1769–1785.

2. *Винокурова М. И., Игнатъев В. П., Дарамаева А. А.* Влияние внешних факторов на развитие профессиональной мотивации у будущих юристов в контексте компетентностного подхода // *Совр. проблемы науки и образования*. 2020. № 5. С. 76.

3. *Петросов В. А.* Психологические условия формирования профессиональной мотивации у студентов — будущих менеджеров : автореф. ... канд. псих. наук. Москва, 2006. 23 с.

4. *Ибашева Д. Г.* Предприниматель как личность: качества, особенности, мотивация деятельности // *Гуманитарий и социум*. 2019. № 1. С. 19–22.

5. *Ричи Ш., Мартин П.* Управление мотивацией : учеб. пособие для вузов / пер. с англ, под ред. проф. Е. А. Климова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 399 с.

6. *Герчиков В. И.* Трудовая мотивация: понятие, выявление и управление (часть 1) // *Личность. Культура. Общество*. 2006. Т. 8, № 3(31). С. 222–233.

С. Т. Джанерьян

Д. И. Гвоздева

Южный федеральный университет

Ростов-на-Дону, Россия

ИЗМЕНЕНИЕ УЧЕБНЫХ И ЖИЗНЕННЫХ МОТИВОВ У СТУДЕНТОК-ПСИХОЛОГОВ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

В статье излагаются результаты исследования, нацеленного на установление трансформации учебных и жизненных мотивов студенток вузов, обучающихся психологии. Методами исследования выступили тестирование; продольных срезов; математической статистики. В исследовании приняли участие студентки бакалавриата 37.03.01 «Психология». Установлено, что по мере профессионального взросления студенток происходит расширение диапазона доминирующих у них жизненных мотивов. Ведущий же учебный мотив остается неизменным.

Ключевые слова: учебные мотивы, жизненные мотивы, студентки-психологи, трансформация мотивов, лонгитюдное исследование.

Svetlana T. Dzhaneryan

Daria I. Gvozdeva

Southern federal university

Rostov-on-Don, Russia

CHANGE IN EDUCATIONAL AND LIFE MOTIVES AMONG FEMALE STUDENT-PSYCHOLOGISTS AT DIFFERENT STAGES OF STUDY AT THE UNIVERSITY

The article outlines the results of a study aimed at establishing the transformation of educational and life motives of female university students studying psychology. The research methods were testing; longitudinal sections (longitudinal method); mathematical statistics. The study involved female bachelor's students (37.03.01 — Psychology). It has been established that as

students grow up professionally, the range of life motives that dominate them expands. The leading educational motive remains unchanged.

Keywords: educational motives, life motives, female students-psychologists, transformation of motives, longitudinal research.

Введение. На этапе получения субъектом профессионального образования высока роль мотивационной составляющей, что обуславливает пристальное внимание исследователей, преподавательского состава вузов к результатам мониторингов динамики мотивов студентов. В работах подчеркивается общая нацеленность психологического сопровождения образовательного процесса на содействие полноценному развитию и саморазвитию личности, ее самоопределению и самоактуализации [1; 2]. Весь период обучения в вузе рассматривается как особый смысложизненный период в жизни, обеспечивающий идентификацию студента с субъектом будущей профессии [3]. Поэтому независимо от этапа и содержания профессиональной подготовки существуют задачи, направленные на оказание содействия самоопределению студентов. Это включает осознание студентами собственных мотивов учебной деятельности в их соотнесении с жизненными мотивами. В связи с этим мы считаем включение жизненных мотивов в исследовательскую повестку в контексте изучения учебных мотивов студентов целесообразным. В различных исследованиях динамика мотивационной сферы студентов прослеживается по результатам поперечных срезов. На наш взгляд, эту традицию необходимо дополнить итогами изучения мотивов студентов с помощью метода продольных срезов, в связи с чем обратились к лонгитюдному исследованию мотивов — учебных и жизненных — у студентов, обучающихся в вузе по направлению «Психология».

Материалы и методы. Цель исследования: установить изменение учебных и жизненных мотивов у студенток-психологов на разных этапах обучения в вузе. Предмет исследования: учебные и жизненные мотивы у студенток-психологов на разных этапах их обучения в вузе. В исследовании приняли участие студентки-психологи, обучающиеся на 1–2 курсах бакалавриата (52 человека), и они же на 3–4 курсе бакалавриата (43 человека). Методы иссле-

дования: тестирование (методики: «Диагностика мотивационной структуры личности» (В. Э. Мильман), «Тест юмористических фраз» (ТЮФ) (А. Г. Шмелев, А. С. Бабина); метод продольных срезов (лонгитюдный метод); статистические методы параметрической (множественная линейная регрессия) и непараметрической статистики (критерии Фридмана, Вилкоксона). Учебный мотив рассматривается нами как направленность субъекта на отдельные стороны учебной работы [4; 5]. К жизненным мотивам мы относим те побуждения, которые оказывают влияние на всю сферу жизнедеятельности человека — биологического индивида, социального индивида, личности — и выражаются в наиболее общих и актуальных жизненных тенденциях.

Результаты. Результаты исследования показали, что по мере профессионального взросления студенток происходит расширение диапазона доминирующих у них жизненных мотивов, наряду с сохранением содержания учебно-профессиональных. На первых курсах обучения ведущим жизненным мотивом студенток выступает мотив «человеческая глупость», который отражает стремление субъекта к самоутверждению посредством знаний. На последних курсах обучения к этому мотиву прибавляется мотив «пагубные пристрастия», отражающий стремление субъекта к снятию напряженности. С учетом допущения, что первый мотив базируется на потребностях личности, а второй — на потребностях биологического индивида, можно говорить, что к концу обучения у студенток преобладают жизненные мотивы, содержательно не базирующиеся на потребностях социального индивида или субъекта деятельности, которые заключаются в необходимости опоры на социальные (социально-профессиональные) нормативы. Трансформация жизненных мотивов от первых до последних курсов обучения происходит на фоне неизменного по содержанию доминирующего учебного мотива «Творческая активность». На первых курсах обучения на ведущий учебный мотив «Творческая активность» ($R = 0,582$; $p < 0,00004$) положительно влияет выраженность жизненного мотива «пагубные пристрастия» ($\beta = +0,298$; $p < 0,014$), а на последних курсах обучения — высокая выраженность жизненного мотива «деньги» ($\beta = +0,269$; $p < 0,05$) и низкая выраженность жизненных

мотивов «карьера» ($\beta = -0,243$; $p < 0,051$), «мода» ($\beta = -0,301$; $p < 0,033$), «агрессия — самозащита» (самосохранение) ($\beta = -0,258$; $p < 0,048$). Иными словами, на первых курсах обучения стремление к творческой активности в усвоении профессиональных знаний поддерживается стремлением студентов к построению жизни без напряжения, а на последних курсах — стремлением к материально обеспеченной жизни.

Заключение. Таким образом, по мере получения профессионального образования изменяется диапазон ведущих жизненных мотивов, а также структура мотивов студенток-психологов. На первых курсах обучения студенток их учебный мотив «творческая активность» испытывает поддерживающее влияние со стороны одного жизненного мотива («пагубные пристрастия»), а на последних курсах — не только поддерживающее влияние со стороны жизненного мотива («деньги»), но и ослабляющее влияние со стороны ряда жизненных («агрессия — самозащита», «мода», «карьера») мотивов.

Библиографические ссылки

1. К проблеме психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса / Р.Э. Кодермятов, Н.А. Тумакова, А.Э. Сенцов и др. // Молодой ученый. 2015. № 11 (91). С. 1738–1740.
2. Пилюгина Е.И., Бережнова О.В. Психологическое сопровождение личностно-профессионального развития студента вуза // Молодой ученый. 2012. № 10 (45). С. 289–291.
3. Утюганов А.А. Система ценностно-смысловых ориентаций курсантов вузов национальной гвардии: феноменология и психолого-педагогические детерминанты формирования : дис. ... д-ра псих. наук. Кемерово, 2019. 401 с.
4. Водяха Ю.Е. Психологическая диагностика сфер личности : лаборатор. практикум. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2018. 220 с.
5. Маркова А.К., Матис Т.А., Орлов А.Б. Формирование мотивации учения : книга для учителя. М. : Просвещение, 1990. 192 с.

Л. А. Дикая
В. А. Егорова
Е. А. Мелешенко

*Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ШКОЛЬНИКОВ, АКТИВНО ЗАНИМАЮЩИХСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Представлены результаты эмпирического исследования психологических характеристик школьников, активно занимающихся исследовательской деятельностью. Показано, что их достоверно отличает от обучающихся, ориентированных на другие виды деятельности, активная жизненная позиция, ответственность за себя и свою жизнь, высокий уровень саморегуляции, высокий уровень любознательности, свобода в принятии решений и воплощении их в жизнь.

Ключевые слова: исследовательский потенциал, саморегуляция, учебная мотивация, смысловые ориентации, исследователи-юниоры.

Liudmila A. Dikaya
Valeria A. Egorova
Evgeny A. Meleshenko
*Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia*

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF SCHOOLCHILDREN ACTIVELY ENGAGED IN RESEARCH ACTIVITIES

The results of an empirical study of the psychological characteristics of schoolchildren who are actively engaged in research activities are presented. It is shown that they are significantly distinguished from students focused on other types of activity by an active life position, responsibility

for themselves and their lives, a high level of self-regulation, a high level of curiosity, freedom in making decisions and putting them into practice.

Keywords: research potential, self-regulation, learning motivation, life-meaning orientations, novice researchers.

Введение. Современный научно-технологический прогресс сопровождается омоложением науки высокими темпами. В ряде образовательных учреждений («Сириус», специализированные учебные научные центры, кванториумы и др.) оборудованы лаборатории для проведения обучающимися эмпирических научных исследований. Можно констатировать появление в наши дни нового поколения ученых — исследователей-юниоров, активно ищущих способы реализации своих амбиций. Со стороны стейкхолдеров образовательного процесса сформировался запрос на изучение психологических характеристик, способствующих эффективности исследовательской деятельности юниоров. В современной научной литературе психологические характеристики опытных, состоявшихся и молодых, начинающих ученых представлены лишь в отдельных работах [1–3]. Изучение предикторов успешности научно-исследовательской деятельности юниоров-школьников только начинается [4–5]. Цель исследования — изучить психологические особенности школьников, активно занимающихся исследовательской деятельностью.

Материалы и методы: теоретико-методологический анализ современной отечественной и зарубежной литературы, посвященной изучению исследовательской мотивации и выраженных психологических качеств деятелей науки разного возраста, психологическое тестирование, опрос (анкетирование). В исследовании приняли участие 308 учащихся 7–10 классов общеобразовательных школ № 1, 18, 24 и в Специализированного учебного научного центра (СУНЦ) г. Ростова-на-Дону, Россия, в возрасте 14–17 лет, из них 183 женского и 125 мужского пола. Применялись следующие методики: 1) «Саморегуляция и успешность межличностного общения» В. Н. Куницыной; 2) методика изучения исследовательского потенциала и оценки его развития; 3) диагностика структуры учебной мотивации школьника М. В. Матюхиной; 4) диагностика личностной креативности Е. Е. Туник; 5) тест смысложизненных ориентаций

(СЖО) Д. А. Леонтьева. Для определения школьников, активно занимающихся исследовательской деятельностью, разработана специальная анкета «Образовательные потребности исследователей-юниоров». На основе результатов анкетирования все участники исследования были разделены на две условные группы: 1) школьники, увлеченные исследовательской деятельностью и активно в нее включенные ($n = 146$); 2) школьники, не ориентированные на исследовательскую деятельность и не включенные в нее ($n = 162$). Для статистической обработки данных применялся пакет компьютерных программ IBM SPSS Statistics и программа R. Применялись дескриптивный, сравнительный, корреляционный и линейный регрессионный анализы.

Результаты. Школьники, ориентированные на исследовательскую деятельность и включенные в нее, отличаются от обучающихся, ориентированных на другие виды деятельности, доминирующими мотивами поведения, а также личностными характеристиками (креативностью, коммуникативными характеристиками). Для таких обучающихся характерно доминирование исследовательской мотивации. Они отличаются высокой осмысленностью жизни, ее направленностью, воспринимают саму жизнь как наполненную смыслом, интересную, эмоционально насыщенную. Обучающиеся, включенные в исследовательскую деятельность, отличаются более высоким уровнем исследовательского потенциала, склонны выбирать партнерский стиль в общении, испытывают меньше затруднений в коммуникации, способны к саморегуляции и влиянию на партнера во время общения, проявляют более выраженную мотивацию к познавательной деятельности и усвоению способов самостоятельного приобретения знаний, обладают более выраженной осмысленностью жизни, удовлетворенностью результатами своей деятельности и наличием целей в будущем. Также выявлено, что на уровень исследовательского потенциала оказывают положительное влияние такие показатели, как сложность задачи, умение влиять на партнера в общении, стремление достигать целей в обучении, познавательный мотив учебной деятельности, тогда как самокритичность оказывает негативный эффект. На когнитивный компонент исследовательского потенциала положительно влияют слож-

ность задачи и познавательный мотив, на мотивационный — мотив достижения, сложность задачи, познавательный мотив и эффект взаимодействия мотива достижения и сложности задачи. На поведенческий компонент исследовательского потенциала оказывают положительное влияние такие показатели, как умение оказывать влияние на партнера в общении, мотив приобретения способов самостоятельного добывания знаний, а негативное влияние имеют факторы фрустрации в общении и самокритичности.

Заключение. В результате проведенного исследования составлен психологический портрет школьников, увлеченных исследовательской деятельностью и активно в нее включенных. Для них характерна активная жизненная позиция, ответственность за себя и свою жизнь, высокий уровень саморегуляции, высокий уровень любознательности, свобода в принятии решений и воплощении их в жизнь. Показано, что исследователи-юниоры мотивированы в учебной деятельности на достижение успеха. Результаты исследования получили применение в общеобразовательных учреждениях различных и типов г. Ростова-на-Дону и могут рассматриваться как научно-практический материал для организации эффективного образовательного процесса, направленного на подготовку юных исследователей.

Библиографические ссылки

1. Исследовательский потенциал студента: содержание конструкта и методика его оценки / Н. В. Бордовская и др. // Псих. журнал. 2017. Т. 38, № 2. С. 89–103.
2. Мотивация молодых ученых к научно-исследовательской деятельности в российских региональных вузах / Р. А. Долженко, В. А. Карпилянский, Р. А. Хади и др. // Образование и наука. 2019. № 21(9). С. 122–153.
3. Куцазли М. И. Исследование особенностей самореализации молодых ученых // Международ. науч.-исслед. журнал. 2016. Т. 53, № 11–5.
4. Научно-исследовательская деятельность как средство развития творческих способностей и одаренности учащихся. Обобщение опыта / Н. А. Блохина, Т. В. Леонидова, Г. В. Паксюткина и др. // Психология творчества и одаренности : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с международ.

участием, 15–17 ноября 2021 г. : в 3-х ч. / под ред. Д. Б. Богоявленской. М. : Ассоциация тех. ун-тов, 2021. Ч. 1. С. 245–249.

5. Обухов А. С. «Видеть цель, верить в себя и не замечать препятствий»: исследовательская деятельность как путь развития творчества и одаренности // Психология творчества и одаренности : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с международ. участием, 15–17 ноября 2021 г. : в 3-х ч. / под ред. Д. Б. Богоявленской. М. : Ассоциация тех. ун-тов, 2021. Ч. 1. С. 260–264.

ИЗУЧЕНИЕ НЕЙРОЭФФЕКТИВНОСТИ НА ПРИМЕРЕ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ «ИМПУЛЬСИВНОСТЬ — РЕФЛЕКСИВНОСТЬ»

Была проанализирована нейроэффективность когнитивной деятельности на примере когнитивных стилей «импульсивность — рефлексивность» по тесту «Сравнение сходных фигур» Дж. Кагана. Сам конструкт *нейроэффективность* рассматривался в терминах Р. Дж. Хайера и оценивался с помощью анализа спектра мощности основных ритмов ЭЭГ (в данном исследовании рассматривались тета, альфа, бета1 и бета2 ритмы). Показано, что во всех отведениях, в независимости от диапазона частот, наименьшие значения спектра мощности наблюдаются у рефлексивных респондентов, а наибольшие у импульсивных.

Ключевые слова: нейроэффективность, когнитивные стили, «импульсивность — рефлексивность», спектр мощности ЭЭГ, частотный анализ ЭЭГ.

Denis A. Dokuchaev

*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia*

STUDYING NEUROEFFICIENCY ON THE EXAMPLE OF COGNITIVE STYLES “IMPULSIVE-REFLEXIVE”

The neuroefficiency of cognitive activity was analyzed on the example of cognitive styles “Impulsivity-Reflexivity” according to the test “Comparison of similar figures” by J. Kagan. The Neuroefficiency construct itself was considered in terms of R. J. Hyer and was assessed by analyzing the power spectrum of the main EEG rhythms (in this study, theta, alpha, beta1 and beta2 rhythms were considered). It is shown that in all leads, regardless of the

frequency range, the smallest values of the power spectrum are observed in reflexive respondents, and the largest in impulsive ones.

Keywords: Neuroefficiency, Cognitive styles, Impulsivity-Reflexivity, EEG power spectrum, EEG frequency analysis.

Введение. Нейроэффективность — конструкт, предложенный Р. Дж. Хайером и коллегами, определяется как о более эффективное использование коры (или даже головного мозга) у людей с высоким интеллектом по сравнению с людьми с низким интеллектом [1].

Также в дифференциальной психологии важным конструктом являются когнитивные стили индивидуальности человека, в особенности когнитивные стили «импульсивность и рефлексивность», предложенные Дж. Каганом [2; 3]. Эти когнитивные стили рассматриваются как биполярный конструкт, на одном полюсе которого — импульсивность, на другом — рефлексивность. Характеристика этих стилей наиболее ярко проявляется в условиях сложного выбора из некоторого множества альтернатив. Импульсивные испытуемые быстро реагируют, при этом гипотезы выдвигаются без анализа всех возможных альтернатив. Для рефлексивных испытуемых характерен замедленный темп реагирования в подобной ситуации, гипотезы проверяются и многократно уточняются, решение принимается на основе тщательного предварительного анализа признаков альтернативных объектов. М. А. Холодная предложила перейти от понимания когнитивного стиля как биполярного измерения к пониманию его как многомерного конструкта: когнитивный стиль «импульсивность — рефлексивность» расщепляется на «быстрых/точных», «быстрых/неточных» (импульсивных), «медленных/неточных» и «медленных/точных» (рефлексивных) [4].

В данной работе будут рассмотрены психофизиологические особенности когнитивных стилей «импульсивность — рефлексивность» с точки зрения нейроэффективности когнитивной деятельности.

Материалы и методы. Тест «Сравнение сходных фигур», проводимый на персональном компьютере с помощью программы InTesting [5].

Оборудование: электроэнцефалограф Encerphalan-EEGR-19/26 Medicom MTD (европейский сертификат CE 538571 Британского института стандартов, BSI). Для оценки биоэлектрической актив-

ности головного мозга использовался параметр «спектр мощности ЭЭГ», разделенный на основные ритмы (альфа, бета1, бета2, тета).

Сеанс ЭЭГ начинался с установки и проверки сопротивления электродов. Использовалась международная схема фиксации электродов 10–20. Электрод заземления располагался на лбу, а референтные электроды — на левой и правой мочках уха. Проводилась двухминутная запись ЭЭГ в состоянии покоя (глаза закрыты, глаза открыты) и после этого, респонденты приступали к решению теста Кагана на персональном компьютере.

В исследовании принял участие 201 респондент (101 юноша, 100 девушек), средний возраст 15 лет ($\pm 2,6$ лет).

Статистическая обработка эмпирических данных включала описательную статистику необработанных данных (среднее значение, стандартное отклонение, асимметрия и эксцесс). В результате анализа данные соответствовали нормальному распределению. Было проведено апостериорное сравнения с поправками Бонферрони.

Результаты. С помощью иерархического кластерного анализа, выборка была разделена на три кластера: импульсивные (быстрые-неточные) и рефлексивными (медленные-точные) и промежуточная группа. Деление на четыре полюса (быстрые/неточные, быстрые/точные, медленные/неточные, медленные/точные), для данной выборки оказалось невозможным, так как в данной выборке отсутствовали медленные/неточные.

Среднее время, затраченное на поиск одного схожего изображения у импульсивных, составило 11 секунд (F-критерий Фишера = 174,409; $p = 0,000$), среднее количество неправильных выборов — 41 (F = 145,826 $p = 0,000$). У рефлексивных респондентов, среднее время поиска — 52 секунды, а количество ошибок в среднем 7,71. В промежуточной группе — 19,5 и 20, соответственно.

Значимые различия между тремя группами выявлены в альфа- и бета1-диапазоне. Больше всего различий выявлено вновь в диапазоне альфа ритма (5), в то время как в бета1–3.

В альфа-диапазоне достоверные различия выявлены в лобном (Fz (F = 3,422, $p = 0,035$)), лобно-теменном (FC4 (F = 3,294, $p = 0,039$)) и теменных (Cz (F = 3,058, $p = 0,049$), CP3 (F = 3,194, $p = 0,043$), CPz (F = 3,208, $p = 0,043$)) областях, а в бета1 — затылоч-

ном (Oz ($F = 3,122, p = 0,046$)) и теменных ($P4$ ($F = 3,191, p = 0,043$), Cz ($F = 3,107, p = 0,047$)).

Во всех отведениях, в независимости от диапазона частот, наименьшие значения спектра мощности наблюдаются у рефлексивных респондентов, а наибольшие — у импульсивных.

Альфа-ритм классически обозначается ритмом «холостого хода» и связан с активностью постоянно работающей нейронной сетью головного мозга (DMN), связывающая между собой все доли коры и подкорковые структуры друг с другом.

Бета1-ритм является ритмом активной работы головного мозга. Его частота прямо связана с когнитивной нагрузкой. Меньшее количество проекционных полей, по сравнению с альфа-ритмом, возможно, связано с невысокой сложностью данных заданий для респондентов. Этим же можно объяснить отсутствие достоверных различий в бета2-диапазоне.

Разнообразие областей коры головного мозга со статистически достоверными различиями спектра мощности в отведениях ЭЭГ связано с многогранностью теста «Сравнение сходных фигур».

Заключение. Для конструкта нейроэффективность, по Хайеру, характерна более высокая скорость выполнения когнитивных задач, чего не было получено в нашем исследовании. Дальнейшее изучение данного парадокса может пролить свет на само понятие нейроэффективность и на природу когнитивных стилей.

Библиографические ссылки

1. Cortical glucose metabolic rate correlates of abstract reasoning and attention studied with positron emission tomography / R. J. Haier, Jr. B. V. Siegel, K. H. Nuechterlein et al. // *Intelligence*. 1988. № 12. P. 199–217. DOI: 10.1016/0160-2896(88)90016-5
2. Kagan J. Reflection-impulsivity and reading ability in primary grade children // *Child Devel*. 1965. Vol. 36. P. 609–628.
3. Kagan J. Reflection-impulsivity: the generality of dynamics of conceptual tempo // *Journal of Abnormal Psychology*. 1966. Vol. 71. P. 17–24.
4. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб., 2004. 384 с.
5. Волкова Е. В., Ниловец М. Н. InTesting, № 2016661340 от 06.10.2016.

О. И. Дорогина

Е. В. Хлыстова

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОГРАММЫ ПОВЫШЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

В работе проверялась эффективность программы, направленной на повышение субъективного благополучия пожилых людей. В исследовании приняли участие 55 человек в возрасте от 60 до 89 лет. Оценивались уровень субъективного благополучия, депрессии, уровень тревожности, субъективный уровень одиночества и артериальное давление. Результаты показали, что участники программы значительно повысили уровень своего субъективного благополучия и снизили уровень тревожности, субъективного одиночества и артериального давления. Уровень субъективного благополучия у пожилых людей способствует построению личных ресурсов и участие в проектах, которые приближают их к активной и здоровой старости.

Ключевые слова: психологическое благополучие, позитивная психология, успешное старение, позитивные эмоции.

Olga I. Dorogina

Elena V. Khlystova

*Ural Federal University named
after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia*

RESULTS OF THE PROGRAM FOR IMPROVING THE SUBJECTIVE WELL-BEING OF THE OLDER PEOPLE

The work tested the effectiveness of a program aimed at improving the subjective well-being of older people. The study involved 55 people aged 60 to 89 years. The level of subjective well-being, depression, anxiety level, subjective level of loneliness and blood pressure were assessed. The results

showed that program participants significantly improved their subjective well-being and reduced levels of anxiety, subjective loneliness, and blood pressure. The level of subjective well-being in older people contributes to the construction of personal resources and participation in projects that bring them closer to an active and healthy old age.

Keywords: psychological wellbeing, positive psychology, successful ageing, positive emotions.

Введение. Период старения является одним из важных этапов жизненного пути человека и его онтогенеза. Проблема приспособления человека к инволюционным процессам, происходящим в его организме, является в настоящее время одной из самых актуальных не только для психологической науки, но и для общества в целом. Подавляющее количество граждан психологически не подготовлены к своему новому возрастному статусу. Процессы их адаптации к новой ситуации развития в контексте данного возрастного периода снижены, что показывает всю остроту проблемы. В работе с людьми поздних возрастов необходимо применять специфические методы, которые отражали бы характерную для данного периода онтогенеза структуру эмоциональных переживаний. В настоящее время ощущается дефицит психологических работ, направленных на разработку подобных методов [1]. В связи с чем нами была разработана программа, направленная на повышение субъективного благополучия пожилых людей.

Материалы и методы. Во время проведения процедуры первичного психодиагностического исследования выявлялась необходимость проведения программы, направленной на повышение субъективного благополучия пожилых людей, проживающих в специализированном учреждении стационарного типа. Для практической реализации программы и проверки ее эффективности группа была разделена, на основе выявленных в ходе психодиагностики результатов, на группу с низким уровнем субъективного благополучия и средним уровнем субъективного благополучия, а также, безусловно, на основе личного желание самих пожилых людей. При разработке программы были частично использованы материалы Н. Ю. Хрящевой, С. И. Макшанова [2].

Применялись следующие методики: методика психологического благополучия К. Рифф в адаптации Т. Д. Шеленкова, П. П. Фесенко; шкала субъективного ощущения одиночества (UCLA Loneliness Scale) — тест-опросник для определения уровня одиночества и социальной изоляции человека; методика Дембо — Рубинштейн; шкала реактивной (ситуативной) и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера — Ю. Л. Ханина, а также беседа, использовавшаяся на первых этапах исследования. Беседа с пожилыми людьми велась для определения динамики и характере взаимоотношений и помогала выявить трудности, с которыми сталкивается пожилой человек, измерялось артериальное давление.

Результаты. Основной формой помощи стала программа, направленная на повышение субъективного благополучия пожилых людей. Для проверки гипотезы об эффективности предлагаемой программы применялся квазиэкспериментальный план с контрольной группой. Другими словами, мы ставили перед собой задачу проверки того, насколько предлагаемая программа способствует повышению субъективного уровня благополучия пожилых людей. Для реализации данной задачи нами была введена контрольная группа, не участвовавшая в нашей программе. Для проверки статистической достоверности сдвигов под влиянием программы, мы использовали Т-критерий Вилкоксона. Анализ результатов эмпирической проверки эффективности программы, направленной на повышение субъективного благополучия пожилых людей, показал статистически значимые изменения в сторону снижения уровня субъективного одиночества (на 39 % при $p < 0,01$) и в сторону уменьшения по показателю тревожности (на 26 % при $<0,01$) и снижение уровня артериального давления (20 % при $< 0,01$). По остальным показателям сдвиги не носят статистически значимого характера.

Заключение. Полученные результаты свидетельствуют о снижении уровня субъективного одиночества, тревожности и артериального давления у пожилых людей, проживающих в специализированных учреждениях. Полученные числовые результаты свидетельствуют об изменении в сторону повышения показателей психологического благополучия.

Это говорит о достаточной степени эффективности разработанной программы тренинга, что позволяет использовать ее в работе с пожилыми людьми.

Библиографические ссылки

1. *Ермолаева М. В.* Методы психологической регуляции эмоциональных переживаний в старости // Психология зрелости и старения. 1999. № 1 (5). С. 22–48.
2. *Хрящева Н. Ю., Макшанов С. И., Сидоренко Е. В.* Психогимнастика в тренинге / под ред. Н. Ю. Хрящевой. СПб. : Речь. Институт Тренинга, 2001. 256 с.

В. Б. Дорохов

*Институт высшей нервной деятельности
и нейрофизиологии РАН
Россия, Москва*

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ИНСТРУКЦИИ ИЗ ПАМЯТИ ВО СНЕ ВЫЗЫВАЕТ ПРОБУЖДЕНИЕ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НАРУШЕННОЙ ЗАСЫПАНИЕМ: ГИПОТЕЗА*

Предложена гипотеза о возможном механизме участия рабочей памяти в пробуждении и восстановлении операторской деятельности после кратковременных эпизодов засыпания, вызываемых монотонным характером деятельности. Мы предполагаем, что инструкция о необходимости выполнении задания сохраняется в активном состоянии при засыпании в буфере рабочей памяти, и ее извлечение во время сна вызывает пробуждение оператора и быстрое восстановление нарушенной деятельности. Физиологическим маркером момента активации нейрональных сетей мозга, обеспечивающих реализацию инструкции, является возникновение высокоамплитудного паттерна сна: К-комплекса.

Ключевые слова: воспроизведения инструкции из памяти, рабочая память, сон, психомоторный тест, спонтанное пробуждение, К-комплекс.

Vladimir B. Dorokhov

*Institute of Higher Nervous Activity &
Neurophysiology of RAS,
Moscow, Russia*

MEMORY RETRIEVAL IN SLEEP CAUSES AWAKENING AND RECOVERY OF PERFORMANCE: HYPOTHESIS

A hypothesis that working memory participates in spontaneous awakening after short-term sleep episodes during monotonous operator activity is proposed. It is suggested that during short sleep episodes the instruction about

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-0176.9.

operator's task stored in working memory could be retrieved, causing the operator to wake up and quickly restore the disturbed activity. We suppose that K-complex, high-amplitude sleep pattern could mark physiological activation of brain neural networks and make the instruction's implementation possible.

Keywords: memory retrieval, working memory, sleep, psychomotor test, spontaneous awakening, K-complex.

Введение. При выполнении монотонной операторской деятельности (вождение автомобиля, электровоза; диспетчера аэропортов и т. д.) довольно часто возникают кратковременные эпизоды «микросна», которые сопровождаются ошибками в деятельности и кратковременной потерей сознания, что являются причиной аварий на транспорте и производстве. Полагают, что причиной снижения уровня бодрствования и засыпания является переключения внимания от монотонной деятельности на собственные мысли (провалы внимания, блуждание ума), что часто рассматривается как вторжение локального сна в бодрствующее состояние [1]. При монотонной операторской деятельности не требующей быстрого реагирования, например у машинистов электровозов, возможны более длительные эпизоды засыпания (до десятков минут). Мы предполагаем, что быстрое возобновление операторской деятельности после эпизодов сна, обусловлено сохранением во время сна инструкции о выполняемой деятельности в буфере рабочей памяти. Считается, что особенность рабочей памяти состоит не только во временном удержании информации в буфере памяти, но и в способности этой информации направлять поведение, основанное на внутренних целях [2]. В случае оператора пробуждения после кратковременного эпизода сна не является спонтанным процессом, а обусловлено активацией инструкции в рабочей памяти, связанной с необходимостью выполнения операторской деятельности. Предлагаемая нами гипотеза подразумевает участие сна не только в процессах консолидации и реконсолидации памяти [3], но также в процессах воспроизведения информации из рабочей памяти во время сна, что вызывает пробуждение для дальнейшего ее использования в бодрствующем состоянии. Рассмотрим аргументы в пользу предлагаемой нами гипотезы. Реконсолидация памяти во время

сна, обеспечивается спонтанной реактивацией памяти во время сна, что означает наличие процесса воспроизведения информации с ее последующей перезаписью. Недавно разработанная методика «целевой реактивации памяти» (targeted memory reactivation) позволяет экспериментально вызывать и усиливать этот процесс, путем предъявления во сне слуховых или запаховых стимулов, ассоциированных во время бодрствования с запоминаемой информацией [4]. Известный феномен утреннего пробуждения в заранее определенное время демонстрирует реализацию инструкции во сне, предварительно сформулированной в бодрствовании [5]. Процесс извлечение информации из памяти во время сна имеет место при построении сюжета сновидений [3], что при кошмарных сновидениях вызывает пробуждение.

Материалы и методы. Для проверки предлагаемой гипотезы мы использовали психомоторный тест, разработанный ранее [6], с выполнением непрерывной психомоторной деятельности. Этот тест выполняется лежа с закрытыми глазами и состоит из чередования серий счета «про себя» от 1 до 10 с одновременными нажатиями на кнопку, попеременно двумя руками. Монотонное выполнение психомоторного теста вызывает снижение уровня бодрствования и появление в течение 1 часа нескольких эпизодов короткого сна («микросна») длительностью более 1 минуты с последующим пробуждением. Во время эпизодов «микросна» нажатия прекращаются и возникает ЭЭГ активность, характерная для 2-й и 3-й стадий сна.

Результаты. Нами показано, что спонтанному восстановлению психомоторной теста после эпизодов «микросна» предшествует появление К-комплексов, высокоамплитудных ЭЭГ паттернов, характерных для 2-й стадии сна [6]. Статистический анализ показал достоверное увеличение вероятности появления К-комплекса перед моментом пробуждения [7]. Причем конфигурация этих К-комплексов, предшествующих пробуждению, отличалась от фоновых, на нисходящей медленной волне таких К-комплексов наблюдалась высокочастотная ЭЭГ активность с последующим альфа-ритмом.

Заключение. Известно, что К-комплекс имеет двойственную функцию: с одной стороны, он подавляет пробуждение на незначимые раздражители, а с другой — создает «окна бодрствования»

во сне, что позволяют просыпаться при появлении сигналов опасности. Показано, что К-комплексы могут возникать под воздействием не только внешних, но и внутренних стимулов. Результаты наших экспериментов и данных литературы позволили сформулировать гипотезу, что пробуждение и восстановление выполнения психомоторного теста после эпизодов «микросна» не является «спонтанным», а инициируется извлечением инструкции из рабочей памяти [6]. На физиологическом уровне маркером извлечения инструкции является появление К-комплекса, который вызывает пробуждение и интеграцию нейрональных ансамблей мозга для получения доступа инструкции о выполнении теста к исполнительным системам мозга. И наконец, начало нажатий на кнопку связано с активацией сознания, необходимого для поведенческой реализации инструкции «считай и нажимай».

Библиографические ссылки

1. Does the Mind Wander When the Brain Takes a Break? Local Sleep in Wakefulness, Attentional Lapses and Mind-Wandering / T. Andrillon et al. // *Front Neurosci.* 2019. № 13. Sep. P. 949.
2. *Baddeley A. D. Working memory, thought and action.* Oxford: Oxford University Press, 2007.
3. *Rasch B., Born J. About sleep's role in memory // Physiol Rev.* 2013. Apr. № 93(2). P. 681–766.
4. Mechanisms of Memory Retrieval in Slow-Wave Sleep / S. A. Cairney et al. // *Sleep.* Sep. 2017. № 1. P. 40(9).
5. Sleep and psychological characteristics in habitual self-awakeners and forced awakeners / F. Malloggi et al. // *Chronobiology International.* 2022. № 39(4). P. 547–556.
6. *Dorokhov V.B. Alpha-bursts and K-complex: phasic activation pattern during spontaneous recovery of correct psychomotor performance at difference stages of drowsiness // Zh. Vyssh. Nerv. Deiat Im. I. P. Pavlova.* 2003. № 53(4). P. 503–512.
7. Neuronal Correlates of Spontaneous Awakening and Recovery of Psychomotor Performance / V. B. Dorokhov et al. // *Advances in Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics.* Intercognsci 2020. eds. B. M. Velichkovsky, P. M. Balaban, V. L. Ushakov. *Advances in Intelligent Systems and Computing.* 2021. Vol. 1358. Springer, Cham.

А. А. Дьячук

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева
Красноярск, Россия*

ОСОБЕННОСТИ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ПОЗИТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Анализируются способы совладающего поведения как показатели позитивного функционирования студентов в новых условиях обучения. Эмпирически выделяются группы с разным уровнем функционирования через соотношение самочувствия, вовлеченности в учебную деятельность и субъективной оценки результативности в ней. Устанавливаются предпочитаемые копинг-стратегии для выделенных уровней функционирования студентов в учебной деятельности.

Ключевые слова: самочувствие, копинг-стратегии, позитивное функционирование, переживание, успешность.

Anna A. Dyachuk

*Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V. P. Astafiev,
Krasnoyarsk, Russia*

DIFFERENCES IN COPING STRATEGIES OF STUDENTS WITH DIFFERENT LEVEL OF POSITIVE FUNCTIONING

The author analyzes the ways of coping behavior as indicators of the positive functioning of students in a new learning situation. Groups with different levels of functioning are empirically distinguished through the ratio of well-being, involvement in educational activities and subjective academic performance. The coping strategies chosen are correlated with the levels of functioning of students in educational activities.

Keywords: positive functioning, coping-strategy, well-being, experiences, success.

Введение. Новая реальность обучения, связанная с вынужденным массовым переходом к информационно-коммуникационным технологиям в условиях пандемии COVID-19, актуализировала вопросы совладающего поведения, ресурсов позитивного функционирования. Успешность функционирования в разных сферах рассматривается как активность личности, направленная на поиск возможностей преодоления затруднений в самореализации, использование имеющихся ресурсов для снижения негативных эффектов неблагоприятных условий, проектирования вариантов решения задач сегодняшнего дня и формирования предпосылок движения вперед [1]. Позитивное функционирование может быть описано через удовлетворенность жизнью в целом или отдельных сферах и отсутствием негативных эмоциональных состояний как механизм обратной связи о достижении цели, замыслов [2]. Успешность функционирования в новых условиях обучения мы связываем с совладающим поведением, результатом которого может быть как проектирование вариантов собственного развития, так и обращение к деструктивным способам, несущим угрозу устойчивому существованию.

Материалы и методы. В проводимом в январе-феврале 2021 г. исследовании приняло участие 1962 студентов в возрасте 17–26 лет ($M = 20,6$, $SD = 1,9$), осуществляющих подготовку по социальным профессиям. Для выявления особенностей функционирования в период вынужденного удаленного обучения изучались: состояние студентов с помощью «Шкал состояний» и шкалы ситуативной тревожности Спилбергера — Ханина, успешность в учебной деятельности как соотношение субъективной оценки динамики результатов обучения и переживаний в учебной деятельности, характеризующие мотивацию, связанную с вовлеченностью в данную деятельность («Диагностика переживаний в деятельности» Д. А. Леонтьева). С помощью опросников COPE в адаптации Е. И. Рассказовой и др. и «Проактивный копинг» в адаптации Е. П. Белинской, А. В. Вечерина определялись копинг-стратегии.

Результаты. Методом кластеризации k средних были выделены четыре группы, отличающихся соотношением переживания удовольствия, смысла и пустоты в учебной деятельности, оценкой

ухудшения/улучшения результативности в учебе, самочувствия, ситуативной тревожности. Первая группа (13,2 %) характеризуется преобладанием переживания пустоты, субъективной оценкой снижения успеваемости, преобладанием плохого и пониженного самочувствия и высокой ситуативной тревожностью, не справляется с трудностями и характеризуется низким уровнем позитивного функционирования в условиях вынужденного обучения. Во вторую группу (36,2 %) вошли студенты с преобладанием переживания пустоты над удовольствием и смыслом, оценивающие свою успеваемость как не изменившуюся или улучшившуюся. В данной группе самочувствие пониженное, высокий уровень ситуативной тревожности, что характеризует стремление сохранить академические результаты при переживании отчуждения, подавленности. Третью группу (24,9 %) составили студенты с преобладанием переживания удовольствия в учебной деятельности в соотношении с неизменной либо ухудшившейся успеваемостью, пониженным самочувствием и средним уровнем тревожности, что характеризует ее как ищущую возможности, но испытывающую затруднения в обеспечении результатов учебной деятельности. В четвертой группе (25,7 %) преобладает удовольствие и смысл в учебной деятельности, улучшение успеваемости в учебе, более хорошее самочувствие и меньшая выраженность ситуативной тревожности, что может характеризовать высокий уровень позитивного функционирования. Сопоставление копинг-стратегий выделенных групп с помощью критерия Краскала — Уоллиса выявило значимые различия практически по всем рассматриваемым копинг-стратегиям, кроме использования инструментальной и эмоциональной социальной поддержки, концентрации на негативных эмоциях, юмора. Выделяются линейные тенденции относительно уровней функционирования: частота обращения к стратегии совладания уменьшалась или увеличивалась при повышении уровня позитивного функционирования. Для более высоких уровней функционирования (третья и четвертая группа) преобладает частое обращение к проблемно-ориентированным и проактивным копингам, принятию, позитивному переформулированию и личностному росту, реже — обращение к поведенческому уходу, отрицанию произошедшего, воздержанию

от импульсивных действий, использованию алкоголя, лекарств для улучшения самочувствия. При оценке обращения к предлагаемым стратегиям мог повлиять фактор социальной желательности, ответы студентов были стандартизированы, что позволило выделить по средневзвешенному показателю иерархию копинг-стратегий. В группе, не справляющихся с трудностями, наибольший вес имеет поведенческий уход от проблемы, обращение к успокоительным для снятия напряжения, сдерживание от активных действий, чтобы не ухудшить ситуацию, отрицанию. Наименьший вес имеют активные действия и планирование, поиск позитивных сторон в ситуации. В группе, пытающейся сохранить прежние академические результаты, но переживающие отчуждение, наибольший вес имеет обращение к успокоительным, поведенческий уход от проблемы, сдерживание от импульсивных действий, обращение к религии, концентрация на эмоциях, их активное выражение. Наименьший вес — у проактивных стратегий совладания и поиска позитивного в ситуации. В группе, ищущей возможности, более высокий вес имеет позитивное переформулирование и личностный рост, планирование и рефлексивное совладание, направленное на представление возможных вариантов поведения. Меньший вес имеют стратегии поведенческого ухода, обращение к алкоголю и лекарствам, отрицание и юмор. В четвертой группе наибольший вес представлен у проблемно-ориентированных и проактивных копингов, наименьший — отрицание, поведенческий уход и обращение к успокоительным для повышения самочувствия.

Заключение. Позитивное функционирование студентов в условиях вынужденного дистанционного обучения может быть описано через соотношение мотивации, связанной с вовлеченностью в учебную деятельность, и результативностью, проявляющееся в самочувствии, функциональном состоянии. Сопоставление репертуара копинг-стратегий студентов с разным уровнем функционирования показало, что на более высоких уровнях преобладает обращение к активному совладанию и планированию, проактивным копингам, поиску позитивного в трудной ситуации. Студентам с более низкими уровнями характерны пассивные действия, обращение к различным средствам для улучшения своего само-

чувствия, стремление получить положительные эмоции помимо действий, что предполагает определение мер поддержки и направлений психолого-педагогического сопровождения студентов в ситуации неопределенности.

Библиографические ссылки

1. *Леонтьев Д. А.* Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 14–37. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.02.

2. *Головей Л. А., Стрижицкая О. Ю., Кriuлина А. В.* Позитивное функционирование личности в пожилом возрасте: комплексный подход // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 36. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.05.2022).

В. А. Егорова

Л. А. Дикая

Е. А. Мелешенко

Академия психологии и педагогики,

Южный федеральный университет

Ростов-на-Дону, Россия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ПОВЫШЕНИЮ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОТЕНЦИАЛА У ОБУЧАЮЩИХСЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

В работе представлено изучение психологических факторов, которые могут способствовать повышению вероятности обладания обучающимися общеобразовательных учреждений высокого уровня исследовательского потенциала. Исходя из полученных результатов, было обнаружено, что познавательный мотив, склонность к риску, воображение и саморегуляция повышают вероятность обучающегося быть в группе с высоким уровнем исследовательского потенциала, тогда как самокритичность данную вероятность снижает.

Ключевые слова: исследовательский потенциал, креативность, учебная мотивация.

Valeria A. Egorova

Liudmila A. Dikaya

Evgeniy A. Meleshchenko

Academy of Psychology and Educational Sciences,

Southern Federal University

Rostov-on-Don, Russia

PSYCHOLOGICAL FACTORS CONTRIBUTING TO AN INCREASE IN THE RESEARCH POTENTIAL AMONG STUDENTS IN SCHOOLS

The paper presents a study of psychological factors that can increase the likelihood of students having a high level of research potential. Based on the results obtained, it was found that the cognitive motivation, risky behavior in communication, imagination and self-regulation increases

the likelihood of a student to be in a group with a high level of research potential, while self-criticism reduces this probability.

Keywords: research potential, creativity, learning motivation.

Введение. В современном мире для построения успешной исследовательской деятельности ученому помимо специальных знаний и умений необходимо обладать также и определенным внутренним ресурсом — исследовательским потенциалом. Данный термин введен в психологическую науку относительно недавно. При его определении мы придерживаемся взглядов Е. В. Берестневой, которая под исследовательским потенциалом понимает интегральную характеристику внутренних и приобретенных в процессе образования ресурсов человека, достаточных для овладения им требованиями к исследовательской деятельности и ее успешного самостоятельного осуществления [1, с. 4151].

В наши дни изучение исследовательского потенциала активно проводится учеными в отношении обучающихся бакалавриата и магистратуры. С появлением специализированных учебных научных центров (СУНЦ), готовящих будущих научных кадров, а также более широкой практики включения исследовательской деятельности в учебный процесс в общеобразовательных учреждениях возникает вопрос формирования исследовательского потенциала и его взаимосвязи с другими психологическими характеристиками у новой группы молодых ученых — исследователей-юниоров.

Таким образом, основной исследовательский вопрос данной работы: какие психологические характеристики обучающегося способствует повышению или снижению вероятности наличия у него высокого исследовательского потенциала?

Материалы и методы. В исследовании используются материалы, собранные на выборке из 308 обучающихся (12–17 лет) четырех общеобразовательных школ г. Ростова-на-Дону и СУНЦ ЮФО. Сбор данных проходил в три этапа, на каждом этапе обучающимся были представлены анкета и набор психологических методик. В исследовании использовались следующие методики: методика диагностики структуры учебной мотивации школьника М. В. Матюхиной [2], «Саморегуляция и успешность межличностного обще-

ния» В. Н. Куницыной [3], методика изучения исследовательского потенциала и оценки его развития у студентов (адаптированная) [4], диагностика личностной креативности Е. Е. Туник [5], авторская анкета «Образовательные потребности исследователей-юниоров».

При выборе метода анализа данных мы исходили из гипотезы о существовании психологических факторов, влияющих на уровень исследовательского потенциала у обучающихся. Для такого рода анализа мы использовали логистическую регрессию, где в качестве зависимой переменной Y выступал исследовательский потенциал и его компоненты, а независимыми переменными выступали изучаемые нами и перечисленные выше личностные характеристики.

Результаты. В ходе исследования были составлены модели, в каждой из которых объясняемой переменной была принадлежность к группе с высоким исследовательским потенциалом или к группе с низким и средним исследовательским потенциалом, а в роле объясняющих переменных выступали показатели тех шкал, которые статистически значимо различались у вышеозначенных групп. Таким образом нами была составлена логистическая модель, объясняющая какие факторы могут влиять на вероятность попадания в ту или иную группу. В работе представлена модель, обладающая наибольшей объясняющей силой.

Зависимой переменной в данной логистической модели выступала бинарная переменная, отражающая принадлежность к группе с высоким или низким и средним исследовательским потенциалом. Независимыми переменными были познавательный мотив ($\beta = 0,63$), склонность к риску ($\beta = 0,52$), воображение ($\beta = 0,41$), саморегуляция ($\beta = 0,73$) и самокритичность ($\beta = -0,54$). Все значения бета независимых переменных были значимы на уровне 0,05 и менее. Псевдо- R^2 модели — 0,22.

Исходя из результатов модели, мы можем увидеть, что при повышении на одно стандартное отклонение таких показателей, как склонность к риску, саморегуляция в общении, познавательный мотива к обучению в школе, воображение, повышается вероятность обучающегося быть в группе с высоким исследовательским потенциалом. Наиболее значимо эта вероятность повышается при увеличении на одно стандартное отклонение саморегуляции в обще-

нии — на 12 % и познавательного мотива — на 10 %, в то время как при повышении самокритичности на то же значение вероятность снижается на 9 %.

Таким образом, обучающиеся, которые демонстрируют выраженную способность к регуляции своих эмоций в общении, делают акцент на содержательную часть знаний и способы их овладения, выделяют в получаемом материале ключевые аспекты, и в то же время не делают акцент на совершаемые ими ошибки, с большей вероятностью будут обладать высоким исследовательским потенциалом.

Заключение. В результате исследования было обнаружено, что выраженность таких психологических характеристик, как саморегуляция, склонность к риску, познавательный мотив в обучении и воображение, могут повышать вероятность наличия высокого исследовательского потенциала у обучающихся.

Библиографические ссылки

1. Берестнева Е. В. Проблемы оценки исследовательского потенциала // *Фундамент. исследования.* 2015. № 2–19. С. 4151–4153.
2. Бадмаева Н. Ц. Матюхина М. В. Изучение мотивационной сферы учащихся // *Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей : монография.* Улан-Удэ, 2004. С. 139–141.
3. Куницына В. Н. Тест «Саморегуляция и успешность межличностного общения» (СУМО) // *Психология общения : энциклопед. словарь.* 2011. С. 524–525.
4. Деятельностный подход к изучению исследовательского потенциала студента / Н. В. Бордовская, С. Н. Костромина, С. И. Розум и др. // *Международ. журнал эксперимент. образования.* 2012. № 1. С. 81–87.
5. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погорьша В. М. *Межличностное общение : учебник для вузов.* СПб. : Питер, 2001. 544 с.

**О. А. Екимчик
Д. Р. Жеронкина**

*Костромской государственный университет
Кострома, Россия*

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ С СИБЛИНГАМИ И ДИАДИЧЕСКИЙ КОПИНГ ПАРТНЕРОВ БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЙ*

Представлены результаты теоретико-эмпирического исследования сиблинговых отношений как социокультурного фактора диадического копинга партнеров близких отношений. Авторы предположили, что существует сопряженность между характером взаимоотношений с сиблингом и выбором диадических копинг-стратегий в партнерских близких отношениях. Выборку составили 76 человек 18–50 лет. Методы: шкала сиблинговых отношений на протяжении жизни (О. В. Алмазова); опросник диадического копинга (О. А. Екимчик, Т. Л. Крюкова); анкета для сбора социально-демографических данных. Установлено влияние эмоционального, когнитивного и поведенческого компонентов сиблинговых отношений в детстве на выбор позитивных и негативных стратегий диадического копинга в близких отношениях с партнером.

Ключевые слова: сиблинги, близкие отношения, диадический копинг.

**Olga A. Ekimchik
Daria R. Zheronkina**
*Kostroma State University
Kostroma, Russia*

FEATURES OF RELATIONSHIPS WITH SIBLINGS AND DYADIC COPING OF PARTNERS IN CLOSE RELATIONSHIPS

This publication presents the results of a theoretical and empirical study of sibling relationships as a sociocultural factor in the dyadic coping of partners in close relationships. The authors suggested that there is an association

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ FZEW-2020–0005.

between the nature of the relationship with the sibling and the choice of dyadic coping strategies in partner close relationships. The sample consisted of 76 people aged 18–50. Methods: The scale of sibling relationships throughout life (O. V. Almazova); Questionnaire for dyadic coping (O. A. Ekimchik, T. L. Kryukova); questionnaire for collecting socio-demographic data. The influence of the emotional, cognitive and behavioral components of sibling relationships in childhood on the choice of positive and negative dyadic coping strategies in close relationships with a partner was established. Conclusion: the hypothesis was confirmed. The formed features of sibling relationships in childhood have a multidirectional influence on the choice of dyadic coping strategies of the subject of close relationships.

Keywords: siblings, close relationships, dyadic coping.

Введение. Стресс является серьезной угрозой для существования близких отношений [1; 2]. Близкие отношения занимают одно из первых мест в иерархии общечеловеческих потребностей. Их высокая значимость определяется прежде всего спецификой их влияния на психологический комфорт и эмоциональное благополучие человека. Вопросы о способах совладания со стрессом в близких отношениях [2], а также факторах, детерминирующих диадический копинг [3], являются перспективными для исследования [4]. Практически не раскрыта роль социокультурного контекста как фактора диадического копинга партнеров близких отношений [4; 5].

Одну из главных ролей в становлении личности играет семья. С точки зрения системного подхода она включает в себя следующие три подсистемы: супружеская, детско-родительская и подсистема сиблинговых отношений. Наиболее продолжительными являются сиблинговые отношения, нежели детско-родительские, они становятся значимым элементом в процессе социализации подрастающего поколения. Сиблинговая позиция сопряжена с получением социального опыта и его структурированием, что в свою очередь накладывает отпечаток на развитие личности и характер взаимоотношений в более зрелом возрасте [6].

Центральное внимание в нашем исследовании занимают особенности сиблинговых отношений в детстве [7] как фактор диадического копинга в близких партнерских отношениях. Так как паттерны

поведения, вырабатываемые в ходе взаимоотношений с сиблингами, в будущем проявляются во взаимоотношениях со своим партнером. Ответ на вопрос о связи двух этих феноменов поможет лучше понять роль сиблингового положения в совладающем поведении и взаимоотношениях между участниками близких отношений.

Проблема исследования: существует ли сопряженность между особенностями сиблинговых отношений, сиблинговой позицией и диадическим совладанием в близких отношениях партнеров.

Гипотеза: характер взаимоотношений с сиблингом в детстве и в настоящее время связан с выбором диадических копинг-стратегий в партнерских близких отношениях.

Материалы и методы. В исследовании участвовало 76 человек в возрасте от 18 до 50 лет: 25 гетеросексуальных пар и 26 человек, состоящих в близких гетеросексуальных отношениях. Всего 42 женщины и 34 мужчины, из них 50 % респондентов состоят в браке, 26 % — проживают раздельно с партнером, 24 % — проживают вместе со своим партнером.

Методы: психодиагностические: 1) шкала сиблинговых отношений на протяжении жизни (Lifespan Sibling Relationship Scale Items (LSRSI), Riggio, 2000 в адаптации О. В. Алмазовой); 2) опросник диадического копинга Г. Боденманна (Dyadic Coping Inventory, DCI, 2008 в адаптации О. А. Екимчик, Т. Л. Крюковой, 2017); 3) анкета для сбора социально-демографических данных. Математические методы обработки: дескриптивная статистика и множественный регрессионный анализ.

Результаты. Далее с помощью регрессионного анализа нами была проверена гипотеза исследования. Выявлено достоверно значимое влияние эмоционального аспекта взаимоотношений в детстве с сиблингом на следующие стратегии диадического копинга субъекта: поддерживающий ($R^2 = 0,16$ $p = 0,003$ $\beta = 0,39$) и негативный ($R^2 = 0,13$ $p = 0,01$ $\beta = -0,36$). Положительно окрашенные эмоциональные отношения с сиблингами в детстве являются прямым предиктором для поддерживающего копинга и обратным для негативного копинга по отношению к партнеру.

Поведенческий аспект взаимоотношений в детстве с сиблингом выступает предиктором для делегированного диадического копинга

субъекта ($R^2 = 0,17$ $p = 0,002$ $\beta = 0,41$) и для общего диадического копинга ($R^2 = 0,25$ $p = 0,001$ $\beta = 0,50$). В отношении обеих стратегий установлено прямое влияние.

Установлена предикция когнитивного аспекта взаимоотношений в детстве с сиблингом на следующие стратегии: поддерживающий диадический копинг субъекта ($R^2 = 0,11$ $p = 0,02$ $\beta = 0,33$), делегированный диадический копинг субъекта ($R^2 = 0,08$ $p = 0,03$ $\beta = 0,29$) и общий диадический копинг ($R^2 = 0,22$ $p = 0,001$ $\beta = 0,47$). Когнитивный аспект отношений с сиблингом в детстве является прямым предиктором указанных диадических копинг стратегий.

Эмоционально близкие неконфликтные отношения между сиблингами положительно сказываются на поддерживающем диадическом копинге субъекта, который в свою очередь проявляется в эмоционально-ориентированной поддержке партнера в ситуации диадического стресса. Чем слабее эмоциональные связи между сиблингами, тем ярче проявляется в будущем негативный диадический копинг субъекта, а именно отказ признавать стресс, переживаемым партнером, формализм и поверхностные действия совладания с общим стрессором. Непрерывное соревнование за внимание родителей приводит к пропасти между сиблингами, привычные с детства негативные стратегии поведения, которые дети используют по отношению к собственным братьям и сестрам со временем проявляются и во взрослой жизни в близких отношениях партнеров, в том числе и супружеских.

Тесное взаимодействие сиблингов в детстве (проводили вместе много времени, рассказывали все друг другу, имели общий круг общения и т. д.), положительно сказывается в будущем на делегированном диадическом копинге субъекта, а именно умении перераспределить обязанности в диаде или взять на себя часть забот партнера. Субъект действует подобным образом, как в детстве с сиблингом, пытаясь уменьшить уровень стресса, воздействующий на диаду. Общий диадический копинг — это совместные усилия обоих партнеров близких отношений, чтобы справиться с диадическим стрессом. Приобретенные навыки тесного взаимодействия в детстве, являются основой для выстраивания данной диадической копинг-стратегии.

Когнитивный аспект взаимоотношений сиблингов в детстве детерминирует появление в будущем поддерживающего, делегированного и совместного диадического совладания. Умения адекватно структурировать знания о себе и об особенностях своего партнера, проблемной ситуации, сформированное в сиблинговых отношениях, помогают адекватно использовать данные диадические стратегии.

Заключение. Заявленная гипотеза нашла свое подтверждение. Сформированные в детстве основные аспекты сиблинговых отношений предсказывают использование диадических копинг-стратегий в близких партнерских отношениях. Особенности и характер сиблинговых отношений в детстве оказывают как положительное, так и отрицательное влияние на диадические копинг-стратегии субъекта близких отношений.

Библиографические ссылки

1. *Bodenmann G., Randall A. K.* Common factors in the enhancement of dyadic coping // *Behav Ther.* 2012. № 43 (1). P. 88–98. DOI: 10.1016/j.beth.2011.04.003.

2. *Екимчик О. А.* Психология близких отношений в контексте стресса и совладания. Кострома : Костром. гос. ун-т, 2021. 164 с.

3. *Современная семья: переосмысление контекстов / В. В. Груздев и др. ; отв. ред. С. А. Хазова, О. А. Екимчик.* Кострома : Костром. гос. ун-т, 2020. 264 с.

4. *Falconier M. K., Kuhn R.* Dyadic Coping in Couples: A Conceptual Integration and a Review of the Empirical Literature // *Front. Psychol.* 2019. Vol. 10. P. 571. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00571

5. *Екимчик О. А., Опекина Т. П.* Романтическая привязанность как предиктор диадического копинга в паре // *Психология. Журнал Высшей школы экономики.* 2022. Т. 19, № 2. С. 7–24.

6. *Баскаева О. В.* Основные направления сиблинговых исследований // *Вестн. РГГУ. Серия: психология. Педагогика. Образование.* 2021. № 2 С. 96–115.

7. *Алмазова О. В.* Типология взаимоотношений взрослых сиблингов // *Вестн. Моск. ун-та. Серия 14.* 2013. № 2 С. 134–146.

Е. В. Еремина

*Детский сад № 1, ТПМПК
Каменск-Уральский, Россия*

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ» КАК ФОРМА РАБОТЫ ПО ГАРМОНИЗАЦИИ СЕМЕЙНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

В статье обоснована необходимость создания условий для развития высших психических функций, эмоционально-волевой сферы, творческого потенциала дошкольников, коррекции детско-родительских отношений.

Представлена одна из форм взаимодействия педагогов и родителей детей дошкольного возраста. Сделан вывод о необходимости психолого-педагогического сопровождения, формирования у воспитанников читательского вкуса, развития речи.

Ключевые слова: воспитанники возрастной группы, родители, педагог-психолог (ведущий).

Elena V. Eremina

*Kindergarten No. 1, TPMPK
Kamensk-Uralsky, Russia*

“LITERARY LIVING ROOM” AS A FORM OF WORK ON THE HARMONIZATION OF FAMILY RELATIONSHIPS

The article substantiates the need to create conditions for the development of higher mental functions, emotional and volitional sphere, creative potential of preschoolers, and correction of child-parent relations. One of the forms of interaction between teachers and parents of preschool children is presented. The conclusion is made about the need for psychological and pedagogical support, the formation of students' reading taste, the development of speech.

Keywords: pupils of the age group, parents, teacher-psychologist (presenter).

Мощь, мудрость и красота литературы открываются во всей широте только перед человеком просвещенным и знающим.

К. Г. Паустовский

Дети должны жить в мире красоты, игры, сказки, музыки, рисунка, фантазии, творчества.

В. А. Сухомлинский

Введение. Детско-родительские отношения — это семейные отношения и включены в них все члены семьи, отношения взаимосвязаны и в то же время не равнозначные. Отношения родителей к ребенку и ребенка к родителю — это активное их взаимодействие, в которых проявляются межличностные отношения.

Для одной семьи важны традиции, обычаи, и они знают, как воздействовать на ребенка и что важно духовное, эстетическое развитие ребенка. Для другой семьи порой просто не достучаться, что для ребенка важна не только одежда и пища, что с ребенком нужно общаться, разговаривать, объяснять, показывать, слушать надо качественную музыку, читать художественную литературу, рассматривать иллюстрации. Общение с ребенком обогащает духовную жизнь малыша, своевременное и правильное развитие речи важное условие в формировании личности ребенка.

Дошкольный возраст — период активного созревания мозговых структур, активного развития высших психических функций, от развития которых зависит обучение ребенка.

Речь играет огромную роль в повседневной жизни человека. Владение речью — это искусство, от которого зависит не только профессиональная деятельность, но социальный статус.

Многие родители жалуются на то, что дети «не разговаривают», «не хотят говорить», «еще маленький и к школе научиться говорить».

Исследования специалистов подтверждают факт большого количества детей с речевыми нарушениями, разной степенью выраженности в дошкольном и в младшем школьном возрасте.

Задача родителей — вовремя обратить внимание на речевое развитие ребенка, взаимодействие родителей и педагогов позволяет на раннем этапе выявить проблемы и найти пути решения. Огром-

ную роль в литературном развитии ребенка, в формировании читательского вкуса, в отношении к книге как культуре играют педагоги.

Материалы и методы. В моей практике «Литературная гостиная» — это не только форма организации творческой деятельности дошкольников, но и развитие высших психических функций, эмоционально-волевой сферы, привлечение к участию родителей воспитанников, форма работы по гармонизации семейных взаимоотношений (коррекции детско-родительских отношений). И семейное чтение как одна из форм общения старших и младших в семье, которая вытеснена средствами массовой информации.

Цель: создание условий для развития высших психических функций, эмоционально-волевой сферы, творческого потенциала дошкольников; коррекция детско-родительских отношений.

«Литературная гостиная» — мероприятие всегда тематическое. Позволяет раскрывать замысел художественных произведений, объединяет в себе драматическое действие, литературную игру, музыку, диалог, дискуссию со зрителем, изобразительное творчество, взаимодействие детей и родителей.

«Литературная гостиная» позволяет объединить и детей, и взрослых. Помогает родителям посмотреть на своего ребенка как бы со стороны, порадоваться его успеху, обратить внимание на эмоциональное состояние, поддержать ребенка, обратить внимание на развитие речи.

Психологическая готовность освоения грамоты и литературного языка у большинства детей происходит в пять-шесть лет. Речь — высшая психическая функция, возникающая у ребенка на основе определенного уровня его когнитивного развития. И появление речи, и развитие речи зависит от многих факторов. Речь начинает формироваться тогда, когда головной мозг, зрение, слух, артикуляционный аппарат ребенка достигают определенного уровня развития. Речь и мышление развиваются параллельно. Необходимо учитывать, что дошкольник мыслит преимущественно образами, которые и несут для него основное смысловое и эмоциональное содержание.

Причин нарушения множество:

— органическое поражение центральной нервной системы различной степени тяжести;

- не зрелость центральной нервной системы;
- неблагоприятные воздействия в период внутриутробного развития;

- затяжные или быстрые роды;
- сложный постнатальный период;
- воздействие сильных медицинских препаратов;
- вялость мышц рта и артикуляционного аппарата;
- крайне неблагоприятная обстановка в семье.

Одна из важных причин возникновения задержки речевого развития — это чрезмерная зрительная и слуховая нагрузка, то есть воздействие на высшие психические функции ребенка, различных средств (телевизора, компьютера и т.п.) в виде звуков, неумение слушать художественную литературу.

Нечтение художественной литературы, заучивания произведений приводит:

- к обеднению словарного запаса, понижению мыслительных процессов;

- в раннем дошкольном возрасте нарушается процесс адаптации, процесс вхождения в общество, знакомство с его моральными и духовными ценностями, что порождает конфликт;

- нечитающие родители не приучают своих детей к художественной литературе;

- развивающаяся на базе детского нечтения функциональная неграмотность взрослых приводит зачастую к нестандартным случаям, нестандартным ситуациям, а порой и к гибели людей;

- люди умеют читать, но уметь читать, это значит понимать прочитанное, вникать в смысл произведения.

Результаты. «Литературная гостиная» имеет свою определенную структуру:

1. Подготовительная работа: родителю с ребенком предлагается художественное произведение для заучивания по определенной теме; необходимо подготовить произведение к выступлению (возможно чтение по ролям, частям, чтение с элементами театрализации, иллюстрации к произведениям (на выбор, по желанию)).

2. Приветствие участников «Литературной гостиной», зажжение свечи (символ жизни, тепла, поддержки и др.).

3. Выступление участников (чтение художественных произведений).

4. Выполнение совместной детско-родительской творческой работы.

5. Представление творческих работ, загадывание желаний, передавая по кругу свечу (дети и родители).

6. Подведение итогов, задувание свечи.

Важно в ходе мероприятия задействовать различные анализаторы через использование — фото-, видеозарисовок (картины природы, достопримечательностей, семейные фото и др.), музыкального сопровождения, технологии эмоционально-чувственного погружения.

В ходе «Литературной гостиной» происходит:

— вовлечение родителей в образовательную деятельность — повышение их родительской компетенции;

— развитие высших психических функций, эмоционально-волевой сферы, решение речевых задач дошкольников;

— решаются задачи коррекции детско-родительских отношений.

Проведены «Литературные гостиные»: «Мы разные, но мы вместе» (подготовительная группа), «Вода — источник творчества и вдохновения» (подготовительная группа), «Милашки-неваляшки» (средняя группа) «Времена года» (подготовительная группа), «Вот папочка, вот мамочка и ребенок-лапочка» (старшая группа), «Дружба начинается с улыбки» (подготовительная группа), «Весна идет, весне дорогу!» (старшая группа), «Героям посвящается» (подготовительная группа), «Семья» (подготовительная группа).

Заключение. Особенность «Литературной гостиной» заключается в том, что она может объединить детей разных возрастных групп (средней, старшей и подготовительной) и разного уровня подготовки. В ней могут участвовать педагоги и родители — все могут найти себе роль, возможности для творческого самовыражения.

П. Н. Ермаков

И. И. Титова

Южный федеральный университет

Ростов-на-Дону, Россия

ОСОБЕННОСТИ ДЕРМАТОГЛИФИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ У ЛИЦ С ВЫСОКИМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ ЭМПАТИИ

Изучаются взаимосвязи дерматоглифических маркеров и психологических характеристик личности. В исследовании проверяется гипотеза, согласно которой у лиц с высокими показателями эмпатии имеются дерматоглифические особенности. В ходе исследования были изучены дерматоглифы 80 респондентов, включая студентов и преподавателей психологии и медицины. Сравнение различных дерматоглифов выявило, что у лиц с высокими показателями эмпатии в подмизинцевой зоне трираудиса *D* формируется особый биомаркер в виде 3–6 самостоятельных вертикальных борозд.

Ключевые слова: эмпатия, дерматоглифические маркеры, психо-дерматоглифика, линии Самаритян.

Pavel N. Ermakov

Inna I. Titova

Southern Federal University

Rostov-on-Don, Russia

FEATURES OF DERMATOGLYPHIC MARKERS IN PERSONS WITH HIGH PERFORMANCES OF EMPATHY

The authors analyze interrelationships between dermatoglyphic markers and psychological characteristics of a person. The study tests the hypothesis that individuals with high empathy scores have some dermatoglyphic features. During the study, dermatoglyphs of 80 respondents were studied, including students and teachers of psychology and medicine. Comparison of various dermatoglyphs revealed that in individuals with high levels of em-

pathy, a special biomarker in the form of 3–6 independent vertical furrows is formed in the sublittoral area of the triradius d.

Keywords: empathy, dermatoglyphic markers, psychodermatoglyphics, Samaritan lines.

Введение. Несмотря на достигнутый прогресс в развитии психологии, проблематика интегрального подхода к идентификации врожденных психологических характеристик личности остается недостаточно исследованной в современной науке. Отдельным недостаточно исследованным в современной науке вопросом является вопрос изучения возможных взаимосвязей психологических характеристик индивида и дерматоглифических маркеров.

На этапе онтогенеза нервная система человека (головной мозг, спинной мозг, нервы) и кожный эпидермис образуются из одного внешнего зародышевого листка (слой эктодермы). Дерматоглифический рисунок на ладонях образуется гораздо раньше начала формирования извилин конечного мозга, в которых находятся функциональные поля коры больших полушарий (на 29–30 неделе внутриутробного развития) [1, с. 398]. Кожа образует внешний покров организма человека и является самым большим органом чувств [2, с. 158]. В связи с чем всестороннее исследование психологических характеристик личности невозможно без анализа особенностей дерматоглифических особенностей индивида.

В отечественной науке исследования применения дерматоглифики для диагностики или прогнозирования психологических и физических способностей человека ведутся еще с 1970-х годов. Однако вопрос об ассоциации системы кожных узоров ладони с психологическими характеристиками индивида остается открытым, несмотря на историю его изучения: результаты исследований разных авторов противоречивы [3, с. 80–89].

Материалы и методы. Суть дизайна исследования заключалась в поиске закономерностей проявления психологических характеристик индивида и проверке их возможного подкрепления особенностями психофизиологических признаков.

Испытуемые. В соответствии с поставленными в работе задачами всего обследовано 80 испытуемых обоего пола, включая

студентов и преподавателей психологического и медицинского вузов г. Ростов-на-Дону, а также иных респондентов-добровольцев в возрасте 16 до 75 лет, из них 16 мужчин и 64 женщины.

Методики исследования:

— Многофакторный опросник эмпатии М. Дэвиса (адаптация Т. Д. Карягина, Н. А. Будаговская, С. В. Дубровская (2013).

— Опросник склонности к агрессии Басса — Перри, адаптация С. Н. Ениколопов, Н. П. Цибульский (2007).

— Торонтская алекситимическая шкала Г. Тейлора Д. Райана, М. Бэгби, адаптация Е. Г. Старостина (2010).

— Методика дерматоглифического анализа Г. Камминс и Ч. Мидло (1943), метод типографской краски (Т. Д. Гладкова, 1966).

В процессе работы выявлялись качественные особенности распределения дерматоглифических признаков. В ходе исследования подробно описаны встречающиеся дерматоглифические маркеры у респондентов, обладающих схожими психологическими характеристиками. На основании проведенного дерматоглифического исследования, дерматоглифические характеристики в зоне исследования можно условно разделить на три группы:

— группа № 1 (20 респондентов, 25 % выборки). Дерматоглифический узор в зоне исследования (зона трирадиуса *D*) характеризуется отсутствием линий или наличием линий, не соответствующим критериям оценки;

— группа № 2 (26 респондентов, 32 % выборки). Дерматоглифический узор в зоне исследования (зона трирадиуса *D*) характеризуется наличием линий, частично соответствующим критериям оценки;

— группа № 3 (30 респондентов, 37 % выборки). Дерматоглифический узор в зоне исследования (зона трирадиуса *D*) характеризуется наличием линий соответствующим критериям оценки, которые формируют так называемые «линии Самаритян».

Исследованы особенности дерматоглифики кистей рук респондентов, характеризующимся высоким уровнем эмпатии (так называемые HSP (Highly Sensitive Person) — высокочувствительные люди или сверхэмпаты).

Результаты. Проведенное исследование показало, что дерматоглифическая картина индивидов с высокими показателями

эмпатии позволяет говорить об определенном дерматоглифическом типе узоров ладонной поверхности подмизинцевой зоны, характеризующемся преобладанием правильно сформированных, симметричных линий. Полученные данные позволяют говорить о наличии у таких индивидов определенного дерматоглифического типа узора, так называемых «линиях Самаритян», характеризующемся наличием 3–6 отчетливо выраженных самостоятельных однородных сгруппированных вертикальных линий в зоне подмизинцевого трирадиуса D на правой руке. Особенности дерматоглифической картины — своеобразного биомаркера — позволяют предполагать перспективность дальнейших исследований в данном направлении.

Установлено влияние между показателями эмпатии и данными дерматоглифического исследования, так как имеется статистически значимое различие ($p = 0,003$) между респондентами, у которых были выявлены различные виды дерматоглифических признаков. Таким образом, результаты настоящего исследования подтверждают гипотезу исследования и имеющиеся данные о взаимосвязи дерматоглифических маркеров с психологическими характеристиками личности.

Заключение. Результаты полученной работы могут быть использованы в прогнозировании отдельных психологических характеристик личности и позволяют предполагать перспективность дальнейших нейрофизиологических и генетических исследований индивидов, вовлеченных в психологическую, медицинскую деятельность как особой модели для изучения высшей нервной деятельности сверхэмпатов.

По результатам проведенного обзора литературы и исследования можно сделать вывод об актуальности данной темы и необходимости выделения новой дисциплины научного знания — психо-дерматоглифики путем объединения научных знаний психологии и дерматоглифики [4, с. 351].

Библиографические ссылки

1. *Савельев С. В.* Атлас мозга человека. М. : Веди, 2005. 398 с.
2. *Гусева И. С.* Морфогенез и генетика гребешковой кожи человека / отв. ред. И. С. Гусева. Минск : Беларусь, 1986. 158 с.
3. *Славолюбова И. А., Негашева М. А., Агапова О. И.* Поиск связей дерматоглифических признаков ладони с соматическими и психологическими характеристиками // Вестн. антропологии. 2013. № 2 (24). С. 80–89.
4. *Яровенко В. В., Бадиков К. Н.* К вопросу о психологические дерматоглифики // Юр. исследования. 2013. № 6. С. 351–364.

А. А. Ефимова

Ю. А. Токарева

Сургутский государственный педагогический университет

Сургут, Россия;

Уральский федеральный университет

им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Екатеринбург, Россия

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТЦОВ ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА РАЗНОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Определена актуальность исследования воспитательной деятельности отцов детей школьного возраста разной национальности, представлена структура психолого-педагогического сопровождения воспитательной деятельности отцов детей школьного возраста разной национальности, описаны результаты реализации программы сопровождения.

Ключевые слова: воспитательная деятельность, отцовство, психолого-педагогическое сопровождение.

Anastasia A. Efimova

Yulia A. Tokareva

Surgut State Pedagogical University

Surgut, Russia;

Ural Federal University named

after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Yekaterinburg, Russia

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT OF EDUCATIONAL ACTIVITIES OF FATHERS OF SCHOOL AGE CHILDREN OF DIFFERENT NATIONALITY

The relevance of the study of the educational activities of fathers of school-age children of different nationalities is determined, the structure of the psychological and pedagogical support of the educational activities

of fathers of school-age children of different nationalities is presented, and the results of the implementation of the support program are described.

Keywords: educational activity, fatherhood, psychological and pedagogical support.

Введение. Многонациональность, поликультурность современной образовательной среды, многозадачность направлений воспитания подрастающего поколения актуализируют включение в образовательную деятельность всех субъектов образования, в том числе и семью. Практический опыт педагогов-психологов в системе образования показывает рост конфликтов семьи и школы, основной причиной которых являются национальные особенности воспитания, среди которых приоритетные ценности, стиль воспитания и отношений родителей с детьми (А. Г. Асмолов, Д. И. Фельдштейн, О. Г. Смолянинова, 2020). Исходя из традиционного представления структуры семьи (В. Н. Дружинин), выделенных культурно-исторических закономерностей (И. С. Кон), в исследовании воспитательных особенностей необходимо опираться на деятельность отца по воспитанию как более властной и влиятельной фигуры. С точки зрения отечественных (И. С. Кон, Р. В. Овчарова, Ю. А. Токарева) и зарубежных (D. McDonald, S. Thompson, V. Barker) авторов именно отец выступает в семье в качестве связующего элемента системы, и его участие в воспитании детей носит устойчивый характер, влияющий как на личностные, так и на социальные стороны его развития, информационно-инструментальная позиция отца, введение ребенка в социальные системы делают фигуру отца решающей в социальном развитии ребенка школьного возраста (Р. В. Овчарова, Е. И. Захарова, Н. Н. Васягина, С. А. Минюрова, Ю. А. Токарева).

Материалы и методы. На разных этапах психолого-педагогического сопровождения воспитательной деятельности отцов детей школьного возраста разной национальности «...приняли участие 238 отцов и матерей различных национальностей – русской, украинской, татарской, армянской и азербайджанской, 8 экспертов, 11 педагогов-психологов, 43 педагога, всего 538 человек. Респонденты состояли в межнациональных/национальных семьях (возраст детей участников исследования варьировал от 7 до 12 лет)» [1, с. 118].

В процессе реализации психолого-педагогического сопровождения использовались теоретические методы (теоретический анализ психолого-педагогической литературы (обобщение, сравнение, систематизация)); эмпирические методы (психодиагностические; психолого-педагогический эксперимент); методы обработки и интерпретации результатов (методы математической статистики; сравнительный анализ; графические методы представления полученных данных).

Результаты. Психолого-педагогическое сопровождение воспитательной деятельности отцов детей школьного возраста разной национальности включало четыре этапа. 1-й этап «Диагностический»: исследование структурно-содержательных особенностей воспитательной деятельности отцов разной национальности, определение группы отцов, воспитательная деятельность которых значительно отклоняется от модели «идеальной» воспитательной деятельности отцов в мотивационно-потребностном и исполнительном компонентах. 2-й этап «Информативно-коммуникативный»: просветительские и консультативные мероприятия. 3-й этап «Деятельностный»: комплексная деятельность педагога-психолога, педагогов, социальных педагогов, отцов, их детей, матерей, направленная на согласованность целей воспитания семьи и школы, способствующая социальному развитию ребенка школьного возраста и включающая реализацию развивающей программы, участие отцов (совместно с детьми) в различных школьных мероприятиях. 4-й этап «Рефлексивный»: определение степени достижения цели реализации программы сопровождения, определение динамики изменений в компонентах воспитательной деятельности отцов. Результаты диагностического этапа показали, что отцы русской национальности не имеют выраженной потребности в достижении высоких результатов в сфере собственного развития за счет реализации себя в роли отца, при этом проявляют чрезмерную заботу по отношению к своему ребенку, стремятся ускорить его развитие, но их дети имеют низкий уровень коммуникативной активности, низкий социальный статус и неадекватную самооценку. Отцы украинской национальности активно взаимодействуют с ребенком, доминируя и подчиняя его своей воле и власти, при этом чрезмерно вмешиваются в мир ребенка, подавляют его волю, их дети имеют низкий уровень комму-

никативной активности, низкий социальный статус и неадекватную самооценку. Отцы татарской национальности имеют выраженную потребность в демонстрации ребенку своих сильных личностных качеств, при этом подавляют волю ребенка, их дети отличаются низкой коммуникативной активностью, нарушениями в учебно-познавательной активности, несформированностью осознанности и целенаправленности обучения. Отцы армянской национальности имеют выраженную потребность в достижении высоких результатов в сфере собственного развития за счет реализации себя в роли отца и в проявлении власти, решительности, при этом проявляют по отношению к ребенку излишнюю строгость, их дети имеют трудности мотивации учения, нарушения в учебно-познавательной активности, неадекватную самооценку. Отцы азербайджанской национальности имеют выраженную потребность в достижении высоких результатов в сфере собственного развития за счет реализации себя в роли отца и в проявлении власти, решительности, при этом проявляют по отношению к ребенку излишнюю строгость, их дети имеют трудности мотивации учения, нарушения в учебно-познавательной активности, неадекватную самооценку. Модель «идеальной» воспитательной деятельности отцовства (Ю. А. Токарева) характеризуется в мотивационно-потребностном блоке — стремлением к созданию условий для развития ребенка и достижению им высоких результатов, раскрытию его возможностей и способностей; в исполнительном блоке — «...эмоциональным принятием ребенка, наличием позитивных чувств и реакций, стремлением к контакту, доверием ребенку, его силам и возможностям, удовлетворенностью отношениями, адекватным контролем и умением воздействовать на поведение, состояние ребенка и проявлением эмпатии по отношению к нему; в контрольно-оценочном блоке — высоким уровнем развития ребенка как субъекта самосознания, субъекта общения и субъекта деятельности» [2, с. 280]. По результатам реализации программы прослеживалась динамика изменений в мотивационно-потребностном и исполнительном компоненте воспитательной деятельности. В ходе контрольного среза был использован тот же психодиагностический инструментарий, что и на этапе констатирующего исследования. Исследование значимости различий с по-

мощью *t*-критерия Стьюдента показало статистическую значимость различий в показателях выраженности компонентов воспитательной деятельности. Уровень достоверности $p < 0,01$. В контрольной группе статистически значимые изменения не обнаружены.

Заключение. Анализируя изменения, произошедшие в результате реализации программы, можно констатировать, что в реализации воспитательной деятельности отцы армянской и азербайджанской национальностей стали меньше проявлять авторитарность по отношению к своему ребенку и больше прислушиваться к его желаниям и нуждам; отцы русской, украинской и татарской национальностей стали адекватнее относиться к желаниям своего ребенка, удовлетворяя действительно важные потребности ребенка и предоставляя при этом ему большую самостоятельность. Изменения в мотивационно-потребностном и исполнительном компоненте воспитательной деятельности повлияли на изменения и в контрольно-оценочном компоненте, но эти изменения менее выражены, т. к. развитие ребенка носит отсроченный результат, но важно отметить, что в ходе реализации программы изменения произошли в системе детско-родительских отношений, т. к. по наблюдению матерей отцы стали проявлять интерес к воспитанию, стали активнее проводить время со своим ребенком.

Библиографические ссылки

1. *Ефимова А. А.* Особенности стиля воспитания и родительского отношения к ребенку отцов разной национальности // *Семья и дети в современном мире / под общ. и науч. ред. В. Л. Ситникова.* СПб. : Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2018. С. 116–120.
2. *Токарева Ю. А.* Концепция воспитательной деятельности отца // *European Social Science Journal.* 2012. № 6(22). С. 278–284.

Н. Ю. Жукова

Е. Л. Солдатова

Южно-Уральский государственный университет

Челябинск, Россия;

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

ПРОЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТНОШЕНИЯ К СМЕРТИ ПОДРОСТКОВ

В статье представлен опыт применения проективных методов для исследования отношения к смерти подростков. В исследованиях приняли участие 120 подростков 14–16 лет. Анализ рассказов выявил особенности отношения подростков к смерти: сосредоточенность на настоящем и переживаниях, трудности в осмыслении себя и своего опыта, значимость темы смерти, смерть понимается как утрата.

Ключевые слова: подростки, отношение к смерти, тематический апперцептивный тест.

Natalya Y. Zhukova

Elena L. Soldatova

South Ural State University

Chelyabinsk, Russia;

Saint-Petersburg State University

St. Petersburg, Russia

PROJECTIVE METHODS OF STUDYING ATTITUDES TO THE DEATH OF ADOLESCENTS

The article presents the experience of using projective methods to study the attitude to the death of adolescents. There were 120 adolescents aged 14–16 participated in the research. The analysis of the stories (TAT) revealed the peculiarities of adolescents' attitude to death: focus on the present and feelings, difficulties in understanding oneself and one's experience, the significance of the topic of death, death is understood as loss.

Keywords: adolescent, attitude to death, Thematic Apperception Test.

Введение. В подростковом периоде определяется эмоциональная, социальная стороны личности как фундамент психологического благополучия взрослой жизни. Подростки уязвимы перед социальными, экономическими и психологическими вызовами. Постоянные изменения, нестабильность, противоречивость увеличивают риски. Ведущей причиной заболеваемости и инвалидности среди подростков является депрессия, тревожность и поведенческие нарушения [1].

Становление идентичности способствует формированию экзистенциального фона, отношения к жизни и смерти. Представления о смерти формируются с первых лет жизни. В подростковом возрасте приобретают личностный смысл, вариабельность и могут сохраняться на протяжении всей жизни [2]. Амбивалентность, нереалистичность и искаженность представлений о смерти, чрезмерная увлеченность темой смерти (подпитываемая современными средствами массовой информации) могут приводить к тяжелым и фатальным последствиям [3]. Второй основной причиной смертности в возрасте от 10 до 24 лет является самоубийство [1].

Современные методы и методики исследования отношения к смерти малочисленны. Преобладают опросники типа отношения к смерти (преимущественно тревоги смерти). Перспективны для исследования индивидуальных особенностей отношения — проективные методы.

Цель исследования: исследование отношения и представлений о смерти у подростков.

Материалы и методы. Выборку исследования составили 120 подростков (70 девочек) в возрасте 14–16 лет из нескольких общеобразовательных школ г. Челябинска. Подростки из полных семей — 57 %, неполных — 36 %, опекаемые — 7 %. Участие в исследовании было добровольным, с согласия родителей/законных представителей.

Методы исследования: ассоциативный эксперимент, цветовой тест отношений (ЦТО) А. М. Эткинды, тематический апперцептивный тест (ТАТ) [4].

Результаты. Ассоциативный эксперимент был фокусирован на вопросе «Когда Вы думаете о смерти, в первую очередь Вам

в голову приходят следующие образы, ассоциации». Участники — 32 подростка (16 девочек). Основные ассоциации: кладбище, гроб, похороны, кровь, крест, душа, слезы, тьма, холод, земля, конец, труп, кости, череп, надгробие.

ЦТО проводился в соответствии с инструкциями. Участники — 42 человека (22 девочки). Понятие «смерть» ассоциировалось с черным цветом (64 %), синим (17 %), серым (17 %), красным (2 %).

ТАТ применялся в сокращенном объеме. В начале для установления контакта и тренировки мы предлагали таблицу № 1 — маленький мальчик сосредоточенно смотрит на скрипку, лежащую на столе перед ним. Затем таблицу № 15 — изможденный мужчина со сжатыми руками среди могильных камней — направленную на диагностику отношения к смерти. Обе таблицы предназначены для обоих полов и всех возрастов. Участники — 88 подростков (54 девочки).

Объем текста варьировался от 46 до 325 слов (среднее — 100).

По содержанию: описания будущего отсутствовали у 62,5 % подростков, прошлого — у 57 %, мыслей — у 60 %; введение дополнительных персонажей (значимые люди, питомцы и др.) — у 55 %.

По внутреннему состоянию: уныние (65 %); тревога (19 %), эмоциональная неустойчивость (16 %), внутренний конфликт (7 %).

По мотивам поведения: пассивность (апатичность, созерцательность) — 68 %, зависимость (одиночество, отсутствие помощи) — 42 %, унижение (чувство вины, самонаказание), агрессивность (физическая) — 28 %, аутоагрессия (самоубийство) — 15 %, самоуглубленность (размышления, утешение в алкоголе) — 15 %, опека (поддержка, защита) — 6 %.

Например, «Его поразили красота и спокойствие кладбища. Любимым его занятием стало хождение среди могил», «Он убил кого-то, а теперь сожалеет», «Она хочет покончить с собой. Ей никто не нужен, и она никому не нужна», «Он пришел на кладбище вспоминать», «Он нашел котенка на могиле любимой, принес домой и стал ухаживать за ним. Котенок открыл Андрею глаза на светлое будущее».

Большинство рассказов представлено сюжетами о смерти близких (65 %) и последующим состоянием. Часть подростков описывала

способы преодоления негативного состояния: рисование, забота о других, занятие любимым делом (7 %). Другие описывали пассивное смирение с ситуацией (11 %). Многие описывали сверхъестественные события, например воскрешение, колдунов и др. (45 %). Некоторые сюжеты отражали истории убийцы (28 %) или самоубийцы (15 %). Немногие были посвящены размышлениям (8 %).

Заключение. Словесные ассоциации преимущественно связаны с внешними атрибутами захоронения. Смерть ассоциируется с темными цветами, которые символизируют отсутствие чего-либо, в том числе переживаний. Данные ассоциативных экспериментов однообразны, стереотипны.

Отсутствие описаний прошлого и будущего, мыслей в рассказах указывают на сосредоточенность на настоящем моменте, переживаниях, трудности в осмыслении себя и своего опыта. Преобладает пассивность в описании трудных ситуаций. Введение дополнительных персонажей свидетельствует о значимости темы. Сюжеты историй указывают, что смерть, воспринимается как утрата и связана с негативными эмоциями.

ТАТ позволяет исследовать глубинные отношения к смерти, способствует выявлению стратегий поведения в трудных жизненных ситуациях, мотивов саморазрушающего, суицидального поведения. Методика может быть крайне полезна в индивидуальной психологической работе с подростками «группы риска».

Библиографические ссылки

1. Психическое здоровье подростков // Всемирная организация здравоохранения : [сайт]. URL : <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/adolescent-mental-health> (дата обращения: 10.06.2022).

2. *Noppe L. D., Noppe I. C.* Ambiguity in adolescent understandings of death // Handbook of adolescent death and bereavement. 1996. P. 25–41.

3. *Kastenbaum R.* The psychology of death. 3^{ed} edition. Springer Publishing Company, Inc., 2000. 318 P.

4. *Епанчинцева Г. А., Козловская Т. Н.* Проективные методы в психологии (тематический апперцептивный тест) : метод. указания. Оренбург : ОГУ, 2019. 74 с.

А. В. Журавлева

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

ВЕДУЩИЕ ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (на примере Итальянской Республики)

В статье рассматривается проблема этнокультурной, региональной и национальной идентичности итальянцев, их переплетение, а также ведущие факторы, оказывающие влияние на становление и развитие перечисленных идентичностей. Особое внимание уделяется лингвистическому фактору (миноритарным языкам и диалектам), языковой ситуации на территории итальянского государства, а также проблемы разграничения идентичностей. В данной статье представлены результаты опроса, проведенного в 2021–2022 среди итальянской молодежи (поколение Y), демонстрирующие влияние диалекта и других факторов на формирование идентичностей.

Ключевые слова: идентичность, этнокультурная идентичность, диалект, миноритарный язык.

Alexandra V. Zhuravleva

Moscow State University

named after M. V. Lomonosov

Moscow, Russia

LEADING FACTORS IN THE FORMATION OF ETHNOCULTURAL IDENTITY (on the Example of the Italian Republic)

The article deals with the problem of the ethno-cultural, regional and national identity of Italians, their interweaving, as well as the leading factors influencing the formation and development of these identities. Particular attention is paid to the linguistic factor (minority languages and dialects), the linguistic situation on the territory of the Italian state, as well as the prob-

lem of delineation of identities. This article presents the results of a survey conducted in 2021–2022 among Italian youth (generation Y), demonstrating the influence of dialect and other factors on the formation of identities.

Keywords: identity, ethno-cultural identity, dialect, minority language.

Введение. В последние десятилетия «глобальный» политический и экономический контекст, превративший мир в единое социальное пространство, вызывает и обратную реакцию в социуме: желание отождествления себя с менее обширной культурной и социальной группой. Это отражается на становлении и формировании этнокультурной идентичности, так как одним из основных стремлений, является желание обратиться к своим корням, что реализуется, как правило, посредством языка или же на его основе. Актуальность исследования продиктована сложившейся в последние десятилетия лингвистической и политической ситуацией в итальянском государстве: признанием многих бывших диалектов самостоятельными языками в начале XXI века, мощным интересом европейцев к региональным культурам и языкам Апеннинского полуострова, манифестацией этнокультурной и национальной идентичности итальянцев на разных уровнях, посредством языка.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 70 человек, 37 из которых — женщины, 33 — мужчины. Респондентам нужно было ответить на ряд вопросов закрытого и открытого типа, а также отметить свою идентичность на шкале и выбрать регион, к которому они себя относят в большей степени. Анкета охватывала стандартные социобиографические данные: имя, фамилия, пол, возраст, уровень образования, обнаруживающие свою значимость для исследуемой темы (например, владение миноритарным языком или диалектом коррелирует с возрастом, уровнем образования, полом). В интернет-анкете также были вопросы открытого типа, выявившие высокий уровень мобильности итальянцев, что влияет на развитие и изменение этнокультурной идентичности. Подобная мобильность влияет не только на региональную идентичность, но и на национальную: все больше и больше респондентов начинают определять себя как «европейцев». Выявлялась актуальная ситуация владения идиомом среди респондентов, а также в их семьях. Идентичность

итальянцев также измерялась с помощью шкального вопроса, где 1 — это «южанин», а 7 — «северянин». Выбор варианта в данном случае зависел либо от региона происхождения, либо от нынешнего места проживания. Выявлялись факторы, повлиявшие на идентичность респондентов, а также особенности их оценки идентификации себя с регионами страны.

Результаты. Диалект (или миноритарный язык) остается важным фактором в процессах формирования этнокультурной идентичности, однако процессы глобализации и политика итальянизации привели к сокращению диалектофонов: меньше половины опрошенных итальянцев владеют диалектом (44,3 %); в домашней обстановке респонденты предпочитают итальянский язык, что соотносится со статистическими данными за 2015 год [1], или сочетание итальянского и диалекта. Данные также показали, что диалект больше не стигматизируется, более того, на основании проведенного опроса можно говорить о некоторой «элитарности» диалекта: все респонденты, получившие высшее образование (67 человек из разных регионов), владеют диалектом (респондент говорит на диалекте, не потому что не знает итальянский, а потому что сознательно выбирает диалект).

Согласно ответам респондентов, превалирующим в формировании идентичности выступает территориальный фактор — 43 ответа, культурный фактор — 38 ответов, язык — 33 ответа и семья — 27 ответов. Наиболее частотные комбинации: язык и семейный фактор, территориальный фактор и культурный, культурный фактор и язык. Эти факторы совпадают с концепцией мест памяти, разработанной Нора [2], а именно моменты общей истории (исторический и политический факторы), концепт «родная земля» (территориальный фактор), «родная речь» (лингвистический фактор и культурный фактор). Эти концепты влияют в большей степени на этнокультурную идентичность, в меньшей степени — на региональную (несмотря на то, что речь идет о факторах, относящихся в большей степени к региону происхождения, региональная идентичность сочетает в себе отнесение к нескольким регионам сразу, поэтому в данном случае закономернее говорить об этнокультурной идентичности) и практически не влияют на национальную.

В определении идентичности гораздо большую роль, чем диалект, играет территория (место происхождения и жительства), тем не менее большинство итальянцев определяют себя как европейцев, что говорит о: 1) подтверждении тезиса «Европы регионов» [3], так как в определении своей идентичности они пропускают национальный уровень; 2) несмотря на непрерывное увеличение говорящих исключительно на итальянском, не владеющих диалектом, национальная итальянская идентичность выражена слабо (44 человека из 70). Идентификация в рамках шкалы «южанин — северянин» должна была соотноситься с регионом происхождения или проживания, однако многие уроженцы северных регионов относили себя к «южанам» с точки зрения общеевропейского контекста.

Люди, владеющие диалектом, имеют более выраженную этнокультурную идентичность [4]. Они относят себя к 2–3 регионам, которые совпадают с их местожительством, происхождением, регионом (регионами) происхождения родителей. Фактор происхождения в большей степени указывает исключительно на этнокультурную идентичность и не всегда обнаруживает связь с территориальным фактором); люди, не владеющие диалектом, выбирают большее количество регионов 7–20 и одинаковую степень выраженности ощущения принадлежности к ним.

Заключение. На данный момент корректнее говорить скорее об определенных тенденциях: диалект действительно играет важную роль в формировании этнокультурной идентичности, но его нельзя рассматривать изолированно от других факторов.

Библиографические ссылки

1. ISTAT. L'uso della lingua italiana, dei dialetti e delle lingue straniere : [сайт]. URL: https://www.istat.it/it/files/2017/12/Report_Uso-italiano_dialetti_altrelingue_2015.pdf (дата обращения 05.05.2022).
2. Les lieux de la mémoire // Publ. Sous la dir. de P. Nora. T. 1. Paris : Gallimard, 1997.
3. Либертини Р, Чельшева И. И. Региональная идентичность и диалект в Абруццо (Италия) // Социолингвистика. 2020. No 4(4). С. 103–115.
4. Joseph J. Language and Identity: National, Ethnic, Religious. Basingstok : Palgrave, 2004.

Л. Н. Захарова

*Национальный исследовательский
Нижегородский университет им. Н. И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия*

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ ПЕРСОНАЛА

Представлены результаты теоретико-эмпирического исследования социально-психологического возраста персонала в инновационных и ординарных компаниях. Показано, что, независимо от хронологического возраста и гендерной принадлежности, персонал инновационных компаний имеет более молодой социально-психологический возраст, который является ключевым показателем субъективного благополучия персонала в условиях внедрения инноваций.

Ключевые слова: Индустрия 4.0, персонал, хронологический возраст, организационная культура, социально-психологический возраст, субъективное благополучие.

Lyudmila N. Zakharova

*National Research Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia*

SUBJECTIVE WELL-BEING AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL AGE OF PERSONNEL

The results of theoretical and empirical study of the socio-psychological age of the personnel in innovative and ordinary companies are presented. It is shown that regardless of chronological age and gender affiliation, the personnel of innovative companies have a younger socio-psychological age, which is a key indicator of the subjective well-being of staff in the context of innovation.

Keywords: Industry 4.0, personnel, chronological age, organizational culture, socio-psychological age, subjective well-being.

Введение. Наступление нового технологического уклада Индустрии 4.0, несущего изменения на рынке труда, исчезновение одних и возникновение других профессий, новые требования к персоналу [1], пандемия, беспрецедентные западные санкции создают исключительные вызовы экономике на фоне дефицита инновационности и низкой производительности труда, по данным Министерства экономического развития, в 2–3 раза уступающей, развитым странам. Россия занимает в 2021 г. 45-е место в Глобальном индексе инновационности, причем по качеству человеческого капитала — 26-е место, а по результативности деятельности, связанными с инновациями, — только 56-е [2]. В исследовании изучено субъективное благополучие как эмоциональный регулятор принятия персоналом инноваций (СБ) [3]. Цель исследования — сравнительный анализ СБ персонала в компаниях, успешно входящих в новый технологический уклад (далее — инновационные компании), и компаний, менеджмент которых на протяжении многих лет безуспешно пытается перевести их в инновационный формат развития (далее — ординарные компании).

Материалы и методы. Общее количество респондентов 840 чел., мужчины и женщины, врачи (класс профессий «человек — человек») и инженеры (класс профессий «человек — техника») трех возрастных групп. В комплекс показателей СБ включены индивидуальные ценности организационного развития (метод OSAI К. Камерона и Р. Куинна), уровень переживаемого организационного стресса (шкалы дистресса Р. Кесслера), самооценка усталости от труда и организационных отношений, самооценка общего состояния здоровья, состояния нервной системы и сердечно-сосудистой системы, психологического самочувствия в трудовом коллективе и возрастная самооценка (авторские анкеты, сочетающие вопросы и прямое шкалирование). В качестве эффектов СБ изучены личностная вовлеченность в трудовой процесс (метод личностных самоидентификаций М. Куна и Т. МакПартленда), участие в корпоративном обучении и самостоятельное повышение квалификации (авторская анкета). Возрастная самооценка (психологический возраст) сравнивалась с оценкой возраста сотрудников менеджерами (социально-психологический возраст).

Результаты.

1. Установлено, что для инновационной производственной компании характерна ОК рыночно-иерархического типа с выраженным адхократическим компонентом. В медицинской сложилась более сбалансированная ОК, но также с выраженным адхократическим компонентом. В ординарных компаниях выявлена кланово-иерархическая (в медицинской) и иерархически-клановая (в производственной) модели с минимальным присутствием адхократического компонента. Таким образом, можно видеть, что менеджмент ординарных компаний пытается перевести их в инновационный формат развития, не меняя ценностную основу ОК. Понимая, что ценности являются предикторами поведения, понятна и тщетность управленческих усилий. Полученные данные хорошо согласуются с результатами исследований жизнеспособных ОК в развитых экономиках [4].

2. Выявлены существенные различия в комплексах показателей СБ персонала инновационных и ординарных компаний, независимо от класса профессий и хронологического возраста персонала. Для персонала инновационных компаний характерна приверженность инновационным ценностям, готовность наращивать инновационность компании, меньшая усталость, существенно более высокая оценка состояния своего здоровья. Разница в оценке состояния здоровья между группами с разным хронологическим возрастом есть, но в инновационных компаниях показатели значимо лучше, чем у их сверстников в ординарных компаниях. Персонал инновационных компаний закономерно чувствует себя моложе своего хронологического возраста. Уровень организационного стресса не только существенно выше у всех гендерных и возрастных групп в ординарных компаниях, но и превышает показатели нормы по Р. Кесслеру. Показано, что в условиях попыток менеджмента внедрить инновации психологическая защита, даваемая клановым компонентом ОК, перестает выполнять эту свою функцию.

3. Поскольку СБ само по себе в трудовой деятельности не может рассматриваться как безусловная ценность, а только в сочетании с результативностью труда, важно контролировать эффекты СБ. В инновационных компаниях личностная вовлеченность в трудо-

вую деятельность, участие персонала в корпоративном обучении, работе с информацией, самообразовании существенно выше, чем в ординарных. Особенно показательно, что персонал, достигший пенсионного возраста, готов продолжать трудовую деятельность значительно чаще, чем это наблюдается в ординарных компаниях.

4. В качестве интегрального показателя СБ вполне обоснованно рассматривать социально-психологический возраст персонала. Менеджмент инновационных компаний оценивает большую часть персонала по проявлениям в труде как более молодых и соответствующих требованиям нового технологического уклада. Этот факт менеджерской оценки хорошо согласуется с самооценкой возраста персоналом.

5. На основе применения теоретического анализа к полученным результатам удалось разработать теоретическую модель СБ как социального действия, интерактивного по своей природе и с системной детерминацией на уровнях культуры общества, организационной культуры, личности и психофизиологическом уровне [5]. ОК рассматривается ключевая детерминанта, поскольку она смягчает действие культурных ценностей в условиях сложных вызовов, прививает инновационные индивидуальные ценности, модели поведения и дает чувство СБ, активизирует личностную активность персонала и осуществляет профилактику организационного стресса.

6. Дан анализ управленческих практик достижения СБ персонала. Показано значение построения жизнеспособной корпоративной культуры, ценностной переориентации персонала, поддерживающей модели управленческого взаимодействия, сервисного лидерства.

Заключение. Существующая возможность перейти к мобилизационной экономике, потеря доступа к новым технологиям не снимет необходимость в эмоциональных регуляторах инновационного поведения, а усилит ее, обострится проблема качества жизни персонала. Усиление турбулентности, давление сроков выполнения работ, ответственности способствуют росту организационного стресса, препятствующему созданию инновационных продуктов и принятию инноваций персоналом. Последствия управленческого игнорирования СБ персонала могут быть разрушительными.

Библиографические ссылки

1. *Schwab K.* The Fourth Industrial Revolution. New York : Crown Business, 2017. 172 p.
2. Global Innovation Index 2021 / eds. S. Dutta, L. R. Leyn, S. Wunsch-Vincent. Cornell SC Johnson College of Business, 2021 : [website]. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2021.pdf (accessed: 29.04.2022).
3. Subjective well-being: three decades of progress / E. Diener, E. M. Suh, R. E. Lucas et al. // Psychological Bulletin. 1999. Vol. 125, № 2. P. 276–302.
4. *Duchek S.* Organizational resilience: a capability-based conceptualization // Business Research. 2020. Vol. 13, № 1. P. 215–246.
5. *Захарова Л. Н.* Субъективное благополучие персонала как социальное действие в условиях внедрения инноваций // Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии / отв. ред. А. А. Грачев, А. Л. Журавлев, А. Н. Занковский. М. : Ин-т психологии РАН, 2021. С. 837–851.

Э. Ф. Зеер

В. В. Сыманюк

*Российский государственный
профессионально-педагогический университет
Екатеринбург, Россия;
Московский государственный областной университет
Москва, Россия*

ПЕРСНИФИКАЦИЯ КАК ПРЕДИКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ СУБЪЕКТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье анализируется персонификация субъекта как интегративного метакачества, обуславливающего успешность профессиональной деятельности и самореализацию обучающихся в будущем. Приведены основные функции структурных составляющих персонификации. Результатом персонифицированного обучения является самореализация обучающихся в учебной деятельности и прогнозирование своего профессионального будущего.

Ключевые слова: персонификация, субъект, успешность профессиональной деятельности, самореализация в будущем.

Ewald F. Zeer

Valery V. Symaniuk

*Russian State Vocational Pedagogical University
Ekaterinburg, Russia;
State Educational Institution of Higher Education
"Moscow State Regional University"
Moscow, Russia*

PERSONIFICATION AS A PREDICTOR FOR THE FORMATION PROFESSIONAL SUCCESS OF THE SUBJECT OF ACTIVITY

The article analyzes the personification of the subject as an integrative meta-quality that determines the success of professional activity and self-realization of students in the future. The main functions of the structural components of personification are given. The result of personalized learning

is the self-realization of students in educational activities and the prediction of their professional future.

Keywords: personification, subject, success of professional activity, self-realization in the future.

Введение. Одной из актуальных проблем современной профессиологии является прогнозирование и формирование социально-профессиональной успешности субъектов учебной и профессиональной деятельности.

Исходным компонентом выступает успешность — способность и умение достигать успеха целей своей деятельности. Процесс и результат успешной деятельности обуславливает чувство удовлетворенности и сопровождается положительными эмоциями.

Профессиональная успешность — это интегративный показатель состоятельности субъекта деятельности, отражает её соответствие требованиям профессии, характеризуется высокой результативностью, достижениями, стремлением реализовать себя в выполняемой деятельности и прогнозируемом будущем.

Ценностно-смысловая, социальная и личностная значимость профессиональной успешности обуславливает необходимость её формирования. Реализация этой целевой установки возможна на основе структурно-функциональной модели профессиональной успешности.

Материалы и методы. Анализ литературных источников профессиологии успешности показывает многообразие в трактовке успешной профессиональной деятельности. Одни ученые, в качестве смыслопоражающего фактора, рассматривают способности (Е. Г. Ананьев, К. К. Платонов, Б. М. Теплов), другие — придают важное значение профессионально-важным качествам (Б. Ф. Ломов, Е. А. Милерян, В. Д. Шадриков), третьи исследователи подчеркивают значимость индивидуальных качеств, обеспечивающих успешность деятельности (В. А. Бодров, Е. А. Климов, В. А. Пономаренко) [1]. Е. А. Родионова в качестве основной характеристики успешной профессиональной деятельности специалиста рассматривает его субъектность [2], В. А. Толочек — внутренние психологические ресурсы человека [3]. А. А. Деркач считает, что

успешность специалиста определяется соответствием профессионально значимых результатов степени удовлетворенности процессом деятельности [4].

Несмотря на многообразие научно-теоретических и практико-ориентированных оснований, структурных составляющих успешности, исследователи отмечают ее индивидуальность, а механизмом реализации выступает психологический (психофизиологический) потенциал личности.

Общине представленных в исследованиях профессиологических оснований (механизмов) детерминирующих профессиональную успешность субъектов деятельности можно выделить следующие ее конструкторы: способности, профессионально важные качества, профессионально-личностный потенциал, психологические ресурсы, субъектность, саморегуляцию деятельности, самоактуализацию и другие социально-профессионально ориентированные характеристики обуславливающих успешность профессиональной деятельности.

Конвергенция этих смыслообразующих факторов профессиональной успешности, определяющих внутреннюю психологическую активность личности, позволяет нам выдвинуть эвристическую гипотезу об интегративном метакачестве — персонификации субъекта деятельности обуславливающая взаимодействие (интеграцию) индивидуального, личностного и профессионального развития человека.

Индивидуальные особенности: темперамент, способности, характер человека; личностные характеристики: отношения, мотивы, ценностно-смысловые ориентации; эмоционально-волевая сфера: произвольная активность, саморегуляция, идентичность обуславливают успешность (продуктивность) освоения деятельности, темп и уровень профессионального развития способствуют формированию социально и профессионально значимых качеств.

Все названные (перечисленные) виды развития взаимосвязаны и обуславливают персонификацию субъекта деятельности, которая выступает тематическим ядром (фактором) обеспечивающим успешность профессиональной деятельности, а учитывая неравномерность развития каждого фактора и индивидуально-психологи-

ческие особенности субъектов деятельности, у каждой личности формируется своя индивидуальная траектория реализации успешности в зависимости от уровня выраженности субъектности, социально-профессионального потенциала, психологического ресурса, (энергичности) субъекта деятельности.

Эти характеристики (факторы) обуславливают персонификацию субъекта, которая выступает смыслопорождающим предиктором ее социально-профессиональной успешности.

Персонификация как интегративное метакачество обуславливает, детерминирует динамику, направленность и результативность профессиональной успешности и рассматривается нами как внутренняя деятельность психики человека, обеспечивает его преобразовательную активность и профессиональную состоятельность. Учитывая ее субъектность, направленность и саморегуляцию есть все основания считать ее ведущей деятельностью в формировании социально-профессиональной успешности.

Важной характеристикой персонификации выступает ее направленность: мотивы, цель, ценностно-смысловые ориентации, самоопределение, транспективность, характеризующие траекторию развития и трансцендентность — готовность к самореализации за пределами выполняемой профессиональной деятельности.

Активность субъекта персонификации преобразовывается в сверхнормативную, которая определяет ответственную самостоятельность, мобильность, толерантность к неопределенности, саморазвитие и самоактуализацию.

Следующей психологической характеристикой субъекта персонификации выступает регуляция своей деятельности — согласование внутренней активности личности с внешними обстоятельствами и ситуациями. Большое значение имеет саморегуляция своей идентичности, отстаиванию своей индивидуальности.

Результаты. Приведенным логико-смысловым анализом субъекта персонификации позволит нам выделить его три базовых, смыслообразующих компонента.

— направленность, включающей мотивацию, цели, ценностные ориентации, самоопределение, транспективность;

— сверхнормативную активность: социально-профессиональная состоятельность, готовность к преобразованию себя, ответственная самостоятельность, идентичность, самоактуализация;

— осознанная самоорегуляция, обуславливающая регуляцию психических состояний, регуляцию деятельности, преадаптацию к неопределенности, трансцендентности, индивидуальности, индивидуальный стиль деятельности.

Смыслообразующее концептуальное положение: персонификация выступает как внутренняя активность личности по преобразованию и утверждению своей субъектности, индивидуальности и выступает как ведущая деятельность обеспечивающая формирование социально-профессиональной успешности человека [5].

Заключение. Приведем основные функции структурных составляющих персонификации:

— компонента направленности: мотивация преобразования себя;

— регулятивная компонента: согласование внутренней активности с внешними условиями реализации деятельности;

— компонента социально-профессиональной состоятельности определяется сверхнормативной активностью по самореализации субъекта деятельности.

Основная целевая ориентация персонификации личности — обеспечение профессиональной успешности на основе внутренних резервов, профессионально-психологического потенциала и реализации субъектности.

В качестве образовательной парадигмы формирования профессиональной успешности выступает персонифицированное обучение, ориентированное на самостоятельное проектирование содержания технологий учебно-профессиональной деятельности, персонализированной траектории развития и критериальной оценки своих достижений.

Результатом персонифицированного обучения является самореализация обучающихся в учебной деятельности и прогнозирование своего профессионального будущего.

Библиографические ссылки

1. *Геворкян Г. Г.* Профессиональная успешность как предмет научной рефлексии в зарубежной и отечественной психологии // Гуманизация образования. 2015. № 5. С. 12–19.
2. *Родионова Е. А.* Субъектный подход к определению профессиональной успешности // Сб. материалов междунар. конф. Ч. 1. МГППУ, 2013. С. 295–308.
3. *Толочек В. А.* Профессиональная успешность: понятия «способность» и ресурсы в объяснении феномена // Человек, сообщество, управление. 2010. № 2. С. 20–38.
4. *Деркач А. А.* Акмеология М. : РАКС. 2002. С. 140.
5. *Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э.* Персонификация личности как предиктор преодоления кризиса утраты профессиональной деятельности в возрасте поздней зрелости // Сибир. псих. журнал. 2022. № 84. С. 18–26.

М. В. Зиннатова

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

РЕФЛЕКСИВНАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ В СТРУКТУРЕ САМОТРАНСЦЕНДЕНЦИИ СУБЪЕКТА

В статье рассматривается компонент теоретической структуры самотрансценденции субъекта — рефлексивная саморегуляция. Акцентируется внимание на индикаторах данного феномена: внутренний локус контроля, толерантность к неопределенности, гибкость в организации жизнедеятельности. Делается вывод о согласованности самотрансценденции и рефлексивной саморегуляции субъекта.

Ключевые слова: самотрансценденция, рефлексивная саморегуляция, внутренний локус контроля, толерантность к неопределенности, гибкость в организации жизнедеятельности.

M. V. Zinnatova

*Ural Federal University named
after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia*

REFLEXIVE SELF-REGULATION IN THE STRUCTURE OF SELF-TRANSCENDATION

The article considers a component of the theoretical structure of the self-transcendence — reflexive self-regulation. Attention is focused on the indicators of this phenomenon: internal locus of control, uncertainty tolerance, flexibility in the organization of life. The conclusion is made about the consistency of self-transcendence and reflexive self-regulation of the subject.

Keywords: self-transcendence, reflexive self-regulation, internal locus of control, uncertainty tolerance, flexibility in the organization of life.

Введение. Движение субъекта к самотрансценденции обеспечивает возможность личностной трансформации, построение кон-

структивных траекторий развития в изменяющихся объективных условиях, выход за пределы собственных осознаваемых возможностей и максимальную реализацию индивидуального потенциала в процессе жизненной и профессиональной самореализации.

Самотрансценденция трактуется нами как субъектное свойство личности, обеспечивающее выход за пределы действительного (осознанного) себя, постижение собственных возможностей, их осознание и воплощение в объективной реальности (деятельности, поведении, социальных отношениях). Самотрансценденция означает проектирование себя за пределами себя, отражает способность расширить свои границы и ориентироваться на перспективы, деятельность и цели за пределами себя, не отрицая ценности пребывания в настоящем времени. Через нее утверждается личность и индивидуальность человека, является показателем личностной зрелости и одновременно условием ее достижения, выступает механизмом достижения самоактуализации, саморазвития, самоосуществления, акме субъектом.

Понимание сущности самотрансценденции невозможно без определения сущности ее компонентов, в частности, рефлексивной саморегуляции.

Материалы и методы. Методами исследования выступили теоретический и феноменологический анализ. Материалами для исследования явились научные изыскания отечественных и зарубежных ученых в отношении феноменов самотрансценденции и рефлексивной саморегуляции, а также авторская структура самотрансценденции личности, одним из компонентов которой выступает рефлексивная саморегуляция.

Результаты. Истоки изучения самотрансценденции лежат в философских идеях о трансцендентности и трансценденции (Платон, И. Кант, С. Франк). Увидеть упоминания о самотрансценденции можно в трудах отечественных (О. И. Жукова, В. И. Кутугина, В. А. Петровский, Е. В. Селезнева, В. В. Собольников) и зарубежных ученых (С. Е. Ackerman, D. D. Coward, F. A. Fishke, Р. Клонингер, А. Маслоу, П. Рид, В. Франкл).

Важно определить структуру самотрансценденции личности с целью ее дальнейшего целенаправленного и детального изучения.

На основании идей отечественных и зарубежных ученых (Н. П. Долгих, Г. А. Касена, А. Лэнгле, В. Д. Менделевича, В. Франкла и др.) была разработана теоретическая структура самотрансценденции, включающая когнитивный, прогностический, эмоциональный компоненты, рефлексивную саморегуляцию, субъектно-ситуационный и операциональный компоненты.

В рамках данной статьи мы предлагаем уделить внимание рефлексивной саморегуляции в структуре самотрансценденции субъекта.

Как отмечает Г. В. Ожиганова, рефлексивность — устойчивая черта личности, связанная с возможностью актуализации рефлексивных состояний и процессов, имеющая разную меру выраженности у каждого индивида [1]. Согласно Д. А. Леонтьеву и А. Ж. Аверинной, рефлексивность в процессе саморегуляции проявляется в тех случаях, когда необходимо «...перестраивать сложившийся способ действия, анализируя структуру своих действий, не приводящих к успеху» [2, с. 6].

Н. П. Долгих, говоря о самоосуществлении личности, описывает рефлексивную саморегуляцию как механизм целостного согласования всей системы индивидуально-личностных особенностей человека с целями его саморазвития, который обеспечивает актуализацию возможностей личности, компенсацию недостатков, регуляцию индивидуальных состояний в связи с задачами самоактуализации, самосовершенствования и самореализации [3, с. 49]. Рефлексивная саморегуляция, по мнению Н. П. Долгих, обеспечивается внутренним локусом контроля, толерантностью к неопределенности и гибкостью в организации жизнедеятельности [3].

А. А. Бодалев и В. В. Столин описывают положительную связь интернальности с «социальной ответственностью, с осознанием человеком смысла, целей в жизни», для них характерен самоконтроль и принятие своего Я [4, с. 397], по сравнению с экстерналами. Внутренний локус контроля обычно характерен для уверенных в себе людей, настойчивых и последовательных в достижении целей, независимых и склонных к самоанализу [5, с. 334].

Смысл неопределенности заключается в неточности, неясности, неизвестности ситуации, отношений, будущего. Устойчивость личности к таким явлениям является толерантностью к неопреде-

ленности. Более того, субъектная позиция позволяет человеку быть активным, принимать решения, стремиться к развитию, планировать будущее в таких условиях.

Гибкость в организации жизнедеятельности можно определить как готовность личности к переменам, которая характеризуется энергичностью, умением находить выходы из сложных ситуаций и решать новые проблемы, верой в себя и свои возможности, способностью перестраиваться в новых ситуациях, спокойным отношением к отсутствию ясных ответов, самообладанием [6].

Заключение. Обозначенные индикаторы рефлексивной саморегуляции (внутренний локус контроля, толерантность к неопределенности, гибкость в организации жизнедеятельности) согласуются со способностью субъекта расширять свои границы и ориентироваться на перспективы, деятельность и цели за пределами себя, т. е. с самотрансценденцией. Данное заключение ограничено теоретическим анализом и нуждается в эмпирической проверке.

Библиографические ссылки

1. *Ожиганова Г. В.* Рефлексия, рефлексивность и высшие рефлексивные способности: подходы к исследованию // *Вестн. КГУ. Педагогика. Психология. Социокинетика.* 2018. № 4. С. 56–60.

2. *Леонтьев Д. А., Аверина А. Ж.* Феномен рефлексии в контексте проблемы саморегуляции // *Психологические исследования : электрон. науч. журнал.* 2011. № 2(16). С. 1–17. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/860/464> (дата обращения: 15.06.2022).

3. *Долгих Н. П.* Психология готовности личности к самоосуществлению : учеб. пособие. Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2017. 216 с.

4. *Бодалев А. А., Столин В. В.* Общая психодиагностика. СПб. : Изд-во «Речь», 2002. 440 с.

5. *Словарь психолога-практика / сост. С. Ю. Головин.* Минск : Харвест, М. : АСТ, 2001. 976 с.

6. *Зеер Э. Ф., Зиннатова М. В.* Психологическое профессиоведение : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2019. 135 с.

К. В. Злоказов

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия*

САМООТНОШЕНИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНИКА: ЭФФЕКТ СОПРЯЖЕНИЯ

Рассмотрены проблематика формирования образа «Я» преступника и система его связей с социальным окружением. Описаны изменения образа «Я» преступника в пред- и посткриминальный этапы преступного образа жизни. Описаны особенности взаимодействия преступника с социальным окружением, дана характеристика их интерактивной и аффективно-перцептивной сторон. Показано сопряжение самоотношения и социального взаимодействия, определен социально-психологический эффект сопряжения, заключающийся в социально-исключенном образе жизни преступника.

Ключевые слов: самоотношение преступника, социальное взаимодействие, социальное окружение, рецидивная преступность, профилактика преступлений.

Kirill V. Zlokazov

*St. Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Saint Petersburg, Russia*

SELF-PERCEPTION AND SOCIAL INTERACTION OF THE OFFENDER: THE EFFECT OF CONJUGATION

The problems of formation of the criminal's "self image" and the system of his relations with the social environment are considered. The changes in criminal's "self-image" during the pre- and post-criminal stages of the criminal lifestyle are described. Features of interaction of the criminal with social environment are described, their interactive and affective-perceptual sides are characterized. The conjugation of self-perception and social inter-

action is shown, the socio-psychological effect of conjugation, consisting in a socially excluded way of life of the offender is determined.

Keywords: the offender's self-concept, social interaction, social environment, recidivism, crime prevention.

Введение. Исследование образа «Я» преступника, а также его взаимодействия с социальным окружением являются актуальными предметами изучения. С практической точки зрения они оба являются источником важной информации о личности преступника, его антиобщественной направленности и готовности к преступным действиям. Помимо прочего, содержание социальных связей характеризует условия и отношения, в которых формируется личность преступника, возникает склонность к преступному образу жизни. Вместе с тем образ «Я» преступника, равно как и система его отношений с окружающими людьми, описываются и изучаются дифференцировано и взаимоотношения между ними не прослеживаются. В то же время современные исследования показывают, что данные образования в определенной степени сопряжены [1]. В этой связи целесообразно рассмотреть влияние образа «Я» на взаимодействие с социальным окружением.

Материалы и методы исследования. Материалами исследования выступают современные теоретические представления о функциях образа «Я» преступника. Применяются общенаучные методы анализа и синтеза, посредством которых осуществляется обобщение представлений об образе «Я» и взаимодействии преступника с социальным окружением.

Результаты исследования. Современные представления о значении образа «Я» преступника наделяют его функцией регуляции взаимодействия с окружающими людьми на разных этапах криминального действия. Так, на предкриминальном этапе представление о себе как жертве обстоятельств, профессиональном преступнике, соучастнике или мстителе обосновывает причину преступления, влияет на формирование отношения к этому событию, в том числе преодоления чувства вины. На посткриминальном (этапе отбывания наказания) противоречия и новообразования в образе «Я» побуждают либо к возвращению к правопослушному образу жизни,

либо сохраняют уровень криминализации, способствуя совершению повторного преступления. Помимо регуляции, образ «Я» выполняет функции самопрезентации преступника окружающим его людям, определяя их впечатление, задавая определенный шаблон восприятия [2]. Заметим, что система социальных связей преступника претерпевает изменения, соответствующие трансформациям образа «Я». Как следствие, преступникам с продолжительным криминальным стажем присуще негативное представление о себе как участнике социального взаимодействия. В этой связи заметным отличием преступников от правопослушных граждан выступают упрощенная социальная идентификация (использование меньшего числа категорий, их обобщенности), снижение уровня социальной самооценки (т. е. оценки себя во взаимодействии с окружающими) и убежденность в низкой социальной эффективности — неспособности влиять на других людей, устанавливать и поддерживать с ними отношения [3]. Наряду с этими негативными характеристиками образа «Я», отношениям с социальным окружением также присущи изъяны [4]. Так, с интерактивной стороны взаимодействие преступников выражается в меньшем количестве социальных связей, наличии барьеров коммуникации, меньшем числе референтных лиц и стремлении к неподчинению окружающим. С аффективно-перцептивной стороны, социальные связи преступников характеризуются чувством враждебности и недоверия, ожиданием предательства и отказом в помощи со стороны близких им лиц.

Заключение. Обобщая полученные результаты, можно заключить, что образ «Я» преступника и система социальных связей сопряжены. Восприятие себя в качестве преступника вероятно влияет на образ «Я», изменяя самоотношение и сказываясь на социальном взаимодействии. В свою очередь, окружающие люди посредством выражения своего отношения в ходе совместной деятельности формируют представление преступника о себе, усиливают его негативное самоотношение. Описанное сопряжение может вызывать и другие последствия, одним которых может являться социально исключенный образ жизни преступника. Его субъект, с одной стороны, негативно оценивает себя, свои социальные возможности и перспективы, с другой — избегает установления устойчивых со-

циальных связей и изменения отчуждения, в котором оказывается. Как следствие, не имея возможности получать поддержку окружающих его людей, преступник вынужден использовать любые, в том числе и незаконные способы решения жизненных проблем. Завершая, отметим, что выявление отношений между образом «Я» и характеристиками социальных связей преступника открывает дополнительные возможности изучения социальных причин совершения преступлений, их предупреждения и профилактики.

Библиографические ссылки

1. *Hardie-Bick J.* Identity, imprisonment and narrative configuration // *New Criminal Law Review*. 2018. № 21 (4). P. 567–591.
2. *Youngs D., Canter D. V.* Offenders' Crime Narratives as Revealed by the Narrative Roles Questionnaire // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2012. № 57(3). P. 289–311.
3. *Чернышева Е. В.* Особенности Я-концепции личности осужденных : автореф. дис. ... канд. псих. наук. Екатеринбург, 2005. 24 с.
4. *Злоказов К. В.* Социальное пространство в представлении преступника. СПб. : С.-Петербург. ун-т Мин-ва внутр. дел Российской Федерации, 2021. 264 с.

А. А. Золотарева

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Москва, Россия;

Национальный исследовательский университет

«Южно-Уральский государственный университет»

Челябинск, Россия

ПСИХОСОМАТИЧЕСКИЕ СИМПТОМЫ И СУБЪЕКТИВНЫЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТАТУС

Целью исследования стало изучение различий в психосоматических симптомах у людей с разным уровнем субъективного социально-экономического статуса (СЭС). В исследовании приняли участие 1 987 респондентов, заполнивших шкалу соматических симптомов и шкалу МакАртура. Результаты исследования показали, что клинически значимая соматизация была обнаружена у 50,5 % респондентов с низким СЭС, 37,7 % респондентов со средним СЭС и 31 % респондентов с высоким СЭС. С ростом субъективного СЭС наблюдалось снижение частоты встречаемости практически всех психосоматических симптомов. В заключение делается вывод о необходимости измерения субъективного СЭС в психосоматических исследованиях.

Ключевые слова: психосоматические симптомы, субъективный социально-экономический статус, психосоматическая медицина.

Alena A. Zolotareva

HSE University

Moscow, Russia;

South Ural State University

Chelyabinsk, Russia

PSYCHOSOMATIC SYMPTOMS AND SUBJECTIVE SOCIO-ECONOMIC STATUS

The aim of this study was to examine differences in psychosomatic symptoms among persons with various levels of subjective socio-economic status

(SES). The participants were 1,987 volunteers who completed the Somatic Symptoms Scale and the MacArthur Scale. The results showed that clinically significant somatization was found in 50.5 % of respondents with low SES, 37.7 % of respondents with medium SES, and 31 % of respondents with high SES. As the subjective SES increased, there was a decrease in the frequency of almost all psychosomatic symptoms. In conclusion, it is necessary to measure subjective SES in psychosomatic research.

Keywords: psychosomatic symptoms, subjective socio-economic status, psychosomatic medicine.

Введение. В самом широком смысле социально-экономический статус (СЭС) определяется как мера совокупного социального и экономического положения человека. Современные специалисты выделяют три основных момента, касающихся связи между здоровьем и СЭС [1]. Во-первых, СЭС определяет способность человека приобретать ресурсы для укрепления здоровья (оплачивать медицинские консультации и обследования, проходить профилактические осмотры, покупать дорогостоящие лекарственные средства и т. д.). Во-вторых, ранняя социализация привычек, связанных со здоровьем, чаще происходит в семьях с более высоким уровнем СЭС. Это связано с тем, что в семьях с более высоким уровнем СЭС родители имеют больше информационных и финансовых ресурсов для приобщения детей к здоровым привычкам. В-третьих, связь между здоровьем и СЭС двунаправленна. Общее состояние здоровья также влияет на СЭС, поскольку менее здоровые люди получают более скромное образование, чаще пропускают работу из-за проблем, связанных со здоровьем, и, как следствие, имеют более низкие доходы и меньшее финансовое благосостояние. Социальные и экономические события, такие как болезнь и безработица родителей в юности, насилие, собственная безработица и финансовые трудности во взрослом возрасте, оказались важными факторами развития психосоматических симптомов в течение жизни [2].

Целью настоящего исследования стало изучение различий в психосоматических симптомах у людей с разным уровнем субъективного СЭС для определения необходимости измерения субъективного СЭС в психосоматических исследованиях.

Материалы и методы. Выборка исследования была собрана с помощью рекрутинговой компании «Анкетолог». В исследовании приняли участие 1 987 респондентов, в том числе 669 (33,7 %) мужчин и 1 318 (66,3 %) женщин в возрасте от 18 до 80 лет. Все респонденты заполнили шкалу соматических симптомов (Somatic Symptom Scale-8, SSS-8), оценивающую степень тяжести соматизации [3] и шкалу МакАртура (MacArthur Scale, MAS), диагностирующую уровень субъективного СЭС [4].

Результаты. Среди респондентов 15 % отметили низкий субъективный СЭС, 76,2 % — средний, 8,8 % — высокий. Клинически значимая соматизация была обнаружена у 50,5 % респондентов с низким СЭС, 37,7 % респондентов со средним СЭС и 31 % респондентов с высоким СЭС ($\chi^2(2) = 22,305, p < 0,001$). Степень выраженности практически всех психосоматических симптомов снижалась с ростом уровня субъективного СЭС. Проблемы с желудочно-кишечным трактом в той или иной мере отметили 67,6 % респондентов с низким СЭС, 61,7 % респондентов со средним СЭС и 53,4 % респондентов с высоким СЭС ($\chi^2(8) = 26,031, p = 0,001$). Боль в спине отметили 81,3 % респондентов с низким СЭС, 72,9 % респондентов со средним СЭС и 70,7 % респондентов с высоким СЭС ($\chi^2(8) = 22,832, p = 0,004$). Боль в руках, ногах или суставах отметили 74,6 % респондентов с низким СЭС, 64,5 % респондентов со средним СЭС и 60,3 % респондентов с высоким СЭС ($\chi^2(8) = 32,382, p < 0,001$). Боль в груди или одышку отметили 56,5 % респондентов с низким СЭС, 40,1 % респондентов со средним СЭС и 32,8 % респондентов с высоким СЭС ($\chi^2(8) = 46,607, p < 0,001$). Чувство усталости или недостаток энергии отметили 90,6 % респондентов с низким СЭС, 87,8 % респондентов со средним СЭС и 76,4 % респондентов с высоким СЭС ($\chi^2(8) = 44,521, p < 0,001$). Проблемы со сном отметили 73,2 % респондентов с низким СЭС, 69,4 % респондентов со средним СЭС и 60,9 % респондентов с высоким СЭС ($\chi^2(8) = 27,853, p = 0,001$).

Заключение. Тот факт, что при росте субъективного СЭС наблюдается снижение частоты встречаемости психосоматических симптомов, подтверждает необходимость измерения субъективного СЭС в психосоматических исследованиях. Перспективами дальнейших исследований является изучение факторов, опосредующих

связь между субъективным СЭС и психосоматическими симптомами, для разработки программ повышения психосоматического благополучия у лиц с низким уровнем объективного и субъективного социально-экономического статуса.

Библиографические ссылки

1. *Baker E. H.* Socioeconomic status, definition // *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Health, Illness, Behavior, and Society* / ed. by W. C. Cockerham, R. Dingwall, S. R. Quah. John Wiley & Sons, Ltd. New Jersey. 2014. P. 2210–2214.

2. *San Sebastian M., Hammarström A., Gustafsson P. E.* Socioeconomic inequalities in functional somatic symptoms by social and material conditions at four life course periods in Sweden: a decomposition analysis // *BMJ Open*. 2015. № 5. P. e006581. DOI: 10.1136/bmjopen-2014-006581

3. The somatic symptom scale-8 (SSS-8): a brief measure of somatic symptom burden / B. Gierk, S. Kohlmann, K. Kroenke, L. Spangenberg et al. // *JAMA Internal Medicine*. 2014. № 174(3). P. 399–407. DOI: 10.1001/jamainternmed.2013.12179

4. Relationship of subjective and objective social status with psychological and physiological functioning: preliminary data in health white women / N. E. Adler, E. S. Epel, G. Castellazzo et al. // *Health Psychology*. 2000. № 19(6). P. 586–592. DOI: 10.1037//0278-6133.19.6.586

Е. С. Зорина

*Лаборатория междисциплинарных исследований
в области госпитальной педагогики
ФГБНУ «Институт возрастной физиологии РАО»
Проект госпитальных школ России «УчимЗнаем»
Москва, Россия*

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД РЕМИССИИ ДЕТЕЙ, ПЕРЕНЕСШИХ ОНКОЛОГИЧЕСКИЕ И ГЕМАТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ

Анализируются особенности детско-родительских отношений в семьях, переживших длительное и жизнеугрожающее заболевание ребенка. Выявляются значимые характеристики взаимодействия между членами семьи в период ремиссии, актуальные запросы на психологическое сопровождение, трудности реабилитационного процесса.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, ремиссия, страхи, адаптация, психолого-педагогическое сопровождение.

Ekaterina S. Zorina

*Laboratory of interdisciplinary research in
the field of hospital pedagogy
of the FSBSI "Institute of Developmental Physiology
of the Russian Academy of Education"
The project of Russian hospital schools "UchimZnaem"
Moscow, Russia*

PECULIARITIES OF CHILD-PARENT RELATIONSHIPS DURING REMISSION OF CHILDREN WITH CANCER AND HEMATOLOGICAL DISEASES

The features of child-parent relations in families that have survived a child's long-term and life-threatening illness are analyzed. Significant characteristics of interaction between family members during remission,

topical requests for psychological support, and difficulties of the rehabilitation process are revealed.

Keywords: child-parent relationships, remission, fears, adaptation, psychological and pedagogical support.

Введение. Достижения современной медицины позволяют не только на ранней стадии выявлять онкологические, гематологические и иммунные заболевания, но и своевременно оказывать высокотехнологичную помощь, позволяющую большому количеству пациентов возвращаться к обычной жизни после длительного лечения [1]. Процесс психологической и социальной адаптации детей и подростков, находящихся в ремиссии, на сегодняшний день является важной частью реабилитационного маршрута, успешность которого во многом зависит от понимания исходных характеристик ребенка и его семьи. А значит, исследование особенностей детско-родительских отношений на разных этапах проживания трудной жизненной ситуации, связанной с болезнью ребенка, имеет непосредственное значение для планирования, разработки и реализации коррекционных, развивающих, адаптационных мероприятий, обеспечивающих построение эффективного, гармоничного психолого-социального и педагогического сопровождения в пост госпитальный период.

Материалы и методы. Выборку респондентов составили семьи с детьми, перенесшие онкологические и гематологические заболевания, находящиеся в ремиссии, всего 55 человек.

Диагностический материал состоял из трех частей — авторский опросник для определения текущей реабилитационной ситуации, методика «Родительское сочинение» [2] и семейная социограмма Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкиса [3]. В результате заполнения родителями авторского опросника по определению текущей реабилитационной ситуации мы получили следующие данные. В качестве достоинств 52 родителя отметили, что в реабилитационных мероприятиях, которые они получали в рамках деятельности БФ Дарина или других профильных организаций, наиболее им понравились те, в которых была насыщенная и разносторонняя программа. Наиболее запоминающиеся — занятия в кружках, иппотерапия, творческие

мастер-классы, нахождение на свежем воздухе, то есть те, которые возможность общения и развития, приносят яркие эмоции для детей, и они начинают верить в себя. Однако есть дети, которые продолжали бояться остаться без родителей и не имеют развитых по возрасту навыков самообслуживания. На вопрос, какие реабилитационные меры кажутся самыми актуальными и нужными, ответили, что это занятия с психологом, медицинские, развлекательные и культурно-эстетические мероприятия. Главным результатом посчитали появление друзей, улучшение навыков общения.

Результаты. По результатам интервью 47 из 55 респондентов разговаривают со своими детьми о планах на будущее, настраивают ребенка на положительный лад. Среди сложностей школьного обучения были названы рассеянное внимание, неусидчивость на уроках, неумение слушать и запоминать полученную информацию. В процессе адаптации родители отмечали, что ребенку тяжело оставаться без близких в большом детском коллективе, справляться с провокацией и др. Только четверо родителей отметили, что у детей после лечения не было трудностей в адаптации, дети легко нашли общий язык с ровесниками. В качестве факторов, затрудняющих социализацию, родители назвали долгое нахождение в больнице, стеснительность, упрямость, не уступчивость.

Анализ данных по методике «Родительское сочинение» продемонстрировал следующие результаты. Большинство родителей 48/55 переживают за своих детей, свои предложения они заканчивали так: «жалко», «переживаю», «от радости до тревоги». 50 закончили предложения позитивно: «обнять и поцеловать», «тепло», «чувственную любовь», «от радости до гордости». 35 родителей не смогли продолжить предложение «Скорее всего он/она...». Остальные высказывание были очень позитивны: «станет учителем», «хорошим человеком», «прекрасным и успешным человеком», «станет врачом». В завершении предложения «Я всегда замечал/замечала...» 35 родителей отметили положительные стороны характера своего ребенка, его увлечения и позитивные особенности поведения. Семь респондентов — негативные: что-то беспокоит, смена настроения. Вторая шкала демонстрирует, как оценивают родители своего ребенка в сравнении с другими детьми. Двенадцать родителей отметили,

что их дети менее самостоятельны. Четыре родителя написали, что их дети отстают в развитии. Остальные родители считают, что их дети взрослее своего возраста. Почти все указали, что они любят, когда их ребенок радуется и улыбается. По шкале «Значимые характеристики ребенка» среди сильных сторон его характера каждый родителей ответил по- своему: «доброта», «понимание», «целеустремленность», «уверенность», «оптимизм», «сила духа», «интерес к новому», «упорство». Родители перечисляли школьные предметы, которые хорошо даются ребенку, либо приобретенными навыками, такие как хорошее чтение, запоминание и решение головоломок. 47 из 55 родителей написали, что они любят, когда их ребенок радуется и смеется. Один респондент отметил, что ему нравится, когда его ребенок помогает ему с домашними делами. А также выделился ответ: «когда ребенок рядом и послушно себя ведет». В завершении предложения «Мне нравится в моем ребенке» родители отмечают: «любовь к жизни», «доброта, открытость, рассудительность», «глаза и ресницы», «нежная и ласковая», «честность и преданность». В завершенных родительских предложениях по шкале «Идеальные ожидания» 49 респондентов отметили, что они хотели бы, чтобы их ребенок был здоров и счастлив, два родителя написали, чтобы ребенок нашел путь к счастью, остальные респонденты отметили, чтобы ребенок был смелым и его не беспокоила болезнь. Шкале «Возможные страхи, опасения» обнаружены «раздражительность и слезы», «агрессия и упрямство», «непослушание», «безразличие к учебе». Два респондента отметили «доверчивость» и «правильность». Когда родители писали о своих страхах, они отмечали, что боятся рецидива (54 человека), опасаются, что ребенок не изменится, считают, что они мало уделяют времени своим детям. Также сильно беспокоят плохая учеба и эмоциональное состояние. Формулируя «реальные требования к ребенку», 48 родителей предъявили требования к учебе, лишь два родителя отметили, чтобы время уделял родным и сохранению здоровья. Предложение «Наши отношения с ребенком...» продолжили 39 родителей, как хорошие и доверительные, восемь родителей отметили, что трудные, остальные затруднились ответить. Все респонденты написали, что есть хобби (лепка, приготовление еды, робототехника, спорт, игры с игрушками,

поделки своими руками). 34 родителя не ответили на предложение «Скорее всего он/она...», остальная часть респондентов описали эмоциональное состояние детей и их будущую профессию.

«Семейная социограмма» позволила выявить положение субъекта в системе межличностных отношений и, кроме того, определить характер коммуникаций в семье — прямой или опосредованный. Было определено, что у 49 из 55 респондентов хорошие взаимоотношения в семье.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что большая часть семей находится в доверительных и хороших отношениях, они стараются держаться вместе и поддерживать друг друга. Родители опасаются возвращения к болезни, сложностей эмоционального состояния, они обеспокоены учебой, но у большей части хорошие взаимоотношения с детьми, у каждого ребенка есть свое любимое дело. Также значимой тревогой является вопрос успешной социализации и качества медицинской помощи. Выявленные особенности могут стать основой для создания и реализации комплексной социально-психологической программы помощи реабилитации и интеграции детей, перенесших жизнеугрожающие заболевания, и их семей.

Библиографические ссылки

1. Шариков С. В. Педагогическая поддержка образовательных возможностей детей, находящихся на длительном лечении в медицинских стационарах // Альманах Ин-та коррекц. педагогики. 2020. № 40.
2. Возрастнопсихологический подход в консультировании детей и подростков / Г. В. Бурменская, Е. И. Захарова, О. А. Карабанова и др. М. : Академия, 2002. 340 с.
3. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. СПб. : Питер, 2008. 672 с.

Е. С. Игнатова

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Пермь, Россия*

СОЦИАЛЬНЫЙ ОБМЕН ЭМОЦИЯМИ КАК ФАКТОР ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Описывается феномен социального обмена. Указываются теоретико-методологические основания теории социального обмена эмоций. Отдельное внимание уделяется роли взрослых в формировании эмоционального сознания детей, месту социального обмена эмоциями в процессе эмоционального регулирования. Приводятся аргументы в пользу эффекта социального обмена эмоций в переживании эмоционального опыта. Отмечаются ограничения, требующие дальнейшего изучения.

Ключевые слова: эмоции, социальный обмен, эмоциональная безопасность, эмоциональное регулирование.

Ekaterina S. Ignatova

*Perm State University
Perm, Russia*

SOCIAL EXCHANGE OF EMOTIONS AS A FACTOR OF EMOTIONAL SECURITY

The author describes the phenomenon of social exchange. The theoretical and methodological foundations of the theory of social exchange of emotions are indicated. Special attention is paid to the role of adults in the formation of emotional consciousness of children, the place of social exchange of emotions in the process of emotional regulation. Arguments are given in favor of the effect of social exchange of emotions in the experience of emotional experience. There are limitations that require further study.

Keywords: emotions, social exchange, emotional security, emotional regulation.

Введение. В контексте глобализации, кризиса общества потребления, тенденций изменения социальных взаимосвязей в сторону ненадежных и непредсказуемых эмоциональные переживания трансформаций воспринимаются человеком как нарушение устойчивости, риск опровержения установок и убеждений рассматривается как угроза Я-концепции. Указанный посыл сопряжен с удовлетворением потребности в безопасности [1]. В то же время переживание эмоционального опыта оказывает влияние на стремление человека к социальному контакту, актуализируя потребность в аффилиации. В связи с важностью определения эволюционно-адаптивного потенциала психического на фоне повсеместной неустойчивости возникает необходимость сформулировать, как связаны эмоциональная безопасность и социальное разделение эмоций.

Материалы и методы. Использовался феноменологический метод анализа зарубежных исследований феномена «социальный обмен эмоциями» за период 1992–2009 гг.

Результаты. Социальный обмен есть неотъемлемая часть эмоциональных переживаний, которая вносит вклад в эмоциональное восстановление [2]. Это можно объяснить динамическим отношением личности и среды, механизмом когнитивной модели эмоций и теорией привязанности. Анализ эмпирических данных позволяет говорить о привязанности как предикторе эмоциональной безопасности [3]: 1) присутствие взрослых стабилизируют эмоциональное состояние ребенка; 2) с помощью взрослых дети развивают когнитивные навыки, необходимые для совладания с эмоциональным стрессом; 3) речь взрослых способствует развитию эмоционального сознания детей; 4) взрослые передают детям культурную информацию и смыслы, необходимые для защиты от опасных воздействий; 5) взрослые знакомят детей с социальной средой через нарративы, которые: а) снижают эмоциональный стресс; б) помогают когнитивно обработать тревожную информацию; в) содействуют вербализации эмоций; г) снабжают информацией о значениях и последствиях ситуаций; д) дают возможность поделиться эмоциональными переживаниями. У детей формируется способность входить в собственный эмоциональный опыт, оценивать его, объяснять для достижения цели: прогноза и контроля собственного поведения,

других и мира. Когда возникает препятствие (происходит то, чего не ожидали; не происходит то, чего ожидали), возникает когнитивный диссонанс, проявляется негативное эмоциональное состояние. Такое состояние стимулирует когнитивную работу, направленную на редукцию диссонанса, изменение ментальных конструкций, мотивацию искать социальный контакт. Одним из способов социального обмена выступает беседа, посредством которой для снижения хаоса социальное мышление собеседников преобразует незнакомые, нетипичные, неоднозначные объекты или события в социальные репрезентации и нарративы. В пользу роли социального разделения эмоций в обработке эмоциональной информации и в устранении психологического воздействия стрессового события автор выдвигает аргументы: 1. Эмоциональные переживания проявляются через сложный комплекс ощущений, которые могут восприниматься неоднозначно. При столкновении с ними для описания социальной реальности люди мотивированы прояснить информацию у социального окружения, поговорить об эмоциях: стимулируется социальное сравнение. 2. Эмоциональные переживания имеют плотную диффузную природу, которая требует когнитивной артикуляции. Посредством языка и адресации коммуникации люди «разворачивают» эмоциональный материал, маркируют его и преобразуют в нарратив. Появляется возможность дистанцироваться от своего опыта и занять децентрализованную позицию. 3. Эмоциональные переживания влияют на самооценку, т. к. воспринимаются как неожиданное и непроизвольное событие, бросая вызов системе убеждений о себе, других и мире. Актуализируется когнитивная работа по снижению чувств устойчивости, предсказуемости и контроля над реальностью, диссонанса, направленная на восстановление убеждений либо на поиск смысла события. 4. Эмоциональные переживания запускают поиск сопереживания, которое выполняет функции: а) переосмысления ситуации; б) отвлечения внимания; в) изменения физических ощущений человека через расслабление или концентрацию внимания на конкретном желаемом состоянии; г) усиления управления впечатлением. Социальное разделение эмоций вносит вклад в эмоциональную работу личности, облегчающий и укрепляющий попытки справиться с трудностями. 5. Эмоциональные

переживания могут вызвать чрезмерное сосредоточение внимания на себе — диссоциацию человека от социального окружения [4]. Социальный обмен стимулирует и усиливает вербализацию эмоций [5]. Традиционно вербализация эмоций рассматривается как полезный и необходимый способ регуляции: до тех пор, пока люди говорят о своих эмоциях, они находятся в безопасности. Вместе с тем гипотеза «разговор помогает», т. к. снимает эмоциональное напряжение, требует дальнейшего уточнения.

Заключение. Обмен эмоциями обеспечивает психологическое благополучие; снижает интенсивность эмоционального переживания; позволяет восстановиться, сгенерировать новые смыслы и обрести идентичность. Важно учитывать ограничения в ходе прогноза положительного эффекта социального обмена для восстановления эмоциональной безопасности. Для достижения эмоционального переживания безопасности важна деятельность, связанная с разделением эмоций, символически опосредованная. Культурно приемлемый социальный обмен эмоциями снижает иррациональность аффективного состояния и неопределенность восприятия реальности.

Библиографические ссылки

1. *Игнатова Е. С.* Эмоциональный аспект безопасности // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2020. № 6. С. 161–165.
2. *Rime B.* Emotion Elicits the Social Sharing of Emotion: Theory and Empirical Review // *Emotion Review*. 2009. Vol. 1, № 1. P. 60–85.
3. Social sharing of emotion following exposure to a negatively valenced situation / O. Luminet, P. Bouts, F. Delie et al. // *Cognition & Emotion*. 2000. Vol. 14, № 5. P. 661–688.
4. Longlasting Cognitive and Social Consequences of Emotion: Social Sharing and Rumination / B. Rimé, P. Philippot, S. Boca et al. // *European Review of Social Psychology*. 1992. Vol. 3, № 1. P. 225–258.
5. Social Sharing of Emotion: New Evidence and New Questions / B. Rimé, C. Finkenauer, O. Luminet et al. // *European Review of Social Psychology*. 1998. Vol. 9, № 1. P. 145–189.

Ф. С. Исмагилова

Т. И. Касьянова

А. В. Мальцев

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

К ПРОБЛЕМЕ КАРЬЕРНОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ

В статье обсуждаются проблемы карьерного консультирования выпускников вузов. Приведен опыт Европы и России по развитию инноваций в сфере профориентации и консультирования. В основе занятий — рефлексивный процесс, который позволяет осознать себя профессионалом, конструировать разные линии своего карьерного развития. Реализация предложенного курса направлена на осознание важности проблемы вторичного профессионального самоопределения, расширение восприятия своих профессиональных возможностей для студента.

Ключевые слова: вторичное профессиональное самоопределение, профориентация, карьера, карьерное консультирование.

Fairuza S. Ismagilova

Tatyana I. Kasyanova

Alexei V. Maltsev

Ural Federal University

Yekaterinburg, Russia

ON THE PROBLEM OF CAREER COUNSELING FOR UNIVERSITY GRADUATES

The article discusses the problems of career counseling for university graduates. The experience of Europe and Russia in the development of innovations in the field of career guidance and counseling is presented. The classes are based on a reflexive process that allows you to realize yourself as a professional, to design different lines of your career development. The implementation of the proposed course is aimed at understanding

the importance of the problem of secondary professional self-determination, expanding the perception of their professional opportunities for the student.

Keywords: secondary professional self-determination, career guidance, career counseling.

Введение. В последнее время при характеристике рынка труда все чаще используют такие понятия, как турбулентная среда, непредвиденные риски, быстрые изменения, с одной стороны, и такие как экономика знаний, устаревание компетенций, экстрабилити — с другой. Теперь больше внимания уделяется нелинейным, случайным и незапланированным влияниям [1].

Сегодня существуют разные подходы к стандартизации работ, связанных с профориентацией и консультированием по вопросам развития карьеры. Примером может служить документ, разработанный консорциумом из 45 европейских вузов, согласовавших свои позиции в области профориентации: «Сетевое сообщество развития инноваций в сфере профориентации и консультирования в Европе» (NICE). NICE использует единую систему из шести профессиональных ролей консультантов, где пять ролей рассматриваются как поддержка работы исполнителя шестой роли — собственно профконсультанта, обозначаемого как CGC (Career Guidance&Counselling — руководство и консультирование по карьере) [2; 3]. Вторичная профориентация становится элементом жизненной стратегии, с которым предстоит столкнуться все большему числу работников [4].

Для профессиональных консультантов по вопросам карьеры не существует международной стандартной квалификации, хотя на национальном и международном уровнях предлагаются различные сертификаты. В зависимости от страны консультанты по вопросам карьеры могут иметь разное академическое образование: в Европе, например, наиболее распространены степени в области организационной психологии, психологии труда и педагогических наук. В России профстандартом для профконсультанта определена подготовка по таким направлениям, как психология, социальная работа, социология, педагогика [5].

Это изменение точки зрения очевидно в конструктивистской и социальной парадигмах для профориентации. В их основе нарративное консультирование по вопросам карьеры [6]. Сдвиг переходит от акцента на помощи в выборе карьеры к сопровождению процесса самоутверждения через множество возможностей и обучению процесса выбора и принятия решений [7].

Вследствие роста запросов все более актуальными становятся групповые консультации, которые предъявляют определенные требования к профконсультанту: он должен иметь навыки работы с группой, ораторские способности, уметь донести информацию, чувствовать настроение аудитории, поддерживать интерес слушателей [8].

Материалы и методы. Изложенные теоретические предпосылки позволяют предложить, что предлагаемая авторами методика группового консультирования о видах карьер как играх по разным правилам является эффективным инструментом формирования у студентов-старшекурсников установки на управление своей карьеры на рынке труда как на реализацию стратегии «выигрыш — выигрыш» во взаимодействии «работодатель — работник».

Результаты. Методика включает четыре последовательных этапа. Каждый этап решает определенные задачи, при этом выделены факторы, которые необходимо учитывать (таблица). Важно осознание того, что в основе рефлексии участников лежит исследовательская позиция, умение использовать опыт, теоретические знания, профессиональные и социальные ценности. Рефлексия — развиваемая способность и наиболее интенсивное ее развитие происходит в специально организованной инновационной деятельности, которая и должна быть организована в рамках группового консультирования.

Заключение. Реализация предложенного группового консультирования о видах карьер позволит повысить осознание важности проблемы вторичного профессионального самоопределения, расширить восприятие своих профессиональных возможностей для студента. Формируемые карьерные планы позволят повысить осознанность выбора: модулей и дисциплин для изучения, подбор учебных и производственных практик, тематики курсовых

работ, проектов и выпускных квалификационных работ. Рефлексия, предлагаемая при проведении групповых консультаций, позволит развивать мотивационную и операциональную сферу личности. Опросник по результатам консультирования, разработанный авторами, позволит оценить эффективность личностной рефлексии.

Библиографические ссылки

1. Атлас новых профессий 3.0. / под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. М : Интеллект. лит-ра, 2020. 456 с.

2. New perspectives on Career Counselling and Guidance in Europe: Building careers in changing and diverse societies / eds. V. Cohen-Scali, J. Rossier, L. Nota. Cham, Switzerland : Springer International Publishing AG, 2018. DOI:10.1007-978-3-31-61476-2_9.

3. Career Counselling — Compendium of Methods and Techniques / ed. M. Jigau. Bucharest : AFIR, 2007. URL: http://www.rajaleidja.ee/public/Suuna-jauus/Career_Counselling._Compendium_of_Methods_and_Techniques.pdf (accessed: 30.09.2020).

4. Pryor R. G. L., Bright J. E. The chaos theory of careers: A new perspective on working in the twenty-first century. New York, NY : Routledge. 2011. 256 p.

5. Профессиональный стандарт «Специалист по оказанию государственных услуг в области занятости населения» : утвержден Приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 28.11.2016, № 676н. URL: https://spk-sts.ru/profession_standart.html

6. Abingdon UK: Routledge / P. McIlveen, D. E. Schultheiss. Social constructionism in vocational psychology and career development. Rotterdam, The Netherlands : Sense, 2012. 120 p.

7. Chmiel N. An introduction to work and organizational psychology: A European perspective / ed. by Malden. MA : Blackwell Pub., 2008. 566 p.

8. Career counseling paradigms: Guiding, developing, and designing / eds. P. J. Hartung, M. L. Savickas, W. B. Walsh // APA handbook of career intervention: Foundations. Washington DC : American Psychological Association, 2015. Vol. 1. P. 129–143.

В. И. Исмагуллина

Т. А. Адамович

Психологический институт Российской академии образования

Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ К МАТЕМАТИКЕ КАК ФАКТОРА ВЫБОРА STEM-НАПРАВЛЕНИЙ У ПОДРОСТКОВ ИЗ РОССИИ И КИРГИЗИИ

В исследовании проводится сравнительный анализ особенностей убеждений и отношения к важности математике для будущей карьеры, а также наличие гендерных стереотипов, связанных со STEM, у подростков из Киргизии и России. В выборку исследования вошли 852 подростка в возрасте от 14 до 17 лет. Полученные результаты говорят о важности учета социально-культурных факторов в траектории формирования положительного отношения подростков к математике и STEM направлениям.

Ключевые слова: STEM, подростки, математика, кросс-культурные сравнения, гендерные стереотипы.

Victoria I. Ismatullina

Timofey V. Adamovich

Psychological Institute of the Russian Academy of Education

Moscow, Russia

ATTITUDES TOWARDS MATH AS A FACTOR IN CHOOSING STEM AMONG ADOLESCENTS FROM RUSSIA AND KYRGYZSTAN

The study provides analysis of the individual differences in beliefs and attitudes towards the importance of math for a future career and gender stereotypes associated with STEM fields among adolescents from Kyrgyzstan and Russia. The study sample included 852 adolescents aged 14 to 17 years. The results showed the importance of sociocultural factors in the trajectory-

ry of the formation of a positive attitude of adolescents towards math and STEM areas.

Keywords: STEM, adolescence, mathematics, cross-cultural comparisons, gender stereotypes.

Введение. Научный прогресс непосредственно связан с достижениями в естественных науках, инженерии и математике, которые в совокупности составляют STEM-дисциплины. Определение успешности обучения в STEM и факторов, препятствующих выбору STEM-дисциплин является серьезной и насущной одновременной проблемой как для исследователей, так и для практиков. Одним из таких препятствующих факторов являются гендерные стереотипы о математических способностях и ценности математики для построения карьеры у мальчиков и девочек [1]. Помимо этого, девочки склонны оценивать свои способности по математике ниже и имеют более низкий уровень интереса к математике, чем мальчики [2; 3]. Согласно гипотезе гендерной стратификации, такие гендерные различия тесно связаны с культурными различиями в «структурах возможностей» для девочек и женщин [4], т. е. доступных условий для достижения своих целей и интересов, которые определены культурой и ориентированы на социальный успех. В нашем исследовании мы сравнили особенности убеждений и отношения к важности математике для будущей карьеры, а также наличие гендерных стереотипов, связанных со STEM, у подростков из России и Киргизии.

Материалы и методы. В выборку исследования вошли 852 подростка в возрасте от 14 до 17 лет. Из них 330 подростка из Киргизии (средний возраст — 15,1; среднее отклонение — 1,124; девочек 167) и 522 подростка из России (средний возраст — 14,7; среднее отклонение — 1,23; девочек 261). Для оценки убеждений и отношения подростков к математике и оценке наличия стереотипов, связанных со STEM-направлениями, подросткам было предложено ответить по четырехбалльной шкале Лайкерта (с 2 отрицательными и 2 положительными оценками) на вопросы, оценивающие такие факторы, как «субъективная сложность математики» (например, «Математика дается мне труднее, чем многим моим одноклассникам»), «гендерные стереотипы связанные со STEM-направлениями» (например,

«У девочек обычно меньше знаний и навыков, необходимых для того, чтобы заниматься техническими и естественными науками»), «уровень притязаний и мотивация достижения успеха в математике» (например, «Я должен заниматься математикой, потому что это поможет мне получить работу») и «интерес друзей к математике / направленность друзей на изучение математики» (например, «Большинство моих друзей интересуются математикой»). Альфа — Кронбаха шкал опросника составила от 0,74 и выше. Подростки также указывали их предпочтения в профессиях, относящиеся к STEM-дисциплинам и не относящиеся. В состав групп по странам вошли: из России 313 подростков предпочитают STEM (135 девочек), 209 не предпочитают; из Киргизии 205 подростков предпочитают STEM (109 девочек) и 125 не предпочитают. Для оценки различий по изучаемым показателям была проведена ANCOVA с факторами пола, возраста, стране и предпочитаемой профессии (STEM или не-STEM).

Результаты. В результате сравнения было установлено, что мальчики из Киргизии оценивают математику как сложный предмет по сравнению с мальчиками из России ($p = 0,001$). Мальчики из России с принадлежностью к группе STEM по сравнению с мальчиками из этой же группы из Киргизии оценивают математику как несложную для изучения ($p = 0,001$). Мальчики из Киргизии по сравнению с мальчиками из России отмечают, что математика не так важна для их будущей карьеры ($p = 0,001$), а их друзья не проявляют большого интереса к ней ($p = 0,001$). При этом различия остаются вне принадлежности к группам STEM и не-STEM (p от 0,01 до 0,04). Мальчики из Киргизии также менее согласны с наличием стереотипов, связанных со STEM в отличие от мальчиков из России ($p = 0,04$). Сравнение в группе девочек их двух стран показало, что девочки из Киргизии отмечают более низкую заинтересованность в математике их друзей, чем девочки из России ($p = 0,003$). Эти различия более выражены при сравнении девочек из групп не-STEM в обеих странах ($p = 0,04$). Девочки из России менее согласны с наличием стереотипов, связанных со STEM, чем девочки из Киргизии ($p = 0,05$). Девочки из России STEM-группы, отмечают большее несогласие с наличием стереотипов, связанных со STEM, чем девочки из Киргизии ($p = 0,001$).

Заключение. У мальчиков из Киргизии более выражена субъективная сложность математики, они имеют более низкий уровень притязаний и мотивацию достижения успеха в математике, а также показывают низкую заинтересованность своего окружения в ее изучении. Они также менее согласны с наличием стереотипов, связанных со STEM-направлениями, чем мальчики из России. Девочки из России показывают большее несогласие с наличием стереотипов по сравнению с девочками из Киргизии. Девочки из Киргизии группы STEM отмечают низкую заинтересованность в изучении математики их друзьями. Полученные результаты говорят о важности учета социально-культурных факторов в траектории формирования положительного отношения подростков к математике и STEM-направлениям. Изначально, имея все необходимые предпосылки для выбора STEM-областей, подросток сталкивается с рядом барьеров, связанных не только с собственными личностными и когнитивными факторами, но с экономическими и социокультурными обстоятельствами текущего исторического периода, такими как общественные стереотипы и нехватка институциональных ресурсов.

Библиографические ссылки

1. *Hirnstain M., Coloma Andrews L., Hausmann M.* Gender-stereotyping and cognitive sex differences in mixed-and same-sex groups // Archives of sexual behavior. 2014. Vol. 43, № 8. P. 1663–1673.
2. *Sáinz M., Eccles J.* Self-concept of computer and math ability: Gender implications across time and within ICT studies // Journal of vocational behavior. 2012. Vol. 80, № 2. P. 486–499.
3. *Eccles J. S., Wigfield A., Schiefele U.* Motivation to succeed. 1998.
4. *Else-Quest N. M., Hyde J. S., Linn M. C.* Cross-national patterns of gender differences in mathematics: a meta-analysis // Psychological bulletin. 2010. Vol. 136, № 1. P. 103.

В. О. Казицева

Е. В. Гуткевич

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Якутск, Россия;

Национальный исследовательский

Томский государственный университет

Томск, Россия

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОЙ СФЕРЫ ДЕТЕЙ ПОСЛЕ КОХЛЕАРНОЙ ИМПЛАНТАЦИИ

В работе приведено исследование по изучению когнитивной сферы детей после кохлеарной имплантации. Актуальность исследования обусловлена увеличением количества детей с кохлеарным имплантом и необходимостью совершенствование способов их реабилитации и абилитации. Изучены такие когнитивные процессы, как понятийное мышление, память и внимание. Результаты исследования проанализированы в зависимости от времени ношения кохлеарного импланта, где в экспериментальную группу вошли дети от 2 до 12 лет ношения импланта.

Ключевые слова: когнитивные процессы, кохлеарная имплантация, понятийное мышление, память, внимание.

Valentina O. Kazitseva

Elena V. Gutkevich

North-Eastern Federal University

Yakutsk, Russia;

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

“National Research Tomsk State University”

Tomsk, Russia

FEATURES OF THE COGNITIVE SPHERE OF CHILDREN AFTER COCHLEAR IMPLANTATION

This paper presents a study on the cognitive sphere of children after cochlear implantation. The relevance of the study is due to the increase in the number of children with a cochlear implant and the need to improve

the methods of their rehabilitation and habilitation. Cognitive processes such as conceptual thinking, memory and attention have been studied. Also, the results of the study were analyzed depending on the time of wearing a cochlear implant, where the experimental group included children from two to twelve years of wearing an implant.

Keywords: cognitive processes, cochlear implantation, conceptual thinking, memory, attention.

Введение. В настоящее время человек, имеющий диагноз глухоты или тугоухости, может приобрести слух с полноценным развитием слухового анализатора с помощью кохлеарной имплантации. Кохлеарная имплантация — это хирургическая операция, при которой происходит вживление кохлеарного импланта или нейропротеза во внутреннее ухо (улитку), при этом информация о звуках окружающего мира по системе электродов передается непосредственно к слуховому нерву [1]. В настоящий момент насчитывается около 100 операций в год.

Кохлеарная имплантация предполагает три этапа реабилитации: послеоперационная, медицинское сопровождение и психолого-педагогическая реабилитация и абилитация. Развитие когнитивной сферы детей с кохлеарным имплантом имеет большое значение для адаптации ребенка в социум.

Когнитивная сфера — это познавательная сфера, включающая в себя мнемические процессы (память), перцептивные процессы (восприятие, ощущение, внимание) и интеллектуальные процессы (воображение, мышление, речь) [2]. Главными задачами когнитивной сферы личности являются принятие, сохранение и обмен поступающей информации, что является необходимым условием для коммуникации человека с окружающим миром.

Актуальность проблемы изучения особенностей когнитивной сферы у детей после кохлеарной имплантации обусловлена увеличением количества таких детей и необходимостью совершенствования технологий их психологической реабилитации и абилитации.

Цель исследования — установление психологических особенностей развития когнитивной сферы детей после кохлеарной имплантации. Задачи — изучение особенностей когнитивной сферы детей

после кохлеарной имплантации, сравнительный анализ когнитивных процессов в зависимости от срока ношения кохлеарного импланта (от 2 до 12 лет ношения имплантата).

Материалы и методы. Исследование когнитивной сферы включало в себя изучение особенностей речи, понятийного мышления, памяти, скорости, точности и продуктивности внимания. Выборка составила 27 детей с разным сроком ношения кохлеарного импланта. В исследовании участвовали ученики из двух школ: ГКОУ Республики Саха (Якутия) в городе Якутске «Специальная коррекционная школа интернат для неслышащих обучающихся» и ГКОУ Республики Саха (Якутия) в городе Якутске «Республиканская коррекционная школа-интернат». Были использованы следующие методы: для изучения особенностей понятийного мышления использовалась методика «Исключение лишнего»; методика нейропсихологического исследования развития речи и памяти; исследование уровня скорости, переключения и точности внимания с помощью методики «Кольца Ландольта».

Результаты. При исследовании особенностей понятийного мышления были изучены такие показатели мыслительных операций, как анализ синтез и обобщение; отмечались способы обобщения, такие как категориальный, функциональный, конкретный и нулевой [2], наблюдалась несформированность таких мыслительных операций, как синтез и обобщение. Исследование особенностей мнемических процессов показало, что у детей с кохлеарным имплантатом краткосрочная образная и словесно-логическая память ниже среднего уровня. Выделены следующие особенности внимания: высокий уровень скорости, точности и переключения внимания. Данные результаты можно связать с особенностью развития внимания у детей с нарушениями слуха: для них большее значение имеет зрительное восприятие, следовательно, основная нагрузка по переработке поступающей информации ложится на зрительный анализатор [3; 4].

В работе проанализированы результаты развития когнитивных процессов детей после кохлеарной имплантации в зависимости от срока ношения кохлеарного импланта (от 2 до 12 лет ношения имплантата). Выявлено, что в первые годы ношения имплантата

ребенок использует синкретический способ мышления, а именно перечисление отдельных предметов, обобщение предметов по одному из представленных знакомых слов для ребенка, период проб и ошибок. На 8-м году ношения имплантата наблюдается вторичный этап образования понятий, когда ребенок руководствуется не объективными связями, открываемыми им в вещах, но субъективными связями, подсказываемыми ему собственными восприятиями (объединение понятий происходит по функциональным признакам предметов). На 9-м и 12-м году ношения имплантата наблюдается высший уровень образования понятий — категориальный, когда слово относится к одному синкретическому значению на основе главных, существенных признаков. Анализ результатов скорости, продуктивности и точности внимания показал снижение данных показателей в зависимости от периода ношения кохлеарного имплантата. Возможно, наблюдаемый в исследовании феномен связан с гетерохронностью развития психических функций [5], с неравномерным созреванием и развитием психических функций.

Заключение. Таким образом, установлены особенности развития когнитивной сферы детей после кохлеарной имплантации. Дети с кохлеарным имплантом имеют низкий уровень показателя развития мышления, памяти, речи. Уровень развития внимания приближен к норме. При этом чем больше срок ношения импланта, тем выше показатели речевого развития и понятийного мышления, но ниже показатели внимания, что может быть связано с гетерохронностью развития психических функций в онтогенезе.

Библиографические ссылки

1. *Нестерова В. А.* Кохлеарная имплантация и дети // Совр. образование: наука и практика. 2017. № 1(8). С. 65–66.

2. *Холодная М. А.* Психология понятийного мышления. От концептуальных структур к понятийным способностям. М. : Ин-т психологии РАН, 2012. 288 с.

3. *Богданова Т. Г.* Сурдопсихология : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М. : Изд. центр «Академия», 2002. 224 с.

4. *Бутаева Ш. Ч.* Психологические особенности развития мышления и речи детей с нарушениями слуха в условиях инклюзивного образования. — Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2021. С. 238–240.

5. *Шилова Т. А.* Состояние проблемы неравномерности и гетерохронности и ее роль в психическом развитии в онтогенезе // Систем. психология и социология. 2011. № 3. С. 67.

М. П. Калеменева

М. В. Богданова

Тюменский государственный университет

Тюмень, Россия

СТРУКТУРА ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ РУКОВОДИТЕЛЯ НА МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ

В современном мире репутация становится популярным и актуальным предметом исследования. Ученые из различных областей выдвигают свои идеи об определении данного понятия. В статье рассматриваются различные аспекты деловой репутации руководителя на муниципальной службе. Деловая репутация включает умение взаимодействовать с профессиональным сообществом, уровень знаний, навыков в области профессиональной деятельности и личностные характеристики самого руководителя.

Ключевые слова: деловая репутация, руководитель, муниципальная служба, структура репутации.

Maria P. Kalemeneva

Maria V. Bogdanova

Tyumen State University

Tyumen, Russia

THE STRUCTURE OF THE BUSINESS REPUTATION OF THE HEAD IN THE MUNICIPAL SERVICE

In the modern world, reputation is becoming a popular and relevant subject of research. Scientists from various fields put forward their ideas about the definition of this concept. This article discusses various aspects of the business reputation of a leader in the municipal service. Business reputation includes the ability to interact with the professional community, the level of knowledge, skills in the field of professional activity and personal characteristics of the manager himself.

Keywords: business reputation, manager, municipal service, reputation structure.

Введение. В последние годы термин «репутация» становится все популярнее и активно используется как в публичной, так и в научной сфере деятельности. Среди ученых разных направлений (социологии, политологии, психологии) до сих пор нет единого мнения о происхождении и подхода к определению данного термина. Некоторые ученые, например А. Ю. Трубецкой, сравнивает «репутацию» с понятием «образ» и включает в понятие «репутация» оценку надежности и степень доверия аудитории к субъекту репутации [1]. В. Л. Михальченко сравнивает понятие «репутация» с понятием «имидж» и указывает на то, что оба этих элемента являются взаимосвязанными частями одной коммуникационной системы [2]. При этом русскоязычный термин «репутация» часто приравнивается к англоязычному «goodwill». Данный термин в свою очередь обозначается как «...денежная оценка нематериальных активов капитала компании, не поддающаяся прямому измерению, например, репутация, техническая компетенция, деловые связи, маркетинговые приемы, влияние на бизнес-партнеров и потребителей и др.» [3, с. 33]. Несмотря на разногласия в определении понятия, исследования вопроса репутации становится все актуальнее. Работы по исследованию различных составляющих репутации можно обнаружить в области экономики, юриспруденции, социологии и конечно психологии. В основном исследуются вопросы формирования, управления, изменение репутации организации. Орган муниципальной власти — это организация, деятельность которой напрямую связана с взаимодействием с гражданами, организациями. Основная задача муниципальной службы — это поддержание и улучшение жизни граждан региона. Для органа муниципальной службы очень важным является иметь высокий уровень репутации организации среди населения. При этом чаще всего упускается один очень важный момент, что репутация организации в большинстве своем формируется за счет репутации сотрудников. Репутация сотрудника является неотъемлемой частью репутации организации и состоит из нескольких компонентов. Одним из таких компонентов является внутрикорпоративная репутация сотрудника. Принимая во внимание тот факт, что сотрудник занимает руководящую позицию, добавляется еще несколько показателей. Современный руководитель должен обладать не только высоким уровнем профессиональных знаний,

но и уметь грамотно и эффективно взаимодействовать с коллективом, что является важным аспектом построения его деловой репутации внутри организации. Еще одним немаловажным аспектом деловой репутации организации является соотношение мужчин и женщин среди представителей руководящего состава организации. Согласно данным, проведенным компанией Deloitte, в России женщины являются руководителями каждой пятой компании. Авторами было исследовано более 224 тысяч компаний из 19 отраслей экономики России. Наибольшее количество женщин руководителей представлено в сфере образования (42 %). При этом одной из отраслей, где женщин руководителей наименьшее количество, стал госсектор (6 %) [4]. Таким образом, репутация руководителя — это не только набор профессиональных знаний и коммуникативных компетенций, а сложный многоаспектный феномен, изучение которого является актуальной проблемой в современном мире.

Материалы и методы. Для определения структуры деловой репутации был проведен теоретический анализ отечественных и зарубежных литературных источников из различных научных сфер (экономика, юриспруденция, социология, психология и др.). Всего было проанализировано более 70 источников литературы.

Результаты. В структуру деловой репутации руководителя на муниципальной службе входят четыре аспекта. Одной из составляющих деловой репутации является внешний аспект, условно «социальная репутация». Она включает в себя внешнюю оценку окружающими того или иного сотрудника организации (в нашем случае это граждане). Это могут быть как прямые потребители услуг, граждане, которые лично взаимодействовали с руководителем по интересующим их вопросам. А также граждане, которые получили информацию о руководителе из других источников (что-то услышали, где-то увидели). Все эти мнения в итоге складываются в определенный образ, который транслирует общественность. Еще одной составляющей деловой репутации является оценка профессионального сообщества через призму экспертности руководителя («экспертная репутация»). Она включает в себя внутреннюю оценку руководителя коллегами, подчиненными, вышестоящими руководителями как эксперта в своей области профессиональной деятельности. Здесь важную роль играет

уровень знаний, профессиональных навыков руководителя, а также умение применять это на практике при решении вопросов (как собственных, так и подчиненных). Также немаловажной составляющей деловой репутации является оценка профессионального сообщества относительно управленческих навыков руководителя («управленческая репутация»). Она также включает в себя оценку руководителя коллегами, подчиненными, высшим руководством, но рассматриваются именно коммуникативные компетенции, умения работать с коллективом. И еще одной составляющей является «личностная репутация» руководителя. Это достаточно сложная составляющая, так как включает в себя оценку мотивационных, интеллектуальных и личностных качеств руководителя. Данная составляющая может рассматриваться и как отдельный аспект, и как составная часть всех предыдущих.

Заключение. Таким образом, деловая репутация руководителя на муниципальной службе — это комплексная характеристика. Она имеет сложную структуру, состоящую из нескольких аспектов. Совокупность экспертной, личностной и управленческой репутации можно условно назвать корпоративной. Она включает в себя и умение взаимодействовать с профессиональным сообществом и уровень знаний, навыков в области профессиональной деятельности и личностные характеристики самого руководителя. Именно этот аспект деловой репутации руководителя являются областью научного интереса нашего исследования.

Библиографические ссылки

1. Трубецкой А. Ю. Психологическая модель репутации в системе политических коммуникаций // Мир психологии. 2006. № 2(46). С. 263–270.
2. Михальченко В. Л. Коммуникационная стратегия PR: бренд, имидж, репутация // Вестн. Моск. ун-та Серия. 10. Журналистика, 2010. № 4. С. 207–218.
3. Перцовский Н. И. Маркетинг: Краткий толковый словарь основных маркетинговых понятий и современных терминов // авт.-сост. проф. Н. И. Перцовский. 3-е изд. М. : Дашков и К, 2016. 140 с.
4. Deloitte назвал долю женщин во главе российских компаний // РБК : [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/business/06/03/2020/5e611e539a79475f771b7e8f> (дата обращения: 18.02.2022).

**О. Ю. Камакина
Т. С. Белоглазова**

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского
Ярославль, Россия*

СТИЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ КАК ФАКТОР ТРЕВОЖНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В статье рассматривается проблема тревожности детей младшего школьного возраста. Охарактеризованы результаты исследования особенностей педагогической деятельности учителей начальных классов. Изучена представленность стилей педагогической деятельности у учителей начальных классов. Выявлены особенности тревожности детей младшего школьного возраста, а также качественное влияние стиля педагогической деятельности педагогов начальной школы на тревожность школьников.

Ключевые слова: стиль педагогической деятельности, учитель начальных классов, тревожность, младший школьник.

**Olga Y. Kamakina
Tatiana S. Beloglazova**

*Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky
Yaroslavl, Russia*

THE STYLE OF PEDAGOGICAL ACTIVITY OF PRIMARY SCHOOL TEACHERS AS A FACTOR OF ANXIETY OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN

The article deals with the problem of anxiety in children of primary school age. The results of the study of the features of the pedagogical activity of primary school teachers are characterized. The representation of styles of pedagogical activity among primary school teachers was studied. The features of anxiety in children of primary school age, as well as the qualitative

influence of the style of pedagogical activity of elementary school teachers on the anxiety of schoolchildren, were revealed.

Keywords: style of pedagogical activity, primary school teacher, anxiety, junior high school student.

Введение. Актуальность изучения влияния стилей педагогической деятельности на тревожность школьников обусловлена необходимостью выявления психолого-педагогических условий, которые способствуют созданию безопасной психологически комфортной образовательной среды для благоприятной адаптации, социализации и обучения школьников. Изучению проблемы тревожности посвящено много трудов российских и зарубежных авторов: М. Е. Литвак, В. С. Мухина, Р. Мэй, Е. В. Новикова, Р. С. Немов, А. В. Петровский, А. М. Прихожан, Ч. Спилбергер, Х. Хекхаузен, М. Г. Ярошевский и др. Под школьной тревожностью понимается переживание эмоционального дискомфорта, связанное с ожиданием грядущей неблагополучности, возможной опасности [1]. По мнению Г. Н. Жулиной, В. С. Васькиной, особенности профессиональной деятельности учителя могут влиять на психоэмоциональное состояние школьников [2]. Формирование эмоционального благополучия в младшем школьном возрасте является важным как для сохранения физического здоровья детей, так и для их социальной успешности [3]. Под стилем педагогической деятельности принято понимать систему наиболее эффективных приемов и способов организации собственной работы отдельным человеком [4]. Мы проводили исследование, опираясь на классификацию А. К. Марковой и А. Я. Никоновой, где представлены эмоционально-импровизационный стиль, эмоционально-методичный, рассуждающе-импровизационный и рассуждающе-методичный стиль [5]. Целью статьи является анализ результатов эмпирического исследования влияния стилей педагогической деятельности учителей начальных классов на тревожность детей младшего школьного возраста. Мы предположили, что существуют стили педагогической деятельности, которые по-разному влияют на тревожность школьников. В исследовании приняли участие 36 педагогов и 513 учеников начальной школы.

Материалы и методы. Методика изучения стилей педагогической деятельности А. К. Марковой и А. Я. Никоновой, методика диагностики уровня школьной тревожности Филлипса, экспертная оценка, наблюдение.

Результаты. Представленность стилей педагогической деятельности в начальной школе имеет следующие особенности: самыми популярными являются эмоционально-методичный (56 %) и эмоционально-импровизационный (34 %) стили, менее распространенными являются рассуждающе-методичный (5 %) и рассуждающе-импровизационный (5 %) стили. Сравнивая специфику тревожности детей младшего школьного возраста у педагогов разных стилей можно отметить, что уровень тревожности выше у школьников, обучающихся у учителей с рассуждающими стилями (РМС, РИС) в сравнении с эмоциональными (ЭМС, ЭИС). При сравнении рассуждающих стилей преподавания (РМС, РИС) повышенный уровень тревожности у школьников преобладает у рассуждающе-методичного стиля преподавания по всем восьми категориям в сравнении с рассуждающе-импровизационным. При сравнении эмоциональных стилей (ЭМС, ЭИС) показатели тревожности у школьников в классах педагогов с эмоционально-методичным стилем ниже в сравнении с эмоционально-импровизационным. Страх самовыражения, страх ситуации проверки знаний, низкая физиологическая сопротивляемость стрессу и проблемы и страхи в отношениях с учителями — категории, в которых наблюдается наибольший процент тревожных детей у педагогов с рассуждающе-методичным стилем. У педагогов с рассуждающе-импровизационным стилем младшие школьники испытывают общую тревожность, страх ситуации проверки знаний, низкую физиологическую сопротивляемость стрессу, проблемы и страхи в отношениях с учителями. Страх самовыражения и страх ситуации проверки знаний присущ ученикам, чьи учителя относятся к эмоционально-методичному стилю. Для школьников, которых обучают педагоги с эмоционально-импровизационным стилем, в большей мере характерна общая тревожность, страх ситуации проверки знаний и проблемы и страхи в отношениях с учителями.

Заключение. Выводами нашего исследования являются:

— для детей младшего школьного возраста характерно проявление разных тревожных факторов, наиболее часто встречающимися из которых являются страх ситуации проверки знаний, проблемы и страхи в отношениях с учителями, низкая физиологическая сопротивляемость стрессу;

— стилями педагогической деятельности, наиболее влияющими на повышение тревожности у школьников, являются рассуждающе-методичный и рассуждающе-импровизационный в сравнении с эмоционально-импровизационным и эмоционально-методичным стилями.

Библиографические ссылки

1. *Алексеевкова Е. Г.* Личность в условиях психической депривации : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2009. 98 с.

2. *Жулина Г. Н., Васькина В. С.* Взаимосвязь учебной мотивации и школьной тревожности в младшем школьном возрасте // Таврический научный обозреватель. Ялта : Межрегион. ин-т развития территорий. 2016. № 2 (7). С. 123–127.

3. *Камакина О. Ю.* Психология здоровья младших школьников: монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. 183 с.

4. *Долгополова И. В.* Стиль педагогической деятельности и его мета-эффект в аспекте взаимодействия «Учитель младший школьник» // Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. Пермь : ПГНИУ, 2011. Вып. 1(5). С. 66–74.

5. *Маркова А. К.* Психологические особенности индивидуального стиля деятельности учителя // Вопр. психологии: Научный журнал. 1987. № 5. С. 40–48.

С. Л. Кандыбович

Т. В. Разина

Рязанский государственный университет

им. С. А. Есенина

Рязань, Россия;

Институт мировых цивилизаций

Москва, Россия

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА У РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Изучаются неосознаваемые аспекты образа женщины — политического лидера у российской молодежи. Метод исследования — классический семантический дифференциал Ч. Осгуда. Установлено, что женщины — политические лидеры воспринимаются российской молодежью дифференцированно, в зависимости от пола: девушки оценивают их как сильных и активных, но эмоционально не поддерживают их. Юноши оценивают женщин-политиков как слабых, пассивных и эмоционально не поддерживают их.

Ключевые слова: образ, политический лидер, восприятие, женщина-политик, статус.

Sergey L. Kandybovich

Tatiana V. Razina

Ryazan State University named after S. A. Yesenin

Ryazan, Russia;

Institute of World Civilizations

Moscow, Russia

THE IMAGE OF WOMAN-POLITICAL LEADER AMONG RUSSIAN YOUTH

The authors analyze the unconscious aspects of the image of a woman-political leader among Russian youth. The research method is the classical semantic differential of Osgood. Russian youth perceive women-political leaders differentially, depending on gender: girls evaluate them as strong and

active, but do not support them emotionally. Young men evaluate women politicians as weak, passive, and also emotionally do not support them.

Keywords: image, political leaders, evaluation, women-political, status.

Введение. В мире сегодня большое количество женщин занимают политические должности самого высокого уровня. Несмотря на значительное упрочение положения женщин, в российской политике продолжают бытовать как осознаваемые, так и бессознательные установки, образы [1], стереотипы [2], стигмы [3], согласно которым политика не женское дело. При этом игнорируются факты как истории, так и современности, когда женщины проявили себя эффективными политическими лидерами. Мы предполагаем, что в современном российском обществе, и особенно у молодежи, наблюдаются достаточно противоречивые, биполярные установки в отношении женщин-политиков [4]. Целью исследования являлось установить, как знание о высоком политическом статусе женщины, влияет на восприятие ее молодежью.

Материалы и методы. Методом исследования выступил классический семантический дифференциал Ч. Осгуда. В качестве объектов оценивания использовались фотографии женщин-политиков: Л. Чинчилла, президент Коста-Рики (2010–2014); Д. Сигурдардоттир, премьер-министр Исландии (2009–2013); Э. Джонсон-Серлиф, президент Либерии (2006–2018); Й. Чинават премьер-министр Таиланда (2011–2014); Г. Макапагал-Арройо президент Филиппин (2001–2010), Х. Торнинг-Шмитт премьер-министр Дании (2011–2015), взятые из свободных источников. В исследовании приняло участие 128 испытуемых — студентов вузов Москвы и Ярославля. По критериям пола и осведомленности о статусе оцениваемых женщин было сформировано четыре численно равных группы. Статистическая обработка осуществлялась с помощью *t*-критерия Стьюдента.

Результаты. В группах, где юноши и девушки не знали, кто изображен, не было обнаружено значимых различий по фактору «активность» ни по одной фотографии, поскольку данная характеристика сложно воспринимается и оценивается по статичным изображениям в условиях дефицита прочей информации. По фактору силы значимые отличия обнаружены лишь в оценке портрета

Э. Серлиф, которую юноши оценили более сильной, чем девушки ($t = -2,657, p = 0,029$). Возможно юноши ориентировались на внешние физические параметры, в то время как девушки более склонны оценивать силу внутреннюю, которую сложно однозначно определить по изображениям. По фактору оценки юноши давали одинаково невысокие баллы по всем фотографиям (средний балл не выше 0,5). Девушки давали более дифференцированную оценку и значимо выше, чем юноши, оценили Й. Чинават ($t = 2,683, p = 0,008$), Л. Чинчиллу ($t = 2,273, p = 0,025$) и Х. Торнинг-Шмитт ($t = 2,337, p = 0,030$). Вероятно, юноши оценивали всех представленных женщин с точки зрения их привлекательности, но поскольку все модели значительно старше, чем испытуемые-юноши, они не вызвали эмоционального отклика. В группах, где испытуемые знали, что представленные женщины — политики, по фактору «активность» девушки оценивают их значимо выше, чем юноши (Л. Чинчилла ($t = 2,290, p = 0,030$); Д. Сигурдардоттир ($t = 2,956, p = 0,012$); Э. Джонсон-Серлиф ($t = 2,802, p = 0,001$); Г. Макапагал-Арройо ($t = 2,220, p = 0,039$), Х. Торнинг-Шмитт ($t = 3,810, p = 0,000$)). Однако максимальные отличия наблюдаются по фактору силы (Л. Чинчилла ($t = 3,185, p = 0,000$); Д. Сигурдардоттир ($t = 3,546, p = 0,000$); Й. Чинават ($t = 2,598, p = 0,012$) Э. Джонсон-Серлиф ($t = 4,122, p = 0,000$); Г. Макапагал-Арройо ($t = 2,295, p = 0,021$), Х. Торнинг-Шмитт ($t = 3,997, p = 0,000$)). Девушки видят женщин-политиков как сильных и активных, т. е. признают за ними качества, которые присущи политическому лидеру. Юноши наделяют женщин-политиков этими качествами в меньшей степени, вероятно, в силу стереотипов: «женщина — слабый пол», «женщина не может быть сильным политиком», «женщина не способна к активным и решительным действиям». Возможно, в оценках проявляется своеобразная попытка самоутверждения, неосознаваемой конкуренции и мужской солидарности. Низкие значения факторов «активность» и «сила» могут быть обусловлены бессознательным отождествлением образов страны и лидера: «слабая страна — слабый руководитель». Такие страны, как Либерия, Коста-Рика, Исландия, Индонезия не являются мировыми лидерами, не определяют международную политику, не проявляют высокой активности на мировой арене, имеют большое количество

внутренних проблем. В группах юношей не обнаружено значимых отличий по фактору «оценка», статус политического лидера не делает женщину для них более привлекательной. Девушки, зная о статусе женщины, испытывали к ней более негативные чувства и оценивали более критично (Л. Чинчила, ($t = -2,455, p = 0,032$); Д. Сигурдардоттир, ($t = -2,590, p = 0,029$); Й. Чинават ($t = -2,981, p = 0,002$) Х. Торнинг-Шмитт ($t = -1,997, p = 0,045$)), что, возможно, обусловлено неосознаваемыми чувствами конкуренции и зависти. Так, девушки, отдавая должное женщинам-политикам в силе и активности, испытывают к ним смешанные, биполярные чувства.

Заключение. Исследование выявило смешанные и неоднозначные отношения к женщине-политику в среде молодежи. Девушки оценивают женщин как способных и сильных политиков, признают за ними право на политическую карьеру, но при этом испытывают бессознательное чувство соперничества, что, возможно, повлияет на политический выбор. Юноши в меньшей степени рассматривают женщин как потенциальных политических лидеров, отказывая им в силе и активности. Возраст, внешность также влияют на оценку женщины-политика. Такие противоречивые установки, возможно, будут затруднять продвижение женщин-политиков в России на высшие политические должности.

Библиографические ссылки

1. *Товкес М. Ю.* Доминанты образа женщины-политика в языковом сознании пользователей Твиттера // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3 (42). С. 666–671.
2. *Гаспарян С. К., Князян А. Т.* Гендерные стереотипы в политической сфере современного общества // Филология и культура. 2017. № 2 (48). С. 43–49.
3. *Кранзеева Е. А., Шпак Л. Л.* Стигматизация участия женщин в политике современной России // Siberian Socium. 2018. Т. 2, № 2. С. 66–77.
4. Психология высшей школы в союзном государстве / М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович, Р. А. Александрова и др. ; под ред. С. Л. Кандыбович, Т. В. Разина. Минск : Харвест, 2019. 672 с.

Ж. Ю. Кара

*Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия*

ОСОБЕННОСТИ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ И САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В МОЛОДОЙ СЕМЬЕ

Исследуются особенности копинг-стратегий и самоактуализации личности в молодой семье. Уточняется содержание понятий копинг-стратегии и самоактуализация личности. Определяется значимость копинг-стратегий и самоактуализации в контакте между членами семьи. Выявляются используемые по предпочтению копинг-стратегии у мужчин и женщин в молодой семье, а также различия в предпочитаемых копинг-стратегиях. Устанавливаются взаимосвязи копинг-стратегий и самоактуализации молодых мужчин и женщин, находящихся в браке.

Ключевые слова: копинг-стратегии, самоактуализация, личность, семья.

Zhanna Y. Kara

*Southern Federal University
Rostov-on-don, Russia*

FEATURES OF COPING STRATEGIES AND SELF-ACTUALIZATION OF PERSONALITY IN A YOUNG FAMILY

The features of coping strategies and self-actualization of personality in a young family are investigated. The content of the concepts of coping strategy and self-actualization of personality is clarified. The importance of coping strategies and self-actualization in contact between family members is determined. The preferred coping strategies used by men and women in a young family are revealed, as well as differences in preferred coping strategies. The interrelationships of coping strategies and self-actualization of young men and women who are married are established.

Keywords: coping strategies, self-actualization, personality, family.

Введение. На сегодняшний день в сфере семейных отношений все большую актуальность приобретает вопрос устойчивости заключенных браков. Так, по данным за 2018–2021 гг., количество заключений брака, создание семьи уменьшилось и увеличилось количество расторжений брака. Для современного ритма жизни характерны постоянные изменения в окружающем мире и большая скорость, поэтому каждый день на человека оказывает влияние множество событий, большая часть из которых вызывает дискомфорт и эмоциональное напряжение. На различные психологические стрессовые факторы человек реагирует определенными защитными механизмами, это может быть психологическая защита или копинг-стратегии. С другой стороны, общество транслирует ориентацию на профессиональный и личностный рост. Что имеет в основе другие ценности, определенную траекторию собственного развития, занимает много времени и т. д. и не способствует созданию семьи. Актуальность изучения копинг-стратегии сохраняется и сейчас. В большинстве работ копинг-стратегии изучаются в совокупности со стрессовыми ситуациями (Т. В. Крюкова, Е. И. Рассказова и др.) [1], стрессами, трудными жизненными ситуациями, личностным особенностям, профессиональными и культурными характеристиками личности (Л. Сульский, Е. В. Тополова и др.), возрастными (от дошкольного возраста до старости) (Г. А. Виленская, Р. М. Грановская и др.), но на сегодняшний период не уделено достаточного внимания самоактуализации мужчин и женщин находящихся в браке и их предпочтением копинг-стратегии. На определенный выбор копинг-стратегий могут оказывать влияние как личностные характеристики субъекта копинга, так и социально-демографические факторы. Многим молодым супругам свойственно непрерывное стремление к развитию, индивидуальности, эффективной реализации своего потенциала, т. е. самоактуализации личности. Нами выдвинуто предположение, что самоактуализация молодых супругов влияет на выбор копинг-стратегий, поскольку для семьи важной характеристикой ее жизнедеятельности выступает умение или способность справляться с трудностями. Проблемой самоактуализации личности в психологии занимались А. Маслоу, К. Гольдштейн, Д. Келли, Г. Оллпорт, К. Роджерс и др. [2]. В отечественной психологии по-

нятие самоактуализация изучается как некий механизм саморазвития, который становится потребностью, целью и стратегией жизни (Т. И. Артемьева, К. А. Абульханова-Славская, В. М. Русалова, и др.) [3]. Таким образом, основная цель нашего исследования состояла в изучении особенностей копинг-стратегий и самоактуализации личности в молодой семье. В соответствии с поставленной целью были сформулированы гипотезы исследования: 1. Копинг-стратегии могут различаться у молодых супругов. 2. Молодые супруги могут различаться по выраженности параметров самоактуализации. 3. Возможно выявление связи между выбором копинг-стратегии и выраженностью самоактуализации у молодых супругов.

Материалы и методы. В качестве выборки исследования выступили 100 мужчин и женщин в возрасте от 18 до 30 лет, состоящие в браке, со стажем семейной жизни от 1 года до 5 лет. В исследовании были применены такие методики исследования: опросник «COPE», в адаптации Е. И. Рассказовой, Т. О. Гордеевой и Е. Н. Осина; опросник «Способы совладающего поведения Р. Лазаруса и С. Фолкмана»; самоактуализационный тест Э. Шострома.

Результаты. 1. Проведенный анализ данных подтверждает наличие полоролевых различий в предпочитаемых и редко используемых копинг-стратегиях среди мужчин и женщин, являющихся молодыми супругами. Часто выбираемыми копинг-стратегиями у супругов выступают стратегии конфронтационного копинга и бегство-избегание. Отметим наличие значимых различий в выборе копинг-стратегии конфронтация. В группе мужчин доминирующей оказалась стратегия планирования, а в группе женщин — дистанцирование. Среди редко используемых копинг-стратегий, существенные различия выявлены по самоконтролю и принятия ответственности. 2. Уровень самоактуализации личности у молодых супругов выше в группе женщин, по сравнению с группой мужчин. Установлены различия в выраженности параметров самоактуализации у мужчин и женщин по пяти шкалам: самоподдержка, представление о природе человека, синергия, контактность и познавательные потребности. 3. Установлены связи между выбором копинг-стратегий у молодых супругов и выраженностью их самоактуализации, такие как: а) мужчины в большей степени склонны ждать подходящего

для действий момента, и предпочитают сдерживаться от слишком поспешных, импульсивных действий; б) мужчины в большей степени склонны к самоконтролю, конфронтации, дистанцированию и принятию ответственности; в) супруги с высокой креативностью имеют свое собственное решение проблемы. 4. Контактные супруги не используют в стрессовой ситуации копинг-стратегии, связанные с отрицанием, избеганием и отказом от решения проблем.

Заключение. Полученные данные указывают в пользу выдвинутых нами гипотез о взаимосвязи копинг-стратегий и самоактуализации молодых мужчин и женщин, находящихся в браке. Значимость и научная новизна проведенного исследования состоят в том, что его результаты иллюстрируют и дополняют связи копинг-стратегий и самоактуализации личности.

Библиографические ссылки

1. *Рассказова Е. А., Гордеева Т. О., Осин Е. Н.* Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 1. С. 82–118.
2. *Маслоу А.* Мотивация и личность // Мастера психологии / пер. Т. Гутман, Н. Мухина. СПб., 2022. 400 с.
3. *Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М., 1991. 299 с.

А. Г. Караяни

*Санкт-Петербургский военный
институт войск национальной гвардии Российской Федерации
Санкт-Петербург, Россия*

ИНИЦИИРОВАННАЯ ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ КАК ПРИНЦИП ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ СИЛОВЫХ СТРУКТУР В БОЕВОЙ ОБСТАНОВКЕ

Большие масштабы, высокая интенсивность боевых действий, использование новейших мощных и разрушительных средств военного противоборства, этнокультурная близость противников, преследование ими бескомпромиссных целей предельно повышают психологическое напряжение боевых событий на Украине, предъявляют высокие требования к воинам. Это требует новых, поисково-конструирующих, подходов к организации психологического обеспечения боевых действий, основанных на принципе инициированной обратной связи, позволяющей вырабатывать адекватные схемы и технологии психологической помощи военнослужащим.

Ключевые слова: боевая деятельность, психологическое обеспечение, обратная связь.

Alexander G. Karayani

*St. Petersburg Military
Institute of the National Guard of the Russian Federation
Saint Petersburg, Russia*

INITIATED FEEDBACK AS A PRINCIPLE OF PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS IN A COMBAT SITUATION

The large scale, high intensity of hostilities, the use of the latest powerful and destructive means of military confrontation, the ethno-cultural proximity of opponents, their pursuit of uncompromising goals extremely increase the psychological tension of the fighting events in Ukraine, place high demands on the soldiers. This requires new, search-and-construct approaches

to the organization of psychological support for combat operations, based on the principle of initiated feedback, which allows us to develop adequate schemes and technologies for psychological assistance to military personnel.

Keywords: combat activity, psychological support, feedback.

Введение. Психологическая специфика проводимой специальной военной операции на Украине определяется выраженной особенностью военных, социальных и культурных условий ее осуществления в сравнении с другими военными событиями с участием российских войск и требует новых подходов к организации психологического обеспечения боевых действий.

Материалы и методы. Использовались методы изучения документов и опроса психологов силовых ведомств и участников боевых действий.

Результаты. На психологическую феноменологию рассматриваемой операции оказывает мощное влияние невиданная после Второй мировой войны интенсивность ведущихся боевых действий. Противоборство идет между военными структурами крупнейших европейских армий, *преследующими предельные, бескомпромиссные и судьбоносные для сторон цели.* Это объясняет достаточно *высокое мотивационное напряжение противников.*

Структура боевой мотивации и уровень жесточенности противоборства противников в определенной степени обуславливаются действием социально-психологического механизма *нарциссизма малых различий* [1, с. 109]. Наличие этого механизма приближает любой военный конфликт по уровню взаимной жестокости к гражданской войне. Общая история, языковая и культурная близость противников создают ситуацию *мощного психологического давления на участников операции.*

Интенсивность боевых действий в военной операции характеризуется также тем, что впервые в истории вооруженных конфликтов здесь применяется гиперзвуковое, лазерное оружие, истребители последнего поколения, робототехника, широко используются беспилотные летательные аппараты, системы высокоточного оружия, мобильные противотанковые средства и средства ПВО, ракетные и артиллерийские системы большой мощности и точности, реактив-

ные системы залпового огня, системы радиоэлектронной разведки, комплексы засечки и уничтожения артиллерийских систем и др. Даже хорошо укрытые боевые цели поражаются на глубину в десятки и сотни километров как днем, так и ночью. Все это способно *вызывать у военнослужащих ощущение неопределенности, тревогу, проявления выученной беспомощности, депривацию сна.*

Наиболее ожесточенные военные столкновения происходят в населенных пунктах между мелкими боевыми подразделениями, что требует *специальной психологической подготовки, высокой боевой слаженности и сплоченности воинских коллективов.*

Участники боевых действий нередко наблюдают картину массовых разрушений, пожаров, выведенной из строя боевой техники, тел убитых военных и гражданских лиц. Такая картина является *триггером для развития посттравматического стрессового расстройства и его важнейшим критерием.*

Боевая операция отличается огромным территориальным размахом. Линия фронта составляет более 1 000 км. При таком размахе военных событий существенно повышается физическая и носимая боевая нагрузка на воинов, вызывающая их *повышенное утомление.*

На психическое состояние реальных и потенциальных участников боевых действий может оказывать негативное влияние шоу-формат подачи информации с полей сражений. Широкое применение БПЛА, наплемных экшн-видеокамер GoPro, участие в операции военных корреспондентов создают психологический *эффект «витринности» боевых действий, могут вызывать у них притупление чувств, усталость, безразличие, снижение мотивации к активным действиям.*

Это усугубляется мощным информационно-психологическим воздействием на *сознание, установки и поведение участников боевых действий.*

Опыт всех предшествующих войн показывает, что объемы психотравматизации участников боевых действий многократно превышают объемы физических потерь. Эксперты утверждают, что *на каждого человека, получившего физическую травму, приходится от четырех до восьми человек, которые будут страдать от тревоги и острых стрессовых реакций* [2]. В связи с этим перед психоло-

гическими службами силовых ведомств могут как никогда ранее остро встать задачи по *психологической реабилитации участников боевых действий*.

Заключение. Сопутствующие специальной военной операции военные, социальные и культурные факторы создают у участников боевых действий уникальный микс мотивов, смыслов, психических состояний, боевого стресса, посттравматических стрессовых проблем. Психологическая атмосфера специальной военной операции предъявляет специфические требования как к морально-психологическим возможностям участников, так и к системе психологического обеспечения их боевой и служебно-боевой деятельности. Прошлый опыт психологической работы нередко оказывается бесполезным. Жизнь востребует новые подходы к построению системы психологического обеспечения.

В этой связи интересен опыт работы психологических структур Росгвардии, реализующих поисково-конструирующий подход, основанный на принципе инициированной обратной связи. Психологические подразделения оперативно иницируют запросы к действующим психологам, руководителям, рядовым сотрудникам на получение обратной связи по широкому кругу психологических проблем, оперативно анализируют обратную связь и вырабатывают адекватные схемы и технологии психологической помощи военнослужащим. Такой подход позволил уточнить общую модель психологических последствий ранения, выявить преобладающие и наиболее острые симптомы отсроченных проявлений боевого и оперативного стресса, сформулировать принципы, найти и адаптировать эффективные технологии решения конкретных психологических проблем.

Положительным является то, что система психологического обеспечения участия военнослужащих в специальной военной операции реализуется от «входа» в боевую деятельность (психологический отбор, психологическая подготовка и т. д.) до «выхода» из нее (планомерное психологическое возвращение участников боевых действий).

Реализация принципа инициированной обратной связи позволяет психологически готовить военнослужащих к решению многообразных задач именно в реализуемой военной операции,

а не к прошлым войнам, оперативно реагировать на изменения в тактике действий и в используемых боевых технологиях.

Библиографические ссылки

1. *Фрейд З.* Психоанализ, религия, культура. М. : Ренессанс, 1992. 289 с.
2. The SIX Cs model for Immediate Cognitive Psychological First Aid: From helplessness to active efficient coping / M. Farchi, T. B. Levy, B. B. Gershon et al. // International Journal of Emergency Mental Health and Human Resilience. 2018. № 20(2). P. 1–12.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ ПРОЦЕССОВ МЕТАМЫШЛЕНИЯ И МЕТАПАМЯТИ*

Исследовалась взаимосвязь двух основных метакогнитивных процессов — метамышления и метапамяти. Выявлено, что между ними существуют множественные взаимосвязи и взаимодействия. Они состоят, во-первых, в наличии корреляционной связи между ними; во-вторых, в существовании взаимных влияний обоих этих процессов друг на друга; в-третьих, в асимметрии их детерминационных влияний, состоящей в том, что влияние метамышления на метапамять выражено в более явном виде, нежели обратное влияние; в-четвертых, в том, что между ними существует «расходящийся» тип взаимодействия, свидетельствующий об их фасилитирующем взаимодействии.

Ключевые слова: метамышление, метапамять, метакогнитивная сфера, факторное планирование, интегративные эффекты, метакогнитивный потенциал, деятельностная фасилитация.

Anatolii V. Karpov

Demidov Yaroslavl State University

Yaroslavl, Russia

REGULARITIES OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE PROCESSES OF META-THINKING AND META-MEMORY

The interrelation of two main metacognitive processes — meta-thinking and meta-memory — was investigated. It is revealed that there are multiple interrelations and interactions between these processes. They consist, firstly, in the presence of a correlation between them; secondly, in the ex-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (номер проекта 21-18-00039 «Структура и динамика метакогнитивной организации деятельности субъектно-информационного класса»).

istence of mutual influences of both these processes on each other; thirdly, in the asymmetry of their determinative influences, consisting in the fact that the influence of meta-thinking on meta-memory is expressed in a more explicit form than the reverse influence; in-fourth, that there is a “divergent” type of interaction between them, indicating their facilitating interaction.

Keywords: meta-thinking, meta-memory, metacognitive sphere, factor planning, integrative effects, metacognitive potential, activity facilitation.

Введение. Наиболее репрезентативными предметами в метакогнитивизме являются такие классические «вторичные» процессы, как метапамять и метамышление. Именно они в течение длительного времени вообще во многом олицетворяли и продолжают олицетворять это направление в целом. В русле их изучения выполнен, пожалуй, наибольший объем исследований; получены наиболее важные результаты, составляющие важную и даже определяющую часть всего эмпирического базиса метакогнитивизма, равно как и осуществленных в нем концептуальных обобщений. Однако исследования этих процессов проводятся практически полностью автономно друг от друга. Вместе с тем не менее важным является и установление, а также последующее объяснение тех особенностей и закономерностей, которыми характеризуется их взаимодействия.

Материалы и методы. Использовались, во-первых, методика Р. Диксона и Д. Халтча, направленная на изучение метапамяти [1] и позволяющая диагностировать индивидуальную меру ее развития; во-вторых, методика, направленная на исследование процесса метамышления, позволяющая определить индивидуальную меру его развития [2].

Результаты. Установлены следующие основные закономерности взаимосвязи двух исследованных метакогнитивных процессов. Во-первых, между ними действительно существуют множественные взаимосвязи и взаимодействия. Они носят не только комплексный, но и вполне закономерный характер и могут быть эксплицированы экспериментальными средствами, равно как и средствами эмпирического исследования в условиях естественной деятельности.

Во-вторых, на результативном уровне данные взаимосвязи проявляются в том, что индивидуальная мера выраженности этих про-

цессов коррелирует при $p < 0,20$, то есть представлена как тенденция, что, в свою очередь, указывает на ее сложноопосредствованный характер. Он проявляется в существовании взаимных влияний обоих этих процессов друг на друга, а не в каком-либо однонаправленном влиянии, а также в асимметрии детерминационных влияний этих процессов друг на друга. Влияние метамышления на метапамять выражено в более явном виде, нежели обратное влияние метапамяти на метамышление.

В-третьих, между этими меткогнитивными процессами существует и непосредственное взаимодействие, эксплицируемое посредством факторного эксперимента, которое носит характер расходящегося, а его смысл состоит в взаимоусиливающем — фасилитирующем (каталитическом) взаимодействии факторов по отношению друг к другу в плане детерминации ими тех или иных результативных эффектов.

В-четвертых, все эти особенности и закономерности не только сохраняются в условиях реальной деятельности, то есть в естественных, и значит, экологически валидных условиях, но и становятся в них более выраженными — рельефными и отчетливыми. Их включение в систему деятельности приводит к фасилитации меры их представленности, что является следствием усиления их функциональной роли в ее организации. Имеет место фаилтирующее влияние деятельностного контекста на установленные во внедеятельностных, то есть экспериментальных условиях, закономерности. Это явление обозначено как феномен деятельностной фасилитации. Его установление содействует разработке важной проблемы метакогнитивизма — проблемы экологической валидности полученных в нем экспериментальных результатов.

Заключение. Во всем этом находит проявление одно из основных операционных средств, лежащих в основе функциональной организации когнитивных и метакогнитивных процессов, даже один из их механизмов [3]. Это очень общие по сфере действия и значимые по их функциональной роли эффекты синергетического типа, которые, в свою очередь, выступают следствиями механизмов и иных средств собственно интегративного плана. Именно интеграция как базовый принцип функциональной организации процессуального

содержания психики, а также порождаемые ей эффекты синергического типа лежат в основе оптимизации и расширения общего функционального потенциала, в основе повышения когнитивного ресурса субъекта, а в более общем виде — в основе известного феномена «выхода за наличное». В еще более имплицитном плане сами эти эффекты базируются на фундаментальном феномене системных качеств и лежащих в их основе генеративно-порождающих механизмах. Именно они позволяют осуществить этот «выход за наличное», поскольку сама их суть состоит в том, что, как известно, в них есть то, чего нет у простой суммы частей и их аддитивной совокупности. Точно так обстоит дело и в случае взаимодействия двух исследуемых процессов: само это взаимодействие осуществляется отнюдь не по типу агрегации, а по типу интеграции, в результате чего порождаются синергические, собственно системные, интегративные феномены и эффекты; в итоге чего и происходит расширение общего когнитивного потенциала. В этом вообще во многом и состоит суть и главное предназначение метакогнитивных процессов как таковых, то есть в их роли как средств расширения когнитивного потенциала. Это, в частности, нашло отражение в одном из подходов к исследованию когнитивной сферы — в ресурсном подходе. Именно структурные эффекты — эффекты интегративного типа играют важную, определяющую роль по отношению к общему процессуальному содержанию когнитивной подсистемы. Они, наряду с ее аддитивной — аналитической детерминацией со стороны отдельных когнитивных и метакогнитивных процессов, определяют его общий уровень, индивидуальную меру выраженности. Эти интегративные эффекты обуславливают несводимость процессуального содержания к детерминации лишь со стороны отдельных метакогнитивных процессов и их суматошного — агрегативного объединения. Значимая и, по-видимому, весьма существенная детерминация генерируется их интеграцией и теми структурными эффектами, которые ей порождаются. Интеграция как раз и порождает ту «прибавку», которая отличает общий когнитивный потенциал субъекта от суммы потенциалов отдельных когнитивных и метакогнитивных процессов, несводимость первого ко второму. Одновременно это является и значимым аргументом в пользу того,

что сама метакогнитивная сфера в целом организована на основе специфически системных закономерностей, эксплицируя ее как образование именно такого — системного типа, в котором определяющую роль играют механизмы и иные операционные средства интегративного плана.

Значимым подтверждением (а одновременно — и проявлением) этого является и еще один результат исследования. Он состоит в том, что в условиях реальной профессиональной деятельности те особенности и закономерности, которые были эксплицированы в собственно экспериментальных условиях, предстают в более рельефном и выраженном виде — усиливаются, гипертрофируются. Особо показательно в этом плане, что степень взаимодействия исследуемых процессов при этом возрастает в 1,5 раза, что не только значимо статистически, но и весьма существенно. Учитывая к тому же и сам характер, смысл такого взаимодействия — его взаимно усиливающий, фасилитирующий тип, можно сказать и так. То, насколько процессы фасилитируют друг друга, само фасилитируется фактором деятельностной детерминации. Деятельность фасилитирует — как бы «обостряет» те закономерности, которые эксплицируются в условиях экспериментальных ситуаций. Данное явление можно обозначить поэтому как феномен деятельностной фасилитации.

Библиографические ссылки

1. *Dixon R. A.* Structure and development of metamemory in adulthood // *Journal of Ger-ontology*. 1983. № 38. P. 682–688.
2. *Карнов А. А.* Структура метакогнитивной регуляции управленческой деятельности. М. : Изд-во РАО, 2018. 784 с.
3. *Карнов А. В.* Психология сознания : Метасистемный подход. М. : Изд. дом РАО, 2011. 1080 с.

Д. А. Касанов
А. И. Котюсов
А. И. Косаченко
А. С. Гашкова
Ю. Г. Павлов

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ КОГНИТИВНОЙ ПЕРЕГРУЗКИ ПО РАЗМЕРУ ЗРАЧКА И ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЗГА

Когнитивная перегрузка может быть определена как превышение объема информации, который требуется удерживать, над объемом доступных ресурсов рабочей памяти. Сравнительный анализ динамики таких психофизиологических показателей как диаметр зрачка и ритмическая активность мозга может помочь описать механизмы возникновения когнитивной перегрузки.

Ключевые слова: рабочая память, ЭЭГ, электроэнцефалография, пупиллометрия, когнитивная перегрузка.

Dauren A. Kasanov
Alexander I. Kotyusov
Alexandra I. Kosachenko
Anastasia S. Gashkova
Yuri G. Pavlov

*Ural Federal University named
after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia*

ASSESSMENT OF THE STATE OF COGNITIVE OVERLOAD BY PUPIL SIZE AND ELECTRICAL BRAIN ACTIVITY

Cognitive overload can be defined as the excess of information to be retained over the available working memory resources. A comparative analysis of the dynamics of such psychophysiological indicators as pupil

diameter and rhythmic brain activity can help describe the mechanisms of cognitive overload.

Keywords: working memory, EEG, electroencephalography, pupillometry, cognitive overload.

Введение. Целью исследования было изучить влияние превышения индивидуального предела объема рабочей памяти (диапазон цифр) на психофизиологические показатели функции рабочей памяти, такие как среднелобная мощность тета-ритма, мощность затылочно-теменного альфа ритма и диаметр зрачка.

Материалы и методы. 107 испытуемых, средний возраст $20,3 \pm 2,14$ лет, 83 женщины; с правым доминантным глазом 64; с ведущей правой рукой — 91, амбидекстров — 4, с ведущей левой рукой — 9. Испытуемые не имели психических или неврологических отклонений в анамнезе и имели нормальное или скорректированное до нормального зрение. Для регистрации диаметра зрачка использовался ай-трекер Pupil Labs (120 Гц). Для записи ЭЭГ использовалась 64-канальная система с активными электродами ActiChamp. Испытуемые выполняли задачу на запоминание рядов цифр (digit span), где определялась максимальная длина ряда цифр, который испытуемый мог удержать в рабочей памяти и в последующем воспроизвести как минимум 7 проб в блоке из 10 проб. Эта длина ряда определялась как уровень максимальной нагрузки. Длина ряда больше на одну цифру, определялась как уровень когнитивной перегрузки (при условии точного выполнения 6 из 10 проб в блоке и меньше).

Результаты. Для анализа показателей успешности запоминания были доступны данные 98 испытуемых. Медианное значение длины ряда, на котором был достигнут уровень когнитивной перегрузки согласно нашему определению (6 из 10 верно воспроизведенных проб или менее в блоке), составило 7 цифр. Высокозначимые различия были обнаружены между уровнем, соответствующим объему памяти, и уровнем перегрузки в проценте правильно (полностью и в верном порядке) воспроизведенных рядов (74,3 % против 51,5 %; $F(1,97) = 269,63$, $p < .001$, $\eta^2 = .74$). Сравнение успешности запоминания отдельных цифр, находящихся на различных позициях

в рядах, выявило значимый эффект фактора Позиция (8 уровней) (ANOVA: $F(2.25, 179,63) = 128,96, p < .001, \eta^2 = .62$; post-hoc анализ показал $p < 0,05$ для всех уровней, за исключением 5 и 6, а также 2 и 3 цифр, где $p = 0,0506$ после коррекции Холма на множественные сравнения). Таким образом, был показан рост количества ошибок при увеличении длины ряда, а также ожидаемый эффект различий между уровнем перегрузки и предшествующим ему уровнем, который соответствует объему памяти конкретного испытуемого.

Пупиллометрия. При сравнении (вне зависимости от объема памяти (digit span) конкретного испытуемого) уровней нагрузки от 1 до 8 цифр (после исключения из анализа времени, соответствующего кодированию и удержанию в памяти последнего элемента ряда) были получены значимые различия между первыми пятью, но не между 5, 6, 7 и 8 цифрами (смешанные линейные модели: $b = -0,21, t = -15,892, p < 0,001$; posthoc попарные сравнения с коррекцией Holm между 1–5 все $p < 0,001$, 5–8 минимальное значение $p = 0,23$).

В то же время при сравнении диаметра зрачка в двух ключевых условиях: во время удержания в памяти последней цифры в рядах, которые вызывали когнитивную перегрузку и предшествующих им — значимых различий обнаружено не было ($F(1,87) = 0,01, p = .933, \eta^2 < .01$). Также отсутствие различий между уровнем перегрузки и уровнем, предшествующем уровню перегрузки, подтверждается Байесовой статистикой ($BF_{01} = 6,12$). Таким образом, несмотря на значимые различия между диаметром зрачка в ответ на предъявление первых пяти цифр в ряду в среднем по выборке, и на то, что уровень когнитивной нагрузки был выше нормального, дальнейших изменений в диаметре зрачка не наблюдалось.

Электроэнцефалография. Сначала было оценено, как увеличение нагрузки на рабочую память влияет на мощность тета-ритма (4–8 Гц) в отведении Fz вне зависимости от длины ряда. В данный анализ вошла средняя мощность в двухсекундных интервалах, соответствующих кодированию и удержанию в памяти рядов длиной от 1 до 8 элементов. Данный анализ показал, что все уровни отличаются между собой ($p < 0,05$), за исключением уровней 3 и 4, а также уровней 4 и 5 (линейные смешанные модели, эффект фак-

тора нагрузки с 8 уровнями: $b = 4,2$, $t = 10,099$, $p < 0,001$, а также post-hoc попарные сравнения). Для оценки эффекта перегрузки в расчет, по аналогии с анализом диаметра зрачка, вошли последние 4 секунды, соответствующие кодированию и удержанию в памяти последнего элемента ряда. Значимого эффекта перегрузки обнаружено не было ($F(1,91) = 0,50$, $p = .483$, $\eta^2 < .01$, $BF_{01} = 6,14$). Далее мы проанализировали, как увеличение нагрузки на рабочую память повлияло на спектральную мощность альфа-ритма (8–13 Гц) в отведении Pz. В отличие от тета-ритма изменение уровня нагрузки, хотя и имело значимый эффект ($b = -0,9818$, $t = -6,390$, $p < 0,001$), однако было выражено лишь в значимых различиях между первыми тремя уровнями: post-hoc t -тесты показали значимые различия между запоминанием 1, 2 и 3 цифр ($p < 0,05$), но не между 3 и 4 и всеми последующими цифрами. Эффект перегрузки, по аналогии с тета-ритмом, не достиг уровня статистической значимости ($F(1,91) = 0,26$, $p = .609$, $\eta^2 < .01$, $BF_{01} = 6,16$).

Заключение. Переход от запоминания рядов цифр, которые соответствуют по длине объему кратковременной памяти, к запоминанию рядов, длина которых превосходит объем памяти на один элемент, значимо повлиял на показатели успешности воспроизведения, но никак не отразился на физиологических индексах когнитивной нагрузки. Таким образом, ни один из использованных физиологических индикаторов когнитивной нагрузки не оказался достаточно чувствителен к нашей экспериментальной манипуляции. Вероятной причиной может быть использование адаптивной модели эксперимента, где уровень нагрузки подстраивался под возможности конкретного испытуемого. Полученные данные дополнительно подтверждают результаты наших исследований, где показана корреляция ритмической активности мозга только в задачах высокой сложности (с мысленными манипуляциями) [1].

Библиографические ссылки

1. Pavlov Y. G., Kotchoubey B. The electrophysiological underpinnings of variation in verbal working memory capacity // Scientific reports. 2020. Vol. 10, № 1. С. 1–9. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-72940-5>

К. Д. Катъкало

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ МОДЕЛИ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ РАБОТАЮЩИХ СТУДЕНТОВ

Исследуется личностно-профессиональная самореализация работающих студентов с позиции системного личностно-развивающего подхода. На основе разработанной теоретической модели личностно-профессиональной самореализации проводится ее эмпирическая верификация, в ходе которой уточняются характерные типы, структурная организация, предикторы и критерии успешности личностно-профессиональной самореализации.

Ключевые слова: самореализация личности, личностно-развивающий подход, профессиональная самореализация, психологическое благополучие, предикторы самореализации.

Ksenia D. Katkalo

*Ural Federal University named
after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia*

EMPIRICAL VERIFICATION OF THE MODEL OF PERSONAL AND PROFESSIONAL SELF-REALIZATION OF WORKING STUDENTS

The personal-professional self-realization of working students is studied from the standpoint of a systematic personal-developing approach. On the basis of the developed theoretical model of personal and professional self-realization, its empirical verification is carried out, during which characteristic types, structural organization, predictors and criteria for the success of personal and professional self-realization are clarified.

Keywords: personal self-realization, personality-developing approach, professional self-realization, psychological well-being, predictors of self-realization.

Введение. Многочисленные исследования в области психологии личности свидетельствуют о том, что наличие успешной самореализации на протяжении жизненного пути является необходимым условием психологического благополучия, психологической удовлетворенности [1–5]. Вместе с тем теоретический анализ подходов к исследованию самореализации как в отечественной, так и в зарубежной психологии, позволяет сделать вывод о методологической односторонности изучаемого феномена.

Нам видится перспективной идея рассмотрения самореализации с позиции системного личностно-развивающего подхода, постулирующего неразрывность профессионального и личностного аспектов развития человека. В связи с этим нами предложен конструкт «личностно-профессиональная самореализация».

Под личностно-профессиональной самореализацией мы понимаем интегральную характеристику личности, включающую в структурную организацию совокупность оценочно-целевой, ресурсной, деятельностной и эмоциональной составляющих, обеспечивающих интеграцию личностных ресурсов с профессиональными характеристиками деятельности, критерием успешности которой является ощущение удовлетворенности жизнью.

В предыдущих исследованиях нами разработана модель личностно-профессиональной самореализации, выделены ее компоненты, факторы и критерии успешности.

Цель настоящей работы — эмпирическая верификация модели личностно-профессиональной самореализации.

Материалы и методы. Для достижения поставленной цели нами проведено исследование среди студентов, совмещающих учебную и трудовую деятельности. В исследовании приняли участие 50 студентов 4-го и 5-го курсов, обучающихся на направлении «Психология» в Уральском федеральном университете.

Для проверки гипотезы о структуре личностно-профессиональной самореализации использовались: методика по изучению ценностных ориентаций (Ш. Шварц); тест жизнестойкости (Е. Н. Осин, Е. И. Рассказова); опросник волевого самоконтроля — оригинальная методика (А. Г. Зверков, Е. В. Эйдман); методика диагностики ценностных ориентаций в карьере (Э. Шейн, перевод и адаптация

В. А. Чикер, В. Э. Винокурова); методика исследования профессиональной идентичности (Л. Б. Шнейдер); тест диспозиционного оптимизма (Т. О. Гордеева, О. А. Сычев, Е. Н. Осин). Критерии успешности личностно-профессиональной самореализации оценивались по методике «Шкала удовлетворенности жизнью» (адаптация Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин), методике оценки уровня развития биографической рефлексии (М. В. Клементьева).

Результаты. Обработка данных эмпирического исследования проходила в несколько этапов. Прежде всего с целью снижения размерности был проведен эксплораторный факторный анализ применительно к жизненным ценностям студентов и их карьерным ориентациям. В результате мы выделили четыре фактора в структуре жизненных ценностей: «Самоутверждение», «Сохранение», «Выход за пределы своего Я» и «Открытость изменениям»; и два фактора, объясняющих различия в ориентациях на карьеру: «Инновационные карьерные ориентации» и «Консервативные карьерные ориентации». Эти группы факторов и будут включены эмпирическую модель.

Следующим шагом стала проверка гипотезы о структуре концепта личностно-профессиональная самореализации. С этой целью мы сгруппировали переменные в компоненты и провели кластеризацию. На основе сформированных кластеров мы выделили следующие характерные типы личностно-профессиональной самореализации:

1. Романтический тип личностно-профессиональной самореализации характеризуется выраженной осмысленностью, целеполаганием, но вместе с тем отсутствием соответствующей ресурсной основы и, как результат, низким показателем профессиональной идентичности, эмоциональной устойчивости и удовлетворенности.

2. Сдержанный тип личностно-профессиональной самореализации. Для данной категории респондентов характерны высокие показатели осмысленности, профессиональной идентичности, ресурсной устойчивости и способности противостоять стрессу. Однако эмоциональная сфера не устойчива, уровень самообладания и оптимизма невысок.

3. Формальный тип личностно-профессиональной самореализации отличает респондентов с низкой выраженностью всех компонентов личностно-профессиональной самореализации. Професси-

ональная деятельность не имеет личностного смысла и не приносит значимых результатов. Кроме того, такая деятельность не способствует раскрытию потенциала и развитию внутренних ресурсов субъекта.

4. Перспективный тип личностно-профессиональной самореализации отличается от успешной лишь отсутствием значимых достижений в профессиональной сфере, пока еще невыраженной профессиональной идентичностью.

5. Ложный тип личностно-профессиональной самореализации присущ респондентам с высоким показателем профессиональной идентичности, статусности. Но такая деятельность не соответствует истинным личностным смыслам и ценностям, отсутствует ресурсная основа. Такой результат может являться следствием профессионального выгорания или неверного выбора пути профессионального развития.

6. Успешный тип личностно-профессиональной самореализации характеризуется выраженностью всех компонентов. Профессиональная деятельность таких респондентов носит осознанный характер, наблюдается соответствие личностных смыслов и профессиональных характеристик. Таким респондентами присуща осмысленность жизни и самостоятельность в принятии решений, стрессоустойчивость, эмоциональная стабильность, уверенность в себе, развитое чувство внутреннего долга, оптимистический настрой.

Корреляционный анализ позволил выявить значимые взаимосвязи практически между всеми компонентами модели.

1) Например, перспективный тип личностно-профессиональной самореализации характерен для молодой выборки, положительно связан с показателями оптимизма и жизненных ценностей «Открытость изменениям» и отрицательно — с жизненными ценностями «Сохранение».

2) Только один тип личностно-профессиональной самореализации — формальный (характеризующийся низкой выраженностью всех компонентов), хоть и отрицательно, но существенно связан с показателем удовлетворенности жизнью. То есть для респондентов из данной группы свойственны низкие показатели удовлетворенности жизнью.

Заключение. Проведенная работа вносит значительный вклад в исследование самореализации личности с позиции системного личностно-профессионального подхода. Выявлены шесть типов личностно-профессиональной самореализации — успешный, перспективный, ложный, формальный, сдержанный и романтический — различающиеся выраженностью структурных компонентов (оценочно-целевого, ресурсного, деятельностного и эмоционального). Описанные типы личностно-профессиональной самореализации расширяют представление о сущности изучаемого феномена и конкретизируют его особенности.

Мы получили соответствие эмпирических данных теоретической модели, подтверждением чего являются выявленные значимые взаимосвязи между всеми ее структурными компонентами.

Полученные данные имеют значение для решения таких прикладных задач, как профессиональный отбор, психологическое и профессиональное консультирование, построение программ психопрофилактики кризисов развития и многих других важных прикладных аспектов, направленных на повышение эффективности жизнедеятельности и поддержание психологического благополучия человека.

Библиографические ссылки

1. *Егорычева И. Д.* Самореализация: сущность, детерминанты, этапы становления в онтогенезе // Психология и педагогика XXI века: теория, практика и перспективы : монография / под общ. ред. Н. Б. Карабущенко, Н. Л. Сунгуровой. М. : Рос. ун-т дружбы народов, 2015. С. 169–181.
2. *Кудинов С. И., Кудинов С. С.* Системный подход в исследовании самореализации личности // Рос. науч. журнал. 2015. № 2 (45). С. 138–143.
3. *Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э.* Самореализация человека в возрасте поздней зрелости как предиктор обеспечения профессиональной успешности // Изв. Урал. федер. ун-та. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26, № 4(201). С. 100–114. DOI 10.15826/izv1.2020.26.4.075.
4. *Деркач А. А., Сайко, Э. В.* Самореализация — основание акмеологического развития : монография. М. : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2010. 224 с.
5. *Ryff C. D.* Well-Being With Soul: Science in Pursuit of Human Potential // Perspectives on Psychological Scienc. 2018. Vol. 2, № 13. P. 242–248.

М. М. Кашапов

Ярославский государственный университет

им. П. Г. Демидова

Ярославль, Россия

ДИНАМИКА РЕСУРСНОСТИ МЫШЛЕНИЯ СУБЪЕКТА НА СТАДИЯХ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ*

В статье впервые обосновано, что учет динамики ресурсности мышления субъекта на стадиях профессионализации способствует разработке технологии реализации творческого потенциала, которая должна быть, во-первых, основанной на принципах проблемности, активности личности, интеграции теории, практики и обучения, развития творческой индивидуальности в групповой работе; во-вторых, направленной на формирование творческого мышления, социально-психологической компетентности и актуализацию личностного потенциала; в-третьих, динамичной и открытой для освоения новых технологий социализации и профессионализации личности.

Ключевые слова: ресурсность мышления, субъект, профессионализация, абнотивность, личность.

Mergalyas M. Kashapov

Yaroslavl State University

Yaroslavl, Russia

DYNAMICS OF RESOURCEFULNESS OF A SUBJECT'S THINKING AT THE STAGES OF PROFESSIONALIZATION

The article first argues that taking into account the dynamics of the resourcefulness of a subject's thinking at the stages of professionalization helps to develop a technology for realizing creative potential, which should be, firstly, based on the principles of problem solving, personal activity, integration of theory, practice and learning, development of creative individuality

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00602, <https://rscf.ru/project/22-28-00602/>.

in group work; secondly, aimed at forming creative thinking, social and psychological competence and actualization of personal potential; thirdly, dynamic and open for mastering new technologies for the socialization and professionalization of individuals.

Keywords: resourcefulness of thinking, subject, professionalization, abolitiveness, personality.

Введение. Корни проблемы повышения ресурсности субъекта, утверждает В. И. Панов, значительно глубже и серьезнее. Их следует искать в психологических закономерностях формирования мышления человека в разных ситуациях его взаимодействий с образовательной и профессиональной средой. Проблема в том, что вследствие цифровизации произошло качественное изменение способов деятельности, когда социальный и личностный опыт старшего поколения часто оказывается бесполезным для подрастающего поколения [1].

В связи с этим возникает барьер как психологический феномен, в котором отражены свойства объекта ограничивать проявления жизнедеятельности человека [2]. Осознание своей ресурсности предоставляет субъекту расширенные возможности достижения целей деятельности, благодаря высокому уровню активности интеллектуальных ресурсов, необходимых для преодоления деструктивных психических состояний и ситуаций [3].

Актуальность проводимых нами исследований [4–6] обусловлена ростом интереса к проблеме ресурсности мышления специалиста, необходимостью преодоления терминологической неопределенности понятия «ресурсность мышления», потребностью в теоретическом осмыслении взаимосвязи ресурсности мышления со стадиями профессионализации. Представляется перспективным применение полученных результатов в профессиональной подготовке. Расширение и углубление научных представлений о роли отдельных характеристик ресурсности мышления позволит определить способы повышения эффективности профессиональной деятельности.

Материалы и методы. В исследовании, проводимом совместно с А. А. Оплесниной и А. Ш. Азизовой, в выборку вошли 50 учителей средних школ; 50 специалистов по социальной работе; 100 врачей

(фтизиатры, терапевты, кардиологи, педиатры, хирурги, неврологи, офтальмологи).

Методика диагностики ресурсности профессионального мышления (для профессий социономического типа) (И. В. Серафимович, Е. А. Медведева, Н. В. Сурина) предназначена для определения уровня ресурсности мышления профессионала и степени выраженности компонентов, входящих в конструкт данного когнитивного ресурса.

Опросник диагностики ведущего типа реагирования (М. М. Кашапов, Т. Г. Киселева) позволяет установить три варианта поведения в конфликте — агрессия, уход и решение (оптимальное разрешение конфликтной проблемы).

Результаты. Выявление взаимосвязи ресурсности мышления профессионала и типов реагирования на конфликт позволило установить следующие закономерности: чем выше уровень ресурсности профессионального мышления, тем: 1) чаще «Решение» будет выбрано субъектом в качестве основного типа реагирования на конфликт; 2) реже он в качестве основной стратегии поведения в конфликте выбирает «Агрессию»; 3) меньше разрушительных последствий будет для личности и для тех, с кем личность взаимодействует; 4) функционально эффективнее человек будет в своей профессиональной деятельности. Установлено, что синдром эмоционального выгорания выполняет триггерные функции в соотношении ресурсности мышления и типов реагирования на конфликт, поскольку он способствует появлению агрессии в качестве доминирующего типа реагирования на конфликт.

На всех стадиях профессионализации, за исключением стадии «Наставник», врачи обладают средним уровнем ресурсности мышления. У врачей на стадии «Наставник» этот показатель выше. У данной категории врачей выявлены положительные связи уровня ресурсности мышления со знаковым, критическим, управленческим типом мышления, практическим стилем мышления, самоподдерживающим юмором; отрицательная связь выявлена между уровнем ресурсности мышления и агрессивным юмором. У врачей на стадии «Адаптант» определены положительные связи уровня ресурсности мышления с управленческим стилем мышления и фокусированием на возможностях. Достоверные обратные корреляционные связи

в группе врачей на стадии «Интернал» зафиксированы между уровнем ресурсности мышления и агрессивным юмором, фокусированием на возможностях; прямые достоверные корреляционные связи отмечены между уровнем ресурсности мышления и управленческим стилем мышления, аффилиативным стилем юмора и фокусированием на оставшемся времени. На стадии профессионализации «Мастер» выделены достоверные обратные корреляционные связи между уровнем ресурсности мышления, предметным мышлением и агрессивным юмором.

Заключение. Установленный рост уровня ресурсности мышления врачей на стадии «Наставник» обусловлен тем, что для проявления творческого потенциала начинающий врач нуждается в профессионале, обладающим абнотивностью, которая проявляется в создании условий, необходимых для предельного напряжения; предоставлении максимальной свободы, доброжелательной помощи и атмосферы; переходе от стимулирования к мотивированию. Абнотивность позволяет организовывать условия, которые становятся средством самоактуализации и самореализации творческого потенциала обучаемого [6]. Абнотивность *Наставника* проявляется в следующих функциональных характеристиках: своевременное выявление творчески-одаренного обучаемого; создание таких условий, которые становятся для обучаемого средством осмысления и рефлексирования полученной обратной связи; формулирования соответствующих выводов. Рекомендации начинающему врачу способствуют переходу *Наставника* из режима функционирования в режим профессионального развития подопечного как обучаемого.

Библиографические ссылки

1. *Панов В. И.* Проблемы и возможные риски социализации в условиях ускорения научно-технологического прогресса // Вестн. Калуж. ун-та, 2021. Серия «Психологические науки. Педагогические науки». Т. 4. Вып. 2. С. 9–16.

2. *Сыманюк Э. Э., Девятковская И. В.* Непрерывное образование как ресурс преодоления психологических барьеров в процессе профессионального развития личности // Образование и наука. 2015. № 1 (120). С. 80–92.

3. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Кризисы профессионального становления личности // Психологический журнал. 1997. № 6. С. 35–44.

4. Кашанов М. М. Особенности мышления преподавателя в процессе решения педагогической проблемной ситуации : автореф. дис. ... канд. псих. наук. Л., 1989.

5. Кашанов М. М. Психология профессионального педагогического мышления : автореф. дис. ... д-ра псих. наук. Москва, 2000. 48 с.

6. Кашанов М. М. Абнотивность как характеристика профессионализации мышления педагога // Вестн. Удмурт. ун-та. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 29, № 2. С. 137–147.

М. М. Кашапов

Е. В. Соловьева

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Ярославль, Россия

ОСОБЕННОСТИ РЕСУРСНОГО МЫШЛЕНИЯ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ*

В статье впервые обосновано, что ключевыми факторами успеха в психологическом консультировании являются ресурсы как клиента, так и психолога, которые не всегда и не полностью осознаются ими. Описаны качества ресурсного мышления участников консультативного процесса, актуализация и реализация которых позволяет клиенту продуктивно работать над своими проблемами.

Ключевые слова: ресурсное мышление, консультативный процесс, клиент, психолог.

Mergalyas M. Kashapov

E. V. Solovyeva

Yaroslavl State University

Yaroslavl, Russia

THE HALLMARKS OF RESOURCE THINKING IN PSYCHOLOGICAL COUNSELING

The article proves for the first time that the key factors of success in psychological counseling are the resources of both the client and the psychologist, which are not always and not fully realized by them. The article describes the qualities of resource thinking of the participants of the consultative process, the actualization and implementation of which enable the client to work productively on their problems.

Keywords: resource thinking, psychological counseling, client, psychologist.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00602, <https://rscf.ru/project/22-28-00602/>.

Введение. Реализация ресурсного мышления предполагает встречный процесс во взаимодействии консультанта и клиента. Основным вектором такого взаимодействия является поиск непознанного, которое пока является непостижимым для обеих сторон. Ни психолог, ни клиент не могут понять или объяснить возникшее затруднение. По мнению Р. Мэя, мы даже не в состоянии хорошо разглядеть предмет, пока не наладим с ним какой-то эмоциональный контакт [1, с. 52]. Эмпатия в психологической консультации способствует устранению негативных последствий и выработку необходимых ресурсов, позволяющих эффективно справляться с жалобой клиента. Г. А. Суворова в рамках системогенетической парадигмы анализирует проблемы психологии развития, обучения и воспитания человека. Обоснована продуктивность деятельностного подхода к психологическому консультированию в образовании [2].

Материалы и методы. Творческий потенциал клиента, характеризующийся снятием эмоционального напряжения и нахождением жизненным ресурсом, раскрывается на трех уровнях: когнитивно-рефлексивном, эмоционально-эмпатийном, поведенческом. Получение доступа к собственным ресурсам осуществляется путем специальных психологических техник. Такая психологическая работа ведется как на сознательном, так и на бессознательном уровнях психики человека [3–6].

Результаты. Тенденция опираться на успехи и ресурсы клиента, его сильные стороны, видение перспективы привносит недостающие ресурсы в разрешение возникшей проблемной ситуации. Раскрытие внутренних ресурсов клиента позволяет расширить творческий потенциал его интеллекта. Важно формирование у клиента осознания, что он имеет значительный ресурс, который им не используется. Предоставление клиенту больше инициатив помогает ему найти в себе силы, уверенность в собственном решении проблемы. Важную роль в повышении уверенности играет консультативный контакт, позволяющий клиенту использовать свои внутренние ресурсы для развития в позитивном направлении и актуализировать потенциал осмысленной жизни.

Особое значение приобретает метаресурс. Он является осознанной саморегуляцией, включающей такие универсальные и спе-

циальные компетенции клиента, которые способствуют осознанной и самостоятельной способности выдвигать цели и творчески управлять их достижением. Сплав когнитивных и личностных качеств консультанта непосредственно влияет на поведение клиента. Создаются благоприятные условия общения, которые становятся средством формирования, мобилизации и реализации творческого потенциала. Нами установлено, что лишь активное взаимодействие с партнером по общению может развивать метаресурс мышления.

Для проявления творческого потенциала клиенту необходим консультант, обладающий абнотивностью, проявляющейся в процессе создания условий, необходимых для предельного напряжения; предоставления максимальной свободы; доброжелательной помощи; дружелюбной атмосферы; перехода от стимулирования к мотивированию. Абнотивность позволяет организовывать условия, которые становятся средством самоактуализации и самореализации творческого потенциала клиента [7]. Абнотивность консультанта проявляется в следующих функциональных характеристиках: своевременное выявление творческого потенциала клиента; создание таких условий, которые становятся для клиента средством самоактуализации и самореализации собственного творческого потенциала; осмысление и рефлексирование полученной обратной связи. Ресурсность взаимодействия характеризуется мягкой силой консультационного воздействия психолога.

Заключение.

1. *Ресурс* — условие, позволяющее с помощью конструктивных преобразований получить желаемый результат. *Ресурсность* — способность адекватно мобилизовать имеющиеся субъективные и объективные возможности для достижения цели. *Ресурсность мышления* — интеллектуальная способность к осмыслению, т. е. к нахождению новых смыслов в происходящем с целью трансформации условий проблемной ситуации в средства ее позитивного разрешения. Дискретность, расщепление процесса осмысления возникает на таком этапе жизненного пути, когда мотивация на самореализацию не поддерживается ресурсами или находит и реализует их лишь в частичных преобразованиях, реализуемых посредством

надситуативного мышления, позволяющего изменять себя как субъекта профессиональной деятельности.

В этом случае ресурсность мышления психолога как высший психический познавательный метапроцесс выступает ресурсом реализации творческой активности клиента в осознании, формулировании и достижении жизненных целей. Такая активность обеспечивается реализацией целостной системы познавательной деятельности, а также целенаправленным участием в системе самых разных процессов, явлений и уровней психики, являющихся средствами ее реализации.

2. Ресурсное мышление — мышление, обеспечивающее нахождение и реализацию опорных точек в собственном опыте и в условиях окружающей среды (социальной, образовательной, профессиональной, организационной). В процессе взаимодействия со средой происходит аксиологическая (ценностная) трансформация собранной и проанализированной информации в знания, умения, навыки, привычки, отношения. Если человек умеет посмотреть на себя иначе, с разных позиций, увидеть и открыть в себе новое, то именно в этом заключается его латентный, имплицитный ресурс.

3. Консультант, выступающий в роли абнотивиста, создает такие условия, реализация которых трансформирует посредством механизма интериоризации внешнюю регуляцию деятельности клиента в осознанную саморегуляцию. Происходит формирование внутренних регуляционных структур психики, посредством усвоения внешней социальной деятельности, выполняемой под руководством психолога. Поэтому разрешение клиентом собственной проблемы подразумевает стратегию высвобождения внутренних ресурсов как основу позитивного самоотношения (принятие себя, интерес к себе). Одним из ценных внутренних ресурсов служит понимание того, что любой кризис — явление временное, таящее в себе возможности роста.

Библиографические ссылки

1. *Мэй Р.* Мужество творить / пер. с англ. М., 2018. 152 с.
2. *Суворова Г. А.* Деятельностный подход к психологическому консультированию в образовании: системогенетическая парадигма. М., 2019.

3. *Кашанов М. М.* Консультационная работа психолога : учеб. пособие. Ярославль, 2005. 196 с.

4. *Кашанов М. М.* Особенности творческого профессионального мышления психолога-консультанта // Ярослав. псих. вестн. Вып. 14. М. — Ярославль, 2005. С. 20–27.

5. *Кашанов М. М.* Особенности консультативной рефлексии психолога // Реалии и перспективы психологической науки и практики в российском обществе : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Набережные Челны, 19–20 августа 2005 г.) / под ред. Р. А. Ахмерова, Г. С. Прыгина. Набережные Челны, 2005. С. 318–321.

6. *Кашанов М. М.* Актуализация творческого консультативного мышления в общении с клиентом // Психология общения XXI век: 10 лет развития : материалы Международ. конф. 8–10 октября 2009 года : в 2-х т. Т. 2. М. ; Обнинск, 2009. С. 214–217.

7. *Кашанов М. М.* Абнотивность как характеристика профессионализации мышления педагога // Вестн. Удмурт. ун-та. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 29, № 2. С. 137–147.

Е. В. Каширская

А. В. Хархурин

*Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

«КЛЮЧИ К ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМУ, МЕЖКУЛЬТУРНОМУ И ТВОРЧЕСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ»: НОВЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ НАВЫКОВ XXI ВЕКА У ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ*

Представлена новая обучающая система «Ключи к полилингвальному, межкультурному и творческому образованию», которая направлена на адаптацию личности в современном мире через развитие креативных, межкультурных и языковых компетенций. В основе подхода лежит концепция полилингвальной креативности — результат многолетних эмпирических исследований взаимосвязи между многоязычием, креативностью и мультикультурными аспектами коммуникации.

Ключевые слова: полилингвизм, мультилингвизм, креативность, межкультурная компетенция, системная адаптация, полилингвальное и поликультурное образование, креативное образование.

Ekaterina V. Kashirskaya

Anatoly V. Kharkhurin

*Higher School of Economics
National Research University
Moscow, Russia*

“PLURILINGUAL INTERCULTURAL CREATIVE KEYS; PICK”: A NEW APPROACH TO 21ST CENTURY SKILLS

This presentation offers an overview of a new educational program “Plurilingual Intercultural Creative Keys” (PICK), which aims at developing a systemic adaptation of students to the modern world through the devel-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00958, <https://rscf.ru/project/22-28-00958/>.

opment of their linguistic, intercultural, and creative competencies. The approach is based on the concept of plurilingual creativity — the result of many years of empirical research into the relationship among multilingualism, creativity, and multicultural aspects of communication.

Keywords: plurilingualism, multilingualism, creativity, intercultural competence, systemic adaptation, plurilingual and pluricultural education, creative education.

Введение. В современной ситуации как в России, так и в мире, остро стоит вопрос развития гибких навыков и компетенций школьников и студентов в процессе получения ими среднего или высшего образования. И, несмотря на достаточно большое количество работ по проблеме формирования и оценки навыков XXI века, тема не теряет своей актуальности. Стремительные изменения в геополитическом, экономическом и кросс-культурном ракурсе требуют от личности умения быстро адаптироваться к вновь возникающим обстоятельствам, готовности справляться с многозадачностью, сложностью и непредсказуемостью современного мира. Рост конкурентоспособности, успеха и благополучия личности определяется способностью к творчеству в самом широком контексте, возможностью вести конструктивный диалог с людьми разных культур и национальностей.

В педагогике одной из ключевых проблем является формирование soft-компетенций учащегося в рамках формального учебного процесса, а не за его пределами во внеурочной деятельности. Несмотря на то, что зачастую задачи формирования гибких навыков обозначены в рабочих программах учебных дисциплин, на практике образовательные организации, педагоги и сами обучающиеся по-прежнему сталкиваются с трудностями совмещения двух векторов развития в учебном процессе. С одной стороны, приоритетным остается освоение конкретных предметных знаний. С другой — нельзя умалять необходимость развивать и отслеживать уровень прогресса в формировании значимых личностных и когнитивных навыков, связанных с коммуникативными аспектами, креативностью, гибкостью ума, критическим мышлением.

Материалы и методы. Учитывая обозначенные сложности и тенденции, на базе факультета социальных наук НИУ ВШЭ разра-

батывается новая обучающая система «Ключи к полилингвальному, межкультурному и творческому образованию» (Plurilingual Intercultural Creative Keys; ПИСК), которая направлена на развитие языковых способностей учащихся, активизацию их творческого потенциала и формирование межкультурной компетенции. Совокупная актуализация данных компетенций способствует становлению системной адаптации человека в современном мире.

В основе подхода лежит концепция полилингвальной креативности, что является результатом многолетних эмпирических исследований взаимосвязи между многоязычием, креативностью и мультикультурными аспектами коммуникации. Результаты данных эмпирических исследований доказали наличие тесной взаимосвязи между многоязычной и межкультурной практикой и развитием специфических когнитивных функций и личностных качеств, лежащих в основе креативности [1].

При этом полилингвизм, в отличие от традиционных би-/мультилингвальных подходов, характеризует людей, свободно владеющих всеми языками, или тех, кто активно использует более одного языка, даже если они не достигли свободного владения всеми из них. Это люди, которые могут при необходимости переключаться с одного языка на другой, говорят на одном языке и понимают при этом другой и могут выступать посредниками между людьми, не имеющими общего языка [2].

Межкультурная компетенция — это наличие когнитивных, поведенческих и аффективных способностей, которые помогают полилингвам эффективно общаться с представителями других культур [3].

Концепция полилингвальной креативности рассматривает креативность как синдром или сложное явление. Используется подход 7Ps к креативности, который рассматривает это явление с точки зрения творческого процесса, личности, продукта творческой деятельности, среды или места [4], в котором происходит творческая деятельность [4], способности убедить других в легитимности результата творческой деятельности [5], потенциала для вовлечения в творческую деятельность [6] и творческого восприятия [7].

В совокупности полилингвальная, межкультурная и креативная компетенции формируют личностные характеристики и когнитивные навыки, лежащие в основе адаптивности. Системная адаптация — это сочетание внешней и внутренней активной адаптации, способность формировать активно преобразующие связи с окружающей средой, анализировать текущие социальные и психологические ситуации.

Уникальность обучающей системы PISK в том, что она не требует перестройки учебного плана и изменения учебных материалов, она дает возможность использовать имеющиеся пособия и программы. Она отличается исключительной гибкостью, сочетая в себе методы из различных областей психологии, социологии, антропологии и лингвистики.

В центре внимания данной обучающей системы — педагог. Работа по формированию системной адаптации школьников и студентов ведется через обучение преподавателей для того, чтобы оперативно и качественно внедрить технологии PISK и исключить дополнительное посредничество. Обучающая система PISK включает в себя тренинг для педагогов, серии лекториев и воркшопов, программу психологической и методологической поддержки учителей в процессе внедрения ими технологий PISK в учебный процесс, а также тщательное и всестороннее отслеживание прогресса на всех этапах обучения как самих педагогов, так и впоследствии обучающихся. Обучение направлено на рассмотрение и апробацию методов развития креативности, межкультурной компетенции и стимулирование изучения иностранного языка с опорой на многоязычное общение. Лекции и семинары посвящены развитию внутренней мотивации учащихся к учебной деятельности, созданию благоприятного психологического климата, формированию критического мышления и способности к осуществлению проектной деятельности. Таким образом, образовательный процесс можно модифицировать без изменения учебных планов и программ.

Школы, участвующие в проекте «Ключи к полилингвальному, межкультурному и творческому образованию», получают уникальную учебную программу, которая стимулирует адаптацию ребенка в современном мире, аффилиацию с программой инновационных

разработок в области образования, сотрудничество с ведущим вузом страны НИУ «Высшая школа экономики», а также возможность регулярного повышения квалификации педагогов по передовым международным стандартам.

Заключение. В результате внедрения системы PИСК в учебный процесс школьники развивают гибкие навыки, способствующие их системной адаптации в современном мире. Они учатся ставить перед собой цели и задачи, развивают свой творческий потенциал и критическое мышление. В классе создается благоприятная почва для изучения иностранных языков, развития коммуникативных навыков и решения конфликтов между представителями разных национальностей и культур. Тем самым обучающая система PИСК развивает личность новой формации, готовую к вызовам современности.

Библиографические ссылки

1. *Kharkhurin A. V.* Plurilingual Creativity: A new framework for research in multilingual and creative practices. Routledge Handbook of Plurilingual Language Education, London. UK: Routledge, 2021. P. 225–244.

2. Council of Europe. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Strasbourg, FR: Council of Europe, 2018. 273 p.

3. Measuring self construals across cultures: A derived etic analysis / W. Gudykunst, Y. Matsumoto, S. Ting-Toomey et al. // Paper presented at the International Communication Association Convention in Sydney, Australia, July, 1994.

4. *Rhodes M.* An Analysis of Creativity // The Phi Delta Kappan. 1961. Vol. 42, № 7. P. 305–310.

5. *Simonton D. K.* History, chemistry, psychology, and genius: An intellectual autobiography of historiometry. Theories of creativity. Thousand Oaks, CA : Sage Publications, Inc, 1990. P. 92–115.

6. *Runco M. A.* Creativity: Theories and themes: Research, development, and practice. 2 ed. Boston, MA : Elsevier Academic Press, 2014. 520 p.

7. *Kharkhurin A. V., Charkhabi M.* Preference for Complexity and Asymmetry Contributes to an Ability to Overcome Structured Imagination: Implications for Creative Perception Paradigm // Symmetry. 2021. Vol. 136, № 343. P. 1–13.

Е. О. Клейман
П. К. Тромбчиньски
Г. Л. Исурина
И. В. Грандилевская
И. С. Короткова

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СИТУАЦИИ СИМУЛЯЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ СРЕДИ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ В СРАВНЕНИИ С ВЗАИМОДЕЙСТВИЕМ С РЕАЛЬНЫМ ПАЦИЕНТОМ

В рамках данного исследования рассматриваются вопросы, связанные с особенностями симуляционного обучения, применяющегося в рамках подготовки специалистов-медиков. Обозначены основные проблемы использования высокотехнологичных тренажеров в образовательном процессе. Сформулированы задачи дальнейшего исследования психологических особенностей переноса полученных знаний на работу с реальными пациентами.

Ключевые слова: симуляционное обучение, высокотехнологические методы обучения в медицине, психологический стресс, психологическое сопровождение студентов.

Elena O. Kleiman
Piotr K. Trąbczyński
Galina L. Isurina
Irina V. Grandilevskaya
Inga S. Korotkova
St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

PERCEPTION FEATURES OF THE SITUATION OF SIMULATION TRAINING AMONG MEDICAL STUDENTS IN COMPARISON WITH INTERACTION WITH A REAL PATIENT

Within the framework of this study, issues related to the features of simulation training used in the training of medical specialists are considered. The main problems of using high-tech simulators in the educational process are outlined. The tasks of further study of the psychological characteristics of the transfer of acquired knowledge to work with real patients are formulated.

Keywords: simulation training, high-tech teaching methods in medicine, psychological stress, psychological support of students.

Введение. Многие учреждения России имеют симуляционные центры, в которых осуществляется обучение и повышение квалификации с использованием симуляционных технологий [1]. Симуляционные технологии активно внедряются в медицинское образование и практическое здравоохранение, они используются в процессе обучения будущих врачей, последиplomного обучения, проведения сертификации и аттестации, выполнения научных исследований, испытаний медицинской техники и технологий без риска для пациентов.

Симуляция в медицинском образовании — это современная технология обучения и оценки практических навыков, умений и знаний, основанная на реалистичном моделировании, имитации клинической ситуации или отдельной физиологической системы, для которой могут использоваться биологические, механические, электронные и виртуальные (компьютерные) модели [2, с. 298].

Наиболее распространенными психологическими исследованиями симуляционного обучения являются исследования актуального состояния студентов на момент проведения занятия, его изменение на разных этапах прохождения курса симуляционного обучения. В качестве основных предметов исследования часто используются такие эмоциональные состояния, как тревога и переживание стресса [3; 4].

Отдельно стоит отметить сравнительно новый аспект психологического исследования симуляционного обучения — это вопрос адаптации студентов к такой форме обучения (особенно в контексте преимущественного удельного веса работы с симуляторами на фоне снизившейся возможности доступа на клинические базы во время пандемии COVID-19). На данный момент были проведены исследования, направленные на выделение факторов симуляционной ситуации, таких как ситуационные, личностные, межличностные и организационные. Исследователи утверждают, что эти четыре категории факторов могут влиять на адаптацию к работе с симуляторами и, таким образом, на эффективность прохождения обучения [3]. Также исследования адаптации студентов-медиков к симуляционному обучению были проведены на базе факультета психологии СПбГУ. В ходе исследования были выделены четыре блока стрессогенных факторов, нарушающих адаптацию: симуляционная реальность; особенности процесса обучения; особенности программы обучения; организация работы центра [5].

Таким образом, представляется целесообразным расширение и дополнение полученных знаний о процессе медицинского образования с использованием симуляционного обучения. Целью предстоящего исследования является изучение психологических факторов, влияющих на обучение студентов-медиков с использованием высокотехнологичных тренажеров, особенностей ситуации такого вида обучения, а также перехода к работе с реальными пациентами, в связи с задачами оптимизации учебного процесса. В ходе исследования планируется изучение различия ментальной и когнитивной репрезентации ситуации симуляционного обучения и ситуации взаимодействия с реальным пациентом студентами-медиками.

Материалы и методы. Реализация данного исследования планируется на базе клиники высоких медицинских технологий на базе Центра медицинских аккредитаций научного парка СПбГУ. В исследовании примут участие студенты, обучающиеся на медицинском факультете и проходящие практику с использованием высокотехнологических тренажеров.

Для реализации задач исследования был разработан квазиэкспериментальный дизайн и сформирован набор методик. Исследование предполагает четыре экспериментальных замера и один замер, направленный на изучение стабильных характеристик изучаемой выборки. Замеры обусловлены разными этапами прохождения обучения:

- до начала эпизода работы с симулятором;
- сразу после окончания работы с симулятором;
- перед вступлением во взаимодействие с реальными пациентами;
- после работы с пациентами.

В качестве экспериментальных методик для отслеживания текущего эмоционального состояния были выбраны: шкала психологического стресса PSM-25, шкала «Актуальное состояние», шкала самооценки тревоги, шкала самооценки Дембо — Рубинштейн. Для исследования устойчивых личностных характеристик респондентов предполагается использование следующих методик:

- диагностика иррациональных установок А. Эллиса — для обнаружения установок, влияющих на успешность работы в симуляционной ситуации;
- опросник невротической личности KON-2006 — для выявления личностных особенностей респондентов и черт личности, влияющих на переход студентов от работы в симуляционной реальности к взаимодействию с реальными пациентами;
- шкала тревоги Спилбергера — Ханина для выявления личностной склонности к восприятию различных ситуаций как тревожных;
- уровень субъективного контроля для изучения особенностей восприятия ситуации ответственности.

Для статистического анализа предполагается использовать описательные статистики, дисперсионный анализ, корреляционный анализ Спирмена.

Заключение. В качестве ожидаемых результатов предполагается получить личностный профиль студента, обучающегося с помощью симуляционных технологий, оценку влияния личностных характеристик на восприятие обучающей ситуации как стрессовой, а также сравнение восприятия ситуации симуляционного обучения и отработки навыков на реальном пациенте.

Библиографические ссылки

1. Центры российского общества симуляционного обучения в медицине. URL: <https://rosomed.ru/centers> (дата обращения: 28.05.2022).
2. Lane J. L., Slavin S., Ziv A. Simulation in medical education: A review // *Simulation & Gaming*. 2001. Vol. 32, № 3. P. 297–314.
3. Nursing Students' Learning Dynamics and Perception of High-Fidelity Simulation-Based Learning / J. J. Lee et al. // *Clinical Simulation in Nursing*. 2019. Vol. 33. P. 7–16.
4. Lestander Ö., Lehto N., Engström Å. Nursing students' perceptions of learning after high fidelity simulation: Effects of a three-step post-simulation reflection model // *Nurse Education Today*. 2016. Vol. 40. P. 219–224.
5. Тромбчиньски П. К., Грандильевская И. В., Исурина Г. Л. Психологическая адаптация студентов-медиков к обучению с использованием симуляционных технологии // *Нейронаука в медицине и психологии*. 2020. С. 460–461.

Е. К. Климова

*Психологический центр «Успех»;
Калужский государственный университет
им. К. Э. Циолковского
Калуга, Россия*

ПРИНЯТИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НА СЕБЯ КАК КОНСТРУКТИВНЫЙ ВИД СУБЪЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Дается научное обоснование и определение понятия «субъективное управление» как интегративного для описания самодетерминации и саморегуляции личности. Рассматриваются виды и механизмы субъективного управления. Проводится сравнительный анализ понятий «принятие на себя ответственности» и «обвинение себя».

Ключевые слова: ответственность, локус контроля, обвинение себя, субъективное управление, самодетерминация и саморегуляция личности.

Elena K. Klimova

*Psychological center "Success";
Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky
Kaluga, Russia*

TAKING RESPONSIBILITY FOR YOURSELF AS A CONSTRUCTIVE KIND OF SUBJECTIVE MANAGEMENT

The scientific substantiation and definition of the concept of “subjective management” as integrative for the description of self-determination and self-regulation of personality is given. The types and mechanisms of subjective management are considered. A comparative analysis of the concepts of “taking responsibility” and “blaming yourself” is carried out.

Keywords: responsibility, locus of control, self-accusation, subjective management, self-determination and self-regulation of personality.

Введение. Условия, факторы, приемы, механизмы развития ответственного поведения являются предметом многих научных

и практических исследований. Принятие ответственности на себя является одним из базовых аспектов личностной зрелости, важнейшим акмеологическим инвариантом профессионализма, основой благополучия личности и общества. Несмотря на многочисленные исследования в этой области, в научной литературе до сих пор встречается терминологическая путаница, в частности «ответственность» иногда определяется через «принятие на себя вины». Однако это не тождественные понятия.

Материалы и методы. Цель данной работы: проанализировать базовые конструкты теорий Д. Роттера и С. Розенцвейга, описывающие формы самодетерминации и саморегуляции личности; дать определение интегративному понятию «субъективное управление личности»; провести сравнительный анализ видов субъективного управления личности.

В работе использованы методы теоретического исследования: анализ, синтез, сравнение, абстрагирование; применен интегративный подход.

В современной отечественной психологии под ответственностью понимается «...специфическая для зрелой личности форма саморегуляции и самодетерминации, выражающаяся в осознании себя как причины совершаемых поступков и их последствий и в осознании и контроле своей способности выступать причиной изменений (или противодействия изменениям) в окружающем мире и в собственной жизни» [1].

Анализ данного определения «ответственности» показывает, что в его основание положено понятие «локус контроля» Д. Роттера — склонность человека приписывать причины происходящих с ним событий себе (интернальный локус контроля) или внешним факторам (экстернальный локус контроля) [2].

Как показывает психологическая практика, внутренний локус контроля не всегда основывается на чувстве ответственности, он может также базироваться на чувстве вины, и это будет по-разному проявляться в поведении человека. С. Розенцвейг описал фрустрационные реакции человека на неудачу и способы выхода из ситуаций, препятствующих удовлетворению его потребностей и осуществлению деятельности. Он выделил несколько таких реак-

ций: экстрапунитивная (внешнеобвинительная), интропунитивная (самообвинительная) и импунитивная (безобвинительная) [3].

На наш взгляд, теории Д. Роттера и С. Розенцвейга являются взаимодополняющими. Сравнительный анализ базовых понятий этих концепций позволяет нам (в соавторстве с О. А. Помазиной) для описания самодетерминации и саморегуляции личности ввести интегративное понятие — «субъективное управление личности», как более широкое, включающее в себя существенные признаки понятий «локус контроля» и «фрустрационные реакции человека».

Результаты. Под субъективным управлением личности мы понимаем представление человека о том, кто и как осуществляет управление его жизнью, проявляющееся в готовности управлять или не управлять своей жизнедеятельностью при помощи определенных механизмов управления.

Относительно представления человека о том, кто или что управляет его жизнью, сам человек или другие, можно выделить два вида субъективного управления (по аналогии с видами субъективного локуса контроля):

— внутренний (интернальный) — ощущение/представление о том, что человек сам управляет своей жизнью, то есть центр управления человеком находится внутри него;

— внешний (экстернальный) — ощущение/представление о том, что человеком управляют другие (люди, обстоятельства, судьба), то есть центр управления находится снаружи человека.

В субъективном управлении можно также выделить следующие механизмы управления:

— ответственность (взятие или снятие с себя ответственности за свои мысли, чувства, слова и действия);

— обвинение (поиск виновных в сложившейся ситуации).

Сочетание двух критериев — «источника управления» и «механизма управления» («кто» и «как» управляет жизнедеятельностью человека) — позволяет нам выделить четыре вида субъективного управления:

— принятие на себя ответственности;

— снятие с себя ответственности;

— обвинение себя;

— обвинение других.

Рассмотрим виды субъективного управления личности «принятие на себя ответственности» и «обвинение себя» более подробно.

Человек, принимающий ответственность на себя, ощущает себя инициатором и руководителем происходящих с ним событий. Он готов инициировать и регулировать свои мысли, чувства, слова и действия; ставить перед собой цели и достигать их, разрешать проблемные ситуации. При столкновении с проблемой он в первую очередь акцентирует свое внимание на поиске решения (задает уточняющие вопросы; спрашивает мнение собеседника, предлагает варианты решения проблемы). Он может решать проблему самостоятельно, может попросить помощи, а может делегировать полномочия другому человеку (в зависимости от оценки им ситуации).

Человек, имеющий субъективное управление «обвинение себя», ощущает себя жертвой самого себя (своей активности или пассивности, плоти, греховности). Он считает себя виновником происходящих с ним событий; склонен обвинять себя за свои чувства, мысли и действия; акцентировать внимание на своих ошибках и промахах; проявлять агрессию по отношению к себе, выражающуюся, например, в самоедстве, самобичевании. Занимая позицию жертвы, он проявляет пассивность в отношении решения проблем, поскольку тратит энергию на поиск того, почему он не может быть успешным, не может ставить и достигать цели.

Заключение. Сравнительный анализ видов субъективного управления показал, что только принятие ответственности на себя является конструктивной формой самодетерминации и саморегуляции личности.

Для формирования субъективного управления «принятие на себя ответственности» был разработан и прошел успешную апробацию авторский социально-психологический тренинг [4, с. 42–70]. В ходе тренинга участники осознают свой доминирующий вид субъективного управления, учатся различать в поведении виды субъективного управления, формируют у себя установку брать ответственность на себя.

Библиографические ссылки

1. Большая психологическая энциклопедия // Словари и энциклопедии на «Академике» : [сайт]. URL: <https://psychology.academic.ru/1514/ответственность> (дата обращения: 11.06.2022).
2. *Rotter J. B.* Social learning and clinical psychology. New York : Prentice-Hall, 1954.
3. *Тарабрина Н. В.* Экспериментально-психологическая методика изучения фрустрационных реакций : метод. рекомендации. Л., 1984.
4. *Климова Е. К., Помазина О. А.* Психология успеха. Практикум по саморазвитию личности : учеб.-метод. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Калуга : Эйдос, 2022. 288 с.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗМЕРЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ЛИЧНОСТИ: ФЕНОМЕНЫ ГИПЕРКОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ И ИЗБЕГАНИЯ КОНКУРЕНЦИИ

В исследовании представлены результаты психометрического анализа русскоязычных версий шкал гиперконкурентоспособности (Hypercompetitive Attitude Scale, Hypercompetitiveness Scale (HCP), избегания конкуренции (Competition Avoidance Scale) для измерения конкурентных ориентаций. В целом результаты подтверждают возможность применения опросников для измерения характеристик феноменов гиперконкурентоспособности и избегания конкуренции в неклинических популяциях.

Ключевые слова: шкала гиперконкурентоспособности, шкала избегания конкуренции, психометрические характеристики, валидность, надежность, конкурентоспособность, личность, конкуренция.

Olga A. Kliueva

Tver State University

Tver, Russia

TO THE PROBLEM OF THE MEASURING THE COMPETITIVENESS OF PERSONALITY: PHENOMENA OF HYPERCOMPETITIVENESS AND COMPETITION AVOIDANCE

The study presents the results of the psychometric analysis of the Russian version of the Hypercompetitiveness Scale, Competition Avoidance Scale for measuring competitive orientations. In general, the results confirm the possibility of using questionnaires to measure the characteristics of the phenomenon of hypercompetitiveness and competition avoidance in non-clinical populations.

Keywords: hypercompetitiveness scale, competition avoidance scale, psychometric characteristics, validity, reliability, competitiveness, personality, competition.

Введение. Проблема конкурентоспособности личности представляет собой перспективное и активно развивающееся направление исследований, объединяющее фундаментальные и прикладные области психологии. Многообразие дефиниций понятия «конкурентоспособность личности» формируется под влиянием широкого дисциплинарного и междисциплинарного контекста. Конкуренция во многих областях (совместная деятельность, малые производственные коллективы и др.) протекает без явных правил, а конкурентоспособность личности может приобретать деструктивный характер во многих ситуациях [1].

Рассматривая проблему невротической конкурентоспособности (neurotic competitiveness), К. Хорни (K. Horney) описала гиперконкурентоспособность (hypercompetitiveness) и избегание конкуренции (recoiling from competition) как способы защиты или компенсации базальной тревоги, а также особенности, которые позволяют их отличать от «нормальной» (normal competitiveness) [2; 3]. Конструкт невротической конкурентоспособности как черты личности основывается на предположении, что индивиды характеризуются отличительными качествами, которые относительно инвариантны по сравнению с ситуациями и временем. Гиперконкурентное поведение может появиться, даже если в ситуации отсутствует какой-либо очевидный конкурентный элемент. Другая тенденция — активное или пассивное избегание конкуренции, даже если конкурентная ситуация строго структурирована [4].

Операционализируя конструкты посредством анализа работ К. Хорни по проблеме невротической конкурентоспособности Р. Риккман и др. предлагают шкалы гиперконкурентоспособности (Hypercompetitive Attitude Scale, Hypercompetitiveness Scale (HCP) и избегания конкуренции (Competition Avoidance Scale) для измерения отношения к гипотетической, реально возможной и/или возникающей ситуации конкуренции [4; 5].

Материалы и методы. В исследовании по адаптации шкал гиперконкурентоспособности (Hypercompetitive Attitude Scale, Hypercompetitiveness Scale (HCP) и избегания конкуренции (Competition Avoidance Scale) на русскоязычной выборке приняли участие 510 респондентов (возраст от юношеского до пожилого).

Для оценки конструктивной валидности шкал использовались тестовая методика «Тип поведенческой активности», разработанная на основе опросника С. Дженкинса (С. David Jenkins, Jenkins Activity Survey (JAS), русскоязычная адаптация Л. И. Вассермана, Н. В. Гуменюка); короткий опросник Темной триады (Short Dark Triad, SD3) (Jones, Paulhus в адаптации М. С. Егоровой, М. А. Ситниковой, О. В. Паршиковой); личностный опросник Айзенка (Eysenck Personality Inventory, EPI); методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса; методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач Т. Элерса; методика диагностики самооценки мотивации ообрения Д. Марлоу и Д. Крауна; шкала страха негативной оценки Т. Лири (краткая версия); опросник личностной ориентации Э. Шострома (А. А. Рукавишников, Ли О).

Результаты. Апробированы русскоязычные версии шкал гиперконкурентоспособности (НСА), избегания конкуренции (Competition Avoidance Scale), направленные на измерение конкурентных ориентаций, проявляющейся в отношении к гипотетической, реально возможной и/или возникающей ситуации конкуренции.

Проведенный анализ показал, что адаптированные варианты шкал гиперконкурентоспособности (НСА), избегания конкуренции (Competition Avoidance Scale) сопоставимы с оригинальными версиями по средним величинам, внутренней согласованности, направлению половых различий, конвергентной валидности.

Шкала избегания конкуренции показала дифференциальную валидность по отношению к шкале гиперконкурентоспособности, подтверждая, что эти две шкалы являются показателями различных теоретических конструктов. Шкалы избегания конкуренции и гиперконкурентоспособности продемонстрировали конструктивную валидность, что привело к значительным корреляциям с многочисленными переменными индивидуальных различий (высокая потребность к конкуренции, соревновательность, нейротизм, нарциссизм, психопатия, низкий уровень самоактуализации, потребность в избегании демонстрации компетентности в ситуации достижения, боязнь успеха и неудачи, стремление к одобрению и привязанности) согласующихся с теоретическими представлениями К. Хорни о двух конструктах.

Заключение. Шкала гиперконкурентоспособности (R. M. Ryckman, M. Hammer, L. M. Kaczor, J. A. Gold, Hypercompetitive Attitude Scale, Hypercompetitiveness Scale (HCP) и шкала избегания конкуренции (Ryckman R. M., Bill Thornton B., Gold J. A., Competition Avoidance Scale) имеют удовлетворительные показатели надежности и валидности и могут применяться для решения исследовательских и прикладных задач в психологии.

Библиографические ссылки

1. *Клюева О. А.* Методологические проблемы измерения конкурентоспособности личности // Психология труда, организации и управления в условиях цифровой трансформации общества / Р. А. Абдурахманов, А. А. Алдашева, Л. В. Бабий и др. Тверь : РИУ ТвГУ, 2021. С. 343–350.
2. *Horney K.* The Neurotic Personality Of Our Time (International Library of Psychology). Taylor and Francis. Kindle Edition, 2007.
3. *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени / пер. с англ. А. М. Боковинова. М. : Академ. Проект, 2009. 207 с.
4. Construction of a Hypercompetitive Attitude Scale / R. M. Ryckman, M. Hammer, L. M. Kaczor et al. // Journal of Personality Assessment. 1990. Vol. 55, № 3–4. P. 630–639. DOI: 10.1080/00223891.1990.9674097
5. *Ryckman R. M., Bill Thornton B., Gold J. A.* Assessing Competition Avoidance as a Basic Personality Dimension // The Journal of Psychology. 2009. Vol. 143, № 2. P. 175–192. DOI: 10.3200/JRPL.143.2.175–192

Е. М. Ковш
П. Н. Ермаков
В. В. Бабенко
Е. В. Воробьева
Д. В. Явна
Е. Г. Денисова
Д. С. Алексеева

*Южный федеральный университет;
Донской государственный технический университет
Ростов-на-Дону, Россия*

СВЯЗЬ СОЧЕТАНИЙ ГЕНОТИПОВ ГЕНОВ COMT И DRD4 С ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ МОЛОДЕЖИ

В статье представлены результаты теоретического и эмпирического исследования связи сочетаний генотипов генов катехол-О-метилтрансферазы и рецептора дофамина четвертого типа с такими эмоционально-личностными особенностями молодежи, как экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, нейротизм, открытость опыту (большая пятерка), уровень эмоционального интеллекта, эмпатии, алекситимии. Исследование генетического базиса перечисленных характеристик представляет особенный интерес ввиду их тесной связи с успешностью коммуникаций и социально-психологической адаптации человека.

Ключевые слова: ген COMT, ген DRD4, эмоциональный интеллект, эмпатия, алекситимия.

Ekaterina M. Kovsh
Pavel N. Ermakov
Vitaly V. Babenko
Elena V. Vorobyeva
Denis V. Yavna
Ekaterina G. Denisova
Daria S. Alekseeva

*Southern Federal University;
Don State Technical University
Rostov-on-Don, Russia*

ASSOCIATION OF COMBINATIONS OF COMT AND DRD4 GENOTYPES WITH EMOTIONAL AND PERSONAL CHARACTERISTICS IN YOUTH

The article presents the results of a theoretical and empirical study of the relationship between the combinations of genotypes of catechol-O-methyltransferase and the fourth type of dopamine receptor genes with such emotional and personal characteristics of young people as extraversion, goodwill, conscientiousness, neuroticism, openness to experience (Big Five), level of emotional intelligence, empathy, alexithymia. The study of the genetic basis of these characteristics is of particular interest due to their close relationship with the success of communications and socio-psychological adaptation of a person.

Keywords: COMT gene, DRD4 gene, emotional intelligence, empathy, alexithymia.

Введение. Изучение связи сочетаний генотипов генов COMT и DRD4 с эмоционально-личностными особенностями представляет интерес ввиду ассоциации данных генов с работой дофаминергической системы. Результаты современных исследований по теме указывают на неоднозначную связь генотипов генов COMT и DRD4 с эмоционально-личностными особенностями. При этом гены дофаминовой системы входят в состав молекулярно-нейрогенетического базиса синдрома дефицита вознаграждения, который, как предполагается, влияет на настроение, мышление, поведение человека

и может лежать в основе многих психических расстройств, в т. ч. аффективного и шизофренического спектра, ПТСР и СДВГ [1]. Аллель С локуса rs1800955 гена DRD4, наряду с другими генами дофаминовой и серотониновой системы, является аллелем риска синдрома дефицита вознаграждения [2]. В лонгитюдном исследовании было показано, что дети с полиморфизмом tandemных повторов 7+ DRD4, имевшие недостаточную материнскую регуляцию в младенчестве, имеют более низкие баллы по Эго-устойчивости и более высокие баллы по Эго-недостаточному контролю и агрессивности. При этом эффективная материнская регуляция в младенчестве смягчала негативное влияние генотипа 7+ DRD4 на саморегуляцию детей [3]. В исследовании A. Vereczeki et al. (2022) была показана связь мажорного Т-аллеля гена DRD4 со склонностью к расстройствам пищевого поведения [4]. В исследовании M. Buhck et al. (2022) показана связь факторов «полиморфизм rs4818 гена COMT», «полиморфизм rs1800955 гена DRD4» и «стресс» со склонностью к развитию соматоформных расстройств и функциональных соматических синдромов. Генотипы гена COMT связывают также с агрессивным поведением, СДВГ, склонностью к высокой тревожности и ассоциированными с ней состояниями [5].

Материалы и методы исследования. В исследовании приняли участие 100 человек (68 девушек, 32 юноши), средний возраст — 19,3 года, без выраженных проблем со здоровьем. Генетический анализ проводился на базе лаборатории «Биологические решения и технологии» (г. Москва; амплификатор Real-Time CFX96 Touch, Bio-Rad, США). Выделение ДНК осуществлялось из клеток Buccal-эпителия, затем проводилась процедура ПЦР в реальном времени для определения генотипов генов по полиморфным локусам 472A>G, rs4680 гена COMT (Val/Val — 16 %, Met/Met — 29 %, Val/Met — 55 %) и rs1800955 гена DRD4 (ТТ — 39 %; СТ — 50 %; СС — 11 %).

Методики исследования: пятифакторный опросник личности 5PFQ в адаптации А. Б. Хромова (2000), тест (опросник) эмоционального интеллекта Д. В. Люсина, Торонтская алекситимическая шкала, TAS-26 Г. Тейлора с соавт. в адаптации Д. Б. Ерьсько, Г. Л. Исурина и др. (2005), опросник эмоциональной эмпатии EETS А. Мехра-

биана, Н. Эпстайна в адаптации Ю. М. Орлова, Ю. Н. Емельянова (1986). Для статистической обработки полученных результатов был применен многофакторный дисперсионный анализ ANOVA (исследовалось сочетание факторов «COMT», «DRD4», «Пол») с апостериорным анализом Тьюки для неравновесных объемов выборки (Statistica 13.0).

Результаты. Достоверно низкий уровень эмпатии в исследуемой выборке имеют мужчины, носители сочетания генотипов Met/Met гена COMT и T/T гена DRD4 ($M = 9, p = 0,04$). Достоверно более низкий уровень активности имеют мужчины, носители сочетания генотипов Val/Val гена COMT и C/C гена DRD4 ($M = 9, p = 0,03$), в то время как наличие одного ($M = 17,8$) или двух ($M = 14$) аллелей Met гена COMT в сочетании с генотипом C/C гена DRD4 ассоциировано у мужчин с высоким уровнем активности.

Заключение. Сочетания генотипов генов COMT и DRD4 у мужчин связаны с уровнем эмпатии и активности.

Библиографические ссылки

1. Reward Deficiency Syndrome (RDS) Surprisingly Is Evolutionary and Found Everywhere: Is It “Blowin’ in the Wind”? / K. Blum et al. // Journal of Personalized Medicine. 2022. Vol. 12, № 2. P. 321. <https://doi.org/10.3390/jpm12020321>

2. Zimmermann P, Spangler G. Longitudinal influences of DRD4 polymorphism and early maternal caregiving on personality development and problem behavior in middle childhood and adolescence // Frontiers in Human Neuroscience. 2022. DOI: <http://dx.doi.org/10.3389/fnhum.2022.839340>

3. FOXP3 and GDNF Polymorphisms as Common Genetic Factors of Substance Use and Addictive Behaviors / A. Vereczkei et al. // Journal of Personalized Medicine. 2022. Vol. 12, № 5. P. 690. <https://doi.org/10.3390/jpm12050690>

4. The interplay of chronic stress and genetic traits discriminates between patients suffering from multisomatoform disorder with pain as the leading symptom and matched controls / M. Buhck et al. // Journal of Affective Disorders. 2022. Vol. 308. P. 466–472. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2022.04.094>

5. Associations between Omega-3 Index, Dopaminergic Genetic Variants and Aggressive and Metacognitive Traits: A Study in Adult Male Prisoners / F. Fernandez et al. // Nutrients. 2022. Vol. 14, № 7. P. 1379.

А. И. Ковалев

К. М. Рысева

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

КОГНИТИВНО-СТИЛЕВОЙ АСПЕКТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТРАТЕГИЙ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ ПРИ ПОСТРОЕНИИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТРАЕКТОРИИ*

В данном исследовании определяется взаимосвязь когнитивных стилей и стратегий изучения лексики, предлагается новый формат заданий для работы с учащимися старшей школы, успешно участвующих в олимпиадах по иностранным языкам, устанавливаются корреляции между когнитивными стилями и стратегиями изучения лексики, предлагается модель построения индивидуальной образовательной траектории на основе полученных результатов.

Ключевые слова: когнитивные стили, индивидуальная образовательная траектория, лексика, стратегии изучения лексики, одаренные дети.

Artem I. Kovalev

Ksenia M. Ryseva

Moscow State University

named after M. V. Lomonosov

Moscow, Russia

THE COGNITIVE STYLE ASPECT OF VOCABULARY LEARNING STRATEGIES AS THE BASIS OF INDIVIDUAL EDUCATIONAL TRAJECTORY FORMATION

This study defines the relationship between cognitive styles and vocabulary learning strategies, proposes a new task format for preparing high school students for successful participation in foreign language olympiads, provides

* Исследование выполнено при поддержке научно-образовательной школы МГУ им. М. В. Ломоносова «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

correlations between cognitive styles and vocabulary learning strategies and proposes a model for outlining an individual educational trajectory, based on the obtained results.

Keywords: cognitive styles, individual educational trajectory, lexis, vocabulary learning strategies, gifted children.

Введение. У каждого человека есть набор уникальных психологических особенностей и потребностей, которые необходимо учитывать для достижения все более эффективного приобретения знаний. Лексику можно считать одним из наиболее значимых компонентов успешного общения [1], и она должна подбираться в соответствии с индивидуальными потребностями учащегося, что обуславливает необходимость разработки универсальной системы индивидуализации приобретения словарного запаса и развития словарных навыков на основе педагогической психологии [2]. В связи с внедрением Интернета во все сферы нашей жизни крайне важно развивать ряд компетенций, к которым относятся навыки критического мышления, творчества и поиска информации [3]. Также необходимо учитывать индивидуальные особенности восприятия информации, к которым относятся когнитивные стили [4; 5], чем обусловлена актуальность данной работы. Цель данной работы — предложить новый формат исследовательского задания, чтобы помочь развитию вторичной языковой идентичности за счет эффективности овладения профессиональной лексикой и создания индивидуальной образовательной траектории.

Материалы и методы. В рамках данного исследования был проведен эксперимент, в котором участвовали 103 учащихся старшей и средней школы 7–11 классов (средний возраст составил 14,73; SD = 1,47, 27,2 % мужского пола), успешно участвующие в олимпиадах школьников и интеллектуальных конкурсах по английскому языку. Уровень языка испытуемых соответствовал B2 и C1 (CEFR). Для определения когнитивных стилей учащиеся были проведены следующие методики: 1) тест включенных фигур (Embedded Figures Test); 2) «Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана; 3) «Свободная сортировка слов» В. А. Колги; 4) тест на пространственное мышление, а также использовался опросник VLSQ (Vocabulary Learning

Strategies Questionnaire) для оценки степени предпочитаемости стратегий изучения лексики. Студенты были разделены на четыре группы и обучались в офлайн- и онлайн-образовательной среде, пользуясь онлайн-словарями и текстом в качестве источников информации. Так, 27 учащихся пользовались текстом и 21 онлайн-словарями в рамках работы в аудитории, а 27 студентов пользовались текстом и 28 онлайн-словарями в рамках работы в онлайн-пространстве.

Результаты. Результаты исследования показали статистически значимый прирост в успешности выполнения пост-теста по сравнению с пре-тестом ($t = -10,871, p = ,000$). Были обнаружены значимые положительные корреляции между предпочитаемыми стратегиями изучения лексики и когнитивными стилями. Так, когнитивный стиль полезависимость/полenezависимость статистически значимо коррелировал с перефразированием нового слова и поиском синонимов ($r = -.119, p = .000$), степень категоризации коррелировал с запоминанием части речи нового слова ($r = .255, p = .031$), поиском однокоренных слов в родном языке ($r = .245, p = .020$) и ведением словарика ($r = .204, p = .003$). Когнитивный стиль рефлексивность/импульсивность коррелировала с запоминанием в рамках групповой работы ($r = .005, p = .050$). Пространственное мышление коррелировало с использованием шкалы градации прилагательных ($r = .174, p = .042$), использованием стикеров на физических объектах ($r = -.104, p = .051$) и прослушиванием аудиозаписи произнесения слов ($r = -.239, p = .017$).

Заключение. Итак, полученные данные свидетельствуют об эффективности новой методики обучения лексики и о статистически значимых корреляциях между когнитивными стилями и стратегиями изучения лексики. На основе данных результатов возможно построение индивидуальной образовательной траектории с учетом психологических особенностей учащихся.

Библиографические ссылки

1. Красных В. В. Язык — сознание — культура — человек — народ: «замыкая круг...» (к вопросу о лингвоэкологии) // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 4–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

язык-soznanie-kultura-chelovek-narod-zamykaya-krug-k-voprosu-o-lingvokologii (дата обращения: 28.11.2021)

2. *Kwon M. H., Klassen M. D.* Preparing for English-speaking professional communities: Navigating L2 learners' linguistic identity in L1-dominant professional communication courses // *Journal of English as an International Language*. 2018. Vol. 13.

3. *Соловова Е. Н.* Методика обучения иностранным языкам : базовый курс лекций : пособие для студентов пед. вузов и учителей. М. : Просвещение, 2005.

4. *Колга В. А.* Дифференциально-психологическое исследование когнитивного стиля и обучаемости : дис. ... канд. псих. наук. Л. : ЛГУ, 1976.

5. *Холодная М. А.* Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб. : Питер, 2004. 2-е изд-е. С. 384.

О. С. Ковшова
Д. Д. Лыгина
А. Р. Акдерли

*Самарский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения РФ
Самара, Россия*

ПРЕВЕНЦИЯ СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ «ASR-TEST»

На основании полученных в эксперименте психодиагностических критериев в математической регрессионной модели определены предикторы суицидального риска — три степени нарушений социально-психологической адаптации, позволившие дифференцировано проводить психологическое сопровождение лиц молодого возраста. Определяется уровень социально-психологической адаптации как прогноз суицидального риска лиц молодого возраста на основе цифрового психологического скрининга «ASR-test», созданного в Приложении системы «Android». В процессе медико-психологической реабилитации установлены психологические «мишени» превенции суицидального риска, позволившие дифференцировано проводить психологическое сопровождение лиц молодого возраста.

Ключевые слова: превенция, суицидальный риск, «ASR-test», предикторы, социально-психологическая адаптация.

Olga S. Kovshova
Diana D. Lygina
Alina R. Akderli

*Samara State Medical University
of the Ministry of Health of the Russian Federation
Samara, Russia*

PREVENTION OF SUICIDAL RISK AMONG YOUNG PEOPLE USING “ASR-TEST”

Based on the psychodiagnostic criteria obtained in the experiment, predictors of suicidal risk were determined in a mathematical regression model — three degrees of violations of socio-psychological adaptation, which made it possible to conduct differentiated psychological support for young people. The level of socio-psychological adaptation is determined as a prediction of the suicidal risk of young people based on the digital psychological screening “ASR-test”, created in the Application of the “Android” system. In the process of medical and psychological rehabilitation, psychological “targets” for the prevention of suicidal risk were established, which made it possible to carry out differentiated psychological support for young people.

Keywords: prevention, suicidal risk, “ASR-test”, predictors, socio-psychological adaptation.

Введение. В ряде исследований показано, что уровень суицидов является чувствительным индикатором психосоциального дистресса [1], при этом уровень суицидов в период экономического кризиса определяется взаимодействием двух переменных: тяжестью кризиса и ощущением социальной незащищенности [2]. В молодежной среде в настоящее время мы наблюдаем такие опасные тенденции, как утраты чувства духовной безопасности и межличностной поддержки, социального доверия к окружающим людям, интенсификации тенденций нисходящей мобильности, неопределенности в трудоустройстве, неуверенности в завтрашнем дне. Многократно усиливается влияние множества факторов и условий риска, тем самым усложняется процесс социально-психологической адаптации молодежи [3; 4]. В нашем исследовании определяется уровень психической

адаптации как прогноз суицидального риска лиц молодого возраста на основе цифрового психологического скрининга «ASR-test», созданного в Приложении системы «Android» [5].

Материалы и методы. Выборка. Обследовано 128 студентов, обучающихся на 1-м и 2-м курсах вузов г. Самары, средний возраст которых составил 18 ($18,24 \pm 0,76$) лет, на основе анализа анкеты суицидального риска в выборке были выделены экспериментальная подгруппа, в которую вошел 41 (32 %) человек с суицидальным риском, и группа сравнения, в которую вошли 87 (68 %) человек, не имеющих суицидального риска. Методы: структурированное интервью, клиническая беседа, наблюдение. ПДО А. Е. Личко (1983); методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонд в адаптации А. К. Осницкого (2004); опросник суицидального риска А. Г. Шмелева в модификации Т. Н. Разуваевой (1993); «Семейная социограмма» (Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис, 1999). Анкета суицидального риска (А. Пералес и соавт., университет им. Святого Маркоса, г. Лима, Перу) (1999) в адаптации О. С. Ковшовой (2018); метод парных сравнений В. В. Скворцова в модификации И. А. Акиндиновой (1986); математико-статистические методы: MS Excel и SPSS 17.0.

Результаты. Разработана математическая регрессионная модель, позволяющая достоверно рассматривать три психодиагностических фактора в математической модели предикторов суицидального риска. ПСР = $-0,294 A + 0,084 \text{ Э} + 0,552 \text{ Д} + 30,666$ (A — уровень социально-психологической адаптации, Э — показатели эскапизма, Д — показатели гипотимии). На основе регрессионного анализа построена экспресс-диагностика степени социально-психологической адаптации «ASR-Test».

Заключение. Показатели «ASR теста» отражают вероятность развития эмоциональных нарушений, состояний личностного кризиса и социально-психологических дисфункций у лиц молодого возраста. Полученные результаты подтверждают эффективность и необходимость психологического сопровождения лиц молодого возраста с третьей степенью нарушений социально-психологической адаптации по «ASR-test» по «Программе психологической коррекции

нарушений эмоционального состояния, поведения и социально-психологической адаптации» для лиц молодого возраста.

Библиографические ссылки

1. *Lester B. Y.* Learnings from Durkheim and beyond: the economy and suicide // *Suicide Life Threat Behav.* 2001. № 31. P. 15–31.

2. *Разводовский Ю. Е.* Суицид как индикатор психосоциального дистресса: опыт глобального экономического кризиса 2008 года // *Суицидология.* 2017. Т. 8, № 2. С. 54–60.

3. *Ковдра А. С.* Особенности формирования временной перспективы безопасности личности студентов вуза // *Науч. проблемы гум. исследований.* 2012. № 2. С. 141–148.

4. *Ковшова О. С., Лыгина Д. Д., Брагин Д. А., Мокиев А. Д.* «ASR TEST» — комплексная автоматизированная психологическая экспресс-диагностика эмоциональных и поведенческих нарушений. Свидетельство на программу для ЭВМ, № 2021668866 от 22.11.2021.

5. *Ковшова О. С., Лыгина Д. Д.* Преодоление психоэмоционального стресса у лиц молодого возраста в условиях COVID-19 // *Человек в условиях неопределенности : II Всерос. науч.-практ. конф. международ. участием.* Самара, 2021. С. 234–240.

Е. И. Колесникова

*Самарский государственный технический университет
Самара, Россия*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИНЦИПОВ РАБОТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ ВУЗА В АСПЕКТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ*

Интерференция нецифрового и цифрового компонентов образовательной среды порождает необходимость трансформации подходов к обеспечению психологического благополучия и академической успешности обучающихся в вузе. С позиции экопсихологического подхода характеризуются типы взаимодействия обучающихся с образовательной средой. Выявлены различия в частоте типов взаимодействия в зависимости от уровня (бакалавриат и магистратура) и формы обучения (очная и заочная).

Ключевые слова: образовательная среда, психологическая поддержка, студент, цифровизация.

E. I. Kolesnikova

*Samara State Technical University
Samara, Russia*

THE TRANSFORMATION OF THE PRINCIPLES OF WORK OF THE PSYCHOLOGICAL SERVICE OF THE UNIVERSITY IN THE ASPECT OF DIGITALIZATION

The interference of non-digital and digital components of the educational environment creates the need to transform approaches to ensuring psychological well-being and academic success of students at the university. From the position of the ecopsychological approach, the types of interaction of students with the educational environment are characterized. Differences in the frequency of types of interaction depending on

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ 19-29-14067 МК.

the level (bachelor's and master's degree) and the form of study (full-time and part-time) are revealed.

Keywords: educational environment, psychological support, student, digitalization.

Введение. Приоритетной задачей психологической службы в образовании является создание условий, способствующих личностному развитию обучающихся и сохранению их психического здоровья [1]. Формирование и организация позитивной социальной ситуации развития для субъектов образовательного процесса непосредственно связано с образовательной средой вуза. При этом традиционные формы психологического сопровождения, например реализуемые нами с 1998 года и описанные в [2], должны учитывать современные тенденции. Так, отмечается происходящая и нарастающая интерференция доцифровой и цифровой образовательных сред, что образует принципиально новую область жизнедеятельности [3]. Есть ли различия в типах взаимодействия традиционного дидактического и цифрового характера студентов с образовательной средой вуза и как это отражается на содержании психологического сопровождения обучающихся в вузе?

Материалы и методы. Для исследования использовалась экспресс-методика диагностики взаимодействий в образовательной среде вуза [4]. Диагностировался экопсихологический тип взаимодействия с пространственно-предметным, коммуникативным, психодидактическим компонентами образовательной среды с учетом ее напряженности. В исследовании участвовали три собранных случайным образом выборки обучающихся инженерных специальностей: первая и вторая очной формы обучения, их представляли 135 студентов 1-го курса бакалавриата и 88 студентов 1-го курса магистратуры, третья выборка состояла из 56 студентов 1-го курса магистратуры заочной формы обучения. Для каждой выборки была вычислена частота встречаемости экопсихологического типа взаимодействия с компонентами образовательной среды отдельно цифрового и традиционного дидактического характера. Далее с использованием критерия Манна — Уитни проверялась гипотеза о наличии различий в типах взаимодействия студентов с образова-

тельной средой в зависимости от уровня (бакалавриат и магистратура) и формы (очная и заочная) обучения.

Результаты. У магистрантов чаще, чем у бакалавров встречаются объект-субъектный тип традиционного характера в пространственно-предметном ($U = 4568,5$; $p = 0,003$), коммуникативном ($U = 4854,0$; $p = 0,01$) и цифрового характера в психодидактическом компоненте ($U = 5002,5$; $p = 0,02$). Это говорит о том, что магистранты чаще, чем бакалавры, послушны, выполняют все, что от них требуется, но ведут себя пассивно. Это касается как традиционной предметной наполненности и пространства межличностного взаимодействия, так и цифровой составляющей образовательных технологий. Магистранты реже, чем бакалавры, проявляют субъект-порождающий тип взаимодействия нецифрового характера в психодидактическом компоненте ($U = 8756,0$; $p = 0,001$), то есть при обязательном наличии в содержании программы дисциплин более половины активных и интерактивных методов обучения, но это редко побуждает самосовершенствоваться. У магистрантов-заочников чаще, чем у магистрантов-очников, встречается тип отсутствия взаимодействия с образовательной средой в пространственно-предметном компоненте ($U = 1742,0$; $p = 0,001$), что ожидаемо, ведь заочники гораздо реже бывают в аудиториях университета. У магистрантов-заочников чаще, чем у очников, встречается объект-субъектный тип как традиционного, так и цифрового характера во всех компонентах взаимодействия со средой, они еще более склонны выполнять требования в процессе обучения, что увеличивает требования к способам дидактического взаимодействия. У магистров-очников чаще встречается субъект-обособленный тип нецифрового и цифрового характера в психодидактическом компоненте, то есть они более требовательны к содержанию и методам реализуемых у них образовательным технологиями. У бакалавров чаще, чем у магистров, встречается субъект-порождающий тип взаимодействия в психодидактическом компоненте образовательной среды ($U = 8756,0$; $p = 0,001$), видимо, применяемые в их обучении методы больше побуждают их самосовершенствоваться и работать над собой.

Заключение. Полученные результаты позволяют наметить новые предметные области в психологическом сопровождении обучающихся в вузе в зависимости от формы и уровня обучения. Так, работа с целевой группой магистрантов заключается в активизации их образовательного запроса к вузу и субъект-порождающего типа взаимодействия, возможно, карьерного консультирования, вопросов самореализации, в том числе вообще появления таких запросов к службе сопровождения. Также специалистами могут быть даны рекомендации по выработке прогрессивных шкал оценивания, отмечающих не только выполнение учебных заданий, а динамики в освоении дисциплины в целях развития обучающихся. Заметим, что и сами обучающиеся могут выработать для себя шкалы самооценивания личностного саморазвития и динамики профессиональных навыков. Особенно это актуально для бакалавров, которые чаще взаимодействуют с образовательной средой в поисках самосовершенствования, и для этой целевой группы повышается важность осознания индивидуально-личностных и социально-психологических особенностей, затрудняющих или способствующих более эффективному усвоению образовательного контента и выбору индивидуального образовательного маршрута. Таким образом, трансформация описывается, с одной стороны, расширением предмета психологического сопровождения обучающихся в вузе с учетом традиционного и цифрового характера, с другой — концентрирует на определенном компоненте образовательной среды, что позволит более быстро и адресно оказать помощь и поддержку на первых этапах, способствовать положительной динамике социальных изменений.

Библиографические ссылки

1. Концепция развития психологической службы в системе образования в Российской Федерации на период до 2025 года : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-razvitija-psikhologicheskoi-sluzhby-v-sisteme-obrazovaniya-v-rossiiskoi/> (дата обращения: 01.06.2022).

2. Психолого-педагогическое обеспечение многоуровневого высшего образования: монография / под ред. А. В. Капцова. Самара : СамГАСА, 2003. 316 с.

3. *Панов В.И., Патраков Э.В.* Интерференция цифровой и доцифровой сред как предмет психологического исследования // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2020. № 3. С. 531–541. DOI 10.33910/herzenpsyconf-2020-3-56

4. *Капцов А.В., Колесникова Е.И.* Экспресс-методика диагностики взаимодействий в образовательной среде вуза // Актуал. проблемы педагогики и психологии. 2020. № 1. С. 23–31.

В. Б. Кононыхина

*Российский новый университет
Москва, Россия*

ВЛИЯНИЕ МЕТОДОВ АРТ-ТЕРАПИИ НА ЭМОЦИОНАЛЬНУЮ СФЕРУ ДЕТЕЙ С ОВЗ

Сегодня программы для детей с ограниченными возможностями поддерживаются на государственном уровне. Для них разрабатываются специальные образовательные стандарты обучения, проводятся коррекционно-развивающие занятия, организуется социальная адаптация, медико-социальная помощь и др. Проведенное исследование позволило, используя выбранную методику, определить влияние коррекционно-развивающих занятий на эмоциональную сферу (психологическое состояние) детей с ЗПР и нарушениями интеллектуального развития. В результате выявлено и установлено, что взаимодействие с песком по-разному влияют на детей с ОВЗ.

Ключевые слова: дети с ограниченными возможностями здоровья, высшие психические функции, эмоциональная сфера, арт-терапия, песок.

Vasilina B. Kononykhina

*Russian New University
Moscow, Russia*

THE INFLUENCE OF ART THERAPY METHODS ON THE EMOTIONAL SPHERE OF CHILDREN WITH DISABILITIES

Today, programs for children with disabilities are supported at the state level. Special educational standards of training are being developed for them, correctional and developmental classes are being held, social adaptation, medical and social assistance, etc. are being organized. The conducted research made it possible, using the chosen methodology, to determine the impact of correctional and developmental classes on the emotional sphere (psychological state) of children with ZPR and intellectual development

disorders. As a result, it was revealed and established that interaction with sand affects children with disabilities in different ways.

Keywords: children with disabilities, higher mental functions, emotional sphere, art therapy, sandplay.

Введение. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ вводит понятие «обучающийся с ограниченными возможностями здоровья» [1, с. 3]. Дети с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) имеют различные отклонения или недостатки на психическом и (или) на физическом уровне, которые влияют на качество жизни. Статистика последних лет показывает рост числа детей с ОВЗ [2]. Для того чтобы жизнь детей с ОВЗ была полноценной создаются специальные образовательные стандарты обучения, проводятся коррекционно-развивающие занятия, организуется социальная адаптация, медико-социальная помощь и др.

Основными причинами появления детей с ОВЗ являются эндогенные (внутренние) и экзогенные (внешние) причины. К эндогенным причинам относятся перинатальный (до родов), натальный (роды) и постнатальный (после родов) периоды. При этом на каждом из периодов возможны свои сложности. Причины социально-биологического характера (вредные привычки родителей, экология и др.) относят к экзогенным причинам [3]. Следовательно, каждая из причин может привести к появлению детей с ОВЗ.

Существует несколько категорий детей с ОВЗ — это дети глухие; слабослышащие; дети с нарушением зрения; дети с тяжелой речевой патологией; с нарушением опорно-двигательного аппарата; дети с расстройствами аутистического спектра; дети с ЗПР (задержка психического развития); дети с отклонениями интеллектуального развития [4]. Основные психолого-педагогические характеристики, такие как восприятие, внимание, память, мышление, речь, эмоционально-волевая сфера, дают снижения относительно психологических норм развития. Поэтому у детей с ОВЗ отмечаются трудности в обучении, повышенная истощаемость, замедленный темп психического развития и др. [3].

Для каждой категории детей разрабатываются специальные коррекционно-развивающие занятия, которые помогают детям с ОВЗ скорректировать проблемные зоны.

Поэтому было проведено исследование с целью определения влияния методов арт-терапии на эмоциональную сферу детей с ОВЗ при использовании на коррекционно-развивающих занятиях.

Материалы и методы. Исследование проводилось в специализированной школе в Московской области. Респондентами выступали 18 учащихся, обучающихся по индивидуальной программе — программе надомного обучения. Стоит уточнить, что обучение по программе надомного обучения индивидуальное и разрабатывается с учетом индивидуальных особенностей ребенка, исходя из требований к виду ОВЗ. Возраст учащихся от 8 до 14 лет.

44 % (8 чел.) учащихся обучаются по программе для детей с ЗПР и 56 % (10 чел.) — по программе для детей с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями). ЗПР — это снижение высших психических функций (ВПФ восприятие, внимание, память, мышление, речь, эмоционально-волевая сфера). Отклонение интеллектуального развития — это нарушение на органическом уровне, которое приводит к нарушению высших познавательных процессов (активное восприятие, словесно-логическое мышление, произвольная память, речь и др.) [5; 6].

Учащихся можно разделить на три группы: «говорящие» — в составе речи предложения и фразы, «говорящие отдельные слова» — в речи присутствуют отдельные слова, «неговорящие» — в речи отдельные звуки или слоги.

На коррекционно-развивающих занятиях использовались технологии арт-терапии, а именно работа с песком. В начале и в конце занятия для определения эмоциональной сферы (психологического состояния) учащиеся проходили диагностику по методике «Паровозик».

Методика «Паровозик» позволяет определить эмоциональную сферу (психологическое состояние) учащихся здесь и сейчас. Учащимся предлагается построить разноцветный поезд из подготовленных диагностических материалов. Первым ставится белый паровозик, а затем учащиеся выбирают любой из восьми разно-

ветных вагончиков (красный, желтый, зелёный, синий, фиолетовый, серый, коричневый, черный) и ставят их друг за другом. На основе порядкового номера цвета проводился расчет в баллах и анализ полученных результатов [7].

Результаты. Так, в результате 56 % (10 чел.) учащихся «говорящих» называли и показывали цвета, из которых 75 % (6 чел.) — это учащиеся с ЗПР и 40 % (4 чел.) — учащиеся с отклонениями интеллектуального развития. Также называли и показывали цвета 28 % (5 чел.) учащихся «говорящие отдельные слова», где 25 % (2 чел.) — это учащиеся с ЗПР и 30 % (3 чел.) — учащиеся с отклонениями интеллектуального развития. Оставшиеся 17 % (3 чел.) «неговорящие» строили паровозик без зрительного контакта — это учащиеся с отклонениями интеллектуального развития.

Следовательно, 83 % (15 чел.) учащихся «говорящие» и «говорящие отдельные слова» смогли выполнить инструкцию. Таким образом, выбранная методика «Паровозик» доступна большинству учащихся с ЗПР и отклонениями интеллектуального развития.

Далее проводились занятия, где учащиеся взаимодействовали с песком. По итогам занятий проводился расчет и анализ полученных данных по выбранной методике. Сравнивались данные эмоциональной сферы (психологическое состояние) до и после занятия. При необходимости занятия корректировались с учетом особенностей каждого учащегося. На каждом последующем занятии учащиеся могли выбрать вид деятельности на занятиях, при этом каждый выбирал возможность продолжить занятия с песком. Занятия проводились один раз в неделю по 40 минут.

Заключение. В результате исследования были получены следующие данные.

Технологии арт-терапии, работа с песком по-разному воздействуют на детей с ОВЗ. Обнаружено, что после занятий с песком психологическое состояние у учащихся «говорящих» становилось лучше, то есть показатели эмоциональной сферы в баллах снижались. В данной группе 6 учащихся с ЗПР и 4 учащихся с отклонениями интеллектуального развития.

У учащихся «говорящие отдельные слова» наоборот эмоциональная сфера в баллах повышается, что свидетельствует об акти-

визации психологического состояния. В данной группе 2 учащихся с ЗПР и 3 учащихся с отклонениями интеллектуального развития.

Учащиеся «неговорящие» показали противоречивые данные. Так как учащихся «неговорящих» мало (3 чел.) и полученные данные разные, то анализировать результаты сложно. Один учащийся не смог построить паровозик, а у оставшихся двух учащихся показатели эмоциональной сферы противоположные, то есть у одного психологическое состояние стало лучше у другого хуже. Также нет возможности получить обратную связь от испытуемых. Поэтому необходимы дополнительные исследования на большем количестве респондентов.

Исследование показало возможности диагностики эмоциональной сферы у детей с ОВЗ (ЗПР и отклонениями интеллектуального развития) с помощью методики «Паровозик», а коррекционно-развивающие занятия с песком показали успешность арт-терапии так как эмоциональная сфера (психологическое состояние) у «говорящих» учащихся становилась лучше.

Библиографические ссылки

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция) // НИУ ВШЭ : [сайт]. URL: https://ma.hse.ru/data/2020/02/28/1560658233/Федеральный%20закон%20от%2029%20декабря%202012%20г%20N%20273%20ФЗ%20Об%20образовании%20в%20РФ_консульт.pdf (дата обращения: 27.03.2022).

2. Яковлева Е. В России за три года на 6 выросло число детей с особенностями развития // Рос. газета : [сайт]. URL: <https://rg.ru/2021/07/11/v-rossii-za-tri-goda-na-6-vyroslo-chislo-detej-s-osobennostiami-razvitiia.html> (дата обращения: 27.03.2022).

3. Выхкина Е. В. Дети с ОВЗ: кто они // Логопед : [сайт]. URL: <https://logoped-nfdou29.edumsko.ru/articles/post/2706213> (дата обращения: 27.03.2022).

4. Новицкая Л. ОВЗ I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII видов и их расшифровка // Рос. учебник : [сайт]. URL: <https://rosuchebnik.ru/material/ovz-i-ii-iii-iv-v-vi-vii-viii-vidov-i-ikh-rasshifrovka/> (дата обращения: 27.03.2022).

5. Тарасова Е. А. Особенности высших психических функций при ЗПР // Мультиурок : [сайт]. URL: <https://multiurok.ru/blog/osobennosti-vy->

sshikh-psikhicheskikh-funksii-pri-zaderzhke-psikhicheskogo-razvitiia.html (дата обращения: 27.03.2022).

6. Ханова О. А. Интеллектуальные нарушения у детей // Красота и медицина : [сайт]. URL: <https://www.krasotaimedicina.ru/diseases/children/intellectual-disability> (дата обращения: 27.03.2022).

7. Велиева С. В. Методика «Паровозик» // Блог практикующего психолога : [сайт]. URL: <https://www.stotestov.ru/проективный-тест/методика-паровозик-велиева-с-в> (дата обращения: 27.03.2022).

Е. А. Коноплева

С. В. Ларионова

*Территориальный центр мониторинга и реагирования
на чрезвычайные ситуации в Свердловской области;*

Екатеринбургский дом учителя

Екатеринбург, Россия

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНТЕРНАЛЬНОСТИ С ДЕОНТОЛОГИЧЕСКИМИ КАЧЕСТВАМИ ЛИЧНОСТИ

Рассматривается взаимосвязь интернальности с деонтологическими качествами личности, что составляет индивидуальный психологический механизм адаптивного поведения на всем протяжении профессионального развития сотрудника органов внутренних дел и играет решающую роль во всех формах самореализации и эффективности профессиональной деятельности.

Ключевые слова: деонтология, морально-нравственная сфера личности, локус контроля, регуляция поведения.

Elena A. Konopleva

Svetlana V. Larionova

*Territorial Center for Monitoring and Emergency Response
in the Sverdlovsk Region;*

Yekaterinburg Teacher's House

Yekaterinburg, Russia

THE RELATIONSHIP OF INTERNALITY WITH THE DEONTOLOGICAL QUALITIES OF PERSONALITY

The presented study examines the relationship of internality with the deontological qualities of personality, which constitutes an individual psychological mechanism of adaptive behavior throughout the professional development of an employee of the internal affairs bodies and plays a crucial role in all forms of self-realization and the effectiveness of professional activity.

Keywords: deontology, moral sphere of personality, locus of control, regulation of behavior.

Введение. Контроль поведения — «психологический уровень регуляции поведения, реализующий индивидуальные ресурсы психической организации человека, обеспечивающий соотношение внутренних возможностей и внешних целей. Контроль поведения является основой самоконтроля» [1, с. 344]. Авторами контроль поведения рассматривается как единая система, базирующаяся на психологических ресурсах личности и включающая три системы регуляции: когнитивную, эмоциональную и волевую, в результате чего создается индивидуальный паттерн саморегуляции. Реализация целенаправленного поведения осуществляется путем специфической организации и использования индивидом всех доступных ему ресурсов для достижения цели. Индивидуальные стили контроля поведения определяют преобладание и эффективность разных его механизмов. Так, согласно концепции психической саморегуляции функциональных состояний Л. Г. Дикой (2003), интерпсихические процессы регуляции поведения (непроизвольная саморегуляция) более эффективны в условиях нормального протекания деятельности и на начальных этапах экстремальной деятельности, тогда как интрапсихические процессы регуляции поведения (произвольная, осознанная саморегуляция) — на более поздних этапах. Данное концептуальное положение применительно к деятельности правоохранительных органов, чья профессиональная деятельность носит экстремальный характер. Выделенные Л. Г. Дикой компоненты в структуре саморегуляции позволяют соотнести ее положения с контролем поведения [2].

Материалы и методы. При проведении исследования использовалась авторская психодиагностическая методики «Деонтологический профиль личности» (Е. А. Коноплева, С. В. Ларионова) [3] и «Оценка субъективной локализации контроля над значимыми событиями» (Е. Г. Ксенофонтова), Эмпирическую базу исследования составили обучающиеся (слушатели) 2–5 курсов образовательной организации МВД России. Возраст респондентов 19–24 года. Общий объем выборки — 102 человека. Математико-статистические процедуры выполнялись с использованием IBM SPSS STATISTIC Версия 22.

Результаты. Согласно результатам корреляционного анализа, можно отметить множественные положительные значимые взаимосвязи шкал методики «Локус контроля» и морально-нравственных качеств личности. Положительные корреляции показателя «Интернальность в межличностных отношениях» со шкалами «Гуманистические качества» ($r = 0,319; p \leq 0,01$), «Особенности морального регулирования» ($r = 0,288; p \leq 0,01$) являются индикатором компетентности в межличностных отношениях и развитости гуманистических качеств личности, таких как доброжелательность, отзывчивость, толерантность, чувство собственного достоинства, скромность, гуманность, человечность. Шкала «Интернальность в профессиональной деятельности» имеет значимые корреляционные связи со шкалами «Морально-прагматические качества» ($r = 0,237; p \leq 0,05$), «Гуманистические качества» ($r = 0,217; p \leq 0,05$), «Морально-деловые и морально-экономические качества» ($r = 0,307; p \leq 0,01$), «Особенности морального регулирования» ($r = 0,458; p \leq 0,01$). Шкала «Готовность к деятельности» коррелирует со шкалами «Гуманистические качества» ($r = 0,264; p \leq 0,01$), «Морально-деловые и морально-экономические качества» ($r = 0,290; p \leq 0,01$), «Особенности морального регулирования» ($r = 0,365; p \leq 0,01$). Шкала «Интернальность достижений» имеет положительные корреляционные взаимосвязи со шкалами «Морально-деловые и морально-экономические качества» ($r = 0,281; p \leq 0,01$), «Особенности морального регулирования» ($r = 0,389; p \leq 0,01$), «Коллективистские качества» ($r = 0,305; p \leq 0,05$) и отрицательную корреляционную взаимосвязь со шкалой «Идейно-нравственные и морально-политические качества» ($r = -0,222; p \leq 0,05$). Выявленные взаимосвязи позволяют отметить, что морально-нравственные качества личности напрямую связаны с принятием ответственности, уверенностью в себе, готовностью прилагать усилия для достижения положительных результатов в будущем.

Заключение. Полученные данные свидетельствуют о взаимосвязи деонтологических качеств личности с активной жизненной позицией, уверенностью в себе, готовностью принять на себя ответственность как в сфере межличностных отношений, так и при решении профессиональных задач. Как правило, указанным каче-

ствам сопутствует высокая адаптивностью, настойчивость, ориентированность на действие как при принятии решения, так и в случае неудач. Представленные результаты подтверждают важность наличия осознанных нравственных принципов поведения перед отдельным человеком и обществом и развитого контроля поведения, включающего интерпсихические и интрапсихические механизмы регуляции.

Библиографические ссылки

1. Разработка понятий современной психологии / отв. ред. Е. А. Сергиенко, А. Л. Журавлев. М. : Ин-т психологии РАН, 2018. 702 с.
2. Дикая Л. Г. Деятельность и функциональное состояние: активационный компонент деятельности // Психологические проблемы профессиональной деятельности. М. : Наука, 1991. С. 93–111.
3. Коноплева Е. А., Ларионова С. В. Деонтологический профиль личности : метод. руководство. Екатеринбург : Екатеринбург. дом учителя, 2022. 53 с.

Д. С. Корниенко

Н. П. Ячменёва

М. В. Балева

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*

Москва, Россия;

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

Пермь, Россия

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЧЕРТ «ТЕМНОЙ ТРИАДЫ» И ОРИЕНТАЦИЙ НА МАТЕРИАЛИЗМ

Анализируются различия в выраженности и взаимосвязи макиавеллизма, нарциссизма, психопатии с ориентациями на обладание материальными ценностями как показателями успеха, счастья и центрированность на материальном благополучии в группах с различным сочетанием черт «Темной триады» и общей ориентацией на материализм. На выборке в 442 человека были диагностированы соответствующие показатели и выделены группы, отличающиеся выраженностью исследуемых черт и ценностей. В результате были установлены различия, подчеркивающие специфику соотношения черт «Темной триады» и ориентации на материализм, а также их взаимосвязи. Возможно, что нарциссизм и психопатия являются основными чертами, дифференцирующими отношение к материальным ценностям и представляющие различные стратегии экономического поведения.

Ключевые слова: «Темная триада», материализм, экономическое поведение, макиавеллизм, нарциссизм, психопатия.

Dmitry S. Kornienko
Nadegda P. Yachmenyova
Milena V. Baleva

*The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Moscow, Russia;
Perm State University
Perm, Russia*

ASSOCIATIONS BETWEEN DARK TRIAD TRAITS AND MATERIALISTIC VALUE ORIENTATION

The study examines the intensity and relationship of Machiavellianism, narcissism, and psychopathy with orientations toward material values as indicators of success, happiness, and a focus on material well-being in groups with various combinations of Dark Triad traits and a general orientation towards materialism. The relevant indicators were measured in a sample of 442 participants, and groups differed in the intensity of the studied traits and values. As a result, distinctions were established that emphasise the specificity of the link between the Dark Triad's traits and the orientation toward materialism, as well as their interrelationships. It is conceivable to think that narcissism and psychopathy are the primary characteristics that distinguish the attitude toward material values and reflect various economic tactics.

Keywords: Dark triad, materialism, economic behavior, Machiavellianism, narcissism, psychopathy.

Введение. Исследования связи черт «Темной триады» с различными поведенческими и психологическими характеристиками затрагивают и вопросы экономического поведения, финансового риска, а также стремления к материальному обогащению и обладанию нематериальными свидетельствами высокого статус [1]. Было установлено что каждая отдельная черта характеризуется различными стремлениями к обладанию материальными ценностями. Макиавелизм связан с представлением о деньгах как индикаторе социального успеха и долгосрочным финансовым планированием [2]. Психопатия в связи с наличием импульсивных тенденций, характеризует склон-

ность к риску без учета последствий, а нарциссизм связан с поиском новизны и демонстрацией собственного материального успеха, при необъективном оценивании своих экономических компетенций [3]. Изучение сравнительного вклада личностных черт моделей Большая пятерка и НЕХАСО в прогнозировании материалистических установок и ценностей, показывает, что вклад черт «Темной триады» оказывается (21–36 %) [4]. Однако при анализе совместного вклада с другими личностными чертами, роль черт «Темной триады» оказывается минимальной (3 %) [4].

Одним из наиболее распространенным подходом к рассмотрению материализма является подход М. Ричинса и С. Доусона [5]. Материализм понимается как набор ценностей, который проявляется в трех сферах: успех (материальное имущество как средство оценки статуса), счастье (оценка удовлетворенности жизнью на основе обладания материальными ценностями) и центрированность (придание материальным благам основного места в жизни). Положительные стороны высокого материализма связаны с развитием индивидуальной и групповой идентичности, а отрицательные с низким психологическим благополучием и удовлетворенностью жизнью [5]. Учитывая такие противоположные эффекты обоснованным, является мнение, что материализм не проявляется независимо от других черт [2]. Таким образом, рассмотрение материализма в связи с чертами личности является актуальной исследовательской задачей.

Изучение соотношения материализма и личностных черт приводит к выделению групп, отличающихся не только в выраженности черт, что позволят рассматривать черты как основу различий в экономическом поведении. Так, в исследования Горник — Дюроз и Пилч [5] были выделены группы с высоким материализмом, но отличающиеся выраженностью черт модели НЕХАСО демонстрирующие противоположные стратегии отношения к собственным финансам. Сходным образом выделение групп на основе выраженности материализма и отношения к деньгам, также обнаруживает специфику индивидуального экономического поведения [6]. Несмотря на имеющиеся данные о связях макиавеллизма, нарциссизма, психопатии и материализма с особенностями экономического поведения, исследований, направленных на выделение групп, отличающихся

спецификой экономического поведения в связи с «Темной триадой», не проводилось. В связи с этим целью данного исследования было проверить предположение о существовании групп, отличающихся в выраженности ориентации на материализм и черт «Темной триады» и обладающих спецификой во взаимосвязях данных характеристик. Данные группы позволяют говорить о специфическом личностном профиле и связанными с ним ориентацией на материальные ценности.

Материалы и методы. Выборку исследования составили 442 студента в возрасте от 18–25 лет, 83 % женщин. Использовались следующие методики: краткий опросник «Темной триады» (Егорова, Ситникова, Паршикова, 2015), позволяющий измерить выраженность макиавеллизм, нарциссизм и психопатии; шкала материализма (Хащенко, 2016) включает три шкалы обладание имуществом как критерий успеха и счастья, центрированность на материальных ценностях.

Результаты. Для выделения групп с различной выраженностью материализма и черт «Темной триады» был сделан кластерный анализ (метод k -средних). Были выделены группы, отличающиеся выраженностью общего показателя материализма и «Темной триады»: с высокими значениями материализма и «Темной триады»; с низкими значениями материализма и высокими «Темной триады»; с высокими значениями материализма и низкими «Темной триады»; с низкими значениями материализма и «Темной триады».

Анализ (ANOVA) в выраженности черт «Темной триады» в каждой группе показал наличие значимых различий в макиавеллизме и нарциссизме между всеми группами. Несмотря на общее различие между всеми группами по психопатии, при попарном сравнении групп с высокой-низкой выраженностью «Темной триады» и высоким-низким уровнем материализма и высоких отличий по выраженности психопатии не обнаруживается.

Среди отдельных показателей ориентации на материализм обнаруживается различие между всеми группами по шкале ориентации на материализм как показатель успеха. Группа с высокой выраженностью черт «Темной триады» отличается от других по шкале ориентации на материализм как показатель счастья при сравнении

с другими. Центрированность на материальных ценностях также обнаруживает отличие, кроме сравнения групп с низкой ориентацией на материализм и высокой-низкой «Темной триадой».

Анализ взаимосвязей в четырех группах, отличающихся соотношением материализма и негативных черт, показал, что при общей высокой выраженности материализма, нарциссизм обнаруживает связь с ориентацией на материализм как показатель успеха независимо от выраженности общей «Темной триады». В группах с высокой выраженностью черт «Темной триады», связи психопатии с ориентацией на материализм как показатель успеха меняются при изменении общей ориентации на материализм. Центрированность на материальных ценностях обнаруживает связи с психопатией только в группе «Темных материалистов».

Заключение. Выделенные на основании общих показателей материализма и «Темной триады» группы описывают специфические личностные особенности. Так, склонность к манипулированию другими и оценка жизненного успеха и счастья на основе имеющих материальных ценностей присуща людям с максимальной выраженностью негативных черт и материалистской ориентацией. Чувство превосходства и грандиозность более выражены также при высокой «Темной триаде», но относительно низком стремлении к материальному обогащению. Независимо от выраженности ориентации на материализм выраженность макиавеллизма, нарциссизма и психопатии также не обнаруживает отличий, в группах с низким общим показателем «Темной триады».

Наличие связей между нарциссизмом и материалистической ориентацией вне зависимости от выраженности общего материализма и «Темной триады» также была подтверждена в данном исследовании [7]. При этом связь импульсивного поведения с материальным успехом у индивидов с высокой «Темной триадой» возрастает при возрастании материализма и снижается при низкой ориентации на материализм. Это позволяет сделать вывод что нарциссизм и психопатия могут выступать как основные черты, связанные с ориентацией на материализм. Вероятно, они представляют различные стратегии, которые используются людьми с выраженностью черт «Темной триады». При более высоком нарциссизме можно ожидать

проявление стратегии демонстративного потребления и стремления к роскоши, а при выраженности психопатии материальный успех будет рассматриваться как ценность при условии, что и другие черты «Темной триады» будут высоко выражены, что согласуется с другими исследованиями [3; 6; 7].

Библиографические ссылки

1. *Paulhus D. L., Williams K. M.* The dark triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy // *Journal of research in personality.* 2002. Vol. 36, № 6. P. 556–563. URL: [https://doi.org/10.1016/S0092-6566\(02\)00505](https://doi.org/10.1016/S0092-6566(02)00505)

2. *Maggalatta A., Adhariani D.* For love or money: investigating the love of money, Machiavellianism and accounting students' ethical perception // *Journal of International Education in Business.* 2020. V. 13, № 2. P. 203–220. URL: <https://doi.org/10.1108/JIEB-09-2019-0046>

3. *Jones D. N.* What's mine is mine and what's yours is mine: The Dark Triad and gambling with your neighbor's money // *Journal of Research in Personality.* 2013. Vol. 47, № 5. P. 563–571. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2013.04.005>

4. *Ponchio M. C., Aranha F.* Materialism as a predictor variable of low income consumer behavior when entering into installment plan agreements // *Journal of Consumer Behaviour: An International Research Review.* 2008. V. 7, № 1. P. 21–34.

5. *Pilch I., Górnik-Durose M. E.* Do we need “dark” traits to explain materialism? The incremental validity of the Dark Triad over the HEXACO domains in predicting materialistic orientation // *Personality and Individual Differences.* 2016. V. 102. P. 102–106. URL: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.06.047>

6. *Tatzel M.* “Money worlds” and well-being: An integration of money dispositions, materialism and price-related behavior // *Journal of Economic Psychology.* 2002. V. 23, № 1. P. 103–126. URL: [https://doi.org/10.1016/S0167-4870\(01\)00069-1](https://doi.org/10.1016/S0167-4870(01)00069-1)

7. *Górnik-Durose M. E., Pilch I.* The dual nature of materialism. How personality shapes materialistic value orientation // *Journal of Economic Psychology.* 2016. V. 57. P. 102–116. URL: <https://doi.org/10.1016/j.joep.2016.09.008>

Т. В. Корнилова

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

ПРОБЛЕМА ПОСТРОЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ В СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОИСКАХ

В зарубежной методологии психологии сместился акцент на обсуждение построения психологического объяснения. Авторы предлагают контролировать метафизические компоненты (эссенциалистские интуиции), различия типов объяснений (когнитивных и эволюционных), «вчитывание» универсальных объяснений в разные феномены, ограничения моделирования. Именно коллективные усилия в выработке критериев приемлемости и строгого контроля за выводом — при множественности путей построения теории — видятся перспективой развития теоретического мира психологии.

Ключевые слова: теории, психологические объяснения, эссенциализм, дискурс, контроль.

Tatiana V. Kornilova

Moscow State University

named after M. V. Lomonosov

Moscow, Russia

THE PROBLEM OF CONSTRUCTING PSYCHOLOGICAL THEORIES IN MODERN METHODOLOGICAL EXPLORATIONS

After grappling with the crisis of replicability for the best part of the last two decades, psychology, including Western psychology, has shifted its focus towards the construction (and development) of psychological explanations. Thus, we focus on a) metaphysical components (essentialist intuitions); b) different types of explanation (cognitive and evolutionary); c) projection of explanatory ‘universals’; and d) limitations of modeling approaches. The field’s collective effort in the development of the criteria of acceptability

and strict inferential control will be crucial for the theoretical development of psychology.

Keywords: theories, psychological explanations, essentialism, discourse, control.

Введение. В методологических дискуссиях психологии произошел выраженный поворот от популярной в прошедшем десятилетии проблемы воспроизводимости результатов к обсуждению затруднений в построении психологических теорий. «Старый» вопрос о соотношении теории и эмпирии получил новое звучание — о соотношении психологического объяснения с пониманием, как строится теория, какие требования к ней предъявляются и какие ошибки в организации выводов можно и необходимо эксплицитовать.

Развитие теоретического мира психологии предполагает множественность теорий, как и многоуровневость подлежащих научному объяснению феноменов, или «фактов» (проблема установления факта после работ К. Поппера уже ушла в учебники). И только в идеологической оптике из прошлого может сегодня обсуждаться «неправильность» идеи разных методологических путей в построении психологического знания. Неразличение *электики* (как сочетания исходно разных типов объяснений в одной работе) и *мультипарадигмальности* психологии (как со-бытия разных оснований объяснений, каждое из которых проводит определенную методологию) оставляют в поле недоразумений (при желании кого-то защищать «монизм» в психологии).

Материалы и методы. Обсуждение наиболее «остро» поставленных в современных зарубежных работах вопросов методологии предполагает аналитический их обзор, что кратко представлено здесь. Позиции ряда авторов вызвали оценки, которые высказываются в силу необходимости подчеркнуть критическое мышления в науке, актуальность отграничивания метафизических компонентов, без которых трудно обойтись в индивидуальном размышлении, но которые необходимо контролировать при построении научной теории.

Результаты. Одним из путей, приводящим теоретизирование в психологии в тупик, стали *эссенциалистские интуиции*, которые

продуцируют «иллюзорные сущности» и мнимые объяснения, возрождая *метафизику*, в ее понимании как общего поля *ненаучной*, по мнению Л.С. Выготского, психологии. *Эссенциализм* означает такую позицию, которая предполагает наличие *общих сущностей*, скрытых за общими понятиями. Казалось бы, с метафизикой научное познание сотни лет боролось. Но она благополучно прошла в психологические объяснения в виде эссенциалистских интуиций — поиска общих оснований, якобы объясняющих многообразие психологических явлений. К. Брик с соавторами демонстрируют это на примерах развития теорий интеллекта, синдромального подхода, психологического понимания сущности генов, гормонов и нейротрансмиттеров, нейровизуализации и гендерного неравенства [1]. Во всех этих направлениях поиск универсалий закрывает понимание того, что к одной и той же цели могут вести разные процессы. Я рассмотрела это на примере эмпатии [2], демонстрируя, что на основании ориентировки на достижении конечного результата и даже при полагании дихотомий (когнитивной и аффективной эмпатии, и т. д.) необоснованно снимается проблема многообразия путей, ведущих к эмпатии.

Охватить в теории многообразие эмпирии — это не значит дать универсальное метафизическое объяснение. Это означает представить возможность разных голосов в общем научном дискурсе, что будет способствовать уходу от поиска общих сущностей. «Постмодернистские устремления» — не только метафора; в психологии они важны как очерчивание границ интерпретационных схем в общем дискурсе. Совмещение же разных интерпретаций затруднено из-за их связей с разными представлениями о рациональности научного познания. Например, это проблема несоотнесенности когнитивных и эволюционных объяснений [3].

Если внимание к вариативности психологических явлений связано с продвижением в культуре организации исследований, то «вчитывание» универсальных объяснений в разные феномены — со снижением требований к теории. Проблема в том, как быть с оценкой несомненно конструктивистского характера объяснений ненаблюдаемой психологической реальности.

Одна из современных дискуссий дана в работах Э. Фрида: о том, в чем специфика психологических теорий в отличие от психологических моделей, а последних — от статистических. Одно из утверждений заключалось в том, что множество теорий в психологии «не проверяются, не опровергаются, а исчезают со временем, потому что к ним теряется интерес. Потому они «слабые» теории» [4, с. 273]. На примерах когнитивной, личностной и клинической психологии он показывает, как модель навязывает объяснение и почему это плохо для теории.

Вычислительное моделирование — другой аспект перехода к построению объяснения, поскольку предполагает формализацию интуитивных представлений, которые без их экспликации остаются неисследованными [5]. Продолжаются дискуссии и о том, действительно ли в психологии все методы пригодны [6]. Психологи могут предпочитать разные методы, они должны строить интерпретации в связи с нормативами выбранного метода (не проявлять эклектики).

Заключение. Мною не затронуты такие обсуждаемые сегодня вопросы, как соотнесение индивидуального мышления и индивидуального развития идей в научном познании, принципов детерминизма и неопределенности в психологическом объяснении [7] и ряд других. Если рефлексировать методологические следствия из новой волны интереса к методологии, то они сегодня звучат как необходимость в таком дискурсе, который ведет к выработке коллективными усилиями критериев строгости следования выбранному пути при максимально эксплицируемом контроле за выводом.

Библиографические ссылки

1. Illusory essences: A bias holding back theorizing in psychological science / C. Brick, B. Hood, V. Ekroll et al. // *Perspectives on Psychological Science*. 2022. Vol. 17(2). P. 491–506.
2. Корнилова Т. В. Единство интеллекта и аффекта в множественной регуляции эмпатии // *Нац. псих. журнал*. 2022. № 1(45). С. 94–103.
3. How intractability spans the cognitive and evolutionary levels of explanation / P. Rich, M. Blokpoel, R. de Haan et al. // *Topics in Cognitive Science?* 2020. Vol. 12. P. 1382–1402.

4. *Fried E. I.* Lack of theory building and testing impedes progress in psychological science // *Psychological Inquiry*. 2020. Vol. 31(4). P. 271–288.
5. *Guest O., Martin A. E.* How computational modeling can force theory building in psychological science // *Perspectives on Psychological Science*. 2021. Vol. 16(4). P. 789–802.
6. *Zitzmann S., Loreth L.* Regarding an “Almost Anything Goes” attitude toward methods in psychology // *Front. Psychol.* 2021. Vol. 12. P. 612570.
7. *Корнилова Т. В., Смирнов С. Д.* Методологические основы психологии. М. : Юрайт, 2013.

О. А. Коропец

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

ЦИФРОВОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ*

Анализируются требования к профессиям, опосредованные четвертой промышленной революцией. Цифровизация образования и сферы труда рассматриваются как факторы, детерминирующие трансформацию профессионального менталитета. Вводится понятие цифровой профессиональный менталитет, выявляются основные структурные элементы: отношение субъекта профессиональной деятельности к цифровым технологиям, общая и профессиональная цифровая компетентность, готовность к работе в цифровой среде. Обсуждаются приоритетные исследовательские задачи.

Ключевые слова: менталитет, четвертая промышленная революция, профессиональный цифровой менталитет, цифровая среда, цифровой менталитет педагога.

Olga A. Koropets

*Ural Federal University
named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia*

DIGITAL PROFESSIONAL MENTALITY: STATEMENT OF THE RESEARCH PROBLEM

The requirements for professions mediated by the fourth industrial revolution are analyzed. The digitalization of education and the sphere of work are considered as factors that determine the transformation of the professional mentality. The concept of digital professional mentality is intro-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00952.

duced, the main structural elements are identified: the attitude of the subject of professional activity to digital technologies, general and professional digital competence, readiness to work in a digital environment. Priority research tasks are discussed.

Keywords: mentality, fourth industrial revolution, professional digital mentality, digital environment, teacher's digital mentality.

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью обеспечения благополучия трудоспособного населения в условиях преобразований, вызванных Индустрией 4.0. Университеты во всем мире интегрировали информационные и коммуникационные технологии почти во все дисциплины, учебные планы и виды деятельности, стремясь эффективно подготовить студентов к будущей карьере в цифровом мире. Для успешной реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» в федеральные государственные стандарты высшего образования внесены цифровые компетенции, которые вступили в силу с 1 сентября 2021 года. Таким образом, в настоящее время для освоения любой специальности необходимо овладеть универсальными компетенциями, в том числе и компетенциями по цифровой экономике для большего соответствия выпускников потребностям экономики и рынка труда [1]. С 1 сентября 2024 года в силу вступают новые перечни специальностей и направлений подготовки высшего образования, обусловленные новым технологическим укладом, в том числе развитием информационных технологий и робототехники [2]. Как справедливо отмечают О. В. Калимуллина, И. В. Троценко на изменение образовательных стандартов большое влияние оказывает общество, так как большинство обучающихся являются представителями поколения, которое не представляют свою жизнь без цифровых инструментов [3]. Цифровое пространство современного мира, а также востребованность профессиональных навыков, связанных с информационными технологиями, оказывают влияние на менталитет личности и социальных групп и приводят к формированию профессионального цифрового менталитета.

Материалы и методы. В качестве основных методов исследования использовались аксиоматический метод исследования и анализ

научной литературы. Дополнительными методами исследования выступили такие теоретические методы, как индукция, дедукция, анализ и синтез. Материалами исследования послужили работы отечественных ученых в области организационной психологии, психологии труда, педагогической психологии, а также в области менеджмента и управления человеческими ресурсами по проблеме профессионального менталитета и цифровизации сферы труда.

Результаты. В конце 90-х годов в отечественной психологии началось активное изучение психологических особенностей профессионального менталитета и факторов, влияющих на его формирование у представителей различных сфер деятельности. Рассмотрение проблематики профессионального менталитета тесно связано с вопросами становления профессионализма, в связи с чем исследователи обращают внимание на сложность структуры профессионального менталитета, выделяют в нем различные компоненты, стороны и уровни [4]. Ведущие отечественные ученые, рассматривая профессиональный менталитет в своих трудах, отмечают его динамическую природу, обуславливающую неизбежные изменения профессионального менталитета под влиянием среды жизнедеятельности его носителя [5]. Скорость изменения менталитета, на наш взгляд, может быть обусловлена как интенсивностью детерминирующих факторов, так и продолжительностью их воздействия. Воздействие Индустрии 4.0 носит глобальный характер и приводит к стремительным изменениям во всех сферах жизнедеятельности человека, что обуславливает не просто изменение ментальных структур личности, но и возникновение новых видов менталитета, в частности, цифрового менталитета [6]. Опосредованные четвертой промышленной революцией изменения в сфере труда привели к исчезновению (профессии-ретаеры), функциональной и технологической трансформации (профессии-реновейтеры), а также к появлению новых профессий вследствие цифровизации (профессии-эмерджерсы) [7]. В будущем эти тренды, без сомнения, усилятся и выразятся в беспрецедентной трансформации трудовой сферы.

Таким образом, в ряде профессий для осуществления профессиональных обязанностей необходима работа в цифровой среде, что предъявляет специфические требования к ценностно-мотивацион-

ным, эмоционально-волевым и когнитивно-поведенческим компонентам менталитета специалиста. Например, цифровой менталитет педагога (цифровая образовательная среда), цифровой менталитет госслужащего (цифровое правительство), цифровой менталитет врача (телемедицина). Профессиональный цифровой менталитет (ПЦМ) можно определить как интегративное системное образование, проявляющееся на групповом и индивидуально-личностном уровне в профессиональных сообществах, осуществляющих свою деятельность посредством включенности в цифровую среду. Цифровой менталитет будет определять специфику и стратегии взаимодействия работника с цифровыми технологиями и субъектами цифровой среды. Структурными элементами ПЦМ являются отношение субъекта профессиональной деятельности к цифровым технологиям, в том числе воспринимаемая полезность информационно-коммуникационных технологий, а также общая и профессиональная цифровая компетентность, готовность к работе в цифровой среде и другие элементы.

Заключение. Таким образом, исследовательские задачи могут быть направлены прежде всего на выделение и изучение структурных компонентов профессионального цифрового менталитета. Также необходимо эмпирически изучить особенности цифрового менталитета у разных профессиональных групп, различающихся степенью взаимодействия с цифровой средой в ходе выполнения профессиональных обязанностей. Интерес представляет исследование технологий формирования цифрового профессионального менталитета, а также анализ его динамики на разных этапах профессионализации личности, в том числе в период профессионального обучения. Все это диктует необходимость разработки валидных методов для исследования и развития профессионального цифрового менталитета.

Библиографические ссылки

1. С нового учебного года всех студентов будут обучать цифровым компетенциям и бережному отношению к природе // Минобрнауки России : [сайт]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=36213 (дата обращения: 04.03.2022).

2. Новые перечни специальностей и направлений подготовки высшего образования повысят гибкость образовательных программ // Минобрнауки России : [сайт]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=48034&lang=ru (дата обращения: 04.03.2022).

3. *Калимуллина О. В., Троценко И. В.* Современные цифровые образовательные инструменты и цифровая компетенность: анализ существующих проблем и тенденций // Открытое образование. 2018. Т. 22, № 3. С. 61–73. DOI 10.21686/1818-4243-2018-3-61-73.

4. *Толочек В. А.* Профессиональный менталитет как динамичное образование // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2020. Т. 9, № 4(36). С. 338–349. DOI 10.18500/2304-9790-2020-9-4-338-349.

5. *Луцыкова С. В.* Проблемное поле профессионального менталитета и ментальность субъекта труда // Орг. психология и психология труда. 2019. Т. 4, № 2. С. 153–170.

6. *Баканов А. С.* Профессиональный менталитет как фактор эффективности принятия решений в профессиональной деятельности // Орг. психология и психология труда. 2019. Т. 4, № 3. С. 77–93.

7. *Бекбергенева Д. Е.* Исследование цифрового менталитета населения региона // Экономика и управление. 2021. Т. 27, № 8(190). С. 603–611. DOI 10.35854/1998-1627-2021-8-603-611.

8. *Забелина О. В., Майорова А. В., Матвеева Е. А.* Трансформация востребованности навыков и профессий в условиях цифровизации российской экономики // Экономика труда. 2020. Т. 7, № 7. С. 589–608. DOI 10.18334/et.7.7.110666.

Я. И. Коряков

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

ТЕОРИЯ КАРЕН ХОРНИ КАК МОДЕЛЬ НАРЦИССИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

Автор предлагает рассматривать теорию личности Карен Хорни как описание и исследование нарциссических процессов. Проводятся параллели невротических стилей с селф-психологическими формулировками нарциссической динамики Хайнца Кохута. Вводится понятие функционального нарциссического типа отношений, углубляющее клиническое понимание в обоих подходах, и рассматривается как исторический, так и современный культурный контекст.

Ключевые слова: нарциссизм, теория Хорни, селф-психология, невротические стили, функциональные отношения.

Yaroslav I. Koryakov

*Ural Federal University
named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia*

KAREN HORNEY'S THEORY AS A MODEL OF NARCISSISTIC DYNAMICS

The author suggests considering Karen Horney's theory of personality as a description and study of narcissistic processes. The author draws parallels between neurotic styles and the self-psychological formulations of Heinz Kohut's narcissistic dynamics. The concept of a functional narcissistic type of relationship is introduced, deepening the clinical understanding in both approaches, and both the historical and modern cultural context is considered.

Keywords: narcissism, Horney theory, self-psychology, neurotic styles, functional relationship.

Введение. Несмотря на определенную популярность и успешность (например, в литературоведческих работах Бернарда Париса [1]), даже в психодинамической психологии идеи Карен Хорни имеют ограниченное применение. Нам представляется, что основная проблема — в несоответствии старого терминологического аппарата и новой феноменологии клинической работы, так же как ее теоретического осмысления. Хорни формулировала свои клинические наблюдения в терминах принятой тогда теории неврозов, тогда как их содержание больше соответствует более поздним концепциям нарциссического спектра развития личности.

Если сначала проблемы нарциссизма рассматривались в рамках традиционных структурных моделей психоанализа как специфические особенности развития отдельных индивидов, то со временем сформировалась и выдвинулась на передний план идея о независимой линии развития нарциссических процессов у всех людей. По крайней мере в клинической работе такой подход оказывается более эффективным. Кульминации он достигает в селф-психологии Хайнца Кохута [2].

Так же, как и у Кохута, психология Хорни — это психология Я, самости, а не метапсихологических личностных структур. Нарциссическая динамика личности сосредоточена на процессах формирования, поддержания, восстановления и трансформации переживаний самости. Как раз эти процессы описывает теория Хорни зрелого периода (40–50-е годы) [3]. Таким образом, Карен Хорни — пионер в исследовании именно нарциссической проблематики. Такое понимание помогает не просто «осовременить» ее взгляды, но увидеть их культурно-историческое значение и повысить их ценность с точки зрения современной клинической практики.

Можно провести вполне рабочие параллели между представлениями об основных невротических (с нашей точки зрения — нарциссических) характерах у Хорни и главных типах нарциссической динамики у Кохута. При этом такое соотнесение позволяет расширить понимание личностного функционирования в обеих моделях. Экспансивные решения (нарциссический, перфекционистский, высокомерно-мстительный) — полюс грандиозности (зеркальный перенос в терапии). Уступчивость — полюс зависимости (идеа-

лизирующий перенос в терапии). Уход, отстранение — функциональность (перенос альтер эго в терапии). Рассмотрение последней категории в терминах функциональности позволяет лучше представлять соответствующую нарциссическую динамику. Здесь Хорни описывает уход от глубокого эмоционального контакта, отстранение в межличностных отношениях — и это в первую очередь достигается путем вовлечения в деятельность и ограничение «деловыми» контактами с окружающими. У Кохута фокус «двойникового переноса» в отношениях — также на обретении функциональных навыков в структуре самости. В литературе и клинических описаниях предьявление «двойникового переноса» встречается довольно редко, контрастируя с широкой представленностью зеркального и идеализирующего переносов. Опираясь на вышесказанное, можно сделать вывод, что функциональное нарциссическое решение просто лучше маскируется в современной культуре. Часто есть смысл подозревать его наличие в терапевтических отношениях, которые выглядят как деловые, рациональные, сосредоточенные на решении конкретных проблем. Возможно, количественная доминанта когнитивно-поведенческих подходов в современной психотерапии (которые вовсе не демонстрируют более высокую эффективность вопреки популярным представлениям) связана с культурной необходимостью маскировать эту нарциссическую динамику.

Идеи Хорни середины XX века отразили тенденцию к выходу нарциссических особенностей на передний план в западной культуре, предвосхищая последующие формулировки о «цивилизации нарциссов» в современном обществе. И не случайно она пришла к соответствующим выводам, наблюдая происходящее в американском обществе, где этот процесс обозначился раньше всего. Можно сказать, Хорни смогла отметить начало смены описанной Фрейдом «невротической культуры» «нарциссической культурой». Признанию этого факта мешает устаревшая терминология.

Выводы. Одним из центральных положений теорий Хорни была культурная обусловленность личностного развития и динамики. В соответствии с этим можно отметить изменения в реализации нарциссических стратегий за время, прошедшее с середины XX века. Тогда в зоне функциональности Хорни описывала стратегию уxo-

да как избегание человеческого контакта через самоограничение, снижение интенсивности переживаний. Сейчас все большую популярность приобретает другая стратегия — избегание человеческого контакта через поиск разнообразных стимулов, впечатлений, интенсификацию ярких, но поверхностных эмоциональных переживаний, сериальные возбуждающие, но неглубокие отношения. Одним из первых эту тенденцию заметил в начале 90-х годов Теодор Рубин, назвав соответствующий феномен «переходной личностью» [4].

Пожалуй, даже к трем классическим типам невротических (нарциссических) стилей — к людям, против людей и от людей — в настоящее время можно добавить четвертый — мимо людей, хотя это вариация отстранения, но под маской вовлечения.

Библиографические ссылки

1. *Paris B.* Imagined Human Beings: A Psychological Approach to Character and Conflict in Literature. New York, NY : New York University Press, 1997.
2. *Lee R. R., Martin J. C.* Psychotherapy after Kohut. Hillsday, NJ : The Analytic Press, 1991.
3. *Хорни К.* Невроз и личностный рост. Борьба за самоосуществление. СПб.: Вост.-Европ. ин-т психоанализа и БСК, 1997.
4. *Rubin T. I.* The Transitional Personality: Dislocation as a Major Character Dynamic // American Journal of Psychoanalysis. 1990. Vol. 50 (1). P. 1–10.

**ПРОЕКТ «МАСТЕРСКАЯ САМОРАЗВИТИЯ
И ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ЛИЧНОСТИ» В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ СРЕДНЕГО,
СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО, ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
И УЧРЕЖДЕНИЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Определяются возможности проекта «Мастерская саморазвития и жизнестойкости личности» в организации и реализации образовательной деятельности и интегративного подхода в системе образования: в формировании профессиональных компетенций у студентов-психологов в процессе обучения в высшем учебном заведении, личностных компетенций у обучающихся учреждений общего среднего и среднего профессионального образования, возможностей для саморазвития обучающихся в учреждениях дополнительного образования. Определены научно-методические основы, психологические закономерности активизации саморазвития и направления проекта. Обозначены основные результаты апробации проекта.

Ключевые слова: образовательная деятельность, проект «Мастерская саморазвития и жизнестойкости личности», саморазвитие личности, жизнестойкость личности.

Irina V. Kostakova

*Institute of Directed Professional Education
Togliatti, Russia*

**THE PROJECT “WORKSHOP OF SELF-DEVELOPMENT AND RESILIENCE
OF PERSONALITY” IN THE EDUCATIONAL ACTIVITIES
OF STUDENTS OF SECONDARY, VOCATIONAL, HIGHER EDUCATION
AND INSTITUTIONS OF ADDITIONAL EDUCATION**

The possibilities of the project “Workshop of self-development and resilience of personality” in the organization and implementation of edu-

cational activities and an integrative approach in the education system are determined: in the formation of professional competencies of psychology students in the process of studying at a higher educational institution, personal competencies of students of institutions of general secondary and secondary vocational education, opportunities for students in institutions of additional education. The scientific and methodological features, psychological patterns of self-development activation and project directions are determined. The main results of the project approbation are outlined.

Keywords: educational activity, project “Workshop of self-development and resilience of personality”, self-development of personality, resilience of personality.

Введение. Развитие системы образования на современном этапе, цифровизация обучения, сложность происходящих в обществе изменений, обуславливают содержание инновационного процесса в образовательных организациях Российской Федерации. Сложилось противоречие между необходимостью внедрения в деятельность образовательных учреждений технологий, направленных на саморазвитие личности обучающихся с одной стороны, и недостаточностью определения технологий, мотивирующих к саморазвитию и формированию личности, жизнестойкости у обучающихся как подросткового, юношеского возрастов, так и в периоды взрослости; отсутствием методологической, методической и практической основы таких образовательных практик.

Целью работы является определение подхода к образовательной деятельности, объединяющей общее среднее, среднее профессиональное, высшее образование и дополнительное образование в современных условиях развития российского общества. И направлено на решение следующих задач: профессиональной подготовки студентов-психологов в высшем учебном заведении, воспитание студентов учебных заведений среднего профессионального образования (саморазвитие и становление личности) и взаимодействие с другими образовательными организациями.

Основой такой деятельности и образовательной технологией может выступать проект «Мастерская саморазвития и жизнестойкости личности», который является вариативным, его целевая ау-

дитория может включать подростков, обучающихся юношеского возраста и представителей старших возрастных групп, в том числе в условиях дополнительного образования.

Теоретическими основами проекта «Мастерская саморазвития и жизнестойкости личности» являются методологические принципы психологии, культурно-историческая психология Л. С. Выготского; деятельностный подход в отечественной психологии, подходы к изучению саморазвития, самоактуализации и самореализации (Э. В. Галажинский, И. Д. Егорычева [1], Д. А. Леонтьев, С. И. Кудинов [2], А. Maslow, С. Rogers); исследования в области образовательной деятельности (В. В. Рубцов, Б. Д. Эльконин), исследования в области психологии переживания (Ф. Е. Василюк [3]); психологии жизнестойкости (S. Maddi, Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова) [4]. В ходе практической части разработки проекта изучались работы С. В. Кривцовой, Е. Ю. Патяевой, О. В. Рубцовой, М. А. Щукиной.

Материалы и методы. Содержание проекта «Мастерская саморазвития и жизнестойкости личности юношеского возраста в трудных жизненных ситуациях» было обусловлено готовностью обучающихся к саморазвитию в трудных жизненных ситуациях, возрастными особенностями юношеского возраста (недостаточный опыт решения трудных жизненных ситуаций) и социально-экономической спецификой моногорода. Определена терминология проекта и психологические закономерности активизации саморазвития и жизнестойкости личности в трудных жизненных ситуациях. Активация саморазвития и жизнестойкости у обучающихся юношеского возраста происходит в процессе переживания и сопереживания, понимания и осмысления трудных ситуаций, своих усилий в их решении при условии диалогической, субъект-субъектной формы взаимодействия (Ф. Е. Василюк, В. В. Рубцов). Саморазвитие будет способствовать психологической устойчивости в разрешении трудных жизненных ситуаций (Е. В. Битюцкая, Е. Ю. Коржова, Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова).

Одной из задач проекта являлась деятельность, связанная с организацией экспериментальной работы и проведением психодиагностического исследования: анкетирование; методики психодиагностического исследования: тест жизнестойкости S. Maddi,

в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. И. Расказовой; опросник «Способы совладающего поведения» R. S. Lazarus, S. Folkman, в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой.

Результаты. Реализация проекта проходила на базе ГБУ «Психолого-педагогический центр» г. о. Тольятти, в проекте приняли участие учащиеся 1-го курса ГАПОУ СО «Тольяттинский машиностроительный колледж», возраст — 16–18 лет ($n = 50$). Период реализации проекта — 15.01.2020–28.02.2020 г. Проходил с участием студентов-практикантов 3-го курса ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет».

Проект «Мастерская саморазвития и жизнестойкости личности юношеского возраста в трудных жизненных ситуациях» реализовывался в следующих направлениях деятельности.

Направление самопознания: способствует опыту самопонимания и самоисследования, осознания индивидуально-психологических особенностей своей личности, сильных сторон личности и трудностей саморазвития.

Направление саморегуляции: направлено на обучение способам и приемам управления поведением и формирование готовности к саморегуляции эмоциональных состояний, поведения и деятельности.

Дискуссионный клуб является направлением, в котором на основе метода анализа конкретных ситуаций и примеров литературного, кинематографического искусства, реальных жизненных ситуаций, организуется обсуждение, способствующее сопереживанию, пониманию и осмыслению вариантов субъективно трудных ситуаций, которые были определены в результате анкетирования. Это способствует процессам саморазвития в сформированности представлений о роли личности и поступка в разрешении трудных ситуаций, формированию жизнестойкости, анализа и выбора способов поведения и вариантов принятия решения.

Психологический театр направлен на творческое самовыражение и исследование разных способов поведения в трудных ситуациях через психодраматическую импровизацию в психодраматическом методе ролевой игры, организации такой деятельности, которая способствует формированию первичного опыта поведения в трудных ситуациях и саморазвитию в целом.

После апробации проекта были получены результаты, свидетельствующие о положительной динамике и статистически значимых изменениях в показателе жизнестойкости и ее переменных у обучающихся: по общему показателю жизнестойкости ($p < 0,001$), шкале «вовлеченность» ($p < 0,001$), шкале «контроль» ($p < 0,05$), шкале «принятие риска» ($p < 0,05$), преобладании стратегии принятия ответственности.

Заключение. В связи с пандемией COVID-19 очная деятельность проекта «Мастерская саморазвития и жизнестойкости личности» была приостановлена. В этот период осмыслены результаты эмпирического исследования, обоснованы научные подходы, определены психологические закономерности и методические составляющие проекта. Планируется проведение дальнейшей работы в области дидактической разработанности проекта как технологии саморазвития и жизнестойкости личности.

Библиографические ссылки

1. *Егорычева И. Д.* Самореализация как деятельность (к постановке проблемы) // Мир психологии. 2005. № 3. С. 1–33.
2. *Кудинов С. И.* Системные исследования самореализации личности / С. И. Кудинов. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2011. 235 с.
3. *Василюк Ф. Е.* Психология переживания. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.
4. *Рассказова Е. И., Леонтьев Д. А.* Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М. : Смысл, 2011. С. 178–209.

О. М. Красноядцева

Е. В. Бредун

В. И. Кабрин

Э. А. Щеглова

Томский государственный университет

Томск, Россия

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ИНДИКАТОРОВ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРОЦЕССА РЕШЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ ЗАДАЧИ*

В тезисах представлены обобщенные результаты апробации разработанных приемов реконструкции темпоральных индикаторов индивидуального процесса решения студентами когнитивной задачи. Рассмотрены возможности прогностического учета такого рода диагностических данных при формировании индивидуальной траектории конструирования когнитивного пространства.

Ключевые слова: реконструкция, темпоральные индикаторы, темпоральная модальность, когнитивная задача.

Olga M. Krasnoryadtseva

Ekaterina V. Bredun

Valery I. Kabrin

Eleonora A. Shcheglova

Tomsk State University

Tomsk, Russia

RECONSTRUCTION OF TEMPORAL INDICATORS OF THE INDIVIDUAL PROCESS OF SOLVING A COGNITIVE TASK

The theses present the generalized results of the approbation of the developed techniques of reconstruction of temporal indicators of the individual process of solving a cognitive task by students. The possibilities of predictive

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2020–0040.

accounting of this kind of diagnostic data in the formation of an individual trajectory of the construction of cognitive space are considered.

Keywords: reconstruction, temporal indicators, temporal modality, cognitive task.

Введение. Психологические особенности процесса решения задачи, традиционно входя в предметную область когнитивной психологии, продолжают притягивать к себе внимание исследователей. Усложнение информационной среды жизнеосуществления современного человека меняет модели когнитивных процессов, определяющие модальность принятия решений, выбора предпочитаемого способа когнитивного действия [1–3] и др. Сегодня очевидно, что свойственный человеку определенный когнитивный стиль отражает не только особенности обработки информации, способность переключаться между способами мышления и адаптироваться к новым или меняющимся условиям, но и включает в себя определенные внутриличностные (смысловые, мотивационные и иные) и темпоральные характеристики [4–6] и др. В этой связи актуальным становятся исследования того, как в процессе решения когнитивной задачи осуществляется перевод человеком своих возможностей в действительность в реальном времени и когнитивном пространстве [7]. Постановка такого рода задач предполагает разработку и соответствующего исследовательского инструментария.

Методы. Разработан набор экспресс-диагностических приемов, применение которых дает возможность исследователю произвести своего рода реконструкцию темпоральной модальности конструируемой когнитивной ситуации в процессе решения задачи. Представляемый методический инструментарий включает психосемантическое моделирование когнитивных образований и авторские опросники, позволяющие описать индивидуальные темпоральные характеристики личности.

Результаты. Психосемантическое моделирование (с использованием возможностей контент-анализа) включало в себя категоризацию психосемантических уровней когнитивных образований (ценностно-смыслового, концептуально-целевого, конструктивных решений и символической выразительности). Предложены крите-

риальные типологические описания структурных и динамических составляющих позиционных стратегий решения когнитивных задач рефлексивного характера, определяющие, на какой психологический ресурс человек делает ставку. К динамическим составляющим позиционных стратегий отнесены мотивационное самоопределение, изучение и анализ, прогноз и проектирование, оценивание эффективности результатов. К структурным составляющим отнесены символический уровень, конструктивный уровень, концептуальный уровень, ценностно-смысловой уровень. Совмещение структурных и динамических составляющих позволяет выделить 16 позиционных стратегий.

В апробации данной исследовательской модели приняли участие 124 студента Томского государственного университета. Зафиксированы варианты доминирующих позиционных стратегий решения когнитивной задачи. Полученные эмпирические данные дают основания для вывода о том, что в качестве развивающихся стратегий можно рассматривать любые комбинации совмещенных межуровневых (вертикально ориентированных) позиционных стратегий. Наиболее выраженными признаками сформировавшихся полноценных стратегий являются четырехуровневые стратегии с артикулированной ценностно-смысловой доминантой, реализующейся структурами концептуального, конструктивного и символического уровней.

Психодиагностическая реконструкция темпорального континуума индивида осуществлялась с использованием специально разработанных и прошедших необходимую валидизацию двух опросников, стандартизация, расчет статистической нормы по шкалам которых осуществлялись на однородной выборке 145 студентов — первокурсников Томского государственного университета. Анализ параметров распределения показателей по шкалам опросника «Темпоральная модальность времени жизнеосуществления» («эмоциональная фиксация на событиях», «рационализация периодов времени жизнеосуществления», «сбалансированность модальных оценок») позволяет зафиксировать выраженность компонентов темпоральной модальности. Аналогичный анализ параметров распределения показателей по шкалам опросника «Темпорально-когнитивные

стратегии решения задач» («принятие решения, откладывание решения (торможение), отказ от решения»; «переключение между задачами (способность решать задачи без ущерба для точности или скорости») позволяет определять, какие структурные компоненты темпоральности в ситуации решения познавательных задач являются доминирующими.

Проведенное посредством кластеризации исследование взаимосвязи между выявленными с помощью опросников типологическими модальностями темпоральных особенностей респондентов и показателями их позиционных стратегий, определяемых психосемантическим моделированием, позволило зафиксировать типологическое разнообразие доминирующих у студентов темпорально-позиционных стратегий решения познавательных задач. Наиболее часто встречающимися стратегиями являются перцептивно-конструктивная ориентация на предметно-событийную реальность; мотивационно-смысловое доминирование в выборе позиционной стратегии; эмоционально-символическая направленность на избегание ситуаций неопределенности и неудачи; эмоциональная зависимость от негативного прошлого опыта при выборе позиционной стратегии.

Заключение. Вхождение и эффективное продвижение в образовательном пространстве современного вуза предполагает наличие у молодых людей достаточно развитой компетентности к самостоятельному структурированию своей когнитивной деятельности как значимому элементу собственного жизненного пространства. Темпоральная модальность жизнеосуществления как проявление хронотопической организации жизни связана с когнитивной устойчивостью в реальном времени и пространстве. Возможность реконструировать темпоральное своеобразие образовательных стратегий у студентов в процессе решения когнитивных задач по сути является косвенной психолого-образовательной диагностикой, позволяющей получить важную психологическую информацию как для преподавателей, проектирующих образовательные программы; кураторов, сопровождающих образовательный процесс, так и для самого студента, выстраивающего индивидуальную образовательную траекторию. В этой связи представляется, что совокупность темпоральных индикаторов индивидуального процесса решения

когнитивной задачи может выступать и неким прогностическим маркером индивидуального стратегического профиля студента в двух пространствах его образовательного движения, профессиональном и трансфессиональном.

Библиографические ссылки

1. Карпова Е. В., Яблокова А. В. Когнитивные стили: история вопроса и новые проблемы // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6. С. 220–226.

2. Eisenberg M. L., Zacks M., Flores S. Dynamic prediction during perception of everyday events // Cogn. Research. 2018. № 3. Art. 53.

3. Damart S., Adam-Ledunois S. Impact of Cognitive Style on Group Decision and Negotiation // Handbook of Group Decision and Negotiation / eds. by D. Kilgour, C. Eden. Springer, Cham, 2019.

4. Spreng R. N., Levine B. The temporal distribution of past and future autobiographical events across the lifespan // Memory & Cognition. 2006. № 34. P. 1644–1651.

5. Wood N. L., Highhouse S. Do self-reported decision styles relate with others' impressions of decision quality? // Personality and Individual Differences. 2014. № 70. P. 224–228.

6. Cole S. N., Tubbs P. M. C. Predictors of obsessive-compulsive symptomology: mind wandering about the past and future // Psychological Research. 2021. P. 1–17.

7. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат / В. Е. Ключко, Э. В. Галажинский, О. М. Краснорядцева и др. // Сибир. псих. журнал. 2015. № 56. С. 9–20.

О. В. Кружкова
И. В. Воробьева
А. И. Матвеева
Н. Е. Жданова

*Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия*

СТРЕСС-ФАКТОРЫ ГОРОДСКОЙ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ: ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ВОСПРИИМЧИВОСТИ*

Целью проведенного исследования стала оценка роли личностных характеристик студентов, детерминирующих субъективно более острую реакцию на стресс-факторы цифровой городской среды. В исследовании приняло участие 518 человек. Наиболее значимым стресс-факторами являются угрозы для безопасности и конфиденциальности респондентов, а наиболее острую реакцию на стресс-факторы цифровой среды города провоцируют повышенная тревожность, мягкость и психопатия молодых жителей города.

Ключевые слова: стресс, цифровая среда, личность, стресс-фактор, восприимчивость.

O. V. Kruzhkova
I. V. Vorobyeva
A. I. Matveeva
N. E. Zhdanova

*Ural State Pedagogical University
Ekaterinburg, Russia*

STRESS FACTORS OF THE URBAN DIGITAL ENVIRONMENT: PERSONAL DETERMINANTS OF SENSITIVITY

The purpose of the study was to assess the role of students' personal characteristics, which determine a subjectively more acute reaction to

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-013-00830 «Реальное и виртуальное пространство мегаполиса: стресс и девиации поведения городской молодежи».

the stress factors of the digital urban environment. The study involved 518 people. The most significant stress factors are threats to the safety and confidentiality of respondents, and the most acute reaction to the stress factors of the digital urban environment is provoked by increased anxiety, softness and psychopathy of young residents of the city.

Keywords: stress, digital environment, personality, stress factor, susceptibility.

Введение. Интернетизация и многочисленные цифровые сервисы создают виртуальный план существования города. Будучи пока отражением реального пространства, цифровая среда города обладает полноценными характеристиками жизненной среды [1]. Она содержит специфические особенности, способные вызывать стресс у жителей города. Исследование стресс-факторов цифровой городской среды становится на сегодняшний день актуальной научной задачей. Также интерес вызывают личностные характеристики жителей города, которые делают их более уязвимыми перед стресс-факторами цифрового городского пространства.

Материалы и методы. Исследование было проведено в 2020–2022 гг. с применением инструментов GoogleForms в дистанционном режиме. Целью стала оценка роли личностных характеристик студентов, детерминирующих субъективно более острую реакцию на стресс-факторы цифровой городской среды. Выборка: 518 студентов Екатеринбурга в возрасте от 16 до 25 лет (41 % юношей, 59 % девушек). Применялось анкетирование (оценка субъективной значимости перечня стресс-факторов цифровой городской среды) и психодиагностические методики (HEXACO, «Темная триада»). Методы математико-статистической обработки: факторный анализ (метод максимального правдоподобия, «каменистая осыпь», вари-макс-вращение), альфа Кронбаха, линейный регрессионный анализ с принудительным включением и последовательным исключением предикторов.

Результаты. Изучение перечня стресс-факторов цифровой городской среды позволило определить наиболее субъективно тяжело переживаемые стрессовые ситуации для молодых жителей города. К ним относятся наличие множества спама и рекламы в цифро-

вом городском пространстве, мошенничество в сети Интернет, навязывание ненужных подписок и регистраций при получении услуг на цифровых сервисах города, обилие навязчивой рекламы на цифровых сервисах города, а также вероятность утечки и распространения личной информации в Интернете (медиана по данным пунктам равна 3 по шкале от 0 до 4 баллов). Наиболее значимыми выступили те факторы цифровой среды города, которые представляют прямую угрозу для безопасности и конфиденциальности жителя, а также факторы вынужденного (принудительного) взаимодействия с информацией, не представляющей ценности для субъекта. Проведенный факторный анализ позволил выделить четыре группы стресс-факторов цифровой городской среды. Первая группа описывает несовершенство городских цифровых сервисов и приложений, а также связанные с этим затруднения и неудобства жителей (затрудненный поиск информации на цифровых сервисах города; интерфейс большинства городских цифровых сервисов не адаптирован для мобильного телефона; недостаток полезной и нужной информации на цифровых сервисах города; непредставленность городских организаций в Интернете; несовершенство мобильных приложений городских цифровых сервисов; неудобный интерфейс цифровых сервисов города и др.). Согласованность пунктов по формуле альфа Кронбаха составляет 0,934. Вторая группа связана с информационными рисками (множество ненужной, лишней информации на цифровых сервисах города; множество спама и рекламы; мошенничество в сети Интернет и др.). Альфа Кронбаха составляет 0,905. Третья группа описывает агрессивное поведение и низкую культуру взаимодействия субъектов в сети Интернет (кибербуллинг; малочисленность городских сообществ по интересам в Интернете; невежливость, грубое обращение и хамство операторов при получении услуг и товаров онлайн; негативные, злые, грубые, «токсичные» комментарии в Интернет; низкая культура общения в сети Интернет; отсутствие цензуры для городского цифрового контента). Альфа Кронбаха составляет 0,833. Четвертая группа — эстетическая непривлекательность (скучные, однообразные фотографии города в Интернет-пространстве; скучный невыразительный дизайн цифровых сервисов города). Альфа Кронбаха составляет

0,844. Регрессионный анализ позволил построить статистически значимые модели (уровень значимости каждой равен 0,000), где зависимыми переменными выступали средние значения по каждой группе стресс-факторов, а независимыми — шкалы психодиагностических методик. Предикторами для субъективной стрессогенности несовершенства городских цифровых сервисов и приложений стали высокие показатели тревожности, мягкости, смелости в социальных ситуациях и психопатии. Для субъективной стрессогенности информационных рисков определяющими характеристиками являются тревожность, социабельность, мягкость и упорство респондентов. Для субъективной стрессогенности переживания агрессивного поведения и низкой культуры взаимодействия субъектов в сети Интернет значимы высокие показатели боязливости, тревожности, мягкости, упорства, нарциссизма, психопатии, а также пониженные показатели макиавеллизма. Для субъективной стрессогенности эстетической непривлекательности цифровой среды города важны повышенные показатели тревожности, развитого эстетического чувства, а также психопатии.

Заключение. Цифровое городское пространство, находящееся в процессе своего активного становления и развития, является важной частью жизненной среды современного жителя мегаполиса, а его неблагоприятные характеристики выступают значимыми источниками стресса. Наиболее острое переживание стресса провоцируется такими личностными характеристиками, как тревожность, мягкость и психопатия.

Библиографические ссылки

1. Панов В. И. Экопсихологические взаимодействия: виды и типология // Социальная психология и общество. 2013. № 3. С. 13–27.

Л. Ю. Крутелева

*Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия*

ОСОБЕННОСТИ САООТНОШЕНИЯ, УДОВОЛТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ И САОПРЕДЪЯВЛЕНИЯ В ОБЩЕНИИ ЛИЦ С ХИМИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

Целью исследования выступило изучение самооотношения, удовлетворенности жизнью и самопредъявления в общении у лиц с химической зависимостью. Выборка была представлена тремя группами: лица с алкогольной зависимостью, лица со смешанной (алкогольная и наркотическая) зависимостью и лица без зависимостей (контрольная группа). Методы: анкетирование и тестирование (комплекс психодиагностических методик). Проведенное исследование позволило выявить статистически значимые связи между исследуемыми феноменами у лиц с химической зависимостью, а также статистически значимые различия в связи с употреблением только алкогольных или смешанных психоактивных веществ.

Ключевые слова: химическая зависимость; самооотношение; удовлетворенность жизнью; самопредъявление в общении; алкогольная и наркотическая зависимость.

Liudmila Ju. Kruteleva

*Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

FEATURES OF SELF-ATTITUDE, LIFE SATISFACTION AND SELF-PRESENTATION IN COMMUNICATION OF PERSONS WITH CHEMICAL DEPENDENCE

The aim of the research is to study self-attitude, life satisfaction and self-presentation in communication among people with chemical dependence. The sample is represented by three groups: people with alcohol addiction, people with mixed (alcohol and drug) addiction and people without addictions (control group). Methods: questionnaire survey and testing (a set

of psychodiagnostic techniques). The research has allowed us to identify statistically significant correlations between the studied phenomena in people with chemical dependence, as well as statistically significant differences in relation to the use of only alcoholic or mixed psychoactive substances.

Keywords: chemical dependence; self-attitude; life satisfaction; self-presentation in communication; alcohol and drug addiction.

Введение. На протяжении всей истории алкогольсодержащие напитки и продукты присутствуют в рационе человека. Особенностью настоящего времени является достаточно толерантное отношение общества к употреблению таких напитков, с одной стороны, и крайне быстрое вовлечение молодежи на фоне алкоголя в употребление различных психоактивных веществ. И хотя употребление крепкого алкоголя снижается, неуклонно возрастает употребление слабоалкогольных напитков, а также различных наркотических средств, формируя зависимость.

В течение последнего столетия общество пришло к пониманию, что данная категория лиц нуждается не только в медицинской, но и в психологической помощи. Исследованию химической (алкогольная, наркотическая и др.) зависимости посвящены труды многих ученых (Акимов М. К., Семенов С. Ю. [1], Анохина И. П. [2], Журавлев А. Л. [3], Менделевич В. Д. [4, 5], Самохвалов В. П., Садыкова Р. Г., Савченков В. А. и др. [6], Старшенбаум Г. В. [7] и др.), однако, несмотря на чрезвычайно широкий спектр научных работ в данной области и применение хорошо зарекомендовавших себя программ реабилитации (например, программа «12 шагов»), проблема помощи лицам с химической зависимостью остается очень острой.

Согласно современным исследованиям, главными причинами начала употребления психоактивных веществ среди молодежи являются низкая самооценка, отсутствие коммуникативных навыков (что в современных условиях усиливается развитием дистанционных форм взаимодействия и отсутствием «живого» контакта между людьми) и в целом низкий уровень удовлетворенности жизнью. Потребность общества в эффективной помощи молодым людям с химической зависимостью и недостаток работ, посвященных из-

учению их особенностей самоотношения, удовлетворенности жизнью и самопредъявления в общении, и определили проблему нашего исследования. Объект исследования составили лица с алкогольной зависимостью (20 человек), лица со смешанной (алкогольной и наркотической) зависимостью (17 человек). В контрольную группу вошли лица без зависимостей (20 человек).

Материалы и методы. Методы эмпирического исследования: анкетирование, тестирование. Для сбора данных были применены следующие методики: «Самоотношение» (В. В. Столин, С. Р. Пантिलеев); «Самопредъявление в общении» (И. П. Шкурагова); «Индекс жизненной удовлетворенности» (Б. Ньюгартен, адаптация Н. В. Паниной). Для статистической обработки данных производится расчет непараметрического U-критерия Манна — Уитни и расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты. На основании статистического анализа данных, структуры самоотношения, можно сделать вывод о том, что при употреблении только алкогольной продукции человек теряет интерес к самому себе, а при употреблении одновременно и алкогольной продукции, и наркотических веществ уровень глобального самоотношения и его показатели статистически значимо уменьшаются и человек теряет самоуважение, перестает понимать себя, теряет уверенность в себе (человек видит в себе все больше недостатков, его самооценка снижается), и возрастает стремление к самообвинению.

Обе группы лиц с химической зависимостью имеют низкий уровень удовлетворенности жизнью, при этом группа со смешанной зависимостью имеет более низкий показатель, чем группа только с алкогольной зависимостью, в то время как контрольная группа имеет высокий уровень удовлетворенности жизнью. Лица с алкогольной и химической зависимостью статистически значимо отличаются друг от друга по показателю «согласованность между поставленными и достигнутыми целями», т. е. лица с алкогольной зависимостью могут ставить перед собой цели и предпринимать действия по их достижению, в то время как лицам со смешанной зависимостью сделать это намного труднее. Лица с алкогольной зависимостью статистически значимо отличаются от контрольной группы по следующим показателям: «удовлетворенность жизнью»,

«интерес к жизни», «положительная оценка себя и собственных поступков», «общий фон настроения». Однако у данной категории испытуемых сохраняется последовательность и направленность на достижение целей, а также согласованность между поставленными и достигнутыми целями. Лица со смешанной зависимостью статистически значимо отличаются от контрольной группы по всем шкалам методики, т. е. при переходе на смешанный вид зависимости удовлетворенность жизнью значимо снижается по всем жизненным показателям.

Результаты статистического анализа стратегий самопредъявления в общении не показали значимых различий между лицами с алкогольной зависимостью и контрольной группой. В связи с видом зависимости (алкогольная или смешанная) респонденты статистически значимо отличаются друг от друга по таким стилям самопредъявления, как «запугивание» и «отслеживание производимого впечатления». Лица со смешанной зависимостью более часто применяют тактику угрозы и демонстрации силы и стремятся казаться опасными, при этом очень внимательно отслеживая производимое впечатление, что, с одной стороны, говорит о сознательном контроле как собственного поведения, так и ответных реакций со стороны окружающих, а с другой — о достаточно высоком уровне социальной компетентности и демонстративности такого поведения. Лица со смешанной зависимостью также статистически значимо отличаются от лиц без зависимостей по таким стилям самопредъявления, как «отслеживание производимого впечатления» и «вариативность поведения».

Корреляционный анализ показал, что для группы с алкогольной зависимостью «отслеживание производимого впечатления» является ключевым показателем и имеет статистически высоко значимые прямые корреляционные связи с «глобальным самоотношением», всеми показателями дифференцированного самоотношения, а также показателями самоотношения на уровне конкретных действий («самоуверенность», «саморуководство» и «самоинтерес»). Кроме того, обнаружена прямая статистически высоко значимая связь между «самопониманием» и «согласованностью между поставленными и достигнутыми целями».

В группе со смешанной зависимостью было выявлено наличие прямой статистически высоко значимой связи между «саморуководством» и «отслеживанием производимого впечатления» и обратной статистически высоко значимой связи между «запугиванием» и «интересом к жизни». Кроме того, интересно отметить, что пол респондентов связан с продолжительностью употребления психоактивных веществ (т. е. мужчины употребляют психоактивные вещества статистически более продолжительное время, чем женщины), а возраст респондентов имеет обратную статистически высоко значимую связь с «вариативностью поведения», т. е. с возрастом способность действовать в разных ситуациях по-разному у лиц со смешанным видом зависимости статистически значимо снижается.

В контрольной группе не выявлено статистически значимых связей показателей самоотношения, стилей самопредъявления в общении и компонентов удовлетворенностью жизнью между собой. Однако здесь интересно отметить, что пол респондентов имеет прямую статистически высоко значимую связь с интегральным показателем «удовлетворенность жизнью», т. е. мужчины без зависимостей статистически достоверно более удовлетворены своей жизнью, чем женщины.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование показателей самоотношения, компонентов удовлетворенности жизнью и стилей самопредъявления в общении позволяет нам сделать вывод о том, что при употреблении только алкогольной продукции человек теряет интерес к самому себе, а при употреблении одновременно и алкогольной продукции, и наркотических веществ уровень глобального самоотношения и его показатели статистически значимо снижаются, и человек теряет самоуважение, перестает понимать себя, теряет уверенность в себе, и у него возрастает стремление к самообвинению.

Библиографические ссылки

1. Акимова М. К., Семенов С. Ю. Стили защитно-совладающего поведения у зависимых и не зависимых от психоактивных веществ подростков // *Вопр. психологии.* 2008. № 5. С. 54–63.

2. *Анохина И. П.* Основные биологические механизмы зависимости от психоактивных веществ // *Вопр. наркологии.* 2013. № 6. С. 40–59.
3. *Журавлев А. Л.* Психологические факторы физического и психического здоровья человека (по материалам исследований ИП РАН) // *Псих. журнал.* 2004. Т. 25, № 3. С. 107–117.
4. *Менделевич В. Д.* Психология девиантного поведения. М. : Изд. дом «Городец», 2016. 386 с.
5. *Менделевич В. Д., Садыкова Р. Г.* Психология зависимой личности или подросток в окружении соблазнов. Казань : Марев, 2002. 240 с.
6. Руководство по аддиктологии / В. П. Самохвалов, Р. Г. Садыкова, В. А. Савченков и др. СПб. : Речь, 2007. 768 с. (Мэтры мировой психологии).
7. *Старшенбаум Г. В.* Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей. М. : Когито-Центр, 2006. 367 с. (Клиническая психология).

Л. Ю. Крутелева

*Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия*

ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Целью исследования выступило изучение особенностей смысло-жизненных и ценностных ориентаций и совладающего поведения у молодых людей. Эмпирическим объектом исследования выступили юноши и девушки в количестве 66 человек. Исследование проводилось методом тестирования. Были выявлены статистически значимые различия в смысложизненных и ценностных ориентациях и способах совладающего поведения и их взаимосвязях у юношей и девушек.

Ключевые слова: смысложизненные ориентации, ценностные ориентации, совладающее поведение, молодежь, трудная жизненная ситуация.

Liudmila Ju. Kruteleva

*Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

CHARACTERISTIC FEATURES OF LIFE-MEANING AND VALUE ORIENTATIONS AND COPING BEHAVIOR OF YOUTH

The aim of the research is to study the characteristic features of life-meaning and value orientations and coping behavior in young people. The empirical object of the study consists of 66 young men and women. The study is conducted by testing. Statistically significant differences have been revealed in the life-meaning and value orientations and ways of coping behavior and their correlations among young men and women.

Keywords: life-meaning orientations, value orientations, coping behavior, youth, difficult circumstances.

Введение. Общеизвестно, что молодежь — это будущее любой страны и от того, какая она, как воспитана, какие ценности assi-

милировала и традиции унаследовала, будет зависеть дальнейшее развитие и благосостояние этой страны. И поэтому во все времена вопросы, связанные с молодежью, всегда находились и находятся в центре внимания общественности, науки, государства.

Юность — это особый возраст, относящийся к периоду ранней зрелости, когда практически все сферы личности завершают свое формирование: в этот период физиологические функции организма развиты уже в полной мере, в то время как Я-концепция личности, а также когнитивная, эмоциональная, мотивационная и ценностно-смысловая сферы еще продолжают развиваться. Так, Я-концепция личности уточняется и обогащается опытом построения семейных отношений и началом профессиональной деятельности. Когнитивная сфера — проявлением истинных познавательных потребностей и самостоятельным выбором дальнейшего профессионального развития. Эмоциональная сфера — переживанием новых состояний близости, построения собственной семьи, родительства. Мотивационная сфера закаляется принятием собственных решений и достижением поставленных целей. Ценностно-смысловая сфера личности подвергается особой проверке — заложенные в детстве родителями и близкими людьми ценности продолжают подвергаться сомнению и уточнению, по результатам которых личность чаще всего неосознанно принимает решение об их принятии или отвержении. Таким образом, данный возрастной период является достаточно сложным и чрезвычайно важным в жизни человека.

Сталкиваясь с трудными жизненными ситуациями, человек по-разному их преодолевает, формируя свои собственные способы совладания и защитные механизмы. Стремясь к благородной цели сохранения целостности личности и психического здоровья, психологические защитные механизмы в определенной степени искажают реальность. В этом случае цена человека за психическое равновесие — это искажение действительности, для сохранения внутреннего образа «Я» и образа внешнего мира.

В этой связи необходимо отметить, что современный этап развития общества характеризуется несколькими важными особенностями. С одной стороны, это бурное развитие технологий, что дает современному человеку практически неограниченные возможности

и в получении информации, и в общении, и в профессиональном развитии и деятельности. С другой стороны, происходит подмена живого общения цифровым, а в крайних случаях — уход в виртуальный мир и «отрыв» от реальности. Особенно активно вытеснение «реального» общения наблюдается в связи с вынужденными ограничениями, вызванными распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19. Кроме того, социально-политическая и экономическая ситуация в мире также влияет и на ценностно-смысловую сферу личности, и на ее выбор способов совладающего поведения.

Таким образом, потребность в изучении смысложизненных и ценностных ориентаций молодых людей как перспективы дальнейшего развития общества, с одной стороны, и способов совладающего с трудными жизненными ситуациями поведения в период постоянно нарастающих перемен, неопределенности и транзитивности общества — с другой, определила проблему исследования.

Эмпирическим объектом исследования выступили молодые люди в количестве 66 человек в возрасте от 18 до 26 лет, из них 51,5 % — юноши (группа 1) и 48,5 % — девушки (группа 2).

Материалы и методы. Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью методик: «Тест смысложизненных ориентаций» («PII» Д. Крамбо и Л. Махолик в адаптации Д. А. Леонтьева) [1, 2]; методика «Система жизненных смыслов» (В. Ю. Котляков) [3]; «Ценностный опросник» (Ш. Шварц) [4]; опросник «Способы совладающего поведения» (Р. Лазарус и С. Фолкман в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой) [5; 6]. Для статистической обработки данных применялись непараметрические методы анализа (U-критерий Манна — Уитни и r -коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

Результаты. Удовлетворенность самореализацией в группе юношей достоверно выше, чем в группе девушек, т. е. молодые люди оценивают пройденный отрезок жизни, как более продуктивный и наполненный смыслом, они в большей степени удовлетворены достигнутыми на данный момент результатами. Юноши и девушки различаются по структуре смысложизненных ориентаций: для юношей характерна ориентация на цель в жизни, девушки занима-

ют конкурирующую позицию, и прежде всего стремятся отстаивать свою свободу.

Ведущими системами жизненных смыслов в обеих группах являются «Экзистенциальные смыслы» и «Смыслы самореализации», что нормативно обусловлено возрастным периодом. Для современных юношей семейные ценности и смыслы имеют статистически достоверно большее значение, чем для девушек.

Данные по «Ценностному опроснику» (Ш. Шварц) не показали статистически значимых различий как на уровне нормативных идеалов, так и на уровне индивидуальных приоритетов.

Выявленные статистически значимые различия по стратегии «Поиск социальной поддержки» указывают на то, что при решении проблем юноши в большей степени склонны к самостоятельному принятию решений, в то время как девушки ориентированы на привлечение внешних ресурсов в виде эмоционального участия окружающих в сложившейся ситуации, поиске советов со стороны близких людей и экспертов, обладающих знаниями в конкретной области, что указывает на несколько зависимую позицию по отношению к окружающим. Данная стратегия в зависимости от ситуации и конкретных предпринимаемых действий может носить как адаптивный, так и неадаптивный характер.

Статистически значимые отличия по стратегии «бегство-избегание» свидетельствуют о том, что юноши в большей степени готовы к прямому решению возникающих трудностей и в последнюю очередь применяют данную стратегию поведения в сложных жизненных ситуациях. Девушки же чаще отрицают и игнорируют проблемы, уклоняются от непосредственного взаимодействия и ответственности за принятие решений, а также в большей степени склонны к неконструктивным способам решения проблем: употребление алкоголя и заедание, уход в фантазии и ожидания, что проблема разрешится сама, без их участия. Использование данной стратегии в основном носит неадаптивный характер за счет накопления проблемных ситуаций и избегания их решения, однако помогает снизить уровень эмоционального напряжения в стрессовых ситуациях.

Корреляционный анализ показал, что юноши и девушки используют как одинаковые (принятие ответственности, дистан-

цирование), так и отличительные (конфронтационный копинг, положительная переоценка — юноши; бегство-избегание, самоконтроль — девушки) способы совладающего поведения. Обе группы респондентов применяют по четыре способа совладающего поведения. Однако у юношей эти способы в большей степени определяются ценностными ориентациями, в то время как у девушек — смысложизненными ориентациями и системами смыслов. Кроме того, практически все способы свладающего поведения юношей детерминируются прямыми корреляционными связями, а у девушек — в основном обратными.

Заключение. Таким образом, можно заключить, что юноши и девушки имеют одинаковую систему ценностей, но отличаются смысложизненными ориентациями и способами совладающего поведения, а также смысложизненные и ценностные ориентации и способы совладающего поведения по-разному взаимосвязаны между собой у юношей и девушек.

Библиографические ссылки

1. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М. : Смысл, 2007. 487 с.
2. *Леонтьев Д. А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М. : Смысл, 2000. 18 с.
3. *Котляков В. Ю.* Методика «Система жизненных смыслов» // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2013. № 2–1. С. 148–153.
4. *Крюкова Т. Л.* Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Изд. 2-е, испр., доп. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова «Авантитул», 2010. 64 с.
5. *Lazarus R.* Emotions and interpersonal relationships: toward a person-centered conceptualization of emotions and coping // Journal of Personality. 2006. Vol. 74, № 1. P. 9–43.
6. *Schwartz S. H., Bilsky W.* Toward a Universal Psychological Structure of Human Values // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. Vol. 58, № 5. P. 550–562.

И. О. Куваева

Е. В. Волкова

Уральский федеральный университет

им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Екатеринбург, Россия;

Институт психологии Российской академии наук

Москва, Россия

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЙ КАК ФАКТОР СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

Обсуждаются современные исследования проблем стресса и совладания как основы психологического благополучия субъекта. Эмпирические исследования показали, что многомерная концептуализация стрессовой ситуации является фактором активизации субъективных ресурсов и успешного разрешения стрессовой ситуации. Выявлено, что концептуализация стрессовых ситуаций у представителей разных этнокультурных групп сопряжена с выбором определенных стратегий совладания. Эмоционально-ориентированные стратегии и стратегии избегающего поведения, как правило, сопряжены с недостаточностью ресурсов субъекта.

Ключевые слова: благополучие, концептуализация стресса, совладающее поведение, этнические и культурные группы.

Irina O. Kuvaeva

Elena V. Volkova

Ural Federal University named

after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Yekaterinburg, Russia;

Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

CONCEPTUALIZATION OF STRESS AS A FACTOR OF COPING BEHAVIOR

Modern studies of stress and coping problems as the basis of psychological well-being are discussed. Empirical studies showed that multidimensional

conceptualization of a stressful situation is a factor in activating subjective resources and successfully resolving a stressful situation. It was revealed that the conceptualization of stressful situations among representatives of different ethnic and cultural groups is associated with the choice of certain coping strategies. Emotionally oriented strategies and strategies of avoidance behavior, as a rule, are associated with insufficient resources of the subject.

Keywords: well-being, conceptualization of stress, coping, ethnic and cultural groups.

Введение. В современных исследованиях отмечается негативная субъективная оценка стресса; только каждый десятый респондент полагает, что «чем больше думаешь о стрессе, тем больше шансов найти из него выход» [1, с. 236]. При восприятии стрессовой ситуации как неподконтрольной и неопределенной повышается вероятность использования избегающих стратегий. Прогнозируемость ситуации соотносится с планированием решения проблемы и поиском способов реагирования. Чем сложнее человеку принять решение, тем он чаще привлекает других людей для обсуждения ситуации [2]. Вероятность возникновения стресса увеличивается при ощущении субъектом угрозы потери ресурсов; прочный ресурсный запас способствует продуктивному совладанию, хрупкий — оборонительной позиции и пассивным стратегиям [3]. Концептуализация стрессовой ситуации (далее — КСС) сопряжена с психологическим благополучием субъекта. Благодаря дифференционно-интеграционным процессам отражательной деятельности мозга [4] происходит многомерная оценка стрессовой ситуации и регуляция совладания:

1. Отражение трудной ситуации в единстве ее причинно-следственных отношений, антиципация последствий, процессуальных характеристик и возможностей управления. Чем больше разных признаков (*причины, состояние, последствия, процесс, управление*) анализирует субъект, тем он чаще демонстрирует индивидуальное управление трудной ситуацией, сильнее беспокоится за последствия, чаще принимает ответственность, реже обращается к разным видам поддержки [5].

2. Отражение/отображение ментального опыта преодоления стрессовых ситуаций, информация о котором закодирована в раз-

ных модальностях. Выделение сенсорных и эмоционально-оценочных признаков в стрессовой ситуации сопряжено с планированием решения проблемы и упорным достижением результата; в то время как извлечение пространственно-временных признаков способствует выбору эмоционально-ориентированных стратегий и избеганию [6].

3. Отражение целостного образа стрессовой ситуации с учетом деталей уменьшает тревожность за последствия и обращение к внесубъектным копинг-ресурсам [7].

4. Отображение субъектных и внесубъектных ресурсов, приемлемых для управления стрессовой ситуацией и эмоциональной регуляции в конкретном социокультурном контексте. Ключевым субъектным ресурсом преодоления стрессовых ситуаций у русских выступает личная ответственность за проблему, у китайцев — внесубъектный ресурс в виде организации общественных действий. В ситуациях стресса студенты из Армении, Турции и Татарстана нуждаются в религиозной поддержке [6].

Материалы и методы. Выборка составила 712 студентов (русские, армяне, татары, турки, китайцы) в возрасте $19,2 \pm 2,0$. Для оценки КСС применялся направленный ассоциативный эксперимент (стимульное слово СТРЕСС) и визуальный портрет концепта *стресс* [7]. Респонденты отвечали на родном языке. Реализована процедура двойного перевода инструментария и ответов респондентов с привлечением экспертов-лингвистов, носителей языка, специалистов в области стресса и совладания.

Результаты: КСС у русских и армян отличается высокой дифференциацией признаков и детализацией образов: стресс понимается как длительное нервное напряжение человека. Армяне подчеркивают глобальные травматические события, русские — симптомы стресса и способы преодоления. КСС у татар отличается высокой вариативностью и низкой детализацией образов стресса (повседневные трудности, негативные эмоции, изоляция), отмечается мгновенность стрессовых ситуаций. КСС у турок и китайцев отличаются низкой дифференцированностью, малой вариативностью, низкой детализацией образов. Турки отображают экзамены и тревогу за будущее. Китайцы выделяют обобщенные признаки стрессовых

ситуаций, подчеркивая внезапность их возникновения и необходимость быстрого реагирования с помощью коллективных действий.

Заключение. Каждый человек сталкивается со стрессовыми ситуациями на протяжении всей своей жизни, которые могут способствовать росту благополучия или вести к психосоматическим расстройствам. Многомерная концептуализация стресса обуславливает специфику продуктивного совладания и психологическое благополучие у представителей разных этнокультурных групп.

Библиографические ссылки

1. Кленова М. А. Социальные представления о стрессе у разных возрастных групп // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. Т. 4. Вып. 3 (15). 2015. С. 234–237.

2. Битюцкая Е. В. Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2011. № 1. С. 100–111.

3. Иванова Т. Ю. Теория сохранения ресурсов как объяснительная модель возникновения стресса // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т. 10, № 3. 2–13. С. 119–135.

4. Чуприкова Н. И. Психическая деятельность мозга, язык и сознание (В поисках психической реальности и предмета психологии). М. : Изд. дом «ЯСК», 2021.

5. Волкова Е. В., Куваева И. О. Мера дифференцированности концепта Стресс как фактор совладающего поведения субъекта: кросскультурный подход // Вестн. Костром. гос. ун-та. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. № 3. 2020. С. 98–105.

6. Волкова Е. В., Куваева И. О. Кросс-культурные особенности организации концепта «стресс» и стратегий совладания у молодых представителей разных культур // Мир психологии. 2019. № 4. С. 137–151.

7. Куваева И. О. Соотношение организации концепта стресс и совладающего поведения у студентов разных этнокультурных групп: дис. ... канд. псих. наук. М., 2020.

С. С. Кузенко

*Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия*

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ КОРРЕЛЯТЫ ОТНОШЕНИЯ К БОЛЕЗНИ ЛЮДЕЙ, СТРАДАЮЩИХ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИМИ КОЖНЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

Целью данной работы было исследование личностных особенностей психосоматических кожных больных. Были получены данные о том, каким образом ценностно-смысловая сфера и диффузные убеждения психосоматических кожных больных связаны с отношением к болезни. На основе гипотез мы подготовили программу эмпирического исследования, выбрали соответствующие методики и выборку, провели измерение категорий ценностей, типов отношения к болезни, смысложизненных ориентаций, базисных убеждений, системы жизненных смыслов, а также определили взаимосвязь между этими психологическими феноменами.

Ключевые слова: дисфункциональные убеждения, ценности, смысловая сфера, психосоматика, смысложизненные ориентации.

Svetlana S. Kuzenko

*Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia*

VALUE-SENSE CORRELATES OF RELATION TO DISEASE OF PEOPLE SUFFERING FROM PSYCHOSOMATIC SKIN DISEASES

The purpose of this work was to study the personal characteristics of psychosomatic skin patients. Data were obtained on how the value-meaning sphere and diffuse beliefs of psychosomatic skin patients are associated with the attitude to the disease. Based on hypotheses, we prepared a program of empirical research, selected the appropriate methods and sample, measured the categories of values, types of attitude to disease, meaningful

orientations, basic beliefs, systems of life meanings, and also determined the relationship between these psychological phenomena.

Keywords: dysfunctional beliefs, values, semantic sphere, psychosomatics, meaningful orientations.

Ведение. Связь кожных заболеваний с психическими процессами обсуждается активно довольно давно. Первые научные труды на эту тему относятся ко второй половине XVII века, когда Толеас Сиденхем в 1681 году выявил причинно-следственную связь между ангионевротическим отеком и истерией. Д. Тернер (D. Turner) в 1726 году связал появление розовых угрей с процессом горевания. Затем в 1788 году врач У. Фалконер (W. Falconer) выявил взаимосвязь между активностью процессов, протекающих в коже, и нарушением иннервации в поврежденных участках кожи. В 1891 году во Франции два врача-дерматолога (Л. Блок и Л. Жаке) описали взаимозависимость психической переработки информации и хронической экземы. Данный вид экземы получил соответствующее наименование «нейродермит». Немецкий дерматолог и психоаналитик В. Сак (W. Sack) в 1933 году опубликовал статью под названием «Психика и кожа», в которой выдвинул гипотезу о влиянии на развитие кожных заболеваний сразу нескольких факторов: наследственности, окружающей среды, конституциональных характеристик, и наиболее важную роль играет индивидуальный жизненный путь человека. В. Сак обратил особое внимание на когерентность между кожей и психикой, а затем предположил, что состояние кожных покровов отражает психическое состояние человека.

В России также активно проходят исследования в области психодерматологии. А. Г. Полотебнов изучал различные виды дерматозов в связи с заболеваниями внутренних органов и нервной системы. Изучение психосоматики кожных заболеваний также осуществлялось следующими исследователями: Н. М. Рудых, Н. Е. Романова, О. Г. Судакова, А. В. Рожков, С. И. Довжанский, А. Б. Смуглевич и др.

Современные исследования подтверждают идеи о том, что возникновение соматических заболеваний происходит под влиянием интенсивной нагрузки на организм. Сильный стресс истощает организм, компенсаторные способности которого ограничены. В ослабленном организме происходят нарушения на многих уровнях, в том числе

в иммунной и нейроэндокринной системах. Таким образом, стресс запускает механизм истощения и разрушения организма, которое проявляется соматическими нарушениями, в том числе кожными заболеваниями. Так, в 1952 году У. Грейс (W. Grace) и Д. Грэхем (D. Graham) обнаружили, что крапивницей заболевают те люди, которые подвергались жестокому обращению. Все вышеперечисленные кожные заболевания по сей день продолжают изучаться с точки зрения психосоматики. И по-прежнему остается много вопросов [1].

Актуальность проблемы исследования обусловлена в первую очередь тем, что 30 % людей во всем мире страдают кожными заболеваниями и 73–84 % диагностируемых заболеваний являются психосоматическими (ВОЗ). Детальное изучение механизмов психогенного воздействия на кожу позволит выяснить причины и принципы появления заболеваний, скорректировать лечение и ввести профилактические меры для снижения риска развития заболеваний кожи. В настоящее время в меньшей степени изучены особенности ценностно-смысловой сферы и дисфункциональных убеждений людей, страдающих кожными заболеваниями. Данный факт стал решающим при выборе темы исследования. Среди эмоциональных переживаний, способствующих развитию и обострению кожных заболеваний, выделяют подавленные тревогу и агрессию. Агрессия кожных больных обусловлена фрустрированной потребностью в любви и близости. В силу свойств личности, воспитания, внешних ограничений, которые не позволяют направить агрессию во внешний мир, человек обращает ее против себя. Кожный зуд, сопровождающий многие дерматозы, заставляет человека расчесывать кожу, что является выражением аутоагрессии. Расчесывание кожи также доставляет специфическое удовольствие больному, которое заменяет ему фрустрированную потребность в близости [2].

Зачастую больные нейродермитом имеют нервно-психические расстройства, а также проблемы в сфере межличностного взаимодействия. У половины больных нейродермитом обнаруживаются невротические и шизоидные черты характера [3]. У 26 % больных депрессивным психозом обнаруживается хроническая экзема.

В некоторых случаях кожные заболевания являются замаскированными депрессивными состояниями. Зуд, распространяющийся

на все тело или имеющий локализацию, крапивница, нейродермит, экзема и другие кожные заболевания являются эквивалентами психического истощения организма и сопровождаются другими соматическими нарушениями, вызванными стрессом [4].

В. Д. Тополянский и М. В. Струковская отмечают, что в хронификации и рецидивах кожных заболеваний играют главную роль не какие-либо специфические воздействия, соответствующие тому или иному кожному заболеванию, а неспецифические изменения центральной регуляции кожных покровов. Эти неспецифические изменения связаны с тем, что кожные больные обладают эмоциональной нестабильностью [5].

Материалы и методы. Целью исследования является изучение ценностно-смысловой сферы в связи с типом отношения к болезни людей, страдающих психосоматическими кожными заболеваниями. Предмет исследования: взаимосвязь типа отношения к болезни с показателями ценностно-смысловой сферы и дисфункциональными убеждениями больных психосоматическими кожными заболеваниями. Выборка исследования: больные психосоматическими кожными заболеваниями в количестве 70 человек (женщин) в возрасте от 22 лет до 49 лет. Все респонденты имеют психосоматические кожные заболевания (нейродермит, крапивница, дерматомиозит, дерматиты) сроком от 3 месяцев до 13 лет.

В настоящем исследовании использовались: методика психологической диагностики типов отношения к болезни (ТОБОЛ) Л. И. Вассермана, А. Я. Вукса, Б. В. Иовлева и Э. Б. Карповой; тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Дж. Крамбо и Л. Махолика в адаптации Д. А. Леонтьева; шкала базисных убеждений (ШБУ) Р. Янов-Бульмана в адаптации М. А. Падун и А. С. Котельниковой; методика исследования системы жизненных смыслов (СЖС) В. Ю. Котлякова; методика «Ценностные ориентации» М. Рокича.

Результаты. В ходе эмпирического исследования нами была изучена и доказана взаимосвязь компонентов ценностно-смысловой сферы и типов отношения к болезни людей, страдающих психосоматическими кожными заболеваниями. Результаты эмпирического исследования ценностно-смысловой сферы в связи с типом отношения к болезни людей, страдающих психосоматическими кожными

заболеваниями, подтверждают выдвинутые гипотезы и позволяют сделать ряд выводов: наиболее значимой для респондентов является ценность «здоровье», что доказывает влияние ситуации болезни на ценностные ориентации личности.

Для людей с психосоматическими кожными заболеваниями наиболее важными жизненными смыслами являются экзистенциальные, а также смыслы самореализации. Наименьшей значимостью обладают статусные и когнитивные смыслы.

Заключение. Полученные данные могут быть использованы в психодерматологии, а именно при составлении программ профилактики и лечения психосоматических кожных заболеваний, для минимизации негативных психосоматических последствий заболевания. Такие программы могут быть направлены на работу с дисфункциональными убеждениями, коррекцию отношения к заболеванию и внутриличностных особенностей, негативно влияющих на психологическое и соматическое состояние людей, страдающих психосоматическими кожными заболеваниями. В дальнейшем можно сконцентрироваться на углубленном изучении полученных характеристик в связи с половыми, возрастными, интеллектуальными, диагностическими особенностями кожных больных.

Библиографические ссылки

1. *Бройтигам В., Кристиан П., Рад М.* Психосоматическая медицина : кратк. учебник / пер с нем. Г. А. Обухова, А. В. Бруенка ; предисл. В. Г. Остроглазова. М. : ГЭОТАРМЕДИЦИНА, 1999. 376 с.

2. *Менделевич В. Д., Соловьева С. Л.* Неврология и психосоматическая медицина. М. : ИД «Городец», 2016. 596 с.

3. *Пезешкиан Н.* Психосоматика и позитивная психотерапия. М. : Смысл, 2019. 234 с.

4. *Собенников В. С.* Психосоматические аспекты аффективной дисрегуляции и расстройства аффективного спектра : доклад // Психосоматика 2020. Возрастные аспекты психических расстройств и соматических болезней : XV Байкал. межрегион. науч.-практ. конф., 2020. 5 с.

5. *Соколова Е. Т., Николаева В. В.* Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. М. : Аргус, 1995. 269 с.

С. А. Козловский
В. А. Каширин

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

МОЗГОВАЯ АКТИВНОСТЬ ПРИ ЗРИТЕЛЬНОМ ВОСПРИЯТИИ ЖИВЫХ И НЕЖИВЫХ ОБЪЕКТОВ*

Участникам исследования ($N = 13$) предъявлялся набор из 330 изображений в виде черных силуэтов на сером фоне, из них: 156 изображений живого (растения, животные, люди), и 174 — неживого (транспорт, инструменты, посуда и пр.). Обнаружено, что значимое различие ($p < .01$) в вызванных потенциалах на такие группы стимулов наблюдается в виде характерного позитивного компонента P400 в теменных и височных отведениях, который во фронтальных отведениях проявлялся как негативный компонент (Nc).

Ключевые слова: категоризация, вызванные потенциалы, зрительное восприятие, P400, ЭЭГ.

Stanislav A. Kozlovskiy
Vladimir A. Kashirin

*Moscow State University
named after M. V. Lomonosov
Moscow, Russia*

BRAIN ACTIVITY IN VISUAL PERCEPTION OF LIVING AND NON-LIVING OBJECTS

The study participants ($N = 13$) were presented with a set of 330 images in the form of black silhouettes on a gray background, of which: 156 images of living things (plants, animals, people), and 174 images of non-living things (transport, tools, etc.). It was found that a significant difference

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 19-18-00474.

($p < .01$) in evoked potentials to such groups of stimuli was observed in the form of a characteristic positive P400 component in the parietal and temporal channels, which manifested itself as a negative component (Nc) in the frontal channels.

Keywords: categorization, evoked potentials, visual perception, P400, EEG.

Введение. Процесс восприятия практически всегда содержит в себе категоризацию, то есть отнесение воспринимаемого объекта к тому или иному классу. Одной из базовых, эволюционно значимых способностей, является умение быстро отличать живые объекты от неживых, что необходимо, например, для распознавания хищника или потенциальной пищи. Так, показано, что у людей такая способность восприятия возникает еще во младенческом возрасте даже до овладения речью, причем такое различие происходит именно по форме объектов, а не по их движению, текстуре и пр. [1; 2]. В настоящем исследовании мы рассмотрели особенности электрической активности головного мозга взрослых людей при восприятии ими живых и неживых объектов.

Материалы и методы. Участникам исследования ($N = 13$, 19–21 лет, $M = 20,1$ лет, $SD = 0,64$) последовательно предъявлялся набор из 330 изображений, из них: 156 изображений живого (растения, животные, люди), и 174 — неживого (транспорт, инструменты, посуда и пр.). Все изображения представляли собой черные силуэты на сером фоне, которые были вписаны в невидимый квадрат со стороной в 14 угловых градусов. Каждый стимул предъявлялся на 1500 мс. Участники эксперимента должны были отнести объект к категории живого или неживого, нажимая на соответствующую клавишу на клавиатуре. Стимулы предъявлялись в случайном порядке для каждого из участников. Велась запись 19-канальной ЭЭГ. Для каждого участника эксперимента были получены зрительные вызванные потенциалы (ВП) на предъявление изображений, усредненные по категориям живого и неживого.

Результаты. Между полученными вызванными потенциалами для каждого типа стимулов были определены значимые различия отдельно по каждому из ЭЭГ-каналов (t -критерий, $p < .01$). Выз-

ванные потенциалы при восприятии живых и неживых объектов значимо отличались лишь в поздних латенциях от 350 до 500 мс преимущественно в теменных и височных отведениях. Для этих отведений наблюдался характерный позитивный компонент P400, который во фронтальных отведениях проявлялся как негативный компонент (Nc).

Заключение. На первый взгляд кажется странным, что различия наблюдаются именно в поздних компонентах ВП. Хотя, например, дифференциация зрительных стимулов на лица/не лица проявляется значительно раньше, в компоненте N170 [3]. Это можно объяснить тем, что, в отличие от способности реагировать на лица, изучаемая способность гораздо более сложна, так как число возможных форм у живого и неживого огромно и требуется некоторое накопление знаний, чтобы подобная дифференциация была успешна. Так, реагирование на лица наблюдается у детей с 3-месячного возраста [4], тогда как умение различать живое и неживое формируется лишь к 7-месячному возрасту [2]. Соответственно, выявленные поздние латенции позволяют предположить, что дифференцирование объектов на живое и неживое происходит уже после того, как объекты были уже распознаны. В литературе описан выявленный нами характерный компонент P400 для задних отведений и Nc для фронтальных в ряде работ на младенцах [4–7], которым предъявлялись человеческие лица. Авторы таких работ связывают эти компоненты, соответственно, именно с восприятием лиц. Однако более тщательный анализ экспериментальных методик этих исследований показал, что в качестве контроля детям предъявлялись изображения неживых объектов и, соответственно, указанные поздние компоненты в этих экспериментах могут отражать вовсе не особенности восприятия младенцами лиц, а дифференциацию ими живого и неживого. Таким образом, способность различать живое от неживого имеет общие специфические электрофизиологические корреляты как у взрослых, так и у детей, что говорит об общем психофизиологическом механизме, лежащем в ее основе.

Библиографические ссылки

1. *Pauen S.* Evidence for knowledge-based category discrimination in infancy // *Child Development*. 2002. Vol. 73, № 4. P. 1016–1033.
2. The Categorization of Objects With Uniform Texture at Superordinate and Living ; Non-living Levels in Infants: An Exploratory Study / *K. Taniguchi et al.* // *Frontiers in psychology*. 2020. P. 2009.
3. *Eimer M.* The face-sensitivity of the n170 component // *Frontiers in human neuroscience*. 2011. Vol. 5. P. 119.
4. Face-sensitive brain responses in the first year of life / *S. Conte et al.* // *NeuroImage*. 2020. Vol. 211. P. 116602.
5. *Haan de M., Johnson M. H., Halit H.* Development of face-sensitive event-related potentials during infancy // *Infant EEG and Event-Related Potentials*. 2013. P. 77.
6. The neuropsychology of infants' pro-social preferences / *G. Gredebäck et al.* // *Developmental Cognitive Neuroscience*. 2015. Vol. 12. P. 106–113.
7. Charting development of ERP components on face-categorization: Results from a large longitudinal sample of infants / *R. Di Lorenzo et al.* // *Developmental cognitive neuroscience*. 2020. Vol. 45. P. 100840.

Н. Г. Кондратюк
А. В. Бурмистрова-Савенкова
Ю. И. Жемерикина

*Психологический институт РАО
Москва, Россия*

О СПЕЦИФИКИ ОСОЗНАННОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ У ШКОЛЬНИКОВ, ВЫБРАВШИХ РАЗНЫЕ ПРОФИЛИ ОБУЧЕНИЯ*

Исследуется специфика в выраженности регуляторных ресурсов у школьников, обучающихся на различных профилях, при разном уровне их академических достижений. Выявлены различия по показателям осознанной саморегуляции у четырех групп школьников, разделенных в соответствии с четырьмя группами профилей (физико-математическим, химико-биологическим, лингвистическим и гуманитарным). Различия по показателям осознанной саморегуляции установлены внутри каждого из четырех профилей в группах с низкими и высокими баллами, полученными по итогам единого государственного экзамена.

Ключевые слова: осознанная саморегуляция, профили обучения, академические достижения, школьники.

Nailya G. Kondratyuk
Anjelika V. Burmistrova-Savenkova
Yulia I. Zhemerikina

*Psychological Institute of the Russian Academy of Education,
Moscow, Russia*

SPECIFICS OF CONSCIOUS SELF-REGULATION IN SCHOOLCHILDREN WITH DIFFERENT PROFILES OF LEARNING

The study considers specificity of regulatory resources in the schoolchildren educated in various profiles, with different levels of academic achievements. The data analysis revealed the differences in indicators of conscious

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00741.

self-regulation between the four groups of schoolchildren, divided according to their learning profiles (physical and mathematical, chemical and biological, linguistic, and humanitarian). Differences in the indicators of conscious self-regulation were also revealed within each of the four profiled groups between children with low and high scores obtained based on the unified state exam.

Keywords: conscious self-regulation, learning profiles, academic achievements, schoolchildren.

Введение. «Наука и искусство также тесно связаны между собой, как легкие и сердце...» — написал в конце XIX века великий русский писатель Л. Н. Толстой, дав этими словами упреждающий ответ на начавшуюся в конце 50-х годов XX века дискуссию о значимости «физиков» и «лириков», естественно-научного и гуманитарного знания [1, с. 202]. Но тем не менее каждому человеку рано или поздно приходится выбирать, какому знанию отдать предпочтение, по какому профессиональному пути пойти, какой выбрать профиль обучения в школе и направление обучения в вузе. Этот выбор сопровождается, как правило, множеством вопросов. И чтобы понять, что стоит за этим выбором, исследователи все чаще обращаются к механизмам осознанной саморегуляции поведения. Внимание уделяется включенности конструкта саморегуляции в процесс первичного выбора профессии [2], взаимосвязи саморегуляции с карьерными устремлениями и ожиданиями молодежи [3], влиянию саморегуляции на процесс профессионального развития и становления в целом [4].

Материалы и методы. Цель презентуемого исследования — провести сравнительный анализ данных о специфике регуляторных ресурсов у школьников различных профилей обучения при разном уровне их академических достижений.

Выборку исследования составили 260 учащихся 11-х классов, выпускников российских школ.

Для диагностики уровня развития общей способности к осознанной саморегуляции и ее индивидуальных особенностей, устойчиво проявляющихся в различных видах произвольной активности и жизненных ситуациях, использовался опросник В. И. Моросано-

вой «Стиль саморегуляции поведения — ССПМ 2020» [5]. Индикатором академических достижений выступал общий балл по ЕГЭ, рассчитанный как сумма результатов ЕГЭ по русскому языку (обязательный предмет для всех) и двум предметам по выбору самих выпускников.

Результаты. По уровню академических достижений были выделены две крайние группы: с высоким и низким общим баллом ЕГЭ. Далее были отдельно исследованы особенности саморегуляции у школьников, выбравших различные профили обучения (физико-математический, химико-биологический, лингвистический и гуманитарный), в крайних группах по ЕГЭ. В результате проведенных статистических процедур при сравнении групп с высокими и низкими баллами по ЕГЭ (U-тест по методу Манна — Уитни) у школьников всех четырех профилей были обнаружены значимые различия по общему уровню осознанной саморегуляции, который выступает в качестве универсального регуляторного ресурса, способствующего успешности сдачи итогового тестирования. Данный ресурс определяется развитостью у человека общей способности саморегуляции как концептуализированного опыта самоорганизации достижения целей в различных областях жизнедеятельности человека [2]. При этом в каждом профиле обучения наблюдается различная специфика в регуляторных средствах (когнитивно-регуляторных процессах планирования целей, моделирования значимых условий их достижения, программирования действий, оценивания результатов и личностно-регуляторных свойствах гибкости, надежности, настойчивости), которыми характеризуются учащиеся с разным уровнем академических достижений. Так, между крайними группами по ЕГЭ в гуманитарном профиле обучения, кроме общего уровня саморегуляции, были обнаружены различия по показателям планирования и гибкости. В лингвистическом профиле — по общему уровню саморегуляции, оцениванию результатов и настойчивости. В физико-математическом профиле — по общему уровню саморегуляции, моделированию, гибкости и надежности. В химико-биологическом профиле — по общему уровню саморегуляции и моделированию. Таким образом, рассматривая специфику саморегуляции достижения академических целей учащихся, обучающихся по разным профилям,

можно говорить о специальных регуляторных ресурсах. Специальный регуляторный ресурс связан с достижением определенных целей в определенных областях или сферах деятельности человека и может соответствовать лишь одной узкой цели или конкретной задаче [2]. Справедливо отметить, что обнаруженные тенденции согласуются с проведенными ранее исследованиями регуляторных аспектов успешной подготовки к сдаче итогового тестирования как отдельно по русскому языку, математике, так и по ЕГЭ в целом [2], а также вклада осознанной саморегуляции в академическую успешность и овладение различными школьными дисциплинами [6; 7]. Полученные в данном исследовании результаты подтверждают и развивают выявленные ранее закономерности.

Заключение. Ограничения связаны с небольшим для задач исследования размером выборки и отсутствием пролонгированного изучения специфики саморегуляции в отдельно взятом профиле обучения на одних и тех же учащихся и при разном (высоком, среднем, низком) уровне академических достижений.

Дальнейшие перспективы связаны со снятием описанных выше ограничений за счет увеличения выборки учащихся и проведения лонгитюдного исследования.

Библиографические ссылки

1. Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 22 т. М. : Худ. лит-ра, 1983. Т. 15.
2. Моросанова В. И. Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // Вестн. Моск. ун-та. Серия 14. Психология. 2021. № 1. С. 4–37.
3. Great expectations: Adolescents' intentional self-regulation predicts career aspiration and expectation consistency / С. М. Napolitano, К. А. Hoff, С. W. J. Ming et al. // Journal of Vocational Behavior. 2020. № 120.
4. Моросанова В. И., Кондратюк Н. Г. Вклад осознанной саморегуляции и личностных черт в профессионально-ориентированные ресурсы обучающихся // Педагогика. 2022. Т. 86, № 2. С. 18–36.
5. Моросанова В. И., Кондратюк Н. Г. Опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения — ССПМ 2020» // Вопр. психологии. 2020. № 4. С. 155–167.

6. *Бондаренко И. Н.* Специальные регуляторные ресурсы успешности по русскому языку в средней школе // *Ананьевские чтения — 2021 : материалы междунаро. науч. конф.* / под общ. ред. А. В. Шаболтас ; отв. ред. В. И. Прусаков. СПб., 2021. С. 541–542.

7. *Фомина Т. Г.* Когнитивные способности, интеллект и осознанная саморегуляция: особенности совместной детерминации математической успешности старшеклассников // *Первый Национальный конгресс по когнитивным исследованиям, искусственному интеллекту и нейроинформатике. Девятая международная конференция по когнитивной науке : сб. науч. трудов : в 2 ч.* М., 2021. С. 271–274.

А. И. Котюсов
Д. А. Касанов
А. И. Косаченко
А. С. Гашкова
Ю. Г. Павлов

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ КАК ФАКТОРЫ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ОБЪЕМЕ ВЕРБАЛЬНОЙ РАБОЧЕЙ ПАМЯТИ

В работе представлено исследование связи исполнительных функций, таких как контроль внимания и селективное внимание, с емкостью рабочей памяти. Результатом исследования является модель с латентными переменными, описывающая взаимосвязь трех конструктов.

Ключевые слова: рабочая память, когнитивный контроль, контроль внимания, селективное внимание, факторный анализ.

Alexander I. Kotyusov
Dauren A. Kasanov
Alexandra I. Kosachenko
Anastasia S. Gashkova
Yuri G. Pavlov

*Ural Federal University named
after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia*

EXECUTIVE FUNCTIONS AS FACTORS OF INDIVIDUAL DIFFERENCES IN VERBAL WORKING MEMORY

The article presents a study of the relationship of executive functions, such as attention control and selective attention, with working memory

capacity. The result of the study is a latent variables model that describes the relationship of these three constructs.

Keywords: working memory, cognitive control, attentional control, selective attention, factor analysis.

Введение. Среди большинства теорий, которые ставят вопрос о природе рабочей памяти, можно выделить три основных направления: теории, в которых рабочая память рассматривается как проявление общего механизма запоминания и научения [1–2]; теории, рассматривающие рабочую память как независимый конструкт, и теории, которые связывают рабочую память непосредственно с функционированием управляющего внимания [3; 4]. Несмотря на многообразие теорий рабочей памяти и кажущуюся несогласованность между ними, наблюдаются сходства в выделении психологических конструктов и процессов, которые могут обеспечивать ее устройство. Исследователи соглашаются, что индивидуальные различия в рабочей памяти зависят от трех когнитивных процессов: удержания информации в рабочей памяти, фильтрации нерелевантной сенсорной информации и управления удержанием и обработкой информации.

Целью исследования было определить вклад различных факторов в индивидуальные различия в объеме рабочей памяти с применением факторного анализа.

Материалы и методы. Выборка составила 135 испытуемых со средним возрастом $20,3 \pm 2,14$ лет, из которых 83 женщины; с правым доминантным глазом 84. Испытуемые не имели психических или неврологических отклонений в анамнезе и имели нормальное или скорректированное до нормального зрение.

Основная часть включала в себя выполнение семи когнитивных тестов. Тесты предъявлялись участникам в случайном порядке. Перед каждым тестом на экране демонстрировалась инструкция. После каждого теста у участника была возможность сделать перерыв.

В исследовании использовались следующие тесты:

1. Тест «Стандартные прогрессивные матрицы Равена» для оценки флюидного интеллекта. Для исследования были взяты значения баллов IQ.

2. Тест Струпа — оценка способности к когнитивному контролю. В исследовании использовался тест с тремя параметрами: одинаковое число конгруэнтных и инконгруэнтных предъявлений — классический тест; 75 % конгруэнтных и 25 % инконгруэнтных — оценка реактивного контроля; 25 % конгруэнтных и 75 % инконгруэнтных — оценка проактивного контроля. Для анализа использовалась доля правильных ответов и Струп эффект — разница между временем реакции на конгруэнтные и инконгруэнтные стимулы.

3. Тест антисаккад — оценка способности к торможению автоматического ответа. Для анализа использовалось количество правильных ответов и время реакции.

4. Зрительный поиск — оценка селективного внимания. Для анализа использовалось количество правильных ответов и время реакции.

5. Задание на определение «объема операций» (operational span task) — двойная задача для оценки функционирования рабочей памяти. Для анализа использовалось количество правильных ответов и время реакции.

6. Задача на избирательные зрительные массивы — оценка объема зрительной рабочей памяти. Для анализа использовалось количество правильных ответов, время реакции и емкость хранилища $K = N(H-FA)$, где N — количество объектов, которые необходимо запомнить, H — количество попаданий и FA — количество ложных срабатываний.

7. Тест запоминание ряда цифр — оценка объема вербальной рабочей памяти. Объем определялся как количество цифр, которое участник мог удержать в памяти и после воспроизвести полностью и в правильном порядке.

Для исследования взаимосвязи между показателями тестов был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена. С целью определения факторов, определяющих индивидуальные различия в объеме вербальной рабочей памяти, был проведен эксплораторный факторный анализ. Оценка выборочной адекватности проводилась при помощи критерия Кайзера — Мейера — Олкина. Факторный анализ был выполнен с использованием трех факторов, выявленных с помощью

параллельного анализа Хорна [5]. Процедура вращения проходила методом Varimax («варимакс») с максимальным количеством итераций 300 и итерационным методом минимальных невязок. Предобработка данных и статистический анализ производились средствами системы статистического программирования R [6]. Оценка адекватности выборки, необходимого количества факторов и факторный анализ были проведены с использованием функций из библиотеки psych (версии 2.2.5).

Результаты. В результате корреляционного анализа была найдена значимая положительная корреляция между индивидуальным объемом рабочей памяти и баллами IQ ($r_s = 0,3$), правильностью воспроизведения ряда в задаче на определение «объема операций» ($r_s = 0,26$), правильностью выполнения теста антисаккад ($r_s = 0,29$) и приведенным объемом зрительного хранилища ($r_s = 0,22$).

Полученная в результате факторного анализа модель была значима, что подтверждалось значением $\chi^2 = 70,6$, $p < 0,044$, индекс RMSEA = 0,051, что говорит о приемлемом качестве модели. К первому фактору были отнесены время реакции в тесте антисаккад, в задаче на избирательные зрительные массивы и в зрительном поиске; второй фактор включал в себя количество правильных ответов в тесте антисаккад, объем зрительного хранилища, коэффициент IQ, количество правильных ответов в задаче на определение «объема операций» и объем рабочей памяти; в третий фактор были выделены правильные ответы в тесте Струпа.

Заключение. Анализ факторизации переменных позволяет сделать следующие выводы. Объем рабочей памяти в разных тестах выделяется в один фактор (второй). Кроме того, этот фактор включает в себя и тест антисаккад, связанный с функционированием когнитивного контроля. Первый фактор может быть связан как со скоростью обработки информации, так и с эффективностью работы селективного внимания. Отрицательная связь первого фактора со вторым, который можно назвать «фактором рабочей памяти», показывает вклад селективного внимания в функционирование рабочей памяти.

Библиографические ссылки

1. *Ericsson K. A., Kintsch W.* Long-term working memory // *Psychological Review*. 1995. Vol. 102, № 2. P. 211–245.
2. *Jacoby L. L.* A process dissociation framework: Separating automatic from intentional uses of memory // *Journal of Memory and Language*. 1991. Vol. 30. A process dissociation framework. № 5. P. 513–541.
3. *Cowan N.* An Embedded-Processes Model of Working Memory // *Models of Working Memory* / eds. A. Miyake, P. Shah. Cambridge University Press, 1999. P. 62–101.
4. *Engle R. W.* Working Memory Capacity as Executive Attention // *Current Directions in Psychological Science*. 2002. Vol. 11, № 1. P. 19–23.
5. *Horn J. L.* A rationale and test for the number of factors in factor analysis // *Psychometrika*. 1965. Vol. 30, № 2. P. 179–185.
6. R Core Team. R: A language and environment for statistical computing; 2018.

Д. А. Кох
П. Р. Тютюнников
Д. Ю. Баланев

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Томск, Россия*

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН ИССЛЕДОВАНИЯ АНСАМБЛЕВОГО ВОСПРИЯТИЯ

В тезисах представлены теоретические предложения по созданию экспериментального дизайна для исследования ансамблевого восприятия. Предложен вариант нового экспериментального дизайна для исследования итеративного процесса статистической репрезентации ансамблей. Рассматривается вопрос о влиянии моторной активности на процесс извлечения зрительной статистики.

Ключевые слова: восприятие зрительных ансамблей, статистические репрезентации, чувство числа, сводные статистики, категоризация.

Dmitry A. Koch
Petr R. Tyutyunnikov
Dmitry Yu. Balanev

*National Research Tomsk State University
Tomsk, Russia*

THE EXPERIMENTAL DESIGN OF ENSEMBLE PERCEPTION RESEARCH

The authors make suggestions related to conducting experimental research of ensemble perception. The proposed experimental design aims to investigate iterative processing of statistical ensembles representation. The authors consider how motor activity during ensemble coding may affect its results.

Keywords: ensemble perception, statistical representation, approximate number, summary statistics, categorization.

Введение. Зрительное восприятие окружающего мира является важнейшей человеческой способностью, которая имеет множество ограничений на количество одновременно обрабатываемых объектов [1]. Тем не менее психика способна преодолевать естественные ограничения зрительной системы, чтобы эффективно решать когнитивные задачи, которые ставятся перед ней ежедневно [2]. Для преодоления данных ограничений у психики присутствует способность извлекать и суммировать статистические свойства зрительной сцены [3]. В современной литературе данная способность формировать репрезентацию аппроксимированных свойств называется восприятием ансамблей [4].

Анализ современной литературы позволил выделить ограничение в изучении зрительной репрезентации ансамблей. Большая часть исследований статистической репрезентации ансамблей происходит с предъявлением стимульного материала на экране монитора. В отличие от искусственного дисплея, использующегося в множестве лабораторных экспериментов, реальные сцены являются последовательными, т. е. развиваются в ходе обработки новой информации [5]. Таким образом, использование статичных экранов не дает возможности физического манипулирования множеством объектов, из-за чего изучению этого фактора не уделялось должного внимания.

Цель исследования состоит в выявлении отличий извлечения сводной статистики множества объектов на дисплее от извлечения сводной статистики множества физических объектов с возможностью манипулирования ими. Также особенности извлечения сводной статистики в физическом мире сравниваются с данными, полученными в виртуальной реальности (VR).

Методы. Отправной точкой нашего исследования является создание экспериментальной ситуации с использованием стимульного материала, позволяющего измерять эффективность зрительной репрезентации ансамблей как в физическом плане с возможностью манипулирования объектами, так и в виртуальном пространстве. Когнитивные категории, по которым различаются элементы стимульной ситуации, используются в качестве независимой переменной. Зависимые переменные в данном случае, кроме результативности и времени решения, представлены характеристиками

двигательной активности глаз и рук испытуемых, используемыми для реконструкции различных стратегий решения диагностической задачи. Для построения экспериментальной ситуации нами были созданы прототипы устройств, позволяющих предоставить участникам эксперимента физический и виртуальный стимульный материал. Для сбора данных используется eye-tracking SMI 500, устройство электромагнитного трекинга двигательной активности, вербальный отчет участников.

Используя специально сконструированный стимульный материал, участники должны за максимальное короткое время с максимальной точностью определить количество объектов в множестве, а также их соотношение. Проведение исследования предполагает последовательное предъявление респондентам стимульного материала в виде:

1. Устройства для диагностики и формирования навыков сравнения количества элементов различных множеств (патент RU 142243 U1), содержащего в себе несколько наборов элементов, представляющих различные когнитивные категории, такие как форма, цвет и т. д.

2. Планшета с программным обеспечением, специально созданного для исследовательских целей эксперимента, повторяющего стимульный материал из предыдущей серии. Программное обеспечение учитывает угол наклона, чтобы множество объектов с различными свойствами могли приходиться в движение на экране планшета.

3. Компьютера со статическим стимульным материалом, предъявляемого участникам на 500 мс, после чего идет маска на 1000 мс. В конце участники отмечают среднее количество объектов в подмножестве.

4. VR-устройства, посредством которого участник погружается в виртуальную среду со стимульным материалом, которым он может манипулировать благодаря контроллерам.

Респонденту будет предложено дать обратную связь относительно:

1. Общего количества объектов в множестве.
2. Количества объектов различных цветов.
3. Количества элементов различной формы.

4. Соотношения подмножеств элементов различных когнитивных категорий в их полном множестве.

Результаты. Предполагаемые результаты исследования помогут изучить взаимосвязь между физическим манипулированием объектами и зрительной репрезентацией ансамблей, когда возможность человека точно подсчитать количество объектов в множестве ограничено или очень осложнено. Результаты исследования будут способствовать определению степени влияния физического манипулирования объектами на эффективность зрительной репрезентации ансамблей. Также ожидаемые результаты могут способствовать исследованию процесса зрительной категоризации, когда формирование двух распределений признака позволяет объектам сегментироваться и образовывать различные категориальные множества.

Библиографические ссылки

1. *Scimeca J. M., Franconeri S. L.* Selecting and tracking multiple objects // WIREs Cognitive Science. 2015. № 6(2). P. 109–118.
2. *Cowan N.* The Magical Mystery Four: How is Working Memory Capacity Limited, and Why? // Current directions in psychological science. 2010. № 19(1). P. 51–57.
3. *Cohen M. A., Dennett D. C., Kanwisher N.* What is the Bandwidth of Perceptual Experience? // Trends in cognitive sciences. 2016. № 20(5). P. 324–335.
4. *Whitney D., Yamanashi Leib A.* Ensemble Perception // Annual Review of Psychology. 2018. № 69. P. 105–129.
5. *Chetverikov A., Campana G., Kristjánsson A.* Building ensemble representations: How the shape of preceding distractor distributions affects visual search // Cognition. 2016. P. 196–210.

Е. А. Кузнецова

Е. В. Зиновьева

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

ПРИВЕРЖЕННОСТЬ ЦЕННОСТНЫМ ПОСЛАНИЯМ ЛИДЕРОВ МНЕНИЙ ПОКОЛЕНИЯ Z: ВОЗРАСТНОЙ АСПЕКТ*

В настоящем исследовании выделены ценностные послания, транслируемые лидерами мнений поколений Z своей аудитории. На выборке в 2 087 человек — представителей поколения Z, и 197 человек — представителей поколения Y проведен внутр поколеный и межпоколеный анализ согласия с этими посланиями. Выделены послания, в большей мере поддерживаемые поколением Z вне зависимости от возраста, а также описаны некоторые внутр поколеные возрастные различия.

Ключевые слова: подростки, поколение Z, ценностные послания, лидеры мнений в цифровой среде.

Elena A. Kuznetsova

Elena V. Zinovyeva

Saint-Petersburg State University;

Saint-Petersburg, Russia

COMMITMENT TO THE VALUE MESSAGES OF GENERATION Z OPINION LEADERS: AGE ASPECT

This study highlights the value messages broadcast by generation Z opinion leaders to their audience. On a sample of 2,087 Gen Z and 197 Gen Y, intragenerational and intergenerational analysis of agreement with these messages was conducted. The messages that are mostly supported by gen-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-013-00738 «Влияние мнения лидера поколения в цифровой среде на ценностные установки поколения Z».

eration Z, regardless of age, are highlighted, and some intragenerational age differences are described.

Keywords: teenagers, generation Z, value messages, opinion leaders in the digital environment.

Введение. Цифровое пространство стало расширением жизненного пространства человека, а для молодого поколения — поколения Z — оно является неотъемлемой частью их жизни. Онлайн-пространство начинает рассматриваться ими как ресурс для преадаптивности личности [1]. Различные авторы отмечают, что к особенностям поколения Z относятся свободное взаимодействие с цифровой средой, активная онлайн-жизнь, стремление оставаться на связи, высокая мобильность, автономность, быстрая смена целей и предпочтений [2]. Эти особенности распространяются на все сферы жизни и деятельности молодых людей поколения Z, и, соответственно, этим особенностям иначе, чем родительским поколением, начинает восприниматься окружающая действительность.

Значительную часть времени современные подростки и молодые люди, относимые к поколению Z, проводят в цифровом пространстве, где формируется своя среда, со своими правилами, нормами, ценностями, сообществами и лидерами мнений. Одновременно с этим авторы отмечают, что именно среда и культура, в которой подросток проводит время, в значительной мере формируют его собственную систему ценностей и оказывают влияние на дальнейшее поведение человека и его отношение к себе, другим и миру [3]. Таким образом, актуальным становятся вопросы: какие ценности транслируются лидерами мнений поколения Z в онлайн-пространстве? Насколько эти ценности похожи или отличны от ценностей родительского поколения? И главное, насколько представители поколения Z поддерживают мнения цифровых лидеров мнений и насколько подвержены их влиянию? Эти исследовательские вопросы были обозначены в настоящем исследовании.

Материалы и методы. Исследование проходило в несколько этапов. На первом этапе при помощи опроса представителей поколения Z ($N = 1084$) были выделены лидеры мнений поколения Z в цифровой среде. На втором этапе были проанализированы ви-

деоматериалы, выпускаемые выявленными лидерами, и интервью с ними же с целью выделения ценностных посланий, транслируемых лидерами. Послания, сформированные на основе цитат лидеров, проходили через процедуру экспертной оценки. На третьем этапе оценивалась степень согласия представителей поколения Z ($N = 789$) с выделенными посланиями в зависимости от возраста, места проживания и гендерной принадлежности. Всего в исследовании приняло участие 2 087 человек — представители поколения Z (ср. возраст $16,75 \pm 4,2$ лет) и 197 человек — представители поколения Y (ср. возраст $41,25 \pm 5,7$ лет). Также было проанализировано 546 видеоматериалов, размещенных установленными в ходе исследования лидерами мнений поколения Z, и 72 часа интервью с ними.

Результаты. Нами было выделено 17 блогеров, полностью отвечающих критериям лидера мнений в цифровой среде, чей контент включал в себя ценностные послания, методология и результаты данного этапа были подробно описаны нами ранее [4]. В ходе контент-анализа было выделено 568 цитат, из них 230 относились к сфере профессионального самоопределения и самореализации, 211 — цитаты о самопрезентации и образе жизни, 127 — цитаты, связанные с темой отношений. В итоговый список обобщенных утверждений вошли 37 ценностных посланий в трех сферах. В новом опросе данные послания предлагались к оценке по 7-балльной шкале Лайкерта, где 1 — совершенно не согласен, 7 — полностью согласен. Представители поколения Z были преимущественно или полностью согласны со всеми утверждениями: средняя оценка утверждений колебалась от $4,33 \pm 1,9$ до $6,74 \pm 0,7$. Наибольшее согласие было выражено в отношении утверждений, транслирующих ценность собственного выбора, личной свободы и ответственности за свое дело, свои выборы, свою жизнь в разных сферах. Это такие утверждения, как «нужно брать на себя ответственность за свою жизнь», «в отношениях нужно оставаться верным себе: своим интересам, желаниям и саморазвитию», «у человека должна быть свобода делать со своей внешностью и телом все, что хочется» и другие. Средняя оценка согласия с этими утверждениями была больше шести баллов. Наименьшее согласие было выражено в отношении утверждений, касающихся стабильности и негибкости жизненных выборов: «от-

ношения должны быть крепкими и одни на всю жизнь», а также утверждения, касающиеся приватности личной жизни: «отношения не нужно выставлять напоказ», «зарабатывать на хайпе — не круто». Средняя оценка согласия с данными утверждениями была от 4,33 до 4,78 баллов.

Для выявления поколенных различий в приверженности транслируемым ценностям был проведен сравнительный анализ поколений Z и Y. Были выявлены различия, которые были обобщены и факторизованы в пять факторов, характеризующих отличительные для поколения Z в сравнении с более старшим поколением ценностные послания:

- более выраженная ценность личной свободы (объясняет 14,5 % дисперсии),
- более низкая (в сравнении с родительским поколением) ответственность за то, что ты делаешь (12,3 %),
- более высокая ценность профессиональной самореализации (10,2 %),
- более внимательный подход к выбору партнера и подготовка к отношениям (8,6 %)
- более выраженное стремление к индивидуальному успеху (8,3 %).

Для выделенных факторов была проанализирована степень согласия транслируемому мнению лидеров поколения в цифровой среде у представителей поколения Z в зависимости от возраста, однако достоверных различий не было выявлено, что говорит о том, что, вероятно, были найдены ценности и установки, свойственные всему поколению и описывающие его особенности. При дополнительном сравнительном анализе оценок каждого из утверждений, выявлены отдельные отличия по некоторым из них, связанные, вероятно, с общевозрастными закономерностями. Так, с возрастом снижается степень согласия с утверждением «работу нужно делать так, чтобы не было стыдно», также снижается степень согласия с утверждением «в жизни важно заниматься тем, что тебе по-настоящему нравится», «быть успешным — это делать то, что тебе хочется, и получать за это хорошие деньги». Это может указывать на постепенный переход от идеализации будущего и гедонистиче-

ских представлений о деятельности, свойственных более младшей возрастной группе (15–17 лет), к более реалистичным представлениям у более взрослых молодых людей (18–24 года).

Заключение. Таким образом, в настоящем исследовании были выделены ценностные послания, транслируемые лидерами мнений поколений Z своей аудитории, проведен внутр поколенный и межпоколенный анализ согласия с этими посланиями. Выделены послания, в большей мере поддерживаемые поколением Z вне зависимости от возраста, а также описаны некоторые внутр поколенные возрастные различия.

Библиографические ссылки

1. *Асмолов А. Г.* Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива // *Вопр. психологии.* 2019. № 4. С. 1–26.
2. *Кулакова А. Б.* Поколение Z: теоретический аспект // *Вопр. территориального развития.* 2018. № 2 (42). С. 1–10. DOI: 10.15838/tdi.2018.2.42.6
3. *Зайцева Н. А.* Теория поколений: мы разные или одинаковые? // *Рос. регионы: взгляд в будущее.* 2015. № 2 (3). С. 220–236
4. *Зиновьева Е. В., Кузнецова Е. А.* Отношение молодых людей к гендерным установкам, транслируемым лидерами мнений в русскоязычном сегменте социальной сети YouTube // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Психология.* 2020. Т. 10. Вып. 2. С. 142–157.

Т. А. Кузнецова
И. В. Грандильевская

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ПАЦИЕНТОВ С РАССЕЯННЫМ СКЛЕРОЗОМ

Целью исследования является изучение уровня качества жизни пациентов с рассеянным склерозом и его связи с эмоциональным состоянием и уровнем страха негативной оценки. Для оценки использованы социально-биографическая анкета; госпитальная шкала тревоги и депрессии; краткий опросник качества жизни ВОЗ; опросник жизнестойкости Осина — Рассказовой. Уровень качества жизни пациентов ниже по сравнению с контрольной группой ($p = 0,013$), также он положительно коррелирует с показателями жизнестойкости ($p = 0,000$).

Ключевые слова: рассеянный склероз, медицинская психология, качество жизни, клиническая психология.

Tatina A. Kuznetsova
Irina V. Grandilevskaya

St. Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia

QUALITY OF LIFE IN MULTIPLE SCLEROSIS PATIENTS

The aim of the study is to study the level of quality of life in patients with multiple sclerosis and its correlation with the emotional state and level of vitality. For the assessment we used a socio-biographical questionnaire, HADS, the WHO Brief Quality of Life Questionnaire, the Osin-Rasskazova Resilience Questionnaire. The level of quality of life of patients is lower compared to the control group ($p = 0.013$), it also positively correlates with indicators of vitality ($p = 0.000$).

Keywords: multiple sclerosis, medical psychology, quality of life, clinical psychology.

Введение. Рассеянный склероз (РС) — аутоиммунное демиелинизирующее заболевание центральной нервной системы. Симптоматика РС крайне разнообразна. Наиболее часто наблюдаются двигательные нарушения (невозможность пошевелить конечностью, слабость в ней, высокая утомляемость и т. д.), тактильные нарушения (отсутствие чувствительности, ее снижение, онемение), нарушения зрения (выпадение поля, слепота) и слуха (снижение слуха/глухота), нарушение равновесия («пьяная походка», головокружения) и другие.

Существует несколько форм течения заболевания. Ремиттирующая форма характеризуется обострениями, между которыми не наблюдается ухудшение состояния пациента. После обострений восстановление нарушенных функций может быть полным или частичным. Вторично-прогрессирующая форма отличается тем, что между обострениями выявляется постепенное ухудшение состояния, затем нарастание симптомов происходит постепенно, без четких границ обострения. Первично-прогрессирующая форма течения РС отличается ухудшением с момента появления симптомов без выделенных ремиссий, однако бывают и периоды стабилизации состояния [1].

Рассеянный склероз относится к неизлечимым заболеваниям, однако существуют препараты, изменяющие течение РС (ПИТРС). Также разработаны методы физической и когнитивной реабилитации, применяющиеся в специализированных центрах. Перечисленные методы обладают разной эффективностью для пациентов, не существует универсальных препаратов даже в рамках определенного типа течения заболевания.

В связи с ранним дебютом заболевания в возрасте от 18 до 25 лет и характером течения РС, безусловно, значительно влияет на работоспособность и качество жизни пациентов (КЖ). По последним данным, последний показатель растет на протяжении нескольких лет. Предположительно, это связано с повышением качества медицинской помощи, более ранней диагностикой, а также с развитием междисциплинарных программ реабилитации [2].

Методы. При проведении исследования использованы следующие клинико-психологические методы: социально-биографическая

анкета; шкала страха негативной оценки; краткий опросник качества жизни ВОЗ; госпитальная шкала тревоги и депрессии; тест жизнестойкости в версии Осина — Рассказовой. При проведении анализа результатов использованы такие математико-статистические методы как t -критерий Стьюдента, критерий Манна — Уитни и критерий Спирмена.

В исследовании приняли участие 32 пациента, средний возраст — 31,1 год. Среди них 9 мужчин (29 %) и 23 женщины (71 %). При анализе результатов пациенты были также объединены в несколько групп по длительности заболевания: 8 (25 %) участникам РС диагностировали менее года назад, 12 (37,5 %) — от 1 года до 3 лет назад, 12 (37,5 %) — более 3 лет назад.

В контрольную группу вошло 33 человека, 11 (33,3 %) мужчин и 22 (66,6 %) женщины. Средний возраст участников составляет 34 года.

Результаты. Пациенты с рассеянным склерозом оценивают субъективное качество жизни ниже по сравнению с контрольной группой по общей шкале ($p = 0,013$), по шкале психологического и физического благополучия ($p = 0,00$) и микросоциального благополучия ($p = 0,017$).

На уровне статистической тенденции обнаруживается различие между показателями жизнестойкости: общий балл в группе больных ниже, чем в контрольной ($p = 0,085$). Значения шкалы «Принятие риска» в рамках методики «Жизнестойкость» выше у условно здоровых людей по сравнению с больными РС ($p = 0,004$).

Внутри группы пациентов страх негативной оценки выше ($p = 0,025$) у пациентов с давностью заболевания менее года по сравнению с пациентами, которым диагностировали РС более трех лет назад. На уровне статистической тенденции показатели жизнестойкости «Принятие риска» и «Вовлеченность» у последней группы выше, чем у первой ($p = 0,069$ и $p = 0,082$ соответственно).

Корреляционный анализ проводился для установления взаимосвязей внутри группы пациентов. Обнаружена статистически значимая обратная корреляция между шкалой выраженности депрессивной симптоматики и показателями КЖ (от $p = 0,000$ до $p = 0,001$, $p = 0,081$). И прямая взаимосвязь между всеми шка-

лами «Краткого опросника качества жизни» и теста «Жизнестойкость» (от $p = 0,000$ до $p = 0,042$) за исключением шкал «Восприятие» последней методики и «Социального благополучия» первой: корреляция установлена на уровне статистической тенденции ($p = 0,068$).

Аналогичная взаимосвязь установлена между шкалами «Госпитальной шкалы тревоги и депрессии» и «Теста жизнестойкости» (от $p = 0,000$ до $p = 0,016$). Статистически достоверно можно утверждать взаимосвязь между показателями «Страха негативной оценки» и шкалами теста «Жизнестойкость» (от $p = 0,001$ до $p = 0,012$).

Методика «Страх негативной оценки» в группе пациентов обратно коррелирует с возрастом больных ($p = 0,024$), а также взаимосвязана с эмоциональным состоянием пациентов ($p = 0,005$, $p = 0,032$).

Заключение. Проблема качества жизни пациентов с РС все чаще поднимается в научном мире, однако не исследуются взаимосвязи с психологическими особенностями пациентов [2].

Согласно результатам проведенного исследования, можно утверждать, что КЖ больных значительно ниже, чем у здоровых людей. Также у пациентов ниже некоторые показатели жизнестойкости по сравнению с контрольной группой.

КЖ также взаимосвязано с эмоциональным состоянием и социальной сферой у пациентов. Так, чем более выражена депрессивная симптоматика, тем ниже КЖ и показатели жизнестойкости, которые являются взаимозависимыми характеристиками по результатам и некоторых других исследований [3].

Кроме того, страх негативной оценки со стороны окружающих взаимосвязан у пациентов с показателями жизнестойкости: чем выше первый показатель, тем ниже второй. Более высокие значения этого показателя у пациентов с давностью заболевания менее года по сравнению с пациентами с давностью заболевания более трех лет, предположительно, связана с адаптацией последних к проявлениям РС.

Так, чем выше уровень жизнестойкости пациентов, тем выше они оценивают качество жизни. Предположительно, активная жизненная позиция позволяет более активно взаимодействовать с ситуацией и средой, способствуя ускорению адаптации. На субъ-

активный уровень качества жизни негативное влияние оказывает выраженность депрессивной симптоматики, так как негативизм — один из симптомов этого эмоционального состояния.

Библиографические ссылки

1. *Абдурахманова Р. Ф., Иззатов Х. Н., Хадибаева Г. Б.* Рассеянный склероз: этиология, патогенез и клиника (часть I) // Вестн. последиплом. образования в сфере здравоохранения. 2016. № 3. С. 68–74.

2. Улучшение показателей качества жизни больных рассеянным склерозом за 15-летний период / О. В. Бойко и др. // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2018. Т. 118, № 8–2. С. 23–28.

3. *Шаймухаметова С. Ф.* Удовлетворенность качеством жизни как коррелят жизнестойкости личности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8, № 2 (27). С. 406–408.

А. Ю. Кузьмин

Е. А. Родионова

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ В ОРГАНИЗАЦИИ (на примере российской нефтеперерабатывающей компании)

В работе изучаются психологические характеристики сотрудников одной из крупнейших российских компаний. В выборке из 96 операторов нефтеперерабатывающих установок выявлены положительные связи оценки уровня культуры безопасности с внутренними стремлениями сотрудников и их вовлеченностью в работу и отдельные организационные процессы. Обсуждаются вопросы управления безопасностью и дальнейшая перспектива исследований.

Ключевые слова: безопасность, культура безопасности, травматизм, менеджмент безопасности, вовлеченность.

Andrey Y. Kuzmin

Elena A. Rodionova

Saint-Petersburg State University

Saint-Petersburg, Russia

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF EMPLOYEES' SAFETY CULTURE IN ORGANIZATIONS (Evidences From Russian Oil-Refinery)

The paper aims to investigate employees' psychological characteristics with their respect to the safety culture. Empirical study (96 respondents) revealed positive relations between intrinsic motivation and safety culture level, work engagement and organizational one. The discussion on this topic is provided.

Keywords: safety culture, safety, injury, safety management, engagement.

Введение. Проблема безопасности является чрезвычайно актуальной. Многие организации уделяют самое пристальное внимание вопросам минимизации рисков и предотвращения аварийных ситуаций. По данным Росстата, в 2021 году при несчастных случаях на производствах пострадало 21 600 человек (порядка 60 человек ежедневно!) [1]. Для решения задач, связанных с обеспечением безопасности, специалистами по охране труда и управлению персоналом проводится диагностика персонала, реализуются кадровые мероприятия. Особую роль в области безопасности в организациях играет феномен культуры безопасности (safety culture), ставший популярным после аварии на ЧАЭС в 1986 году. Он активно рассматривался исследователями в течение 30 лет и по сей остается актуальной темой. Так, одна из тенденций в изучении данного феномена заключается в максимальной открытости разным подходам и обогащении взглядов [2]. Исследователи акцентируют внимание на том, что по ходу развития производственных систем возникает потребность в создании интегральных моделей — только путем включения широкого круга факторов можно будет выстроить всеобъемлющую модель культуры безопасности в организации [3]. Отмечено, что в настоящее время необходим комплексный подход в изучении личностных характеристик сотрудников, связанных с их безопасным поведением [4]. Таким образом, дальнейшее углубленное изучение этой области представляется значимым как для практиков бизнеса, так и для ученых. Настоящая работа ставит своей целью изучение ряда психологических характеристик сотрудников, и их связи с культурой безопасности в организации.

Материалы и методы. Выборка исследования — 96 человек ($M = 35$ лет; $SD = 6,4$; 83 % — мужчины). Участники выбраны случайным образом из группы работников-операторов установок одной из крупнейших российских нефтеперерабатывающих компаний. Время тестирования — 15–20 минут на одного сотрудника. Использовались следующие психодиагностические инструменты. *Методика «Вовлеченность в работу» (UWES)* используется для оценки уровня вовлеченности в работу, предложена исследователем У. Шауффели и А. Беккером в 2004 году. В российских реалиях используется адаптация Д. Кутузовой (2006), опросник содержит 17 вопросов,

ответы представлены 6-балльной шкалой. Измеряются как общий уровень вовлеченности, так и отдельные шкалы «энергичности», «поглощенности», «энтузиазма». Методика «Вовлеченность в организацию» исследователями В. Доминьяком и Т. Татариновой была предложена как метод оценки вовлеченности в организацию и в своей основе имеет методику UWES, однако использует анализ пяти процессов: рассматривается вовлеченность сотрудника функциональные, создающие, административные, стратегические процессы, а также процессы взаимодействия. Опросник включает 15 вопросов в 7-балльной шкале. Анкета по оценке культуры безопасности — для оценки уровня культуры безопасности использовалась анкета Л. Горюновой и В. Козлова, предложенная в 2015 году. Она состоит из 44 вопросов в 5-балльной шкале. Измеряется восприятие 11 характеристик культуры безопасности в организации: доверие, сообщение о нарушениях, менеджмент, поддержка, ресурсы, опыт, персональная ответственность, дисциплина, коммуникации, менеджмент безопасности, неопределенность. Методика «Индекс стремлений» — опросник основан на теории содержания целей Т. Кассера и Р. Райана. Внутренние стремления включают отношения, личностный рост, общественный вклад, здоровье. Внешние — признание, богатство, известность, имидж. Используется адаптация опросника Е. Родионовой и М. Патрикеевой [5].

Результаты. Была выявлена значимая связь между восприятием культуры безопасности и мотивационно-ценностной сферой сотрудников. Показатели корреляции r -Спирмена для внутренних стремлений положительные и находятся на уровне от 0,236 до 0,539 при уровнях значимости 1 и 5 % для ряда компонент оценки культуры безопасности. Это позволяет предполагать, что для тех, кто ценит внутренние атрибуты, оценка безопасности также склонна быть выше. Сотрудники же, которые ориентированы на внешние атрибуты, вероятно, меньше ориентированы на учет последствий принимаемых решений, не склонны глубоко задумываться о значимости действий по обеспечению безопасности (показатели корреляции отрицательные). Был также проведен факторный анализ 11 шкал опросника на оценку культуры безопасности. В результате анализа методом главных компонент с вращением варимакс ($KMO = 0,845$,

критерий Бартлетта $\chi^2 = 814,58$, $p. v. = 0,00$). Было выделено 3 группы факторов. В первую группу (доля дисперсии = 39 %) вошли так называемые организационные факторы (оценка работы руководства, команда, обеспеченность ресурсами, коммуникации, сообщения, опыт работы), во второй (доля дисперсии = 30 %) — индивидуальные (понимание ответственности, дисциплина, вовлеченность в безопасность и доверие). Третий фактор (доля дисперсии = 10 %) сосредоточил в себе одну единственную шкалу отношения к неопределенности. Таким образом, можно рассматривать вопросы культуры безопасности как на уровне организации, так и на уровне субъекта труда. Выяснилось, что общий уровень вовлеченности положительно коррелирует ($r = 0,42$, $p. v. < 0,05$) с рядом компонент восприятия культуры безопасности, относящихся именно к индивидуальному уровню (понимание личной ответственности, дисциплина, доверие). Наибольшую связь с компонентами культуры безопасности показала вовлеченность в стратегические процессы. Так, большая ориентация на будущее компании, разделение общей стратегии, взглядов и ценностей наблюдаются в большей степени у тех, кто выше оценивает компоненты культуры безопасности в организации.

Заключение. Работа вносит вклад в исследования вопросов производственной безопасности и феномена культуры безопасности. Показано, что для сотрудников, которые выше оценивают компоненты культуры безопасности, характерны более выраженные внутренние стремления и вовлеченность. Работа оставляет перспективы для исследования психологических феноменов более глубокого уровня (например, имплицитных установок) сотрудников и их связи с безопасным поведением.

Библиографические ссылки

1. Производственный травматизм (01.06.2022). Условия труда // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/working_conditions
2. Le Coze J. C. How safety culture can make us think // Safety science. 2019. Vol. 118. P. 221–229.

3. *Hofmann D. A., Burke M. J., Zohar D.* 100 years of occupational safety research: From basic protections and work analysis to a multilevel view of workplace safety and risk // *Journal of applied psychology*. 2017. Vol. 102, № 3. P. 375.

4. Психология здоровья : учебник для вузов / под ред. Г. С. Никифорова. СПб. : Питер, 2006. 607 с. (Серия «Учебник для вузов»).

5. *Патрикеева М. Д.* Адаптация методики Деси — Райана на российской выборке : выпускная квалификационная работа. Санкт-Петербург, 2018.

Е. В. Куфтяк

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Москва, Россия*

СОВЛАДАНИЕ СО СТРЕССОМ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ*

Анализируется содержание понятия толерантность к неопределенности. Уточняется влияние индивидуальных различий на уровень терпимости/нетерпимости профессионалов к неопределенности. Обнаружено влияние толерантности к неопределенности на выбор стратегий проактивного совладания в период ранней зрелости.

Ключевые слова: совладание с трудностями, толерантность к неопределенности, ранняя зрелость.

Elena V. Kuftyak

*The Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration
Moscow, Russia*

COPING WITH STRESS OF AMBIGUITY DURING EARLY ADULTHOOD

The content of the concept of tolerance to uncertainty is analyzed. The influence of individual differences on the level of tolerance/intolerance of professionals to uncertainty is clarified. The influence of tolerance to uncertainty on the choice of proactive coping strategies during early adulthood was found.

Keywords: coping with difficulties, tolerance for ambiguity, early adulthood.

* Исследование выполнено в рамках гранта «Совладание с вызовами сложности изменяющегося мира в период ранней зрелости (молодости)» Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 21-513-07004 МОН РЮО_а.

Введение. Современный мир переживает эпоху глубоких политических, экономических и социальных изменений, характеризующихся высокой сложностью и неопределенностью. Конструкт «толерантность к неопределенности» развивается на протяжении последних 50 лет. В настоящее время интерес к неопределенности возродился в ответ на происходящие в мире перемены. Толерантность к неопределенности рассматривается как тенденция человека воспринимать двусмысленные, новые и неясные ситуации либо как угрожающие, либо как желательные [1]. Так, интолерантность к неопределенности понимается как тенденция воспринимать или интерпретировать информацию содержащую расплывчатое, неполное, фрагментированное, множественное, неструктурированное, неопределенное, непоследовательное, противоположное, противоречивое или неясное значение как фактический или потенциальный источник психологического дискомфорта и/или угрозы [2]. По мнению авторов, неопределенные ситуации часто являются новыми или сложными и характеризуются отсутствием структуры, достаточных подсказок или путей разрешения. Интолерантность к неопределенности включает оценку человеком неопределенности как угрожающей, чувство беспокойства и неадаптивные действия (например, избегание, бездействие или даже обходные действия). Толерантность к неопределенности включает в себя уверенность и веру человека, чувство влечения или любопытства к неопределенному сценарию и выбор адаптивных стратегий, таких как продолжение разумных действий и принятие решений. Исследователи толерантности к неопределенности рассматривают конструкт как черту личности [3] и как когнитивный стиль [4]. Следовательно, реакция человека на неопределенность различна и зависит от личности или когнитивного стиля. Толерантность к неопределенности по-разному выражена у представителей различных возрастных, этнокультурных, гендерных групп. Одним из важных направлений является изучение влияния индивидуальных различий на уровень терпимости/нетерпимости профессионалов к неопределенности [5]. Толерантность к неопределенности влияет на успеваемость школьников. Так, учителя должны быть осведомлены о толерантности/нетерпимости учащихся, чтобы представлять информацию и материалы соответствующим образом с учетом ва-

риативности характеристики. По данным авторов, студенты, обучающиеся по профилю «Связи с общественностью», с высоким уровнем толерантности к неопределенности легче решают сложные проблемы PR в связи с признанием сложностей в связях с общественностью. Они лучше подготовлены к работе в ситуациях разрешения проблем, чтобы найти решение, которое наилучшим образом соответствует конкретной ситуации. В клинической практике врачи сталкиваются с противоречивой и неполной информацией, получаемой от пациента или его семьи. Так, врач должен определить, как справиться с противоречивой информацией и неопределенностью ситуации, решив, например, какую информацию следует использовать при постановке диагноза и решении вопроса о возможном вмешательстве, какой источник информации является наиболее надежным и где можно получить дополнительную уточняющую информацию.

Обращение к периоду начала взросления, который приходится на время обучения в вузе, поможет уточнить вопросы отношения к неопределенности и выбора стратегий поведения в новых ситуациях. Именно в этом периоде жизни существует наибольшая неопределенность в отношении жизненных событий. По данным авторов, интолерантность к новизне проблемы выступает предиктором общей интолерантности в различных сферах жизнедеятельности [6].

Методы и основные результаты. Среди задач исследования — проверка гипотезы о негативном влиянии интолерантности к неопределенности на продуктивность совладания со стрессом (студенческим стрессом, стрессом в период пандемии) [7]. Поиск ответа на вопрос, почему некоторые люди с большей вероятностью испытывают неуправляемый стресс, может в дальнейшем послужит основой для разработки психологических методов поддержки и ресурсов, связанных с ситуациями неопределенности. С помощью качественно-количественных методов — проективный рисунок, мини-сочинение, бланковые методики для измерения уровней стресса, толерантности к неопределенности и копинг-стратегий получены некоторые результаты. Выборка состояла из молодых людей (средний возраст — 19,5 лет).

Обнаружилось, что молодые люди, стремящиеся к изменениям и предпочитающие более сложные задачи, демонстрировали го-

товность к планированию будущих действий с дифференциацией отдельных задач. Молодые люди, фокусирующиеся на непринятии неопределенности и главенствующей роли правил, в большей степени склонны к поиску инструментальной поддержки.

Заключение. Полученные данные обнаружили влияние принятия напряжения перед неизвестностью на проактивное совладающее поведение: высокий уровень толерантности к неопределенности предполагает вероятность проявления проактивных стратегий, направленных на создание ресурсов для будущего совладания, оценку будущих трудностей позитивно и достижение поставленной цели. Исследование открывает перспективы использования идеи понимания толерантности к неопределенности как изменяемого состояния с учетом индивидуально-личностных особенностей, ситуации и социокультурных особенностей.

Библиографические ссылки

1. *Budner S.* Intolerance of ambiguity as a personality variable // *Journal of Personality.* 1962. Vol. 30(1). P. 29–50.
2. *Norton R. W.* Measurement of ambiguity tolerance // *Journal of Personality Assessment.* 1975. Vol. 39. P. 607–619.
3. *Корнилова Т. В.* Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб. : Нестор-История, 2016. 344 с.
4. *Sherrill W. W.* Tolerance of ambiguity among MD/MBA students: Implications for management potential // *Journal of Continuing Education for Health Professionals.* 2001. Vol. 21(2). P. 117–122.
5. *Valutis S.* Tolerance of Ambiguity: Individual Differences and Teaching // *The Journal of Baccalaureate Social Work.* 2015. Vol. 20. P. 79–88.
6. *Баленко Д. Д., Кондрашихина О. А.* Психологический анализ толерантности представителей поколения Y // *Modern Science.* 2021. № 3–2. С. 418–424.
7. *Куфтяк Е. В.* Совладающее поведение в период взросления: соотношение механизмов психологических защит, реактивного и проактивного совладания // *Методология, теория, история психологии личности / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Никитина, Н. Е. Харламенкова.* М. : Институт психологии РАН, 2019. С. 680–689.

Е. В. Куфтяк

М. Ю. Козлов

Е. Д. Иваницкая

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации;
ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница
№ 4 им. П. Б. Ганнушкина ДЗМ»
Москва, Россия*

СВЯЗЬ НАРУШЕННОГО ТИПА ПРИВЯЗАННОСТИ И ДЕПРЕССИИ. ЧТО ЕЩЕ ПРЕДСТОИТ ИЗУЧИТЬ?

Представлены данные об исследованиях взаимосвязи нарушенных типов привязанности и развития депрессии. Намечены новые объекты исследования, представляющие медиаторные факторы, ранее не попадавшие в фокус внимания исследователей, необходимые для объяснения процесса развития депрессивного расстройства при нарушенном типе привязанности.

Ключевые слова: депрессия, типы привязанности.

Elena V. Kuftyak

Mikhail Y. Kozlov

Elizaveta D. Ivanitskaya

*Russian Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the Russian Federation;
Psychiatric Clinical Hospital 4 named after P. B. Gannushkin
Moscow, Russia*

THE RELATIONSHIP BETWEEN DISRUPTED ATTACHMENT STYLES AND DEPRESSION. WHAT ELSE WILL NEED TO STUDY?

Annotation: data are presented on the study of the relationship between impaired types of attachment and the development of depression. New objects of research are outlined, representing mediator factors that have not previously been in the focus of attention of researchers, necessary to explain

the process of development of a depressive disorder with a disturbed type of attachment.

Keywords: depression, attachment styles.

Введение. Общим местом перед написанием научных работ, посвященных теме депрессии, является указание на ее распространенность, значительное финансовое бремя, связанное с ней количество дней нетрудоспособности, не говоря уже о высоких медицинских рисках и отчетливом снижении качества жизни [1; 2]. Все это обуславливает тот научный и практический интерес исследователей, старающихся найти новые этиологические модели, расширить способы превенции, диагностики и лечения. Ввиду принятия биопсихосоциальной модели, интерес клиницистов к психологическим аспектам предрасположенности, развития и поддержания патологических процессов и механизмов не утихает. Одним из важных направлений психосоциальной части парадигмы является изучение межличностной динамики индивида, способности к поиску и получению социальной поддержки, качества детско-родительских и семейно-супружеских взаимоотношений [3; 4]. Изучая этот вопрос, невозможно не коснуться темы привязанности.

Материалы и методы. Осуществлялся обзор исследований. Самым важным вопросом при изучении связки «нарушенная привязанность — депрессия» является вопрос: что первично? Теоретические модели со времен пионерских работ Джона Боулби, постулировали каузальную зависимость депрессии от нарушенного типа, по определению формирующегося в процессе развития индивида и предшествующего манифестации аффективного расстройства. Однако сама по себе депрессия также приводит к одиночеству, замкнутости, избеганию контактов, что может оказаться неустранимой концептуальной проблемой при изучении причинно-следственных связей. Первый бум научных работ, посвященных этой теме, пришелся на начало 1990-х годов [5; 6], однако недостатком подобных исследований была значительная ориентация на теорию, малые выборки и упрощенный дизайн, не позволяющий заглянуть глубже корреляционных связей. Однако следом было проведено несколько десятков больших исследова-

ний, использующих более совершенные способы математического анализа, лонгитюдные наблюдения и объемные и разнообразные выборки. Важным итогом плодотворной работы исследователей, стал однозначный ответ о первичности нарушенного типа привязанности по отношению к симптомам депрессии. Одним из самых важных и недостаточно освещенных вопросов в теме нарушенного типа привязанности и депрессии — наличие и сущность медиаторных звеньев, которые должны затрагивать все аспекты психического функционирования и вносить свой вклад в развитие заболевания. В недавно проведенном метаанализе, куда вошли 80 исследований, посвященных изучению медиаторных факторов между небезопасной привязанностью и депрессией, некоторые из которых мы цитируем в этой работе, были надежно выявлены следующие факторы: дисфункциональное восприятие, самокритика, низкая способность к самосостраданию, гиперактивация когнитивных стратегий саморегуляции, репетитивное мышление и руминации [7]. Кроме того, различные авторы устанавливали как медиаторные факторы способность к самопониманию, самоконтролю, самосостраданию, социальную тревожность, неадаптивный перфекционизм, низкую самооценку и плохую эмоциональную саморегуляцию. Ниже мы резюмируем данные исследователей и постараемся перечислить все известные медиаторные факторы как подтвержденные в мета-анализе, так и выявленные отдельными исследователями.

Результаты. Можно с достаточным основанием считать, что связь нарушенного типа привязанности и депрессии причинная. В последние десятилетия фокус внимания исследователей обратился к медиаторным факторам, появился первый мета-анализ, в который вошло 80 исследований, что ввиду важности темы кажется нам недостаточным. Авторами тезисов предлагаются новые направления исследований, изучение которых должно пролить свет на то, как влияет небезопасный тип привязанности на развитие и функционирование личности. Для удобства мы разбили предполагаемые объекты исследования по кластерам: «Особенности ментализации», а именно толерантность к неопределенности, способность к рефлексии и коммуникативная компетентность способность к само-

принятию; «Когнитивные особенности», такие как когнитивные искажения и когнитивная гибкость; «Поведенческие особенности», проявляющиеся в коммуникативных навыках и копинг-стратегиях; «Личностные особенности», например ранние дезадаптивные схемы, клинико-психологические типы, акцентуации характера и черты темной триады.

Заключение. Большее понимание этой темы позволит улучшить оказание психотерапевтической и психокоррекционной помощи и дополнит наши знания о путях формирования и развития патологических механизмов, приводящих к снижению психологического благополучия и развитию депрессивного расстройства. На данный момент можно резюмировать, что, несмотря на ощутимое продвижение исследований, получение и уточнение новых данных, в этой сфере все еще достаточное количество темных пятен, ждущих своих исследователей.

Библиографические ссылки

1. Небезопасная привязанность и депрессия у взрослых / Е. В. Куфряк, А. С. Слюсарев, М. Ю. Козлов и др. // Псих. журнал. 2021. Т. 42, № 5. С. 17–23. URL: <http://ras.jes.su/psy/s020595920016042-2-1> (дата обращения: 14.06.2022).
2. Belonging, Burdensomeness, and Self-Compassion as Mediators of the Association Between Attachment and Depression / C. S. Overup, E. A. McLean, J. A. Brunson et al. // Journal of Social and Clinical Psychology. 2017. Vol. 36, № 8. P. 675–703.
3. Insecure Attachment and Subclinical Depression, Anxiety, and Stress: A Three-Dimensional Model of Personality Self-Regulation As a Mediator / A. Valikhani, Z. Abbasi, E. Radman et al. // The Journal of Psychology. 2018. P. 1–25.
4. A longitudinal exploration of the impact of social anxiety and individual attachment on depression severity / G. C. Adams, A. J. Wrath, T. Le et al. // Journal of Affective Disorders. 2019. № 257. P. 250–256.
5. Attachment in individuals with social anxiety disorder: The relationship among adult attachment styles, social anxiety, and depression / W. Eng, R. G. Heimberg, T. A. Hart et al. // Emotion. 2001. Vol. 1, № 4. P. 365–380.

6. *Gnilka P. B., Ashby J. S., Noble C. M.* Adaptive and Maladaptive Perfectionism as Mediators of Adult Attachment Styles and Depression, Hopelessness, and Life Satisfaction // *Journal of Counseling & Development*. 2013. Vol. 91, № 1. P. 78–86.

7. *Roberts J. E., Gotlib I. H., Kassel J. D.* Adult attachment security and symptoms of depression: The mediating roles of dysfunctional attitudes and low self-esteem // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. Vol. 70, № 2. P. 310–320.

В. А. Лабунская

*Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия*

МЕТОДОЛОГИЯ ПОСТРОЕНИЯ «ИЕРАРХИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ» ДЕТЕРМИНАНТ ВЛИЯНИЯ ОТНОШЕНИЯ К СВОЕМУ ВНЕШНЕМУ ОБЛИКУ НА СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ*

В результате трех этапного анализа интенсивности детерминации отношения к внешнему облику и его последующего влияния на оценку субъективного благополучия различными гендерно-возрастными группами (метод двухфакторной ANOVA, MANOVA) была предложена следующая «иерархическая модель»: принадлежность к определенной возрастной группе оказывает более интенсивное влияние, чем пол на отношение к внешнему облику, которое, в свою очередь, оказывает более интенсивное воздействие на оценку субъективного благополучия и его составляющие, чем пол и принадлежность к возрастной группе.

Ключевые слова: модель, иерархия, детерминанты, внешний облик, субъективное благополучие.

Vera A. Labunskaya

*Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia*

THE METHODOLOGY OF BUILDING A “HIERARCHICAL MODEL” OF THE DETERMINANTS OF THE INFLUENCE OF ATTITUDE TO ONE’S APPEARANCE ON SUBJECTIVE WELL-BEING AND INTERPERSONAL RELATIONS

As a result of a three-stage analysis of the intensity of the determination of the attitude to the external appearance and its subsequent impact on the assessment of subjective well-being by different gender-age groups

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-01641 «Детерминанты влияния оценок внешнего облика на межличностные отношения и субъективное благополучие».

(the method of two-factor ANOVA, MANOVA), the following “hierarchical model” was proposed: belonging to a certain age group has a more intense influence, than gender on the attitude to appearance, which, in turn, has a more intense impact on the assessment of subjective well-being and its components than gender and belonging to the age group.

Keywords: model, hierarchy, determinants, appearance, subjective well-being.

Введение. В современном обществе, особенно в период пандемии, на передний план выдвинулась проблема факторов, детерминант, предикторов межличностных отношений и субъективного благополучия человека. В настоящее время идет активный поиск ответов на вопрос: будет ли человек более счастливым, если его внешний облик (ВО) станет более привлекательным? [1–3]. Одно из важнейших направлений психологии ВО — это изучение детерминации оценок внешнего облика и их влияния на межличностные отношения, субъективное благополучие представителей различных гендерно-возрастных групп. Есть предположение, что оценки ВО детерминируют удовлетворенность жизнью, субъективное благополучие [4; 5]. Не отрицая правомерность такого вывода, мы полагаем, что он требует проверки в процессе проведения эмпирических исследований. В этой связи цель исследования заключается в определении интенсивности воздействия социально-демографических факторов на влияние оценок ВО на субъективное благополучие и построении на этой основе «иерархической модели». Достижение поставленной цели осуществляется на основе сравнительно-иерархического подхода, базирующего на идеях психологии социального познания, на междисциплинарном статусе ВО [1]. В этой статье представлен трех этапный анализ интенсивности детерминации отношения к ВО и его последующее влияние на оценку субъективного благополучия различных гендерно-возрастных групп. На первом этапе рассматривалась сопряженность гендерно-возрастных показателей и уровней самооценок ВО как центрального компонента отношения к нему. На втором этапе определялась интенсивность воздействия гендерно-возрастных факторов на самооценку ВО, на третьем этапе анализировалась интенсивность воздействия гендерно-возрастных

показателей, в сочетании с уровнем самооценок ВО, на оценку субъективного благополучия.

Материалы и методы. 1. Методика «Самооценки внешнего облика», разработанная В. А. Лабунской [1]. На основе самооценок различных компонентов ВО рассчитывается интегральная самооценка ВО (ИнтСОВО), которая рассматривается в исследовании и как фактор воздействия на оценку субъективного благополучия, и как объект воздействия гендерно-возрастных факторов. Самооценка ВО рассчитывалась по 10-балльной системе, на основе которой определялся уровень интегральной самооценки ВО. 2. Шкала «Субъективное благополучие» (СБ) (Perrudet-Badoux, Mendelsohn, Chiche), русскоязычная версия которой была создана В. М. Соколовой [6]. Составляющие СБ: 1) напряженность и чувствительность; 2) признаки, сопровождающие основную психическую симптоматику, такие как депрессия, сонливость, рассеянность и тому подобное; 3) изменения настроения; 4) значимость социального окружения; 5) самооценка здоровья; 6) степень удовлетворенности повседневной деятельностью. На основе этих показателей определяется оценка СБ и его уровень. Применялись следующие математические процедуры: кросстабуляция, χ^2 Пирсона, двухфакторная ANOVA, MANOVA. Двухфакторный дисперсионный анализ направлен на проверку гипотезы об эффекте влияния пола, принадлежности к возрастной группе и сочетания этих факторов на ИнтСОВО. Множественный дисперсионный анализ применялся для проверки гипотезы об интенсивности воздействия трех факторов на оценку СБ и его составляющих.

Выборка исследования: 188 человек, 64 мужчины и 124 женщины, в возрасте от 18 до 45 лет ($M_{\text{возраста}} = 26,6$), которые были разделены на четыре возрастные подгруппы в соответствии с данными, касающимися сензитивных периодов отношения к внешнему облику, обеспокоенности им [7]: 1-я подгруппа: 18–20 лет (49 человек); 2-я подгруппа: 21–25 лет (56 человек); 3-я подгруппа: 26–35 лет (55 человек); 4-я подгруппа: 36–45 лет (28 человек). С помощью описательных статистик, включающих M , Md , Mo , σ_2 и т. д., были выявлены четыре уровня ИнтСОВО: 1 — ниже среднего; 2 — средний; 3 — выше среднего; 4 — высокий. По уровню ИнтСОВО участ-

ники исследования распределились следующим образом: уровень ниже среднего — 20 человек, средний уровень — 66 человек, выше среднего — 43 человека, высокий уровень ИнтСОВО — 59 человек.

Результаты. 1. Составленные таблицы сопряженности двух независимых факторов и уровней ИнтСОВО указывают на то, что пол и уровень ИнтСОВО имеет $\chi^2 = 16,651$ при $p = 0,001$, показатель возрастной дифференциации в сочетании с уровнем ИнтСОВО имеет $\chi^2 = 135,992$ при $p = 0,000$. Следовательно, можно эти факторы рассматривать в качестве независимых детерминант.

2. Двухфакторный дисперсионный анализ показал, что принадлежность к возрастным подгруппам ($F = 77,351$ при $p = 0,000$) оказывает более интенсивное воздействие, чем пол ($F = 7,829$ при $p = 0,006$) на ИнтСОВО. Сочетание пола и возраста не имеет значимого влияния на ИнтСОВО ($F = 0,097$ при $p = 0,961$).

3. Применение многомерного дисперсионного анализа показало, что на зависимые переменные (СБ) интенсивнее воздействует уровень ИнтСОВО: на оценку СБ ($F = 4,960$ при $p = 0,003$), на такие его составляющие, как возникновение депрессии, сонливости, рассеянности ($F = 4,562$ при $p = 0,004$), как изменение настроения ($F = 3,343$ при $p = 0,021$); оценка значимости социального окружения ($F = 3,852$ при $p = 0,011$); степень удовлетворенности повседневной деятельностью ($F = 2,648$ при $p = 0,051$). Пол и принадлежность к определенной возрастной группе оказывают существенное влияние на такую составляющую СБ, как состояние здоровья ($F = 6,780$ при $p = 0,010$) ($F = 6,722$ при $p = 0,00$). Принадлежность к определенной возрастной группе оказывает существенное влияние на такую составляющую СБ, как степень удовлетворенности повседневной деятельностью ($F = 7,622$ при $p = 0,00$). Сочетание пола, принадлежности к определенной возрастной группе оказывает воздействие на такой компонент СБ, как изменение настроения ($F = 2,883$ при $p = 0,038$). Сочетание пола и уровня ИнтСОВО воздействует на оценку СБ ($F = 4,066$ при $p = 0,008$), на настроение ($F = 3,903$ при $p = 0,010$), на удовлетворенность повседневной жизнью ($F = 4,677$ при $p = 0,004$). Сочетание независимых факторов не оказывает существенное влияние на СБ и его составляющие.

Заключение. В результате трех этапного анализа можно предложить следующую «иерархическую модель»: принадлежность к определенной возрастной группе оказывает более интенсивное влияние, чем пол на ИнтСОВО, которая в свою очередь оказывает более интенсивное воздействие на оценку СБ и его составляющие, чем пол и принадлежность к возрастной группе. В целом иерархию интенсивности воздействия пола, принадлежности к возрастной группе, уровня ИнтСОВО необходимо рассматривать, учитывая меру влияния сочетания этих независимых факторов.

Библиографические ссылки

1. Социальная психология внешнего облика: теоретические подходы и эмпирические исследования : кол. монография / под науч. ред. проф. В. А. Лабунской, доц. Г. В. Серикова, доц. Т. А. Шкурко. Ростов н/Д : Мини-Тайп, 2019. 445 с.

2. Would You Be Happier If You Looked Better? A Focusing Illusion / L. D. Kaczmarek, J. Enko, M. Awdziejczyk et al. // J. of Happiness Studies. 2016. Vol. 17. P. 357–365. DOI: 10.1007/s10902-014-9598-0

3. What can my body do vs. how does it look?: A qualitative analysis of young women and men's descriptions of their body functionality or physical appearance / J. M. Alleva, K. H. Gattario et al. // Body Image. 2019. Vol. 31, P. 71–80. DOI: 10.1016/j.bodyim.2019.08.008

4. Gupta N., Etcoff N. L., Jaeger M. Beauty in Mind: The Effects of Physical Attractiveness on Psychological Well-Being and Distress // J. of Happiness Studies. 2016. Vol. 17, № 3. P. 1313–1325. DOI: 10.1007/s10902-015-9644-6

5. Attractiveness Biases in Ratings of Employment Suitability: Tracking Down the “Beauty is Beastly” Effect / S. K. Johnson, K. E. Podratz et al. // The J. of Social Psychology. 2010. Vol. 150, № 3. P. 301–318. DOI: 10.1080/00224540903365414

6. Соколова М. В. Шкала субъективного благополучия. 2-е изд. Ярославль : НПП «Психодиагностика», 1996. 17 с.

7. Murray K., Rieger E., Byrne D. A longitudinal investigation of the mediating role of self-esteem and body importance in the relationship between stress and body dissatisfaction in adolescent females and males. Body Image, 2013. Vol. 10, № 4. P. 544–551. DOI: 10.1016/j.bodyim.2013.07.011

М. А. Лаврова

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

ВЛИЯНИЕ РАЗВОДА РОДИТЕЛЕЙ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕБЕНКА РАННЕГО ДЕТСТВА*

Приведен ряд данных о влиянии развода родителей на развитие ребенка в возрасте раннего детства. Данные исследований показывают, что на психологическое развитие детей сам по себе развод родителей не влияет; но на него влияет образование родителя, уровень семейного дохода, депрессия родителя и стиль воспитания. Адекватная позиция взрослого и сохранение его собственного психологического благополучия (в том числе коррекция депрессивных и тревожных состояний) может помочь адаптации ребенка раннего возраста в ситуации развода родителей.

Ключевые слова: раннее детство, развод, влияние развода на психологические особенности детей.

Mariia A. Lavrova

*Ural Federal University
named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia*

THE EFFECT OF PARENTAL DIVORCE ON THE CHILD' PSYCHOLOGICAL FEATURES IN EARLY CHILDHOOD

A number of data on the impact of parental divorce on the development of a child at the age of early childhood is given. Research data show that the children' psychological development is not affected by the parental divorce itself; but it is influenced by the education of the parent, the level of family income, depression of the parent and parenting behavior. An ad-

* Исследование выполнено при поддержке благотворительного фонда Владимира Потанина.

equate position of an adult and the preservation of his own psychological well-being (including the correction of depressive and anxiety states) can help a young child adapt to a situation of parental divorce.

Keywords: early childhood, divorce, the effect of divorce on the psychological characteristics of children.

Введение. Развод — это ненормативный кризис семьи, затрагивающий взаимодействие всех членов семьи и реорганизуемый ее как систему. Психологически, финансово и социально родители поглощены процессом развода, меняется их взаимодействие между собой и ребенком, даже если развод был тщательно продуман. Существует точка зрения, что развод менее негативно влияет на детей до 3 лет, чем детей дошкольного и школьного возраста.

Материалы и методы. Нами были обобщены данные ряда исследований, посвященных влиянию развода на психологические особенности детей; акцент сделан на периоде от 0 до 3 лет.

Результаты. Отмечено, что у значительного числа (73 %) несовершеннолетних на различных этапах ситуации развода отмечаются те или иные формы психических нарушений или ухудшения психического состояния. Часто они носят временный характер и практически полностью исчезают в дальнейшем, что позволяет специалистам расценивать эти нарушения как не выходящие за рамки нормативного реагирования реакции на психотравмирующую ситуацию [1].

Исследование поведенческих, когнитивных и эмоциональных особенностей детей 0–3 лет показало, что дети в семьях с двумя родителями показали более высокие результаты, чем дети в разведенных семьях (например, в когнитивных способностях в возрасте 15 и 24 месяцев, привязанности к матери в 24 месяца и положительном взаимодействии с матерью в 15 и 36 месяцев). Однако введение в анализ полученных данных таких переменных, как образование родителя и семейный доход нивелировало эти различия, и в итоге совокупность таких факторов, как доход, образование родителя, депрессия и родительское поведение (способность оказывать поддержку и поощрение), а не сам факт развода, определял психологическое развитие ребенка [2].

Д. Баумринд выделила факторы, которые влияют на переживание ребенком ситуации развода: возраст ребенка, особенности поведения родителей в постразводный период и др. [3].

Детям возраста 3–5 лет особенно трудно адаптироваться к разводу родителей, поскольку когнитивные способности этого возраста не позволяют им полностью понять и проанализировать ситуацию, что приводит к страху быть покинутым, поведенческим проблемам [4].

Частыми отклонениями в стиле родительского поведения в ситуации развода является гиперпротекция, вседозволенность, размытие границ между ребенком и родителем. Или же, наоборот, гипопротекция и эмоциональное отвержение, которые, например, могут проявляться у матери по отношению к сыну из-за проекции на него качеств бывшего мужа. Такие стили родительского поведения усугубляют дезадаптацию ребенка [5].

При оценке психологического благополучия ребенка в ситуации развода С. А. Терехина предлагает оценивать психосоматическое здоровье ребенка (количество и последствия перенесенных заболеваний, разнообразные стрессогенные внешние воздействия, характер ответных реакций); уровень социальной адаптированности (степень направленности ребенка на взаимодействие, наличие и уровень навыков социального взаимодействия); уровень психического здоровья (психические расстройства, качественное описание варианта дизонтогенеза) и психологического здоровья (соотнесение с возрастными нормативами когнитивного развития, индивидуально-психологические особенности, эмоциональное благополучие, особенности поведения). Важно анализировать не только проблемные, но и ресурсные сферы развития [1].

Заключение. В целом отмечается разнообразие методологий и несопоставимость результатов исследований влияния разводов на психическое и психологическое состояние детей [6].

Количество исследований влияния развода на детей раннего детства крайне мало.

После распада брака разведенные матери, как правило, имеют более низкие доходы, испытывают более высокий уровень депрес-

сии и оказывают ребенку меньшую поддержку и поощрение, чем в полных семьях, что несомненно влияет на благополучие детей.

Однако не столько фактор развода определяет психологическое развитие ребенка, сколько совокупность таких факторов, как доход, образование родителя, депрессия и родительское поведение (способность оказывать поддержку и поощрение).

Адекватная позиция взрослого и сохранение его собственного психологического благополучия (в том числе коррекция депрессивных и тревожных состояний) может помочь адаптации ребенка раннего возраста в ситуации развода.

Важно сохранение близких отношений с обоими родителями. Родителю не следует препятствовать и ограничивать общение ребенка с другим родителем. Важно использовать медиацию, при которой медиатор помогает участникам семейного спора, в частности развода, организовать взаимодействие друг с другом и принять осознанное решение, подходящее для всех сторон [7]. В этом случае в медиации участвует психолог, который проводит оценку личностных особенностей родителей, оценку взаимодействия родителей с ребенком и его психологического благополучия.

Библиографические ссылки

1. Терехина С. А. Подходы к оценке психологического благополучия несовершеннолетних при разводе родителей // Психология и право. 2015. Т. 5, № 1. С. 119–128.

2. Effects of parental separation and divorce on very young children / K. A. Clarke-Stewart, D. L. Vandell, K. McCartney et al. // J. Fam. Psychol. 2000. № 14(2). P. 304–326. DOI: 10.1037//0893–3200.14.2.304. PMID: 10870296

3. Карabanова О. А. Психология семейных отношений : учеб. пособие. Самара : Изд-во СИОКПП, 2001. 122 с.

4. Elliott B. J. Effects of parental divorce in children Article in Archives of Disease in Childhood. 1991. № (66). P. 915–916.

5. Pires M., Martins M. Parenting Styles, Coparenting, and Early Child Adjustment in Separated Families with Child Physical Custody Processes Ongoing in Family Court. Children (Basel, Switzerland). 2021. № 8(8). P. 629. <https://doi.org/10.3390/children8080629>

6. *Русаковская О. А., Сафуанов Ф. С., Харитонова Н. К.* Психологическая адаптация детей после развода родителей в зарубежных исследованиях. (аналитический обзор) // *Рос. психиатр. журнал.* 2011. № 1. С. 36–45.

7. *Клюева Н. В.* Медиация в ситуации конфликта между супругами, имеющими несовершеннолетних детей // *Вестн. Удмурт. ун-та. Серия «Философия. Психология. Педагогика».* 2016. № 26 (2). С. 80–87.

М. А. Лаврова
М. П. Харитонова

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

СТИЛЬ САМОРЕГУЛЯЦИИ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА*

Приведены данные пилотного исследования связи качества жизни и особенностей саморегуляции пожилых людей. Использовались методики оценки качества жизни The Short Form-36 (SF-36) и «Стиль саморегуляции поведения — ССП-98» (В. И. Моросанова). Гибкость как регуляторно-личностное свойство саморегуляции взаимосвязана с такими аспектами качества жизни, как «Психическое здоровье», «Социальное функционирование», «Психологический компонент здоровья» и влияет на «Психологический компонент здоровья». Подчеркивается значимость саморегуляции и *личностного* компонента в управлении своим здоровьем у лиц пожилого возраста.

Ключевые слова: саморегуляция, качество жизни, психологическое благополучие, пожилой возраст, старческий возраст.

Mariia A. Lavrova
Marina P. Kharitonova

*Ural Federal University
named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia*

SELF-REGULATION STYLE AND QUALITY OF LIFE IN THE ELDERLY

Pilot research investigates the relationship between the quality of life and the characteristics of self-regulation of older people. The Short Form-36 (SF-36) was used for assessing the quality of life and self-regulation' features

* При поддержке Программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

were evaluated by «Style of self-regulation of behavior SSP-98» (V. I. Morosanova). Flexibility as a regulatory and personal property of self-regulation affects such aspects of the quality of life as “Mental health”, “Social functioning”, “Psychological component of health”. The importance of the personal component in the management of health in the elderly is emphasized.

Keywords: self-regulation, quality of life, psychological well-being, old age.

Введение. Система регуляции деятельности в наиболее общем понимании — это временное функциональное образование, обеспечивающее избирательное, скоординированное и целенаправленное протекание сенсорно-перцептивных, интеллектуально-мнестических, двигательных и речевых процессов для достижения произвольно выбранных индивидом конкретных задач [1]. Саморегуляция обеспечивает адекватную изменчивость и пластичность жизнедеятельности человека.

С возрастом изменяются возможности и ресурсы сенсорно-перцептивных, интеллектуально-мнестических, двигательных и речевых процессов, но, возможно, что как раз навык их координации, распределения и управления ими позволит улучшить качество жизни пожилого человека.

Материалы и методы. Для проверки гипотезы о связи качества жизни и особенностей саморегуляции было проведено пилотное исследование, в котором приняло участие 49 человек, средний возраст — 80 ± 7 лет. Часть анкет была забракована. Обработывались данные 46 респондентов (44 женщины, 2 мужчин) с помощью SSPS Statistic. Использовалась методика оценки качества жизни The Short Form-36 (SF-36) и «Стиль саморегуляции поведения — ССП-98» (В. И. Моросанова). The Short Form-36 предназначена для исследования неспецифического качества жизни, связанного со здоровьем, вне зависимости от имеющегося заболевания, половых, возрастных особенностей и специфики того или иного лечения. Показатели каждой шкалы SF-36 варьируются от 0 до 100 баллов, где 100 баллов — полное здоровье; все шкалы формируют два итоговых показателя: психическое и физическое благополучие. Опросник ССП-98 оценивает основные регуляторные процессы (планирование,

моделирование, программирование, оценка результатов) и регуляторно-личностные свойства (гибкость и самостоятельность). Оба опросника широко используются в исследованиях, прошли стандартизацию и валидизацию на российских выборках.

Результаты. Все данные по опроснику ССП-98 оказались в пределах средних значений, а вот данные опросника SF-36 оказались ниже среднего значения для возрастной группы по показателю «Ролевая деятельность, обусловленная физическим состоянием» (35,6 баллов против 39,43 баллов в популяции), но выше по показателям: «Жизненная активность» (ощущение себя полным сил и энергии) 52,2 против 40,87; «Социальное функционирование» (степень, в которой физическое или эмоциональное состояние ограничивает социальную активность и общение) 60,7 против 42,29; «Ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» (степень, в которой эмоциональное состояние мешает выполнению работы или другой повседневной деятельности) 54,6 против 42,78; «Психическое здоровье» (отсутствие депрессивных, тревожных переживаний, психическое благополучие) 61,2 против 45,26 [2].

Коэффициент корреляции Пирсона показал, что возраст отрицательно коррелирует с физическим функционированием (степень, в которой физическое состояние ограничивает выполнение физических нагрузок, SF-36) $r_{xy} = -.48$ $p = .001$ и жизненной активностью (ощущение себя полным сил и энергии, SF-36) $r_{xy} = -.335$ $p = .026$. Эти данные вполне тривиальны и предсказуемы. Гораздо интереснее, что значимых корреляций возраста с уровнем саморегуляции не было выявлено. Более того, однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) показал, что регуляторно-личностное свойство саморегуляции «Гибкость» (ССП-98) влияет на «Интенсивность боли» (низкие показатели свидетельствуют о том, что боль значительно ограничивает активность, SF-36): $F = 3,25$ $p = .009$; на «Социальное функционирование» (низкие баллы свидетельствуют о значительном ограничении социальных контактов в связи с ухудшением физического и эмоционального состояния, SF-36): $F = 2,85$ $p = .017$ и показатель «Психический компонент здоровья» (SF-36) $F = 2,26$ $p = .05$.

Шкала «Гибкость» (ССП-98) диагностирует уровень сформированности регуляторной гибкости, представляющей собой способ-

ность перестраивать систему саморегуляции в связи с изменением внешних и внутренних условий. Испытуемые с высокими показателями по данной шкале при возникновении непредвиденных обстоятельств легко перестраивают планы, поведение и программы исполнительских действий, способны быстро оценить изменение значимых условий и перестроить программу действий в соответствии с этим изменением. При возникновении рассогласования полученных результатов с принятой целью своевременно оценивают сам факт рассогласования, вносят коррекцию в регуляцию. Такая гибкость позволяет адекватно реагировать на быстрое изменение событий и успешно решать поставленную задачу в ситуации риска [3].

С одной стороны, мы получили вполне очевидные результаты, согласующиеся с имеющимися исследованиями и наблюдениями. С другой — в нашем исследовании мы определили, что именно гибкость саморегуляции как способность перестраивать систему саморегуляции в зависимости от внешних и внутренних условий влияет на психологическое благополучие и качество жизни в пожилом возрасте. Тот факт, что гибкость саморегуляции выступает и как определенный навык, предполагает возможность ее развития с помощью психологических техник и методов.

Сложность в использовании этих техник и методов будет заключаться в том, что психологические особенности и установки людей пожилого возраста характеризуются как раз негибкостью: трудности переключения и распределения внимания, увеличения периода включения в выполнение заданий, снижение помехоустойчивости в переработке информации, снижении мотивации на изменение и активность.

Как отмечают исследователи, люди старшего возраста часто переходят к состоянию жизненной пассивности, ощущению у себя «вынужденности к доживанию старой жизнью» и современные достижения цивилизации уже мало способствуют их развитию и движению: «сейчас сплошные одинаковые серые дни»; «не жизнь, а день Сурка, ничего не тормозит меня»; «живу только прошлым»; «какое счастье? Всё уже раздражает, совсем приелась в жизни, а новое мне не по зубам, страшно подумать, как с этим жить-то...» [4,

с. 34]. Такая пассивность снижает заинтересованность в программах психологической поддержки.

Заклучение. Исследование подчеркивает значимость *личностного* компонента в управлении своим здоровьем. Гибкость как качество, определяющее саморегуляцию, влияет на такие аспекты качества жизни, как «Жизненная активность», «Социальное функционирование», «Психологическое благополучие». Развитие и поддержание гибкости саморегуляции наравне с другими компонентами (например, когнитивным ресурсом), вероятно, сможет внести вклад в успешное старение. В психологической работе с пожилыми людьми стоит обратить внимание на тренинги, формирующие и поддерживающие саморегуляцию и когнитивную гибкость.

Библиографические ссылки

1. *Зотов М. В.* Механизмы регуляции когнитивной деятельности при воздействии стрессогенных факторов в норме и патологии : дис. ... докт. псих. наук. Санкт-Петербург, 2011. С. 470.

2. Популяционные показатели качества жизни по опроснику SF-36 / В. Н. Амирджанова, Д. В. Горячев, Н. И. Коршунов и др. // Науч.-практ. ревматология. 2008. № 1. С. 36–48.

3. *Моросанова В. И., Коноз Е. М.* Стилевая саморегуляция поведения человека // Вопр. психологии. 2000. № 2. С. 118–127.

4. *Глозман Ж. М., Наумова В. А.* Жизненный опыт как потенциал успешного старения // Рос. псих. журнал. 2018. № 3. С. 25–51.

РОЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК И СУБЪЕКТИВНЫХ ОЖИДАНИЙ ПАЦИЕНТА ОТ ОПЕРАЦИИ В ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЛЕЧЕБНО-РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ПРОЦЕССА ПОСЛЕ ЭНДОПРОТЕЗИРОВАНИЯ КРУПНЫХ СУСТАВОВ

Анализируется роль внутренней картины болезни и психологических представлений и установок в процессе лечения и реабилитации у пациентов с артрозом крупных суставов. Представлены результаты исследования сравнения особенностей субъективных ожиданий пациентов от операции на дооперационном этапе и субъективная оценка удовлетворенности эффективностью лечебно-реабилитационным процессом в раннем послеоперационном периоде на втором этапе медицинской реабилитации у пациентов после тотального эндопротезирования коленного и тазобедренного суставов.

Ключевые слова: психологические установки, внутренняя картина болезни, ожидание пациентов от операции, медицинская реабилитация, клиничко-психологическая работа.

Alena V. Larina

*LLC "Clinical treatment and rehabilitation Center "Territoriya zdorovya"
Barnaul, Russia*

THE ROLE OF PSYCHOLOGICAL ATTITUDES AND SUBJECTIVE EXPECTATIONS OF THE PATIENT FROM THE OPERATION IN ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF THE TREATMENT AND REHABILITATION PROCESS AFTER ENDOPROSTHETICS OF LARGE JOINTS

The role of the internal picture of the disease and psychological ideas and attitudes in the process of treatment and rehabilitation is analyzed in patients with arthrosis of large joints. The results of a study include a comparison of characteristics of subjective expectations of patients from surgery at the preoperative stage and a subjective assessment of satisfaction with

the effectiveness of the treatment and rehabilitation process in the early postoperative period at the second stage of medical rehabilitation in patients after total knee and hip replacement.

Keywords: psychological attitudes, the internal picture of the disease, the expectation of patients from surgery, medical rehabilitation, clinical and psychological work.

Введение. В настоящее время эндопротезирование суставов является операцией выбора у пациентов с терминальной стадией артроза и с каждым годом мы видим увеличения количества таких операций [1]. Однако операция — это только первый этап лечения, после которого, согласно стандартам Fast Track, в первые сутки начинается период реабилитации, требующий активного участия самого пациента, понимания им своей роли, цели и задач реабилитационных мероприятий [2]. Современный подход к реабилитации пациента понимается не только как устранение непосредственно болезни и восстановление физических функций организма, а как системная деятельность, которая состоит в опосредовании через личность пациента лечебно-восстановительных воздействий и мероприятий, и направлена на улучшение качества жизни в условиях болезни, с учетом имеющихся ограничений [3]. Эмоциональное состояние, ожидание от операции и установки относительно реабилитационного процесса, его сроков и результатов, могут влиять на самочувствие пациента и адекватную оценку им своего состояния. Нереалистичность этих установок может приводить к неудовлетворенности пациентом результатами лечения.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 113 пациентов, которые были распределены в экспериментальные группы: первая группа: пациенты, ожидающие эндопротезирования тазобедренного сустава (ТЭТБС) — 26 человек и пациенты, ожидающие эндопротезирования коленного сустава (ТЭКС), — 30. Вторая группа: пациенты, которым было проведено ТЭТБС, — 27 человек и пациенты, которым было проведено ТЭКС, — 30 человек. Стоит отметить, что всем пациентам эндопротезирование суставов проводилось впервые. Средний возраст составил $64,02 \pm 8,5$ лет, из них 88 женщин и 25 мужчин. При поступлении пациенты первой группы

заполняли опросники: визуально-аналоговая шкала боли (ВАШ), госпитальная шкала тревоги и депрессии (HADS), опросник ожиданий пациентов от операции эндопротезирования коленного сустава (Hospital of Special Surgery (HSS) Knee Replacement Expectations Survey), опросник ожиданий пациентов от операции эндопротезирования тазобедренного сустава (Hospital of Special Surgery (HSS) Hip Replacement Expectations Survey). Пациенты второй группы при поступлении на второй этап медицинской реабилитации заполняли опросники: визуально-аналоговая шкала боли, госпитальная шкала тревоги и депрессии, анкета оценки субъективной удовлетворенности эффективностью лечебно-реабилитационного процесса.

Результаты. Результаты анкетирования пациентов, ожидающих ТЭТБС, по опроснику ожиданий HSS Hip — 67,7 из 100 (чем выше балл, тем больше пациент ожидает получить в результате проведенной операции), HADS — тревога 7,4, депрессия 7,1. ВАШ — 4,5 балла. Результаты анкетирования пациентов, ожидающих ТЭКС, по опроснику ожиданий HSS Knee — 75 из 100, HADS — тревога 6,8, депрессия 5,9. ВАШ — 5,2 балла. Результаты анкетирования пациентов, которым было проведено ТЭТБС по анкете субъективной удовлетворенности 79 из 100 (чем выше балл, тем больше пациент удовлетворен полученными результатами), HADS — тревога 8,1, депрессия 6,3. ВАШ — 2,8 балла. Результаты анкетирования пациентов, которым было проведено ТЭКС по анкете субъективной удовлетворенности 68 из 100, HADS — тревога 9,0, депрессия 7,8. ВАШ — 5,1 балла. Согласно полученным данным пациенты, ожидающие ТЭКС, имеют более высокие ожидания от операции и более низкие показатели тревоги и депрессии, чем пациенты, ожидающие ТЭТБС, что может указывать на нереалистичность ожиданий от оперативного лечения и процесса восстановления. Болевой синдром пациентов по шкале ВАШ у пациентов, ожидающих ТЭКС выше, чем у пациентов, ожидающих ТЭТБС, что также может влиять на ожидания — пациенты скорее желают избавиться от боли, не обращая внимания на особенности послеоперационного периода. В раннем послеоперационном периоде второго этапа медицинской реабилитации пациенты с ТЭКС меньше удовлетворены результатами лечебно-восстановительного процесса и имеют

более высокие показатели тревоги и депрессии, чем пациенты после ТЭТБС. У пациентов после ТЭКС послеоперационная боль выше, чем после ТЭТБС, по характеру она отличается от боли свойственной артрозу, но вероятней всего не соответствовала ожиданиям пациента — полному избавлению от боли. Особенностью восстановительного периода после ТЭКС является ограничения сгибания в суставе, требующее активной разработки, тогда как у пациентов после ТЭТБС, наоборот, объем движений улучшается сразу. Относительно высокие показатели тревоги и депрессии у пациентов после ТЭТБС можно объяснить большим количеством ограничений жизнедеятельности на ранних этапах для профилактики вывиха. Таким образом полученные результаты можно объяснить не только соматическими причинами: выраженностью болевого синдрома, послеоперационной контрактурой и двигательными ограничениями после операции, но и представлениями и ожиданиями пациента, внутренней картиной болезни, а также эмоциональным состоянием.

Заключение. Клинико-психологическая модель сопровождения, основанная на индивидуальном подходе к пациенту, учитывающая его личностные особенности, психоэмоциональное состояние, значимые цели и объективные физические показатели, позволяет выстраивать процесс лечения и взаимодействие между пациентом и командой специалистов в направлении улучшения качества жизни и возвращения пациента к активной жизненной позиции.

Библиографические ссылки

1. Русскоязычная версия опросника ожиданий HSS Knee Replacement Expectations Survey: языковая и культурная адаптация / М. А. Черкасов, А. С. Ибиев, А. В. Сараев и др. // Вестн. травматологии и ортопедии им. Н. Н. Приорова. 2017. № 2. С. 17–21.

2. Ларина А. В., Григоричева Л. Г. Задачи клинико-психологического сопровождения в стационаре травматолого-ортопедического профиля // Advances of science Proceedings of articles II International scientific conference. 2017. С. 312–316.

3. Зинченко Ю. П., Первичко Е. И., Тхостов А. Ш. Методологические основы и задачи психологической реабилитации онкологических больных // Вестн. восстановит. медицины. 2014. № 5 (63).

АППАРАТНО-ПРОГРАММНЫЕ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ В ПРАКТИКЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ ПЕРСОНАЛА АТОМНЫХ СТАНЦИЙ

Рассматривается проблема надежности человеческого фактора в атомной отрасли. Анализируется опыт разработки и применения специалистами Технической академии «Росатом» современных аппаратно-программных комплексов (АПК) в практике психологической и психофизиологической поддержки персонала в филиалах АО «Концерн Росэнергоатом». Представлены перспективные направления развития психологического обеспечения надежности персонала с использованием АПК. Приведена классификация АПК (помогающие, алгоритмические, на основе искусственного интеллекта), обоснованы требования к квалификации пользователей АПК разных классов.

Ключевые слова: человеческий фактор безопасности атомной энергетики, аппаратно-программные психодиагностические комплексы, помогающие аппаратно-программные комплексы, алгоритмические аппаратно-программные комплексы, аппаратно-программные комплексы на основе искусственного интеллекта.

Elena V. Leonova

*Rosatom Technical Academy
Obninsk, Russia*

HARDWARE-SOFTWARE SYSTEMS IN PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR NUCLEAR POWER PLANT PERSONNEL

The problem of the human factor reliability in the nuclear industry is considered. The experience of development and application of modern hardware and software systems in the practice of psychological and psychophysiological support of nuclear plants' personnel is analyzed. Promising directions for the development of psychological support for the reliability

of personnel in the nuclear industry using hardware and software systems are presented. The classification of hardware and software systems (assisting, algorithmic, based on artificial intelligence) is given. The requirements for the qualification of users of the hardware and software systems of different categories are substantiated.

Keywords: human factor of nuclear energy safety; hardware-software psychodiagnostics systems; helping hardware-software systems; algorithmic hardware-software systems; hardware-software systems based on artificial intelligence.

Введение. В 2022 году исполнилось 40 лет психологической службе в атомной отрасли — одной из самых технологически сложных отраслей, где надежность человеческого фактора является основой безопасности [1]. К настоящему времени создана система психолого-психофизиологического обеспечения (ПФО) надежности человеческого фактора, дальнейшее развитие которой базируется на расширении и углублении научно-обоснованного базиса практических разработок и выполнении междисциплинарных исследований [2; 3]. К перспективным задачам системы психофизиологического и психологического обеспечения атомной отрасли относятся:

- компьютеризация различных видов рутинного труда психологов ЛПФО;
- развитие методов сбора и анализа данных;
- разработка и развитие компьютерных психодиагностических систем, объективизация результатов, выработка профессиональных норм;
- оценка и мониторинг функционального состояния работников с использованием бесконтактных дистанционных методов, разработка и внедрение affective computing systems;
- создание и поддержание баз данных, использование технологий анализа Big Data.

Решение данной группы задач напрямую связано с внедрением в практику профессионального отбора и психофизиологического сопровождения персонала аппаратно-программных диагностических комплексов (АПК). Далее представлен авторский подход к классификации АПК.

Материалы и методы. Анализ публикаций и исследовательского опыта использования АПК.

Результаты классификации АПК. Аппаратно-программные комплексы представляют собой систему (включающую аппаратную и программную составляющие) автоматизированного сбора, обработки, хранения и отображения информации о состоянии объектов. К настоящему времени разработано достаточно много различных АПК, которые мы предлагаем классифицировать на помогающие АПК, алгоритмические АПК и АПК на основе искусственного интеллекта. Рассмотрим кратко эти классы АПК применительно к задачам психодиагностики и профотбора. Каждый класс АПК имеет свои особенности использования, понимание которых позволяет обеспечивать обоснованность решения по итогам диагностики. Есть также определенные требования к квалификации пользователя АПК, обеспечивающие полноценную реализацию возможностей аппаратно-программного комплекса.

1. Помогаящие АПК — аппаратные программные комплексы, которые помогают специалисту фиксировать, документировать, хранить информацию о респондентах. Собранная информация хранится в первоначальном виде и может быть выдана по форме запроса. Особенности: ограничения чувствительности фиксирующей аппаратуры, в случаях вычисления интегрального показателя — его недостаточная валидность. Требования к квалификации пользователя: детальное понимание возможностей и ограничений модели исследования и сути измеряемых показателей; понимание возможностей/невозможности интеграции измеренных показателей в единый интегральный показатель.

2. Алгоритмические АПК — включают программное обеспечение, позволяющее не только фиксировать, документировать и хранить информацию, но также и трансформировать ее по определенному алгоритму. Спектр алгоритмических АПК достаточно широк — от компьютерных версий психодиагностических методик, производящих обработку ответов испытуемого по заданным ключам, до весьма сложных систем анализа изображений, звуков. Так, по алгоритмическому принципу работают многие современные технологии машинного зрения (например, программное обеспече-

ние FaceReader, разработанное компанией Noldus). Суть их работы заключается в фиксации движений мелких частей лица (в программе FaceReader это AU — action units, или единицы движения в соответствии с FACS — Facial Action Coding System — системой кодирования для классификации выражений лица человека, в других программах может использоваться другое деление, например анатомический атлас мимических мышц) и затем определение эмоционального состояния по алгоритму программы. Особенности: ограничения чувствительности фиксирующей аппаратуры (например, системы машинного зрения), характеристики и общее качество алгоритма перевода измеряемых индикаторов в числовые значения показателей психических свойств и состояний. Требования к квалификации пользователя: детальное понимание формул вычисления выходных показателей и их психологического содержания на основе измеряемых индикаторов. Владение методами многомерного статистического анализа данных, позволяющими системно изучать зафиксированные индикаторы, без перевода в показатели психических свойств и состояний, осуществлять проверку качества, научно обоснованную корректировку формул перевода фиксируемых индикаторов в показатели психических свойств и состояний.

3. АПК на основе искусственного интеллекта. Принципиальное отличие этих АПК от алгоритмических заключается в использовании нейронной сети, которая «подстраивается» под систему реакций конкретного респондента. В случае с использованием интеллектуальной технологии машинного зрения процесс диагностики включает два этапа: обучение сети на калибровочной части видеозаписи, а затем на тестовой части видеозаписи диагностика осуществляется сетью без участия человека. Особенности: качество нейросети (характеристики и точность), квалификация разработчика нейросети в области психологии. Требования к квалификации пользователя: детальное понимание сути измеряемых показателей и компетентность в области психологии индивидуальных различий, позволяющее четко детализировать калибровочный материал для обучения нейросети; владение методами многомерного статистического анализа данных.

Заключение. На настоящем этапе развития техники и фиксирующих технологий у психологов, занимающихся профотбором, в том числе в атомной отрасли, появились уникальные возможности как автоматизации рутинного труда, так и использования высокотехнологичных методов изучения профессионально важных качеств, актуальных психических свойств и состояний. Основная проблема и, соответственно, ключевая точка роста заключается в методологической обоснованности измеряемых с помощью новой аппаратуры показателей, а также возможностей их интеграции в сгруппированные показатели. Решение подобного рода методологических задач сегодня невозможно без анализа больших данных, позволяющего как проводить факторизацию и кластеризацию накопленных баз данных, так и соотносить показатели, полученные диагностическим путем, с показателями профессиональной деятельности персонала.

Библиографические ссылки

1. *Бодров В. А.* Психология профессиональной пригодности : учеб. пособие для вузов. 2-е изд. М. : ПЕР СЭ, 2006. 511 с.
2. *Абрамова В. Н.* Система обеспечения профессиональной надёжности работников атомной энергетики в современных условиях // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2006. № 1. С. 4–7.
3. Психофизиологическое обеспечение профессиональной надёжности персонала предприятий и организаций атомной отрасли : сб. материалов IV отрасл. науч.-практ. конф., г. Москва, 6–8 октября 2020 г. М. : ИП РАН, 2018. 294 с.

Е. В. Леонова

А. В. Кривчун

М. С. Ситцева

Техническая академия «Росатома»

Обнинск, Россия;

Калужский государственный университет

им. К. Э. Циолковского

Калуга, Россия

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Рассматривается проблема психологической безопасности старшекласников в образовательной среде школы. Цель эмпирического исследования заключалась в определении внешних и внутренних факторов психологической безопасности современных старшекласников в образовательной среде школы. К внешним факторам относятся эмоциональная окраска учеником взаимоотношений с однокласниками и учителями, условия для развития в образовательной среде. В качестве внутреннего фактора рассматривается субъектность школьника. Результаты исследования показали, что сочетание внешних и внутренних факторов обуславливает различия в оценке значимости составляющих психологической безопасности.

Ключевые слова: психологическая безопасность старшекласников, образовательная среда школы, внешние и внутренние факторы психологической безопасности, субъектность.

Elena V. Leonova
Anastasiya V. Krivchun
Maria S. Sittseva

Rosatom Technical Academy
Obninsk, Russia;
Tsiolkovsky Kaluga State University
Kaluga, Russia

EXTERNAL AND INTERNAL FACTORS OF HIGH SCHOOL STUDENTS' PSYCHOLOGICAL SAFETY

The problem of psychological safety of high school students is considered. The purpose of the empirical study was to determine the external and internal factors of the psychological safety of modern high school students in the educational environment of the school. The results of the study showed that the combination of external and internal factors causes differences of the psychological safety.

Keywords: psychological safety of high school students, educational environment of the school, external and internal factors of psychological safety, human agency.

Введение. Реалии современного мира обусловили важность обеспечения безопасности человека, в том числе психологической (ПБ). Актуальна проблема обеспечения ПБ школьников, особенно подросткового возраста, сталкивающихся с явным и неявным психологическим буллингом со стороны одноклассников и учителей. Состояние ПБ обучающихся является важным фактором позитивного усвоения социальных норм и формирования социально одобряемого, адекватного поведения в будущем [1].

В настоящем исследовании под ПБ понимается состояние защищенности личности от внешних и внутренних угроз в образовательной среде, возможность противостоять им с сохранением психологической устойчивости в неблагоприятных обстоятельствах [2].

В соответствии с возрастной периодизацией В. И. Слободчикова, возраст от 15 до 18 лет охватывает два основных этапа развития, а именно, этап персонализации и этап индивидуализации [3]. В этом

возрасте ведущей деятельностью является общение со сверстниками, значимость которых возрастает, однако коммуникация с ними может играть не только позитивную, но и негативную роль в развитии личности подростка. Своевременное разрешение возрастных кризисов, в том числе подросткового, сопряжено со становлением субъектности [4].

Мы предположили, что ПБ старшеклассника в образовательной среде школы детерминируется сочетанием внешних и внутренних факторов. К внешним факторам относятся эмоциональная окраска учеником системы взаимоотношений с одноклассниками и учителями, условия для развития старшеклассника в образовательной среде. В качестве внутреннего фактора рассматривается субъектность школьника.

Материалы и методы. Выборка: учащиеся 9–11 классов (15–18 лет), $N = 114$ (59 девочек и 55 мальчиков). Методики: «Психологическая диагностика безопасности образовательной среды школы» (И. А. Баева), СЖО (Д. А. Леонтьев), УРСЛ (М. А. Щукина). Анализ данных производился с помощью программы Statistica v.13, использовались кластерный анализ, U -критерий Манна — Уитни.

Результаты. На первом этапе анализа данных методом кластерного анализа выборка была разделена на два кластера в зависимости от оценки внешних факторов безопасности образовательной среды. В первый кластер вошли испытуемые, высоко оценившие условия для собственного развития в школе и имеющие доверительные отношения с одноклассниками и учителями. Вторым кластером включал школьников, низко оценивающих условия развития в стенах школы, имеющих трудности в отношениях с одноклассниками и учителями. С помощью U -критерия была установлена значимость различий: условия развития старшеклассников в образовательной среде $U = 822^{***}$; благоприятные отношения с одноклассниками $U = 134^{***}$; благоприятные отношения с учителями $U = 274^{***}$; эмоциональный компонент образовательной среды $U = 845^{**}$ (здесь и далее *** означает статистическую значимость различий $p < 0,001$; ** — $p < 0,01$; * — $p < 0,05$). На втором этапе общая выборка учащихся повторно была разделена на два кластера на основании показателей субъектности (УРСЛ). Значимость раз-

личий по шкалам УРСЛ: активность — реактивность $U = 541^{***}$; автономность — зависимость $U = 434^{***}$; целостность — неинтегративность $U = 550^{***}$; опосредованность — непосредственность $U = 768^{***}$; креативность — репродуктивность $U = 618^{***}$; самооценочность — малоценность: $U = 515^{***}$). Также значимыми являются различия между кластерами по показателю СЖО результативность жизни ($U = 1043^{**}$).

Таким образом, по результатам двукратного применения кластерного анализа выборка разделилась на четыре группы: I — старшекласники с высокой субъектностью и позитивной оценкой образовательной среды, II — старшекласники с высокой субъектностью и негативной оценкой образовательной среды, III — старшекласники с низким уровнем субъектности и позитивной оценкой образовательной среды, IV — старшекласники с низким уровнем субъектности и негативной оценкой образовательной среды. Оценка ПБ и прогноз успешности адаптации и саморазвития в образовательной среде старшекласников этих групп следующий: I — старшекласник в безопасности, стабильное состояние; II — неоднозначное положение: возможен как позитивный, так и негативный прогноз; III — старшекласник в безопасности, нестабильное состояние; IV — школьник с малой вероятностью сможет самостоятельно справиться с ситуацией, требуется психологическая помощь.

Анализ значимости факторов психологической безопасности образовательной среды с точки зрения старшекласников каждой из четырех групп показал, что определяющими факторами психологической безопасности для всех групп являются удовлетворённость взаимоотношениями с учителями и уважительное отношение к себе. При этом для группы I не были выделены доминирующие факторы безопасности. Для группы II доминирующими являются такие характеристики образовательной среды, как «Возможность высказать свою точку зрения», «Уважительное отношение к себе», «Сохранение личного достоинства», «Внимание к просьбам и предложениям». Данная группа характеризуется высоким уровнем развития субъектности и возможными сложностями в личностной реализации вследствие негативного отношения к внешним факторам безопасности образовательной среды. Для школьников группы III

ключевым фактором безопасности образовательной среды является ее стабильность. Самой проблемной и внутренне незащищенной является группа IV, для которой важны такие характеристики образовательной среды, как «Эмоциональный комфорт», «Взаимоотношения с учениками», «Возможность высказать свою точку зрения», «Возможность проявлять активность и инициативу», «Уважительное отношение к себе». Школьники этой группы в первую очередь нуждаются в психологической помощи, превентивное оказание которой сможет предотвратить негативное развитие ситуации.

Заключение. Результаты исследования подтвердили выдвинутую гипотезу и показали, что сочетание внешних и внутренних факторов обуславливает различия в оценке значимости составляющих психологической безопасности.

Библиографические ссылки

1. Психологическая безопасность личности и ценности подростков и молодежи / И. А. Баева, Л. А. Гаязова, И. В. Кондакова и др. // Псих. наука и образование. 2020. Т. 25, № 6. С. 5–18. DOI:10.17759/pse.2020250601

2. Баева И. А., Гаязова Л. А., Кондакова И. В. Личностные ресурсы психологической безопасности подростков и молодежи в образовательной среде // Интеграция образования. 2021. Т. 25, № 3. С. 482–497. DOI: 10.15507/1991–9468.104.025.202103.482–497

3. Слободчиков В. И. Категория возраста в психологии и педагогике развития // Вопр. психологии. 1991. Т. 2. С. 37–49.

4. Leonova E. V. Overcoming Normative Educational Crises: The Human Agency Factor. Psychology in Russia: State of the Art. 2019. № 12(3). P. 121–136. DOI: 10.11621/pir.2019.0309.

Е. В. Леонова
Е. Д. Чернецкая
Е. О. Никуличева

*Техническая академия «Росатома»
Обнинск, Россия*

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРА БЕЗОПАСНОСТИ»

Рассматривается проблема культуры безопасности персонала атомной отрасли. Представлены результаты эмпирического исследования восприятия понятия «культура безопасности» сотрудниками Технической академии «Росатома» ($N = 442$), относящимся к различным поколениям. Результаты исследования свидетельствуют, что с накоплением жизненного и профессионального опыта работников атомной отрасли локализация понятия «культура безопасности» переходит на внутренний план и становится частью личности профессионала.

Ключевые слова: культура безопасности, работники атомной отрасли, возрастные особенности восприятия понятия культура безопасности.

Elena V. Leonova
Elena D. Chernetskaya
Ekaterina O. Nikulicheva

*Rosatom Technical Academy
Obninsk, Russia*

AGE-RELATED FEATURES OF THE “SAFETY CULTURE” CONCEPT PERCEPTION

The problem of the safety culture of personnel in the nuclear industry is considered. The results of an empirical study of the “Safety Culture” concept perception by employees of the Rosatom Technical Academy ($N = 442$) are presented. The results of the study show that with the accumulation of life and professional experience, the safety culture becomes a part of personality.

Keywords: safety culture, nuclear industry personnel, age-related features of the concept of the “Safety culture” perception.

Введение. Под культурой безопасности (КБ) понимается составляющая профессионального менталитета, «...базовым ядром которой является приоритетная ценность безопасности и соответствующее отношение к производственному процессу и его участникам» [1, с. 132]. Понятие КБ является для атомной отрасли фундаментальным при обсуждении вопросов надежности персонала. В настоящей статье представлены результаты эмпирического исследования восприятия понятия «культура безопасности» сотрудниками Технической академии «Росатома» (Обнинск) и ее филиалов (Москва, Санкт-Петербург, Нововоронеж, Сосновый Бор).

Материалы и методы. Общая численность выборки составила 442 человека, в том числе 86 руководителей и 336 специалистов и рабочих в возрасте от 20 до 66 лет. Метод исследования — анкетный опрос (разработанная по методологии МАГАТЭ [2; 3] анкета самооценки КБ). В результате анализа данных, полученных в ходе проведения самооценки состояния КБ в академии, был составлен словарь ассоциаций — слова, которые сотрудники связывают с понятием «культура безопасности» в Технической академии «Росатома». В словарь вошло более 580 слов и словосочетаний, которые были разделены на пять групп: 1) качества личности (дисциплинированность, ответственность, саморазвитие); 2) профессиональные качества (квалификация, профессионализм, компетентность); 3) приоритет в системе ценностей (важность, приоритет, норма, вовлеченность); 4) атрибуты профессиональной деятельности (маски, средства индивидуальной защиты, пожарная тревога); 5) обеспечение организацией безопасности работников (защищенность, уверенность, системность, качество).

Результаты. Наибольшее количество слов-ассоциаций было отнесено к категориям: качества личности — 34 % и обеспечение организацией безопасности работников — 29 %. Культуру безопасности как ценность охарактеризовали 17 % респондентов, и меньшая часть выборки ассоциирует КБ с профессиональными качествами (12 %) и атрибутикой (8 %).

Следует отметить, что представленная тенденция характерна не для всех возрастных групп респондентов

Представляет интерес распределение ассоциаций с понятием КБ у работников академии четырех возрастных групп: до 35 лет, 36–45, 46–55, 56 и более лет. Мы сопоставили доли респондентов в различных возрастных группах, указавших ассоциации различных категорий. Для оценки статистической значимости различий в долях использовался критерий φ^* — угловое преобразование Фишера. Нижеследующие значения критерия, помеченные *, свидетельствуют о различии в долях на уровне значимости $p < 0,05$, а помеченные ** — на уровне значимости $p < 0,01$.

(1) Культура безопасности как качество личности. Ассоциации этой категории статистически значимо ($\varphi^* = 2,6^*$ и $\varphi^* = 4,4^{**}$ соответственно, по сравнению со следующей по частоте встречаемости категории в возрастной группе) доминируют в двух старших возрастных группах: 34 % в группе 46–55 и 42 % в группе 56+.

(2) Культура безопасности как профессиональное качество. Нами был отмечен рост доли ассоциаций данной категории с увеличением возраста респондентов: от 7 % в возрастной группе до 35 лет до 16 % в группе 56+. Между смежными «молодыми» и крайними категориями различия статистически значимы ($\varphi^* = 1,8^*$ и $\varphi^* = 2,4^{**}$ соответственно).

(3) Культура безопасности как ценность. Доля ассоциаций от 14 до 20 % в разных возрастных категориях, тенденции не выявлено. Различия между возрастными группами незначимы

(4) Культура безопасности как атрибут. Доли ассоциаций данной категории во всех возрастных группах не превышает 10 %. Различия между группами незначимы.

(5) Культура безопасности как обеспечение организацией безопасности работников — ассоциации этой категории характерны для молодежи до 35 лет (34 % совпадает с процентной долей выбравших вариант 1, и в приоритете в группе 35–46 лет — 37 % — достоверно выше долей других категорий ассоциаций ($\varphi^* = 4,3^{**}$)).

Результаты ненаправленного количественного контент-анализа позволили выделить наиболее часто встречающиеся слова в каждой возрастной категории.

- 1) до 35 лет — надежность;
- 2) 36–45 лет — качество;

3) 46–55 лет — надежность;

4) 56 и старше — дисциплина, ответственность.

Заключение. Понятие культуры безопасности воспринимается подавляющим числом респондентов всех возрастных категорий как нечто отличное от просто атрибутики.

Результаты исследования свидетельствуют, что с накоплением жизненного и профессионального опыта работников атомной отрасли локализация понятия «культура безопасности» переходит на внутренний план и становится частью личности профессионала. То есть более возрастные сотрудники все меньше надеются на то, что внешние условия смогут полностью обеспечить безопасность и поэтому больше внимания уделяют совершенствованию личностных качеств, которые помогут им избежать непредвиденных ситуаций и их последствий.

В то же время молодым работникам не свойственно, как показали результаты исследования, воспринимать культуру безопасности как составляющую профессионализма: у респондентов в возрасте до 45 лет все же доминирует внешний локус контроля в понимании культуры безопасности. Данный факт определяет направление работ с молодежью на предприятиях атомного комплекса.

Библиографические ссылки

1. *Бодров В. А.* Психология профессиональной пригодности : учеб. пособие для вузов. 2-е изд. М. : ПЕР СЭ, 2006. 511 с.

2. *Абрамова В. Н.* Система обеспечения профессиональной надежности работников атомной энергетики в современных условиях // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2006. № 1. С. 4–7.

3. Психофизиологическое обеспечение профессиональной надежности персонала предприятий и организаций атомной отрасли : сб. материалов III отрасл. науч.-практ. конф., г. Обнинск, 15–17 октября 2018 г. / отв. ред. Е. В. Леонова. М. : ИП РАН, 2018. 294 с.

В. Ю. Литвинов

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ К ОБРАЗУ СОБСТВЕННОГО РЕГИОНА ПОСРЕДСТВОМ МЕТОДА МЕТАФОРИЧЕСКОЙ АССОЦИИ У МОЛОДЕЖИ РОССИИ*

Анализируется ассоциативная структура региональных особенностей восприятия собственных субъектов страны у молодежи. На основе региональных представлений уточняется отношение к образу России у молодежи, проживающей в различных субъектах страны. Выявляются отдельные ассоциации, репрезентирующие региональную идентичность молодежи. Происходит классификация регионов России по сфомированности ценностно-смысловых ожиданий молодежи к образу этих регионов и соответствию данных образов с эмоциональной и когнитивной привязанностью молодежи к этому месту.

Ключевые слова: метафорическая ассоциация, образ региона, региональная идентичность, молодежь, образ России.

Vladimir U. Litvinov

Moscow State University

named after M. V. Lomonosov

Moscow, Russia

REPRESENTATION OF ATTITUDE TO THE IMAGE OF OWN REGION USING THE METAPHORICAL ASSOCIATION METHOD OF RUSSIAN YOUTH

The authors analyze the associative structure of regional features of the perception of the country's own subjects among young people. On the basis of regional ideas, the attitude towards the image of Russia among young

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-313-90069.

people living in various regions of the country is specified. Individual associations are identified that represent the regional identity of young people. There is a classification of the regions of Russia according to the formation of the value-semantic expectations of young people to the image of these regions and the correspondence of these images with the emotional and cognitive attachment of young people to this place.

Keywords: metaphorical association, image of the region, regional identity, youth, image of Russia.

Введение. Жители большинства государств имеют особое чувство принадлежности к определенному макрорегиону и пространственному местоположению. Это явление не только материально или соотнесено с определенным географическим пространством, но и определяется эмоциональной привязкой к месту своего проживания, выражающейся в форме гражданской идентичности каждого человека [1].

Это относится и к отдельным региональным образованиям внутри государств. Исследования, связанные с российской региональной идентичностью, показывают значимые различия на региональном уровне [2]. Согласно концепции «четырёх России» Н. В. Зубаревич, культурные различия внутри регионов России выражены сильнее, нежели различия между Россией и ее западными и восточными соседями [3]. Внутрикультурные различия в ценностях и поведенческих стратегиях в разных регионах России гораздо более выражены, чем межкультурные различия отдельных государств [4].

Поэтому целью нашего исследования является изучение региональных особенностей формирования образа России и образа собственных регионов у молодежи, проживающей в различных субъектах страны.

Материалы и методы. Всего в исследовании приняло участие 788 респондентов из восьми макрорегионов России (Север России, Центральная Россия, Черноземье, Поволжье, юг России, Урал, Сибирь, Дальний Восток) и 30 субъектов Российской Федерации. Средний возраст всей выборки — от 14 до 35 лет ($M = 24,5$, $SD = 10,2$). Из них 68 % женщины и 32 % мужчины.

Структура исследования строилась на основе модели культурного программирования Г. Хофстеде [5]. Использовался метод метафорической ассоциации, который состоял в том, что испытуемым предлагалось представить свой регион через характеристики, свойственные описанию человека. Всего было предложено шесть таких характеристик: пол, возраст, уровень образования, социальный статус, рост, конституция тела, психотип (характер). По каждому из параметров был предложен закрытый вопрос, который предполагал выбор из вариантов ответа.

Результаты исследования обрабатывались методом контент-анализа, частотного анализа и непараметрическими статистическими методами. Для обработки использовались различные математико-статистические алгоритмы (программы SPSS, Microsoft Excel, EQS).

Результаты. При обработке результатов с помощью эксплораторного факторного анализа (метод главных компонент, вращение Варимакс), было выявлено три основных фактора, репрезентирующих образ собственного региона для молодежи страны:

1. Социальный фактор (22,7 % общей дисперсии) с категориями: уровень образования, рост, социальный статус.
2. Психологический фактор (16,8 %): возраст, психотип.
3. Физический фактор (16,8 %): конституция тела, гендерная принадлежность.

Затем применялся метод конфирматорного факторного анализа, в ходе которого была составлена структурная модель выделенных факторов. Статистические показатели модели $\chi^2 = 24,72$ (при уровне значимости $p = 0,01$) и $CFI = 0,85 > 0,8$, $RMSEA = 0,06 < 0,1$ указывают на хорошую согласованность модели с экспериментальными данными.

По итогам анализа было выделено шесть групп регионов:

Группа 1: Приморский край, Рязанская область — образ данных регионов несет в себе признаки маскулинности, сдержанности, отсутствия авторитета, отсутствия управленческих навыков.

Группа 2: Свердловская область, Вологодская область, Ростовская область — несет в себе образ региона с признаками зрелости, развитых управленческих качеств, лидерства, отсутствия авторитета.

Группа 3: Курская область, Пермский край, Сахалинская область, Пензенская область — описывает образ региона с признаками частично феминности, недостаточных управленческих навыков и опыта, отсутствия авторитета.

Группа 4: г. Санкт-Петербург — молодежь описывает данный регион через признаки ярко выраженной маскулинности, с преобладанием творческих способностей, молодости, высокой статусности и образованности.

Группа 5: Самарская область, Томская область, Краснодарский край — определяются образом с качествами авторитетности, но отсутствием подобающего опыта, преобладанием творческих способностей, с выраженностью феминности, молодостью.

Группа 6: г. Москва — описывается качествами феминности, зрелости, определенными управленческими навыками и высоким уровнем авторитетности, статусности, образованности.

Заключение. Полученные данные свидетельствуют о том, что молодежь России по-разному конструирует образы собственных регионов. Выявлены значимые различия в описании характеристик этих образов. Но также выделены группы регионов, у которых приближено восприятие собственных регионов. Эти данные могут стать дополнительными инструментами при оценке экономических и социальных составляющих региона и дать более комплексное понимание основных проблем и возможностей его развития.

Метод метафорической ассоциации позволяет раскрыть глубинные аспекты восприятия территории ее местными жителями, выявить истинное ценностно-смысловое отношение к региону и развитость региональной идентичности. Методология данного исследования может быть применима для мониторинга отношения молодежи к образу собственных регионов и страны в целом.

Библиографические ссылки

1. Misplaced states and the politics of regional identity: towards a theoretical framework / W. Aslam, L. Wehner, K. Koga et al. Cambridge Review of International Affairs, 2020. DOI: 10.1080/09557571.2020.1723061

2. *Литвинов В. Ю., Матвеева Л. В.* Региональная идентичность как предиктор гражданской идентичности у молодёжи страны // Вестн. Моск. ун-та. Серия 14. Психология. 2021. № 3.

3. *Зубаревич Н. В.* Будущее российского пространства: экономика и население // Будущее российской экономики / под ред. Р. Ениколопова, Ш. Вебера. М. : Эксмо, 2020. С. 168–177.

4. *Вахштайн В. С.* Трансформация общественных пространств и эволюция социальной коммуникации. М. : РАНХиГС, 2016.

5. *Hofstede G.* Culture and Organization: Software of the Mind. New York : McGraw-Hill, 1997.

**И. И. Лушпаева
Э. Н. Гилемханова**

*Институт психологии и образования,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия*

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ УЧИТЕЛЕЙ В КОНТЕКСТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ*

Статья посвящена изучению субъективного представления учителей о профессиональном благополучии в контексте современных социокультурных условий. Цель исследования состоит в изучении особенностей процессуальных характеристик, входящих в представление педагогов о профессиональном благополучии в контексте психологической безопасности профессионального взаимодействия.

Ключевые слова: профессиональное благополучие, безопасность, взаимодействие, субъективное представление.

**Irina I. Lushpaeva
Elvira N. Gilemkanova**

*Institute of Psychology and Education
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia*

PROFESSIONAL WELL-BEING OF TEACHERS IN THE CONTEXT OF INTERACTION SECURITY

The article is devoted to the study of teachers' subjective perception of professional well-being in the context of modern socio-cultural conditions. The purpose of the study is to study the features of procedural characteristics included in the teachers' idea of professional well-being in the context of psychological safety of professional interaction.

Keywords: professional well-being, safety, interaction, subjective representation.

* Работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета (ПРИОРИТЕТ-2030).

Введение. Изучение субъективных представлений педагогов о профессиональном благополучии в контексте личной и социокультурной безопасности открывает новые перспективы научных исследований.

В рамках представленного исследования профессиональное благополучие учителя и субъективное представление о нем рассматривается с позиции удовлетворенности педагога по двум аспектам: 1) самореализации в профессии (рациональная удовлетворенность); 2) безопасности профессиональных отношений как характеристика качества взаимодействия в профессиональной среде (психологическая удовлетворенность).

Удовлетворенность взаимодействием рассматривается отечественными и зарубежными учеными в качестве одного из ключевых аспектов профессионального благополучия учителя [1–3], тема безопасности взаимодействия не обозначена в качестве самостоятельной.

Таким образом, целью нашего исследования является изучение профессионального благополучия учителей в контексте безопасности взаимодействия.

Участниками исследования стали 140 учителей Республики Татарстан в возрасте от 20 до 64 лет, со стажем работы от 1 до 50 лет.

Методика. Для проведения исследования была составлена авторская анкета по изучению субъективных представлений педагога о профессиональном благополучии на основе переработанных и обобщенных теоретических и инструментальных разработок И. А. Бaeвой [4] и В. А. Ясвина [5].

Результаты исследования. Результаты проведенного исследования показали, что в структуре представления педагогов о психологическом благополучии возможно выделить процессуальные характеристики, которые демонстрируют субъективное отношение и самовосприятие педагогом профессиональной деятельности, в их содержание включены эмоциональная и когнитивная оценки характеристик профессиональной среды, в том числе состояние ее безопасности.

Описанные процессуальные характеристики позволяют рассматривать понятие «профессиональное благополучие» как динамиче-

ский конструкт, который может изменяться в процессе трудовой деятельности человека.

На основании наиболее выраженных корреляционных связей выделено ядро структуры профессионального благополучия, в которое вошли профессиональная эффективность; удовлетворенность местом работы; достигнутый уровень профессионального роста; эмоциональное состояние в профессии.

Была составлена двухфакторная модель, которая подтвердила теоретически заданную нами структуру профессионального благополучия учителя. Модель состоит из двух блоков: качество профессиональной деятельности и качество взаимодействия в профессиональной группе. Во второй блок вошли две группы показателей — удовлетворенность характеристиками взаимодействия в профессиональной среде и безопасность взаимодействия.

На основании полученных результатов исследования сформулировано понятие «профессиональное благополучие учителя», рассматриваемое как «субъективное представление педагога о качестве трудовой деятельности с позиций удовлетворенности, включающее два основных фактора: качество (самореализация) профессиональной деятельности и качество взаимодействия в профессиональной среде».

Представление о профессиональном благополучии учителя связано с показателями безопасности профессиональной среды и включает в себя положительное эмоциональное и когнитивное самовосприятие в профессиональной деятельности, возможности профессионального развития, принадлежности к конкретной профессиональной группе, сознательная включенность педагога в образовательную среду (осознаваемость) и через это возможность оценки ее состояния как психологически безопасного.

Заключение. В рамках данного исследования профессиональное благополучие учителя и его субъективное представление об удовлетворенности деятельностью, рассмотрено по двум аспектам: 1) самореализации в профессии (рациональная удовлетворенность); 2) безопасности профессиональных отношений как характеристика качества взаимодействия в профессиональной среде (психологическая удовлетворенность).

Оба аспекта включают в себя эмоциональные и когнитивные характеристики оценивания. При том что удовлетворенность взаимодействием рассматривается отечественными и зарубежными учеными в качестве одного из ключевых аспектов профессионального благополучия учителя, тема безопасности взаимодействия не выделялась в качестве самостоятельной, что составляет новизну нашего исследования.

Практическая значимость исследования: полученные результаты можно использовать в консультативной и просветительской работе с педагогами по вопросам профессионального развития и профилактики эмоционального выгорания, а также в рамках психолого-педагогической супервизии молодых педагогов в период становления профессиональной деятельности.

Библиографические ссылки

1. Минюрова С. А., Заусенко И. В. Личностные детерминанты психологического благополучия педагога // Пед. образование в России. 2013. № 1. С. 94–101.
2. Рябов В. Б. Качество трудовой жизни и профессиональное благополучие // Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3, № 2. С. 79–95.
3. Ebersold S., Rahm T., Heise E. Autonomy support and well-being in teachers: differential mediations through basic psychological need satisfaction and frustration // Social Psychology of Education. 2019. № 22. P. 921–942. <https://doi.org/10.1007/s11218-019-09499-1>.
4. Баева И. А. Психологическая безопасность в образовании : монография. СПб. : СОЮЗ, 2002. 271 с.
5. Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М. : Смысл, 2001. 365 с.

В. А. Мазилев

Ю. Н. Слепко

Ярославский государственный педагогический университет

им. К. Д. Ушинского

Ярославль, Россия

ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ*

Обсуждается актуальная для современной психологии проблема интеграции психологического знания. Показано, что условием ее решения является разработка фундаментальных проблем предмета, метода, объяснения в психологии. Рассматриваются основные положения коммуникативной методологии, нового понимания предмета психологии как внутреннего мира человека, использование которых позволяет подойти к продуктивному решению проблемы интеграции в современной психологии.

Ключевые слова: интеграция, предмет, внутренний мир человека, способности, объяснение.

Vladimir A. Mazilov

Yurii N. Slepko

Yaroslavl State Pedagogical University

named after K. D. Uchinsky

Yaroslavl, Russia

THE PROBLEM OF INTEGRATION OF PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE IN MODERN PSYCHOLOGY

The problem of integration of psychological knowledge, which is topical for modern psychology, is discussed. It is shown that the condition for its solution is the development of fundamental problems of the subject, method, explanation in psychology. The main provisions of communicative method-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00089, <https://rscf.ru/project/22-28-00089/>.

ology, a new understanding of the subject of psychology as the inner world of a person, the use of which allows us to approach a productive solution to the problem of integration in modern psychology, are considered.

Keywords: integration, subject, human inner world, abilities, explanation.

Введение. Для современного этапа развития психологической науки характерен достаточно интенсивный прирост психологического знания, проявляющийся в получении новых эмпирических и экспериментальных данных, в появлении новых направлений и разделов психологической науки, в расширении понятийного пространства психологии [1] и т. д. Между тем, несмотря на более чем вековую историю существования психологии как самостоятельной научной дисциплины, историю решения самых разных вопросов и проблем, нельзя с уверенностью говорить о единстве психологического сообщества в понимании фундаментальных теоретических и методологических основаниях психологической науки. Даже наоборот, высказываются мнения о том, что психология и не должна быть единой наукой, она носит характер мультипарадигмальной дисциплины [2]. В этой связи сложилась весьма противоречивая ситуация, когда на декларируемом уровне в качестве предмета психологии обозначается психика, а на уровне реального понимания, задающего тактику и стратегию психологических исследований, предмет либо ограничивается приверженностью психолога тому или иному подходу или направлению, либо сводится к непсихологическим феноменам и явлениям (физиологическим, психофизиологическим, нейропсихологическим и т. д.). Ввиду сказанного для современной психологии как никогда актуальной является интеграция психологического знания в контексте решения фундаментальных методологических проблем предмета, метода, объяснения в психологии.

Материалы и методы. Авторы считают, что в современной психологии существует ряд подходов, реализация которых в решении обозначенных проблем позволит продолжить развитие психологии как самостоятельной и фундаментальной научной дисциплины. Речь идет прежде всего о коммуникативной методологии психологической науки [3], позволяющей интегрировать многочисленный опыт эмпирического и экспериментального решения всего разнообразия

проблем в психологии. Реализация положений коммуникативной методологии представляется наиболее продуктивной на основе решения проблемы предмета психологии, в качестве которого авторы предлагают использовать конструкт внутреннего мира человека [4; 5]. Принципиальной характеристикой внутреннего мира человека является его уровневое строение и возможность использовать в качестве базового понятия для описания содержания, структуры, развития внутреннего мира понятие способностей [6; 7].

Результаты. Коммуникативная методология позволяет организовать работу с многочисленными результатами психологических исследований на уровне предтеории «...как комплексе исходных представлений, предшествующих эмпирическому изучению и направляющих исследование» [3, с. 342]. Здесь проводится анализ основной идеи исследования, базовой категории, моделирующего представления и организующей схемы. Результатом реализации положений коммуникативной методологии является возможность интеграции результатов многочисленных исследований и объяснение изучаемых в них психологических явлений и феноменов.

Представляется, что наиболее продуктивная реализация коммуникативной методологии в решении проблемы интеграции в психологии возможна в условиях понимания предмета психологической науки как внутреннего мира человека [4; 5]. Внутренний мир имеет уровневое строение, в структуре которого представлено все разнообразие психологических характеристик человека как индивида, как субъекта деятельности, как личности. Наибольшими объяснительными возможностями для анализа психологического содержания уровневого строения внутреннего мира человека, его развития и функционирования обладают способности как понятие, с разной степенью интенсивности и продуктивности использовавшееся в истории психологической науки для описания сущностных сил человека (Аристотель, Х. Вольф, С. Л. Рубинштейн). На современном этапе истории психологии способности последние встраиваются в объяснение внутреннего мира человека и позволяют организовать работу по реальной интеграции накопленного в психологии опыта теоретических, эмпирических, экспериментальных исследований средствами коммуникативной методологии [6; 7].

Принципиально важно, что использование уровневого подхода к пониманию предмета психологической науки позволяет подойти к решению фундаментальной проблемы объяснения в психологии. Уровневое строение внутреннего мира человека позволяет встроить объяснение в структуру предмета психологии за счет комплексного описания межуровневых отношений всего разнообразия психологических характеристик. Это дает возможность не сводить психологическое знание к знанию непсихологическому (физиологическому, нейропсихологическому и т. п.) и объяснять психическое психологическим.

Заключение. Обобщая, необходимо акцентировать внимание на том, что решение фундаментальных проблем психологической науки возможно лишь в условиях интеграции теоретического, методологического, эмпирического и экспериментального знания.

Библиографические ссылки

1. Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А. Анализ современных понятий в психологии. Часть I. Опыт систематизации понятий // Псих. журнал. 2021. Т. 42, № 3. С. 5–15.
2. Юревич А. В. Объяснение в психологии // Псих. журнал. 2006. Т. 27, № 1. С. 97–106.
3. Мазилев В. А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. 419 с.
4. Шадриков В. Д., Мазилев В. А. Общая психология : учебник для академ. бакалавриата. М. : Юрайт, 2015. 411 с.
5. Мазилев В. А. Предмет психологии. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 175 с.
6. Шадриков В. Д. К новой психологической теории способностей и одаренности // Псих. журнал. 2019. Т. 40, № 2. С. 15–26.
7. Шадриков В. Д. Способности и одаренность человека. М. : ИП РАН, 2019. 274 с.

Ю. Э. Макаревская

З. И. Рябикина

Сочинский государственный университет

Сочи, Россия;

Кубанский государственный университет

Краснодар, Россия

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ СОЦИАЛЬНОГО НЕУСПЕХА В ПАРАДИГМЕ СУБЪЕКТНО-БЫТИЙНОГО ПОДХОДА К ЛИЧНОСТИ

Анализируется понятие социального неуспеха. Теоретически обосновываются и эмпирически, методом незаконченных предложений, выявляются его критерии. Рассматриваются универсальные параметры отнесения личности к категории социально неуспешной. В рамках субъектно-бытийного подхода личность не ограничена психическим и включает в себя внешние по отношению к психике объективные пространства явлений, которые реорганизуются ею в соответствии со значимыми смыслами.

Ключевые слова: социальный неуспех личности, субъектно-бытийный подход, критерии социального неуспеха.

Yuliya E. Makarevskaya

Zinaida I. Ryabikina

Sochi State University

Sochi, Russia;

Kuban State University

Krasnodar, Russia

UNIVERSAL CRITERIA OF SOCIAL FAILURE IN THE PARADIGM OF THE SUBJECT-EXISTENTIAL APPROACH TO THE PERSONALITY

The concept of social failure is analyzed. Theoretically substantiated and empirically, by the method of unfinished sentences, its criteria are revealed. The universal parameters of attributing a person to the category of socially unsuccessful are considered. Within the framework of the subject-being approach, personality is not limited to the mental and includes objective

spaces of phenomena external to the psyche, which are reorganized by it in accordance with meaningful meanings.

Keywords: social failure of personality, subject-existential approach, criteria of social failure.

Введение. Ориентация личности на жизненные, профессиональные, творческие достижения может иметь результат в разных формах социального успеха или неуспеха, так как «...успешность является одной из важнейших характеристик любой деятельности» [1].

В различных видах деятельности выделяются внешние и внутренние критерии объективной успешности, эффективности действия. При этом внешние критерии выражают общественную (социальную) оценку по легко регистрируемым параметрам, понятным большинству людей, внутренние критерии отражены в процессах рефлексии, саморегуляции, когнитивной и эмоциональной субъективной оценки личности [2; 3].

В исследованиях наибольшее внимание уделено обоснованию признаков успеха и успешности личности в деятельности, в то время как темпы современного бытия личности в транзитивном мире во много раз увеличивают риски социального неуспеха.

Глобальный мир, рынки и цифровые технологии значительно расширили для каждого инфраструктуру возможностей самоопределения и проявления себя. Однако это соревнование за социальное внимание к собственной личности требует постоянной оценки и обратной связи, не дает передышки. Всегда есть опасность стать незаметным, социально неуспешным, не успеть воспользоваться множественными предложениями современного глобального социума.

Понимание неуспеха, прежде всего как отсутствия положительного социального признания достижений в деятельности, мы рассматриваем в рамках субъектно-бытийного подхода к личности. Неуспех здесь связан неразрывно с личностно значимой деятельностью, наделенной субъективным смыслом и реализуемой в определенных сферах бытия. Именно субъектная активность личности в реализации деятельности в определенном бытийном пространстве является показателем личностного смысла ее выполнения.

Цель данного исследования — выявить универсальные критерии социального неуспеха в репрезентациях респондентов.

Материалы и методы. Определение признаков социального неуспеха проводилось методом незаконченных предложений с последующим частотным и контент-анализом, категоризацией и ранжированием.

Респондентам ($N = 205$, средний возраст — 25,1 лет) было предложено продолжить предложения:

1. Студента можно назвать социально неуспешным...
2. Выпускника вуза можно назвать социально неуспешным...
3. Человека можно назвать социально неуспешным...

Студент — обучающийся в учебном заведении. Выпускник вуза — человек в течение 2–3 лет после окончания высшего учебного заведения. Человек — гипотетический образ некоего члена общества, который не сопровождался никакими дополнительными комментариями в инструкциях к опросу.

Результаты. Анализ мнений респондентов (частотный, контент-анализ) дал основания для выделения категорий, включающих внутренние и внешние критерии социального неуспеха. Это некие описательные характеристики образа неуспешного человека, содержащие его личные качества, функционал в той или иной сфере социальных отношений и результаты его деятельности.

Встречающиеся во всех группах ответов признаки были отнесены к универсальным критериям социального неуспеха:

— личностные особенности (черты): некоммуникабельный, безответственный, неорганизованный, вспыльчивый, ленивый, не уверен в себе, не проявил себя, не может самовыразиться, не гармоничен сам с собой, винит других в своих неудачах;

— мотивация: не стремится к знаниям, к цели, ничем не интересуется, нет стимула к продвижению по карьере, нет целей, не знает, чем заняться, не стремится к профессионализму, не воплотил свои мысли, идеи, желания в жизнь, не реализовал свой потенциал, не смог достичь того, о чем мечтал, нет желания работать.

Заключение. Таким образом, можно выделить атрибуты социального неуспеха, разделив на две категории: внутренние (психологические) и внешние (материальные, социальные). Было выяснено, что

неуспех связан с отсутствием общественного признания либо всей деятельности человека, либо его отдельных действий и достижений, а также черт личности.

При этом универсальными критериями неуспеха, по данным исследования, являются именно внутренние критерии отсутствия этих достижений: специфические качества личности и мотивационные сбои в функционале (выполнении конкретных действий по достижению успеха).

Интерпретация результатов в парадигме субъектно-бытийного подхода позволяет избежать традиционной оппозиции «внешнего и внутреннего» в критериях социального неуспеха.

Ситуация неуспеха в рамках данного направления психологии может пониматься как стечение внешних обстоятельств и внутренних состояний, переживаний, качеств и свойств, которые делают невозможным (или затрудненным) для личности достижение успехов субъективно желаемых и социально признаваемых достижениями в личностно значимой деятельности. В рамках субъектно-бытийного подхода личность не ограничена психическим и включает в себя внешние по отношению к психике объективные пространства явлений, которые реорганизуются ею в соответствии со значимыми смыслами. Так личность продлевает себя, преобразуя среду в свои бытийные пространства [4; 5].

С этой позиции локализация обстоятельств за счет смыслообразования и тенденции личности к самореализации происходит в определенных социальных сферах, выявленных в исследовании: учеба, профессия/работа, семья, отношения. То есть личность продлевает себя там, где есть смысл для нее. Выполняя разные виды деятельности, личность находит оценку своим результатам в социальном окружении и получает информацию о том, насколько она успешна или не успешна в социальном плане по мнению данного конкретного социального окружения.

Так личность проявляет субъектность в избираемом способе отношений и бытия в этих отношениях. Поэтому мы полагаем, что детальные психологические исследования не только критериев, но и влияния социального неуспеха на личность — гораздо более

сложная, многогранная и актуальная задача, чем культивирование и продвижение ценности достижения успеха.

Библиографические ссылки

1. *Климова Е. К.* Психологические критерии успешности предпринимательской деятельности : дис. ... канд. психол. наук. Калуга, 2004.

2. *Елизаров А. Н.* Социальные и психологические критерии успешности деятельности как проблема позитивной психологии / А. Н. Елизаров, М. Н. Болдинова // Вестн. Москов. гос. гум. ун-та им. М. А. Шолохова. Педагогика и психология. 2013. № 3. С. 95–106. EDN RFEDZF.

3. *Творогова Н. Д.* Я в контексте психологии успеха // Мир психологии. 2002. № 2 (30). С. 53–60.

4. *Рябикина З. И., Танасов Г. Г.* Субъектно-бытийный подход к личности и анализу ее со-бытия с другими (конструктивная версия постмодернистских «настроений») // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 2. С. 4–19.

5. Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России : материалы V Международ. науч.-практ. конф., Пятигорск, 05–07 октября 2018 года / ред. коллегия: В. И. Моросанова, Е. А. Фомина, Т. Н. Банщикова. Пятигорск : ООО «Научный мир», 2018. 280 с. DOI: 10.30888/978-5-6041451-4-2.2

Л. Б. Максарова

Оуен Цзыянь

Т. В. Корнилова

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

ЛАТЕНТНЫЕ ПРОФИЛИ ЛИЧНОСТНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ: КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ СРАВНЕНИЕ РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ВЫБОРОК

Проводится кросс-культурное сравнение российских и китайских выборок по индивидуальным особенностям принятия решений, выделяемым при использовании Мельбурнского опросника принятия решений. Сравнение выявило общность в двух типах стилиевой регуляции принятия решения: по соотношению средней выраженности продуктивного копинга и различиям в непродуктивных.

Ключевые слова: принятие решений, бдительность, избегание, прокрастинация, Мельбурнский опросник принятия решений.

Lidia B. Maksarova

Ouyang Ziyang

Tatiana V. Kornilova

Moscow State University

named after M. V. Lomonosov

Moscow, Russia

LATENT PROFILES OF PERSONAL REGULATION OF DECISION MAKING: CROSS-CULTURAL COMPARISON OF RUSSIAN AND CHINESE SAMPLES

The authors conduct a cross-cultural comparison of Russian and Chinese samples according to the individual features of decision-making identified using the Melbourne Decision-Making Questionnaire. The comparison revealed a commonality in two types of stylistic regulation of decision-mak-

ing: the ratio of the average severity of productive coping and differences in unproductive ones.

Keywords: decision making, Vigilance, Back-Passing, Procrastination, Melbourne Decision Making Questionnaire.

Введение. Психологические исследования принятия решений (ПР) включают анализ как когнитивных стратегий, так и эмоционально-личностной регуляции. В концепции множественной многоуровневой регуляции ПР на основе введения представлений о динамических регулятивных системах как иерархиях процессов, за которыми стоят разные составляющие интеллектуально-личностного потенциала человека, преодолена дихотомия рационального-личностного выборов. Согласно этой мультипликативной модели, предложено рассматривать три аспекта самореализации субъекта в выборе: 1) проявленной интеллектуальной ориентировки; 2) эмоционально-личностной включенности; 3) выраженности новообразований, характеризующих уровень проявленных усилий и продуктивности ПР [1].

Актуальным стало изучение индивидуально-стилевой регуляции ПР. Соответственно разрабатываются опросники для ее выявления. Один из них — Мельбурнский опросник принятия решений (МОПР), построенный согласно концепции Джениса и Манна для выделения продуктивного и непродуктивных копингов как стилей разрешения конфликта в ситуации неопределенности [2]. Важной характеристикой стиля ПР выступило свойство «вигильность» (Vigilance), или «бдительность» («бдить» — быть готовым к решениям в любой момент), которое представлено универсальной личностной характеристикой. Ей противопоставляются непродуктивные копинги «сверхбдительность» (паникерство, метание между разными целями), «избегание» и «прокрастинация».

Важным в регуляции ПР выступает аспект культурной принадлежности субъекта. Культурные нормы не просто влияют на поведение, но (с позиций культурно-исторической психологии) интериоризируются в качестве средств саморегуляции при ПР. Сравнения российской, китайской, азербайджанской выборов (различающихся по интолерантности общества и выраженности в нем коллекти-

визма-индивидуализма) демонстрируют это на примерах отличий эмоционально-личностных профилей [3; 4].

Целью нашей работы стало сравнение российских и китайских участников по особенностям ПР, выделяемым при использовании МОПР.

Для другой выборки анализ латентных профилей для МОПР уже проводился; новым аспектом стало для нас выявление культурной специфики индивидуально-стилевых различий копингов при ПР.

Материалы и методы. На российской выборке показано, что МОПР обладает хорошей надежностью и структурной валидностью [5]. При апробации сейчас на китайском языке опросник проявил аналогичную авторской структуру и высокую внутреннюю согласованность шкал: $\alpha = 0,685$ для бдительности, $\alpha = 0,825$ для избегания, $\alpha = 0,796$ для прокрастинации и $\alpha = 0,704$ для сверхбдительности.

Участники исследования. 534 человека: 262 из России ($M_{\text{возр}} = 27,67$; 87 мужчин, 33,5 %; 175 женщин, 66,5 %) и 272 из Китая ($M_{\text{возр}} = 27,76$; 105 мужчин, 38,6 %; 167 женщин, 61,4 %). Все проходили онлайн-тестирование на основе осведомленного сотрудничества.

Сравнение выборочных средних и корреляционный анализ проводились в системе SPSS, анализ латентных профилей — в программном пакете MPLus. Анализ латентных профилей фокусируется на индивидуальных различиях (*person-centered approach*), идентифицируя различие гомогенных подгрупп как латентных классов, или латентных профилей испытуемых.

Результаты. Применение непараметрического критерия выявило значимо большие бдительность у россиян и избегание и сверхбдительность у китайцев. Сравнение по полу показало, что у россиян нет значимых различий в бдительности, но у женщин выше показатели непродуктивных копингов. В китайской выборке не обнаружено различий по полу. Корреляционный анализ показал, что у всех россиян (женщин и мужчин) и у китайских мужчин бдительность не связана с непродуктивными копингами, но последние значимо коррелируют между собой. Напротив, у китайских женщин все четыре копинга значимо связаны. При анализе латентных профилей схожие характеристики дали разбиения на 2 и потом 3 класса у российских и китайских участников. Двухкластерное решение

демонстрирует при среднем показателе бдительности расхождение по трем непродуктивным копингам (с минимальными и максимальными значениями). Однако трехкластерное решение дополнительно выделило небольшие группы участников с иным соотношением высоты переменных: в российской выборке из группы с большими показателями по непродуктивным копингам (46,6 % при двух кластерах) выделяется небольшая группа (7,6 %) с максимальной бдительностью при снижении избегания; в китайской третья группа (12,3 %) отделяется от группы с низкими показателями непродуктивных копингов, демонстрируя еще меньшие их показатели, но при уменьшении бдительности.

Дополнительное по опроснику ШПАНА для обеих выборок показало значимые связи бдительности с позитивным аффектом и непродуктивных копингов — с негативным. Согласно теории Дженнса и Манна, позитивный и негативный стили не являются двумя полюсами одной шкалы. Для китайянок следование бдительности не означает меньшее использование непродуктивных копингов, что возможно отражает большие эмоциональную включенность и «личностную цену» ПР.

Заключение. Кросс-культурное сравнение выявило общность в двух типах стилевой регуляции ПР у россиян и китайцев: по отношению средней выраженности продуктивного копинга и различиям в непродуктивных. Трехкластерное решение проявило выявило тонкие различия в особенностях «малых» групп, дающих нетривиальные сочетания бдительности и непродуктивных копингов.

Библиографические ссылки

1. Корнилова Т. В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб. : Нестор-История, 2016. 344 с.
2. Janis I., Mann L. Decision Making: A Psychological Analysis of Conflict, Choice and Commitment. New York : The Free Press, 1977.
3. Корнилова Т. В., Корнилов С. А. Латентные профили личностных свойств, связанных с принятием решений о социальном дистанцировании (на примере российской и азербайджанской выборок) // Псих. журнал. 2021. Т. 42(3). С. 36–47.

4. *Kornilova T., Qiuqi Z.* Cross-cultural comparison of relationships between empathy and implicit theories of emotions (in chinese and russians) // Behavioral Sciences. 2021. Vol. 11(10). P. 137.

5. *Корнилова Т. В.* Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // Псих. исследования (электронный журнал). 2013. Т. 6(31). С. 4.

Е. Г. Максименко

*Донецкий национальный университет
Донецк, Донецкая Народная Республика*

АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ ЛИЧНОСТИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПСИХИКИ

В работе представлены результаты анализа функционирования системы психологической защиты в зависимости от уровня дифференциации психики. Утверждается, что ситуация эмоционально-родительской депривации стимулирует раннюю дифференциацию психики в онтогенезе посредством функционирования механизмов психологической защиты. Обосновывается применение категорий анализа «Я-образ», «Доминирующий принцип», «Уровень восприятия картины» для описания уровня дифференциации психики и структурно-функциональных параметров механизмов психологической защиты.

Ключевые слова: психика, уровень дифференциации психики, механизмы психологической защиты, эмоционально-родительская депривация.

Elena G. Maksimenko

*Donetsk National University
Donetsk, Donetsk People's Republic*

ANALYSIS OF THE MECHANISMS OF PSYCHOLOGICAL PROTECTION OF THE PERSON DEPENDING ON THE LEVEL OF DIFFERENTIATION OF THE PSYCHE

The paper presents the results of the analysis of the functioning of the psychological defense system depending on the level of differentiation of the psyche. It is argued that the situation of emotional-parental deprivation stimulates the early differentiation of the psyche in ontogenesis, through the functioning of psychological defense mechanisms. The application of the categories of analysis «I-image», «Principle that dominates», «Level of perception of the picture» is substantiated to describe the level of differentiation

of the psyche and the structural and functional parameters of psychological defense mechanisms.

Keywords: psyche, level of psyche differentiation, psychological defense mechanisms, emotional-parental deprivation.

Введение. Психика человека — сложное многоуровневое образование, наполненное необходимым для биологической, физиологической, социальной, интеллектуальной адаптивности человека содержанием, способствующем естественной эволюции общества. Актуальность проблемы поиска инструмента познания психики, особенно скрытых, глубинных ее аспектов, обусловлена недостаточной представленностью методов решения данного вопроса. В первую очередь это связано со сложностью объекта исследования, семантика которого всегда индивидуальна. Данное исследование направлено на изучение глубинных психических процессов, латентно влияющих на содержательную и структурную аспекты психики [1].

Целью нашего исследования являлась апробация методики исследования уровня дифференциации психики личности, выделение доминирующей субстанции, характерных для нее вытесненных дериватов психических переживаний, травм, защитных механизмов.

Современные представления о системе психологической защиты стали основанием для предположения, что наиболее оптимальными факторами, позволяющими выделить, описать и проанализировать механизмы психологической защиты субъекта являются его структурно-функциональные и семантические параметры [2]. К структурно-функциональным параметрам нами отнесены дифференцированность, «репертуар» защитного поведения; интенсивность проявления защитных устройств; зрелость, адекватность проявления. В качестве семантических параметров определены психические особенности личности, позволяющие косвенно зафиксировать функционирование системы психологической защиты: мотивы, потребности, значимые конфликты, эмоциональные установки, проявление высокой или низкой тревожности, самооценка, виды страхов, адекватность «Супер-Эго», интеграция «Эго».

Структурно-функциональные характеристики психологической защиты определялись по уровню дифференциации психики на суб-

станции, выделенные в классическом психоанализе. Как известно, динамика становления системы психологической защиты личности проходит ряд этапов, зависящих от уровня дифференциации психики [3].

По нашему предположению, первый уровень дифференциации психики связан с отделением Ид от Эго (становление следующих защитных механизмов: вытеснение, интроекция, проекция, проективная идентификация, расщепление, возмещение). На втором уровне дифференциации возникает «Супер-Эго» (замещение, идентификация с агрессором). Далее психика переходит на новый виток своего развития, в котором возможна как компенсация, так и усиление уже приобретенного. В условиях фрустрации потребностей, переживания психотравмы появляется риск возникновения третьего уровня дифференциации психики, для которого характерна дефрагментация, появление большого количества масок. Парадоксально защита обращает Эго против себя самого (аутоимунный эффект). Формируется тенденция к «психологической импотенции», «психологической смерти» (ведущая защита — искажение реальности). В случае развития зрелого, самостоятельного Эго, формируются способности саморегуляции и адаптивности, развивается конструктивная тенденция — интеграции (первый уровень). В этом случае в психике личности формируются ситуативные механизмы психологической защиты, а система психологической защиты характеризуется разнообразием, низкой интенсивностью, доминированием механизмов более высокого уровня (рационализация, интеллектуализация, сублимация).

Материалы и методы. Исследование проводилось на выборке из 275 человек. Выборку составили две подгруппы испытуемых. 1) группа «А» — 150 детей, воспитывающихся в детских домах и приютах; 2) группа «Б» — 125 детей, воспитывающихся в семьях. Обе группы эквивалентны и репрезентативны.

Каждому испытуемому были предоставлены картинки методики «Детский апперцептивный тест» Л. Беллак, С. Беллак с инструкцией составить устный рассказ [4]. Непосредственная процедура контент-анализа осуществлялась на основе подсчета выделенных категорий в рассказах испытуемых. Результаты заносились в регистрационный

бланк. Далее подсчитывалось количество отмеченных категориальных единиц в каждом рассказе испытуемого.

Результаты. Категории: «Я-образ», «Доминирующий принцип», «Уровни восприятия картинки» выделены для определения доминирующего уровня дифференциации психики и характерных для этого уровня защитных механизмов. Категория «Я-образ» анализируется через показатели внутреннего мира, внешнего мира, Я-интегрируемого. Мы предполагаем, что доминирование в структуре психики «внутреннего мира», а именно акцент на удовлетворении инстинктивных желаний, потребностей, их дериватов, вытесненных в процессе развития индивида в бессознательное, демонстрирует преобладание Оно, доминирование «внешнего мира» (страх несоответствия требованиям общества, чрезмерная самокритика и т. п.), — преобладание Сверх-Я. Преобладание «Я-интегрированного» — свидетельствует о достаточной силе структуры Я, то есть умение адаптироваться в самом широком смысле как к внешним, так и к внутренним требованиям, что служит прежде всего цели самосохранения и безопасности, а также проявление таких чувств как любовь, дружба и уважение.

Категория «Доминирующий принцип» анализируется через показатели: принцип удовольствия (внутренний мир), принцип долженствования (внешний мир), принцип реальности (Я-интегрируемое). Категория «Уровень восприятия картинки», соответственно: описательный уровень, уровень действий, уровень отношений. Имело значение и характер описания картинки, например, простое перечисление изображенных предметов или объектов, интерпретировалось как уход от инструкции, что может свидетельствовать о включении системы психологической защиты обсессивного характера группы вытеснения.

Заключение. Согласно результатам, ситуация депривации стимулирует дифференциацию психики, временные границы которой сдвигаются на более ранний период по сравнению с нормой, свойственной контрольной группе, что отражается в преобладающих примитивных механизмах психологической защиты группы вытеснения.

Библиографические ссылки

1. *Фрейд З.* Толкование сновидений. Минск : Попурри, 1997. 576 с.
2. *Максименко Е. Г.* Особенности функционирования механизмов психологической защиты личности в условиях родительской депривации : дис. ... канд. псих. наук. Одесса, 2008. 437 с.
3. *Фрейд А.* Теория и практика детского психоанализа / пер. с англ. и нем. М. : Апрель Пресс, ЭКСМО-Пресс, 1999 Т. 1. 384 с. ; Т. 2. 400 с.
4. *Беллак Л., Беллак С.* Руководство по Тесту детской апперцепции / пер. с англ. Е. Ю. Коржовой, Е. П. Савченко, Л. Ф. Бурлачука. СПб. : Иматон, 2000. 70 с.

В. Р. Малахова

*Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия*

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ АКТИВИЗАЦИИ САМОРАСКРЫТИЯ СПОСОБНОСТЕЙ ПОДРОСТКОВ КАК ФАКТОРА АКАДЕМИЧЕСКОЙ УСПЕШНОСТИ

В статье показана актуальность исследования феномена самораскрытия способностей у подростка и его связь с академической успешностью. На основе ранее проведенного констатирующего эксперимента, посвященного изучению детерминант самораскрытия способностей подростка, разработаны психолого-педагогические условия их активизации и доказана эффективность этих условий. Психолого-педагогические условия реализуются через программу и основываются на следующих принципах: феноменологический; экзистенциально-гуманистический; согласованность учения и обучения, обеспеченная опорой на субъектный опыт учащегося.

Ключевые слова: академическая успешность подростка, самораскрытие способностей, психолого-педагогические условия, я-концепция.

Varvara R. Malakhova

*Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia*

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR ACTIVATION OF SELF-DISCLOSURE OF ADOLESCENTS' ABILITIES AS A FACTOR OF ACADEMIC SUCCESS

The article shows the relevance of the study of the phenomenon of self-disclosure of abilities in a teenager and its connection with academic success. On the basis of the earlier ascertaining experiment, devoted to the study of the determinants of self-disclosure of adolescent abilities, psychological and pedagogical conditions for their activation were devel-

oped and the effectiveness of these conditions was proved. Psychological and pedagogical conditions are implemented through the program and are based on the following principles: phenomenological; existential-humanistic; the coherence of teaching and learning, provided by the reliance on the subjective experience of the student.

Keywords: academic success of a teenager, self-disclosure of abilities, psychological and pedagogical conditions, self-concept.

Введение. Актуальность работы определяется динамичными изменениями в системе образования. Образовательные технологии должны формировать рефлексивное поведение, способность к построению своего развития и социальной активности. Основным традиционным показателем результативности образования являются отметки (баллы), выставленные педагогом и определяющие уровень академической успеваемости. В этом мы видим дефицит диагностической функции данного показателя. Пути достижения учащимся-подростком академической успеваемости могут быть различны: получение отметки, как конечная цель учения и достижение определенных переживаний в процессе обучения (чувство значимости, наполненности, осмысленности и т. д.). Второй случай характеризуется соединением субъектного опыта учащегося с обучением, что обуславливает его вовлеченность в учебную деятельность.

Задействование субъектного опыта учащегося в образовательном процессе позволяет ему обогащать свою Я-концепцию и в том числе осознавать и включать в нее собственные способности. Включение учащимся категорий способностей в свою Я-концепцию и тем самым его становление их субъектом В. С. Чернявская определяет самораскрытием способностей. Самораскрытие способностей выступает целевым результатом образования, для достижения которого необходимы определенные условия образовательной среды [1].

Способности по Б. М. Теплову определяются как индивидуально-психологические особенности, отличающие одного человека от другого и определяющие успешность выполнения деятельности или ряда деятельностей. Важным для исследования является тезис ученого о том, что способности не сводятся к знаниям, умениям и навыкам, но обуславливают легкость и быстроту обучения новым

способам и приемам деятельности [2]. Самораскрытие способностей выступает важным неотъемлемым составляющим академической успешности и может выступать ее показателем.

Материалы и методы. Цель работы состоит в разработке и апробации психолого-педагогических условий активизации самораскрытия способностей подростка как фактора академической успешности.

В ходе констатирующего эксперимента выявлены компоненты, взаимосвязь которых активизирует самораскрытие способностей: метакогнитивные качества, степень удовлетворенности экзистенциальных мотиваций [3] и интериоризированный позитивный интерес матери, реализующийся в безусловном внимании к самому себе [4]. Также только в группе подростков с самораскрытием способностей была обнаружена взаимосвязь академической успеваемости и переживания осмысленности жизни и правильности происходящего [5]. Такая взаимосвязь у этой группы подростков демонстрирует, во-первых, соединенность обучения и субъектного опыта, что позволяет через его использование в образовательном процессе обогащать свою Я-концепцию категориями способностей; во-вторых, такая согласованность позволяет подростку переживать соотнесенность с собой в процессе учения и тем самым постигать (формировать) свою академическую успешность, достигая успеваемость (отметок и баллов) путем задействования и обогащения субъектного опыта.

В двух группах школьников-подростков с самораскрытием способностей и без него не были обнаружены статистически значимые различия уровня академической успеваемости. Таким образом, нами делается вывод о том, что в группе школьников-подростков с самораскрытием способностей сформирована академическая успешность, которая имеет более широкое значение, чем академическая успеваемость. Академическая успеваемость, сопряженная с переживаниями осмысленности жизни и правильности происходящего, обуславливает вовлеченность учащегося в образовательный процесс и тем самым образует академическую успешность.

Выводы констатирующего эксперимента позволили определить содержание и принципы психолого-педагогических условий, определяющиеся принципами гуманистической и экзистенциальной

психологии; условиями, которые позволяют подростку улучшить контакт с собой, повысить открытость своему субъектному опыту и расширить Я-концепцию с помощью более широкого спектра понятий из категории способностей; обогащением способов активизации метакогнитивного опыта через его осознание и структурирование. Используемые методики: тест Куна-Макпартленда «Кто Я?», тест экзистенциальных мотиваций. Также осуществлялся сбор данных об успеваемости (средний балл за четверть или полугодие).

Результаты. Психолого-педагогические условия реализованы через с программу, содержащую три блока: рефлексивный, метакогнитивный, коммуникативный. Важными аспектами психолого-педагогических условий являются: использование специальных вопросов, направленных на активизацию субъектного опыта и внутреннего диалога подростка; выполнения подростками специальных рефлексивных домашних заданий в периоды между очными занятиями.

Квазиэксперимент проведен на выборке — 58 учащихся-подростков в пяти группах. Данные до и после реализации психолого-педагогических условий подверглись сравнению по критерию Манна — Уитни.

Заключение. Апробация показывает эффективность психолого-педагогических условий, реализованных в виде программы, направленной на развитие детерминант самораскрытия способностей — метакогнитивные качества, фундаментальные мотивации. Проведенное исследование расширяет область понимания феномена самораскрытия способностей В. С. Чернявской [1]. Полученные результаты могут быть использованы в работе школьного психолога, в образовательном процессе и стать основой для дальнейших исследований.

Библиографические ссылки

1. Чернявская В. С. Онтологическая модель предметной области самораскрытия способностей личности // Психология способностей: от самораскрытия к профессиональной реализации : материалы Всерос. науч. конф., Владивосток, 11–12 апреля 2018 года. Владивосток : Владивост. гос. ун-т экономики и сервиса, 2018. С. 116–126.

2. *Теплов Б. М.* Проблемы индивидуальных различий. М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. 536 с.
3. *Лэнгле А.* Person: экзистенциально-аналитическая теория личности : сб. ст. М. : Генезис, 2018. 159 с.
4. *Аминов Н. А., Малахова В. Р., Чернявская В. С.* Механизм самораскрытия способностей у подростков как фактор академической успешности // Сиб. псих. журнал. 2021. № 82. С. 96–119. DOI 10.17223/17267080/82/6. EDN ZNXSDK.
5. *Кривцова С. В.* Навыки жизни в согласии с собой и с миром. М. : Генезис, 2002. 129 с.

Л. В. Матвеева

Т. Я. Аникеева

Ю. В. Мочалова

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОГО СОДЕРЖАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МУЛЬТФИЛЬМОВ И ТРАДИЦИОННЫХ СКАЗОК

Анализируются ценности и смыслы, содержащиеся в традиционных сказках и современных мультфильмах с похожим сюжетом. Предложенный авторами метод дискурс-анализа медийного контента использован экспертами — студентами творческих вузов. Показано, что в современной анимации допускаются трансформации ценностно-смыслового содержания сказок и поведения их персонажей. Положительное воспитательное воздействие и формирование нравственных ценностей возможно только при условии дальнейшего подробного обсуждения детьми совместно со взрослыми увиденного в мультфильмах.

Ключевые слова: ценности и идеалы, этосы, дискурс-анализ, сказочные герои, современные мультфильмы.

Lidia V. Matveeva

Tatiana Ya. Anikeeva

Yulia V. Mochalova

Moscow State University

named after M. V. Lomonosov

Moscow, Russia

PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF THE VALUE-SEMANTIC CONTENT OF MODERN CARTOONS AND TRADITIONAL FAIRY TALES

The values and meanings contained in traditional fairy tales and modern cartoons with a similar plot are analyzed. The method of discourse analysis of media content proposed by the authors was used by experts — students

of creative universities. It is shown that transformations of the value-semantic content of fairy tales and their characters are allowed in modern animation. A positive educational impact and the formation of moral values is possible only if children continue to discuss in detail together with adults what they have seen in cartoons.

Keywords: values and ideals, ethos, analysis of discourse, fairy-tale heroes, modern cartoons.

Введение. Современный человек окружен искусственной информационной средой, для создания которой используются огромные финансовые и научно-технические ресурсы. Картина мира и формирование личностной идентичности становятся крайне зависимы от содержания информационных потоков. Это в первую очередь относится к детям и подросткам [1; 2]. И традиционная народная и так называемая высокая культура сохраняют все, что способствует продуктивному развитию и воспитательным целям по отношению к подрастающему поколению. Народная сказка не только носитель мифологического сознания народа, но и средство обучающе-воспитательного воздействия на личность ребенка. Она сохраняет внутрикультурные сценарии принятия решений, сценарии чувств [3], отношений этосов благородства, благочестия, героизма, деспотизма и выживания. Сказка передает детям нравственные ценности и идеалы, закладывая основу идентичности личности через процесс идентификации с героями, олицетворяющими добро и зло. Современные авторы мультфильмов для детей и подростков творчески подходят к экранному воплощению канонических сценариев народных сказок и трансформируют ценностно-смысловое содержание как самих сказок, так и их героев.

Материалы и методы. В нашей работе с использованием метода дискурс-анализа, разработанного нами для экспертизы медийного контента [4], был проведен сравнительный анализ двух народных сказок «Маша и Медведь» и «Кощей Бессмертный» в редакции Афанасьева и одноименных современных мультфильмов. В качестве экспертов выступили 200 студентов творческих вузов страны, будущих специалистов по созданию медиаконтента. Результаты обрабатывались методом контент анализа.

Результаты. Сказка «**Маша и Медведь**» является бытовой и учит детей тонкостям обращения с людьми (на примере обращения с животными), смекалке и сообразительности. Идеалы и ценности: любовь к семье, послушание старшим, женское умение хозяйничать в доме и заботиться о домочадцах, умение обдумывать, как лучше поступить в трудной ситуации, не унывать, не отчаиваться, не сидеть сложа руки, а проявлять мужество и инициативу и доводить начатое дело до конца. В сказке присутствует противопоставление героев: «хорошая» Маша и «плохой» Медведь, похитивший ее и разлучивший с домом и близкими. Симпатии маленьких читателей на стороне Маши и идентификация с ней способствует формированию у них положительных ценностей, заложенных в ее поведении.

Мультфильм «Маша и Медведь». Событийная канва мультфильма реализована как невербальное действие или «немое кино» и напоминает цирковой аттракцион — эффектный номер, вызывающий восхищение зрителей. Маша предстает лучшей ученицей школы детской клоунады. Ее действия могут восприниматься маленьким зрителем как «праздник непослушания». Хронотоп: условный дикий лес, в котором детям жить не полагается, причем Маша, в отличие от традиционной сказки, не стремится вернуться домой. Частая смена кадров может вводить ребенка в состояние гипноза. Маша, в отличие от русской сказки, не является культурной героиней, а представляет собой персонаж-маску ребенка-трикстера. То есть мультфильм сюжетно является аналогом сериала «Том и Джерри», где трикстер — мышонок Джерри. Важно, что ни Маша, ни Медведь не являются однозначно положительными или отрицательными персонажами, и это не позволяет детям осмыслить их поведение с точки зрения дихотомии «добро — зло», а также мысленно встать на сторону добра и сделать правильные выводы. Кроме того, содержание мультфильма снижает авторитет родителя и приводит к выводу о вседозволенности и безнаказанности как «методах» «воспитания» ребенка.

Сказка «Кощей Бессмертный». Идеалы и ценности: взаимная любовь родителей и детей, супружеская любовь, взаимное доверие жениха и невесты, уважение к старшим, доверие к их мудрости, решительность, мужество, стойкость, способность к подвигу, упорство в достижении целей, богатырская сила (этом

героизма), стремление защитить или освободить слабого (этос благородства), любовь к родной земле и родному дому, способность противостоять искушениям (герой отказывается от власти над всем миром), традиционные семейные отношения, умение благодарить, терпеливость, незлопамятность, не стяжательство, способность к раскаянию, торжество справедливости (этос благочестия). **Мультфильм «Кощей. Начало».** Утверждается идея победы добра над злом, нравственные ценности самопожертвования, стойкости, мужества, верности, преданности, любви, дружбы, помощи тем, кто в ней нуждается. Демонстрируется взаимное уважительное отношение детей и взрослых. Шутки носят безобидный характер, не унижают достоинства персонажей. Герои бережно относятся ко всему живому, в том числе хрупкому и беззащитному. Хронотоп: условный сказочный мир, причем не вполне ясна культурная отнесенность происходящего. Маленький зритель может сопереживать главным героям и идентифицироваться с ними, в силу их внешней и поведенческой привлекательности. Однако «положительность» персонажей носит не явный характер, а следует лишь из анализа их поступков или же сглаживается комичностью их поведения и/или внешнего облика. Зло в персонажах изображено условно и схематично и не пугает ни самих героев, ни зрителей. Классический злой персонаж Кощей показан добрым, напоминает молодого, ловкого, привлекательного принца, спасающего свою возлюбленную и волшебный город. Баба-яга и Водяной — добрые и отзывчивые. Меч-кладенец — болтун, хвастун, врунишка и трус. «Богатырь» по внешнему облику оказывается предателем, а «Лихо одноглазое» — страшное внешне, но мудрое и дальновидное существо. Подобную трансформацию внешности и поведения персонажей можно считать смысловой манипуляцией, требующей дополнительного внимания и интеллектуальных усилий со стороны зрителя-ребенка, на которые дети в силу их возраста часто не способны. Следовательно, необходимо обсуждение со взрослыми увиденного в фильме ввиду опасности «размывания» в восприятии ребенка ценностно-смыслового противопоставления добра и зла, а также путаницы имени, внешности и поведения «хороших» и «плохих» персонажей.

Заключение. Одна из самых важных задач сказок — формирование у ребенка навыка различения добра и зла, понимания, что в мире есть хорошее и плохое, полезное и вредное. Именно с этой целью злых персонажей — Кащея, Бабу-ягу, Водяного и других — в фольклоре наделяли отталкивающей внешностью, чтобы ребенок, сопоставляя образы этих героев с их поведением, внутренними качествами, видел причинно-следственные связи. Поскольку сказки являются не только развлечением, но и инструментом формирования мировоззрения, то смысловые и ценностные трансформации внешности и поведения персонажей современных мультфильмов могут приводить к негативным последствиям для нравственного становления детей, являющихся их зрителями.

Библиографические ссылки

1. *Леонтьев Д. А.* Личность в непредсказуемом мире // *Методология и история психологии.* 2000. Т. 5. Вып. 3. С. 120–134.
2. *Белинская Е. П., Стефаненко Т. С.* Этническая социализация подростка. М. ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000. 208 с.
3. *Вежбицкая А.* Язык, культура, познание. М. : Русские словари, 1996. 416 с.
4. *Матвеева Л. В., Анিকেева Т. Я., Мочалова Ю. В.* Психология телевизионной коммуникации. М. : РИП-холдинг, 2004. 316 с.

П. А. Матвеева

Е. В. Чернышева

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕГРАДАЦИЯ В ПОНИМАНИИ БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ

Изучаются и анализируются особенности понимания понятий профессиональная деформация и профессиональная деградация у студентов, обучающихся по направлению «Психология». Уточняется суть понятий профессиональной деформации и профессиональной деградации, выявляются основные различия, причины развития, виды и признаки развивающихся дисфункций. Выделяются конкретные ошибки в понимании феноменов у студентов.

Ключевые слова: профессиональная деформация, профессиональная деградация, будущие психологи.

Polina A. Matveeva

Elena V. Chernysheva

*Ural Federal University named
after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia*

PROFESSIONAL DEFORMATION AND PROFESSIONAL DEGRADATION IN THE UNDERSTANDING OF FUTURE PSYCHOLOGISTS

The peculiarities of understanding the concepts of professional deformation and professional degradation in students studying Psychology are studied and analyzed. The essence of the concepts of professional deformation and professional degradation is clarified, the main differences, causes of development, types and signs of developing dysfunctions are revealed.

Specific errors in the understanding of phenomena among students are highlighted.

Keywords: professional deformation, professional degradation, future psychologists.

Введение. Вопросы о сущности понятий профессиональной деформации и профессиональной деградации рассмотрены в работах не многих исследователей, несмотря на повышенный интерес к проблеме профессиональной деформации. Проблема профессиональной деградации остается еще недостаточно изученной. В настоящее время существующие подходы описаны недостаточно, отсутствует соответствующий измерительный инструментарий, до конца не раскрыта сложность данных понятий, их детерминанты и механизмы развития.

Немаловажно, чтобы и будущие психологи понимали не только сущность и сложность данных понятий, но и могли оказывать при необходимости квалифицированную профессиональную помощь.

Материалы и методы. Для более подробного изучения профессиональной деформации и профессиональной деградации использовался теоретический анализ литературы; анкетирование; количественный и качественный анализ данных.

Выборка представлена будущими психологами. Общий объем выборки — 93 человека, из них 79 девушек и 14 юношей в возрасте от 19 до 25 лет. Испытуемым были заданы вопросы на тему понимания профессиональной деформации и профессиональной деградации.

Результаты. Анализ данных, полученных с помощью специально созданной анкеты «Профессиональная деформация и деградация», состоял в подсчете количества человек, которые согласились с утверждением, соответствующим определенному параметру. Утверждения составлялись на основе теоретического анализа информации о профессиональной деформации и профессиональной деградации, представленной в работах Баранова Е. Г. [1], Безносова С. П. [2], Зеера Э. Ф. [3], Караваева А. Ф. [4], Поляковой О. Б. [5], Мусалаевой А. Р. [6]. По итогам анализа вычислялся общий коэффициент понимания студентами понятий «профессиональная

деформация» и «профессиональная деградация». Результаты исследования показали, что у студентов психологов преобладает неполное понимание профессиональной деформации и профессиональной деградации. Наше исследование показывает, что у респондентов возникли сложности с предложенными вопросами. Студенты не дают полные ответы на вопрос: в следствие чего возникает профессиональная деградация? (63 чел.), только несколько студентов ответили верно (8 чел.). Несколько респондентов ответили неверно или ушли от ответа (12 чел.).

Анализируя ответы на вопрос о том, какие причины могут послужить развитию профессиональной деформации и профессиональной деградации, можно утверждать, что большинство респондентов правильно отвечают на поставленный вопрос (59 чел.). Однако некоторые ответили спорно, и 14 студентов не ответили вовсе.

При ответе на вопрос: эмоциональное выгорание является фактором профессиональной деформации? — большинство студентов выбирают правильный вариант ответа.

Заключение. Анализ мнений студентов о профессиональной деформации и профессиональной деградации показал, что большинство будущих психологов различают данные понятия. Имеется у студентов и понимание профессиональной деградации, отличающееся от профессиональной деформации. Для более глубокого понимания данных феноменов будущими психологами необходимо в изучаемые дисциплины о профессиональной деятельности больше включать тем с рассматриваемыми проблематиками, а также прохождение тренингов личностного и профессионального роста, овладение навыками саморегуляции.

Библиографические ссылки

1. Баранов Е. Г. Профессиональная деятельность как фактор деградации личности // Человеческий капитал. 2020. № 8 (140). С. 136–141.
2. Безносков С. П. Профессиональные деформации личности // Вестн. С.-Петербур. ун-та МВД России. 2012. № 3 (55). С. 167–171.
3. Зеер Э. Ф. Психология профессий. М. : Академ. проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. 336 с.

4. *Караваев А. Ф.* Профессиональная деформация личности // *Право и образование.* 2005. № 3. С. 172–187.

5. *Полякова О. Б.* Категория и структура профессиональных деформаций // *Нац. псих. журнал.* 2014. № 1(13). С. 55–62.

6. *Мусалаева А. Р.* Предотвращение возникновения профессиональных деформаций в организации // *Вестн. НОУ «ОНУТЦ ОАО “Газпром”.* 2011. № 1 (9). С. 26–31.

Н. М. Мельникова

Л. М. Степанова

Северо-Восточный федеральный университет

им. М. К. Аммосова

Якутск, Россия

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА

В рамках междисциплинарного подхода на стыке экономики и социальной психологии была предпринята попытка выявления влияния взаимодействия экономических и социально-психологических факторов на результат деятельности акционерного общества и готовности к инновациям в условиях непредсказуемости. Опосредованность собственности влияет на точность и адекватность оценки ситуации, себя и других, предопределяет у сотрудников ощущение стабильности, недооценку роли потребителя, персонального влияния работников на эффективность деятельности организации и не способствует переходу к маркетинговой организационной культуре.

Ключевые слова: организационная культура, маркетинговая культура, социальная перцепция, управление, акционерное общество.

Nadezhda M. Melnikova

Lidia M. Stepanova

North-Eastern Federal University named

after M. K. Ammosov

Yakutsk, Russia

SOCIO-PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF A JOINT-STOCK COMPANY

Within the framework of an interdisciplinary approach at the intersection of economics and social psychology, an attempt was made to identify the influence of the interaction of economic and socio-psychological factors on the result of a Joint-Stock Company's activities and readiness for innovation in conditions of unpredictability. The indirectness of ownership affects

the accuracy and adequacy of assessing the situation, oneself, and others, predetermines the employees' sense of stability, underestimation of the role of the consumer, the personal influence of employees on the effectiveness of the organization's activities and does not contribute to the transition to a marketing organizational culture.

Keywords: organizational culture, marketing culture, social perception, management, joint-stock company.

Введение. В условиях непредсказуемости акцент в управлении организацией смещается с совершенствования бизнес-процессов, совершенствования технологий на разработку стратегии развития в длительной перспективе и управления организационной культурой. Существенными факторами являются понимание организации как системы, сплочение сотрудников вокруг миссии и цели организации, привлечение их к управлению, организация совместной деятельности, управление организационной культурой.

На эффективность деятельности предприятия влияет сложный комплекс взаимосвязанных переменных, в котором специфические экономико-управленческие факторы переплетены с социально-психологическими. Акционерные общества имеют свои особенности: одной из характерных черт управления акционерными обществами с государственным участием является отсутствие единого центра принятия решений и постановки целей [1, с. 117]; низкая организационная культура [2]; значительное количество акционерных обществ, не приносящих прибыли [1, с. 16]. Задача изучения таких организаций, выявления их специфичных проблем управления, социально-психологических характеристик является одной из важнейших.

Материалы и методы. Объектом исследования является АО «Якутский хлебокомбинат» (далее АО ЯХК) (2017–2020). Методы исследования: маркетинговый, конкурентный, управленческий анализ, анкетирование, экспресс-методика оценки социально-психологического климата в трудовом коллективе (А. С. Михайлюк, Л. Ю. Шарыто) [3; 4]. Анкетирование проводилось с целью выявления удовлетворенности сотрудников, их мотивации, ценностных ориентаций, целей, особенностей социальной перцепции. Для

оценки организационной культуры использовали модель, предложенную Грудистовой Е. Г., а именно анализ составляющих коммуникационной политики предприятия; эффективности рекламных кампаний; обобщающих показателей эффективности деятельности предприятий (рентабельность, производительность); наличия (отсутствия) связи между эффективностью работы предприятий и уровнем развития организационной культуры и типа этой связи [5]. В социально-психологическом исследовании приняли участие 198 сотрудников АО «Якутский хлебокомбинат» (49 % от общего числа сотрудников). В маркетинговом исследовании для опроса потребителей использовался сайт [survio.com](https://www.surveymonkey.com). В опросе приняло участие 500 человек: 41 % мужчин, 59 % женщин в возрасте от 25 до 50 лет. В 2020 г. дополнительно поведился опрос 47 потребителей.

Результаты исследования. Организационная культура акционерного общества характеризуется как производственная, а не маркетинговая. Ряд важных маркетинговых функций отсутствует. Технологические инновации (закупка новых производственных линий) в отрыве от реального исследования конкурентной среды и поведения потребителей улучшают условия труда, но не могут кардинально изменить ситуацию на рынке. Сложившаяся система управления предопределяет противоречивый социально-психологический климат коллектива, отсутствие взаимодействия и объединения всего коллектива вокруг миссии цели, и задач организации. Реакция системы управления на изменения рынка не оперативна. Основная часть сотрудников ориентирована на стабильную постоянную работу со средним заработком без высокой степени ответственности. Следует отметить, что, несмотря на то, что работники дают средние оценки удовлетворенности условиями труда и не очень высокую удовлетворенность заработной платой, текучесть кадров на предприятии низкая. Эти факты свидетельствуют о том, что сотрудников устраивает такая ситуация, и к кардинальным переменам они не готовы. Опосредованность собственности предопределяет у сотрудников ощущение стабильности и защищенности от экономических последствий, недопонимание и недооценку роли потребителя, персонального влияния работников на эффективность деятельности организации и размер их заработной платы, отрицательно влияет

на отношение к инновациям в управленческой сфере и разработку продуктов, соответствующих потребностям потребителей.

Заключение. Опосредованность собственности в акционерных обществах влияет на организационное поведение на всех уровнях и способствует инерционности в управлении. Установлена взаимозависимость социальной перцепции и системы управления. Движущей силой любой живой системы, будь то человек или организация, является актуальная потребность, для удовлетворения которой необходима активность. В случае с нерентабельными акционерными обществами, имеющими ту или иную поддержку (возмещения, субсидии/дотации и др.) со стороны учредителя, потребность удовлетворяется без адекватной ситуации на рынке усилий; оценка себя и своих действий (точность социальной перцепции) не вполне адекватна как со стороны сотрудников, так и руководства, что тормозит внедрение современных методов управления и переходу к маркетинговой организационной культуре, снижает конкурентоспособность организации.

Библиографические ссылки

1. Яковлев А. Ю. Механизмы управления государственными акционерными обществами в России: характеристика и дисперсия функций органов управления и контроля // ЭТАП. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmu-upravleniya-gosudarstvennymi-aktsionernymi-obschestvami-v-rossii-harakteristika-i-dispersiya-funktsiy-organov-upravleniya-i> (дата обращения: 20.07.2019).

2. Выпряхкин Б. С. Организационная культура как инструмент повышения эффективности деятельности корпорации (на примере ОАО «Российская самолетостроительная корпорация МиГ») // Армия и общество. 2008. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnaya-kultura-kak-instrument-povysheniya-effektivnosti-deyatelnosti-korporatsii-na-primere-oao-rossiyskaya> (дата обращения: 01.07.2019).

3. Михайлов А. С. Социально-психологический климат производственной организации в различных социально-экономических условиях // Учен. записки. Электрон. науч. журнал Курск. гос. ун-та. 2013. № 1 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskij-klimat-proizvodstvennoj-organizatsii-v-razlichnykh-sotsialno-ekonomicheskikh-usloviyakh>

stvennoy-organizatsii-v-razlichnyh-sotsialno-ekonomicheskikh-usloviyah (дата обращения: 19.07.2019).

4. *Хасанова Г.Б., Исхакова Р.Р.* Психология управления трудовым коллективом : учеб. пособие. Казань : Изд-во КНИТУ, 2012. 260 с.

5. *Грудистова Е. Г.* Исследование организационной культуры как элемента системы маркетинговых коммуникаций // Науч. результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2015. № 2 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-organizatsionnoy-kultury-kak-elementa-sistemy-marketingovyh-kommunikatsiy> (дата обращения: 01.06.2020).

**С. В. Мерзлякова
Н. В. Бибарсова**

*Астраханский государственный университет
им. В. Н. Татищева
Астрахань, Россия*

ОБРАЗ БРАЧНОГО ПАРТНЕРА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЮНОШЕЙ С РАЗНОЙ СТЕПЕНЬЮ ВЫРАЖЕННОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ*

На основе учения П. Я. Гальперина об ориентировочной деятельности анализируются представления об идеальном брачном партнере у юношей-студентов, различающихся по степени выраженности ответственности на разных этапах возрастного развития. Установлено, что в юношеском возрасте и ранней зрелости у юношей в содержании образа идеальной жены присутствуют как общие элементы когнитивного компонента, так и специфические особенности, обусловленные влиянием степени выраженности ответственности и возрастом респондентов.

Ключевые слова: образ социальной роли, идеальная жена, ответственность, возрастно-психологический подход.

**Svetlana V. Merzlyakova
Nadia V. Bibarsova**

*Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev
Astrakhan, Russia*

THE IMAGE OF A MARRIAGE PARTNER IN THE REPRESENTATIONS OF YOUNG MEN WITH VARYING DEGREES OF RESPONSIBILITY

Based on the teaching of P. Ya. Galperin about orientation activities, the ideas of the ideal marriage partner among young men students are analyzed, differing in the degree of severity of responsibility at different stages of age development. It was found that in adolescence and early adulthood young men in the content of the image of an ideal wife have both common

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-013-00072.

elements of the cognitive component and specific features due to the influence of responsibility and age of respondents.

Keywords: image of a social role, ideal wife, responsibility; age-psychological approach.

Введение. В стремительно меняющейся политико-экономической ситуации, которая составляет объективный компонент социальной ситуации развития личности, становится актуальным поиск механизмов и факторов формирования брачно-семейных представлений молодежи в условиях цифровой социализации.

Е. И. Захарова, анализируя функцию представлений о социальной роли с позиций учения П. Я. Гальперина об ориентировочной деятельности, предположила, «...что формирующийся образ социальной роли становится средством ориентирования реальной деятельности в период ее освоения» [1, с. 39]. В модели динамической структуры социальной ситуации развития О. А. Карабанова рассматривает систему ориентирующих образов как субъективный аспект социальной ситуации развития ребенка [2]. Мы считаем, что универсальность выявленных закономерностей позволяет рассматривать ориентирующий образ как вектор, определяющий содержание деятельности и характер ее осуществления, во взрослых возрастах. Проблему исследования определяет разрешение противоречия между потребностью современного общества в воспитании традиционных семейных ценностей у молодежи цифрового поколения и недостаточной изученностью психологических факторов формирования представлений о супружеской роли.

Цель исследования — изучить представления об идеальном брачном партнере у студентов-юношей, различающихся по степени выраженности ответственности на разных этапах возрастного развития.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 143 студента Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева. Из них 47 (32,9 %) юношей в возрасте от 17 до 19 лет, 96 чел. (67,1 %) — от 20 до 22 лет.

С целью определения степени выраженности ответственности мы использовали многомерно-функциональную диагностику ответственности В. П. Пряжина. С помощью модифицированного

варианта методики семантического дифференциала И. Л. Соломина мы определили ценностное отношение юношей к понятию «идеальная жена». Для выявления содержания представлений о брачном партнере применялись модифицированный вариант методики семантического дифференциала И. Л. Соломина, проективная методика «Незаконченные предложения», опросник «Рольевые ожидания и притязания в браке» А. Н. Волковой.

Далее в каждой возрастной группе по отдельности в результате расчета ранговой корреляции Спирмена были выявлены содержательные характеристики образа идеальной жены.

Результаты. В юношеском возрасте инвариантными характеристиками в образе идеальной жены у юношей являются заботливость, трудолюбие, уважение к другим людям, уравновешенность. В группах юношей с невыраженной или выраженной степенью ответственности общими содержательными характеристиками в представлениях о брачном партнере являются выполнение обязанностей, личная независимость, личностная идентификация с супругом. В представлениях юношей с ситуативным проявлением или выраженной степенью ответственности идеальная жена должна быть успешной. У юношей с невыраженной степенью ответственности представления об идеальной жене отличаются наибольшим количеством содержательных характеристик, наличием элементов эмоционального и поведенческого компонентов. Образ будущей супруги дополняется сексуальностью, терпеливостью, эмпатией, положительным отношением к семье как социальному институту, романтической любви, супружеским правам и обязанностям, рольевыми ожиданиями в эмоционально-психотерапевтической сфере. У юношей с выраженной степенью ответственности в представлениях об идеальной жене выявлено положительное отношение к будущему брачному партнеру.

В ранней зрелости у юношей в представлениях об идеальной супруге выявлены такие общие элементы когнитивного компонента, как сексуальность и заботливость. Образ идеальной жены у юношей с невыраженной или выраженной степенью ответственности дополняется такими элементами, как выполнение обязанностей, личная независимость, трудолюбие, уравновешенность. В группах юношей с невыраженной степенью или ситуативным проявлением ответст-

венности представления об идеальной жене отличаются наличием уважения к другим людям, успешностью. У юношей с невыраженной степенью ответственности в образе идеальной жены присутствуют следующие содержательные характеристики: терпеливость, положительное отношение к главенству и ответственности в семье, личностная идентификация с супругом, ролевые ожидания в таких сферах, как социальная активность и эмоционально-психотерапевтическая. В представлениях о брачном партнере у юношей с ситуативным проявлением ответственности актуализируются элементы эмоционального компонента: положительное отношение к будущему брачному партнеру и будущим детям. У юношей с выраженной степенью ответственности в представлениях об идеальной жене наблюдаются ролевые ожидания в хозяйственно-бытовой сфере.

Заключение. Таким образом, результаты, полученные в данном исследовании, дают основание утверждать, что степень выраженности ответственности и возраст связаны с содержанием образа идеальной жены в представлениях юношей. Перспективой дальнейших исследований выступает оценка связи ответственности и содержательно-структурных характеристик представлений о супружеской роли жены у девушек-студенток, сравнительный анализ степени согласованности содержания образа идеальной жены у юношей и девушек с целью дальнейшего прогнозирования брачно-семейного поведения студентов. Неустойчивость эмоционального и поведенческого компонентов представлений о брачном партнере у юношей требует организацию психокоррекционной и профилактической работы с имеющимися представлениями о супружестве, которые будут выступать в качестве ориентировочной основы осваиваемого супружеского поведения в будущем.

Библиографические ссылки

1. *Захарова Е. И.* Представления о характере социальной роли, как средство ориентировки в ее исполнении // *Культур.-ист. психология.* 2012. № 4. С. 38–41.
2. *Карабанова О. А.* Ориентирующий образ в структуре социальной ситуации развития ребенка: от Л. С. Выготского к П. Я. Гальперину // *Вестн. Москов. ун-та. Серия 14. Психология.* 2012. № 4. С. 73–82.

А. В. Микляева

Российский государственный педагогический университет

им. А. И. Герцена

Санкт-Петербург, Россия

**СМАРТФОН ИЛИ КОМПЬЮТЕР?
ХАРАКТЕРИСТИКИ ОНЛАЙН-ПОИСКОВЫХ ЗАПРОСОВ
В ПРОЦЕССЕ ВЫПОЛНЕНИЯ УЧЕБНЫХ ЗАДАНИЙ ШКОЛЬНИКАМИ,
ИСПОЛЬЗУЮЩИМИ РАЗЛИЧНЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ УСТРОЙСТВА***

Представлены результаты исследования, в котором изучались стратегии онлайн-поиска учебной информации школьниками, использующими для этой цели компьютер и смартфон. Показано, что стратегии онлайн-поиска, релевантные целям образовательной активности, в большей степени связаны с предпочтением компьютера, особенно в ситуации выполнения проблемно-ориентированных поисковых заданий.

Ключевые слова: онлайн-поиск, образовательная активность, школьники, компьютер, смартфон.

Anastasia V. Miklyaeva

Herzen State Pedagogical University of Russia

Saint Petersburg, Russia

**SMARTPHONE OR COMPUTER?
CHARACTERISTICS OF ONLINE SEARCH QUERIES
FOR COMPLETING EDUCATIONAL TASKS BY SCHOOLCHILDREN
USING VARIOUS TECHNICAL DEVICES**

The paper presents the results of a study that examined strategies for online search of educational information by schoolchildren using a computer and a smartphone. The results show that online search strategies relevant

* Исследование финансируется Российским фондом фундаментальных исследований (проект № 19-29-14005).

to the educational goals are more associated with computer preference, especially in the situation of problem-oriented search tasks.

Keywords: online search, educational activity, schoolchildren, computer, smartphone.

Введение. Современные школьники широко используют онлайн-поиск дополнительной учебной информации в процессе выполнения учебных заданий [1], применяя для этого различные технические устройства, чаще других — смартфоны и стационарные компьютеры или ноутбуки [2]. Различия в технических характеристиках этих устройств рассматриваются сегодня в качестве факторов, определяющих их релевантность целям и задачам образовательной активности. Показано, что компьютеры и ноутбуки предоставляют больше возможностей для качественного выполнения заданий, связанных с обработкой и ассимиляцией новой информации, тогда как возможности смартфонов в большей степени соответствуют требованиям заданий, предполагающих активную коммуникацию с преподавателями и/или другими обучающимися [3; 4]. На этом основании можно предположить, что стратегии выполнения учебных заданий, связанных с необходимостью онлайн-поиска дополнительной учебной информации, будут различаться в зависимости от предпочтения субъектом поиска того или иного технического устройства, причем эти различия, вероятно, будут усиливаться по мере усложнения поисковых задач, связанного с повышением требований к когнитивной вовлеченности в процессы формулировки запросов и обработки информации [5; 6]. Для проверки этой гипотезы в нашем исследовании изучались характеристики онлайн-поисковых запросов в процессе выполнения простых и проблемно-ориентированных учебных заданий школьниками, использующими в качестве инструментов онлайн-поиска различные технические устройства — стационарный компьютер или смартфон.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 206 учащихся 5–9 классов общеобразовательных школ Санкт-Петербурга (55,8 % девочек). Анализировались количественные (количество поисковых запросов) и качественные (виды поисковых запросов по классификации А. Бродера [7]) характеристики онлайн- поиско-

вых запросов, совершаемых ими в процессе поиска информации, необходимой для выполнения простого и проблемно-ориентированного задания, с учетом предпочтения компьютера или смартфона в качестве инструмента онлайн-поиска. Выделялись информационные (связанные с поиском информации), навигационные (связанные с поиском конкретных сайтов) и транзакционные (связанные с поиском готовых ответов) виды поисковых запросов. Для статистической обработки данных использовались критерий Фишера (Φ^*) и критерий знаков (Z), расчеты осуществлялись с помощью программного пакета Statistica10.0.

Результаты. 32,1 % обследованных школьников, выбирая инструмент онлайн-поиска информации, отдали предпочтение компьютеру, 67,9 % — смартфону ($\Phi^* = 3,80, p < 0,01$). Количество поисковых запросов в при выполнении простого поискового задания в этих группах статистически не различается, в то время как при выполнении проблемно-ориентированного поискового задания наблюдаются противоположные тенденции: в группе школьников, отдавших предпочтение компьютеру, усложнение поискового задания привело к увеличению количества уточняющих запросов ($Z = 2,47, p < 0,05$), тогда как среди тех, кто отдал предпочтение смартфону, количество уточняющих запросов на фоне усложнения задания, напротив, несколько снизилось ($Z = 2,38, p < 0,05$). Распределение поисковых запросов при выполнении школьниками простого поискового задания составило: для отдавших предпочтение компьютеру — 69,2 % информационных, 19,3 % навигационных запросов (здесь и далее все навигационные запросы предполагают обращение к «Википедии») и 11,5 % транзакционных запросов; для отдавших предпочтение смартфону — 79,9 % информационных, 7,3 % навигационных запросов и 12,8 % транзакционных запросов; различия по частоте навигационных запросов значимы ($\Phi^* = 2,31, p < 0,05$). При выполнении проблемно-ориентированного задания поисковые запросы распределились следующим образом: школьники, отдавшие предпочтение компьютеру, использовали запросы информационного типа в 82,3 % случаев, навигационного — в 15,5 %, транзакционного — в 2,2 %; школьники, отдавшие предпочтение смартфону, сформулировали информационные запросы в 83,8 %

случаев, навигационные — в 4,8 %, транзакционные — в 11,4 %; различия по частоте навигационных и транзакционных запросов статистически достоверны, $\Phi^* = 2,08$, $p < 0,05$ и $\Phi = 2,13$, $p < 0,05$ соответственно.

Заключение. Компьютер и смартфон как инструменты онлайн-поиска информации, необходимой для выполнения учебных заданий, сопряжены с разными стратегиями онлайн-поисковой активности, что особенно наглядно проявляется при работе с проблемно-ориентированными заданиями. Стратегии онлайн-поиска, релевантные целям и задачам образовательной активности, в большей степени связаны с предпочтением компьютера в качестве инструмента онлайн-поиска, в сравнении со смартфоном. Наиболее чувствительными к предпочитаемому техническому устройству являются проблемно-ориентированные поисковые задания, требующие большей когнитивной вовлеченности в силу необходимости самостоятельно сформулировать поисковые запросы, в сравнении с простыми заданиями, позволяющими вычленять поисковые запросы» из формулировки задания.

Библиографические ссылки

1. Miklyaeva A. V., Bezgodova S. A. Educational Online Activity in Adolescents with Various Academic Achievements // ARPHA Proceedings. 2020. Vol. 3. P. 1629–1638.

2. Bezgodova S., Miklyaeva A., Nikolaeva E. Computer vs smartphone: how do pupils complete educational tasks that involve searching for information on the Internet? // CEUR Workshop Proceedings. 15. New Educational Strategies in Modern Information Space : Сер. NESinMIS 2020 — Proceedings of the 15th International Conference. 2020. P. 52–62.

3. Albo L., Hernandez-Leo D., Moreno Oliver V. Smartphones or laptops in the collaborative classroom? A study of video-based learning in higher education // Behaviour & Information Technology. 2019. Vol. 38 (6). P. 637–649. DOI: 10.1080/0144929X.2018.1549596

4. Student attitudes towards technology and their preferences for learning tools/devices at two universities in the UAE / M. Andrew, J. Taylorson, D. J. Langille et al. // Journal of Information Technology Education: Research. 2018. Vol. 17. P. 309–344. DOI: 10.28945/4111

5. Query strategies during information searching: Effects of prior domain knowledge and complexity of the information problems to be solved / S. Monchaux, F. Amadieu, A. Chevalier et al. // *Information Processing and Management*. 2015. Vol. 51. P. 557–569.

6. *Wildemuth B. M., Freund L., Toms E.* Untangling search task complexity and difficulty in the context of interactive information retrieval studies // *Journal of Documentation*. 2014. Vol. 70. P. 1118–1140.

7. *Broder A.* A taxonomy of Web search // *SIGIR Forum*. 2002. Vol. 36(2). P. 3–10.

И. А. Мироненко

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ РИГОРИЗМЕ В ПСИХОЛОГИИ*

Обсуждается место и значение методологического ригоризма в ситуации стремительного изменения психики человека на протяжении последних десятилетий, от которого отстают теоретико-методологический аппарат психологии. В оптике измерительных процедур и понятий, разработанной для вчерашней реальности, невозможно увидеть реальность новую, возникающую сегодня. Для продвижения вперед необходима готовность выходить за пределы установленных правил. Методологический ригоризм становится препятствием в развитии науки, тем более вредным и разрушительным, чем уже и сплоченнее сообщество, его практикующее.

Ключевые слова: методологический кризис, индивидуализация, идиографический подход, толерантность.

Irina A. Mironenko

*Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia*

ON METHODOLOGICAL RIGORISM IN PSYCHOLOGY

The article dwells upon the place and significance of methodological rigorism in the current situation of rapid changes of the human psyche over the past decades. Methodological apparatus of psychology is lagging behind the latter. In the optics of measuring procedures and concepts developed for yesterday's reality, it is impossible to see the new reality emerging today. Moving forward requires a willingness to go beyond the established rules. Methodological rigorism becomes an obstacle in the development of science, the more harmful and destructive, the narrower and more cohesive the community that practices it.

Keywords: methodological crisis, individualization, idiographic approach, tolerance.

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00260.

Как показал опыт глобализации, с ростом интенсивности взаимодействия культур их различия не нивелируются, а скорее обостряются. Поэтому в современном мире необходима толерантность к иному мнению и способность конструктивно взаимодействовать с инакомыслящими. Современное профессиональное психологическое сообщество не менее «мультикультурно» и разнообразно в отношении ценностей и норм, чем общество, в котором живут и взаимодействуют люди в быту. Неоднократно отмечено, что в психологическом сообществе представление о допустимости/корректности тех или иных методов: а) имеет высочайшую значимость; б) в разных научных кругах существенно различается. По сути, оно относится к роду социальных представлений, о которых писал Серж Московичи, то есть зависит от того, к какой группе ученых тот или иной автор принадлежит, и в качестве такового выполняет функции, приписываемые социальным представлениям:

— Поддержание общего для группы образа реальности, когда новая информация сразу вписывается в существующую в группе схему референтации, соответствующую групповым нормам, ценностям и практикам.

— Обеспечение социальной идентичности: позволяют утверждать свое членство в группе и отличать «своих» от «чужих» в обществе.

— Руководство поведением: обеспечивают постановку целей и формирование взаимных ожиданий в социальных ситуациях, согласно принятым в группе, нормативным представлениям.

— Поддержание оправдания социальной дифференциации, а также общих мнений и практик в отношении объектов среды обитания [1].

На фоне явных различий во мнениях в отношении применимости и ценности количественных и качественных методов, нарративов, методов контент-анализа и статистики, общим принципом является страстная приверженность каждой группы принятым ею методам и стремление обеспечить их чистоту. Обсуждения научных работ в коллективах едва ли не в первую очередь фокусируются на допущенных методических ошибках, а не на вопросе о значимости полученного нового знания. А ведь неоспоримым фактом явля-

ется методическая небрежность существенной части тех немногих психологических исследований, которые вошли в учебники всего мира и стали открытием новых аспектов психологической реальности. Так, известны методические огрехи Хоторнского эксперимента, о которых не упоминается в описаниях для студентов: участницы не были «наивными» и имели дополнительную мотивацию для работы в экспериментальной группе, а две из пяти работниц, участвовавших в «Хоторнской саге» были заменены в ходе эксперимента, когда они стали демонстрировать неконструктивное поведение, и именно с этой заменой был связан наиболее значительный скачок производительности труда [2]. Не было здесь и контрольной группы. Знаменитый «парадокс Лапьера» был открыт в исследовании, подвергнувшись массивной критике за многочисленные методические оплошности. Так, в частности, здесь сравнивались результаты двух серий эксперимента, при том что никак не проверялось участие во второй серии тех же испытуемых. Эти исследования вошли в историю. В то же время тьмы и тьмы безупречно методически выстроенных работ наслаиваются, как зыбучие пески, в которых вязнет психологическое познание. Когда исследовательские вопросы подбираются под метод, гипотезы становятся самоочевидными, а получение принципиально нового знания невозможным. Проявлением растущего осознания бессмысленности накопления «научных фактов» стал кризис воспроизводимости, активно обсуждаемый в последние десятилетия.

Почетное место в методологии психологии занимает математическая статистика. Большинство ученых верят в то, что единственный путь к обобщенному знанию — доказательство сходства распределения показателей на группе, то есть единого для всех механизма. Но есть ли основания полагать, что высшие психические функции людей являются эргодическими? В российском дискурсе, как и в зарубежном мейнстриме, не наблюдается особого интереса к идиографическому методу как к инструменту исследования. Анализ единичных случаев (case-studies), конечно, имеет место, однако применяется он как метод обучения, иллюстрирующий известные уже закономерности и нацеленный на развитие умений и компетенций применения известных законов и закономерностей в решении

практических задач, но не как метод выявления закономерностей, еще не известных, то есть не как метод исследовательский. Но не располагает ли логика культурно-исторической теории к использованию идиографического подхода, нацеленного на выявление общих закономерностей в индивидуально-неповторимых вариантах? Нарастающая индивидуализация психического развития, о которой писал Б. Г. Ананьев, не оказывается ли она «вынесенной за скобки» статистически доказательных исследований?

С момента основания нашей науки продолжается обсуждение ее методологического кризиса. Я полагаю, что говорить о едином кризисе здесь нельзя, на каждом новом витке развития мы встречаем новый кризис, со своими причинами и вызовами времени, на которые нужен ответ. Корень современного кризиса — стремительное изменение основного предмета психологических исследований — психики человека, его личности, от которого отстает теоретико-методологический аппарат психологии, разработанный до наступления перемен последних десятилетий. В этой ситуации чистота «вчерашних» методов, оставаясь важным критерием, уже не может быть единственным для оценки ценности психологических исследований. В оптике измерительных процедур и понятий, разработанной для вчерашней реальности, невозможно увидеть реальность новую, возникающую сегодня. Для продвижения вперед необходима готовность выходить за пределы установленных правил, которые не бывают вечными. Толерантность к неопределенности, способность выстраивать конструктивное взаимодействие с инакомыслящими необходима сегодня не только в практике частной жизни, но и в науке. Методологический ригоризм становится препятствием в развитии науки, тем более вредным и разрушительным, чем уже и сплоченное сообщество, его практикующее.

Библиографические ссылки

1. *Abric J.-C. Pratiques sociales et représentations. Paris, 1994.*
2. *Конец Л. В. Классические эксперименты в психологии. Киев, 2010.*

В. С. Моисеева

Л. В. Рыкман

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

ОСОЗНАННОСТЬ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Исследуется феномен осознанности в контексте профессионально-личностного самоопределения в подростковом возрасте. Уточняются понятия профессионально-личностного самоопределения и осознанности. Устанавливаются корреляции между уровнем осознанности и показателями профессионально-личностного самоопределения. Выявляются наиболее значимые психологические характеристики осознанности, оказывающие воздействие на профессионально-личностное самоопределение в подростковом возрасте.

Ключевые слова: подростковый возраст, осознанность, профессиональное самоопределение, личностное самоопределение.

Viktoria S. Moiseeva

Liudmila V. Rykman

St Petersburg University

St Petersburg, Russia

MINDFULNESS AND SELF-DETERMINATION

The phenomenon of mindfulness in the context of professional and personal self-determination in adolescence is investigated. The concepts of professional and personal self-determination and mindfulness are clarified. Correlations between the level of mindfulness and indicators of professional and personal self-determination are established. The most significant psychological characteristics of mindfulness that have an impact on professional and personal self-determination in adolescence are revealed.

Keywords: adolescence, mindfulness, professional self-determination, personal self-determination.

Введение. У значительной части юношей и девушек к моменту выпуска из школы задача профессионально-личностного самоопределения остается нерешенной, что может отразиться и на решении задач последующих этапов развития личности [1]. В этой связи подростки нуждаются в психологической помощи, реализация которой должна опираться на знания о факторах формирования профессионально-личностного самоопределения. В то же время осознанность как характеристика регуляции и организации психической деятельности может рассматриваться в качестве фактора профессионально-личностного самоопределения.

Под профессионально-личностным самоопределением мы понимаем сложноорганизованную систему процесса развития личности, включающую формирование ценностно-смысловой сферы личности и структурных элементов профессионального самоопределения, таких как профессиональная направленность личности, мотивация выбора профессии, сформированность профессионального плана, статус профессиональной идентичности, готовность к выбору профессии [1; 2].

Осознанность представляет собой характеристику регуляции и организации психической деятельности, основанную на умении описывать возникающие чувства и эмоции, безоценочности по отношению к опыту, нереагировании на деструктивные чувства, осознанной концентрации на деятельности и наблюдении за собственным опытом [3; 4]. В настоящее время появляется все больше исследований относительно влияния уровня осознанности на профессиональную жизнь и ценностно-смысловую сферу личности [5; 6].

Материалы и методы. Для изучения психологических характеристик осознанности были использованы пятифакторный опросник осознанности (ПФОО) Руфь А. Баера, Т. Г. Смита, Дж. Хопкинса, Дж. Критмеера, Л. Тони в адаптации Н. М. Юмартовой и Н. В. Гришиной, шкала оценки внимательности и осознанности в повседневной жизни (ШОФ) К. Брауна, Р. Райяна в адаптации А. М. Голубева, для исследования личностного самоопределения — методика смысловых ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева, для изучения профессионального самоопределения — методика «Статус

профессиональной идентичности» А. А. Азбель. Авторская анкета включает вопросы, направленные на исследование готовности к профессиональному выбору, мотивов выбора профессии, уровня сформированности профессионального плана и социодемографические показатели.

Анализ проводился на выборке юношей и девушек в возрасте от 14 до 17 лет. Общий объем выборки составил 24 человека.

Результаты. В результате корреляционного анализа были обнаружены взаимосвязи между уровнем внимательности и осознанности в повседневной жизни и показателями профессионально-личностного самоопределения подростков. Высокий уровень осознанности в подростковом возрасте ассоциирован со сформированной профессиональной идентичностью ($p < 0,05$), более высокими оценками способности принимать решения ($p < 0,01$) и самостоятельно преодолевать возникающие трудности в процессе реализации принятых решений ($p < 0,01$), удовлетворенностью самореализацией ($p < 0,05$), осмысленностью жизненных целей ($p < 0,05$), убежденностью в способности управлять жизнью ($p < 0,05$) и представлением о себе как о сильной личности ($p < 0,01$), общим показателем осмысленности жизни ($p < 0,05$), а низкий уровень осознанности — с состоянием, характеризующимся отсутствием профессиональных целей и желанием их сформировать и реализовать ($p < 0,01$).

Также были обнаружены взаимосвязи между психологическими характеристиками осознанности и показателями профессионально-личностного самоопределения. Чем выше способность подростков не реагировать на внутренние побуждения, тем ниже страх по отношению к профессиональному будущему ($p < 0,05$) и менее выражена ориентация на мнение окружающих при выборе профессии ($p < 0,05$). Способность безоценочно относиться к внутреннему опыту ассоциирована с более высокой оценкой умения принимать решения относительно профессионального будущего ($p < 0,05$), убеждением в том, что подросток сам управляет собственной жизнью ($p < 0,05$), эмоциональной насыщенностью жизни ($p < 0,01$) и более высокой осмысленностью жизни ($p < 0,05$). Чем выше умение действовать с осознанностью, тем выше оценка способности принятия

решений относительно профессионального будущего ($p < 0,01$), осведомленность о профессиях ($p < 0,05$), уверенность по отношению к профессиональному будущему ($p < 0,05$), вера в собственные силы организовать жизнь согласно поставленным целям ($p < 0,01$), эмоциональная насыщенность жизни ($p < 0,01$), удовлетворенность самореализацией ($p < 0,01$), целеустремленность и осмысленность целей ($p < 0,01$), вера в контроль над собственной жизнью ($p < 0,01$) и осмысленность жизни ($p < 0,01$). Способность выражать мысли, ощущения и эмоции словами ассоциирована с менее выраженной ориентацией на внешние мотивы при выборе профессии ($p < 0,05$), более сформированным профессиональным планом ($p < 0,05$), высокой оценкой подростками своей самостоятельности ($p < 0,05$), целеустремленностью и осмысленностью целей ($p < 0,01$), верой в управление собственной жизнью ($p < 0,05$) и общей осмысленностью жизни ($p < 0,01$). Статистически значимых взаимосвязей между навыком наблюдения и показателями профессионально-личностного самоопределения обнаружено не было.

Заключение. В результате предварительного исследования была выявлена взаимосвязь между осознанностью и профессионально-личностным самоопределением в подростковом возрасте. Можно сказать, что подростки с более высоким уровнем осознанности и внимательности в повседневной жизни готовы к сознательному профессиональному выбору и обладают более высоким уровнем осмысленности жизни, тогда как низкий уровень осознанности характерен для подростков с неопределенным статусом профессиональной идентичности. Таким образом, высокий уровень осознанности может быть ассоциирован с успешным решением задач профессионально-личностного самоопределения в подростковый период. Также были выявлены наиболее значимые психологические характеристики осознанности, оказывающие воздействие на профессионально-личностное самоопределение в подростковом возрасте, такие как умение действовать с осознанностью, навык описания опыта, безоценочное отношение к внутреннему опыту, нереагирующее отношение к опыту. Полученные результаты будут использованы для дальнейшего исследования проблемы профессионально-личностного самоопределения в подростковый период.

Библиографические ссылки

1. Головей Л. А. Психология развития и возрастная психология : учебник и практикум для вузов / под общ. ред. Л. А. Головей. М., 2022. 413 с.
2. Чернявская А. П. Психологическое консультирование по профессиональной ориентации. М., 2001. 96 с.
3. Baer R. A. Mindfulness training as a clinical intervention: a conceptual and empirical review // *Clinical psychology: Science and practice*. 2003. Vol. 10, № 2. P. 125.
4. Brown K. W., Ryan R. M. The benefits of being present: mindfulness and its role in psychological well-being // *Journal of personality and social psychology*. 2003. Vol. 84, № 4. P. 822.
5. Littman-Ovadia H., Zilcha-Mano S., Langer E. Vocational personalities and mindfulness // *Journal of employment counseling*. 2014. Vol. 51, № 4. P. 170–179.
6. Meditation practice is associated with a values-oriented life: the mediating role of decentering and mindfulness / A. Franquesa et al. // *Mindfulness*. 2017. Vol. 8, № 5. P. 1259–1268.

В. И. Моросанова

*Психологический институт
Российской академии образования
Москва, Россия*

ОСОЗНАННАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ ЧЕЛОВЕКА: ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Рассматриваются современные тренды развития научных представлений в области психологии саморегуляции. Подчеркивается, что исследования саморегуляции человека относятся к числу фундаментальных проблем современной психологии. Исследование интегративных процессов и явлений психики, обеспечивающих самоорганизацию активности человека, целостность и становление его индивидуальности и бытия относится к числу основных задач психологии саморегуляции. Обосновывается востребованность изучения осознанной саморегуляции человека, как важнейшего ресурса достижения целей и саморазвития человека.

Ключевые слова: осознанная саморегуляция, субъектный подход, когнитивно-личностная модель.

Varvara I. Morosanova

*Psychological Institute
of the Russian Academy of Education
Moscow, Russia*

CONSCIOUS SELF-REGULATION: THE EVOLUTION OF SCIENTIFIC APPROACHES

Modern trends in the development of scientific ideas in the field of psychology of self-regulation are considered. It is emphasized that the study of human self-regulation is one of the fundamental problems of modern psychology. The study of integrative processes and phenomena of the psyche, which ensure the self-organization of human activity, the integrity and formation of his individuality and being, is one of the main tasks of the psychology of self-regulation. The relevance of studying the conscious self-reg-

ulation of a person as the most important resource for achieving goals and self-development of a person is substantiated.

Keywords: conscious self-regulation, subjective approach, cognitive-personal model.

Введение. Психология саморегуляции (СР) является бурно развивающимся направлением современной психологии. Задача психологии СР — исследование интегративных процессов и явлений психики, обеспечивающих самоорганизацию активности человека, целостность и становление его индивидуальности и бытия.

Востребованность психологии саморегуляции связана с тем, что проблема психической саморегуляции является, несомненно, фундаментальной, отвечающей современным принципам научного мышления, и в этом смысле влияет на формирование современных представлений о предмете психологии. Она соответствует запросу современной психологии на создание интегративных междисциплинарных подходов к исследованию, предполагающих рассмотрение различных по своему уровню и природе регуляторных механизмов (когнитивных, личностных, нейрофизиологических и др.), являющихся предметом изучения многих научных дисциплин. По этой же причине возникает необходимость использования парадигм и методов различных научных дисциплин для проведения эмпирических исследований, включающих многомерные измерения на значительных выборках испытуемых и использующих для анализа современные статистические методы.

В настоящее время в разработке проблематики саморегуляции все еще не достигнут консенсус по вопросам единого понятийного аппарата. В частности, рядоположно используются понятия «саморегуляция» и «самоорганизация»; исполнительские и управляющие когнитивные функции; «мета-контроль», «контроль поведения», «когнитивный контроль» и др. Дискутируются вопросы о структуре регуляции, о существовании специфики регуляторных процессов, о роли сознания и самосознания в регуляции. Не менее остро стоит вопрос о методах и методиках исследования саморегуляции, создание которых только и позволяет перевести исследования са-

морегуляции из методологического или практического в конкретно-научный план.

За прошедшие годы изменились тренды в развитии психологии саморегуляции. Современный этап развития науки характеризуется нарастающим интересом к более интенсивному изучению когнитивных уровней саморегуляции, в частности роли когнитивных исполнительских функций в системе психической саморегуляции. Еще одним серьезным трендом является запрос на создание интегративных моделей регуляторных механизмов, раскрывающих не только непосредственные, но и опосредствованные (медиаторные и модераторные) связи различных характеристик саморегуляции в процессах достижения целей жизнедеятельности. Для построения таких моделей используются данные как кросс-секционных, так и лонгитюдных исследований, позволяющих оценивать с помощью современных статистических методов динамические тенденции и прогностические эффекты саморегуляции.

Исследования психической саморегуляции приобретают особое значение в условиях цифровой экономики, когда освоение цифровых технологий требует формирования универсальных и специальных регуляторных компетенций переработки информации (планирования целей, моделирования значимых условий их достижения, программирования действий, оценивания и корректирования их результатов), что особенно важно для успешного анализа возрастающих по объему информационных потоков.

Нарастающее проникновение информационных технологий в образование также налагает особые требования к формированию регуляторных компетенций целенаправленного поиска информации, представленной в различной форме (наглядно-образной, вербальной, абстрактно-знаковой), а также осознанного оперирования ею для успешного достижения разнообразных учебных целей профессионального и личностного самоопределения.

Заключение. Первоначально проблема СР изучалась в контексте деятельностного подхода. Это определило в том числе экспериментальные методы ее изучения на материале различных видов деятельности человека. Тем не менее отчетливо формировалась тенденция исследовать саморегуляцию не только в связи с деятельностью,

но и по отношению к человеку как субъекту этой деятельности. Соответственно, современные представления о структуре, осознанной саморегуляции невозможны без включения в нее личностного уровня саморегуляции, за которым стоят индивидуально-типические стратегии достижения целей. То есть общее развитие осознанной СР зависит как от когнитивного уровня СР, так и от личностного. В настоящее время акцент в нашем понимании осознанной СР делается на том, что она осуществляется как процесс реализации основных когнитивно-регуляторных процессов и регуляторно-личностных свойств, с помощью которых человек координирует свои психологические ресурсы для выдвижения и достижения целей активности. Именно в этом смысле можно говорить о том, что СР является психологическим инструментом осознания и использования всей палитры резервов индивидуальности в качестве ресурсов решения разнообразных задач жизнедеятельности [1; 2].

Библиографические ссылки

1. *Моросанова В. И.* Развитие ресурсного подхода к исследованию осознанной саморегуляции достижения целей и саморазвития человека // Психология саморегуляции: эволюция подходов и вызовы времени / под ред. Ю. П. Зинченко, В. И. Моросановой. М. ; СПб. : Нестор-История, 2020. С. 11–36.

2. *Моросанова В. И.* Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // Вестн. Моск. ун-та. Серия 14. Психология. 2021. № 1. С. 3–37. DOI: 10.11621/vsp.2021.01.01

О. А. Наумова

*Березовское муниципальное автономное общеобразовательное
учреждение средняя общеобразовательная школа № 1
им. героя Советского Союза Неустроева С. А.
Березовский, Россия*

АРТ-ТЕРАПИЯ КАК ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПО КОРРЕКЦИИ И ПРОФИЛАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ ОВЗ

Анализируются техники и методы арт-терапии. Уточняется понятия арт-терапии, выявляются техники арт-терапии. Выявляются конкретные виды методов арт-терапии. Устанавливается взаимосвязь выбора техники арт-терапии в положительные динамики коррекционной работы. Арт-терапия в работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья позволяет создать для них комфортное эмоциональное самочувствие и улучшение психологического здоровья.

Ключевые слова: арт-терапия, техники, методы, коррекция.

Olga A. Naumova

*Berezovsky Municipal Autonomuos General
Educational Institution Secondary School№ 1
named after the Hero of the Soviet Union Neustroev S.A
Berezovsky, Russia*

ART THERAPY AS ONE OF THE MAIN DIRECTIONS FOR THE CORRECTION OF SOCIAL MALADAPTION OF CHILDREN WITH DISABILITIES

Techniques and methods of art therapy are analyzed. The concept of art therapy is clarified, art therapy techniques are identified. Specific types of art therapy methods are identified. The interrelation of the choice of art therapy technique in the positive dynamics of correctional work is established. Art therapy in working with children with disabilities allows to create a comfortable emotional well-being for them and improve their psychological health.

Keywords: art therapy, technology, methods, correction.

Введение. На сегодняшний день все большую популярность приобретает арт-терапия. Арт-терапия — это направление в психотерапии и психологической коррекции, основанное на применении для терапии искусства и творчества. На мой взгляд, психолог в своей работе должен уделять внимание развитию творческого потенциала ребенка, так как это является одним из эффективных методов коррекции и профилактики социальной дезадаптации, ведь творчество помогает ребенку справиться со многими личностными, эмоциональными и поведенческими проблемами. Целью арт-терапии является не создание объекта искусства, а работа с собственным Я, с внутренним миром ребенка. Она фокусируется не на результате, а на процессе.

Материалы и методы. Особое значение в профилактике и коррекции социальной дезадаптации детей с ОВЗ является то, что арт-терапия включает много методов (изотерапия, библиотерапия, песочная терапия, игротерапия, МАК-терапия и т. д.), что, в свою очередь, позволяет добиться стойкой положительной динамики. Хотелось бы подчеркнуть то, что чаще всего у ребенка с ОВЗ социализация проходит намного сложнее.

Результаты. Использование методы арт-терапии в коррекционной работе позволяет мне получить позитивные результаты: обеспечивает эффективное эмоциональное реагирование, придает ему (даже в случае агрессивного проявления) социально-приемлемые, допустимые формы; облегчает процесс коммуникации для замкнутых, стеснительных и слабо ориентированных на общение детей с ограниченными возможностями здоровья; дает возможность невербального контакта (опосредованного продуктом арт-терапии), способствует преодолению коммуникативных барьеров и психологических защит; создает благоприятные условия для развития произвольности и способности к саморегуляции; оказывает дополнительное влияние на осознание ребенком своих чувств, переживаний и эмоциональных состояний, создает предпосылки для регуляции эмоциональных состояний и реакций; существенно повышает личностную ценность, содействует повышению уверенности в себе за счет социального признания ценности продукта, созданного ребенком ОВЗ.

Заключение. Таким образом, арт-терапия в работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья позволяет создать для них комфортное эмоциональное самочувствие и улучшение психологического здоровья.

Е. Ю. Никонова

Г. Е. Рупчев

М. А. Морозова

Д. С. Бурминский

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова;

ФГБНУ «Научный центр психического здоровья»

Москва, Россия

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИММЕРСИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕАБИЛИТАЦИИ БОЛЬНЫХ ШИЗОФРЕНИЕЙ В СОСТОЯНИИ ЛЕКАРСТВЕННОЙ РЕМИССИИ*

Представлены результаты исследования взаимосвязи динамики и глубины эффекта присутствия у больных шизофренией в стабильной лекарственной ремиссии при релаксации с использованием виртуальной реальности. Использование релаксационных иммерсивных сред у больных шизофренией в состоянии лекарственной ремиссии перспективно при условиях индивидуального подбора количества тренировочных сессий, содержания их сред и дальнейшего экспериментально-психологического изучения.

Ключевые слова: виртуальная реальность, эффект присутствия, шизофрения, релаксационный тренинг.

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы МГУ «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

Evgenia Yu. Nikonova
George E. Rupchev
Margarita A. Morozova
Denis S. Burminskiy
Moscow State University
named after M. V. Lomonosov;
Mental Health Research Center
Moscow, Russian

POSSIBILITIES OF USING IMMERSIVE TECHNOLOGIES IN REHABILITATION OF SCHIZOPHRENIA PATIENTS IN DRUG REMISSION

We present the results of a study of the relationship between the dynamics and depth of presence effect in schizophrenic patients in stable medication remission during relaxation using virtual reality. The use of relaxation immersive media in patients with schizophrenia in a state of drug remission is promising under the conditions of individual selection of the number of training sessions, the content of their media and further experimental psychological study.

Keywords: virtual reality, sense of presence, schizophrenia, relaxation training.

Введение. В психологии и психиатрии использование виртуальной реальности (virtual reality) для терапевтических целей получает все более широкое распространение [1], ряд исследований показывает эффективность технологии в реабилитации при шизофрении (тренировки социальных навыков, когнитивных функций, повышение мотивационно-волевой сферы, релаксации). Однако эффективность использования VR-технологии зависит от выраженности эффекта присутствия (sense of presence) — особого субъективного переживания, возникающего при погружении в виртуальную среду и взаимодействии с ней. На интенсивность присутствия влияют субъективные факторы, такие как когнитивные функции, эмоциональное состояние, воображение, прошлый опыт. В настоящее время

нет однозначных данных о динамике развития эффекта присутствия при шизофрении [2; 3].

Цель исследования — возможности достижения эффекта присутствия при многократном использовании релаксационных иммерсивных сред у больных шизофренией в состоянии лекарственно ремиссии.

Гипотеза исследования. Многократное применение методики погружения в иммерсивное пространство будет увеличивать эффект присутствия, снижать негативные эффекты от погружения в VR, тем самым повышая эффективность релаксации.

Материалы и методы. Были проведены серии из пяти тренингов по релаксации с использованием приложения Nature Treks VR в очках виртуальной реальности Samsung Gear VR. Для оценки динамики эффекта присутствия в начале и конце всего курса погружения в среду использовался опросник выраженности феномена присутствия ITC SORI [4].

В исследовании приняли участие 10 испытуемых — больных шизофренией (9 мужчин, 1 женщина) в стабильной ремиссии, в возрасте от 29 до 47 лет (средний возраст — 37,3). Продолжительность заболевания от 8 до 27 лет (средний возраст — 17,2). Все испытуемые не имели ранее опыта погружения в виртуальную реальность.

Статистическая обработка данных проводилась в программе IBM SPSS Statistics 24 проводился корреляционный анализ с использованием непараметрического коэффициента корреляции Спирмена, Т-критерий Вилкоксона.

Результаты. У всех участников исследования был получен средний и выше среднего значения общего индекса присутствия. Положительная динамика общего индекса присутствия была получена у 3 из 10 испытуемых, у остальных испытуемых наблюдалось сохранение прежнего уровня или его незначительное снижение. На динамику общего индекса присутствия может оказывать влияние опыт игровой и пользовательской активности [5]. У испытуемых была показана низкая пользовательская активность, что может отражать необходимость большего количества тренингов для формирования более выраженного эффекта присутствия.

При анализе шкал опросника выраженности феномена присутствия (пространственное присутствие, эмоциональная включенность, естественность виртуальных сценариев, выраженность негативных эффектов) до и после проведения тренингов не было получено статистически значимых результатов. Не было получено положительной динамики увеличения пространственного присутствия у испытуемых. Показатель отражает субъективное переживание физического погружения в среде, низкий показатель может быть связан с инструкцией на расслабление и пассивным просмотром содержания сред без возможности активного взаимодействия испытуемого с объектами среды или перемещением по локации. Также релаксационная задача повлияла на отсутствие положительной динамики показателей эмоциональной вовлеченности, которая максимально увеличивается при социальном взаимодействии внутри среды, которого не предполагал сценарий исследования. Не было получено статистически значимых результатов для оценки естественности виртуальных сценариев, данная характеристика может отражать влияние индивидуального опыта и предпочтения при оценке сред. Все испытуемые хорошо переносили погружение, отмечали в разной степени положительные субъективные ощущения от VR-сред и имели низкую выраженность негативных эффектов (головную боль, дискомфорт в глазах, тошноту), однако в ходе тренинга не было получено значимого уменьшения показателя.

Заключение. Формирование эффекта присутствия у больных шизофренией имеет свою специфику — низкая динамика общей вовлеченности, снижение ощущения физического погружения в среду, низкая эмоциональная вовлеченность, рассогласование с субъективным опытом. Возможно, это связано с базовыми характеристиками психической деятельности больных — снижением мотивационно-волевой сферы, когнитивной дисфункцией, общим искаженным восприятием окружающей действительности. Вместе с этим использование релаксационных иммерсивных сред у больных шизофренией в состоянии лекарственной ремиссии перспективно при условиях индивидуального подбора количества тренировочных сессий, содержания их сред и дальнейшего экспериментально-психологического изучения.

Библиографические ссылки

1. Virtual reality in psychiatric disorders: A systematic review of reviews / B. Cieřlik, J. Mazurek, S. Rutkowski et al. // *Complementary Therapies in Medicine*. 2020. Vol. 52.
2. Evidence on Virtual Reality–Based Therapies for Psychiatric Disorders: Meta-Review of Meta-Analyses / L. Dellazizzo, S. Potvin, M. Luigi et al. // *Journal of Medical Internet Research*. 2020. № 22(8). P. e20889.
3. *Macedo M., Marques A., Queiros C.* Virtual reality in assessment and treatment of schizophrenia: a systematic review // *Journal Brasileiro de Psiquiatria*. 2015. № 64(1).
4. Когнитивный контроль и чувство присутствия в виртуальных средах / Б. Б. Величковский, А. Н. Гусев, В. Ф. Виноградова и др. // *Эксперимент. психология*. 2016. № 9 (1). С. 5–20.
5. Training Presence: the Importance of Virtual Reality Experience on the “Sense of Being There” / P. Gamito, J. Oliveira, D. Morais et al. // *Annual Review of Cybertherapy and Telemedicine*. 2010. № 54. P. 128–133.

Г. Р. Новикова

*ФГБУ «НМИЦ психиатрии и наркологии
им. В. П. Сербского» Минздрава России
Москва, Россия*

КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ПСИХИЧЕСКОЙ РЕТАРДАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА НА МКБ-11

Обсуждаются перспективы сочетания дескриптивного и дименсионального подходов для анализа состава сложной популяции детей с обратимыми формами психической ретардации при производстве междисциплинарной экспертной оценки. Приводятся данные по систематизации структурно-динамических механизмов дизонтогенетических расстройств у детей в возрасте 6–8 лет с применением нейропсихологического метода обследования.

Ключевые слова: ограниченные возможности здоровья, психическая ретардация, дименсиональный подход, нейропсихологический профиль, МКБ-11.

Galina R. Novikova

*Serbsky National Medical Research Centre
for Psychiatry and Addiction
Moscow, Russia*

A CLINICO-PSYCHOLOGICAL EXPERT ASSESSMENT OF THE MENTAL DELAY IN THE CONTEXT OF THE TRANSITION TO ICD-11

The paper discusses how to combine descriptive and dimensional approaches to analyse a complex population of children with reversible forms of mental delay in the practise of interdisciplinary expert assessment. The paper provides the results of systemizing the structure and dynamics of developmental disorders in 6 to 8-year-old children using the neuropsychological method of assessment.

Keywords: limited health opportunities, mental delay, dimensional approach, neuropsychological profile, ICD-11.

Введение. Обучающийся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) — это физическое лицо, имеющее недостатки в физическом и (или) психологическом развитии, подтвержденные психолого-медико-педагогической комиссией (ПМПК) и препятствующие получению образования без создания специальных условий [1, ст. 2, ч. 16]. Недостатки в психологическом развитии детей с ОВЗ квалифицируются в соответствии с типом психического дизонтогенеза (ретардация, асинхрония, дефицитарность) и наличия вторичных дизонтогенетических расстройств по типу ретардации (задержка психического развития, умственная отсталость), осложняющих первичное нарушение. При производстве экспертной оценки дизонтогенетических состояний сохраняет актуальность проблема взаимодействия психолого-педагогического и клинико-психопатологического знания в комплексной экспертизе задержанного психического развития (ЗПР). В современных международных классификациях болезней на смену категории «задержанное психическое развитие» пришли более обоснованные с научно-медицинской точки зрения и ориентированные на доказательную психиатрическую практику категории: расстройства, связанные с нарушениями нейроразвития, эмоциональные расстройства и расстройства поведения, начинающиеся обычно в детском и подростковом возрасте. Утратив значимость в качестве медицинского (психиатрического) диагноза, понятие «задержка психического развития» продолжает использоваться в отечественной психолого-педагогической науке и практике. Диагностическая деятельность специалистов ПМПК психолого-педагогического профиля основывается на сопоставлении результатов диагностики с возрастными нормативами [2]. Однако сама по себе диагностика возрастного периода даже тогда, когда она выполнена методологически и методически корректно (с учетом всей совокупности личностных и интеллектуальных особенностей, взятых в единстве и динамике с социальной ситуацией развития), еще не дает ответа на вопрос о мере способности ребенка быть субъектом учения, субъектом педагогического процесса и образовательной деятельности. Кроме того, толкование вариантов ЗПР по степени отклонения реального уровня развития ребенка от возрастных стандартов ограничивает возможность сопоставления

психолого-педагогических показателей с клинико-психопатологическими дизонтогенетическими синдромами. С учетом перспектив внедрения МКБ-11, сочетание дескриптивного и дименсионального принципов в классификации психических расстройств будет способствовать решению вопросов междисциплинарной интеграции психолого-педагогического и клинико-психопатологического подходов к объекту экспертной оценки психической ретардации [3; 4].

Материалы и методы. Группы исследования формировались на основании ведущих психопатологических синдромов. Основная группа исследования — дети с дизонтогенетическими расстройствами по ретардированному типу в возрасте 6–8 лет: с психическим инфантилизмом в виде эмоционально-личностной незрелости, парциальной недостаточностью когнитивных функций (76 чел.). Группы сравнения: учащиеся 1) с расстройствами по типу церебральной альтерации (включая органические эмоционально-лабильные астенические проявления в сочетании с легкими когнитивными нарушениями, 30 чел.); 2) с психогенно-обусловленными астено-невротическими и аффективными реакциями на стресс (38 чел.); 3) нормально развивающиеся сверстники (25 чел.). Все дети были подвергнуты нейропсихологическому обследованию с целью изучения особенностей созревания высших психических функций (ВПФ) (по схеме, разработанной А. Р. Лурия и апробированной И. Ф. Марковской на детях с ЗПР). Для анализа состава сложной популяции детей с разными клиническими формами психической ретардации нами была разработана система оценки. Она включает: 1) дифференцированную оценку уровня сформированности каждой исследуемой ВПФ с учетом состояния ее структурных компонентов (выделенных в соответствии с действием нейропсихологических факторов) и степени интериоризации; 2) анализ распределения индивидуальных показателей состояний сформированности ВПФ во внутригрупповом континууме; 3) сравнительный анализ профилей сформированности ВПФ при разных клинических формах психической ретардации.

Результаты. С опорой на нейропсихологический синдромный анализ нами выделено два механизма структурно-динамических отклонений в рамках общего континуума состояний сформирован-

ности ВПФ. Первый вариант наиболее близок к норме и связан с замедлением темпа становления возрастной динамики нормального онтогенеза в виде нарушения процесса перехода к более сложным функциональным системам. Он включает легкие формы ретардации различной этиологии (конституциональная; в связи с негрубыми обменно-трофическими расстройствами в пренатальном периоде или в раннем возрасте; длительное психогенно-стрессовое воздействие, преимущественно различные формы семейной депривации). Второй вариант наблюдается при церебральной альтерации, в основе которой лежат ранние резидуальные церебральные органические состояния. Нейропсихологический профиль состоит из сохранных, поврежденных и в разной степени задержанных в своем формировании психических функций. Характер патологических связей, связанных с органической предрасположенностью (в виде модально-неспецифических активационных и нейродинамических аспектов, отставания наиболее сложных форм межанализаторной интеграции, слабости регуляторных процессов в звене программирования) обуславливает стойкую несформированность ВПФ.

Заключение. В настоящее время разница в психолого-педагогическом и клиничко-психопатологическом подходах к объекту экспертной оценки при психической ретардации искажает сходство и идентичность системы валидных критериев, нарушает взаимное использование понятийно-терминологического аппарата и теоретических концепций — таким образом влияет на условия, определяющие возможность интегрирования разнородных диагностических выводов. Предложенный подход позволяет систематизировать структурно-динамические закономерности дизонтогенетических расстройств, которые определяют динамику формирования ВПФ и реабилитационный потенциал, влияют на психопатологическое своеобразие клинической картины. Сочетание дескриптивного и дименсионального подходов при анализе состава сложной популяции детей с разными клиническими формами задержанного психического развития позволяет группировать расстройства в сходные кластеры в континууме между нормальным и аномальным онтогенезом, определять степень выраженности отклонения.

Библиографические ссылки

1. Об образовании в Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ : принят Гос. думой 21 декабря 2012 года : одобр. Советом Федерации 26 декабря 2012 года. URL: <https://duma.consultant.ru/documents/1646176?items=100> (дата обращения: 15.06.2022).
2. О совершенствовании деятельности психолого-медико-педагогических комиссий : Письмо Минобрнауки России от 23.05.2016, № ВК-1047/07. URL: https://rulaws.ru/acts/Pismo-Minobrnauki-Rossii-ot-23.05.2016-N-VK-1074_07/ (дата обращения: 15.06.2022).
3. *Regier D. A., Kuhl E. A., Kupfer D. J.* DSM-5: Классификация и изменения критериев // Всемир. психиатрия. 2013. № 12 (2). С. 88–94. DOI: 10.1002/wps.20050.
4. *Krasnov V. N.* ICD-11 as a paradigm shift phase in the classification of mental disorders // Consortium Psychiatricum. 2021. № 2(2). С. 72–75. DOI:10.17816/CP70.

УСЛОВИЯ И КРИТЕРИИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Анализируются условия и критерии самоопределения студентов магистерской степени образования. Эмпирически проверяются критерии самоопределения. При помощи контент-анализа устанавливается связь реального самоопределения с организационно-деятельностной игрой. Выявляется декларативное и реальное самоопределение студентов. Устанавливается связь появления собственного целеполагания и интереса со специально созданными условиями обучения в форме организационно-деятельностной игры.

Ключевые слова: реальное самоопределение, цели и интересы, организационно-деятельностная игра.

Larisa A. Novopashina
Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russia.

CONDITIONS AND CRITERIA OF STUDENTS' SELF-DETERMINATION

The conditions and criteria of self-determination of students of the master's degree of education are analyzed. The criteria of self-determination are empirically verified. With the help of content analysis, the connection of real self-determination with the organizational activity game is established. Declarative and real self-determination of students are revealed. The connection between the appearance of one's own goal setting and interest with specially created learning conditions in the form of an organizational and activity game is revealed.

Keywords: real self-determination, goals and interests, organizational and activity game.

Введение. Формирование ключевых компетенций выпускника актуально в современных быстро изменяющихся условиях, а проблема

самоопределения приобретает особую остроту и актуальность. Основной проблемой самоопределения является неумение состыковать и «зашнуровать» прошлое и новое, найти критерий адекватности прошлых знаний новой ситуации и адекватности новой ситуации, прошлым знаниям. Безусловно в университетах разработаны и реализуются программы по профессиональному самоопределению, но, как правило, они затрагивают только профессиональное самоопределение и мало ориентированы на самоопределение студента как субъекта. Студенты интуитивно формируют мотивации и стихийно оформляют цели. Возникает рассогласованность между социальными требованиями к целям их профессиональной подготовки и особенностями личностных ценностей, которые студенты вкладывают в процесс обучения. Дефицит в подобном самоопределении и мотивации к учебному процессу зафиксирован в современных исследованиях [1; 2].

Университет может инициировать самоопределение студентов в образовательном процессе. По мнению исследователей оргдеятельностных игр, именно игра является адекватным средством самоопределения [3; 4].

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 45 магистрантов первого курса Института экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, для которых курс «Технологии самоопределения и саморазвития в условиях неопределенности» проводится в формате организационно-деятельностной игры.

Исследование было построено следующим образом. При помощи метода интервью были выявлены образовательные интересы участников в магистерской программе. Затем в результате теоретического анализа научной литературы и современных исследований были выделены критерии самоопределения.

Далее методом включенного наблюдения выявлялось проявление критериев самоопределения в процессе организационно-деятельностной игры. После игры на основе рефлексивных отчетов, предоставленными студентами, был проведен контент-анализ текстов. Основной задачей контент-анализа являлся поиск ответа на вопрос по обнаружению «реального» или «декларативного» самоопределе-

ния. В текстах выявлялись признаки самоопределения студентов и наличие критериев.

Культурно-исторический и системно-мыследеятельностный подходы позволяют утверждать, что «игра» позволяет участникам максимально принять условия и реализовывать «реальную позицию». Так как игра подразумевает разворачивание действительности в «конструируемых условиях», как бы вне реального образовательного процесса [4].

Результаты. Анализ результатов интервью показал, что основными мотивами поступления студентов в магистратуру являются получение диплома (50 %); получение практических знаний и навыков (40 %); а также личные мотивы (40 %). Изучение конкретных дисциплин интересует лишь 30 % магистрантов первого курса.

В качестве базовой теоретической модели были выделены следующие критерии реального самоопределения студентов: определенность границ занимаемого участником места; соответствующая «позиции» направление деятельности (цель); соответствующее содержание деятельности и используемых средств, контекстным характеристикам и образу «Я»; возможность нести ответственность за реализацию цели и готовность принять на себя риски ее реализации; фиксация рассогласования между собственной, актуально существующей потребностью и отсутствием в деятельности, направленной на ее удовлетворение соответствующих средств или/и обнаружение иллюзорного характера представлений о наличии таких средств [5].

Наблюдаемые в ходе игры критерии были подвергнуты математико-статистическому анализу, который показал, что реальное самоопределение студентов существенно отличается от теоретического ($\chi^2 = 74,729$; $p \leq 0,01$). Это является важной контекстной характеристикой для начала оргдеятельностной игры.

Контент-анализ показал, что 90 % зафиксировали ситуацию неопределенности (фиксация тупика). 70 % участников смогли отразить свою «цель», при этом лишь 30 % магистрантов готовы нести «ответственность» за свой выбор и образование.

Ситуация неопределенности у 60 % студентов и связана с организацией образовательного процесса, у 40 % — с разрывностью

в предметном материале, а 10 % участников находились в ней на момент написания отчета.

Таким образом установлено, что после специально проведенной игры студенты проявляют больший интерес и ставят свои цели для изучения того или иного предмета, обозначают необходимые знания.

Кроме того, после игры у большего количества студентов выявлены критерии реального самоопределения. Также стоит отметить, фиксации участников «я пересмотрел(а) свое отношение к учебному процессу в магистратуре по программе», которые показывают стартовое «пробное» оформление своей позиции в образовательной программе магистратуры.

Заключение. Проведенный теоретический анализ позволил выделить модель критериев самоопределения и эмпирически проверить их. Исследование показало уместность и важность проведения игры-запуска (ОДИ) в рамках учебного процесса.

В силу того что игра позволяет овладеть средствами целеполагания, «активного действия» и рефлексии, процесс самоопределения может быть развернут в образовательной программе. Так как самоопределение является главной частью процессов принятия решений, то понимание смысла и ценности образовательной деятельности становится основой формирования компетентностей.

Библиографические ссылки

1. Слепко Ю. Н. Психологическое содержание и динамика целей учебной деятельности студентов педагогического вуза // Псих. наука и образование. 2022. Т. 27, № 2. С. 69–81. DOI: 10.17759/pse.2022270206
2. Герасимова А. С., Годовникова Л. В. Академические ценности студентов с разной учебной мотивацией // Ценностное многообразие современной культуры : монография. Западный : Антровита, 2018. С. 369–391.
3. Каменский Р. Г. Динамика самоопределения педагогов в организационно-деятельностной игре : дис. ... канд. пед. наук. Москва, 1996. 12 с.
4. Хасан Б. И. Почему игра? // Человек.RU. 2018. № 13. С. 116–127. DOI: 10.32691/2410-0935-2018-13-116-127.
5. Хасан Б. И. Содержательный конфликт как условие оформления образовательного интереса и профессионального самоопределения // Ак-

туальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIII Международ. науч.-практ. конф. : в 2-х ч. Красноярск, 02–03 апреля 2020 года. Красноярск : Сибир. юр. ин-т Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 11–13. DOI: 10.51980/2020_2_11.

**А. Д. Орлова
Г. В. Денисова**

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

ВОСПРИЯТИЕ КОНЦЕПТА «ДРУЖБА» ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РАЗНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУР НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ИТАЛИИ

Анализируется восприятие концепта «дружба» представителями итальянской и российской лингвокультур. Проводится сопоставительный анализ структуры социальных представлений о дружбе и их отражения в лингвокультурном сознании россиян и итальянцев. Уточняется понятие концепта и его взаимосвязь с социальными представлениями. Описываются качественные кросс-культурные различия восприятия феномена дружбы как социально-психологического явления, отраженного в концептосфере итальянской и российской лингвокультур.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, языковая картина мира, дружба, социальные представления, лингвокультура.

**Aleksandra D. Orlova
Galina V. Denisova**

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Moscow, Russia*

PERCEPTION OF THE CONCEPT “FRIENDSHIP” BY REPRESENTATIVES OF DIFFERENT LINGUO-CULTURES ON THE EXAMPLE OF RUSSIA AND ITALY

The perception of the concept “friendship” by representatives of the Italian and Russian linguistic cultures is analyzed. A comparative analysis of the structure of social ideas about friendship and their reflection in the linguistic and cultural consciousness of Russians and Italians is carried out. The concept of the concept and its relationship with social representations are specified. Qualitative cross-cultural differences in the perception of the

phenomenon of friendship as a socio-psychological phenomenon reflected in the concept sphere of the Italian and Russian linguistic cultures are described.

Keywords: concept, concept sphere, linguistic picture of the world, friendship, social representations, linguistic culture.

Введение. В современном обществе вопрос восприятия концептов представителями разных лингвокультур является актуальным и обсуждаемым (Т. А. Демешкина, О. С. Егорова, О. А. Кириллова, Л. В. Чеснокова, Т. В. Ларина и пр.). При активном взаимодействии стран изучение понимания различных концептов жителями разных культур может помочь избежать возможных трудностей коммуникации между этими группами. В работе был рассмотрен концепт дружбы, так как он является одним из самых распространенных среди представителей как России, так и Италии [1]. Исследование особенностей концептов в различных поколениях позволят минимизировать коммуникативные трудности не только со стороны культурных особенностей и различий языковых картин мира, но и со стороны социальных представлений, укоренившихся в лингвокультурном сознании носителей того или иного языка. Выбранная тематика является социально значимой в настоящее время, поскольку концептуальное и семантическое поле понятия «дружба» в русской и итальянской картинах мира не совпадают, при этом большое количество людей вступают в дружеские и рабочие отношения. Именно поэтому необходимо исследовать особенности концепта «дружба» и представления россиян и итальянцев о данном явлении, учитывая разницу поколений.

Материалы и методы. Данное исследование базируется на теории социальных представлений [2]. Исследование проводилось на базе онлайн-опроса в Google-forms. Респондентам была предложена ассоциативная методика. В данном исследовании для анализа структуры социальных представлений о концепте «дружба» использовалась методика П. Вержеса [3].

Результаты. В исследовании анализировались ассоциации к трем понятиям: дружба, друг и подруга; соответственно amicizia, amico, amica в итальянском языке. После обработки данных удалось выделить медиана частоты и средний ранг, а также элементы ядра

и периферии представлений о дружбе россиян и итальянцев. Наиболее выделяющимся различием в России и Италии в восприятии концепта «дружба» заключается в отсылке к семейным сценариям развития дружбы как межличностных отношений в Италии и выделением процессуальных характеристик дружбы россиянами, таких как преданность, верность, уважение. Подтверждена гипотеза о культурной обусловленности межпоколенческих различий в языковых картинах мира россиян и итальянцев. Подтверждена гипотеза о соотнесении в русской языковой картине мира концепта дружбы с представлениями о поддержке и с эмоциональной близостью в итальянской языковой картине мира. Проведенный анализ позволил подтвердить поколенческие различия, выражающиеся в более эмоциональном восприятии друга молодежью, и культурные различия, основанные на соотнесении итальянцами дружбы с эмоциональной близостью.

Заключение. Анализ того, как происходит социальное познание концепта «дружба», представляет интерес и нуждается в дальнейшем более глубоком изучении. В частности, представляется необходимым более подробно рассмотреть представленность концепта «дружба» в других лингвокультурах. В данной работе был проведен анализ этнокультурных особенностей восприятия концепта «дружба» у представителей России и Италии и были описаны различные положения дружбы в русской и итальянской языковых картинах мира. Поскольку отношения России и Италии развиваются и укрепляются с каждым годом, тематика, представленная в данной работе, требует более подробного изучения. В дальнейших исследованиях планируется рассмотреть восприятие других значимых и лингвоспецифичных концептов языка и их коллективные переживания представителями различных лингвокультурных сообществ.

Библиографические ссылки

1. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. Litres, 2017.
2. *Бовина И. Б.* Теория социальных представлений: история и современное развитие // Соц. журнал. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/>

article/n/teoriya-sotsialnyh-predstavleniy-istoriya-i-sovremennoe-razvitiie (дата обращения: 07.05.2022).

3. Vergès P. L'Évocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // Bulletin de psychologie. 1992. Vol. XLV, № 405. P. 203–209.

С. Н. Петросьян

З. И. Рябикина

Международный инновационный университет,

Сочи, Россия;

Кубанский государственный университет,

Краснодар, Россия

ТИПЫ СУБЪЕКТНОЙ АКТИВНОСТИ: САМООРГАНИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТНОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ СО-БЫТИЙНОСТИ

Обосновывается выделение типов субъектной активности как систем личностного позиционирования в отношениях с Другими. На основании факторизации данных авторской методики «Личностный профиль субъектной активности» выделены инфантильный, агрессивный, саботирующий, могущественный типы субъектной активности. Личность с могущественным типом субъектной активности в наибольшей степени соответствует критериям личностной зрелости и обладает совокупностью данных, обеспечивающих способность к активному самоосуществлению и социальной реализации.

Ключевые слова: тип субъектной активности, личностное позиционирование.

Svetlana N. Petrosyan

Zinaida I. Ryabikina

International Innovation University

Sochi, Russia;

Kuban State University

Krasnodar, Russia

TYPES OF AGENTIC ACTIVITY: SELF-ORGANIZATION OF PERSONALITY POSITIONING IN THE SPACE OF CO-EXISTENCE

The article substantiates the segregation of agentic activity types as systems of personal positioning in relations with Others. Based on the factorization of the data through the author's methodology called "Personality's

Agentic Activity Profile”, Infantile, Aggressive, Sabotaging, Powerful types of agentic activity were identified. Only the Powerful type of agentic activity represented by the positions of: Power, Control, Judge, Power is mature; i. e., only a person who possesses a set of these personality positions is capable of active self-fulfillment and successful social performance.

Keywords: agentic activity type, personality positioning.

Введение. Субъектный подход — одно из ключевых направлений в отечественной психологии личности (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский и др.). В настоящее время это направление продолжает активно развиваться, обуславливая акценты в рассмотрении современных проблем личности и ее отношений с миром (В. В. Знаков, З. И. Рябикина, Е. А. Сергиенко и др). Но, несмотря на достаточно широкий спектр исследований, вопрос о конкретных закономерностях в становлении субъектности личности остается дискуссионным.

Согласно Е. А. Сергиенко, личность является носителем содержания внутреннего мира человека, которое субъект реализует в конкретных жизненных условиях и обстоятельствах [1].

С нашей точки зрения, в пространстве со-бытийности субъект проявляется и реализуется через индивидуальную систему личностного позиционирования по отношению к миру и Другим. Это пространство взаимовлияний, «...ансамбль невидимых связей, тех самых, что формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу, определенных одни через другие, по их близости, соседству или по дистанции между ними» [2, с. 40]. Взаимное позиционирование во многом предопределяет как характер и направленность активности субъекта, так и динамику развития его отношений с Другими в со-бытии. Пространство со-бытийности создает возможности получения обратных связей, необходимых для процессов самоорганизации, и выступает носителем будущих форм структурной организации личности.

Онтогенетически обусловленными формами организации субъектной активности являются системы личностного позиционирования, различающиеся по своей направленности и цели (траектории

системы). Такие системные образования мы предлагаем назвать «типом субъектной активности».

Материалы и методы. С целью выявления типов субъектной активности на основании измеряемых критериев, в рамках диалогического подхода (М. М. Бахтин, М. Бубер, Э. Гуссерль, Г. Херманс, А. Шюц и др.), субъектно-бытийного подхода к исследованию личности (З. И. Рябикина, Г. Ю. Фоменко, Л. Н. Ожигова, А. Ш. Гуссейнов и др.) и др., нами была разработана методика «Личностный профиль субъектной активности», которая тестирует проявления субъектной активности как индивидуальное динамическое системное образование, иерархически организованную систему личностного позиционирования в отношениях с Другими, формирующуюся онтогенетически и определяющую характер и направленность активности субъекта.

Факторизация шкал методики позволила выявить наиболее общие совокупности характеристик личностного позиционирования в качестве сквозных организующих принципов, или типов (типическое динамическое системное образование).

Опросная процедура включает 220 вопросов, которые сгруппированы в шкалы, соответствующие со-бытийным позиционным дихотомиям, организованным по принципу биполярности: Базовая агрессия — Базовый страх, Равнодушие — Ненужность, Жестокость (вторжение) — Инфантилизм (беззащитность), Власть — Подчинение, Контроль — Подконтрольность, Обвинение — Вина, Судья — Подсудность, Могущество — Немощность [3]. Также в опросник введены две субшкалы саботирования власти и контроля в дихотомиях Власть — Саботирующее подчинение и Контроль — Саботирующая подконтрольность, где саботирование представляет собой скрытое сопротивление воле и намерениям другого человека.

Результаты. В результате факторизации данных методики «Личностный профиль субъектной активности» ($n = 958$) было выделено четыре совокупности связанных личностных позиций, или четыре типа субъектной активности [4]:

1. Инфантильно-жертвенный тип (высокие нагрузки по шкалам: Базовый страх (0,574), Инфантилизм (0,818), Подчинение

(0,759), Подконтрольность (0,773), Вина (0,766), Подсудность (0,742), Немощность (0,694)).

2. Агрессивно-жестокый тип (Базовая агрессия (0,827), Базовый страх (0,594), Ненужность (0,606), Жестокость (0,676), Обвинение (0,622)).

3. Саботирующий тип (Равнодушие (0,779), Саботирующая подконтрольность (0,709), Саботирующее подчинение (0,794)).

4. Могущественный тип (Власть (0,613), Контроль (0,753), Судья (0,797), Могущество (0,814)).

Заключение.

1. Многообразие личностного позиционирования в пространстве со-бытийности самоорганизуется в структуры с набором определенных личностных позиций, которые представляют собой одновременно упорядочивание и уменьшение степеней свободы системы. Такие структурные образования, или «моды» (устойчивые равновесные состояния системы), выражают тип субъектной активности личности и являются онтогенетически обусловленными формами ее организации.

2. Тип субъектной активности представляет собой одновременно процесс — онтогенетическую последовательность в освоении личностных позиций в отношениях со-бытия с Другим, характерных для определенных этапов возрастного развития, и результат — итоговую структуру сформировавшегося личностного позиционирования.

3. Тип субъектной активности является способом адаптации личности (системы) в пространстве со-бытия и представляет собой выбор системой одного из возможных вариантов развития.

4. Типы субъектной активности отражают эволюцию субъектности по принципу: от адаптации (незрелые формы субъектной активности: инфантильный, агрессивный, саботирующий) — к самореализации (зрелая форма субъектной активности: могущественный тип).

Библиографические ссылки

1. Сергиенко Е. А. Проблема соотношения понятий субъекта и личности // Псих. журнал. 2013. Т. 34, № 2. С. 5–16.

2. *Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
3. Стандартизация методики «Личностный профиль субъектной активности» / С. Н. Петросьян, З. И. Рябикина, Н. Ю. Губанова и др. // Науч. исследования и разработки. Соц.-гум. исследования и технологии. 2021. Т. 10, № 3. <https://doi.org/10.12737/2306-1731-2021-10-3-45-56>
4. *Петросьян С. Н., Рябикина З. И., Губанова Н. Ю.* Структурная валидность методики «Личностный профиль субъектной активности» // Гуманизация образования. 2021. № 1. С. 41–58. DOI: 10.24411/1029-3388-2020-10148

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И ОДАРЕННОСТЬ В ОБУЧЕНИИ

В статье обсуждается проблема воспитания качеств личности, способствующих преодолению неопределенности, создания условий для развития одаренности в преадаптивной модели образования. Развитие познавательной мотивации, направленность учителей на отслеживание доминирующей мотивации, различение мотивов познания и достижения становятся важными задачами образования. Познавательная мотивация способствует преодолению неопределенности на пути к творчеству.

Ключевые слова: неопределенность, одаренность, творчество, образование, обучение.

Galina P. Pirlík

*Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russia*

UNCERTAINTY AND GIFTEDNESS IN LEARNING

The article discusses the problem of educating personality traits that contribute to overcoming uncertainty, creating conditions for the development of giftedness in the pre-adaptive model of education. The development of cognitive motivation, the focus of teachers on tracking the dominant motivation, distinguishing between the motives of cognition and achievement are becoming important tasks of education. Cognitive motivation helps to overcome uncertainty on the way to creativity.

Keywords: uncertainty, giftedness, creativity, education, learning.

Введение. Неопределенность как неограниченность познания мира есть «состояние ума принимающего решение субъекта или уровень его знаний о конкретной ситуации» [1, с. 80–81], «резерв возрастания информации» [2, с. 109]. Необходимость подготовки саморазвивающейся и самореализующейся личности, готовой к полноценному вза-

имодействию в условиях неопределенности определяет актуальность. «Адаптивные модели образования, основанные только на трансляции умений, знаний и навыков, становятся все менее эффективными» [3]. Современное образование сталкивается с необходимостью развития преадаптивных феноменов — готовности к неопределенности, что «предполагает преадаптивные модели образования. <...> востребованной становится “школа неопределенности”, <...> в рамках которой важно не передать конкретные знания или рецепт получения этих знаний, а научить человека самостоятельно находить информацию и пользоваться ею» [3]. Важнейшим из преадаптивных феноменов, по нашему мнению, является творчество. Одаренность как способность к творчеству предполагает наличие интеллектуальных способностей, обеспечивающих овладение деятельностью, и познавательной направленности личности, лежащей в основе развития деятельности по собственной инициативе — единицы анализа творчества, раскрывающей его механизм [4]. Творчество является высшим уровнем развития любой деятельности, обеспечивается продолжением процесса мышления, когда внешние требования уже выполнены. Поддержка познавательной мотивации заключается в создании образовательных ситуаций, условий исследовательской деятельности, в которых ребенок ищет ответы на самостоятельно поставленные вопросы, движимый собственными интересами. Воспитание качеств личности, способствующих преодолению неопределенности, создание условий для развития одаренности — важные задачи образования.

Методы. Теоретический анализ, метод «Креативное поле», тесты диагностики толерантности к неопределенности [5].

Результаты. Процесс обучения как взаимодействие ученика и педагога предполагает, что педагог дает систему знаний, но далее от учащегося зависит, насколько он усвоит эти знания. Усвоение происходит не формальным запоминанием готовых знаний, а пониманием процесса их получения, принципов содержательного обобщения, теоретических оснований. Эти этапы являются сторонами единого процесса обучения. Без стремления понять нельзя ничему научиться. «...непонятая мысль, если в ней действительно отсутствуют даже проблески понимания, перестает быть мыслью в ее специфическом качестве и может быть только механически

воспроизведенной <...> “речевой труп” мысли является, к сожалению, еще достаточно распространенной реальностью. Это выражено, в частности, в такой тяжелой “педагогической болезни”, как зубрежка» [6, с. 79]. В процессе обучения возникают субъективно неопределенные ситуации. У одаренного ребенка доминирующая познавательная мотивация по мере развития исследовательской активности сначала выражается «в более высокой чувствительности к новизне стимула или ситуации обнаружения нового в уже известном», потом «как самостоятельная постановка вопросов и проблем по отношению к новому и неизвестному», когда творческое развитие осуществляется «как поиск ответов на собственные проблемы и вопросы» [4, с. 93]. Неопределенность может выступать стимулом, инициирующим учебную деятельность, способствующим развитию мышления, понимания учебного материала. Осуществляя учебную деятельность, «вы с самого начала втягиваете детей не в упражнения, не в повторение <...>, не в запоминание некоторого готовенького, а втягиваете в размышление. <...> Психика человека — это постоянный поиск, постоянное искание, а диалектика всякого поиска состоит в том, что ищущий человек не знает, что он найдет. Если бы он знал, зачем ему искать? А тогда законный вопрос: если не знаешь, что ты ищешь, то зачем ты ищешь? Вот эта коллизия самого поиска, и мыслительного поиска, соответствует общей природе человеческой психики, общей природе человеческого сознания. <...> решить учебную задачу — это преобразовывать, действовать с учебным материалом в неопределенной ситуации. В свою очередь, неопределенность поиска заложена в самой природе мышления, человеческого сознания, человеческой психики» [7, с. 61–62]. Найдя некоторое объяснение, войдя в исследование реальности, человек может подвинуться дальше и глубже. Такое самодвижение в познании может привести к совершению открытия.

Заключение. Одаренные люди направлены на углубленное понимание ситуации, благодаря чему продвигаются в познании, преодолевая неопределенность. Люди, способные выполнять лишь заданную деятельность, негативно относятся к неопределенности, не способны справляться с ней. Мотивация достижения ограничивает развитие процесса мышления даже при наличии высокого

интеллекта. Одаренные люди отдают предпочтение новому и сложным задачам. Новое открывается непосредственно в процессе деятельности, бескорыстное познание способствует его дальнейшему пониманию. Избегание сложных задач как отказ от познания характерно для людей с мотивом достижения даже при наличии высокого интеллекта и ограничивает развитие одаренности. Важными задачами образования становятся развитие познавательной мотивации, направленность учителей на отслеживание доминирующей мотивации, различение мотивов познания и достижения. Первый этап обучения — ситуация, стимулированная учителем, который дает готовое знание. Смысл дальнейшего обучения — самодвижение в этой области знаний. Это уже путь в неизведанное, в неопределенность. За пределами тех знаний, которые дает учитель, есть знания, которые не известны даже учителю. Основным двигателем на этом пути познания, преодоления неопределенности является познавательная мотивация — стремление знать и понимать. Такое движение есть путь к творчеству.

Библиографические ссылки

1. Диев В. С. Риск и неопределенность в философии, науке, управлении // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2011. № 2. С. 79–89.
2. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996.
3. Асмолов А. Г. Образование впереди перемен: школа неопределенности // Постнаука. URL: <https://postnauka.ru/talks/84112> (дата обращения: 01.04.2022).
4. Богоявленская Д. Б., Богоявленская М. Е. Одаренность: природа и диагностика. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2018.
5. Пирлик Г. П. Отношение к неопределенности людей, реализующих внешне стимулированную деятельность и самодеятельность (творчество) // Психология творчества и одаренности : сб. ст. Ч. 1. / под ред. Д. Б. Богоявленской. М., 2021. С. 70–74. DOI: 10.53677/9785919160441_70_74
6. Веккер Л. М. Психические процессы. Т. 2. Мышление и интеллект. Ленинград, 1976.
7. Давыдов В. В. Последние выступления : сб. ст. Рига, 1998. С. 61–62.

В. И. Пищик
Д. С. Жолдасов

*Донской государственный технический университет,
Ростов-на-Дону, Россия*

КОЛЛЕКТИВНЫЙ НАРЦИССИЗМ И ВЕРА В ТЕОРИИ ЗАГОВОРА МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ*

Анализируются основные взгляды на проблему распространения веры в заговоры среди молодежи. Уточняется понятие веры в заговоры как иррациональное убеждение. Приводятся современные исследования, подчеркивающие связь феномена веры в заговоры и проявлений коллективного нарциссизма. Предполагается, что коллективный нарциссизм может усиливать веру в заговоры. Представлены результаты эмпирического исследования веры в заговоры и коллективного нарциссизма студентов поколения Z. Показано, что студенты в большей степени верят в общественный, политический, продуктовый и фармацевтический. Эта вера связана с коллективным нарциссизмом.

Ключевые слова: коллективный нарциссизм, вера в заговоры, поколение Z, теории заговора, межгрупповая враждебность.

Vlada I. Pishchik
Dmitry S. Zholdasov

*Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia*

COLLECTIVE NARCISSISM AND BELIEF IN THE CONSPIRACY THEORIES OF THE YOUNGER GENERATION

The authors analyze the main views on the problem of spreading belief in conspiracies among young people. The authors clarify the concept of belief in conspiracies as an irrational belief. Modern studies are presented that

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00520 «Трансформация конспиративистской ментальности молодежи поколения Y и Z».

emphasize the connection between the phenomenon of belief in conspiracies and manifestations of collective narcissism. It is assumed that collective narcissism can strengthen the belief in conspiracies. The results of an empirical study of the belief in conspiracies and collective narcissism of Generation Z students are presented. It is shown that students believe more in the social, political, food and pharmaceutical. This belief is associated with collective narcissism.

Keywords: collective narcissism, belief in conspiracies, generation Z, conspiracy theories, intergroup hostility.

Введение. В современном мире мы сталкиваемся с жизненными ситуациями, которые полны непредсказуемых событий, угроз, что приводит к повышению тревожности, деструктивного поведения, и мы можем искать самые невероятные объяснения данным событиям. Поиск способов преодоления таких ситуаций актуализирует изучение проблемы объяснения причин, факторов становления веры в заговоры.

Понятие «вера в заговоры» давно вошло в научный дискурс, но подвергается постоянному пересмотру [1–3]. Вера в заговоры предполагает, что люди склоняются подозревать некоторую группу в преднамеренном, скрываемом причинении вреда другим в различных сферах (политика, биология, медицина, культура и др.), при этом доказательства этому обнаружить сложно. Уже определены некоторые предикторы веры в заговоры [2]. Goles de Zavala A. и др. разработали концепцию коллективного нарциссизма, которая описывает внутригрупповую идентификацию, связанную с эмоциональными инвестициями в нереалистичную веру в беспрецедентное величие группы [4, с. 1074].

Коллективный нарциссизм связан с верой в межгрупповые теории заговора [4]. В польском контексте национальный коллективный нарциссизм был связан с верой в еврейский заговор [5]. В США это было связано с общей верой в участие иностранных (но не собственных) правительств в заговорах [6], а также с более специфической тенденцией рассматривать политические события с точки зрения групповых заговоров вокруг президентских выборов 2016 года [7]. В пяти исследованиях авторы показали,

что межгрупповая враждебность предсказывается коллективным, но не индивидуальным нарциссизмом. Межгрупповая враждебность была связана с коллективным нарциссизмом сверх ориентации на социальное доминирование, правым авторитаризмом и слепым патриотизмом [6].

Вера в заговоры очень быстро распространяется благодаря СМИ и заражает умы молодых.

Поколение Z, год рождения которого начинается с 2000 г., живет в новом информационном пространстве. В нем сложно отличать истинное знание от ложного. Сегодня представляет научный интерес выявление социально-психологических характеристик представителей поколения Z.

Материалы и методы. Мы провели исследование представителей Z поколения — 250 студентов вузов (60 % девушек) Ростова-на-Дону. Применяли методику веры в заговоры (Пищик В. И., Муталимова С. Ш.), анкету определения группового нарциссизма (Goles de Zavala A. и др.) [3].

Результаты. В результате у представителей поколения Z, были выражены следующие виды веры в заговоры: общественный ($M = 70,5$), продуктовый (66,4), политический (60), фармацевтический (55,3).

По результатам анкетирования выявлено, что наиболее высокие баллы получили такие проявления коллективного нарциссизма, как: «Я настаиваю на том, чтобы моя группа пользовалась должным уважением»; «Если бы моя группа имела большое влияние в мире, мир был бы намного лучше»; «Я хочу, чтобы моя группа что-то значила в глазах всего мира»; «Моя группа заслуживает особого отношения».

Получены значимые корреляции выше 0,50** веры в заговоры и шкал коллективного нарциссизма.

Заключение. Таким образом на выборке поколения Z подтвердилось предположение о связи группового нарциссизма и веры в заговоры. Коллективный нарциссизм взаимоподкрепляет убеждения в заговоре, и в группах поколения Z имеется доступное объяснение предполагаемого неблагополучия их группы, тем самым позволяя им поддерживать позитивный имидж.

Библиографические ссылки

1. *Georgiou N., Delfabbro P., Balzan R.* Conspiracy beliefs in the general population: The importance of psychopathology, cognitive style and educational attainment // *Personality and Individual Differences*. 2019. № 151. P. 109521. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.109521>
2. Conspiracy theories and intergroup relations. In *Routledge Handbook of Conspiracy Theories* / M. Biddlestone, A. Cichocka, I. Žeželj et al. ; ed. by M. Butter, P. Knight. London : Routledge, 2020.
3. *Артеев С.П.* Пандемия COVID: Конспирология и антиконспирология // *Власть*. 2022. Т. 30, № 1. С. 58–63. DOI: 10.31171/vlast.v30i1.8781
4. Collective narcissism and its social consequences / A. Golec de Zavala, A. Cichocka, R. Eidelson et al. // *J Pers Social Psychol*. 2009. 97. P. 1074–1096. <http://dx.doi.org/10.1037/a0016904>
5. *Golec de Zavala A., Cichocka A.* Collective narcissism and antisemitism in Poland. *Group Processes Intergroup Relations*. 2012. № 15. P. 213–229. <http://dx.doi.org/10.1177/1368430211420891>.
6. *Cichocka A., Cislak A.* Nationalism as collective narcissism // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2020. № 34. P. 69–74. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2019.12.013>
7. *Golec de Zavala A., Federico C.M.* Collective narcissism and the growth of conspiracy thinking over the course of the 2016 United States presidential election: a longitudinal analysis // *Eur J Social Psychol*. 2018. № 48. P. 1011–1018. <http://dx.doi.org/10.1002/ejsp.2496>.

И. В. Пономарева
Е. А. Евстафеева
А. В. Важенин

*Томский государственный университет;
Томск, Россия*

*Челябинский государственный университет;
Уральский филиал Финансового университета при Правительстве РФ;
Южно-Уральский государственный медицинский университет
Челябинск, Россия*

ИССЛЕДОВАНИЕ ВКЛАДА СУБЪЕКТНЫХ И ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК В ВЕРОЯТНОСТЬ ЗАБОЛЕВАНИЯ РАКОМ МОЛОЧНОЙ ЖЕЛЕЗЫ У ЖЕНЩИН, ПРОЖИВАЮЩИХ В ПРОМЫШЛЕННОМ МЕГАПОЛИСЕ И СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ*

Данное исследование посвящено изучению вклада психологических характеристик личности в риск заболевания раком молочной железы (РМЖ) у женщин, проживающих в промышленном мегаполисе и сельской местности. В ходе изучения были обнаружены перечни характеристик, связанные с риском заболевания РМЖ. Полученные результаты могут быть включены в разработку персонализированных протоколов скрининга рака груди.

Ключевые слова: рак молочной железы, риск заболевания РМЖ, психологические предикторы.

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-013-00824 «Психологические факторы риска развития злокачественных новообразований женщин, проживающих в промышленном мегаполисе и сельской местности»).

Irina V. Ponomareva
Evgeniya A. Evstafeeva
Andrey V. Vazhenin

Tomsk State University

Tomsk, Russia;

Chelyabinsk State University;

Ural Branch of the Financial University

under the Government of the Russian Federation

South Ural State Medical University

Chelyabinsk, Russia

THE STUDY OF THE CONTRIBUTION OF SUBJECTIVE AND PERSONAL CHARACTERISTICS TO THE LIKELIHOOD OF DEVELOPING BREAST CANCER IN WOMEN LIVING IN AN INDUSTRIAL METROPOLIS AND RURAL AREAS

This study is devoted to the study of the contribution of psychological characteristics of personality to the risk of breast cancer (breast cancer) in women living in an industrial metropolis and rural areas. During the study, lists of characteristics associated with the risk of breast cancer were found. The results obtained can be included in the development of personalized breast cancer screening protocols.

Keywords: breast cancer, risk of breast cancer, psychological predictors.

Введение. Рак молочной железы является наиболее распространенной формой рака у женщин. В настоящее время идентифицированы и приняты в качестве важных факторов риска РМЖ и прогностических факторов течения болезни многочисленные биологические факторы. Психосоциальные факторы также рассматриваются как имеющие вероятностное значение.

Однако противоречивые данные о связи психологических характеристик личности и риска заболевания РМЖ оставляют открытым вопрос о том, оказывают ли психологические факторы какое-либо влияние на заболевание РМЖ [1].

Цель данного исследования — изучить вклад психологических характеристик женщин в риск заболевания раком молочной железы, проживающих в промышленном мегаполисе и сельской местности.

Материалы и методы. Нами были изучены следующие психологические переменные: базисные убеждения, жизненные ориентации, локус контроля, стратегии совладающего поведения и субъективная оценка качества жизни, личностная беспомощность-самостоятельность, жизнестойкость. В качестве методов диагностики психологических переменных, соответственно, использовались шкала базисных убеждений (адаптация М. А. Падун, А. В. Котельниковой); тест жизненной ориентаций (адаптация Д. А. Циринг, К. Ю. Эвниной), методика «Уровня субъективного контроля» (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, Л. М. Эткинд); методика «Опросник способов совладания» Р. Лазаруса (адаптация Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой); опросник SF-36 «Оценка качества жизни»; опросник личностной беспомощности (Д. А. Циринг, А. В. Степаненко); тест жизнестойкости (адаптация Д. Леонтьева). В качестве методов количественной обработки эмпирических данных: методы дескриптивной статистики, дискриминантный анализ. Дизайн исследования предполагал анализ вклада психологических характеристик женщин, больных РМЖ ($N = 160$), находящихся на лечении в ГБУЗ «Челябинский областной клинический центр онкологии и ядерной медицины», Челябинск. Также в исследовании приняли участие женщины, не имеющие онкологического диагноза ($N = 227$).

Результаты. С целью определения совокупности психологических предикторов, которые связаны с риском заболевания РМЖ у женщин, проживающих в мегаполисе ($N = 168$), нами был проведен дискриминантный анализ. Анализ значения дискриминантной функции, которая информативна и объясняет 100 % дисперсии, а также при значении $\lambda = 0,641$ и статистической значимости $p = 0,001$, указывает на то, что набор дискриминантных переменных обладает хорошей дискриминативной способностью. Согласно полученным данным, риск заболевания женщин РМЖ, проживающих в городской местности, зависит от их когнитивных убеждений, включенных в картину мира, используемых в трудных жизненных ситуациях копинг-стратегий, показателей качества жизни, показателей локуса

контроля, а также принятии риска [2]. Однако в дискриминантное уравнение были включены не все выше перечисленные переменные, что связано с учетом не только их дискриминативной способности, но и уникальным вкладом в совокупность с остальными переменными. Наибольший вклад в значение дискриминантной функции, разделяющей женщин на здоровых и женщин с РМЖ, вносят показатель качества жизни «Физическое функционирование» (PF) (0,839), копинг-стратегия «Бегство — избегание» (0,272), показатели качества жизни «Психическое здоровье» (MH) (0,563) и «Роловое функционирование, обусловленное физическим состоянием» (RP) (0,637). Как показывают результаты классификации, при данном наборе дискриминантных переменных точность классификации составляет 77,1 %, что вполне эффективно для классификации двух классов объектов.

Таким образом, психологическими факторами риска заболевания РМЖ женщин, проживающих в промышленном мегаполисе можно назвать следующие психологические характеристики личности: низкие показатели качества жизни «Психическое здоровье», «Роловое функционирование, обусловленное физическим состоянием» и «Физическое функционирование, редкое использование копинг-стратегии “бегство — избегание”».

Аналогичный дискриминантный анализ нами был проведен для женщин, проживающих в сельской местности ($N = 219$). В анализе участвовали две выборки: женщины с онкологическим диагнозом РМЖ ($N = 91$), здоровые женщины ($N = 128$). Анализ основных данных результатов дискриминантного анализа, проведенного с целью оценки вклада психологических переменных в дифференциацию выборок женщин на больных раком молочной железы и здоровых, показал, что с фактом заболевания раком молочной железы среди женщин, проживающих в сельской местности, связаны копинг-стратегия «Конфронтация» [2], показатели качества жизни: «Физическое функционирование» (PF), «Роловое функционирование, обусловленное физическим состоянием» (RP), показатели локуса контроля — интернальность в области достижений и в области здоровья, показатели личностной беспомощности — мотивация избегания неудач и настойчивость.

Полученные значения дискриминантной функции, которая информативна и объясняет 100 % дисперсии, а также при значении $\lambda = 0,682$ и статистической значимости $p = 0,001$, указывает на то, что набор дискриминантных переменных обладает хорошей дискриминативной способностью. Наибольший вклад в значение дискриминантной функции, разделяющей женщин на здоровых и женщин с РМЖ, вносят ролевое функционирование, обусловленное физическим состоянием (0,501), настойчивость (0,477) и интернальность в области достижений (0,354). Как показывают результаты классификации, при данном наборе дискриминантных переменных точность классификации составляет 74,8 %. Таким образом, получен перечень возможных психологических факторов, связанных с риском заболевания РМЖ для женщин, проживающих в сельской местности: низкие показатели качества жизни (физическое функционирование и ролевое функционирование, обусловленное физическим состоянием), редкое использование стратегии «Конфронтация», мотивация избегания неудач и низкая настойчивость как показатели личностной беспомощности, экстернальность в области здоровья и болезни, интернальность в области достижений.

Заключение. Нами произведена оценка вероятностных факторов риска заболевания раком молочной железы для женщин, проживающих в мегаполисе и сельской местности. Полученные результаты могут быть включены в разработку персонализированных протоколов скрининга рака груди, а также учтены при классификации женщин по группам риска развития рака груди [3].

Перспективами данного исследования является верификация прогностических моделей риска заболевания РМЖ, включающая психологические и средовые факторы.

Библиографические ссылки

1. Carlsson M., Hamrin E. Psychological and psychosocial aspects of breast cancer and breast cancer treatment. A literature review // Cancer nursing. 1994. № 17(5). P. 418–428.

2. Пахомова Я. Н., Циринг Д. А., Миронченко М. Н. Совладающее поведение женщин с раком молочной железы, проживающих в промышленном

мегаполисе и сельской местности // Будущее клинической психологии — 2021 : материалы XV Всерос. науч.-практ. конф. с международ. участием, Пермь, 03–04 июня 2021 года. Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2021. С. 102–106.

3. Прогностические модели и социальные факторы риска заболеваемости раком молочной железы / И. В. Пономарева, Я. Н. Пахомова, Д. А. Циринг и др. // Традиции и инновации в психологии и социальной работе : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., Карачаевск, 29–30 октября 2021 года. Карачаевск : Карачаево-Черкесский гос. ун-т им. У.Д. Алиева, 2021. С. 93–98.

**О. Я. Пономарева
Д. В. Шкурин**

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПЕРСОНАЛА И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ТРУДОМ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ КРУПНОГО БИЗНЕСА

Основной целью тезисов является изучение удовлетворенности трудом в разрезе социальной структуры персонала. Авторами представлен обзор подходов зарубежных и отечественных авторов к факторам удовлетворенности трудом, прежде всего в зависимости от пола как условия дифференцированного подхода к удержанию квалифицированного персонала и сохранению человеческого капитала компании. Особое внимание уделено изучению уровня удовлетворенности трудом персонала отечественных предприятий крупного бизнеса, а также анализу результатов проведенного опроса сотрудников по исследованию факторов удовлетворенности трудом в зависимости от параметров социальной структуры сотрудников — возраста, пола и стажа.

Ключевые слова: социальная структура персонала, удовлетворенность трудом, раскрытие потенциала.

**O. Ya. Ponomareva
D. V. Shkurin**

*Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia*

INTERRELATION OF SOCIAL STRUCTURE OF STAFF AND JOB SATISFACTION AT BIG BUSINESS ENTERPRISES

The main purpose of the theses is to study job satisfaction in the context of the social structure of the staff. The authors present an overview of the approaches of foreign and domestic authors to job satisfaction factors, primarily

depending on gender, as a condition for a differentiated approach to retaining qualified personnel and preserving the company's human capital. Particular attention is paid to the study of the level of satisfaction with the work of the personnel of domestic enterprises of large businesses, as well as the analysis of the results of a survey of employees to study the factors of job satisfaction, depending on the parameters of the social structure of employees — age, gender and length of service.

Keywords: social structure of personnel, job satisfaction, unlocking potential.

Введение. Актуальность исследования взаимосвязи социальной структуры персонала и удовлетворенности трудом обусловлена гуманизацией всех процессов управления персоналом компаний. Именно в XXI веке выделилась ориентация на сотрудников как человеческий капитал, специфичность которого для компании определяется как степень, в которой он более важен для данной фирмы по сравнению с ее конкурентами. В связи с этим и в научных подходах, и в практике управления обращено внимание на поиск соответствия между имеющимися функциональными стратегиями для обеспечения устойчивых конкурентных преимуществ компании [1] и выделение ведущей HR-стратегии в условиях новых вызовов — стратегии развития и использования потенциала сотрудников организации [2]. Ресурсами потенциала, на наш взгляд, для высококвалифицированных сотрудников является внутренняя мотивация к эффективному труду и желание развиваться в данной компании в изменяющихся условиях, источником которой выступает поддержание необходимого уровня удовлетворенности трудом. Достаточно широко изучены факторы удовлетворенности трудом сотрудников компаний многих сфер бизнеса в разных странах мира [3; 4], но причины, влияющие на уровень удовлетворенности трудом, изучены недостаточно. В большей степени исследованы вопросы взаимосвязи пола и факторов удовлетворенности трудом, как правило, в связи с дискриминацией прав женщин [5]. Реже встречаются исследования возраста, опыта или стажа работы в компании [6]. Вместе с тем нет комплексных исследований в связи с изменением самого субъекта труда с учетом возраста, пола и стажа и их влияния

на удовлетворенность трудом, как фактора удержания высококвалифицированного персонала и эффективности бизнеса.

Материалы и методы. Изучение взаимосвязи социальной структуры персонала и удовлетворенности трудом проводилось в двух компаниях крупного бизнеса в сфере энергосбыта и железнодорожных перевозок. В исследовании приняло участие 165 человек, из которых 85 человек в возрасте от 21 до 60 лет в службах тепловодосбыта, сбыта энергии населению и сбыта электроэнергии, преимущественно женщины; 80 человек в возрасте от 28 до 40 лет в службах поездных диспетчеров и диспетчеров Центра управления перевозками, мужчины и женщины в равной доле. Для целей исследования факторов удовлетворенности трудом авторами была разработана анкета, факторы удовлетворенности трудом в которых имели свои особенности по предприятиям. Анкета состояла из двух блоков: первый блок включал вопросы социально-демографического характера, второй направлен на оценку компонентов удовлетворенности респондентов (всего 14). Для обработки полученных данных применялись методы математической статистики: оценка нормальности распределения показателей для выбора критериев расчета (критерий Колмогорова — Смирнова), для анализа показателей, имеющих нормальное распределение (общий индекс удовлетворенности) применялись коэффициенты корреляции Eta (в случае ненаправленных связей) и R Пирсона (в случае направленных связей); для анализа показателей, не имеющих нормального распределения (факторы удовлетворенности), применялись непараметрические ранговые критерии Крускала — Уоллеса (в случае ненаправленных связей) и Джоникера — Тепстры (в случае направленных связей). Расчеты производились с использованием программ SPSS for Windows v. 20.0 и Vortex 10.

Результаты. Исследование индекса удовлетворенности трудом разных категорий персонала обоих предприятий выявил значимые различия по полу на предприятии 2 (в сфере транспортных перевозок), а также по должности и виду деятельности на обоих предприятиях. Различия по полу на предприятии 1 (в сфере энергосбыта) оказались незначимы в силу непропорциональной численности мужчин и женщин в коллективе (выборка всего из 10 мужчин).

По остальным параметрам социальной структуры персонала — возрасту, уровню образования и стажу различия по индексу удовлетворенности оказались в целом статистически незначимы. Анализ взаимосвязей пола респондентов с факторами удовлетворенности трудом выявил, что мужчины в целом больше удовлетворены, чем женщины по всей совокупности факторов, при этом по отдельным факторам уровень удовлетворенности выше у мужчин (зарплата, санитарно-гигиенические условия, объективность оценки, перспективы роста, организация труда, обеспечение всем необходимым для работы, система премирования, решение социальных вопросов), а по некоторым другим — у женщин (санитарно-гигиенические условия, отношения с руководством и отношения в коллективе). Также установлены взаимосвязи удовлетворенности трудом с другими параметрами социальной структуры, а именно: с возрастом — сотрудники в возрасте 31–40 лет наиболее остро ощущают и выражают неудовлетворенность реализацией своего потенциала на предприятии — требованиям к интеллекту, способностям, возможностями продвижения и приобретенному опыту; со стажем — имеются различия в оценке факторов удовлетворенности трудом: удовлетворенность своим служебным продвижением и возможностями продвижения по службе характерна для начинающих сотрудников (стаж работы до 5 лет), затем снижается (при стаже от 5 до 15 лет, что примерно соответствует возрасту 31–40 лет), а при стаже от 15 лет начинает расти, достигая пика при максимальном стаже (30–39 лет). Выявлено, что сотрудники в возрасте 31–40 лет чаще готовы рассматривать предложения о смене работы, что заслуживает внимания и соответствующих изменений в мотивационной политике менеджмента предприятия.

Заключение. Результаты исследования позволяют утверждать, что удовлетворенность трудом имеет различия в зависимости от пола, стажа и возраста сотрудников; социальная структура персонала влияет на уровень удовлетворенности трудом; различия во взаимосвязи характеристик социальной структуры персонала (пола, возраста и стажа) с удовлетворенностью трудом наиболее проявляются не в общем уровне удовлетворенности трудом, а в отдельных, субъективно-значимых факторах удовлетворенности тру-

дом, важных для раскрытия потенциала сотрудника средствами профессии. Данный вывод может служить научной базой для адресных управленческих решений и рекомендаций по совершенствованию управления удовлетворенностью трудом с учетом изменяющейся социальной структуры персонала как фактора благополучия и раскрытию потенциала сотрудника средствами профессии.

Библиографические ссылки

1. Соколов Д. Н., Завьялова Е. К. Интеграция стратегических ресурсов организации в условиях новой экономики: концептуальная модель // Вестн. СПбГУ. Менеджмент. 2018. Т. 17. Вып. 1. Управление человеческими ресурсами. С. 46–68. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2018.103>

2. *Mirapolis H. C. M.* Как меняется подход к управлению человеческими ресурсами. URL: <https://www.mirapolis.ru/blog/14-hr-trendov-v-upravlenii-personalom/> (дата обращения: 20.12.2021).

3. *Brief A. P., Barsky A.* Establishing a climate for diversity: The inhibition of prejudiced reactions in the workplace // *Research in Personnel and Human Resources Management*. 2000. № 19. P. 91–129.

4. *Menon N. Z., Gena L. K.* Gender Inequality, Job Satisfaction and Job Motivation: Evidence from Indian Female Employees // *Management and Labor Studies*. 2017. № 42(3). P. 1–22.

5. *Невежина М. В.* Гендерная дискриминация в сфере труда: опыт борьбы на международном уровне // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2018. № 3. С. 187–193.

6. *Fedorova A., Ponomareva O.* Developing University HR Potential as the Basis for its Intellectual Capital // *Academic Conferences and Publishing International Limited : Proceedings of the European conference on intellectual capital (ecic 2017) / eds. I. T. Lopes, R. Serrasqueiro. Vol. 2017, April. P. 97–105.*

Л. В. Попова

*Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия*

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ ПАНДЕМИИ: ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ К ВНЕШНЕМУ ОБЛИКУ И ИЗМЕНЕНИЕ ИХ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ

Анализируются социально-психологические эффекты пандемии. Уточняются понятия удовлетворенности жизнью и отношения к внешнему облику, эмпирически выявляется изменение удовлетворенности жизнью и динамика отношения к внешнему облику у студентов Южного федерального университета. Устанавливаются корреляции между удовлетворенностью своим внешним обликом, стремлением к совершенствованию своего внешнего облика и удовлетворенностью общением как в учебной, так и межличностной сферах.

Ключевые слова: пандемия, удовлетворенность внешним обликом, удовлетворенность жизнью.

Larisa V. Popova

*Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia*

SOCIO-PSYCHOLOGICAL EFFECTS OF THE PANDEMIC: DYNAMICS OF STUDENTS' ATTITUDE TO APPEARANCE AND CHANGE IN THEIR LIFE SATISFACTION

The socio-psychological effects of the pandemic are analyzed. The concepts of life satisfaction and attitude to appearance are clarified, the change in life satisfaction and the dynamics of attitude to appearance among students of the Southern Federal University is empirically revealed. Correlations are established between satisfaction with one's appearance, the desire to improve one's appearance and satisfaction with communication, both in the educational and interpersonal spheres.

Keywords: pandemic, satisfaction with the appearance, satisfaction with life.

Введение. Актуальность исследования воздействия экстремальных ситуаций на личность человека обусловлена ростом частоты чрезвычайных ситуаций как в жизни отдельного человека, так и всего мирового сообщества. 11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила пандемию, вызванную новым типом коронавируса. Последовавшая вслед за этим вынужденная самоизоляция в корне изменила обычный уклад жизни и профессиональной деятельности людей, отразившись на их самочувствии, взглядах, способах обустройства своей повседневной жизни и взаимодействии с другими людьми.

Материалы и методы. За два последних года с начала пандемии было проведено немало исследований, посвященных изучению изменений психологических состояний человека в этот период. Например, Т. А. Мусхаджиева, Е. Ч. Дубаева рассмотрели расход возможностей во время пандемии в соответствии с пирамидой А. Маслоу [1]. Е. А. Макарова, Н. А. Цветкова исследовали психологические особенности реакций на стресс, обусловленный режимом самоизоляции в период пандемии COVID-19 в различных жизненных ситуациях [2]. А. Н. Алехин, Ю. Ю. Данилов, О. Ю. Щелкова в своей статье отмечают, что основные противоэпидемические меры, такие как социальное дистанцирование и самоизоляция, являются самостоятельными стрессовыми факторами, а значит именно они затрудняют процессы адаптации и повышают общий уровень тревожности населения [3]. Мы считаем важным проследить динамику отношения к своему внешнему облику и удовлетворенности жизнью у студентов как показателей, отражающих психологическое благополучие личности. На основе анализа отечественных и зарубежных исследований, посвященных изучению удовлетворенности жизнью и внешнего облика [4–6 и др.], можно сделать вывод о том, что понятие удовлетворенность жизнью включает в себя множество аспектов, отражающих потребности в самых разных сферах жизнедеятельности индивида. Как мы писали ранее, «...удовлетворенность жизнь представляет собой сложно многофакторное образование, представляющее собой интеграцию когнитивных, эмоционально-волевых процессов, служащее субъективным индикатором оценки

индивидом всевозможных аспектов своей текущей жизнедеятельности» [6, с. 976].

С другой стороны, внешний облик как социально-психологический конструкт включает в себя множество самых разных аспектов, оказывающих влияние на самоактуализацию, коммуникацию, самоидентификацию и общий эмоциональный фон личности. Мы решили изучать феномен удовлетворенности жизнью, исходя из разработанной В. А. Лабунской «многофакторной социально-психологической модели изучения отношения к внешнему облику», базирующейся на интегральных культурно-психологических и социально-психологических факторах. В данной модели удовлетворенность жизнью выступает одним из факторов, так как, с одной стороны, является субъектным, а с другой — его формирование обусловлено социокультурными условиями бытия человека [7].

Исходя из вышеуказанного, **целью исследования** является исследование динамики отношения к внешнему облику и удовлетворенности жизнью у студентов до пандемии, через год и через два года режима самоизоляции в период пандемии, то есть в настоящее время. **Методы исследования:** респондентам было предложено ответить на вопросы анкеты, посвященной удовлетворенности своей жизнью, и методик В. А. Лабунской «Отношение к своему внешнему облику», «Удовлетворенность своим внешним обликом». **Эмпирическим объектом** нашего исследования выступили на разных этапах 95 и 80 студентов ЮФУ. Для получения статистически значимых результатов использовались корреляционный анализ Спирмена и Т-критерий Стьюдента.

Результаты. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что до пандемии удовлетворенность своим внешним обликом положительно коррелировала с удовлетворенностью общением как в учебной ($r = 0,426$ при $p < 0,01$), так и межличностной сферах ($r = 0,329$ при $p < 0,01$); стремление к совершенствованию своего внешнего облика — с удовлетворением общением в межличностной сфере ($r = 0,339$ при $p < 0,01$). Во время пандемии, как в первый год, так и сейчас, этих корреляций мы не выявили. Через год после введения режима самоизоляции и перевода учебного процесса в онлайн-режим у студентов отмечались статистически значимое

снижение удовлетворенности отношениями в межличностной сфере ($t = -2,612$), но повышение удовлетворенности учебной деятельностью ($t = 2,581$) и общением в учебной сфере ($t = 2,344$). В настоящее время (через два года с начала пандемии) статистически значимых различий с предыдущими результатами обнаружены не были: студенты показывают высокий уровень удовлетворенности общением в учебной сфере и низкий уровень удовлетворенности отношениями в межличностной сфере.

Заключение. Результаты исследования могут быть использованы при создании оптимально комфортной среды в образовательном пространстве университета.

Библиографические ссылки

1. Мухаджиева Т. А., Дубаева Е. Ч. Социально-психологический аспект реагирования человека в чрезвычайной ситуации COVID-19 // Гум. науки. 2020. № 4 (52).

2. Макарова Е. Ю., Цветкова Н. А. Психологические особенности реакции на стресс, обусловленный режимом самоизоляции в период пандемии COVID-19 // E-Scio. 2020. № 10 (49).

3. Алехин А. Н., Данилова Ю. Ю., Щелкова О. Ю. Особенности психологических реакций в ситуации эпидемической угрозы, транслируемой СМИ // Психология человека в образовании. 2020. Т. 2. № 4.

4. Галияхметова Л. И. Благополучие, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью: проблема взаимосвязи // Вестн. Башкир. ун-та. 2015. Т. 20. Вып. 3. С. 1114–1118.

5. Джидарьян И. А. Психология счастья и оптимизма. М. : ФГБУН Ин-т психологии РАН, 2013. 370 с.

6. Попова Л. В., Левин В. И. Теоретический анализ взаимосвязи оценки внешнего облика, субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью // Совр. науч. исследования в сфере педагогики и психологии : сб. результатов науч. исследований. Киров : Изд-во МЦИТО, 2018.

7. Социальная психология внешнего облика: теоретические подходы и эмпирические исследования : кол. монография / под науч. ред. проф. В. А. Лабунской, доц. Г. В. Серикова, доц. Т. А. Шкурко. Ростов н/Д : Мини-Тайп, 2019. 456 с.

А. М. Потанина

*Психологический институт
Российской академии образования
Москва, Россия*

РЕГУЛЯТОРНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ УСПЕШНОСТИ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ: ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В работе анализируются регуляторные и личностные ресурсы академической успешности учащихся средней и старшей школы с различными индивидуально-типическими профилями саморегуляции. Выявляются типы регуляторных профилей, характерные учащимся 5–6, 7–8 и 9–11 классов. Описываются типы, характерные всем учащимся, и уникальные для периода обучения. Выявляется специфика психологических ресурсов успешности в зависимости от типа индивидуального регуляторного профиля.

Ключевые слова: осознанная саморегуляция, индивидуально-типические профили, академическая мотивация, личностные диспозиции, академическая успешность.

Anna M. Potanina

*Psychological Institute
of Russian Academy of Education
Moscow, Russia*

REGULATORY AND PERSONALITY RESOURCES OF SCHOOL SUCCESS: INDIVIDUAL TYPOLOGICAL ASPECTS

The paper analyzes the regulatory and personality resources of academic success in middle and high school students with different individual-typical profiles of self-regulation. The results identify the types of regulatory profiles characteristic of students in grades 5–6, 7–8 and 9–11. The paper shows profile types that characterize all students and unique for the period of study.

The results reveal the specificity of the psychological resources of academic success depending on the type of individual regulatory profile.

Keywords: Conscious self-regulation, regulatory-typological profiles, academic motivation, personality features, academic success.

Введение. Исследование посвящено анализу регуляторных и личностных ресурсов академической успешности учащихся средней и старшей школы с различными индивидуально-типическими профилями саморегуляции. Работа выполнена в контексте актуального в современной психологии типологического подхода, сфокусированного на изучении дифференциальных различий в проявлении различных психологических феноменов: личностных диспозиций [1], мотивационных [2] и регуляторных особенностей [3]. Актуальность исследования также обуславливается тем, что перечисленные феномены являются значимыми некогнитивными предикторами школьной успешности [4]. Методологической основой работы выступил дифференциальный подход к исследованию осознанной саморегуляции [5], в частности представления о ее стилевых особенностях. Силевые особенности могут быть описаны индивидуальными профилями регуляторных компетенций планирования учебных целей, моделирования значимых условий их достижения, программирования учебных действий и оценивания их результатов, а также регуляторно-личностных свойств гибкости, инициативности, надежности и ответственности [5; 6]. Анализ научной литературы демонстрирует, что проблема некогнитивных предикторов академической успешности в разные периоды обучения достаточно хорошо исследована [4], тогда как исследований психологических ресурсов успеваемости в связи с индивидуальными особенностями учащихся практически не обнаруживается.

Материалы и методы. Цель данного исследования — выявить и сравнить психологические ресурсы успешности в учебе для учащихся с различными индивидуально-типологическими профилями в разные периоды обучения. Исследовательские вопросы: 1) какова специфика психологических ресурсов успешности обучающихся в зависимости от их индивидуально-типического профиля; 2) каковы ведущие ресурсы успешности обучения уча-

щихся различных типологических групп в разные периоды обучения. Выборку исследования составили 949 учащихся 5–11 классов муниципальных образовательных учреждений Москвы и Калуги в возрасте 11–17 лет (47 % — девочки). Методики исследования: 1. Опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции учебной деятельности (ССУД-М 52)». Показатели: планирование, моделирование, программирование, оценивание результатов, гибкость, инициативность, ответственность, надежность, интегративный показатель развития общего уровня осознанной саморегуляции учебной деятельности (ОУ). 2. Опросник «Большая пятерка — детский вариант» («Big Five Questionnaire — Children Version: BFQ-C») (русскоязычная адаптация С. Б. Малых и др.). Показатели: экстраверсия, открытость опыту, добросовестность, дружелюбность, эмоциональная нестабильность (нейротизм). 3. Опросник «Отношение к учению в средних и старших классах школы» (ОУУ) (модификация «Методики диагностики мотивации учения и эмоционального отношения к учению в средних и старших классах школы» (МЭОУ) (А. Д. Андреева, А. М. Прихожан)). Показатели: познавательная активность, мотивация достижения, тревожность, гнев, мотивация избегания неудач и общий уровень отношения к учению (интегральный показатель). 4. Опросник «Шкала академической мотивации школьников (ШАМ-Ш)» (Т. О. Гордеева и др.). Показатели: познавательная (когнитивная) мотивация, мотивация достижения, мотивация саморазвития, мотивация самоуважения, интроецированная мотивация, мотивация уважения родителей, экстерналиная мотивация, амотивация. В качестве показателя академической успешности использовался новый показатель — коэффициент академической успешности (К), рассчитываемый как сумма стандартизованных показателей мотивационных шкал опросника отношения к учению (познавательная активность, мотивация достижения, мотивация избегания неудач) и среднего балла успеваемости.

Результаты. В результате для учащихся средней и старшей школы (5–11 класс) были описаны индивидуально-типологические регуляторные профили. Мы обнаружили, что учащимся 5–6 классов характерны четыре регуляторных профиля, а 7–8 классов и 9–11 классов — шесть профилей. Во всех возрастных периодах нами были

выделены два основных типа регуляции: гармоничный — с одинаковым развитием всех регуляторных компетенций и акцентуированный — с их разноуровневым развитием. Обнаружено, что для всех возрастных групп характерны два типа акцентуированных профилей: 1) с высоким уровнем развития планирования и программирования; 2) с выраженными моделированием и оцениванием результатов. Выявлена специфика психологических ресурсов успешности в зависимости от типа индивидуального регуляторного профиля. Обнаружено, что высокая успешность учащихся с гармоничным профилем при высоком уровне саморегуляции связана с общим развитием осознанной саморегуляции учебной деятельности ($R^2 = 0,13-0,40$), регуляторной инициативностью, а также личностной диспозицией «открытость» новому опыту. Ресурсами повышения успеваемости в неуспешных группах с гармоничным низким профилем выступают внутренняя мотивация (мотивация достижения и мотивация самоуважения), а также личностная диспозиция добросовестности. Успешность обучающихся с акцентуированным профилем при среднем уровне саморегуляции связана с регуляторными компетенциями и регуляторно-личностными свойствами, находящимися в развитии, тогда как при низком общем развитии регуляции ресурсами являются наиболее развитые компоненты профиля. Обнаружено, что разным периодам обучения характерны разные ведущие ресурсы академической успешности. Успешность учащихся 5–6 классов связана с регуляторной компетенцией в программировании учебных действий ($\beta = 0,33$, $p < 0,01$), инициативностью и общим развитием саморегуляции ($R^2 = 0,28$). В 7–8 классе наиболее высокий вклад в успешность наблюдается со стороны личностных диспозиций добросовестности ($\beta = 0,40$, $p < 0,001$) и открытости опыту ($\beta = 0,47$, $p < 0,01$), а также мотивации достижения, самоуважения и общего развития осознанной саморегуляции. Успешность старшекласников (9–11 класс) в большей степени зависит от внутренней мотивации (познавательной и мотивацией достижения) ($R^2 = 0,53$), открытости опыту, а также регуляторно-личностного свойства инициативности ($\beta = 0,36$, $p < 0,05$).

Заключение. Результаты исследования могут быть использованы школьными психологами и педагогами при работе с неуспевающими

учениками, и положены в основу индивидуализированных технологий помощи таким обучающимся. Также полученные данные могут применяться для подготовки психолого-педагогических программ развития осознанной саморегуляции и учебной мотивации у учащихся с различными индивидуальными особенностями.

Библиографические ссылки

1. *Ferguson S.L., Hull D.M.* Personality profiles: Using latent profile analysis to model personality typologies // *Personality and Individual Differences*. 2018. Vol. 122. P. 177–183. DOI: 10.1016/j.paid.2017.10.029

2. *Lazarides R., Dietrich J., Taskinen P.H.* Stability and change in students' motivational profiles in mathematics classrooms: The role of perceived teaching // *Teaching and Teacher Education*. 2019. Vol. 79. P. 164–175. DOI: 10.1016/j.tate.2018.12.016

3. *Dörrenbächer L., Perels F.* Self-regulated learning profiles in college students: Their relationship to achievement, personality, and the effectiveness of an intervention to foster self-regulated learning // *Learning and Individual Differences*. 2016. Vol. 51. P. 229–241. DOI: 10.1016/j.lindif.2016.09.015

4. *Richardson M., Abraham C., Bond R.* Psychological Correlates of University Students' Academic Performance: A Systematic Review and Meta-Analysis // *Psychological Bulletin*. 2012. Vol. 138, № 2. P. 353–387.

5. *Моросанова В. И.* Развитие ресурсного подхода к исследованию осознанной саморегуляции достижения целей и саморазвития человека // *Психология саморегуляции: эволюция подходов и вызовы времени* / под ред. Ю. П. Зинченко, В. И. Моросановой. М. ; СПб. : Нестор-История, 2020. С. 11–36.

6. *Моросанова В. И.* Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // *Вестн. Моск. ун-та. Серия 14. Психология*. 2021. № 1. С. 4–37. DOI: 10.11621/vsp.2021.01.01

М. В. Предеина

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ ПРЕДИКТОРОВ УСПЕШНОЙ СУБЪЕКТИВНОЙ КАРЬЕРЫ: СВЯЗЬ ГОТОВНОСТИ К НЕПРЕРЫВНОМУ ОБУЧЕНИЮ И СУБЪЕКТИВНОЙ КАРЬЕРЕ

Выявляется связь между готовностью к непрерывному обучению и успешностью субъективной карьеры у профессионалов в условиях кризиса середины карьеры. Анализируются проблемы определения предикторов субъективной карьеры. Уточняются понятия «субъективная карьера», «непрерывное обучение». Исследование будет иметь практическую и теоретическую ценность для психологов-исследователей, психологов-консультантов, педагогов, менеджеров по персоналу и руководителей предприятий, а также профессионалов, проживающих кризис середины карьеры.

Ключевые слова: непрерывное обучение, субъективная карьера, кризис середины карьеры.

Marina V. Predeina

*Ural Federal University named
after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia*

TO THE PROBLEM OF STUDYING PERSONAL PREDICTORS OF SUCCESSFUL SUBJECTIVE CAREER: RELATIONSHIP OF READINESS FOR LIFELONG LEARNING AND SUBJECTIVE CAREER

To identify the relationship between the readiness for lifelong learning and the success of a subjective career among professionals in a mid-career crisis. To analysis of the problem of determining predictors of subjective career. Clarify of the definitions “subjective career”, “lifelong learning”. Theoretical and practical advice for psychologists-researchers, psycholo-

gists-consultants, teachers, personnel managers, heads of enterprises, professionals in mid-career crisis.

Keywords: lifelong learning, subjective career, mid-career crisis.

Введение. Проблема, обозначенная в тезисах, была определена в ходе ряда профессиональных консультаций, глубинных интервью с клиентами, которые находятся на этапе середины карьеры или в состоянии кризиса середины карьеры, обратившимися с вопросом сомнения в выборе карьерного пути. Новая реальность требует большей гибкости. На протяжении почти всего XX в. большинство менеджеров имели только одну работу, одну карьеру. Теперь мы можем смело говорить о двух карьерах и работе на семерых работодателей в течение жизни. Времена верных и преданных компании служащих давно прошли. Скоро в центре внимания будет стиль жизни, а не карьера, и работа будет представляться вереницей проектов и великих начинаний [1]. Изменения требуют включенности человека в регулярное формальное, неформальное, информальное образование — в непрерывное образование [2]. Предварительный опыт автора тезисов показывает, что есть два очень важных момента в карьере, которым пока в теории психологии, не уделили достаточного внимания. А они, эти моменты, в практике актуализируются. Первый момент — это отношение специалиста к субъективной карьере. И второй момент — это отношение специалиста к непрерывному обучению как необходимой составляющей части успешности карьеры. Анализ глубинных интервью с клиентами позволил автору тезисов сформировать исследовательский вопрос: какими личностными предикторами (мотивация к субъективной карьере и мотивация к непрерывному обучению) обусловлена успешность субъективной карьеры?

Материалы и методы. Методы: 1) операционализация определений «субъективная карьера», «непрерывное обучение»; 2) глубинное интервью с определившимися и колеблющимися в своем выборе карьеры. Многогранность феномена карьеры, проявляющаяся в нашем обществе в последние десятилетия, дает множество разносторонних характеристик и определений и делает изучение этой проблематики особенно актуальным. Поскольку термин «субъективная карьера»

не получил пока однозначного определения в науке, то в нашем исследовании мы будем придерживаться концепции «карьера без границ», данной американскими учеными М. В. Arthur и Р. F. Drucker. М. В. Arthur [3; 4]. Под «непрерывным обучением» мы будем понимать непрерывное обучение в течение всей жизни (lifelong learning) — постоянный, добровольный и самомотивированный поиск знаний по личным или профессиональным причинам, ключевой фактор конкурентоспособности личности, профессионала и компании в мире [5]. Может принимать форму формального, неформального или самостоятельного обучения. Обучение происходит неизбежно и постоянно. Непрерывное обучение направлено на создание и поддержание позитивного отношения к учебе с целью как персонального, так и профессионального развития [6; 7]. К дальнейшему исследованию будут привлечены профессионалы, находящиеся на этапе кризиса середины карьеры. Выборка представлена двумя группами: первая — это специалисты, уже сделавшие свой выбор на субъективную карьеру, и вторая — специалисты, у которых нет намерения менять свою профессию и место работы, но они стоят перед необходимостью новых условий работы.

Результаты. В результате глубинного интервью выявлено две группы испытуемых, сформулирован исследовательский вопрос, определены зависимые и независимые переменные для эмпирического исследования.

Заключение. Таким образом, теоретический анализ профессиональных консультаций позволил определить две группы клиентов-специалистов с различной ориентацией на субъективную карьеру и определить мотивационные предикторы выбора карьеры. Проведена операционализация понятий «субъективная карьера» и «непрерывное обучение». Для будущего исследования определены переменные: независимые — отношение к субъективной карьере и зависимые — готовность к непрерывному обучению. Указано на актуальность и малую исследованность проблемы, поставленной в настоящих тезисах. В тезисах использованы теоретические методы, анализ определений «непрерывное обучение», «субъективная карьера», представленных в российских и зарубежных научных публикациях, а также личный практический опыт автора. Результаты,

полученные в ходе исследований поставленной проблемы, могут иметь практическую и теоретическую ценность для психологов-исследователей, психологов-консультантов, педагогов, менеджеров по персоналу и руководителей предприятий, а также профессионалов, проживающих кризис середины карьеры. Учитывая актуальность и малую исследованность проблемы, обозначенной в настоящих тезисах, дальнейшие разработки могут стать плодотворным направлением для будущих исследований психологии образования.

Библиографические ссылки

1. *Нордстрем К., Риддерстрале Й.* Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта. Litres, 2019.

2. *Глазьев С. Ю.* Стратегия опережающего развития и интеграции на основе становления шестого технологического уклада // Партнерство цивилизаций. 2013. № 1–2. С. 195.

3. *Arthur M. B.* The boundaryless career: a competency-based perspective // Journal of organizational behavior. 1994. № 15(4). P. 307–324. DOI: 10.1002 / job.4030150402

4. *Друкер П. Ф.* Задачи менеджмента в XXI веке / пер. с англ. М. : Вильямс, 2004. 272 с. <https://lib.nsu.ru/xmlui/handle/nsu/9031>

5. Обучение на протяжении всей жизни — Lifelong learning // «Википедия». URL: https://star-wiki.ru/wiki/Lifelong_learning (дата обращения: 30.10.2021).

6. *Зайцева О. В.* Непрерывное образование: основные понятия и определения // Вестн. ТГПУ. 2009. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nepreryvnoe-obrazovanie-osnovnyye-ponyatiya-i-opredeleniya> (дата обращения: 29.10.2021).

7. *Игнатович Е. В.* Историко-семантический анализ английского концепта непрерывного образования // Непрерывное образование: XXI век. 2017. № 4 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-semanticheskiy-analiz-angliyskogo-kontsepta-nepreryvno-go-obrazovaniya> (дата обращения: 29.10.2021).

**Р. И. Проклов
А. С. Кузнецова**

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

ВЕРБАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ УСПЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА (на материале российских СМИ)

Рассматриваются вопросы, связанные со средствами вербализации категории «успеха» и «успешности» в российском медиадискурсе. Уточняются теоретические положения, в которых категория «успеха» и «успешности» рассматривается как социальный и психологический феномен; особое внимание уделяется культурной компоненте. Описывается специфика медиатекстов, служащих средством транслирования определенного набора социокультурных и поведенческих моделей, существующих в российском обществе. Исследуется роль лексических единиц, используемых для конструирования образа успешного человека в отечественном медиaprостранстве. Выявляется пласт частотных лексических единиц, вербализующих категории «успеха» и «успешности».

Ключевые слова: успешный человек, российский медиадискурс, гляцевые журналы, вербализация, лексические единицы.

**Ruslan I. Proklov
Anna S. Kuznetsova**

*Moscow State University
named after M. V. Lomonosov
Moscow, Russia*

VERBAL CHARACTERISTICS OF A SUCCESSFUL PERSON'S PERSONALITY IN RUSSIAN MEDIA

The article deals with a number of linguistic means to verbalize the concepts of «success» and «successfulness» in the Russian media discourse.

Within the framework of the study concepts «success» and «successfulness» are considered as a social and psychological phenomenon, special attention is paid to the cultural component. In this regard, the authors describe the specificity of media texts that express a set of socio-cultural and behavioural patterns that characterize modern Russian society. The article explores lexical units used to verbalize the image of a successful person in the Russian media space. As a result of the research, the most frequent lexical units representing the categories of «success» and «successfulness» were identified.

Keywords: successful person, Russian media discourse, glossy magazines, verbalization, lexical units.

Введение. Структурные изменения, имевшие место в новейшей истории России, оказали определенное влияние на процесс трансформации общества, которые в свою очередь нашли отражение в медиадискурсе в целом и его отдельных жанровых структурах. Одной из категорий, подвергшихся значительным изменениям, является «успех», который в постсоветский период поддалась коммерциализации и обрел новую форму под влиянием рыночных игроков, транслируя соответствующие ценности и идеологемы [1]. Как смыслообразующая категория «успех» определяет поведение человека, которое, в частности, формируется в медиaprостранстве посредством широкого спектра дискурсивных практик, что в настоящее время привело к восприятию образа «успешного человека» как идеального представителя культуры потребления [2] и смене направления вектора самореализации личности [3].

Принимая во внимание обозначенную тенденцию, лингвистический анализ существующих вербальных практик в отечественном медиaprостранстве представляется актуальным для исследования феномена успешности и позволит выявить вербальные средства отражающие модели социального поведения [4].

В ходе исследования авторами проводится анализ эмпирического материала с целью выявить и описать лексическо-семантические единицы, вербализующие образ успеха в отечественном медиа пространстве.

Материалы и методы. Материалом исследования служит ряд медиатекстов из следующих изданий: GQ, Menslife, Elle, Cosmo-

politan. Общий объем корпуса исследования составляет свыше 100 000 знаков с пробелами. В ходе работы нами применялись общегуманитарные и специализированные методы исследования, в частности интегративный метод, культурно-исторический анализ, а также статистический анализ корпуса текстов, который был осуществлен с помощью специализированного программного обеспечения обработки естественных языков WordSmith 8.0.

Результаты. Анализ корпуса текстов глянцевого журналов позволил выделить две основные лексикосемантические группы, отражающие двойственность понятия успешности: «внешний» успех, который характеризуется соответствием «внешним и внеличным требованиям окружения» [5, с. 477], и «внутренний» успех, отражающий форму самореализации человека, «характеристика переживания индивидом результата собственных действий» [6, с. 92]. Процентное соотношение лексики в пределах выделенных групп показывает преобладание лексических единиц, репрезентирующих успех как внешнюю его составляющую (65 %). Меньшее значение уделяется внутренним, субъектно-личностным детерминантам успешности (35 %).

Обращаясь подробнее к каждой из выделенных групп, нами было выявлено, что категория «внешнего» успеха вербализуется посредством четырех групп высокочастотных лексических единиц:

- карьера, предпринимательская деятельность, материальный достаток (69 %);
- власть, статус, известность (14 %);
- социокультурные, семейные ценности (12 %);
- удача, везение (5 %).

Наибольшую долю среди категорий внешнего проявления успеха занимает группа «Карьера, бизнес, материальный достаток», которая вербализуется посредством следующих наиболее частотных лексических единиц: работа, работать, бизнес, бизнесмен, богатый, богатство, деньги, средства, зарабатывать, дело, миллиардер, инвестировать, траты, предприниматели.

В результате анализа «внутренней» категории успеха нами были выделены три основных группы высокочастотных лексических единиц:

- достижение целей, процесс и результат деятельности (42 %);
- качества характера, навыки и способности (27 %);
- чувства, эмоции (31 %);

Наибольшую долю в данной категории составила группа «достижение целей, процесс и результат деятельности», которая вербализуется следующими лексическими единицами: добиться, целеустремленность, цель, нацеленность, стремление, справиться, стараться, реализация, преодолевать, достичь, достижение, результат, развитие, эффективность, улучшение, эффективный.

Заключение. Феномен успеха транслирует определенное ролевое поведение, функционально востребованное в социуме, демонстрирует новый уровень стандартизации культурных образцов и является отражением ценностных трансформаций, характерных для современной культуры. В результате анализа репертуара лексических средств, используемых в гляцевых журналах, были выявлены лексические единицы, репрезентирующие образ успеха, коррелирующие с современной социокультурной реальностью. Преобладающее значение в понятии «успешный человека» имеют внешние детерминанты, среди которых по частотности употребления лидирует лексика, связанная с карьерой, предпринимательской деятельностью и материальным достатком. Это позволяет сделать предположение, что понятие успеха в отечественном медиадискурсе ассоциируется в большей степени с материальными благами и социальным статусом, иллюстрируя аксиологическое основание современной культуры потребления.

Библиографические ссылки

1. *Вартанова Е. Л.* Теория медиа: отечественный дискурс. М. : Факт-журналистики МГУ ; Изд-во Моск. ун-та, 2019. 224 с.
2. *Мерзлякова В. Н.* Дискурс успешности в российской медиакультуре 2000-х годов : дис. ... канд. культурологии. М., 2012. 209 с.
3. *Бакуменко Г. В.* Социокультурный процесс символизации успеха как предмет исследования // Человек и культура. 2015. № 3. С. 41–55.
4. *Корниенко О. Ю.* Социальный успех в профессиональной деятельности руководителя в российском обществе : гендерный аспект : дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 210 с.

5. *Тульчинский Г.Л.* Разум, воля, успех: О философии поступка. Л. : ЛГУ, 1990. 230 с.

6. *Теплинских М.В.* Концептуальные подходы к проблеме определения успешности профессиональной деятельности специалистов социальной сферы // Сибир. псих. журнал. 2007. № 25. С. 92–97.

**А. О. Прохоров
А. В. Чернов
М. Г. Юсупов**

И. С. Решетникова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия*

МЕНТАЛЬНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ СТУДЕНТОВ*

Анализируется влияние структур сознания (смысловых, рефлексивных, системы Я и др.) на операциональную составляющую саморегуляции: приемы, способы регуляции психических состояний студентов в ходе учебного процесса: на лекциях, семинарах, экзаменах. Обнаружен ряд закономерностей взаимосвязей характеристик сознания и саморегуляции психических состояний студентов от первого к четвертому курсу, влияющих на качество учебной деятельности, также в становлении и формировании устойчивого регуляторного комплекса учащихся от первого к старшим курсам.

Ключевые слова: регуляция, психическое состояние, сознание, учебная деятельность.

Alexander O. Prokhorov

Albert V. Chernov

Mark G. Yusupov

Irina S. Reshetnikova

*Kazan (Volga region) Federal University
Kazan, Russia*

MENTAL REGULATION OF STUDENTS' PSYCHOLOGICAL STATES

Analyzed the influence of the consciousness structures (semantic, reflexive, the self-system, etc.) on the operational component of self-regulation:

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-29-07072.

techniques and methods of students' psychological states regulation during the educational process: at lectures, seminars and exams. Found a number of interrelation patterns between the characteristics of consciousness and self-regulation of students' psychological states from the first to the fourth year study, affecting the quality of educational activity, as well as participating in the formation of a stable regulatory complex of students from the first to senior years of study.

Keywords: regulation, psychological state, consciousness, learning activity.

Введение. Анализ отечественных концепций саморегуляции психических состояний показывает, что в психологических исследованиях саморегуляции акценты в большей степени смещены к описанию результатов регуляции, «опорой» которых являются психологические качества субъекта, а вектором процесса регуляции считаются деятельность или поведение [1; 2]. В то же время ведущими в «осознанном» регуляторном процессе являются ментальные механизмы и структуры сознания: невозможно представить направленного целевого действия без участия сознания в саморегуляции. Но эти структуры и механизмы чаще всего остаются за рамками анализа в исследованиях саморегуляции [3].

В контексте этой проблемы исследование отношений между «сознанием» и «состоянием» может позволить объяснить механизмы ментальной регуляции последних и развития регуляторных способностей субъекта. Изучение структур сознания, их вклада, роли в регуляции состояний, в становлении регуляторных способностей человека в процессе обучения и жизнедеятельности в целом имеют особую значимость в понимании психической организации человека.

Материалы и методы. Использовался широкий спектр методик по изучению структур сознания, саморегуляции, психических состояний. Исследования осуществлялись в реальных условиях учебной деятельности: на лекциях, семинарах и экзаменах. В исследовании приняли участие 184 студента Казанского университета.

Результаты. Исследования позволили обнаружить ряд закономерностей в изменениях характеристик сознания, регуляторно-

личностных свойств и овладении технологиями саморегуляции студентами от первого к четвертому курсу. Выявлены изменения в уровневых характеристиках структур сознания, интенсивности проявлений регуляторно-личностных свойств, в овладении технологиями саморегуляции, влияющие на качество учебной деятельности студентов и отражающие развитие ментальной регуляторной системы учащихся.

Выявлены закономерности в организации структур сознания, обеспечивающих регуляцию состояний и развитие регуляторных способностей учащихся: обнаружены различия в структурах функциональных регуляторных комплексов, состоящих из характеристик сознания, показателей психических состояний, регуляторно-личностных свойств, операциональных средств саморегуляции у студентов младших и старших курсов. Установлено, что специфика данных структур зависит от форм обучения.

Показано, что основная закономерность изменений в структурно-функциональной организации ментальных механизмов саморегуляции состояний заключается в становлении и формировании устойчивого регуляторного комплекса учащихся от первого к старшим курсам. В процессе учебной деятельности происходит выделение наиболее значимых составляющих регуляторного процесса со стороны ментальных структур, развитие личностно-регуляторных свойств и актуализация необходимых операциональных средств в определенных формах обучения. В процессе развития отношения между этими составляющими комплекса упрочиваются, закрепляются и дифференцируются сообразно форм обучения.

Обнаружены как общие, так и специфические характеристики в структуре взаимоотношений между компонентами ментальной организации, психическими состояниями, способами и эффективностью саморегуляции студентов различных специальностей (гуманитарного и естественно-научного профилей).

Заключение. Установлено, что основными составляющими со стороны ментальных структур, влияющих на саморегуляцию состояний, являются следующие характеристики сознания: (ментальный (субъективный) опыт, система Я, целевые характеристики, репрезентации, рефлексия, переживания, смысловые структуры).

Библиографические ссылки

1. *Дикая Л. Г.* Психическая саморегуляция функционального состояния. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. 318 с.
2. *Леонова А. Б.* Системная методология анализа механизмов регуляции функциональных состояний работающего человека // Психология саморегуляции: эволюция подходов и вызовы времени / под ред. Ю. П. Зинченко, В. И. Моросановой. СПб. : Нестор-История, 2020. С. 37–65.
3. *Прохоров А. О.* Структурно-функциональная модель ментальной регуляции психических состояний субъекта // Псих. журнал. 2020. Т. 41, № 1. С. 5–18. DOI: 10.31857/S020595920007852–3

М. В. Прохорова

А. В. Савичева

Нижегородский государственный университет

им. Н. И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ О МОТИВАЦИИ ТРУДА УЧЕНЫХ*

В ходе исследования, проведенного на выборке из 721 респондента, установлено, что в представлении студенческой молодежи в структуре мотивации научной деятельности внутренняя преобладает над внешней отрицательной и внешней положительной. Доминирующим мотивом труда ученых выступает генеративность.

Ключевые слова: представления студенческой молодежи, мотивация научной деятельности, мотивация труда ученых, внутренняя мотивация, внешняя мотивация, мотив генеративности.

Maria V. Prokhorova

Anastasia V. Savicheva

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

STUDENTS' YOUTH CONCEPTUALIZATION ABOUT SCIENTISTS' WORK MOTIVATION**

In the course of a research conducted on a sample of 721 respondents, it is revealed that in the students' youth conceptualization of the structure of scientific work motivation intrinsic motivation prevails over extrinsic negative and extrinsic positive ones. The dominant motive of the scientists' work is generativity.

Keywords: students' youth conceptualization, scientific activity motivation, scientists' work motivation, intrinsic motivation, extrinsic motivation, generativity motive.

* При поддержке Программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

** By the support of the federal academic leadership program «Priority-2030» of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Введение. 25 апреля 2022 г. Президент РФ В. В. Путин подписал указ, объявив 2022–2031 гг. Десятилетием науки и технологий, одна из задач которого состоит в вовлечении в научную деятельность талантливой молодежи [1]. Решение поставленной задачи упирается в разработку комплекса инструментов, которые помогут, с одной стороны, выявлять потенциально успешных молодых ученых, а с — создавать условия для мотивации и стимулирования их научной деятельности. Представления о мотивации студенческой молодежи к научной деятельности в настоящее время могут быть выстроены на основе экстраполяции концепции структурно-функциональной организации и генезиса мотивации научной деятельности [2]. Результаты исследования отражают ведущую роль внутренней (познавательной и ценностной) мотивации как смыслообразующей для построения научной деятельности. Однако это направление разрабатывалось с учетом понимания мотивации уже состоявшихся ученых: средний возраст выборки респондентов составил около 40 лет [3]. Преобладание внутренней мотивации над внешней выявлено и в исследовании, проведенном в США на взрослой выборке [4]. Представления студенческой молодежи об иерархической структуре мотивации научного труда ранее не изучались, что и обусловило постановку цели настоящего исследования, базирующегося на идее А. Н. Леонтьева об их полимодальности [5], а также на концепции положительных и отрицательных мотивов [6; 7].

Материалы и методы. Участниками исследования стал 721 студент из пяти российских вузов, расположенных в четырех регионах нашей страны. Средний возраст респондентов составил 21 год.

Сбор данных производился с помощью авторского опросника, включающего двадцать одно утверждение, согласие с которыми респондент выражает по семибалльной шкале, что позволяет выявить уровень выраженности четырнадцати положительных и семи отрицательных мотивов, а также оценить внутреннюю, внешнюю положительную и отрицательную мотивацию. Смысл, заложенный в интерпретацию каждого мотива и мотивационных комплексов, соответствует их пониманию в ранее разработанных методиках мотивации труда [6; 7]. Кроме того, использовались два открытых вопроса, касающиеся условий, при соблюдении которых молодые

люди будут готовы к научной деятельности в своем или другом регионе. Ответы на эти вопросы первоначально обрабатывались с помощью контент-анализа. Количественная обработка данных производилась с помощью методов описательной статистики, непараметрического критерия Манна — Уитни, кластерного анализа.

Результаты. В представлении студентов доминирующим мотивом труда ученых выступает генеративность, связанная с возможностью создать научную школу и оставить после себя творческое наследие. На втором уровне выступает целая плеяда мотивов роста: профессиональный рост, важная (полезная) работа, достижения. Третий уровень образует единственный мотив самореализации. На четвертом уровне представлены мотивы карьерного роста, новизны и интересной работы, власти и влияния. Перечисленные положительные мотивы образуют большой кластер, детерминированный преимущественно бытийными потребностями. Во второй кластер вошли мотивы, побуждаемые дефицитарными потребностями, оказавшиеся более слабыми: престиж и высокая заработная плата, стабильная (надежная) работа, хороший коллектив и хорошие условия работы.

Отрицательные мотивы, из-за которых может происходить отказ от научной деятельности, образуют три кластера. В первый входят наиболее сильные мотивы: плохие условия труда, работа как таковая, неподходящий стиль работы. Второй кластер включает в себе мотивы, получившие промежуточные по силе выраженности баллы: отсутствие карьерного роста, нестабильная и ненадежная работа, низкая заработная плата. Третий кластер образован одним мотивом, который с низкой вероятностью приведет к отказу от карьеры ученого, — избегание неудачи.

При сопоставлении представлений о разных видах мотивационной направленности было установлено преобладание внутренней мотивации. Второй по силе выраженности является внешняя отрицательная мотивация, что приводит к неблагоприятным результатам (отказу молодежи от карьеры ученого). Далее следует внешняя положительная мотивация.

Целесообразно отметить, что, отвечая на открытые вопросы, молодые люди уточняли смысл некоторых положительных мотивов научной деятельности. При понимании мотива самореализации

указывалась возможность выбрать и осуществить именно исследовательскую задачу. Определение мотива профессионального роста связывалось с наличием практики, участием в научных конференциях, возможностью получить поддержку ученого-наставника.

Заключение. В представлении студенческой молодежи внутренняя мотивация ученых преобладает над внешней отрицательной и внешней положительной. Доминирующим положительным мотивом труда ученых выступает генеративность, раскрывающаяся посредством построения научных направлений и школ. Высока значимость таких положительных мотивов научного труда, как профессиональный рост, важная (полезная) работа, достижения. Отказ от карьеры ученого наиболее часто происходит при наличии следующих мотивов: плохие условия работы, работа как таковая, неподходящий стиль работы. Студенты, выбирающие карьеру ученого, склонны конкретизировать смысл мотивации своей профессиональной деятельности в контексте исследовательских задач.

Библиографические ссылки

1. Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий : Указ Президента РФ от 25.04.2022 № 231. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/68278> (дата обращения: 28.04.2022).
2. *Разина Т.В.* Структурно-функциональная организация и генезис мотивации научной деятельности : дис. ... д-ра псих. наук. Ярославль, 2016. 872 с.
3. *Karpov A. V., Razina T. V.* Technique for Studying Motivation Toward Scientific Activity: Development and Practical Application // *Russian Psychological Journal*. 2018. Vol. 15, № S2–1. P. 57–68.
4. *Johnson B. B., Dieckmann N. F.* Americans' views of scientists' motivations for scientific work // *Public Understanding of Science*. 2020. Vol. 29 (1). P. 2–20.
5. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М. : Смысл, Academia, 2005. 352 с.
6. *Прохорова М. В., Овсянникова О. М.* Разработка многофакторной методики диагностики мотивации трудовой деятельности // *Псих. журнал*, 2017. Т. 38, № 1. С. 73–97.
7. *Прохорова М. В.* Опросная методика положительных и отрицательных мотивов трудовой деятельности // *Вестн. ВЭГУ*. 2016. № 5 (85). С. 87–101.

В. А. Рафикова

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО ГЕРМАНИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД*

Анализируется состояние немецкого психологического сообщества в первые годы после окончания Второй мировой войны и смены политического режима. Ставится вопрос о рефлексии психологическим сообществом пройденного этапа сотрудничества с властью национал-социалистического режима, анализируются причины отсутствия дискуссий в публичном поле.

Ключевые слова: история психологии, немецкая психология, психология периода Второй мировой войны, политическая история психологии.

Veronika A. Rafikova

*Saint Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia*

GERMAN PSYCHOLOGICAL COMMUNITY IN THE POST-WAR PERIOD

The state of the German psychological community in the first years after the end of World War II and the change of political regime is analyzed. The question is raised about the reflection by the psychological community of the past stage of cooperation with the authorities of the National Socialist regime, the reasons for the lack of discussions in the public field are analyzed.

Keywords: history of psychology, German psychology, psychology during World War II, political history of psychology.

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-313-90004.

Введение. История психологической науки неразрывно связана с немецкой историей и культурой, особенно на ранних этапах ее становления: в XIX и начале XX веков именно немецкая психология была одним из лидеров в появлении и развитии этой области. Поэтому сегодня необходимо осмысление того этапа ее становления, который является переломным моментом во всей истории психологии — периода Второй мировой войны и последующего за ним смещения интеллектуального центра из Европы в США.

Материала и методы. Этот период оценивается историками по-разному: с точки зрения некоторых исследователей, «...психология в Германии была уничтожена как жизнеспособная область знаний с приходом национал-социалистического режима в 1933 году» [1, с. 190], с другой стороны, историки отмечают, что взаимное сосуществование психологии и власти в период национал-социализма было в целом продуктивным для первой, так как в эти годы были сделаны первые шаги на пути к профессионализации психологии в Германии, а также к ее оформлению как отдельной университетской дисциплины [2]. Однако при всей неоднозначности оценок этого периода общим для историков немецкой психологии является признание факта его длительного замалчивания: в большинстве работ, посвященных немецкой психологии периода Второй мировой войны, упоминается этот разрыв, образовавшийся в послевоенные десятилетия. В данной работе была предпринята попытка на основе имеющихся немецкоязычных историографических работ проследить причины отсутствия в публичном поле рефлексии о пережитом сообществом немецких психологов опыте взаимодействия с властью А. Гитлера.

Результаты. О самом факте длительного молчания свидетельствует отсутствие отклика на заведомо полемическую брошюру Франциски Баумгартен, немецко-еврейского клинического психолога, которая эмигрировала в Швейцарию еще до 1933 г. [3]. В своей публикации она в весьма резких выражениях обвиняет психологов в том, что они пассивно, а иногда даже вполне открыто поддерживают национал-социалистический режим и утверждает, что не смогла найти никаких примеров немецких психологов, выступающих против режима, кроме Келера и двух малоизвестных фигур, Бобер-

таг и Гельмута Богена, практикующего психолога. Свидетельства историков о прошедших в послевоенные годы психологических конгрессах — в 1948, 1951 и 1953 годах также говорят о том, что тема сотрудничества психологов с режимом в публичном поле фактически не поднималась: в них «нет ничего особенно выдающегося» [4].

Как пишет Дж. Мендлер: «В 1933 и 1934 годах некоторые амбициозные люди спешили заявить о своей преданности новому порядку, но в 1948 году и позже, по-видимому, не было места для обсуждения того, как можно преодолеть проблему гитлеровского рейха или проблемы демократического воспитания молодежи (в отличие от дискуссий 1930-х годов о воспитании молодежи для новой Германии)» [1, с. 198]. Перед организаторами конгрессов, по-видимому, вообще не стояло задачи найти политически не мотивированных психологов: так, в конгрессах участвовали некоторые психологи, которые не были сторонниками нацистов и которые руководили Психологическим обществом в послевоенные годы, такие как Дюкер, Кафка и Х. Рорахер (из Вены). Однако при этом в 1953 году Ф. Лерш и О. Кро (которые во время правления А. Гитлера высказывали активную поддержку существующему режиму и занимали высокие посты в немецком Психологическом обществе) снова вошли в состав правления из пяти членов, а в 1954 году Ф. Лерш стал председателем, а Ф. Сандер, который публиковал откровенно нацистские и антисемитские материалы, стал заместителем председателя [5]. В 1955 году О. Кро снова возглавил Психологическое общество (а в целом его академическая карьера возобновилась вообще в 1949 году, когда он получил назначение на факультет Свободного университета Берлина).

Заключение. На наш взгляд, такое положение дел объясняется тем, что немецкие психологи после войны пытались восстановить свои позиции в академической психологии, по крайней мере у себя на родине: их потребность конкурировать за возможности академического трудоустройства (которые, очевидно, были весьма невелики во времена послевоенной разрухи), несомненно, способствовала этому молчанию и нежеланию обличать тех из своих коллег, которые различными способами поддерживали или соглашались с национал-социалистическим государством, ведь это в каком-то смысле

помогало хоть немного предотвратить кризис немецкой психологической науки, которая и так пострадала из-за отъезда многих ученых из Германии. Можно предположить, что такая позиция ученых и практиков, по-видимому, облегчила немецким университетам задачу по восстановлению своих факультетов и академических программ без учета участия определенных лиц в национал-социалистическом движении (хотя многие из них, вероятно, должны были предстать перед судом или как минимум пройти перед союзными судами по денацификации).

Библиографические ссылки

1. *Mandler G.* Psychologists and the National Socialist access to power // *History of Psychology*. 2002. № 5(2). P. 190–200. DOI:10.1037/1093-4510.5.2.190
2. *Geuter U.* The professionalization of psychology in Nazi Germany. Cambridge University Press, 1992.
3. *Baumgarten F.* Zur Psychologie der Ausgebombten [The psychology of the ombded-out] // *Gesundheit und Wohlfahrt*. 1948. № 28. P. 158–163.
4. *Wellek A.* Bericht uber den 17 und 18. Kongress der Deutschen Gesellschaft fur Psychologie (26–29 September 1948 & 31 Juli — 4 August 1951) [Report of the 17th and 18th congress of the German Society for Psychology (26–29 September 1948 & 31 July — 4 August 1951)] // Göttingen, Germany: Verlag für Psychologie, 1953.
5. *Sander F.* Deutsche Psychologie und Nationalsozialistische Weltanschauung [German psychology and National Socialist ideology] // *Nationalsozialistisches Bildungswesen*. 1937. № 2. P. 641–649.

Ю. А. Роголева

А. И. Ковалев

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

ВЛИЯНИЕ СПОСОБА ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ НА ПРОЦЕСС АКТУАЛИЗАЦИИ УЧЕБНЫХ ЗНАНИЙ*

В статье рассматривается проблема организации эффективного обучения в виртуальных образовательных средах разной степени интерактивности. Объясняется принцип разработанного поэтапного формирования чувственного образа виртуальной среды, включающего в себя процесс кристаллизации конкретных отношений и связей и «открытие» личностного смысла. Приводятся и обсуждаются результаты исследования в соответствии с поставленными гипотезами.

Ключевые слова: технологии виртуальной реальности, виртуальная образовательная среда, эффект присутствия.

Yulia A. Rogoleva

Artem I. Kovalev

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Moscow, Russia

THE INFLUENCE OF STUDENT STUDYING ORGANIZATION METHOD ON THE PROCESS OF UPDATING EDUCATIONAL KNOWLEDGE

The article deals with the problem of organizing effective learning in virtual educational environments of varying degrees of interactivity. The principle of the developed stage-by-stage formation of a sensual image of a virtual environment, which includes the process of crystallization

* Исследование выполнено в рамках Научной школы Московского университета «Мозг, когнитивные системы и искусственный интеллект».

of specific relationships and connections and the “orientation” of personal meaning, is explained. The results of the study are presented, and the results are discussed in accordance with the hypotheses.

Keywords: virtual reality technologies, virtual educational environment, presence effect.

Введение. Технологии виртуальной реальности с каждым годом приобретают все большую популярность в сфере образования. Одним из актуальных направлений исследования является выявление эффективного способа организации процесса обучения в виртуальных образовательных средах (далее ВОС) разных степеней интерактивности [1]. Это связано с качественными и количественными особенностями ВОС, такими как красочность, привлекательность и инновационность [2], вследствие которых процесс актуализации знаний может быть затруднен из-за иных принципов организации учебной деятельности ВОС. Таким образом, необходимо изучать ВОС на предмет возможностей и ограничений, опосредующих эффективное обучение на всех его этапах. Целью исследования являлось изучение способа организации учебного процесса студентов в ВОС. Были выдвинуты гипотезы: 1) способ организации учебной деятельности в ВОС влияет на актуализацию учебных знаний; 2) степень актуализации учебных знаний различается при использовании ВОС в формате 2D и формате виртуальной реальности (далее VR); 3) привлекательность ВОС, мера вовлеченности и общее удовлетворение средой будут зависеть от способа организации ВОС.

Материалы и методы. В выборку вошли учащиеся первого курса факультета психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в количестве 60 человек (51 женщина, 9 мужчин), в возрасте от 17 до 23 лет. В качестве стимуляции испытуемым была представлена ВОС по химии в двух форматах: VR и 2D. Темы в двух форматах были различными: VR — «Взаимодействие кислот и щелочей», 2D — «Общие и специфические свойства кислот». Среда были снабжены лабораторными инструментами, приспособлениями и комплектом методических материалов. Форматы отличались степенью интерактивности, вытекающими из нее

возможностями, а также наличием/отсутствием некоторых элементов среды. Данные виртуальные лаборатории были разработаны компанией ООО «СТЕМ-ИГРЫ» на виртуальной платформе VR Chemistry Lab.

Изначально испытуемым давался тест на уровень базовых знаний по химии, состоящий из 10 вопросов. Вопросы составлялись экспертной группой. Тема теста варьировалась в зависимости от формата стимуляции. Далее выборка была разделена на две равные группы: группа 1 — «с ориентировкой», группа 2 — «без ориентировки». Под «ориентировкой» подразумевалась разработанная система поэтапного формирования чувственного образа виртуальной среды, включающего в себя процесс кристаллизации конкретных отношений и связей и «открытие» личностного смысла. Уникальность данного исследования заключается в разработке данной «ориентировки». У первой группы деятельность в среде приобретала осознанный характер, а второй группе приходилось исследовать среду методом проб и ошибок. Каждая группа пребывала в обоих форматах ВОС. После каждого погружения в среду давался тест на определение уровня актуализированных знаний, представлявший собой дубликат теста на базовый уровень знаний, тест на уровень запоминания элементов среды, составленный группой независимых экспертов, опросник на эффект присутствия «The ITC-Sense of Presence Inventory».

Результаты. В ходе исследования были обнаружены значимые различия между баллами ДО и ПОСЛЕ обучения в ВОС в форматах VR и 2D соответственно в группах «с ориентировкой» ($p = 0,000 < 0,05$) ($p = 0,000 < 0,05$) и «без ориентировки» ($p = 0,003 < 0,05$) ($p = 0,000 < 0,05$) соответственно. Таким образом, ВОС способна одинаково успешно актуализировать знания. Однако формат VR раскрывал потенциал интерактивности и определял иной порядок работы в ВОС, что показывает тенденция к значимости в сравнении прироста знаний в VR между группами «без ориентировки» и «с ориентировкой» ($p = 0,063 > 0,05$), в то время как наблюдается незначимые различия в сравнении прироста знаний в 2D ($p = 0,196 > 0,05$). Предположительно, для работы в VR-среде необходимо формирование образа виртуальной

среды, включающего в себя процесс кристаллизации конкретных отношений и «открытие» личностного смысла. Отвлекающие элементы снижают познавательную потребность, присущую учебной деятельности [3], а создаваемая «ориентировка» конструирует ментальную модель для работы с подобным форматом. Во время работы в 2D-формате у студентов актуализируются уже устоявшиеся методы и способы работы с ВОС, что позволяет успешно осуществлять учебную деятельность без дополнительной «ориентировки». Подсчет эффекта присутствия показал, что существуют значимые различия ВОС между группами «без ориентировки» и «с ориентировкой» в форматах VR и 2D по параметрам «Привлекательность и правдоподобность контента в отображаемой среде» ($Z = -4,245, p = 0,000 < 0,05$) ($Z = -4,215, p = 0,000 < 0,05$), «Мера вовлеченности и интереса участников эксперимента к содержимому VR-среды» ($Z = -3,395, p = 0,000 < 0,05$) ($Z = -3,669, p = 0,000 < 0,05$), «Общее удовлетворение от получаемого опыта» ($Z = -3,447, p = 0,000 < 0,05$) ($Z = -3,117, p = 0,000 < 0,05$) соответственно. Как видно, эффект присутствия был выше в группе «без ориентировки». «Ориентировка» не позволяла полностью поверить в правдоподобность виртуального мира, отождествляя его от реального.

Заключение. Предлагаемая испытуемым «ориентировка» имела психологическую многомерность. Это способствовало формированию сознательной картины мира в момент взаимодействия со средой, что благоприятно сказывалось на процессе актуализации знаний. В формате 2D на актуализацию знаний влияли другие причины. Таким образом, гипотеза 1 подтвердилась. Гипотезы 2 и 3 также нашли свое подтверждение в результатах. В ВОС степень актуализации учебных знаний различается в зависимости от формата, а привлекательность, мера вовлеченности и общее удовлетворение средой зависит от способа организации ВОС. Таким образом, организация осознанного учебной деятельности в ВОС способствует актуализации знаний, что открывает возможности для эффективного процесса учения.

Библиографические ссылки

1. *Coban M., Bolat Y.I., Goksu I.* The potential of immersive virtual reality to enhance learning: A meta-analysis // Educational Research Review. 2022. P. 100452.
2. *Chen C.J.* The design, development and evaluation of a virtual reality based learning environment // Australasian Journal of Educational Technology. 2006. Vol. 22, № 1.
3. *Талызина Н. Ф.* Деятельностная теория учения. М. : Изд-во МГУ, 2018.

Л. И. Рюмшина

*Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия*

ЗНАЧИМОСТЬ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ДЛЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО ОДАРЕННЫХ УЧАЩИХСЯ

Изучение одаренности имеет длинную историю, но масштабные исследования этой проблемы начались сравнительно недавно. Этим объясняется, с одной стороны, рост количества работ по данной теме, с другой — их противоречивость в связи с различными теоретическими подходами к проблеме. Особенно это справедливо по отношению к изучению взаимоотношений одаренных учащихся с другими людьми. Однако значимы ли для них эти отношения? Этому и было посвящено наше исследование.

Ключевые слова: одаренные учащиеся, ценностные ориентации, отношение с другими, доверие, контроль.

Liubov I. Ryumshina

*Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

THE IMPORTANCE OF INTERPERSONAL RELATIONSHIPS FOR INTELLECTUALLY GIFTED STUDENTS

The study of giftedness has a long history, but large-scale studies of this problem have begun relatively recently. This explains the increase in the number of papers on this topic and their inconsistency due to different theoretical approaches to the problem. This is especially true in relation to the study of the relationship of gifted students with other people. However, are these relationships significant for them? This was the subject of our research.

Keywords: gifted students, value orientations, relationship with others, trust, control.

Введение. Несмотря на отсутствие единого теоретико-методологического подхода к исследованию одаренных учащихся, то, что свой

творческий потенциал они могут реализовать только в социуме, понятно всем исследователям. Есть несколько точек зрения на то, как складываются отношения таких детей с другими людьми. Одни исследователи утверждают, что одаренные дети испытывают трудности во взаимоотношениях, нередко подвергаются буллингу [1], другие исследователи таких трудностей не отмечают [2], наконец, еще одна группа ученых считает, что трудности в общении есть, но они не связаны с исключительными способностями одаренных детей [3].

Работ, которые изучали бы значимость для одаренных детей общения со взрослыми и одноклассниками, мало. На наш взгляд, это связано с необходимостью учета глубинных, часто полностью неосознаваемых оснований отношений человека с окружающим миром (ценностных ориентаций, самооценности и других близких к ним понятий). Можно полагать, что их изучение может позволить определить значимость для одаренных детей отношений с другими людьми и в связи с этим прогнозировать возможные трудности общения с ними. С учетом вышесказанного, *цель* нашего исследования заключалась в изучение значимости межличностных отношений для одаренных подростков. Его предвляло пилотажное исследование. Были проанализированы высказывания 100 учащихся центра «Сириус» о жизнедеятельности в нем. Результаты показали крайне низкий процент высказываний о взаимоотношениях [4]. Это требовало определенных объяснений, в связи с чем было проведено эмпирическое исследование.

Материалы и методы. Для реализации поставленных задач были использованы методики: «Ценностные ориентации» М. Рокича, опросник межличностных отношений А. А. Рукавишников «ОМО», методика «Обзор чувств, реакций и убеждений» (по К. Роджерсу). В исследовании приняли участие 100 интеллектуально-одаренных подростков (юноши и девушки 13–15 и 16–17 лет).

Результаты исследования показали, что независимо от пола и возраста одаренные дети ощущают себя другими, отличными от окружающих. При этом существует взаимосвязь между склонностью респондентов устанавливать близкие контакты и их по-

требностью быть принятыми, между борьбой с неполноценностью личности и чувством дискомфорта с людьми.

Интеллектуально-одаренные учащиеся все время сомневаются в себе, стараются быть хорошими, их беспокоит, что другие покажут себя более сообразительными, компетентными, чем они сами. Они стремятся быть среди других, но при этом очень осторожны при выборе лиц, с которыми создают интимные, глубокие отношения. Одаренные дети склонны доверять себе больше, чем другим, опираться на свое собственное мнение, не приемлют контроля над собой. Образованность, независимость и самоконтроль являются для них жизненными ориентирами.

Заключение. Полученные результаты, на наш взгляд, могут быть учтены при организации образовательного процесса одаренных детей. Перспективами дальнейшего исследования может стать изучение реального поведения одаренных учащихся в группе.

Библиографические ссылки

1. *Peterson J. S.* Bullying and the Gifted: Victims, Perpetrators, Prevalence, and Effects // *Gifted Child Quarterly*. 2006. Vol. 50, № 2. P. 148–168.
2. *Colangelo, Assouline, Gross.* A nation deceived // *How schools hold back America's brightest students*. 2004. Vol. II. P. 167–172.
3. *Gross, Rimm.* Social Competence in Children who are gifted and talented / ed. M. Semrud-Clikeman // *Social Competence in Children*. Michigan, Springer Science Publ., 2002. P. 156–157.
4. *Ryumshina L. I., Sudarkina L. S.* The gifted students: psychological problems and problem solutions techniques // *Culture and Education: Social Transformations and Multicultural Communication : proceedings of the Middle-Term Conference RC04 Sociology of Education International Sociological Association (ISA)*. Российский университет дружбы народов. 2019. P. 234–240.

**Л. И. Рюмшина
Ю. В. Бердянская**

*Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия*

ЦИФРОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ ОБЩЕНИЮ

В основе цифрового образования лежит особый вид опосредованного педагогического общения, которому всегда уделялось большое внимание в российской психологии. Целью исследования стало современное представление российских психологов о педагогическом общении. В связи с этим был проведен анализ публикаций по данной теме за последние 15 лет. В качестве основного эмпирического метода был взят контент-анализ. На основании критерия симметричности/асимметричности были выделены группы публикаций («педагогическое общение» как деятельность, как общение, как общение и деятельность) и проанализированы их особенности.

Ключевые слова: педагогическое общение, деятельность, общение, цифровизация, субъект, объект.

**Liubov I. Ryumshina
Yuliya V. Berdyanskaya**
*Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

DIGITAL EDUCATION: DIFFERENT APPROACHES TO PEDAGOGICAL COMMUNICATION

Digital education is based on a special kind of mediated pedagogical communication, which has always been given great attention in Russian psychology. The purpose of the study was the modern understanding of Russian psychologists about pedagogical communication. In this regard, an analysis of publications on this topic over the past 15 years has been carried out. Content analysis was taken as the main empirical method. Based on the criterion of symmetry/asymmetry, groups of publications were identified (“pedagog-

ical communication” as an activity, as communication, as communication and activity) and their features were analyzed.

Keywords: pedagogical communication, activity, communication, digitalization, subject, object.

Введение. В основе цифрового образования лежит особый вид опосредованного педагогического общения, которому всегда уделялось большое внимание в российской психологии. В самом общем виде педагогическое общение — профессиональное общение преподавателя с учащимися в целостном педагогическом процессе [1], но роль общения в нем может пониматься по-разному. Во второй половине XX века в советской психологии общение и деятельность становятся одними из главных категорий, что нашло отражение и в понимании педагогического общения. При этом деятельность понимается как асимметричный процесс, так как активный субъект, исходя из своих целей, мотивов, навыков и умений, воздействует на относительно пассивный объект [2 и др.]. Что касается общения, то оно более симметрично, связано с позицией равенства, так как исходит из общечеловеческих характеристик (потребности в общении, имеющейся у любого человека, закономерностей протекания общения независимо от статуса и возраста субъектов и т. д.), характеризуется активностью обоих субъектов. По сути, это равенство характерное для гуманистически ориентированного образования. Мы предположили, что и в современных условиях цифровизации педагогическое общения российскими учеными будет рассматриваться через категорию деятельность, общение или их сочетания.

Итак, *цель* исследования — качественный и количественный анализ публикаций, характеризующих общение педагогов с учащимися. Объектом исследования стали публикации по педагогическому общению с 2006 по 2021 год, размещенные в eLIBRARY. В исследовании была использована совокупность теоретических, эмпирических и статистических методов.

Материалы и методы. В качестве основного эмпирического метода был выбран контент-анализ. В качестве зафиксированной единицы была взята категория «Педагогическое общение», которая упоминалась в названии публикации, аннотации к ней и ключе-

вых словах. Предполагалось, что такой частой фиксацией внимания на данном термине, автором (авторами) подчеркивалась его значимость. Единицами контекста, раскрывающими содержание «педагогического общения», служили законченные высказывания, отличающиеся от других по смыслу, позволяющему отнести их к деятельности или общению. Исходя из основного отличия между ними, описанного ранее, высказывания должны были характеризовать симметричность или асимметричность педагогического общения. Всего было проанализировано 198 публикаций.

Результаты исследования показали, что наибольшее число публикаций (118) представлено в группе «педагогическое общение» как деятельность, где педагог оказывается главным субъектом образовательного процесса. В них педагог выполняет разнообразные функции, но прежде всего контролирующие и отвечает за весь образовательный процесс.

Второе место занимают 40 публикаций, где «педагогическое общение» предстает как общение и деятельность, а публикаций из группы «педагогическое общение» как общение оказалось лишь 11. Еще 19 публикаций нельзя было отнести ни к одной из выделенных групп, т. к. в них рассматривалось общение педагогов с учащимися без указания собственной точки зрения.

При этом количество публикаций, где «педагогическое общение» предстает как общение, уменьшается с годами, однако происходит ассимиляция гуманистических идей с отечественными традициями, и увеличивается число публикаций, отнесенных нами к группе «педагогическое общение» как общение и деятельность. В них так же, как и в публикациях группы «педагогическое общение» как общение, широко используется гуманистически ориентированная терминология (эмпатия, диалогическое общение и др.). Публикации, в которых «педагогическое общение» предстает как деятельность, более характерно для школьного образования, а «педагогическое общение» как общение — для вузовского образования.

Что касается цифровизации, то при асимметричном подходе к педагогическому общению на педагога как главного субъекта образовательного процесса возлагается особая ответственность и усложнение его деятельности (ослабление контроля, нарушение

статусно-ролевых отношений, возможность распространения в Интернете личной информации педагогов и др., как в случае дистанционного обучения), приводит к напряжению и перенапряжению педагогов [3].

При отношении к педагогическому общению как общению педагог и учащиеся делят ответственность за процесс обучения. Принципиального значения, какими средствами оно опосредуется, не имеет. Что касается педагогического общения как общения и деятельности, то все зависит от того, насколько оно симметрично/асимметрично. Иными словами, насколько педагог ориентирован на общение и насколько на деятельность и управление образовательным процессом.

Заключение. Проведенное исследование позволяет более осмысленно подойти к процессу цифровизации образования, выработать наиболее удобную для педагога стратегию взаимодействия с учащимися.

Библиографические ссылки

1. Сигачева Н. А., Баранова А. Р. Педагогическое общение в образовательном процессе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. № 1 (7). С. 205–207.
2. Смирнов С. Д. Педагогическая деятельность и педагогическое общение // Вестн. Моск. ун-та. Серия 14: Психология. 2011. № 3. С. 5–18.
3. Баранов А. Ю., Малкова Т. В. Проблемы педагогического общения в условиях дистанционного обучения // Вопр. педагогики. 2020. № 6–2. С. 38–40.

**О. В. Сапунова
В. А. Колесникова**

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

**РАЗРАБОТКА КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА
К ПРЕПОДАВАНИЮ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ЯЗЫКА
ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ
(на материале терминосистемы «Психология»)**

Исследование посвящено изучению и анализу англоязычной и франкоязычной психологической терминологии, а также выявлению процессов развития коммуникативных навыков в профессиональной среде психологов. В исследовании особое внимание уделяется сложностям, возникающим при одновременном изучении английского и французского языка для специальных целей. Результаты показывают, что наибольшее количество расхождений между единицами данных языков наблюдается в орфографии, фонетике, семантике и прагматике. Указана необходимость разработки комплексной методики формирования коммуникативных навыков студентов-психологов при одновременном изучении английского и французского языков для специальных целей.

Ключевые слова: язык для специальных целей, терминология, терминосистема «Психология», профессиональная коммуникация, английский язык для специальных целей, французский язык для специальных целей.

Olga V. Sapunova
Veronika A. Kolesnikova
Moscow State University
named after M. V. Lomonosov
Moscow, Russia

ON ELABORATING A COMPREHENSIVE APPROACH TO TEACHING TERMINOLOGY IN COURSE OF LSP STUDIES IN STUDENTS OF PSYCHOLOGY FOR FORMING THEIR PROFESSIONAL COMPETENCE

The study analyses English and French psychological terminology and highlights the peculiarities of forming and developing professional communication skills of the students of psychology. Special attention is paid to the difficulties arised during learning English and French in pair in the LSP format. The results show that the major discrepancies between the counterparts in these languages are observed in spelling, pronunciation, definition and pragmatics. The drawn conclusions reveal and bring out the need to develop a comprehensive methodology that would suffice to form communicative skills in the students of psychology simultaneously studying English for specific purposes and French for specific purposes.

Keywords: language for specific purposes, terminology, psychological terminology, professional communication, English for special purposes, French for special purposes.

Введение. Терминология — одна из основ профессиональной коммуникации, поэтому она требует особой проработки. В особенности терминосфера психологии, так как это фактически заимствование терминосфер из естественных наук и философии. Настоящее исследование направлено на обнаружение корреляций русскоязычной, англоязычной и франкоязычной психологической терминосфер. Выбор данной пары языков оправдан тем, что рассматриваемые языки на постоянной основе широко используются в современных реалиях как повседневной жизни, так и профессиональной коммуникации, в связи с тем, что они являются наиболее востребованными языками международного общения. Недостаточная освещенность в теоретических источниках вопроса корре-

ляции русской, английской и французской терминологии, а также отсутствие четко структурированной методики отработки данной лексики в учебно-методических пособиях, посвященных преподаванию этих языков для специальных целей, представляют собой методическую проблему. Данная лакуна, в частности, обнаруживается в ходе практических занятий преподавателями английского и французского языков для психологов кафедры психологии языка и преподавания иностранных языков факультета психологии МГУ. Этим объясняется актуальность, теоретическая и практическая значимость исследования.

Материалы и методы. В данном исследовании применялся метод сплошной выборки. Однако выборка была ограничена терминологией на английском и французском языках, входящей в состав общей психологии. Это считается целесообразным, поскольку общая психология является достаточно обширным разделом психологической науки, занимающимся изучением ее проблем и методов, а также включает в себя изучение эмоций, мотивации, психического здоровья и т. д. Таким образом, общая психология, имея межотраслевое ядро, включает в себя наиболее обширный и разнообразный массив терминов, используемых в профессиональной среде. В качестве источников иноязычной терминологии был использован учебник Джеймса С. Нэрна «Psychology» [1]; в процессе исследования и анализа терминологической выборки на английском и французском языках использовались: а) электронный словарь Американской психологической академии (American Psychological Association, APA) [2] для терминологии на английском языке; б) «Большой психологический словарь» издательства «Ларусс» под редакцией Генриетты Блох, Ролана Чемама, Эрика Дебре и др. [3] для терминологии на французском языке. Всего было проанализировано 200 терминологических единиц — 100 на английском языке и 100 на французском языке.

Результаты. Сопоставление англоязычной и франкоязычной психологических терминосистем показало, что: 1) для английской и французской психологической терминологии характерен большой процент (71 %) частичного графического сходства. Это связано с правилами правописания данных языков (амнезия: англ. *amnesia*, фр. *amnésie*). Кроме того, грамматическая структура языка также

имеет влияние на графическое расхождение терминов (защитный механизм: англ. *defense mechanism*, фр. *mécanisme de défense*). Психологические термины с полным графическим совпадением составляют 10 %, и в основном это заимствованные лексемы (инсайт: англ. *insight*, фр. *insight*). Термины с неполным графическим совпадением составляют 19 %, сюда входят термины, которые могут иметь как дословный аналог в языке повседневного общения, которые используются в психологической коннотации (поведение: англ. *behavior*, фр. *comportement*); 2) высокой долей (73 %) является полное семантическое совпадение терминологии в английском и французском языках. Это связано с тем, что в данном исследовании используется выборка терминологического массива из раздела общей психологии, поэтому основная теоретическая база понимания явлений и подходов будет схожей; 3) доминируют случаи неполного семантического совпадения (23 %) по сравнению с полным семантическим несовпадением (4 %); данное расхождение можно интерпретировать как следствие расхождения развития и интерпретации научных исследований французской психологической школы и как культурные и языковые различия носителей английского и французского языков.

Выводы. Настоящие результаты позволяют нам заключить, что проработка английской психологической терминологии и французской психологической терминологии в отдельности русскоязычным студентам требуют разных подходов: (разумеется, помимо проработки семантики и прагматики терминов) особое внимание стоит обратить на произношение единиц, а также на их правописание и в английском, и во французском языках. При преподавании данной языковой пары необходимо разработать упражнения, которые выявляют и демонстрируют их наиболее явные различия: 1) упражнения, направленные на сопоставление написания английских и французских сходных единиц; 2) упражнения на отработку произношения английских и французских сходных единиц; 3) задания для усвоения значений и освоения особенностей употребления единиц, которые не имеют явного сходства в английском — французском или английском — французском — русском языках.

Библиографические ссылки

1. *James S. Nairne* Psychology. Belmont, Calif. : Wadsworth, 2014
2. APA American Psychological Association. URL: <https://dictionary.apa.org/psyche>
3. Grand dictionnaire de la psychologie [Nouv. éd.] / H. Bloch, R. Chemama, E. Dépret et al. Larousse, 1999.

ФАКТОРЫ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ, ЛЕЖАЩИЕ В ОСНОВЕ АКАДЕМИЧЕСКИХ ДОСТИЖЕНИЙ

Предметом исследования является поиск общих факторов, лежащих в основе стратегий совладания, в контексте школьной академической успеваемости старших подростков (160 старших подростков в возрасте 15–17 лет с разным уровнем успеваемости, обучающихся в средних школах Московской области). Использовались данные электронного дневника школьника и опросника «Методы совладающего поведения». Результаты факторного анализа указывают на группы (стили) стратегий совладания, основанные на их «пассивности», и в то же время «эмоциональности» и «активности», в сочетании с предпочтением рациональности и проблемно-ориентированной направленности. Кроме того, когнитивные способности взаимосвязаны со стратегиями активного преодоления проблем.

Ключевые слова: копинг-стратегия, школьная академическая успеваемость, старший подростковый возраст.

Yana I. Sipovskaya

*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia*

COPING BEHAVIOR FACTORS UNDERLYING ACADEMIC ACHIEVEMENT

The subject of empirical research, the results of which are presented in this article, is the search for factors underlying coping strategies of a complex object, namely, the school academic performance of older adolescents (160 older adolescents aged 15–17 years with different levels of academic performance studying in secondary schools of the Moscow region). The study used data from the student's electronic diary and the questionnaire "Methods of coping behavior". The results of factor analysis indicate groups (styles)

of coping strategies based on their “passivity”, and at the same time — “emotionality” and “activity”, combined with a preference for rationality with elements of meta-analytical abilities, their social/individualistic and problem-oriented orientation. Cognitive abilities are interconnected with problem-solving-oriented coping strategies.

Keywords: coping strategy, school academic performance, senior adolescence.

Введение. Н. И. Быкасова и Е. А. Калягин рассматривают «копинг» как «... постоянно меняющиеся когнитивные, эмоциональные и поведенческие попытки справиться с определенными внешними и/или внутренними требованиями, которые оцениваются как стресс или превышают ресурсы человека, чтобы справиться с ними» [1, с. 83]. Следует отметить, что все стратегии различаются преобладанием когнитивного и эмоционально-личностного компонентов деятельности. Имеющиеся данные о взаимосвязи интеллектуальных способностей и стратегий совладания с трудной жизненной ситуацией крайне неоднородны: либо отмечается, что испытуемые с более высокими показателями интеллектуальных способностей в основном выбирают проблемно-ориентированные стратегии совладания, либо отсутствует связь между уровнем интеллекта и выбор той или иной копинг-стратегии, либо констатируется склонность лиц с высокими показателями интеллектуальной продуктивности к выбору социальных и эмоциональных копинг-стратегий [2]. Нами была сформулирована теоретическая гипотеза исследования: за совокупностью копинг-стратегий находится общий признак, который связан с успешностью старших подростков.

Материалы и методы. Выборку составили 160 подростков в возрасте 15–17 лет с разным уровнем успеваемости, обучающихся в общеобразовательных школах Московской области. Методы исследования: 1) данные электронного дневника школьника; 2) опросник «Методы совладающего поведения» Лазаруса [3].

Результаты. В исследовании представлены данные факторного анализа концептуальных способностей и копинг-стратегий в контексте показателей школьной успеваемости и копинг-стратегий. Результирующая факторная структура состоит из двух факторов,

объясняющих 50 % общей дисперсии. Первый фактор сочетает в себе стратегии конфронтации, дистанцирования, поиска социальной поддержки, принятия ответственности и избегания. Все стратегии, кроме принятия ответственности и поиска социальной поддержки, не направлены на решение проблемы и характеризуются уклонением от анализа ситуации, что позволяет назвать их пассивными. С другой стороны, по мнению Холодной [4], возможно, такая ситуация характеризует эклектичное использование своих ментальных ресурсов или временный отказ от решений проблемных ситуаций. Сочетание этих шкал со стратегией принятия на себя ответственности может свидетельствовать о том, что учащиеся осознанно выбирают такие стратегии поведения, понимая и принимая последствия своего бездействия. Такая интерпретация вторит словам Ю. А. Рокицкой [5, с. 220], которая отмечает, что «...в подростковом возрасте совладающее поведение находится в фазе активного формирования и является важным предиктором психологического благополучия, здоровья и успешности в деятельности. Кроме того, старшие подростки ориентированы на поиск социальной поддержки. С одной стороны, это говорит об активном использовании социального механизма в решении возникающих трудностей». С другой стороны, чрезмерная сосредоточенность на временной социальной помощи может сформировать иждивенческое отношение и/или чрезмерные ожидания по отношению к другим. Во второй фактор вошли показатели школьной успеваемости и условно-активные копинг-стратегии: самоконтроль, планирование решения проблемы, положительная переоценка. Самоконтроль и планирование решения проблемы в своих положительных сторонах имеют способность целенаправленно и планомерно разрешать проблемную ситуацию. Правда, в ущерб потенциальному незнанию эмоционального решения проблемы, интуитивности и спонтанности в поведении. В то время как положительная переоценка, наоборот, предполагает попытки преодоления негативных переживаний в связи с проблемой путем ее позитивного переосмысления, рассматривая ее как стимул личностного роста. Для этой последней копинг-стратегии характерна ориентация на надличностное, философское осмысление проблемной ситуации, включение ее в более широкий контекст

работы личности над саморазвитием. Соответственно, этот фактор описывает наиболее гармоничную ситуацию интеллектуального развития.

Заключение. Выявлен единый фактор, включающий показатели аналитического интеллекта и копинг-стратегий контроля, планирования решения проблемы и положительной переоценки. Это может свидетельствовать о том, что подростки с более высоким уровнем интеллектуальных способностей склонны использовать эти стратегии, которые считаются проблемно-ориентированными, рационалистическими (в отличие от эмоциональных) и активными.

Библиографические ссылки

1. *Быкасова Н. И., Калягина Е. А.* Сравнительный анализ копинг-стратегий у старших подростков с разным уровнем успеваемости // *Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. Ассоциация исследователей «Сибирская академическая книга».* 2013. № 35(2). С. 81–87.

2. *Агеева И. А., Латышева Е. Е.* Сравнительный анализ стратегий совладания со стрессом у студентов и старшеклассников в условиях карантина // *Дифференциальная психология и психофизиология сегодня: способности, образование, профессионализм : международ. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения Б. М. Теплова / под ред. М. К. Кабардовой, Ю. П. Зинченко, А. К. Осницкого.* М. : ПИ РАО, 2021. С. 294–299.

3. *Крюкова Т. Л., Куфтяк Е. В.* Копинг-опросник (адаптация методологии WCQ) // *Журнал практ. психолога.* 2007. № 3. С. 93–112.

4. *Холодная М. А.* «Эффект расщипления» показателей креативности // *Психология творчества и одаренности : сб. гос. Всерос. науч.-практ. конф. с международ. участием : в 3 ч. / под ред. Д. Б. Богоявление.* Москва, 2021. С. 14–18.

5. *Рокицкая Ю. А.* Факторная структура копинг-поведения подростков // *Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та.* 2018. № 3. С. 220–233.

Е. В. Ситкина

Е. Р. Исаева

*Первый Санкт-Петербургский государственный
медицинский университет им. академика И. П. Павлова
Санкт-Петербург, Россия*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ КОМПЛАЕНТНОГО ПАЦИЕНТА СТОМАТОЛОГИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ

Проводится анализ пациентов, обратившихся за стоматологической помощью. Описываются личностные профили пациентов с хорошей и неудовлетворительной гигиеной полости рта. Выделяются индивидуально-психологические особенности личности, влияющие на комплаенс. Описываются портреты комплаентного и некомплаентного пациентов.

Ключевые слова: комплаентность, приверженность лечению, личность стоматологического пациента, денталпсихология.

Evgeniya V. Sitkina

Elena R. Isajeva

*Pavlov First Saint Petersburg State Medical University
Saint Petersburg, Russia*

PSYCHOLOGICAL DESCRIPTION OF A COMPLIANT PATIENT OF DENTAL CLINIC

We conducted an analysis of patients who applied for dental care. We described the personal profiles of patients with good and unsatisfactory oral hygiene, identified individual psychological personality traits that affect compliance. We have described portraits of compliant and non-compliant patients.

Keywords: compliance, adherence to treatment, the personality of the dental patient, dentalpsychology.

Введение. Современные тенденции медицины во всем мире основаны на 4П-медицине, включающей в себя персонализированный

подход к каждому пациенту, выявление предрасположенности организма к развитию заболеваний и предотвращение их развития, мотивирование пациента [1–3]. Одним из общепризнанных факторов приверженности лечению является личность пациента. Исходя из этого, персонализированный подход и мотивация на лечение должны выстраиваться врачом с учетом характерологических особенностей пациента. Особенно трудной оказывается задача мотивации и индивидуального подхода в стоматологической практике, поскольку пациенты не включают в представления о своем здоровье наличие хорошего состояния полости рта [3; 4].

Материалы и методы. Был проведен эксперимент по типу «Обучающего». В исследовании предлагалось принять участие пациентам с хроническим генерализованным катаральным гингивитом в стадии обострения (151 человек: 50 мужчин, средний возраст $35,3 \pm 12,4$; 101 женщина, средний возраст $39,2 \pm 14,5$), без сопутствующей патологии.

Пациентам проводилась первичная консультация врача-стоматолога, на которой измерялись индексы стоматологического здоровья пациентов, отражающие состояние гигиены и уровень нуждаемости в стоматологическом лечении (РМА, СРITN, Saxer & Muhleman, Silness & Loe). Далее проводилось психодиагностическое исследование для определения индивидуально-личностных характеристик пациентов с помощью: Многомерного опросника по здоровью в модификации Гринберга Д., методики диагностики межличностных отношений Т. Лири в модификации Собчик Л. Н., характерологического опросника Леонгарда — Шмишека, индивидуально-типологического опросника Собчик Л. Н., анкеты самооценки состояния, методики ТОБОЛ.

Кроме того, на первом приеме врач проводил индивидуальное обучение пациентов уходу за полостью рта.

Повторная консультация врача проходила через месяц: с целью оценки качества соблюдения врачебных рекомендаций у пациентов повторно измерялись стоматологические индексы, отражающие тщательность выполнения пациентом врачебных рекомендаций, связанных с правильной чисткой зубов и динамику состояния пародонта через 1 месяц. Соблюдение рекомендаций по гигиене полости

рта и, как следствие, улучшение его состояния рассматривалось нами как приверженность.

Результаты. Установлено, что общая нуждаемость в лечении зубов (CPINT) была ниже у женщин с высоким уровнем внутреннего локуса контроля и педантичным типом характера. При первом измерении показатели выраженности воспаления десны (индекс РМА) были ниже у пациенток с «авторитарным», «независимым» и «агрессивным» типами межличностных отношений (МО), «стеничностью», «ригидностью» и «экстраверсией». Выше уровень индекса РМА был у пациенток с «интроверсией», «паранойяльным» и «сенситивным» типом отношения к болезни (ОБ). Кровоточивость десен (показатели индекса Saxer & Muhleman) была ниже у пациенток с «авторитарным» и «независимым» типами МО, «стеничностью» и «ригидностью» в структуре черт характера. Высокие показатели по индексу кровоточивости десен были у пациентов с «покорно-зависимым» типом МО и «апатичным» ОБ.

При проведении анализа в мужской выборке было установлено, что при первичном измерении индекса уровень нуждаемости в лечении был выше у пациентов с «возбудимым» типом акцентуации характера, мягкий зубной налет (индекс Silness & Loe) был ниже у пациентов «эйфорическим» типом ОБ.

Пациенты, у которых отмечалась хорошая гигиена полости рта на первичном приеме (т. е. эти пациенты самостоятельно в домашних условиях соблюдали правила стоматологической гигиены, правильно чистили зубы и применяли такие дополнительные средства чистки, как флоссы, ирригаторы и ополаскиватели), были отнесены в группу комплаентных. Они характеризуются ориентацией на социально-активное взаимодействие с окружающими, внутренней ответственностью за свое здоровье и педантичными чертами характера.

Были обнаружены различия индивидуально-психологических особенностей пациентов, выполняющих и не выполняющих рекомендации врача-стоматолога: у пациентов с улучшением состояния гигиены преобладал «дистимический» тип акцентуаций характера, а у пациентов без улучшения уровня гигиены преобладал «аффективно-экзальтированный» тип.

По результатам регрессионного анализа установлено, что возраст оказывал влияние на качество выполнения рекомендаций врача по гигиене полости рта, в том числе на тщательность чистки зубов. Установлено, что акцентуации характера «гипертимный», «аффективно-экзальтированный», «застревающий», черты стенического регистра оказывают негативное влияние на тщательность выполнения рекомендаций врача и следование рекомендованной программе гигиены.

Таким образом, мы можем выделить портреты комплаентного и некомплаентного пациентов в стоматологической клинике. Портрет комплаентного стоматологического пациента — пациент с высоким уровнем сотрудничества и ориентацией на социальное окружение, педантичностью, с внутренним локусом контроля. Портрет некомплаентного пациента — пациент эмоционально-неуравновешенный, чаще молодого возраста, с чертами аггравации и склонный к конфликтам.

Заключение. Проведенное исследование доказывает крайнюю важность учета личностных особенностей пациентов на этапах планирования и проведения стоматологического лечения. Применение персонализированного подхода позволит снизить уровень заболеваемости пародонтологическими заболеваниями.

На этапе первичной консультации в стоматологической клинике важно проведение психологической экспресс-психодиагностики личности пациента, для выбора дифференцированных стратегий поведения с учетом индивидуально-личностных особенностей пациентов и тем самым повышения качества лечения и удовлетворенности пациентов качеством полученной медицинской помощи.

Библиографические ссылки

1. P4 medicine: how systems medicine will transform the healthcare sector and society / M. Flores, G. Glusman, K. Brogaard et al. // *Personalized Medicine*. 2013. № 10(6). P. 565–576

2. *Пальцев М. А., Белушкина Н. Н., Чабан Е. А.* 4П-медицина как новая модель здравоохранения в Российской Федерации // *Оргздрав: новости, мнения, обучение*. 2015. № 2. С. 48–54.

3. *Плугина М. И., Фельдман И. Л.* Интеграция психологии и клинических дисциплин в реализации концепции; П-медицины // Личностно-профессиональное развитие субъектов образовательной среды высшей школы : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с международ. участием. 2018. С. 174–180.

4. *Ситкина Е. В.* Связь индивидуально-личностных особенностей пациентов и приверженности выполнению рекомендаций врача по гигиене полости рта // Вестн. Моск. ун-та. Серия 14. Психология. 2019. № 3. С. 141–160.

И. А. Скиртач

*Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия*

КОРРЕКЦИЯ ДИСФУНКЦИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМАХ НЕВРОТИЧЕСКОГО РАССТРОЙСТВА

Данные тезисы излагают результаты исследования воздействия рациональной психотерапии на динамику выраженности дисфункциональных установок у пациентов с разными формами невротического расстройства. Установлено, что эффект от рациональной психотерапии различается у пациентов с разными формами невротического расстройства, уровень образования пациентов делает значимый вклад в эффективность психотерапевтических мероприятий. Наибольший эффект рациональная психотерапия оказывает на мужчин в отношении коррекции базисного убеждения «Удача».

Ключевые слова: дисфункциональные установки, невротические расстройства, рациональная психотерапия.

Irina A. Skirtach

*Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia*

CORRECTION OF DYSFUNCTIONAL ATTITUDES IN VARIOUS FORMS OF NEUROTIC DISORDER

The results of study of influence rational psychotherapy on dynamics dysfunctional attitudes in patients with various forms of neurotic disorder are presented. It has been established that intensity of dysfunctional attitudes in response to rational psychotherapy are different in the patients with different forms of neurotic disorders, the level of education of patients makes a significant contribution to the effectiveness of psychotherapeutic measures. Rational psychotherapy has the greatest impact on men regarding the correction of the basic belief "Luck".

Keywords: dysfunctional attitudes, neurotic disorder, rational psychotherapy.

Введение. Изучение динамики психологических особенностей пациентов с разными формами невротического расстройства представляется проблемой с высокой социальной-экономической значимостью, что обусловлено распространенностью данного психогенного заболевания среди лиц молодого трудоспособного возраста, необходимостью построения корректной процедуры патогенетической диагностики и разработки адекватных психотерапевтических программ с целью скорейшей социально-психологической реабилитации. Невротическое расстройство имеет ряд характерных особенностей, отличающих его от других нарушений психики [1; 2]. Во-первых, патологические изменения, возникающие при данных расстройствах, полностью обратимы, исчезают после клинического выздоровления независимо от их длительности. Во-вторых, заболевание имеет психогенную природу. В-третьих, клинические проявления невротических расстройств характеризуются специфичностью и заключаются в эмоционально-аффективных и соматовегетативных расстройствах [3]. Ошибки восприятия реальности влияют на перцепцию собственной персоны, людей вокруг и отношений, порождают искаженные смыслы, провоцируя человека на неадаптивное поведение, наполняя его жизнь невротическими и психосоматическими симптомами, ухудшающими качество жизни [4].

Материалы и методы. В исследовании принимали участие 60 человек (пациенты ГБУЗ «Специализированная психоневрологическая больница МЗ Краснодарского края»), 38 женщин, 22 мужчины, в возрасте 25–44 лет. Группы составили пациенты с диагнозами: F 43.22 «Смешанная тревожная и депрессивная реакция, обусловленная расстройством адаптации (CTDRa)» — 20 человек; F 48.0 «Неврастения (NEVR)» — 20 человек; F 41.2 «Смешанное тревожное и депрессивное расстройство (CTDR)» — 20 человек. Из пациентов были составлены равные по количеству контрольная и экспериментальная группы. Испытуемые экспериментальной группы в отличие от контрольной проходили курс индивидуальной психотерапии на протяжении месяца, состоящий из 14 сессий продолжительностью 1,5 часа. Методы: шкала базисных убеждений Р. Янов-Бульман, шкала дисфункциональных отношений (установок) А. Бека и А. Вейсман, статистические методы (ANOVA, post-hoc анализ

Фишера). Гипотеза 1. Динамика показателей базисных убеждений и дисфункциональных установок при применении рациональной психотерапии отличается у пациентов при разных формах невротических расстройств. Гипотеза 2. Имеет место различный эффект рациональной психотерапии на показатели базисных убеждений и дисфункциональных установок у пациентов, отличающихся полом и имеющих разный уровень образования.

Психодиагностическое исследование походило в два этапа: первичная диагностика исследуемых показателей проводилась при поступлении в стационар и повторная диагностика после прохождения полного курса лечения в каждой группе.

Результаты. Результаты статистического анализа показателей когнитивной сферы пациентов до и после прохождения лечения в стационаре показывают, что: 1) динамика выраженности дисфункциональных установок, характера базисных убеждений пациентов с невротическими расстройствами, стандартная схема медикаментозной терапии которых была дополнена рациональной психотерапией, достоверно отличается от пациентов, принимающих только медикаментозную терапию, что свидетельствует об эффективности психотерапии в отношении изученных невротических расстройств; 2) существуют значимые различия в динамике базисных убеждений у пациентов при разных формах невротического расстройства под влиянием рациональной психотерапии. Выраженный положительный эффект в отношении базисного убеждения о доброжелательности мира ($p \leq 0,05$; Размер эффекта $d_{CTDR} = 1,2000$; Размер эффекта $d_{CTDRa} = 2,2000$; Размер эффекта $d_{NEVR} = 1,5000$) получен в группе пациентов с диагнозом «Смешанная тревожно-депрессивная реакция с расстройством адаптации». Для пациентов с разными диагнозами выявлено, что по динамике выраженности базисного убеждения «Справедливость окружающего мира» достоверные различия есть у группы пациентов CTDR, в отличие от CTDRa и NEVR, однако при этом размер эффекта прохождения терапии выше у группы NEVR. Для пациентов с разными диагнозами выявлено, что по динамике показателей «Образ “Я”» шкалы базисных убеждений достоверные различия есть у группы пациентов с диагнозом CTDR, в отличие от NEVR, однако при этом размер эффекта прохождения терапии

выше у группы СТDR. С помощью post-hoc-анализа также были выявлены достоверные различия ($p \leq 0,05$) при сравнении групп пациентов разного пола, прошедших рациональную психотерапию, по показателю «Удача». При этом размер эффекта позволяет говорить о том, что на мужчин психотерапия оказала более выраженный эффект в части коррекции данного базисного убеждения ($p \leq 0,05$; Размер эффекта $d_m = 2,5833$; Размер эффекта $d_f = 1,2222$, $MS = 3,7941$, $df = 58,000$). Наилучшие результаты в динамике базисных убеждений, дисфункциональных установок отмечены у пациентов с высшим образованием, что показывает особую эффективность в отношении этой группы пациентов. У пациентов с низким уровнем образования когнитивные искажения менее чувствительны к изменениям, так как когнитивная система менее пластична, на данные особенности наслаивается эмоциональная окраска болезненных переживаний в связи с невротическим расстройством, и пациенты с трудом отказываются от дисфункциональных установок, а психологическое коррекционное воздействие встречают сопротивлением.

Заключение. Основным достоинством рациональной психотерапии является устранение проявлений болезни путем изменения отношения человека к самому себе, к своему состоянию и ко всему окружающему.

Библиографические ссылки

1. *Караваева Т. А., Коцюбинский А. П.* Холистическая диагностика пограничных психических расстройств. СПб. : Спецлит, 2018. 286 с.
2. Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б. Д. Карвасарского. 2-е изд. СПб. : Питер, 2002. 1024 с.
3. *Лавринович Т. М.* Сравнительный анализ взглядов на природу невроза в немедицинской психотерапии // Вестн. Юж.-Урал. гос. гум.-пед. ун-та. 2015. № 5. С. 80–85.
4. Comparison and change of defense mechanisms over the course of psychotherapy in patients with depression or anxiety disorder: evidence from a randomized controlled trial / A. Babl et al. // Journal of affective disorders. 2019. Vol. 252. P. 212–220.

И. А. Скиртач
В. А. Пахомова

*Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия*

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ СМЫСЛОЖИЗНЕННОГО КРИЗИСА У ЛИЦ МОЛОДОГО ВОЗРАСТА

В данной работе представлены результаты пилотажного исследования, направленного на изучение особенностей проявления смысло-жизненного кризиса у лиц молодого возраста с различными показате-лями личностных характеристик, экзистенциальной исполненности и стрессонаполненности. Проведен анализ факторов, которые могут быть связаны со степенью выраженности субъективных переживаний, характерных для смысложизненного кризиса. Описаны гендерные раз-личия в психологических особенностях, сопровождающих проявление смысложизненного кризиса.

Ключевые слова: смысложизненный кризис, алекситимия, рефлекс-сия, толерантность к неопределенности.

Irina A. Skirtach
Veronika A. Pakhomova
*Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia*

FEATURES OF MANIFESTATION OF LIFE MEANING CRISIS IN YOUNG PERSONS

This paper presents the results of a pilot study features of meaning-life crisis young people with various personal characteristics, existential fulfill-ment and stress fulfillment. The analysis of factors that may be associated with the degree of severity of subjective experiences characteristic of mean-ing-life crisis is carried out. Gender differences in psychological features that accompany features of meaning-life crisis are described.

Keywords: meaning-life crisis, alexithymia, reflection, tolerance of un- certainty.

Введение. Смысложизненный кризис — это кризис развития личности, который может быть связан с отсутствием смысла в жизни из-за сниженной способности к его определению, утратой, истощением, а также обесцениванием имевшегося ранее смысла [1]. Ценностный плюрализм современного общества требует от личности умение самостоятельно совершать выбор между различными источниками смысла. Это обусловило наличие такого количества кризисов отсутствия смысла в постсоветских обществах [2]. Проблема утраты смысла существования, таким образом, является актуальной проблемой современной психологии. Поэтому важно иметь полное представление о факторах, влияющих на степень выраженности субъективных переживаний, характерных для смысложизненного кризиса. Тем не менее, целостного описания данного феномена на сегодняшний день не существует.

Материалы и методы. Проблема исследования — отсутствие данных о взаимосвязи степени выраженности смысложизненного кризиса, уровня алекситимии, рефлексии, толерантности к неопределенности и полом у лиц молодого возраста [3; 4]. Гипотезы исследования: 1. Лица с разной степенью выраженности субъективных переживаний смысложизненного кризиса отличаются по показателям рефлексии, алекситимии, толерантности к неопределенности. 2. Мужчины и женщины отличаются выраженностью смысложизненного кризиса. Объектом стали 47 человек (студенты): мужчины и женщины от 18 до 25 лет. Психодиагностический инструментарий: «Опросник смысложизненного кризиса» (ОСК), «Торонтская шкала алекситимии», опросник «Дифференциальный тип рефлексии» и «Шкала толерантности к неопределённости» Баднера. Методы математической статистики: описательная статистика, параметрический Т-критерий Стьюдента, непараметрический U-критерий Манна — Уитни, дисперсионный анализ ANOVA, post-hoc-анализ Фишера, корреляционный анализ по Спирмену.

Результаты. Были обнаружены достоверно значимые гендерные различия по признаку выраженности смысложизненного кризиса. У мужчин этот показатель более выражен ($t = -2,51$, $df = 45$, $p = 0,015$). На основании степени выраженности смысложизненного кризиса было выделено три группы. Было отмечено, что испытуемых

в выделенных группах достоверно отличаются по уровню алекситимии. При этом *post-hoc*-анализ Фишера позволяет сказать, что наиболее значительно отличаются между собой группы с высоким и низким, высоким и средним уровнем смысложизненного кризиса. Также значимые отличия выявлены по уровню рефлексии: группа с высоким уровнем смысложизненного кризиса значимо отличается от группы с низким. Корреляционный анализ показал наличие слабой положительной связи между выраженностью смысложизненного кризиса и уровнем алекситимии ($r = 0,44, p = 0,002$), трудностей идентификации чувств ($r = 0,45, p = 0,001$), трудностей описания чувств ($r = 0,36, p = 0,013$), рефлексии ($r = 0,31, p = 0,033$), интроспекции ($r = 0,33, p = 0,025$), квазирефлексии ($r = 0,46, p = 0,001$) и слабой отрицательной — с выраженностью интолерантности к неразрешимости ($r = -0,39, p = 0,006$). Уровень интроспекции имеет слабую положительную связь с выраженностью алекситимии ($r = 0,44, p = 0,003$), трудностей идентификации ($r = 0,47, p = 0,001$) и трудностей описания чувств ($r = 0,32, p = 0,028$), а уровень экстернатальности мышления — умеренную отрицательную связь с уровнем системной рефлексии ($r = -0,51, p = 0,000$). Связи уровня алекситимии и ее компонентов с выраженностью толерантности к неопределенности и ее компонентов не обнаружено. Также была обнаружена слабая отрицательная связь уровня квазирефлексии и толерантности к неразрешимости ($r = -0,35, p = 0,015$). В то же время в группе испытуемых-мужчин выраженность смысложизненного кризиса имеет умеренную положительную связь с выраженностью трудностей идентификации чувств ($r = 0,51, p = 0,036$) и слабую — с уровнем интроспекции ($r = 0,49, p = 0,044$) и толерантности к сложностям ($r = 0,50, p = 0,042$). Также уровень рефлексии имеет умеренную отрицательную связь с выраженностью толерантности к неразрешимости ($r = -0,56, p = 0,018$). В то же время уровень алекситимии в данной группе не имеет связи с выраженностью рефлексии и толерантности к неопределенности и их компонентами. Для испытуемых-женщин характерна слабая положительная связь выраженности смысложизненного кризиса с выраженностью алекситимии ($r = 0,48, p = 0,007$), трудностей идентификации чувств ($r = 0,48, p = 0,008$) и трудностей описания чувств ($r = 0,46, p = 0,011$), квазирефлексии

($r = 0,38$, $p = 0,036$) и слабая отрицательная связь с выраженностью толерантности к неразрешимости ($r = -0,43$, $p = 0,019$). В то же время уровень алекситимии имеет слабую положительную связь с выраженностью рефлексии ($r = 0,38$, $p = 0,040$) и интроспекции ($r = 0,48$, $p = 0,008$) и не имеет связи с выраженностью толерантности к неопределенности и ее компонентами. Уровень рефлексии также не имеет связи с выраженностью данного признака. Таким образом, нами были получены следующие результаты:

1) Степень выраженности смысложизненного кризиса связана с трудностями определения и описания чувств, интроспекцией, квазирефлексией и толерантностью к неразрешимости.

2) Для лиц с высокой выраженностью смысложизненного кризиса характерны высокие показатели алекситимии.

3) Для мужчин характерна большая выраженность субъективных переживаний, характерных для смысложизненного кризиса. При этом степень выраженности связана с такими показателями, как трудность идентификации чувств, интроспекция и интолерантность к сложностям.

4) Уровень рефлексии у мужчин связан со степенью выраженности толерантности к неразрешимости.

5) Степень выраженности алекситимии у женщин связана с уровнем рефлексии, в частности с уровнем интроспекции.

Заключение. В ходе исследования нами были обнаружены некоторые особенности, позволяющие приблизиться к описанию портрета человека молодого возраста, характеризующегося наличием признаков смысложизненного кризиса: затруднения в передаче, словесном описании своего состояния, склонность к самокопанию, уход в посторонние размышления и фантазии, который можно рассматривать как способ психологической защиты, снижение адаптационных способностей, утрата гибкости поведения в условиях изменчивой среды. Также были обнаружены некоторые гендерные различия в показателях субъективных переживаний, характерных для смысложизненного кризиса.

Библиографические ссылки

1. *Карпинский К. В.* Смысложизненный кризис личности: феноменология, механизмы, закономерности. М., 2017. 563 с.
2. *Карпинский К. В.* Социокультурная детерминация смысложизненного кризиса в развитии личности // Псих. журнал (бел.). 2010. № 1. С. 33–40.
3. *Брель Е. Ю., Стоянова И. Я.* Феномен алекситимии в клинико-психологических исследованиях (обзор литературы) // Сибир. вестн. психиатрии и наркологии. 2017. № 4. С. 74–81.
4. *Леонтьев Д. А., Осин Е. Н.* Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высш. школы экономики. 2014. Т. 11, № 4. С. 110–135.

И. М. Слободчиков

*Институт художественного образования и культурологии
Российской академии образования
Москва, Россия*

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОЙ СПЕЦИФИКЕ ПЕРЕНОСА ВНУТРИЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ ВО ВНЕШНЕЕ ПОЛЕ

В контексте формирования внутриличностных процессов анализируется система процессов переживания личности, в рамках системы переживаний — механизм формирования внутриличностных конфликтов и перенос их в систему внешней психологической активности. Рассматриваются векторы реализации внутриличностных конфликтов в системе внешних межличностных отношений в различных социальных и профессиональных ситуациях. Анализируются сферы межличностных отношений в контексте педагогической, семейной, экзистенциальной психологии. Предлагается тезис «удержания психоэмоционального равновесия» как базовая основа актуальной деятельности.

Ключевые слова: личность, внутриличностный конфликт, психоэмоциональное равновесие, деструктивная самореализация.

Ilya M. Slobodchikov

*Institute of Art Education and Cultural Studies
Russian Academy of Education
Moscow, Russia*

ON THE ISSUE OF THE MODERN SPECIFICS OF THE TRANSFER OF INTRAPERSONAL CONFLICTS TO THE EXTERNAL FIELD

In the context of the formation of intrapersonal processes, the system of processes of personal experience is analyzed, within the framework of the system of experiences — the mechanism of formation of intrapersonal conflicts and their transfer to the system of external psychological activity. The vectors of realization of intrapersonal conflicts in the system of external interpersonal relations in various social and professional situations are con-

sidered. The spheres of interpersonal relations are analyzed in the context of pedagogical, family, and existential psychology. The thesis of “maintaining psychoemotional balance” is proposed as the basic basis of actual activity.

Keywords: personality, intrapersonal conflict, psycho-emotional balance, destructive self-realization.

Введение. В отечественной психологии личность как предмет исследования преимущественно рассматривалась в свете категорий деятельности и активности. В рамках таких исследований были получены важные результаты, позволившие выделить возрастные закономерности развития личности, ее важнейшие компоненты и показатели развития, факторы, влияющие на процесс ее становления и т. п. В то же время такая «однобокость» понимания личности и ее сущностных характеристик во многом стала причиной того, что и само это понятие, и его психологическое содержание во многом оказались редуцированы каким-то другим понятием. Так, о личности, ее особенностях и развитии судили по мотивам и их иерархии, психологическим феноменам, относящимся к эмоциональной сфере, проявлениям и специфике развития воли и т. п. При этом само понятие личности нередко использовалось в качестве обобщенного житейского представления об этой области действительности, нежели как полноценное научное понятие.

Материалы и методы. Вопрос, который мне хочется обсудить, с одной стороны, очевиден и, может быть, с известной точки зрения даже и банален. Во всяком случае, его можно рассматривать и в категориях обыденности, однако даже и тогда, в современных условиях, он своей актуальности не утратит. Речь идет об особенностях и специфике формирования внутриличностных конфликтов и нюансов переноса этих конфликтов на почву актуальной активной деятельности, в сферу межличностных взаимодействий и взаимоотношений и в сферу отношений и взаимодействий профессиональных. Первый интерес данной проблемы заключается в том, что вне зависимости от сферы, скажем так, приложения, ситуация будет иметь отношения, и будет применима абсолютно к любой области — педагогической и семейной психологии, психологии

экзистенциальной и клинической, не говоря уже о социальной психологии и психологии личности.

Результаты. Когда мы говорим о формировании системы внутриличностных конфликтов, как психологического процесса, фактически органически встроенного в сам ход развития личности, мы рассуждаем об этом процессе вне зависимости от типа личности, от возрастных, социальных, этнических и иных контекстов. Подразумевается буквально следующее: всякая разумная человеческая единица в ходе своего развития претерпевает изменения внутреннего континуума, связанного с ответом на ряд воздействий внешнего и внутреннего характера, будь то глобальные и локальные средовые факты (например, культура, социальные координаты или особенности (тип) семейного взаимодействия) или же внутренние факторы, из категории сугубо субъективных. Собственно об этом в своих работах неоднократно упоминают А. В. Петровский [1], А. Г. Асмолов [2], В. С. Мухина [3] и многие другие.

При этом, ссылаясь на вышеупомянутых же авторов и многих иных, занимавшихся проблемами психологии личности, а также психологии развития, очевидно, что само формирование внутриличностных конфликтов является прямым результатом множества сложных внутриличностных процессов рефлексивного, аналитического или же оценочного характера.

Нельзя в этом контексте не упомянуть и процессы, связанные с категорией «переживание» (Л. С. Выготский [4], Ф. Е. Василюк [5]). В частности, если отталкиваться от мысли Л. С. Выготского, что переживание является единицей сознания [4], будет очевидным возможность рассмотрения системы внутриличностных конфликтов как элементов закономерной деятельности по организации внутреннего пространства личности, развития и качественного изменения характеристик этого пространства.

Однако это только одна сторона вопроса. Вторая сторона, логично будет употребить выражение «вектор развития» лежит в проблеме отражения внутриличностных конфликтов разного качества, объема и уровня на сферу или точнее сферы внешней деятельности, в этой связи мы справедливо, и об этом также неоднократно упоминалось, говорим о системе внутриличностных конфликтов как

с определенной точки зрения активаторе внешней деятельности, уместно будет говорить даже и о своеобразном индуктивном процессе и собственно системе внутриличностных конфликтов как индукторе, в определенных случаях логики внешнего поведения. Об этом мы, например, говорим в контексте основ девиантологии (А. Е. Личко [6] и др.) Третья сторона этой своеобразной «монеты» — грань — состоит в том, что система внутриличностных конфликтов является своеобразным резервуаром множества сложных эмоциональных переживаний и потенций, которые до поры до времени не реализуются, но при этом, очевидно, являются полноценными с точки зрения продуктивности, содержа в себе, к тому же и потенциальные проекции.

Рассматривая процесс формирования внутриличностных конфликтов как комплексный процесс, встроенный в систему развития, в условиях сегодняшней реальности мы можем говорить о не новой, вероятно, функции этой системы, заключающейся в «удержании психоэмоционального равновесия». Данная функция — своеобразный активный стабилизатор и ограничитель по отношению к внешним действиям. Именно проблема регуляции внутриличностных конфликтов, их проживания и переживания в индивидуальном, субъективном пространстве на сегодня является ключевой с целью максимального развития именно этой последней функции.

Необходимо пояснить, о чем идет речь — проблема развития личности вовне и активация внешней деятельности (прежде всего социальной) традиционно составляет одну из главных задач психологии личности, не в ущерб, разумеется, задаче саморазвития и самосовершенствования, но ведь и в этом случае результат должен быть, так сказать, предъявлен. С этим традиционно связан ряд важнейших философско-психологических вопросов — например, тезисы о свободе проявлений и предъявлений личности. Однако на сегодняшний день проблема «удержания равновесия» становится более важной, более актуальной, поскольку само развитие все более и более начинает рассматриваться как деструктивно-накопительный процесс.

Заключение. Фактически на сегодняшний день мы должны говорить о формировании и активации иной, нежели ранее, картины

мира, разделяющейся на содержательные сектора даже не по принципу и признаку «значимое вчерашнее» — «актуальное сегодня» — «перспективное завтра», а по основанию наличия или отсутствия ресурса для оперативного реагирования на изменения, с одной стороны, и базового ресурса для полноценной, а, следовательно, честной рефлексии — с другой.

Система организации и формирования внутриличностных конфликтов в этом случае начинает быть центральным регуляторным механизмом, связанным не с развитием, но со сдерживанием активности, беря на себя основную роль проживания полноценной жизни *in vitro*.

Библиографические ссылки

1. *Петровский А. В.* Проблемы развития личности с позиции социальной психологии // *Вопр. психологии*. 1984. № 4. С. 41–46.
2. *Асмолов А. Г.* Психология личности : учебник. М., 1990. 368 с.
3. *Мухина В. С.* Проблема генезиса личности. М., 1985. 183 с.
4. *Выготский Л. С.* Психология развития как феномен культуры. Воронеж, 1996. 512 с.
5. *Василюк Ф. Е.* Психология переживаний (анализ преодоления критических ситуаций). М., 1984. 200 с.
6. *Личко А. Е.* Подростковая психиатрия. М., 2016. 3-е изд. 482 с.

А. А. Смирнов
Е. В. Соловьева

*Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова
Ярославль, Россия*

РЕСПОНЗИВНОСТЬ КАК МЕХАНИЗМ КОНАТИВНЫХ ЭМПАТИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ*

В статье впервые выявлена природа респонзивной активности конативной эмпатии. Именно изменчивость в ответ, характерная для конативных эмпатических способностей, которые активно проявляются во внешнем плане, конструктивно развивают личность. Эмпатия как пассивное наблюдение за партнером наносит деструктивное воздействие на личность.

Ключевые слова: параметры эмпатии, метод познания, конативная эмпатия, перцептивная эмпатия.

Alexsandr A. Smirnov
Elizaveta V. Solovyeva

*Yaroslavl State University
Yaroslavl, Russia*

RESPONSIVENESS AS A MECHANISM OF CONATIVE EMPATHIC ABILITIES

The article reveals for the first time the nature of the responsive activity of cognitive empathy. It is the variability in response, characteristic of conative empathic abilities, which are actively manifested externally, that constructively develop personality. Empathy, as passive observation of a partner, has a destructive effect on the personality.

Keywords: parameters of empathy, method of cognition, cognitive empathy, perceptual empathy.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00602, <https://rscf.ru/project/22-28-00602/>

Введение. Феномен эмпатии является сложно определимым. Эмпатия рассматривается как сопереживание, сочувствие, со-понимание партнеру по общению. Во многих исследованиях встречается трех компонентное изучение эмпатии: через триаду эмоций, мыслей и поведения [1]. И. В. Федоров предлагает изучать эмпатическую активность как форму респонзивности, т.е. изменения себя в ответ на воздействия среды. Автор подчеркивает суть механизма респонзивности: «Эмпатическая активность имеет респонзивный характер; это не способ познания субъектом объекта или другого субъекта, а способ быть ответом, отвечать, т.е. меняться и оставаться собой в соответствии с Другим» [2, с. 65]. Это не только метод познания, но и метод взаимодействия, активной перестройки во время общения [3]. Это не приспособление или подстройка под другого человека, не рапорт, не «отзеркаливание» — респонзивность позволяет активно познавать личность собеседника.

Материалы и методы. С помощью структурно-уровневого и ресурсного подходов феномен эмпатии был рассмотрен как многомерный конструкт, состоящий из множества уровней. Структурно-уровневый подход был предложен М. С. Роговиным для изучения в клинической психологии патологий. Патология обычно затрагивает и возникает именно структурно, образуясь за счет повреждение одного из функционального уровня. Рассматривая эмпатические способности, важно понимать, что респонзивность — это синергитический механизм, возникающих при взаимодействии множества уровней организации психики. Чем выше организованность системы, тем выше ее эффективность в деятельности, в общении. Эмпатия при высокой самоорганизации личности имеет именно конативную природу проявления.

Результаты. Классификация В. В. Бойко параметров эмпатии имеет следующие компоненты: каналы эмпатии, проникающая способность в эмпатии, установки и идентификация [1]. Каналы эмпатии, как подчеркивает И. В. Федоров — это «приемники» информации [2, с. 66]. В наших исследованиях выявлено, что студенты менее адаптивны, которые полагаются на восприятие эмоциональной, рациональной и интуитивной информации из внешней среды при эмпатическом общении [4]. Интуитивное познание партнера

даже способствует принятию антидемократических установок, растет уязвимость к идеологии фашизма [5]. Поэтому важно не только принимать информацию, но и активно изменяться и воздействовать. Аккомодация по Ж. Пиаже подразумевает изменение структуры под внешним воздействием. Установлено, что конативная эмпатия становится ресурсом для адаптации к новой социальной среде: это проникающая способность и идентификация [6]. Но не все эмпаты, обладающие высоким уровнем эмпатических способностей, могут быть эффективны в деятельности. Эмпатические способности имеют феномен «расщепления» (феномен подробно описан М. А. Холодной), и крайнее высокое значение становится продуктивным лишь при его конативном варианте [7].

Заключение. Механизм респонзивности — ключевой при определении развития эмпатических способностей. Это умение изменяться в ответ. Если личность как система стала закрытой для взаимодействия, или она обладает однопроницаемой диффузией как осмос и не дает обмена, не производит воздействия — в таком случае эмпатические способности способны нанести вред. Эмпатические способности инструмент для познания другого, но это познание должно носить активный характер. Респонзивность как включенность, открытость системы к изменениям, носит самодетерминирующую тенденцию. Это желание человека познать другого едино на всех уровнях психики: эмоциональном, когнитивном, поведенческом — но именно поведение, овладение собственным телом, внешней экстерииоризацией эмпатии становится самым необходимым для эмпатической активности. Поэтому параметры эмпатии, фасилитирующие социальную адаптированность были названы конативными (активно поведенческими) [3]. Механизм респонзивности затрагивает множество других механизмов эмпатической активности: экспликацию («растолковывание» внешних проявлений), экстерииоризацию (перевод внутренних психических состояний во внешние), категоризацию (распределение ответов на значимые признаки). Важно уметь саморегулировать активность, направлять ее с помощью метакогнитивных способностей. В дальнейших исследованиях важно понять согласованность механизмов, которые способствуют развитию гармоничной личности.

Библиографические ссылки

1. *Бойко В. В.* Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М. : Инф.-изд. дом «Филинъ», 1996. 472 с.
2. *Федоров И. В.* Предположения о респонзивной природе эмпатии // СПЖ. 2014. № 53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predpolozheniya-o-responzivnoy-prirode-empatii> (дата обращения: 30.04.2022).
3. *Федоров И. В.* Респонзивная динамика эмпатической активности // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2014. № 386. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/responzivnaya-dinamika-empaticheskoy-aktivnosti> (дата обращения: 30.04.2022).
4. *Смирнов А. А., Соловьева Е. В.* Эмпатия как метод познания психического. Теоретический аспект // Науч. журнал. 2021. № 2 (50). С. 61–68.
5. *Кашанов М. М., Смирнов А. А., Соловьева Е. В.* Эмпатия как интерсубъектный ресурс вузовской адаптации студентов в условиях цифровизации образовательной среды // Перспективы науки и образования. 2022. № 2 (56). С. 153–167. DOI: 10.32744/pse.2022.2.9
6. *Смирнов А. А., Соловьева Е. В.* Взаимосвязь антидемократической подверженности и каналов эмпатии у студентов // Вестн. Костром. гос. ун-та. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27, № 1. С. 71–76. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2021-27-1-71-76>
7. *Холодная М. А.* Многомерная природа показателей интеллекта и креативности: методические и теоретические следствия // Псих. журнал. 2020. Т. 41, № 3. С. 18–31.

Е. Г. Смирнова

*Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
города Кургана «Гимназия № 19»
Курган, Россия*

ТЕОРИЯ ПОЭТАПНОГО ФОРМИРОВАНИЯ УМСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ П. Я. ГАЛЬПЕРИНА КАК МЕТОДИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРЕПОДАВАНИЯ ХИМИИ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

На примере темы первого года изучения химии «Оксиды» рассматриваются варианты работы педагога и обучающихся, соответствующие этапам формирования умственных действий, обозначенных П. Я. Гальпериным. Аналогичный методический подход возможен для всех тем школьного курса химии, для подготовки обучающихся к Государственной итоговой аттестации и олимпиадам. Опыт работы профильных естественнонаучных классов МБОУ города Кургана «Гимназия № 19» подтверждает эффективность применения теории поэтапного формирования умственных действий в методике преподавания химии.

Ключевые слова: умственные действия, модели, формулы, уравнения реакций, задачи, алгоритмы, комментирование.

Elena G. Smirnova

*"Gymnasium No. 19"
Kurgan, Russia*

THE THEORY OF STEP-BY-STEP FORMATION OF MENTAL ACTIONS BY P. YA. GALPERIN AS A METHODOLOGICAL BASIS FOR TEACHING CHEMISTRY IN SECONDARY SCHOOL

Using the example of the topic of the first year of studying chemistry "Oxides", the options for the work of the teacher and students corresponding to the stages of formation of mental actions indicated by P. Ya. Galperin are considered. A similar methodological approach is possible for all topics of the school chemistry course, for preparing students for the State Final certification and Olympiads. The experience of the specialized natural science

classes of the Kurgan MBOU “Gymnasium No. 19” confirms the effectiveness of the theory of gradual formation of mental actions in the methodology of teaching chemistry.

Keywords: mental actions, models, formulas, reaction equations, tasks, algorithms, commenting.

Введение. Химия — один из самых сложных предметов учебного плана общеобразовательной школы. Снизить сложность восприятия содержания курса химии для учеников позволяет четкая ориентация на последовательность этапов формирования умственных действий, обозначенную П. Я. Гальпериным. Проиллюстрируем эти возможности на примере изучения темы «Оксиды».

Материалы и методы. В соответствии с теорией поэтапного формирования умственных действий, первый обязательный шаг — ознакомление с материальными объектами. Ученики вспоминают примеры оксидов, с которыми встречаются в повседневной жизни: Fe_2O_3 , рыжий порошок, — ржавчина, SiO_2 , белый порошок, — поглотитель влаги в обувных коробках, MnO_2 , черный порошок, — окислитель в батарейках. Дети готовят презентации с фотографиями природных объектов, основу которых составляют оксиды: Магнитные горы, образованные красным железняком, сталактиты и сталагмиты, главный компонент которых — вода, оксид водорода. Используется смысловое чтение небольших текстов, содержащих интересный для детей материал: ржавчина как основа первых косметических препаратов — румян и помады, оксид цинка — перевязочный материал «философская шерсть», смешанный оксид свинца (II–IV), свинцовый сурик, — красный краситель в иконописи. Организуется работа с коллекциями, чтобы дети подержали в руках и увидели минералы, основными компонентами которых являются оксиды (магнетит, рутил, куприт, кварц). Важнейший элемент первого этапа — лабораторные опыты по химическим свойствам оксидов. Накопление интересного детям практического опыта эффективно мотивирует их на последующую теоретическую работу.

Второй шаг — действия с моделями объектов. В химии модели — это химические формулы. Возможные виды деятельности учеников с химическими формулами — это их составление, номенклату-

ра веществ по формулам, выбор формул веществ нужного класса из перечня формул, «расшифровка» формул (простое или сложное вещество, какое имеет строение — атомное, молекулярное или ионное, состав структурной частицы вещества), расчеты по химическим формулам, сначала простые (относительная молекулярная масса, массовые доли элементов, соотношение масс элементов), потом комбинированные, самостоятельное составление задач обучающимися. Особое внимание уделяется изучению классификации оксидов и соответствующих каждому классу химических свойств. Каждое химическое свойство максимально комментируется словесно, проговаривается при написании, алгоритмизируется.

Составление уравнений реакций по алгоритму с обязательным проговариванием последовательности действий вслух при работе у доски или комментировании составления уравнения с места обеспечивает формирование «ориентировочной основы действия»: «Усвоить действие — значит не просто вспомнить, как оно было показано, а суметь повторить его с новым материалом и заново получить из этого материала указанный продукт. Действие сначала разбивается на операции, которые посильны для учащегося, приспособлены к его знаниям, умениям и навыкам. Главная задача второго этапа — формирование ориентировочной основы действия» [1, с. 281]. Такие «ориентировочные основы», то есть твердые знания свойств основных классов веществ и умения отражать их в уравнениях реакций, должны быть сформированы по всем классам неорганических веществ — оксидам, кислотам, основаниям, солям, металлам, неметаллам, алгоритмам решения типовых задач.

Знания свойств каждого класса веществ и навыки отражения свойств в уравнениях реакций многократно закрепляются при выполнении заданий:

- «проиллюстрировать свойства определенного класса веществ на примере конкретного вещества»,
- «цепочки превращений»,
- «с какими из перечисленных веществ взаимодействует данное вещество»,
- «соотнести формулу вещества и реагенты или продукты реакций, в которые вещество вступает,

— «реагент для распознавания пары веществ».

Свой творческий потенциал дети выражают при выполнении мини-проектов, например, «Оксиды у нас дома», «Оксиды из Ма-лахитовой шкатулки», «Оксиды в химической радуге».

Многочисленное самостоятельное выполнение учениками разнообразных заданий, основанных на применении знаний о свойствах классов веществ, словесное комментирование совершаемых выборов, подтверждение их составлением уравнений реакций, обеспечивает результат, который П. Я. Гальперин обозначил как «развернуть действие — показать все его операции во взаимной связи; обобщить действие — выделить из многообразных свойств объекта именно те свойства, которые одни только и нужны для выполнения действия» [1, с. 285]. Такая система работы реализует задачи двух этапов — формирование умения самостоятельно планировать выполнение действия и совершать его, а также отражать данные навыки в «громкой речи».

Результаты. Благодаря системному применению в преподавании химии теории поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина, обучающиеся классов естественно-научного профиля успешно сдают Основной и Единый государственные экзамены (средний балл в среднем на 10 выше среднего балла по России), становятся призерами олимпиад регионального и федерального уровня, поступают в профильные вузы.

Заключение. Только тогда, когда ученики твердо усвоили знания свойств основных классов веществ и алгоритмы решения типовых задач, «предметные действия становятся умственными действиями» [1, с. 294], что обеспечивает успешное самостоятельное выполнение комбинированных заданий на химических олимпиадах и Едином государственном экзамене.

Библиографические ссылки

1. Гальперин П. Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Психология как объективная наука. М. : Институт практической психологии ; Воронеж : НПО Модек, 1998. С. 272–317.

В. А. Сохликова

*Федеральный научно-клинический центр
спортивной медицины и реабилитации
Федерального медико-биологического агентства
Москва, Россия*

ВЫЯВЛЕНИЕ МОДЕЛЕЙ РАЗНОЙ СПОРТИВНОЙ УСПЕШНОСТИ НА ОСНОВЕ ВЫЯВЛЕННЫХ ВАРИАНТОВ СООТНОШЕНИЯ УРОВНЕЙ САМООЦЕНКИ И ПРИТЯЗАНИЙ

Статья посвящена разработке и научному обоснованию модели идентификации спортсменов относительно таких их личностных характеристик, как самооценка и уровень притязаний в структуре критериев спортивной успешности. Были выделены четыре типических сочетания. Установленные их качественно-количественные различия позволили рассмотреть каждого спортсмена с позиции наличия или отсутствия факторов риска их влияния на спортивную деятельность.

Ключевые слова: модели спортивной успешности, самооценка, уровень притязаний, мотивация.

Valeria A. Sokhlikova

*Federal Research and Clinical Center
of Sports Medicine and Rehabilitation
of Federal Medical Biological Agency
Moscow, Russia*

IDENTIFICATION OF MODELS OF DIFFERENT SPORTS SUCCESS BASED ON THE REVEALED OPTIONS OF CORRELATION OF SELF-ESTIMATION AND CLAIMS LEVELS

The article is devoted to the development and scientific substantiation of a model for identifying athletes in relation to such personal characteristics as self-esteem and the level of claims in the structure of criteria for sports success. Four typical combinations were identified. The established qualitative and quantitative differences made it possible to consider each

athlete from the position of the presence or absence of risk factors of their influence on sports activity.

Keywords: models of sports success, self-esteem, level of claims, motivation.

Введение. Изучение психологических причин и условий успешности выступления спортсменов, с одной стороны, и идентификация факторов риска неблагоприятного влияния на деятельность спортсмена, с другой — находится в фокусе пристального внимания многих ученых и в России, и за рубежом [1–3]. При этом в отечественной науке указанные вопросы остаются, на наш взгляд, малоисследованными [4; 5], что отражается прежде всего в отсутствии эффективной и научно обоснованной системы профилактики снижения успешности выступления спортсменов, предусматривающей, в частности формирование специальных комплексных программ. Цель работы — разработать модели разной спортивной успешности на основе выявленных вариантов соотношений уровней самооценки и притязаний во взаимосвязи с мотивационными и индивидуально-психологическими особенностями спортсменов высокой квалификации.

Материалы и методы. Методика Дембо — Рубинштейн; опросники «Большая Пятерка» (Costa, McCrae), реализованные в программном обеспечении «Maintest4»; «Уровень субъективного контроля» (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкин, А. М. Эткинд); «Мотивы спортивной деятельности» (Е. А. Калинин); методика «Моторная проба» Шварцландера в варианте В. И. Буянова и И. Б. Буяновой; клиническая беседа; экспертная оценка; методика измерения результативности спортивной деятельности [3]. Респонденты — 121 спортсмен (из них 64 женщины, 57 мужчин).

Результаты. В процессе изучения самооценки их общей и специальной подготовленности и уровня притязаний у 121 представителя спортивной деятельности были выделены четыре типических сочетания. Установленные их качественно-количественные различия позволили рассмотреть каждого спортсмена с позиции наличия или отсутствия факторов риска их влияния на спортивную деятельность. Выявлено, что сочетание самооценки и уровня притязаний

с позиции адекватности/неадекватности относительно степени адаптации спортсмена к условиям соревновательной деятельности имеет важную прогностическую составляющую.

Заключение. Выделение первой модели, основанной на оптимальном сочетании самооценки и уровня притязаний сопряженной с показателями спортивной результативности подтвердило наличие у таких спортсменов способности к самоконтролю с опорой на внутренние критерии и мотивационную направленность на самосовершенствование и соперничество, а также адекватную реакцию на успех и на неудачи. Выявление второй модели свидетельствует о том, что высококвалифицированные спортсмены с обнаруженной «триадой риска», нуждаются в психокоррекционной работе, поскольку наличие избыточно высокой мотивации и внешнего локуса контроля повышает уровень тревожности и нередко приводит спортсмена к демонстрации достижений ниже своих возможностей и ожидаемого результата. Присущая этому типу спортсмена непереносимость монотонии требует особого отношения со стороны тренера и установок определенного рода у самого спортсмена.

Библиографические ссылки

1. Горская Г. Б. Психологические факторы самореализации профессионалов высокого класса: на материале спортивной деятельности : дис. ... д-ра псих. наук. Краснодар, 1999.

2. Дашкевич О. В. Психологический анализ предметной неадекватности эмоционального компонента спортивной деятельности // Психология личности и деятельности спортсмена : сб. ст. / под общ. ред. В. М. Мельникова, О. В. Дашкевича. М. : Союзспортобеспечение, 1981. С. 40–50.

3. Сохликова В. А. Психологические модели успешности выступления высококвалифицированных спортсменов на основе самооценки и уровня притязания : автореф. дис. ... канд. псих. наук. М., 2020. 22 с.

4. Кузьменко Г. А. Технология интеллектуального развития подростков в детско-юношеском спорте : монография. М. : МПГУ, 2017. 458 с.

5. Sokhlikova V. A., Romanina E. V. Divergence of the self-assessment and level of aspirations as important variable of the successful performance at competitions // Sport psychologist. 2018. № 4 (51). P. 8–12.

Н. Н. Степанчук

*Институт проблем искусственного интеллекта
Донецк, Донецкая Народная Республика*

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ КАЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА В ЗАДАЧАХ ОБРАБОТКИ ТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В тезисах освещены предпосылки и аспекты использования качественных методов анализа текста как способа повышения эффективности компьютерных коммуникационных системах психологической помощи. Проясняются такие понятия, как «текст» и «текстовый анализ». Особое внимание уделяется концепции анализа темы фэнтези. В качестве примера предлагаются результаты исследования текстового материала, послужившие основой для выявления неадаптивных особенностей поведения индивида. Предусматривается автоматическая обработка полученных данных методами системного анализа.

Ключевые слова: текст, анализ, метод, фэнтези, триада.

Nataliya N. Stepanchuk

*Institute of Problems of Artificial Intelligence
Donetsk, Donetsk People's Republic*

POSSIBILITIES OF APPLICATION OF QUALITATIVE ANALYSIS METHODS IN THE TASKS OF PROCESSING TEXT INFORMATION

The abstracts highlight the premises and aspects of the use of qualitative methods of text analysis as a way to increase the effectiveness of computer communication systems of psychological assistance. Concepts such as text and text analysis are clarified. Particular attention is paid to the concept of fantasy theme analysis. As an example, the results of a study of textual material are offered, which served as the basis for identifying non-adaptive features of an individual's behavior. Automatic processing of the received data by methods of system analysis is provided.

Keywords: text, analysis, method, fantasy, triad.

Введение. Современные достижения в области искусственного интеллекта обеспечили появление компьютерных коммуникационных систем психологической помощи, работающих на основе алгоритмизированных сценариев. При этом активно ведется разработка инженерных проблем коммуникации, но далеко не в полной мере учитываются особенности психики, восприятия, коммуникационного поведения пользователя, слабо распознаются его насущные потребности. Эта проблема весьма актуальна как с научной, так и с практической точки зрения. Для ее решения необходимы тщательный сбор, обработка и интерпретация записанных и сохраненных пользовательских данных, представляющих собой ценный психодиагностический материал, который содержит в себе ответы на широкий спектр исследовательских вопросов и потенциально позволяет обеспечить высокий уровень эффективности человеко-машинных систем психологической помощи.

Материалы и методы. В подавляющем большинстве случаев пользовательские данные представляют собой тексты, включающие самые разнообразные элементы. В данной работе принимается следующее определение: текст — это продукт творческой деятельности человека, стимулирующий осмысление.

Текстовый анализ включает в себя понимание языка, символов и/или изображений, присутствующих в текстах, для получения информации о том, как люди понимают, кодируют и передают свой жизненный опыт. При анализе текста применяют качественные и количественные методы, а также интерпретационный, риторический и критический подходы.

Инструментами качественного анализа текста являются [1]:

— внимательное чтение, которое предполагает исследование особенностей автора текста (ритора), аудитории и самого текстового сообщения;

— пентадный анализ К. Бёрка, сущностью которого является сосредоточение внимания на драматической пентаде элементов (действие, сцена, деятель, средства и цель);

— нарративный анализ как жанр аналитических фреймов, с помощью которого для понимания исследуемого явления интерпретируют истории и жизненный опыт участников;

— анализ темы фэнтези Э. Бормана, предполагающий выявление некоего мифа, истории, усвоенной и принятой на веру большинством общности людей. Эта общая история представляет собой специфическую правдоподобную интерпретацию определенного важного аспекта мира этой общности [2].

Результаты. Например, в результате изучения текстового материала, полученного в процессе апробации авторской проективной методики «Девочки и мальчики» [3], и применения к нему методов качественного анализа, можно реконструировать следующие элементы фэнтези, присущие современной молодежи, которые больше похожи на воспроизведение инструкций:

- «никого не слушай, решай все сам»;
- «делай то, что считаешь нужным»;
- «не плыви по течению»;
- «будь безразличен к тому, как тебя воспринимают окружающие»;
- «покажи себя как индивидуальность»;
- «будь умнее всех, не признавай авторитетов»;
- «ищи свой стиль, не пользуйся канонами»;
- «будь стильным, ярким, заметным»;
- «отгородись от внешнего мира, сосредоточься на себе»;
- «живи в выдуманном мире»;
- «бери пример с принцесс из сказок»;
- «девушка — Мисс Идеальность».

Получены также высказывания, отражающие восприятие молодежью особенностей жизни людей советского времени:

- «обычная, ничем не примечательная, серая, неинтересная жизнь»;
- «жизнь, полная тягот, испытаний, дефолтов, кризисов и перестройки»;
- «люди — приземистые реалисты, соблюдающие правила, без желания выделиться»;
- «всё по талонам»;
- «жизнь без воображения и лишних иллюзий, креативность отсутствует»;

— «женщина — хорошая рабочая лошадка, пашет наравне с мужиками» [4].

В данных примерах, помимо явного накала в сложных межпоколенных отношениях, отчетливо видны тенденции формирования и развития черт так называемой «Темной триады» (Д. Л. Паулхус, К. М. Уильямс, 2002), в состав которой входят нарциссизм, психопатия и макиавеллизм [5].

Оптимальным выходом из сложившейся ситуации является увеличение вклада технологий искусственного интеллекта для выявления потенциально неадаптивных особенностей поведения индивида и последующего осуществления их трансформации (преимущественно скрытой) в адаптивные или хотя бы нейтральные проявления.

При этом вышеприведенный список элементов фэнтези может быть принят в качестве полезной отправной точки в процессе совершенствования моделей и алгоритмов получения и обработки информации в компьютерных коммуникационных системах психологической помощи.

Заключение. Подводя итоги можно утверждать, что представленный перечень качественных методов анализа текста является ориентировочным, но не исчерпывающим. Каждый из методов может быть рассмотрен в отдельной статье, стать темой дальнейшего углубленного изучения с использованием различных ресурсов. Выявление неадаптивных установок, определение внешних и/или внутренних стимулов, оказывающих влияние на психофизиологические и психоэмоциональные реакции индивида, обеспечивается использованием оригинальных методик и методов, адекватным целям и задачам каждого конкретного исследования.

Библиографические ссылки

1. The SAGE Encyclopedia of Communication Research Methods / ed. by M. Allen. Thousand Oaks (CA) : SAGE, 2017. 2013 p.
2. *Bormann E.* Fantasy and rhetorical vision: The rhetorical criticism of social reality // *Quarterly Journal of Speech.* 1972. № 4 (58). P. 396–407.
3. *Степанчук Н. Н.* Проективная методика «Девочки и мальчики»: обоснование создания и применения // *Арт-терапия и арт-педагогика:*

новые возможности для развития и социализации личности : сб. материалов пятой междунаро-д. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 28–29 июня 2021 года. СПб. : ООО «Скифия-принт», 2021. С. 72–79.

4. Степанчук Н. Н. Методология выявления психологически опасных эстетических воздействий в информационных потоках // *The Newman in Foreign Policy*. 2022. Т. 2, № 65 (109). С. 31–37.

5. *The Dark Side of Personality: science and practice in social, personality, and clinical psychology* / ed. by V. Zeigler-Hill, D. K. Marcus. Washington (DC) : American Psychological Association, 2016. 389 p.

**С. В. Стрельников
А. И. Ковалев**

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ НАВЫКА ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Данное исследование направлено на изучение особенностей использования технологий виртуальной реальности при формировании навыка публичных выступлений. Проверяется гипотеза того, что уровень личностной тревожности респондентов влияет на успешность взаимодействия со средой виртуальной реальности при формировании навыка публичных выступлений, что отражается в величине эффекта присутствия респондентов. Для проверки гипотезы у респондентов формируются знания о принципах и о техниках успешного публичного выступления.

Ключевые слова: технологии виртуальной реальности, публичные выступления, эффект присутствия, тревожность.

**Stepan V. Strelnikov
Artem I. Kovalev**

*Moscow State University
named after M. V. Lomonosov
Moscow, Russia*

THE FEATURES OF USING VIRTUAL REALITY IN THE PUBLIC SPEAKING SKILL FORMATION

This study aims to investigate the specifics of using virtual reality technologies in the public speaking skill formation. The hypothesis that the level of personal anxiety of respondents affects the success of interaction with the virtual reality environment in the public speaking skill formation, which is reflected in the level of presence effect of respondents. In order to test

the hypothesis, the knowledge of the principles and techniques of successful public speaking is formed in the respondents.

Keywords: Virtual Reality Technologies, public speaking, presence effect, anxiety.

Введение. Навык публичных выступлений — один из примеров новых soft-skills, эффективные способы формирования которого все больше интересуют многих психологов, педагогов и политиков. Практически каждому человеку приходится выступать перед определенной публикой: педагогу перед учащимися, врачу перед пациентами, психологу на групповых занятиях, политикам перед избирателями и т. п. На данный момент существует большое количество программ, пособий и курсов, которые направлены на обучение ораторскому искусству, но не все они обеспечивают условия для успешной отработки преподаваемых знаний и для овладения прочным навыком публичного выступления. К сожалению, далеко не всегда представляется возможным собрать хотя бы небольшую аудиторию слушателей для отработки тех или иных знаний и умений публичных выступлений. И как один из альтернативных вариантов решения данной задачи выступает использование технологий виртуальной реальности. К тому же появляется все больше данных, подтверждающих продуктивное влияние цифровых образовательных технологий на психику и поведение людей [1]. Однако по состоянию на сегодняшний день остается открытым вопрос о том, как успешно технологии виртуальной реальности могут быть использованы при формировании навыка публичных выступлений и какое влияние они оказывают на высшие психические функции и психофизиологические состояния человека.

Материалы и методы. В выборку вошел 21 респондент (13 девушек и 8 мужчин от 17 до 23 лет), желающий повысить навык публичных выступлений. В исследовании были использованы следующие методики: 1) «Шкала личностной тревожности» Ч. Спилбергера (в адаптации Ю. Ханина) [2]; 2) обучающая видеолекция на тему «Искусство публичных выступлений». Данная девятиминутная видеолекция использовалась в исследовании для того, чтобы сформировать у слушателей знания о принципах и о техниках

успешного публичного выступления. Занятие создавалось на основе учебного пособия по публичным выступлениям [3]. Сначала была разработана презентация, а затем было записано обучающее видео с выступлением по данной презентации; 3) тест на «Эффект присутствия» [4]. Первоначально респонденты заполняли «Шкалу оценки уровня личностной тревожности» Спилбергера (в адаптации Ханина). Затем респондентам предлагалось посмотреть обучающую видеолекцию на тему «Искусство публичных выступлений». После просмотра видеолекции респонденты предоставляли отчет про основные идеи и принципы, которые они смогли выделить для себя из просмотренного материала. Далее респондентам предлагалось выступить с заданной темой в среде виртуальной реальности перед виртуальной аудиторией. После выступления респондентам предлагалось заполнить тест на эффект присутствия. Для проведения виртуальной образовательной сессии, направленной на овладение навыком публичного выступления, использовались автономный шлем виртуальной реальности Oculus Quest 2 и приложение для практики публичных выступлений перед виртуальной аудиторией. Данный шлем был использован в исследовании ввиду его эргономичности и ввиду отсутствия необходимости его использования вместе с компьютером.

Результаты. Было обнаружено, что по субшкале «Негативные эффекты» теста для определения эффекта присутствия все испытуемые в среднем показали низкий уровень баллов (1,7), что означает, что все хорошо работали в среде и что среда не вызывала дискомфорта. При этом по субшкалам «Пространственное присутствие», «Вовлеченность» и «Экологическая валидность» в среднем были получены высокие значения (3,2; 3,4; 3,4 соответственно), из чего можно сделать вывод, что виртуальная среда в целом оказалась достаточно иммерсивной. Далее посредством корреляционного анализа была выявлена значимая связь между личностной тревожностью и показателем по шкале «Экологическая валидность» в тесте на «Эффект присутствия» ($r = 0,448$, $p = 0,042$), что означает следующее: чем выше личностная тревожность учащегося, тем реалистичнее для него была среда виртуальной реальности, в которой он овладевал навыком публичных выступлений, т. е. тем правдоподобнее для него

была ситуация публичного выступления. Таким образом мы можем предположить, что чем выше уровень личностной тревожности учащегося, тем будет более эффективным овладение навыком публичных выступлений в среде виртуальной реальности.

Заключение. На данный момент существует уже большое количество зарубежных статей об использовании технологий виртуальной реальности для терапии боязни публичных выступлений с точки зрения когнитивно-бихевиорального подхода, тогда как образовательный эффект практически не рассматривался. Потенциал виртуальной реальности для содействия обучению довольно велик [5]. Согласно прогнозам, виртуальная реальность и связанные с ней технологии могут охватить 15 миллионов учащихся к 2025 году [6]. Уже сегодня перед отечественной системой образования стоит задача, заключающаяся в адекватной подготовке людей к вызовам, возникающим в результате процесса цифровизации. Результаты данной работы дают более четкую картину для построения грамотного и эффективного процесса применения технологий виртуальной реальности при формировании навыка публичных выступлений, а также дают понимание важности тех факторов, которые необходимо учитывать при моделировании виртуальной образовательной среды.

Библиографические ссылки

1. *Gottschalk F.* Impacts of Technology Use on Children: Exploring Literature on the Brain, Cognition and Well-Being. OECD Education Working Papers, No. 195 // OECD Publishing. 2019.
2. *Спилбергер Ч. Д., Ханин Ю. Л.* Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности // А. А. Карелин. Психологические тесты. 2000. Т. 1. С. 39–45.
3. *Голованова И. И.* Методика публичного выступления : учеб. пособие. Казань : Центр инновац. Технологий, 2009. Т. 170.
4. A cross-media presence questionnaire: The ITC — Sense of Presence Inventory / J. Lessiter, J. Freeman, E. Keogh et al. // Presence: Teleoperators and Virtual Environments. 2001. Vol. 10. P. 282–297.
5. *Psotha J.* Immersive training systems: Virtual reality and education and training // Instructional science. 1995. Vol. 23, № 5–6. P. 405–431.
6. *Goldman S.* Dreaming With BRICs: The Path to. 2018. Vol. 2050.

Г. А. Суворова

*Директор департамента психологии
ООО «Психологическая консультация «Диалог»
Москва, Россия*

О СИСТЕМОГЕНЕЗЕ СПОСОБНОСТЕЙ И ОДАРЕННОСТИ

Анализируются различными аспектами системогенеза способностей и одаренности, изложенные в работах видного советского и российского ученого, доктора психологических наук (1977), профессора (1978), действительного члена Российской академии образования (1992) Владимира Дмитриевича Шадрикова (1939 г. р.), создателя нового системогенетического направления в психологии, основателя и руководителя одной из ведущих научных психологических школ в современной России.

Ключевые слова: системогенез, способности, одаренность, деятельность, психическая функция.

Galina A. Suvorova

*Psychological Consultation "Dialog" LLC
Moscow, Russia*

ON THE SYSTEMOGENESIS OF ABILITIES AND GIFTEDNESS

The article analyses various aspects of the systemogenesis of abilities and giftedness, presented in the works of a prominent Soviet and Russian scientist, doctor of psychological sciences (1977), professor (1978), an actual member of the Russian Academy of Education (1992) Vladimir Dimitriyevich Shadrikova (b. 1939), the creator of the new systemogenetic direction in psychology, founder and head of one of the leading scientific psychological schools in modern Russia.

Keywords: systemogenesis, abilities, giftedness, activity, mental function.

Введение. Системогенетическая парадигма как новый этап развития системного подхода в психологии заняла прочное место в отечественной психологической науке [1–3]. В 1977 г. вышла мо-

нография В. Д. Шадрикова «Способности человека» [4], в которой впервые дается «системное описание способностей и раскрывается их сущность и структура». В 2019 г. сформулирована теория способностей и изложена в монографии «Способности и одаренность» [5].

Метод: экспертно-аналитический анализ.

Результаты. Для русской психологии и педагогики научное творчество Владимира Дмитриевича Шадрикова в целом и конкретно его теория способностей и одаренности является истоком науки в России. В его богатом наследии, включающем основные положения, мысли, гипотезы, идеи, разрабатываемые им самим и его учениками, и единомышленниками, выделим наиболее важные результаты.

1. Впервые сформулированы идеологические проблемы в исследовании способностей [5, с. 23–25].

2. Впервые рассмотрены методологические проблемы изучения способностей и одаренности [5, с. 25–42]:

- выделены принципы изучения способностей;
- описаны различия процедур и методов при изучении и диагностике способностей в научной и практической деятельности;
- выделены положения при интерпретации результатов тестирования способностей;
- рассмотрено понятие системы в системном подходе в психологии и показано, что «...системогенез деятельности человека определяется двумя факторами “мотив — цель” и “цель — результат”, которые формируются с учетом внутренних и внешних условий деятельности» [5, с. 36];
- показано, как интегрируются компоненты системы деятельности, в которых способности выступают ее внутренними условиями. «Человек является субъектом деятельности. Это <...> проявляется в том, что человек обладает определенными *потребностями*, он обладает *способностями желать и хотеть*. В зависимости от желаний человек ставит перед собой как *субъект* деятельности *определенную цель*, достижение которой характеризуется определенным результатом, связанным с *потребностями, желаниями*» [5, с. 38].

3. Впервые выполнен исторический анализ теоретических взглядов классиков отечественной психологии Л. С. Выготского, Б. М. Теплова, С. Л. Рубинштейна, который позволил создать исторический каркас теории способностей:

«Во-первых, у всех рассмотренных авторов остро поставлена проблема детерминации развития способностей. <...> Выготский говорит о развитии высших функций, а не о развитии способностей. <...> Теплов разрешает проблему развития способностей, вводя понятие “задатки”» [5, с. 82]. С. Л. Рубинштейн «...выдвигает положение о двойной детерминации развития способностей» [5, с. 83].

«Во-вторых, принципиально важным для теории способностей является положение Выготского о том, что развитие высших психических функций осуществляется <...> через овладение ребенком своими психическими функциями» [5, с. 83]. Понимая способности как конкретное проявление психических функций, Шадриков показывает, как можно перебросить мостик к пониманию Выготским развития через три типа систем: «восприятие и моторика», «память и мышление» и «мышление в понятиях».

«В-третьих, в классических работах по способностям мы не имеем удовлетворительного ответа на вопрос: “Что такое способности?”» [5, с. 83].

4. Впервые изложена теория способностей и одаренности, разработанная на основе эмпирических материалов и научных источников (их 172).

Во-первых, понимание способностей как свойств «функциональных физиологических систем, реализующих отдельные психические функции» [5, с. 253].

Во-вторых, «...способности и психические процессы выступают как две стороны единого процесса познания мира. Психические процессы характеризуют процессуальную сторону познания. Способности — ее результативную характеристику. Единство способностей, познавательных процессов и качеств личности дает представление о ментальном развитии человека» [5, с. 253].

В-третьих, «...способности рассматриваются в трех измерениях: как природные, субъектно-деятельностные и личностные <...> у конкретного человека <...> способности должны рассматриваться

одновременно в трех измерениях. <...> в каждом измерении будет проявляться неравномерность и гетерохронность их развития. В результате мы получим представление о формировании и развитии способностей как сложном системогенетическом процессе» [5, с. 92–156]. «...способности можно рассматривать как показатели, характеризующие успешность порождения мыслей» [5, с. 254].

В-четвертых, предложена классификация интеллектуальных операций, показано их формирование и развитие интеллекта [5, с. 157–208]. Интеллектуальные операции выступают универсальным операционным механизмом развития способностей.

В-пятых, предложено понимание одаренности как функционального метасистемного качества субъекта деятельности, которое рассматривается в трех измерениях, что и способности. Показана интеграция способностей в одаренность учащихся в различных системах обучения и в профессиональной деятельности [5, с. 227–250].

В-шестых, предложено понимание соотношения общих и специальных способностей: «...специальные способности развиваются на основе общих за счет приобретения ими черт оперативности под влиянием требований деятельности, тонкого приспособления к ее требованиям» [5, с. 255].

В-седьмых, установлено отношение между способностями, умениями, навыками и качествами личности. «...способности выступают в роли внутренних средств умений и навыков как база, определяющая устойчивые формы поведения, которые и рассматриваются в качестве личностных качеств» [5, с. 255].

Заключение. В. Д. Шадриков универсален как ученый, как психолог и как педагог. Смелость его мыслей и ясность изложения сложной проблемы способностей и одаренности позволяют вести многофункциональный и многоуровневый диалог разных поколений по разным проблемам психологии.

Библиографические ссылки

1. Суворова Г. А. О системогенетическом подходе в психологии // Преподаватель XXI век. 2010. № 2. Ч. 1. С. 112–129.

2. Суворова Г. А. Современный этап в разработке проблемы психологии способностей человека: системогенетическое направление // От истоков

к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете : Всерос. конф. с международ. участием : сб. материалов юбилейн. конференции : в 5 т. Т. 1 / отв. ред. Д. Б. Богоявленская. М. : Когито-Центр, 2015. С. 252–254.

3. *Suvorova G., Baranovskaya T.* System genesis approach in psychology // *Jornal of Language and Education (National Research University Higher School of Economics)*. 2016. Vol. 2, Is. 1. P. 72–82.

4. *Шадриков В. Д.* Способности человека. М. : Ин-т практ. психологии ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1977. 288 с.

5. *Шадриков В. Д.* Способности и одаренность человека : монография. М. : Ин-т психологии РАН, 2019. 274 с. (Достижения в психологии)

Р. Ф. Сулейманов

Казанский инновационный университет

им. В. Г. Тимирязова

Казань, Россия

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВА ЛИЧНОСТИ

Анализируется дифференциальная чувствительность в разных анализаторах как базовая основа для успешности освоения различных профессий. Экспериментально выявлена интегрированная базовая способность как результат взаимодействия между чувствительностью в слуховом, зрительном, двигательном анализаторах, а также эмоциональной чувствительностью. Подтверждена гипотеза о связи чувствительности с личностными характеристиками, что в практическом плане дает возможность использовать результаты исследования для разработки рекомендаций по профотбору, профподбору, профориентации.

Ключевые слова: дифференциальная чувствительность, анализатор, эмоциональная чувствительность, личность.

Ramil F. Suleymanov

Kazan Innovative University

named after V. G. Timiryasov

Kazan, Russia

DIFFERENTIAL SENSITIVITY AS THE BASIS OF PERSONALITY

The differential sensitivity in different analyzers is analyzed as a basic basis for the success of mastering various professions. An integrated basic ability was experimentally revealed as a result of the interaction between sensitivity in the auditory, visual, motor analyzers, as well as emotional sensitivity. The hypothesis about the relationship between sensitivity and personal characteristics has been confirmed, which in practical terms makes

it possible to use the results of the study to develop recommendations for professional selection, career selection, and career guidance.

Keywords: differential sensitivity, analyzer, emotional sensitivity, personality.

Введение. Еще в далекие времена Гальтон высказал гипотезу о том, что обязательным условием высоких умственных достижений является тонкое различающее чувство. Затем Г. Фримен высказал мнение о том, что «...отличительная особенность интеллекта — это высокоутонченное различающее чувство на концептуальном уровне умственной деятельности» [Цит. по: 1, с. 383]. В данном случае речь идет о чувствительности не только на сенсорно-перцептивном, но и на мыслительном уровне. При этом основой может являться любой анализатор: зрительный, слуховой, двигательный и др. Дифференциальная чувствительность позволяет человеку в разных областях деятельности достигать высоких профессиональных результатов. Например, чувствительность в зрительном анализаторе дает возможность проявляться в таких профессиях и видах деятельности, как водители, строители, чертежники, представители изобразительного искусства и др. Нам представляется, что чувствительность носит интегрированный характер, проявляясь в разных анализаторах. И эта интегрированная чувствительность является базовой способностью, которая своеобразным образом связана и с личностными характеристиками. Некоторые взаимосвязи чувствительности в разных анализаторах обнаружены ранее [2]. Сама по себе чувствительность как базовая способность проявляется, например, в умении тонко анализировать и вникать в суть решаемой задачи, погружаться вглубь проблемы, результатом чего может явиться какое-либо творческое оригинальное решение. Несомненно, что на творческий результат оказывают влияние разные способности, но качество этой реализации связано с тонкостью овладения умениями, которые проявляясь в деятельности, приводят к конечному продуктивному хорошему результату. Встает вопрос, а не влияет ли дифференциальная чувствительность на личностные особенности человека. В связи с поставленным вопросом, было организовано исследование.

Материалы и методы. В качестве методов исследования были выбраны: методика диагностики музыкального слуха для немусыкантов (чувствительность в слуховом анализаторе) [3]. Для диагностики чувствительности в зрительном анализаторе использовалась методика «Глазомер» [4]. Зрительно-двигательная чувствительность изучалась с помощью методики РДО (реакция на движущийся объект) [4]. Для диагностики личностных черт использовался 16-факторный личностный опросник Кэттелла [5]. Зрительная, двигательная и эмоциональная чувствительность изучалась с применением многофункционального диагностического комплекса «Активациометр АЦ-9» [4].

Результаты. Результаты показали взаимосвязи между дифференциальной чувствительностью в разных анализаторах, в частности эмоциональной чувствительности с чувствительностью в зрительном анализаторе (точностью реакции на движущийся объект) ($p = 0,025$), с точностью глазомера ($p = 0,035$). В свою очередь точность глазомера как дифференцированной чувствительности в зрительном анализаторе с чувствительностью в слуховом анализаторе (музыкальный слух) (с мелодическим (субтест «Мелодия»)) ($p = 0,019$), гармоническим (субтест «Аккорды») ($p = 0,010$) и с интегрированным музыкальным слухом ($p = 0,014$). Чувствительность в слуховом анализаторе, кроме перечисленных, связана с двигательной чувствительностью ($p = 0,022$) и простой двигательной реакцией ($p = 0,010$). Результаты подтвердили гипотезу об интегрированной чувствительности как базовой способности. Результаты показали связи чувствительности в разных анализаторах с личностными характеристиками. Обнаружена связь чувствительности в слуховом анализаторе с интеллектом (от $p = 0,013$ и до $p = 0,005$ по разным видам музыкального слуха), чувствительности в слуховом анализаторе со способностью действовать «в уме» ($p = 0,001$), а также с музыкальными предпочтениями ($p = 0,05$ до $p = 0,000$), с использованием музыки для жизнедеятельности ($p = 0,05$ до $p = 0,000$), с направленностью на взаимодействие» ($p \leq 0,01$), с риском ($p \leq 0,01$; $p \leq 0,001$ по разным видам музыкального слуха). Обнаружены связи эмоциональной чувствительности с математическим интеллектом ($p = 0,015$), с личностными характеристиками (эмоциональ-

ной устойчивостью; $p = 0,028$), с музыкальными предпочтениями ($p = 0,01$), использованием музыки для жизнедеятельности ($p = 0,05$). Не менее интересны связи чувствительности в двигательном анализаторе (РДО) с личностными характеристиками (общительностью, практичностью, жесткостью и др. ($p \leq 0,05$; $p \leq 0,01$; $p \leq 0,001$).

Заключение. Дифференциальная чувствительность несомненно играет важную роль в деятельности субъекта труда и в целом жизнедеятельности человека. Подтвердилась гипотеза об интегрированной дифференциальной чувствительности как базовой способности, которая имеет важное значение для развития не только интеллекта, но и личностных свойств. Результаты могут быть использованы при разработке рекомендаций по осуществлению профотбора, профподбора, профобучения и что особенно важно — для учащихся по профориентации.

Библиографические ссылки

1. Чуприкова Н. И. Психология умственного развития: принцип дифференциации. М. : Столетие, 1997. 480 с.
2. Сулейманов Р. Ф. Дифференциальная сенсорная чувствительность в разных анализаторах как основа личностных характеристик субъекта труда // Ин-т психологии Рос. академии наук. Организационная психология и психология труда. 2021. Т. 6, № 3. С. 118–140. DOI: 10.38098/ipran.orwr_2021_20_3_006.
3. Сулейманов Р. Ф., Сулейманов Я. Р. Тест музыкального развития // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен / отв. ред. А. Л. Журавлёв, М. А. Холодная, П. А. Сабадош. М. : Ин-т психологии РАН, 2020. С. 1774–1783.
4. Цагарелли Ю. А. Системная диагностика человека и развитие психических функций. Казань : Изд-во «Познание» Ин-та экономики, управления и права. 2009. 492 с.
5. Карелин А. Большая энциклопедия психологических тестов. М. : Эксмо, 2007. 416 с.

Г. А. Суворова
Т. А. Барановская

*ООО «Психологическая консультация “Диалог”»;
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

О МИРЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕДМЕТЕ ДИАЛОГА СУБЪЕКТОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

Дается краткая характеристика современного этапа развития теории и практики психологического консультирования в образовании. С позиций системогенетической парадигмы в исследовании мира внутренней жизни человека, его индивидуальности, деятельности и способностей рассматриваются наиболее важные вопросы в консультативной работе школьного психолога (педагога-психолога). Раскрываются вопросы о психологической сущности человека и предмете диалога субъектов психологического консультирования в образовании.

Ключевые слова: консультирование, субъекты образования, мир внутренней жизни.

Galina A. Suvorova
Tatyana Baranovskaya

*Psychological Counseling 'Dialogue';
National Research University
Higher School of Economics
Moscow, Russia*

HUMAN NATURE AS THE CONTENT OF THE DIALOGUE BETWEEN THE SUBJECTS OF PSYCHOLOGICAL COUNSELING IN EDUCATION

The research analyses the modern period of psychological counseling in Education. The counseling survey appears to be composed of theoretical analysis and practical part. The most important questions in counseling are treated from the point of view of systemic genesis approach. Such prob-

lems as the individual, inner life, activity, abilities underline different sets of questions for the counselor-psychologist, working at school. The issues of the human nature and the content of the dialogue between the subjects of psychological counseling in Education are considered in the research.

Keywords: counseling, human nature, inner world, subjects of education.

Введение. Психология консультирования представляет собой новый вид деятельности психолога [1–5]. В связи с этим возникает ряд вопросов: как необходимо рассматривать психологическую сущность человека в консультировании? как можно трактовать предмет диалога субъектов психологического консультирования в образовании? От ответа на эти вопросы зависит результат диалога психолога с консультируемыми.

Метод: экспертно-аналитический анализ и синтез.

Результаты. 1. О мире внутренней жизни человека в консультировании. В монографии В. Д. Шадрикова «Мир внутренней жизни человека» предметом психологии является душа человека [6]. Под «душой» понимаются потребности (мотивация) человека, его эмоции и чувства (переживания), его способности перерабатывать информацию и преобразовывать себя и окружающий мир. В консультировании психолог прежде всего работает с мотивацией, с эмоциями и чувствами, со способностями консультируемых. Именно мир внутренней жизни человека выступает предметом диалога субъектов психологического консультирования в образовании.

2. О деятельностной методологии психологического консультирования. На данный момент времени уже достаточно подробно изучена сущность консультативно-психологического процесса с позиций деятельностного подхода в системогенетической парадигме. Выделены ключевые проблемы психологического консультирования в образовании, рассмотрены возможности их исследования на основе деятельностной методологии, приведены данные об интеграции психических состояний учащихся в процессе обучения и интеллектуальных задачах, решаемых когнитивными действиями разного уровня интеграции [1–5]. Работа по подбору методик оценки продуктивности девяти психических когнитивных

функций и процессов (ощущений, восприятия, памяти, представления, воображения, внимания, мышления, психомоторики, речи) по пяти модальностям (зрительной, слуховой, тактильной, обонятельной, вкусовой) является перспективной для процесса консультирования.

3. Об экспертной деятельности психологов-консультантов. В настоящее время сформировалась тенденция к абсолютной цифровизации. Обратим особое внимание на вопросы, которые сдерживают развитие внутреннего мира ребенка в цифровой среде.

Первая группа вопросов: что такое ребенок? каковы границы детства? есть ли у нас единство в понимании «трех китов образования» — развития, обучения и воспитания ребенка? Ребенок в любой среде, включая цифровую, обучается, развивается, воспитывается взрослыми. Если мы встанем на инновационную позицию в понимании научения, то научиться ребенок может, если у него сформирована функциональная психологическая система деятельности (по В. Д. Шадрикову).

Если понимать развитие школьника как развитие его способностей, то центральной становится проблема способностей. Пути развития способностей и формирования интеллекта наиболее изучены в работах системогетического подхода. Специалисты, занимающиеся компьютеризацией в сфере образования, должны владеть методами психологического анализа разных видов деятельности и способностей — способностей познавать, т. е. когнитивных способностей, способностей желать и хотеть, способностей чувствовать и переживать (по В. Д. Шадрикову). Оценка знаний ученика в дистанционном формате в форме тестов важна, но не менее важно проектировать всю образовательную среду, в которой учится ученик: его восприятие учебного материала по разным предметам в различных условиях, осмысление и запоминание материала, закрепление учебного материала, умение свободно владеть учебным материалом в различных ситуациях. Возникают серьезные вопросы, такие как: какие когнитивные способности и как интегрируются в структуре интеллекта у ребенка в цифровом мире на разных этапах его развития. Не менее важными являются вопросы, связанные с воспитанием. Необходимо определиться, как понимается воспитание.

В широком смысле воспитание — это присвоение ценностей, нужно понимать, каких именно ценностей.

Вторая группа вопросов. Разные уровни понимания цифрового мира для ребенка специалистами по компьютеризации и другими специалистами по развитию, обучению и воспитанию. Цифровой мир пока закрыт для комплексного (умственного, физического, нравственного, духовного, трудового и эстетического) развития внутреннего мира ребенка.

Третья группа вопросов. Один из принципов построения гаджетов, айпадов- это предъявление ребенку ярких, красочных изображений со световыми и звуковыми эффектами, которые двигаются по экрану, и ребенок должен каким-либо образом выдавать определенные реакции. Одним из вопросов является, как в этой ситуации развивается внутренний мир ребенка.

Заключение. Существующее многообразие и противоречивость точек зрения на психологическую сущность человека, механизмы его развития, обучения и воспитания уменьшаются, если субъекты психологического консультирования ведут диалог по проблемам психической (интеллектуальной) деятельности внутреннего мира человека.

Библиографические ссылки

1. Суворова Г.А. Психология консультирования в образовании: современное состояние и перспективы развития // Преподаватель 21 век. 2011. № 1. С. 171–186.

2. Суворова Г.А. Теоретические основы индивидуального психологического консультирования по проблемам онтогенеза личности: системогенетический подход // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете : Всерос. конф. с международ. участием : сб. материалов юбилейн. конф. : в 5 томах. Т. 2 / отв. ред. Д.Б. Богоявленская. М. : Когито-Центр, 2015. С. 252–254.

3. Suvorova G., Baranovskaya T. System genesis approach in psychology // Journal of Language and Education (National Research University Higher School of Economics). 2016. Vol. 2, Is. 1. P. 72–82.

4. О деятельностной методологии психологического консультирования в образовании // Материалы съезда Рос. псих. общества / сост. Л.В. Арти-

щева ; под ред. А. О. Прохорова, Л. М. Попова, Л. Ф. Баяновой и др. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2017. Т. 1. С. 444–446.

5. *Суворова Г. А.* Деятельностный подход к психологическому консультированию в образовании: системогенетическая парадигма : монография. 3-е изд., доработ. и испр. М. : МПГУ, 2019. 416 с.

6. *Шадриков В. Д.* Мир внутренней жизни человека. М. : Университет. книга ; Логос, 2006. 392 с.

Е. Д. Сургутский

Г. А. Вартамян

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ЛИЦ, ПРИЗНАННЫХ НЕВМЕНЯЕМЫМИ

Анализируется вклад индивидуально-психологических особенностей в генез общественно-опасного поведения лиц, признанных невменяемыми. Дается авторское определение невменяемости. В качестве анализируемых психологических критериев выбраны ранние дезадаптивные схемы и дисфункциональные режимы их функционирования. Устанавливается корреляция вошедших в гипотезу исследования схем и режимов с уровнем общественной опасности лиц, признанных невменяемыми.

Ключевые слова: невменяемость, ранние дезадаптивные схемы, дисфункциональные режимы, общественная опасность.

E. D. Surgutskiy

G. A. Vartanyan

St. Petersburg State University

St. Petersburg, Russia

PSYCHOLOGICAL CRITERIA FOR VIOLENCE RISK ASSESSMENT OF INSANE PERSONS

The authors analyze the contribution of individual psychological characteristics to the genesis of dangerous behavior of insane persons. The author's definition of insanity is given. Early maladaptive schemes and dysfunctional modes of their functioning were selected as the analyzed psychological criteria. The correlation of schemes and regimes included in the research hypothesis with the level of public danger of persons recognized as insane is established.

Keywords: insanity defense, early maladaptive schemas, schema modes, risk of violence.

Введение. Количество судебных решений о невменяемости для вынесения судом решения о продлении или прекращении применения принудительных мер медицинского характера (далее — ПММХ) остается стабильно высоким. Одним из главных элементов таких решений является оценка степени общественной опасности. В отечественной практике такая экспертиза ограничивается субъективным профессиональным мнением врача-психиатра. Сложившаяся ситуация — следствие доминирования клинико-психопатологического подхода, согласно которому в генезе опасного поведения людей с психическими расстройствами ведущую роль играют синдромологические механизмы. Такое понимание не соответствует современным исследованиям, декларирующим, что рассмотрение психопатологических особенностей в отрыве от индивидуально-психологических и социальных невозможно. Рекомендуется проводить психологическое обследование и использовать структурно-динамические методы для систематизации многообразия факторов [1]. Ненадежность субъективных прогнозов может приводить к несоблюдению прав пациентов ввиду возможного принятия судом неточных решений о продлении или изменении ПММХ, а поспешные решения об отмене могут быть причиной нарушения пациентами социального порядка [2].

Обозначенная проблема отчасти обусловлена тем, что определение невменяемости является устаревшим и не отвечает современным представлениям о дифференциальной диагностике психических расстройств, а именно: «...лицо <...> не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими в результате хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия или другого болезненного состояния психики» (ч. 1. ст. 21 Уголовного кодекса). Анализ литературы позволяет предложить авторское определение, основанное на междисциплинарном понимании феномена: «Невменяемость является временным уголовно-правовым статусом, который исключает уголовную ответственность и подразумевает, что лицо, им наделенное, не могло в момент совершения общественно опасного деяния осознавать фактический и(или) запрещенный законом характер и общественную опасность

своих действий или бездействия и/или руководить ими в результате психического расстройства или сочетания нескольких психических расстройств, отраженных в рубрике F Международной классификации болезней десятого пересмотра». Такая формулировка подчеркивает уголовно-правовой и временный статус невменяемости, ограничивает опасные деяния списком, приведенном в Уголовном кодексе, а ссылка на МКБ и указание на возможное наличие коморбидных расстройств приводит к пересмотру медицинского критерия.

Таким образом, выявление психологических критериев оценки общественной опасности невменяемых лиц является актуальным и своевременным. Практическая значимость исследования заключается в возможности их использования в дополнение к существующим. Дальнейший поиск психологических драйверов и механизмов опасного поведения способствует развитию методов экспертной оценки риска насилия в рамках психологического обследования.

Для поиска психологических критериев оценки общественной опасности невменяемых лиц в качестве драйверов рассматриваются ранние дезадаптивные схемы (далее — РДС) — личностные структуры, включающие эмоции, когниции, воспоминания; и дисфункциональные режимы их функционирования — эмоциональные и поведенческие реакции, запаасающиеся в ответ на активацию схем [3]. Согласно концепции схема-терапии, данные структуры возникают под влиянием детского опыта, некоторые способствуют формированию антисоциальных установок и агрессивного поведения. Имеется информация о существовании взаимосвязи определенных схем и режимов с историей агрессии осужденных и внутрибольничной агрессией невменяемых лиц [4; 5].

Гипотеза исследования — схемы «недостаточность самоконтроля», «недоверие», «привилегированность», «подавление эмоций», режимы «разъяренный» и «импульсивный» ребенок и «агрессор» положительно связаны с уровнем общественной опасности лиц, признанных невменяемыми.

Материалы и методы. «YSQ-S3R» для оценки дезадаптивных схем, «SMI» для оценки режимов (оба — Young J., 2014, пер. П. М. Касьяник), «HCR-20» для оценки степени общественной опасности (К. Д. Вебстер, 2008), ранговый коэффициент корреляции Спирмена,

поправка Бенджамини — Хохберга (программа «IDE RStudio»). Выборка: 30 пациентов мужского пола от 23 до 50 лет (средний возраст $33 \pm 7,1$ года) Санкт-Петербургской психиатрической больницы специализированного типа с интенсивным наблюдением.

Результаты. Большинству пациентов характерна половина факторов, связанных с риском насилия (баллы общей шкалы опасности: $M \pm \sigma = 24,13 \pm 7,56$; $Me = 25,5$). Средний балл отличается в группах с разным уровнем образования: пациенты со средним образованием ($M = 24,7$; $N = 12$), пациенты со средним профессиональным образованием ($M = 22,1$; $N = 12$), пациенты с высшим образованием ($M = 21$; $N = 4$). Результаты могут быть связаны с тем, что для получения образования выше среднего необходимо обладать меньшей импульсивностью и более развитым самоконтролем.

Полученный профиль РДС является выраженным и обычно приводит к дезадаптации во многих сферах (общий балл по всем схемам: $M \pm \sigma = 253,26 \pm 53,56$; $Me = 248,5$). Преобладающими РДС выступают «Покинутость», «Покорность», «Поиск одобрения», «Негативизм», «Жесткие стандарты» и «Пунитивность». Основные сложности пациентов связаны с наличием убеждений о необходимости непрекословно следовать собственным стандартам; получать одобрение; сверхкритичности в отношении других; необходимости строить зависимые отношения; угождать другим, ожидать плохого, искать сочувствие от окружающих.

Повышенной частотой актуализации обладают здоровые режимы «Счастливый ребенок» ($M \pm \sigma = 4,1 \pm 0,69$; $Me = 4,1$) и «Здоровый взрослый» ($M \pm \sigma = 4,52 \pm 0,63$; $Me = 4,6$). В результате личного взаимодействия с пациентами у исследователя не сложилось подобного впечатления. Противоречие может быть обусловлено оценкой того, как обычно думают пациенты, провокационным характером утверждений («Я могу так разозлиться, что готов убить кого-нибудь»), «требуемым» поведением в закрытых учреждениях, запуском психологической защиты отрицания. Вынесенные в гипотезу режимы получили значения: «Яростный ребенок» ($M \pm \sigma = 1,81 \pm 0,77$; $Me = 1,65$), «Импульсивный ребенок» ($M \pm \sigma = 2,59 \pm 0,73$; $Me = 2,35$), «Агрессор» ($M \pm \sigma = 2,51 \pm 0,71$; $Me = 2,5$). Такие пациенты не склонны к эксплозивному переживанию гнева и ярости, агрессивным

и разрушительным действиям. Это расходится с информацией о совершении ими ООД без подготовки. Однако пациенты могут быть склонны к импульсивным действиям без учета долгосрочных последствий, к целенаправленному и продуманному причинению вреда другим.

Выявлена умеренная положительная взаимосвязь схемы «Недоверие» ($p \leq 0,05$) и слабая — «Недостаточность самоконтроля» ($p \leq 0,05$) с уровнем общественной опасности. Статистически значимых связей со схемами «Привилегированность» и «Подавление эмоций» и со всеми дисфункциональными режимами не обнаружено.

Заключение. Проведенное исследование позволило сделать несколько выводов. Во-первых, невменяемые лица характеризуются общей степенью общественной опасности в зависимости от уровня образования. Разница может объясняться сложностями с трудоустройством и возможной маргинализацией. Во-вторых, пациенты характеризуются недоверчивостью и импульсивностью. В-третьих, связи с дисфункциональными режимами функционирования схем не были обнаружены, что может быть связано с ограничениями исследования. В-четвертых, полученные результаты подтверждают возможность применения опросника «YSQ-S3R» при психологическом обследовании невменяемых лиц в рамках экспертизы общественной опасности.

Таким образом, дальнейший поиск психологических критериев оценки общественной опасности невменяемых лиц будет способствовать развитию методов экспертной оценки в рамках психологического обследования.

Библиографические ссылки

1. Шадров В. В. Современные подходы к оценке риска проявления насилия у психически больных // Современные концепции реабилитации в психоневрологии: отрицание отрицания : материалы Всерос. конгресса с международ. участием. 2016. С. 192–195.

2. Булыгина В. Г. Измерение рисков насилия в судебной психиатрии // Псих.-пед. исследования. 2011. Т. 3, № 1. С. 1–12.

3. Янг Дж., Клоско Дж., Вайсхаар М. Схема-терапия : практ. руководство / пер. с англ. СПб. : ООО «Диалектика», 2020. 446 с.

4. The role of aggression-related early maladaptive schemas and schema modes in aggression in a prisoner sample / A.L. Dunne et al. // *Aggressive behavior*. 2018. Vol. 44. № 3. P. 246–256.

5. Assessing schema modes using self-and observer-rated instruments: associations with aggression / D. Lewis et al. // *Journal of interpersonal violence*. 2021. Vol. 36, № 17–18. P. NP9908–NP9929.

Э.Э. Сыманюк

А.А. Печеркина

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

ИССЛЕДОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ ПРЕОДОЛЕВАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У ПЕДАГОГОВ В ПОЗДНЕЙ ЗРЕЛОСТИ

Представлено исследование стратегий преодолевающего поведения, нацеленных на устранение дисгармонии личности и развитие конструктивного профессионального взаимодействия у педагогов в период поздней зрелости. При проведении исследования использовалась методика изучения стратегий преодоления стрессовых ситуаций (SACS) С. Хобфолла (русскоязычная версия Н. Водопьяновой, Е. Старченковой). Экспериментальную базу исследования составила группа педагогов г. Екатеринбурга (354 человека) в возрасте от 50 до 68 лет.

Ключевые слова: преодолевающее поведение педагог поздняя зрелость стратегии преодолевающего поведения.

Elvira E. Symaniuk

Anna A. Pecherkina

*Ural Federal University
named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia*

THE STUDY OF STRATEGIES OF OVERCOMING BEHAVIOR AMONG TEACHERS IN LATE ADULTHOOD

The article presents a study of overcoming behavior strategies aimed at eliminating personality disharmony and developing constructive professional interaction among teachers during late adulthood. The study used the methodology of studying strategies for overcoming stressful situations (sacs) by S. Hobfall (russian version by N. Vodopyanova, E. Starchenkova).

The experimental base of the study was made up of a group of teachers from Yekaterinburg (354 people) aged 50 to 68 years.

Keywords: overcoming behavior teacher late maturity strategies for overcoming behavior.

Введение. Интенсивные изменения, происходящие в современном обществе, неизбежно затрагивают абсолютно все сферы жизнедеятельности человека. Ежедневно на каждого из нас оказывается воздействие со стороны множества различных факторов, в том числе и тех, которые создают дискомфорт, дестабилизируют и травмируют личность. Это способствует увеличению количества стрессовых ситуаций, сокращению сроков адаптации к ним, что, в свою очередь, значительно затрудняет возможность быстрого и безболезненного приспособления личности к меняющимся социальным условиям с целью сохранения психологического равновесия.

Особенно остро, на наш взгляд, данная проблема касается людей в возрасте поздней зрелости. Быстро и постоянно меняющаяся социальная и экономическая обстановка в мире, ежедневно обрушивающиеся огромные потоки негативной информации из СМИ, внезапно появляющиеся разнообразные жизненные обстоятельства, требующие принятия быстрого и часто единственно верного рационального решения, становятся причинами обострения у возрастных людей чувства тревожности и беспокойства, проявления эмоциональных реакций, повышения конфликтности. В образовательных организациях также высоки темпы изменений: внедрение цифровых технологий, повышение требований к качеству образования, возрастание негативного взаимодействия с учениками и родителями. Сложнее всего работать в этих новых условиях педагогам в возрасте поздней зрелости, так как наличие профессионального статуса, опыта работы, обуславливает трудности в адаптации к меняющейся профессиональной среде.

В связи с этим особое значение приобретает проблема изучения стратегий преодолевающего поведения, нацеленных на устранение дисгармонии личности и развитие конструктивного профессионального взаимодействия.

Преодоление или совладание можно рассматривать как стабилизирующий фактор, благодаря которому человек поддерживает психосоциальную адаптацию в течение тяжелых периодов жизни. Копинг-реакция активизируется, когда сложность задачи превышает энергетическую мощь привычных реакций организма. Психологическое предназначение преодолевающего поведения, по мнению Р. Лазаруса, состоит в том, чтобы способствовать наиболее успешной адаптации личности к требованиям и условиям возникшей ситуации [1].

Копинг-поведение — это постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие усилия индивида с целью управления специфическими внешними и (или) внутренними требованиями, которые оцениваются им как комплекс осознанных адаптивных действий (когнитивных, аффективных, поведенческих), помогающих справиться с внутренним напряжением и дискомфортом способами, адекватными личностным особенностям и ситуации через осознанные стратегии действий [2]. Копинг-стратегии представляют собой актуальные ответы личности на воспринимаемую угрозу как способы управления стрессором, действующие на перспективу, в первую очередь в направлении восстановления нарушенных отношений между окружением и личностью и связанные с реалистическим восприятием и способностью к объективному отношению личности к самой себе.

Американский психолог, специалист в области психологии личности и эмоций, психологического стресса и адаптации Р. Лазарус предложил первую дихотическую классификацию копинг-стратегий, определяющих проблемно-фокусированный и эмоционально-ориентированный копинг как динамичный процесс, изменяющийся с развитием ситуации и в разных по содержанию ситуационных контекстах [3].

Один из ведущих мировых исследователей стрессовой проблематики, профессор С. Хобфолл рассматривал копинг-стратегии как специфические поведенческие конкретизации процессов произвольного контроля над действием. В рамках его теории «Распределения ресурсов» он разработал классификацию копинг-стратегий, предложив многоосевую модель «поведения преодоления», имею-

щую три пересекающиеся координатные оси коммуникативного пространства: просоциальная — асоциальная, активная — пассивная и прямая — непрямая, которые характеризуются моделями преодолевающего поведения личности в ситуациях проблемного общения в системе «человек — человек» [4].

Цель исследования — изучение стратегий преодолевающего поведения у педагогов в возрасте поздней зрелости.

Материалы и методы. При проведении исследования использовалась методика изучения стратегий преодоления стрессовых ситуаций (SACS) С. Хобфолла (русскоязычная версия Н. Водопьяновой, Е. Старченковой). Экспериментальную базу исследования составила группа педагогов Екатеринбурга в возрасте от 50 до 68 лет. Общее количество респондентов — 354, в том числе (12 мужчин и 342 женщины).

Результаты. Наиболее часто используемыми моделями преодолевающего поведения среди педагогов в возрасте поздней зрелости являются стратегии «поиск социальной поддержки» (доля испытуемых с высокой степенью напряженности данного копинга — 41 %; среднегрупповой показатель напряженности копинг-стратегии — 76,10 %), «импульсивные действия» (доля испытуемых с высокой напряженностью данного копинга — 46 % испытуемых, среднегрупповой показатель напряженности копинг-стратегии — 63,37 %) и «избегание» (доля испытуемых с высокой степенью напряженности данного копинга — 40 %; среднегрупповой показатель напряженности копинг-стратегии — 58,13 %).

Чуть реже педагоги в возрасте поздней зрелости прибегают к таким копинг-стратегиям, как «осторожные действия» (доля испытуемых со средней степенью напряженности копинг-стратегии — 65 %; среднегрупповой показатель напряженности копинг-стратегии — 70,37 %), «непрямые (манипулятивные) действия» (доля испытуемых со средней степенью напряженности копинг-стратегии — 51 %; среднегрупповой показатель напряженности копинг-стратегии — 65,57 %), «вступление в социальный контакт» (доля испытуемых со средней степенью напряженности копинг-стратегии — 45 %; среднегрупповой показатель напряженности копинг-стратегии — 74,47 %) и «ассертивные действия» (доля испытуемых со средней

степенью напряженности копинг-стратегии — 40 %; среднерупповой показатель напряженности копинг-стратегии — 61,42 %).

Наименее используемыми стратегиями преодолевающего поведения являются «асоциальные действия» (доля испытуемых с низкой степенью напряженности копинг-стратегии — 40 %; среднерупповой показатель напряженности копинг-стратегии — 53,41 %) и «агрессивные действия» (доля испытуемых с низкой степенью напряженности копинг-стратегии — 40 %; среднерупповой показатель напряженности копинг-стратегии — 51,79 %).

Заключение. Таким образом, педагоги в поздней зрелости обладают достаточно широким репертуаром когнитивно-поведенческих моделей, направленных на разрешение критических ситуаций и способствующих адаптации личности в окружающем пространстве, что во многом обусловлено особенностями педагогической деятельности. Преодолевающее поведение в этом возрасте отличается умеренной конструктивностью, адаптационным потенциалом и достаточно «здоровым» характером поведенческих реакций. Большинство педагогов в поздней зрелости используют как проблемно- так и эмоционально-ориентированные копинг-стратегии, в большей степени имеющие просоциальную, пассивную и прямую направленность действий. Чаще всего они склонны 1) прибегать к взаимодействию с окружающими людьми для привлечения внешних (социальных) ресурсов, поиска информационной, эмоциональной и действенной поддержки; 2) действовать не раздумывая, по первому побуждению, под влиянием внешних обстоятельств или эмоций; 3) откладывать решение возникшей проблемы, избегая решительных действий, ввиду их большой напряженности и ответственности за последствия, и отдаляясь от ситуации за счет реагирования по типу уклонения: отрицания проблемы, фантазирования, неоправданных ожиданий, отвлечения и т. п.

Преобладание пассивного преодоления над активным, на наш взгляд, может быть обусловлено особенностями развития самого периода поздней зрелости, т. к. на данном возрастном этапе социальное окружение, наличие близких и друзей становится особенно важным и значимым фактором конструктивного преодоления профессиональных и социальных проблем.

Библиографические ссылки

1. *Lazarus R. S., Folkman S.* Transactional theory and research on emotions and coping // *European journal of personality*. 1987. Vol. 1. P. 141–169.
2. *Симатова О. Б.* Теория копинг-поведения как основа первичной психолого-педагогической профилактики аддиктивного поведения подростков // *Вестн. ЧитГУ*. 2011. Вып. 6 (57). С. 93–98.
3. *Lazarus R. S.* Psychological stress and the coping process. N. Y. : McGraw-Hill Book, 1966. 466 p.
4. *Hobfoll S.* Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress // *American Psychologist*. 1988. Vol. 44. P. 513–524.

Ю. А. Сыченко

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ КАК ЛИЧНОСТНЫЙ ПРЕДИКТОР СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ*

В психологии существует две основные модели благополучия: субъективное и психологическое благополучие. Ряд авторов (К. Рифф, К. Кейз, Д. А. Леонтьев, К. Шелдон) рассматривают психологическое благополучие в качестве личного предиктора субъективного благополучия как общей оценки человеком всех аспектов своей жизни. Результаты эмпирического исследования на студенческой выборке показали, что самопринятие, открытость новому, личностный рост и позитивные отношения как составляющие психологического благополучия являются предикторами субъективного благополучия, но сами по себе они объясняют менее половины дисперсии изучаемого признака, что приводит к выводу о необходимости рассмотреть более широкий перечень потенциальных личностных предикторов благополучия.

Ключевые слова: субъективное благополучие, психологическое благополучие, предикторы благополучия, личностные предикторы.

Julia A. Sychenko

*Ural Federal University named
after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia*

PSYCHOLOGICAL WELL-BEING AS A PERSONAL PREDICTOR OF SUBJECTIVE WELL-BEING

There are two main models of well-being in psychology: subjective and psychological well-being. A number of authors (C. Ryff, C. Keyes, D. A. Leontiev, K. Sheldon) consider psychological well-being as a personal

* При поддержке Программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

predictor of subjective well-being. The results of an empirical study of students showed that components of psychological well-being (Self-acceptance, Openness to new things, Personal growth and Positive relation with others) are predictors of subjective well-being, but they explain less than half of the variance of subjective well-being. It is concluded that it is necessary to consider a broader list of potential personal predictors of well-being.

Keywords: Subjective Well-Being, Psychological Well-Being, Predictors of Well-Being, Personal Predictors.

Введение. В психологической традиции изучается два основных вида благополучия: субъективное и психологическое. Понятие субъективного благополучия (subjective well-being) было предложено в 1970-е гг. как операционализированный аналог расплывчатого понятия счастья. Под субъективным благополучием понимается суммарная, глобальная оценка человеком всех аспектов жизни с точки зрения того, насколько его жизнь в целом близка к максимально желательному состоянию. Эд Динер и его коллеги рассматривали субъективное благополучие как высокую удовлетворенность жизнью в сочетании с высоким уровнем позитивного аффекта и низким уровнем негативного аффекта [1]. Психологическое благополучие относится к числу понятий экзистенциально-гуманистической психологии и характеризует область переживаний и состояний, свойственных здоровой личности. Для измерения психологического благополучия К. Рифф и ее коллеги предложили многомерную структуру, включающую позитивные отношения, автономию, управление окружением, личностный рост, цель в жизни и самопринятие [2]. По сути, психологическое благополучие является личностным предиктором субъективного благополучия [2–4]. Однако достаточно ли одних параметров психологического благополучия для предсказания субъективного благополучия личности? Цель нашего исследования — определить вклад составляющих психологического благополучия в субъективное благополучие личности.

Материалы и методы. Исследование проводилось на выборке студентов вузов Свердловской области (98 человек), из них 71 % — женского пола, 29 % — мужского пола. Возраст — от 18 до 44 лет, причем медианное значение возраста — 21 год, небольшое количе-

ство респондентов в возрасте старше 25 лет объясняется участием в исследовании студентов магистратуры. Для оценки субъективного благополучия использовалась «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера (русскоязычная версия шкалы в переводе Д. А. Леонтьева), параметры психологического благополучия измерялись методикой «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (русскоязычная версия методики в адаптации Т. Д. Шевеленковой и Т. П. Фесенко, включающая наряду с шестью основными шкалами «позитивные отношения», «автономия», «управление окружением», «личностный рост», «цель в жизни» и «самопринятие», три дополнительных показателя психологического благополучия («баланс аффекта», «осмысленность жизни», «человек как открытая система»), выделенных путем факторного анализа). Проверка характера распределения с использованием критерия Колмогорова — Смирнова показала, что распределение по всем шкалам является нормальным. Далее был проведен множественный регрессионный анализ пошаговым методом, зависимой переменной выступало субъективное благополучие, независимыми — показатели психологического благополучия, измеряемые методикой К. Рифф. Была подобрана наилучшая регрессионная модель, описывающая предикторы субъективного благополучия.

Результаты. Основные параметры полученной регрессионной модели: $R = 0,609$; $R^2 = 0,371$; $F = 13,728$ ($p < 0,001$). Достоверными предикторами субъективного благополучия оказались составляющие психологического благополучия (в порядке убывания вклада): самопринятие ($\beta = 0,669$, $p < 0,001$), человек как открытая система ($\beta = 0,574$, $p < 0,001$), личностный рост ($\beta = -0,439$, $p = 0,001$), позитивные отношения ($\beta = -0,238$, $p = 0,054$). Исключенные переменные: автономия, управление окружением, цель в жизни, осмысленность жизни, баланс аффекта. Коэффициент множественной детерминации (R^2) показывает, что регрессионная модель объясняет только 37 % дисперсии зависимой переменной «субъективное благополучие». Это означает, что в анализ не были включены иные переменные, которые могут выступать в качестве предикторов как внутриличностные, так и внешние по отношению к личности факторы, определяющие ее субъективное благополучие.

Заключение. Исследование, проведенное на студенческой выборке, показало, что ряд составляющих психологического благополучия действительно являются предикторами субъективного благополучия (для студентов это такие компоненты психологического благополучия по К. Рифф, как самопринятие, личностный рост, позитивные отношения). Вместе с тем результаты свидетельствуют, что составляющие психологического благополучия не исчерпывают всех предикторов субъективного благополучия, необходимо рассмотреть в качестве потенциальных предикторов другие личностные характеристики, а также внешние объективные факторы (показатели качества жизни), что может повысить качество предсказательной модели.

Библиографические ссылки

1. *Diener E.* Subjective well-being // *Psychological Bulletin.* 1984. № 95. P. 542–575.
2. *Ryff C. D., Keyes C. L. M.* The Structure of Psychological Well-Being Revisited // *Journal of Personality and Social Psychology.* 1995. Vol. 69, № 4. P. 719–727. [https://doi.org/ 10.1037/0022-3514.69.4.719](https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.4.719)
3. *Леонтьев Д. А.* Подход через позитивные черты личности : от психологического благополучия к добродетелям и силам характера // *Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева.* М. : Смысл, 2011. С. 76–91.
4. *Sheldon K.* Putting Eudaimonia in its Place: On the Predictor, Not the Outcome, Side of the Equation // ed. J. Vittersø. *Handbook of Eudaimonic Well-Being.* Cham : Springer, 2016.

А. А. Табидзе

Научный центр «Психопедагогика»

Минобрнауки РФ

Москва, Россия

ЕДИНАЯ ТЕОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ И ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЗРЕЛОСТЬ ПСИХОЛОГА

Анализируется вклад в психику сознательных и бессознательных процессов. Установлен приоритет автономных бессознательных (эмоциональных) процессов над сознательными (когнитивными, рациональными). Исследуются образные одно, двух, трех- и четырехчастные модели психики, используемые в создании различных психологических теорий личности. Установлена двойственность бессознательного, отражающая существующие в природе как энтропийные, так и не-энтропийные процессы, и соответственно, как силы зла, так и силы добра. Показана исключительная роль психологии и психотерапии, способных уменьшать в психике человека силы зла и активизировать силы добра.

Ключевые слова: теория психологии личности, образная модель психики, бессознательное, эмоциональная сфера, инстинкт сохранения вида.

Alexandr A. Tabidze

Research Center "Psychopedagogics"

of the Ministry of Education and Science

of the Russian Federation

Moscow, Russia

UNIFIED THEORY OF PERSONALITY PSYCHOLOGY AND EMOTIONAL MATURITY OF A PSYCHOLOGIST

The contribution of conscious and unconscious processes to the psyche is analyzed. The priority of autonomous unconscious (emotional) processes over conscious (rational) ones is established. Figurative one, two, three and four-particular models of the psyche used in the creation of various

psychological theories of personality are investigated. The duality of the unconscious is established, including both entropic and non-entropic processes, both the forces of evil and the forces of good. The exceptional role of psychology and psychotherapy, capable of activating the forces of good in the human psyche, is shown.

Keywords: theory of personality psychology, figurative model of the psyche, the unconscious, emotional sphere, the instinct to preserve the species.

Введение. Уже более 100 лет остаются актуальными слова академика И. П. Павлова: «В сущности, нас интересует в жизни только одно: наше психическое содержание» (Нобелевская речь, 1904). В настоящей работе в качестве содержания психики и предмета психологии предлагается новая образная четырехчастная модель, соответствующая современной четырехчастной био-, психо-, социодуховной парадигме психотерапии.

Материалы и методы. Рассматривается образная модель психики, которая представляет собой экипаж, состоящий из кареты (тело), кучер (сознание, интеллект), ребенок-кентавр (первое бессознательное, индивидуальные эмоции) и Дух, Хозяин, Вид, сидящий в карете (второе бессознательное, видовые эмоции) [1; 2]. Приведен научный физический эксперимент показывающий, что интеллектуальная деятельность психики отстает от эмоциональной на 0,2–0,3 секунды [3]. Это свидетельствует о главенстве и приоритете эмоциональной сферы над интеллектуальной в психике человека, о приоритете бессознательной сферы над сознанием.

Результаты. В отличие от образной модели Зигмунда Фрейда (всадник на лошади) с одним бессознательным (лошадь), авторская модель содержит два бессознательных — эгоцентрическое и духовное. Эгоцентрическая часть является, как и у З. Фрейда, исполнителем инстинкта самосохранения индивида; духовная, видовая — инстинкта сохранения вида. Вводится новый психодиагностический численный показатель — степень эмоциональной зрелости [4]. Подчеркивается важность достижения человеком положительной степени эмоциональной зрелости, при которой он становится носителем, кроме инстинкта самосохранения, также и носителем инстинкта сохранения вида. Именно эта положительная степень,

и это условие (наличие инстинкта сохранения вида) является основой снижения агрессивных качеств человека [5] и примером зрелой личности психолога. Показано, что для незрелых индивидуумов с отрицательной степенью эмоциональной зрелости, инстинкт сохранения вида заблокирован эндокринной системой и тогда эта модель переходит в эгоцентрическую модель З. Фрейда.

Заключение. Поэтому авторская модель предлагается в качестве универсальной и единой, и степень эмоциональной зрелости является здесь критерием и триггером перехода модели З. Фрейда в авторскую, и наоборот. Отсюда вытекает стратегическая цель психологии и психотерапии — это достижение эмоциональной зрелости человеческой популяции.

Библиографические ссылки

1. Табидзе А. А. Образная четырехчастная модель психики, содержащая два бессознательных // Псих. газета. СПб., 7 декабря 2017. <https://psy.su/feed/6500/>
2. Табидзе А. А. Новая парадигма психологии личности, или кто в доме хозяин? // Антология российской психотерапии и психологии : материалы Итог. Международ. науч.-практ. конгресса (Москва, 30 октября — 3 ноября 2019). Вып. 8. <https://oppl.ru/up/files/vypuski-antologii/antologiya19-v8.pdf>.
3. Трайндл А. Нейромаркетинг. Визуализация эмоций. М., 2018. 114 с.
4. Табидзе А. А. Тест Кеттелла и его новая интерпретация с позиции клинической психологии // Медицинская психология в России : сетевой журнал. 2015. № 5. http://mprj.ru/archiv_global/2015_6_35/nomer10.php
5. Табидзе А. А. психофизиологические и психологические детерминанты агрессивности и эмоциональной зрелости личности как основа национальной безопасности // Антология российской психотерапии и психологии : материалы Первого межконтинент. экстерриториального конгресса «Планета психотерапии». Вып. № 10, июнь. 2022. С. 130–135. <https://oppl.ru/up/files/vypuski-antologii/antologiya-v10-06.2022.pdf>

Т. А. Татаринова

В. И. Доминяк

Е. А. Родионова

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ВОВЛЕЧЕННОСТИ В ОРГАНИЗАЦИЮ

Предлагается взгляд на вовлеченность в организацию как вовлеченность сотрудника в процессы, протекающие в организации. Описывается путь разработки методики «Вовлеченность в организацию», а также результаты ее проверки на валидность и надежность на выборке из 84 человек.

Ключевые слова: вовлеченность персонала, увлеченность работой, вовлеченность в организацию, организационная лояльность, возможность реализации мотивов.

Tatyana A. Tatarinova

Vladislav I. Dominiak

Helen A. Rodionova

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

THE PROCESS APPROACH TO EMPLOYEE ENGAGEMENT IN AN ORGANIZATION

It is proposed the view on engagement in an organization as engagement in the processes taking place in an organization. The authors describe Engagement in an organization Questionnaire development and results of validation and reliability control. The sample is consists of 84 employees.

Keywords: employee engagement, work engagement, engagement in an organization, organizational commitment, possibilities for realization of motives.

Введение. Несмотря на популярность и востребованность понятия «вовлеченность в организацию», остается открытым вопрос о его концептуальном психологическом содержании [напр., 1]. Определения вовлеченности в организацию в большинстве своем очень близки к определениям лояльности или приверженности вплоть до отсутствия различий между ними. Также в них зачастую не уделяется внимание психологической сущности феномена. Опираясь на теорию социально-психологической установки и ее трехкомпонентной структуры [напр., 2], понятие психического состояния [3], а также разделяя фокус вовлеченности на деятельность и организацию, мы не обнаружили концепций, обосновывающих состояние вовлеченности в организацию. Это послужило основанием для формирования собственного взгляда на состояние вовлеченности в организацию, который мы и предлагаем к рассмотрению. Анализируя содержательную сторону вовлеченности, можно выделить концепции, описывающие вовлеченность как состояние, фокусирующееся на процессе (деятельности, работы) и концепции, опирающиеся на понятие социальной установки к объекту (организации). Попытка ответа на вопрос, возможно ли переживание состояния вовлеченности в объект, привела нас к пониманию вовлеченности в организацию как вовлеченности сотрудника в различные процессы в организации (функциональные, создающие, взаимодействия, организационные, стратегические).

Материалы и методы. В качестве базовой модели вовлеченности в процесс мы рассматриваем модель В. Шауфели и А. Беккера [4]. Для разработки методики мы взяли за основу «Утрехтскую шкалу увлеченности работой» (UWES) В. Шауфели и А. Беккера [4]. На основе данных предыдущих исследований была проведена оценка внутренней согласованности и выделены по три вопроса, которые при сокращении субшкал сохраняли наиболее высокий уровень альфа Кронбаха, для каждого из компонентов вовлеченности. Далее эти вопросы были переформулированы таким образом, чтобы они были ориентированы на выполнение работы, соответствующей каждой группе процессов в организации и были связаны с компонентами вовлеченности (энергичность, поглощенность, энтузиазм). К оценке формулировок были привлечены эксперты — специалисты

в области организационной психологии и управления персоналом, благодаря которым вопросы были скорректированы. Таким образом, методика состоит из 15 вопросов, которые могут быть скомбинированы в различные конфигурации субшкал, позволяя оценить как вовлеченность в организацию в целом, так и вовлеченность в каждую группу процессов, а также вовлеченность в организацию по компонентам. Помимо данного инструмента, в исследовании мы использовали опросник оценки вовлеченности The Gallup Workplace Audit (GWA) в интерпретации Е. И. Кудрявцевой [5], поскольку эта модель единственная доступная для проверки конструктивной валидности благодаря работе Е. И. Кудрявцевой; методику «Возможность реализации мотивов» В. И. Доминьяка и Е. А. Родионовой [6; 7], поскольку согласно предыдущим исследованиям известно, что возможность реализации мотивов позволяет прогнозировать вовлеченность как в работу, согласно модели В. Шауфели и А. Беккера, так и в организацию, согласно модели GWA; опросник организационной лояльности Л. Портера (OCQ) в адаптации В. И. Доминьяка [6], поскольку предполагается связь между вовлеченностью и лояльностью. Таким образом, мы проверяем согласованность разработанного инструмента и сравниваем предложенную нами модель с двумя установочными моделями (GWA и Organizational Commitment) и мотивационной основой, прогнозирующей частично как отношение, так и состояние. В исследовании приняли участие 84 человека, из них 56 женщин и 28 мужчин. Их возраст распределился в промежутке от 18 до 67 лет. Выборка формировалась как случайная независимая, без соотнесения с конкретными организациями.

Для оценки вовлеченности в организацию в целом оценка согласованности проводилась методом частей теста и путем расчета коэффициента альфа Кронбаха.

Результаты. Методом частей теста (standardized alpha = 0,9), альфа Кронбаха (Cronbach alpha = 0,93). Таким образом можно говорить о согласованности шкалы в целом. Помимо этого, мы оценили согласованность каждой из субшкал — компонентов вовлеченности — и получили значения, которые также находятся в приемлемых пределах. Также в результате корреляционного ана-

лиза была обнаружена статистически значимая положительная связь процессуальной вовлеченности в организацию с вовлеченностью по данным методики GWA, с организационной лояльностью, с возможностью реализации мотивов ($p \leq 0,01$). Мы получили модель, согласно которой вовлеченность в организацию определяется увлеченностью сотрудников работой в каждой из групп организационных процессов. Также мы получили свидетельства в пользу валидности этой модели и методики оценки вовлеченности в организацию. Использование методики в практической деятельности позволит оценить, насколько сотрудник вовлечен в работу организации и какие процессы привлекают его в большей степени. С помощью представленной методики можно оценить как общую вовлеченность сотрудников в организацию, так и уровень вовлеченности в каждую группу организационных процессов. Это дает представление о том, что сотруднику ближе, какая деятельность, какие процессы в организации.

Заключение. Это первый шаг валидации модели и методики. Необходима дальнейшая проверка надежности и валидности на различных выборках большего объема. Остается актуальным вопрос о связи вовлеченности в различные процессы с показателями результативности работника и эффективности организации в целом. Также остаются открытыми вопросы о предикторах, коррелятах и последствиях вовлеченности в разные группы процессов. Эти вопросы могут служить основанием для дальнейших исследований с использованием представленного подхода к вовлеченности в организацию.

Библиографические ссылки

1. *Guest D.* Employee engagement: a sceptical analysis // Journal of Organizational Effectiveness: People and Performance, 2014. P. 141–156.
2. *Fabrigar L. R., MacDonald T. K., Wegener D. T.* The Structure of Attitudes // The handbook of attitudes / eds. D. Albarracín, B. T. Johnson, M. P. Zanna. Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2005. P. 79–125.
3. *Левитов Н.Д.* О психических состояниях человека. М. : Просвещение, 1964. 344 с.

4. *Schaufeli W., Bakker A.* UWES: Utrecht Work Engagement Scale: preliminary manual [version 1.1, December 2004]. Utrecht: Occupational Health Psychology Unit, Utrecht University, 2004. 60 p.

5. *Кудрявцева Е. И.* Оценка и развитие управленческого потенциала персонала организации: методология, теория практика. М., 2015.

6. *Доминяк В. И.* Организационная лояльность: модель реализации ожиданий работника от своей организации : дис. ... канд. псих. наук. СПб. 2006.

7. *Родионова Е. А.* Психология стимулирования персонала. Харьков : Гум. центр, 2013. 228 с.

З. Р. Тахирова
А. В. Казанцева
Р. Ф. Еникеева
Ю. Д. Давыдова
А. М. Тазетдинов
Р. Р. Валиев
С. Б. Малых

Э. К. Хуснутдинова

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина*

Екатеринбург, Россия

Башкирский государственный университет;

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН,

Институт биохимии и генетики УФИЦ РАН

Уфа, Россия

Психологический институт Российской академии образования

Москва, Россия

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА*

Данная публикация представляет собой краткий обзор понятия пространственного мышления человека. Пространственные способности рассматриваются как многомерный комплекс когнитивных черт, играющий важную роль в жизни индивида. Отмечается критичность вовлеченных в развитие пространственного интеллекта различных внутренних и внешних факторов, а также актуальность исследований, проводимых в этой области когнитивной геномики.

Ключевые слова: психогенетика, пространственный интеллект, генетический фактор, мышление.

* Работа выполнена при поддержке государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (FZWU-2020-0027), Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (контракт № 1 от 28.12.2021).

Zalina R. Takhirova
Anastasya V. Kazantseva
Renata F. Enikeeva
Yuliya D. Davydova
Andrey M. Tazetdinov
Ruslan R. Valiev
Sergey B. Malykh
Elza K. Khusnutdinova

Ural Federal University

Ekaterinburg, Russia

Bashkir State University;

Institute of Biochemistry and Genetics

of Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences

Ufa, Russia

Psychological Institute, Russian Academy of Education

Moscow, Russia

GENETIC BASES OF THE DEVELOPMENT OF SPATIAL INTELLIGENCE

This publication is a brief overview of the concept of human spatial thinking. Spatial abilities are considered as a multidimensional set of cognitive traits that play an important role in the life of an individual. The criticality of various internal and external factors involved in the development of spatial intelligence, as well as the relevance of research conducted in this area of cognitive genomics, is noted.

Keywords: psychogenetics, spatial intelligence, genetic factor, thinking.

Введение. На сегодняшний день под пространственным мышлением принято понимать сложный комплекс когнитивных черт, необходимых человеку для распознавания, преобразования и сохранения информации об окружающем его мире. Пространственные способности (ПС) являются неотъемлемым критическим прогностическим фактором в построении модели трансформации взаимодействия между объектами ввиду различных изменений и влияния прочих факторов.

Впервые о критической роли ПС в жизни человека, а именно в отражении его успешности в различных сферах жизнедеятельности, заговорили еще в 50-х годах XX столетия. В публикации «Научные карьеры», представленной Super и Bachrach, было описано небольшое исследование пространственных характеристик в корреляции с личностными качествами ученых и инженеров с возможными путями развития научно-технического потенциала индивида [1]. В последующем Lohman дал более широкое определение пространственным навыкам человека, описывая их как «...комплексное явление генерации, сохранения, извлечения и преобразования хорошо структурированных визуальных образов» [2].

Сам по себе пространственный интеллект как специфический вид умственной деятельности, в контексте профессиональной успешности индивида, лежит в основе решения практических и теоретических задач, решаемых обучающимися. Кроме того, в мировой литературе подчеркивается критическая роль развития пространственного мышления как предиктора академической успешности индивидуумов в передовых научных областях, объединенных в группу STEM (Science, Technology, Engineering, Mathematics) [3; 4].

Материалы и методы. Теоретический обзор.

Результаты. Рассматривая генетические аспекты развития пространственных способностей с помощью различных диагностических/экспериментальных методик, большинство исследователей пришли к выводу, что пространственный интеллект умеренно наследуемая черта (30–50 %) [5]. Наряду с этим отдельные научные исследования показывают, что генетические факторы объясняют до 69 % индивидуальных различий в ПС [6]. Эти же наследственные детерминанты частично совпадают с генетическими факторами, участвующими в формировании индивидуальных различий в общем интеллекте [6].

Опубликованные на данный момент результаты различных GWAS (Genome-wide association studies) отмечают вклад в развитие и оптимальное функционирование интеллектуальных, в том числе и пространственных способностей таких генетических факторов, как BDNF, CNTN1, FNBP1L, HMGN1, CENPO, NPAS3, DRD3, SLC6A3, задействованных в регуляции неврологических функций,

обеспечении правильного протекания механизмов нейрогенеза, оптимальной передачи нейротрансмиттеров [7; 8]. Так, например, ген BDNF кодирующий белок — нейротрофин — вовлечен в контроль клеточного цикла в нейронах, нейрональную пластичность, которая имеет решающее значение в процессах обучения, генерации механизмов памяти и пространственной навигации. Вариация уровня экспрессии белка BDNF в нервных клетках сказывается на поведенческих реакциях лиц разного возраста с клиническими нарушениями психики [9]. А генетический фактор SLC6A3, отвечающий за кодирование белка — транспортера дофамина (DAT1) — активно изучается в механизмах пространственного обучения индивидов, выявления последовательных зависимостей между событиями, «социальной интуиции» [10].

Анализ по детекции других участников, вовлеченных в онтогенез нервной системы человека, позволил выявить ряд дополнительных наследственных факторов, таких как CADM2; SLC4A10; IFT122; DPP4; AKAP6; APOE/TOMM40, SIRT1, KIBRA, продукты которых участвуют в развитии интеллекта [11; 12]. Интересно отметить, что большинство из вышеперечисленных генетических факторов, рассматриваются как потенциальные детерминанты развития ПС, в частности в механизмах визуализации объектов, анализ взаимосвязи между ними, системного сохранения образов и т. д.

Заключение. Таким образом, учитывая все вышесказанное следует заключить, что само понятие комплекса пространственного мышления необходимо рассматривать, имея в арсенале как багаж знаний по когнитивной психологии, психодиагностике, так и учитывая психофизиологические, нейрогенетические аспекты их развития.

Библиографические ссылки

1. *Supe D. E., Bachrach P. B.* Scientific careers and vocational development theory. New York : Bureau of Publications, Teachers College, Columbia University, 1957.
2. *Lohman D. F.* Spatial ability // Encyclopedia of intelligence / ed. R. J. Sternberg. New York : Macmillan, 1994. Vol. 2. P. 1000–1007.
3. *Лобанов А. П., Радчикова Н. П., Семенова Е. М.* Сценарии взаимосвязи академических достижений и интеллектуально-когнитивного развития

студентов // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2013. Т. 2. Вып. 4. С. 366–373.

4. *Myint S. K.* Visual-spatial ability in STEM education. Transforming research into practice. Springer, 2017. 263 p.

5. Behavioral Genetics / V. S. Knopik, J. M. Neiderhiser, J. C. DeFries et al. // 7th Ed Worth Publishers; New York, 2017.

6. Phenotypic and genetic evidence for a unifactorial structure of spatial abilities / K. Rimfeld, N. G. Shakeshaft et al. // Proc Natl Acad Sci USA. 2017. Mar. № 7;114(10). P. 2777–2782. DOI: 10.1073/pnas.1607883114.

7. Dopamine transporter genotype predicts implicit sequence learning / J. R. Simon, M. Stollstorff et al. // Behav Brain Res. 2011. Jan № 1;216(1). P. 452–457. DOI: 10.1016/j.bbr.2010.08.043. Epub 2010 Sep 8.

8. Genetic contributions to variation in general cognitive function: A meta-analysis of genome-wide association studies in the CHARGE consortium (N = 53 949) / G. Davies, N. Armstrong et al. // Molecular Psychiatry. 2015. № 20. P. 183–192. <https://doi.org/10.1038/mp.2014.188>.

9. The brain-derived neurotrophic factor Val66Met polymorphism is associated with reduced functional magnetic resonance imaging activity in the hippocampus and increased use of caudate nucleus-dependent strategies in a human virtual navigation task / H. Banner, V. Bhat et al. // Eur J Neurosci. 2011. Mar. № 33(5). P. 968–977. DOI: 10.1111/j.1460–9568.2010.07550.x. Epub 2011 Jan 24.

10. *Lieberman M. D.* Intuition: a social cognitive neuroscience approach // Psychol Bull. 2000. № 126. P. 109–137.

11. Study of 300,486 individuals identifies 148 independent genetic loci influencing general cognitive function / G. Davies, M. Lam et al. // Nature Communications. 2018. № 9. P. 2098. <https://doi.org/10.1038/s41467-018-04362-x>.

12. The role of the KIBRA and APOE genes in developing spatial abilities in humans / A. V. Kazantseva, R. F. Enikeeva et al. // Vavilovskii Zhurnal Genet Seleksii. 2021 Dec. № 25(8). P. 839–846. DOI: 10.18699/VJ21.097.

З. Р. Тахирова
А. В. Казанцева
А. М. Тазетдинов
С. Б. Малых
Э. К. Хуснутдинова

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

*Башкирский государственный университет;
Уфимский федеральный исследовательский центр РАН,
Институт биохимии и генетики УФИЦ РАН
Уфа, Россия*

*Психологический институт Российской академии образования
Москва, Россия*

ГЕНОМИКА И ЛИНГВИСТИКА: ВОВЛЕЧЕННОСТЬ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ФАКТОРОВ В РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ИНДИВИДА*

Развитие и становление речи, языковых способностей индивида представляется на сегодняшний день одним из весьма интереснейших вопросов в психогенетике. Применение междисциплинарного подхода позволяет более широко взглянуть на языковые способности человека. Описание участия не только экзогенных факторов среды в их развитии, но и влияние некоей доли наследственных детерминант как в норме, так и в патологии, позволяет сформировать более комплексное представление о лингвистических способностях и связанных с ними когнитивных процессах, протекающих в организме человека. В данном кратком сообщении подчеркнута важная роль генетики в становлении языка и речи, указан ряд возможных генов-кандидатов, задействованных в активации сложных когнитив-

* Работа выполнена при поддержке государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (FZWU-2020-0027), Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (контракт № 1 от 28.12.2021).

ных механизмов, сопряженных с лингвистическими навыками и их возможной деформацией.

Ключевые слова: ген, психолингвистика, язык, наследственность, развитие, формирование.

Zalina R. Takhirova
Anastasya V. Kazantseva

Andrey M. Tazetdinov

Sergey B. Malykh

Elza K. Khusnutdinova

Ural Federal University

Ekaterinburg, Russia

Bashkir State University;

Institute of Biochemistry and Genetics

of Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences,

Ufa, Russia

Psychological Institute, Russian Academy of Education

Moscow, Russia

GENOMICS AND LINGUISTICS: INVOLVEMENT OF HEREDITARY FACTORS IN THE DEVELOPMENT OF INDIVIDUAL LANGUAGE ABILITIES

The development and formation of speech, language abilities of an individual is today one of the most interesting issues in psychogenetics. The use of an interdisciplinary approach allows you to take a broader look at the language abilities of a person. Description of the participation of not only exogenous environmental factors in their development, but also the influence of a certain proportion of hereditary determinants, both in normal and pathological conditions, allows us to form a more comprehensive idea of linguistic abilities and related cognitive processes occurring in the human body. This brief abstract emphasizes the important role of genetics in the formation of language and speech, and identifies a number of possible candidate genes involved in the activation of complex cognitive mechanisms associated with linguistic skills and their possible deformation.

Keywords: gene, psycholinguistics, language, heredity, development, formation.

Введение. Чтение и языковые способности имеют решающее значение для каждого человека на планете. Лингвистические способности являются одними из ключевых факторов становления мышления человека, его успешной коммуникации, устранения социальных барьеров, совершенствования самой личности с профессиональной точки зрения и улучшения качества ее жизни в целом. Вариабельность данных признаков, как было установлено, в значительной степени зависит от участия наследственных факторов в их развитии.

Материалы и методы. Теоретический обзор.

Результаты. Первоначально большинство исследований было традиционно сосредоточено на детях с нарушениями развития языковых навыков, дабы выявить отклонения в механизмах становления речи, лингвистических способностей на ранних стадиях. В частности, на сегодняшний день известно несколько достаточно информативных мета-анализов по исследованию взаимосвязи кумулятивного эффекта генетических факторов: SMIP, GCFC2, KIAA0319L, DYX2, DRD2, ассоциированных с развитием дислексии и становлением языковых/коммуникативных черт у индивидов младших возрастов [1].

Однако с течением времени в значительной степени повысилось качество ведения эксперимента, улучшился выбор оптимальных психолингвистических методик, что позволило взглянуть на вопрос развития речи несколько по-другому. В настоящее время аспекты психолингвистики с позиции когнитивной геномики изучаются на весьма различных когортах, варьирующих не только по полу и возрасту, но и с учетом профессиональной направленности, носительства определенного языкового диалекта, «состояния когнитивного здоровья» и т. д. Так, например, в недавней статье Klusek et al., была показана существенная корреляция у женщин среднего возраста между носительством рискованного аллеля гена FMR1 и возникновением повышенной уязвимости к целому ряду возрастных симптомов и расстройств, включая возрастное снижение когнитивных навыков, связанных в том числе и с речью, а именно с так называемой «синтаксической сложностью» [2]. Примечательно, что структурные изменения генетического фактора FMR1 ассоциированы с возникновением синдрома ломкой X-ассоциированной тремор/

атаксии, а также с развитием одной из форм наследственной формой умственной отсталости у детей (синдром ломкой X-хромосомы) [3].

В настоящее время исследователей занимает вопрос становления и развития лингвистических способностей индивида не только с позиции каких-либо патофизиологических/патогенетических аспектов, где можно наблюдать резкие корреляции с признаком, но и в норме с учетом влияния различных факторов (географических, исторических, этнических, психологических и т. д.). Все больше уделяется внимание эволюции языка и сопутствующих этому изменений когнитивных черт человека с течением жизни. На данный момент известно несколько публикаций, описывающих вовлеченность в развитие тональности языка таких генетических факторов, как ASPM и Microcephalin (MCPH1), продукты которых участвуют в росте и развитии головного мозга [4]. Ранее уже выдвигалось предположение о том, что межъязыковое распределение языкового тона частично коррелирует с распределением частот определенных генетических вариантов генов ASPM и Microcephalin [5; 6]. Также в отдельных работах указывается важность потенциального биомаркера, ассоциированного с развитием дислексии — гена DCDC2, вовлеченного в механизмы формирования и восприятие речи, с становлением языковых черт индивида, фонологической обработки слова на уровне слуховой коры головного мозга в рамках классических лингвистических теорий [7].

Заключение. Исходя из всего вышеописанного можно заключить, что изучение когнитивных процессов, связанных с развитием лингвистических способностей индивида представляется на сегодняшний день весьма актуальным и многогранным вопросом, подразумевающим применение междисциплинарных подходов и методик, поскольку язык, речевые навыки, фонетическая обработка, восприятие и понимание звуков является неотъемлемым атрибутом в жизни каждого человека, способствуя эффективному взаимодействию его с окружающим миром.

Библиографические ссылки

1. *Eicher J.D., Gruen J.R.* Language impairment and dyslexia genes influence language skills in children with autism spectrum disorders // *Autism Res.* 2015. Apr. № 8(2). P. 229–234. DOI: 10.1002/aur.1436. Epub 2014 Dec 1.
2. Family history of FXTAS is associated with age-related cognitive-linguistic decline among mothers with the FMR1 premutation / *J. Klus-ek, A. Fairchild et al.* // *J Neurodev Disord.* 2022. Jan 14. № 14(1). P. 7. DOI: 10.1186/s11689-022-09415-3.
3. *Lubs H. A., Stevenson R. E., Schwartz C. E.* Fragile X and X-linked intellectual disability: four decades of discovery // *The American Journal of Human Genetics.* 2012. № 90(4). P. 579–590.
4. *Dediu D.* Tone and genes: New cross-linguistic data and methods support the weak negative effect of the “derived” allele of ASPM on tone, but not of Microcephalin // *PLoS One.* 2021. Jun 30. № 16(6). P. e0253546. DOI: 10.1371/journal.pone.0253546. eCollection 2021.
5. *Ladd D. R., Dediu D., Kinsella A. R.* Languages and Genes: Reflections on Biolinguistics and the Nature-Nurture Question // *Biolinguistics.* 2008. № 2(1). P. 114–126.
6. *Dediu D.* Are languages really independent from genes? If not, what would a genetic bias affecting language diversity look like? // *Hum Biol.* 2011. № 83(2). P. 279–296. DOI: 10.3378/027.083.0208.
7. *DCDC2 READ1* regulatory element: how temporal processing differences may shape language / *K. Tang, M. M. C. DeMille et al.* // *Proc Biol Sci.* 2020. Jun 10. № 287(1928). P. 20192712. DOI: 10.1098/rspb.2019.2712. Epub 2020 Jun 3.

**И. В. Тихонова
Т. Н. Адеева**

*Костромской государственный университет
Кострома, Россия*

РОДИТЕЛЬСКИЙ СТРЕСС В КОНТЕКСТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РЕАЛЬНОМ И ИДЕАЛЬНОМ РОДИТЕЛЕ*

Тезисы посвящены проблеме родительского стресса, отражают результаты исследования представлений о идеальном и реальном родителе и их взаимосвязей с уровнем и показателями родительского стресса. Выявлены достоверные различия между представлением о себе как родителе и идеальным образом по эмоциональному и поведенческому показателям. Родительский стресс имеет взаимосвязи с идеальными представлениями о проявлениях и регуляции эмоций, о поведенческих реакциях в родительской роли.

Ключевые слова: родительство, родительский стресс, самовосприятие родительской успешности, представления о родительстве.

**Inna V. Tikhonova
Tatiana N. Adeeva**

*Kostroma State University
Kostroma, Russia*

PARENTAL STRESS IN THE CONTEXT REPRESENTATIONS OF ABOUT A REAL AND IDEAL PARENT

Abstracts are devoted to the problem of parental stress, the results of the study of representations about the ideal and real parent. How are they related to the level and indicators of parental stress? Significant differences were revealed between the representations of oneself as a parent and the ideal image in terms of emotional and behavioral indicators. Parental

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 22-28-00678.

stress is interconnected with ideal representations about the manifestations and regulation of emotions, about behavioral reactions in the parental role.

Keywords: parenthood, parental stress, self-perception of parental success, representations about parenthood.

Введение. Долгое время в психологических исследованиях делался акцент на оценке «внешней» стороны эффективности родительства, его влиянии на развитие детей. В настоящий момент активность исследователей в данном проблемном поле нацелена на изучение самовосприятия родителей. По справедливому замечанию Е. В. Куфтяк, «...мысли и чувства родителей были признаны важными показателями изучения семейных отношений» [1]. Активно изучается самовосприятие, самосознание и субъективная картина материнства (Васягина Н. Н.; Куликов Л. В., Малёнова А. Ю., Потапова Ю. В; Захарова Е. И., Торчинова Ю. А.); исследуется удовлетворенность родительской ролью как эмоционально-оценочное отношение родителей к воспитательной функции (Куфтяк Е. В., Guidubaldi J., Cleminshaw), предпринимаются попытки выделения факторов удовлетворенности материнством (Захарова Е. И., Калачева Н. Ю.). Актуальным и достаточно новым в отечественной психологии направлением является изучение родительского стресса [2]. Исследователи рассматривают родительский стресс как реакцию на неудовлетворенность реализации родительской роли [3]. Выделяются факторы данного вида стресса: характеристики ребенка, личностные особенности, социально-демографические характеристики родителя, социально-психологические [4], а также физиологические факторы [5]. Доказано влияние чувства самоэффективности на уровень родительского стресса [6], некоторые исследования показали, что матери могут проявлять негативные аффективные реакции на давление со стороны быть идеальной матерью, такие как повышенный стресс или чувство вины [7]. Наш проект направлен на поиск субъективных факторов и механизмов формирования дезадаптивного родительского стресса. Целью настоящего исследования стало изучение взаимосвязи уровня родительского стресса с представлениями о идеальном и реальном родителе.

Материалы и методы. Были использованы русскоязычный вариант опросника «Parental Stress Scale» (J. D. Berry, W. H. Jones, 1995, перевод Мисиюк, 2021, адаптация Мисиюк, Тихонова, 2022); методика «Представления об идеальном родителе» (вариант семантического дифференциала); методы математической статистики (коэффициент корреляции r -Спирмена; W -критерий Вилкоксона). Исследовательская выборка состояла из 56 родителей (11 отцов и 45 матерей), имеющих одного и более ребенка с нормотипичным развитием; средний возраст — 38,8 лет ($\min = 25$; $\max = 56$).

Результаты. Было выявлено, что общий уровень родительского стресса имеет умеренные значения ($M = 43,70$; $\min = 27$; $\max = 67$), родители указывают на среднюю степень выраженности переживаний от требований родительской роли (социальных, материальных и психологических) и потери контроля над собственной жизнью. Они испытывают удовольствие от родительства, но демонстрируют невысокий уровень удовлетворенности собою. Достоверные различия были получены между оценкой эмоциональных и поведенческих компонентов реального и идеального образа родителя. Идеальный образ родителя отличает эмоциональная позитивность, эмоциональный контроль и ориентация на эмоциональное долженствование (должен интересоваться детьми, быть спокойным, гордиться). Идеальное родительское поведение проявляется в большей активности в воспитании и обучении, готовности слушать и помогать, общаться в партнерском стиле. Респонденты утверждают, что идеальный родитель будет меньше опекать, «нахваливать» и «баловать». Результаты корреляционного анализа позволили установить взаимосвязи компонентов идеального и реального образа родителя с выраженностью родительского стресса. Оказалось, что больше всего значимых корреляций со стрессом имеют представления об эмоциональных проявлениях идеального родительства. Интересно то, что уровень родительского стресса будет тем выше, чем больше будет в идеальном образе «негативных» эмоциональных проявлений (например, жестокость, холодность, обижающий на детей и пр.). Но уровень родительского стресса и родительское удовлетворение также положительно достоверно взаимосвязан и с представлениями о себе как о реальном родителе, а именно с эмоциональным компонентом,

осознанием недостижимости регуляции эмоциональных проявлений (кричащий, не всегда довольный, обижающийся).

Заключение. Таким образом, выявляется достоверный разрыв между реальным представлением о себе как родителе и идеальным образом по эмоциональному и поведенческому показателям. Родительский стресс больше всего взаимосвязей имеет с идеальными представлениями о проявлениях и регуляции эмоций, о поведенческих проявлениях родительской роли. Полученные данные являются основанием для дальнейшего изучения.

Библиографические ссылки

1. *Куфтяк Е. В.* Оценка самовосприятия родителей: вопросы исследования и психодиагностики // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 1(13). С. 209–212.

2. *Кудинова А. Е., Бурина Е. А.* Феномен родительского стресса: обзор теоретических исследований // Актуальные проблемы развития личности в современном обществе : материалы Международ. науч.-практ. конф. / под ред. Д. Я. Грибановой. 2020. С. 220–225.

3. *Deater-Deckard K.* Parenting Stress and Child Adjustment: Some Old Hypotheses and New Questions // *Clinical Psychology: Science and Practice*. 1998. № 5. P. 314–332. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2850.1998.tb00152.x>

4. *Савеньшиева С. С., Заплетина О. О.* Родительский стресс матерей детей раннего и дошкольного возраста: роль социально-демографических факторов // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7, № 6. С. 53.

5. *McQuillan M. E., Bates J. E.* Parental Stress and Child Temperament // *Parental Stress and Early Child Development*. 2017. P. 75–106. DOI: 10.1007/978-3-319-55376-4_4

6. *Bloomfield L., Kendall S.* Parenting self-efficacy, parenting stress and child behaviour before and after a parenting programme // *Primary Health Care Research & Development*. 2012. № 13(4). P. 364–372.

7. *Meeussen L., Van Laar C.* Feeling Pressure to Be a Perfect Mother Relates to Parental Burnout and Career Ambitions // *Frontiers in psychology*. 2018. № 9. P. 2113. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.02113>

Ю. А. Токарева

А. Г. Токарев

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина*

Екатеринбург, Россия;

*Сургутский государственный
педагогический университет*

Сургут, Россия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Детерминация психологических компонентов проектной деятельности является важным шагом на пути к формированию высокого уровня подготовки участников к ведению инновационной деятельности. Изучаемые нами психологические детерминанты проектной деятельности позволяют системно воздействовать на совершенствование ведения проектной деятельности. Процесс совершенствования образовательной практики с различных углов ее деятельности является приоритетной задачей, учитывая современные вызовы действительности.

Ключевые слова: психологическая готовность, проектная деятельность, инновации, личностные особенности.

Y. A. Tokareva

A. G. Tokarev

*Ural Federal University named
after the First President of Russia B. N. Yeltsin;*

Surgut State Pedagogical University

Yekaterinburg, Russia

Surgut, Russia

PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF STUDENTS' PROJECT ACTIVITY

Determination of psychological components of project activity is an important step towards the formation of a high level of preparation of participants for conducting innovative activities. The psychological determi-

nants of project activity that we study allow us to systematically influence the improvement of project activities. The process of improving educational practice from various angles of its activity is a priority, given the current challenges of reality.

Keywords: psychological readiness, project activity, innovations, personal characteristics.

Введение. Актуальность исследования проектной деятельности обусловлена тем, что среди проблем обеспечения качества обучения большинство студентов отмечают неопределенность в содержательной, смысловой и технологической составляющих.

Проектная деятельность понимается нами как определенный набор действий, направленных на достижение тематической цели, результат которой не известен, но само участие в осуществлении данной деятельности приводит развитию личности как субъекта деятельности [1].

Сложность формирования психологической готовности заключается в субъекте формирования, а именно в имеющихся у него ресурсах и использовании им представляющихся возможностей [2]. Так, обучающийся как субъект проектировочной деятельности (с точки зрения современных ФГОС) должен быть готов к тому, чтобы активно участвовать в инновационной деятельности, позитивно воспринимать нововведения, сам уметь их создавать и внедрять [3].

Материалы и методы. В исследовании принимало участие 150 человек: 50 педагогов, 50 обучающихся старших классов и 50 студентов и магистрантов педагогического университета, принимающих участие в инновационной деятельности. Для педагогов в качестве инновационной деятельности рассматривалось участие в инновационных образовательных проектах школы, города, области, а также научно-исследовательские разработки и использование инновационных методик в работе. Инновационная деятельность обучающихся подразумевала участие в школьных и студенческих конкурсах проектов и научно-исследовательских продуктов.

В качестве диагностического инструментария использовались методики «Мотивация к успеху» (Т. Элерса), методика исследования ригидности (Г. Айзенк), опросник потребности в достиже-

нии (Ю. М. Орлова), опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В. И. Моросановой).

Результаты. Результаты изучения потребности в достижении (опросник потребности в достижении Ю. М. Орлова), полученные ходе исследования потребности в достижении у лиц, принимающих и не принимающих свидетельствуют о том, что среди лиц, занимающихся инновационной деятельностью, редко встречается высокий уровень потребности в достижении, при этом стремление достичь желаемых результатов в большей степени свойственен школьникам (13 %), чем студентам (8 %) и преподавателям (9 %). Поскольку одним из ключевых условий эффективности деятельности является мотивация, следующим этапом исследования было изучение и сравнение мотивации к успеху у обеих выборок.

Данные результатов изучения мотивации к успеху (Т. Элерса) показывают, что в большей степени мотивированными на успех оказываются студенты: имеют слишком высокий уровень мотивации (39 %). Для большинства преподавателей в обеих выборках характерен умеренно высокий уровень мотивация к успеху, а школьники демонстрируют преимущественно средний уровень. При этом среди лиц, занимающихся инновационной деятельностью, практически не обнаружен низкий уровень мотивации к успеху (8 % у студентов, 0 % у преподавателей и школьников).

Результаты изучения особенностей стиля саморегуляции (В. И. Моросановой) поведения показали наличие различий между двумя исследуемыми выборками.

Самый высокий уровень планирования, моделирования и общий уровень саморегуляции выявлен у преподавателей (64, 55 и 64 % соответственно), в то время как программирование, оценивание и гибкость — у школьников, занимающихся инновационной деятельностью.

Планирование позволяет при постановке и удержании цели быть более успешным в инновационной деятельности, поскольку она требует умения самостоятельно, детально, реалистично ставить цель и двигаться к ее выполнению, преодолевая массу препятствий.

Более высокими у лиц, занимающихся инновационной деятельностью, оказались и показатели по шкале моделирования. Это может

быть связано с тем, что данное качество позволяет ориентироваться в системе значимых условий деятельности, менять программу действий в связи с изменением ситуации.

Отмечен также высокий уровень программирования у лиц, занимающихся инновационной деятельностью, что может быть обусловлено необходимостью продумывать свои действия для достижения поставленных целей, при необходимости производить их коррекцию.

Таким образом, более развитая саморегуляция произвольной активности позволяет обучающимся и преподавателям самостоятельно, гибко и адекватно реагировать на изменение условий инновационной деятельности. При высокой мотивации достижения они способны формировать такой стиль саморегуляции поведения, который позволит компенсировать влияние личностных и психологических особенностей, препятствующих достижению поставленной цели.

Следующим этапом нашего исследования было изучение ригидности испытуемых (Г. Айзенк), поскольку для участия в инновационной деятельности требуется особая доля пластичности и мобильности, в то время как ригидность может стать препятствием для достижения поставленных целей.

Данные показывают, что наибольшие черты ригидности проявляют преподаватели, не занимающиеся инновационной деятельностью (56 %). При этом среди лиц, участвующих в инновационной деятельности, ригидность как качество отсутствует, что, вероятно, и является одним из факторов, делающих инновационную деятельность привлекательной для них. Наибольшую мобильность демонстрируют студенты, занимающиеся инновационной деятельностью (69 %). Среди студентов, не участвующих в инновационной деятельности, мобильность не выявлена вообще.

Заключение. По результатам исследования мы можем заключить то, что у лиц, занимающихся проектной деятельностью, существуют типологические личностные особенности, обусловленные теми условиями и требованиями к личности и поведению человека, которые выдвигает деятельность, называемая инновационной. В целом к таким особенностям можно отнести высокий уровень

саморегуляции, мобильность, потребность в достижении успеха и достаточный уровень мотивации к достижению цели.

Библиографические ссылки

1. *Катышевская Т. А.* Сущность проектной деятельности // Скиф. 2020. С. 265–269.
2. *Жукова В. Ф.* Психолого-педагогический анализ категории «Психологическая готовность» // Изв. ТПУ. 2012. С. 117–121.
3. *Бадаева Н. Н., Косых О. И.* Год науки и технологий как способ вовлечения молодежи в инновационную среду (на примере Московского авиационного института) // Казан. соц.-гум. вестн. 2022. С. 12–15.

**П. К. Тромбчиньски
Е. М. Верховская**

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

ВЛИЯНИЕ МУЖСКИХ РОЛЕВЫХ МОДЕЛЕЙ (ОТЦА/ОПЕКУНА) НА УРОВЕНЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ВЗРОСЛЫХ МУЖЧИН

Работа представляет собой презентацию одних из первых результатов нового исследовательского проекта, посвященного изучению отношений между отцами и сыновьями. Это первая часть скрининга более масштабного исследования. На данном этапе авторы презентуют результаты предварительного изучения влияния мужских ролевых моделей (отца/опекуна) на уровень психологического благополучия взрослых мужчин, а точнее взаимосвязи наиболее ярко выраженных моделей отношений отца к сыну с выраженностью невротических проявлений (НП) у взрослых мужчин.

Ключевые слова: мужские ролевые модели, психологическое благополучие мужчин, невротические нарушения, стили отцовского поведения, отношения отцов и сыновей.

**Piotr K. Trabczynski
Evgeniia M. Verkhovskaia**
*St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia*

THE INFLUENCE OF MALE ROLE MODELS (FATHER/GUARDIAN) ON THE LEVEL OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF ADULT MEN

This paper is a presentation of some of the first results of a new research project dedicated to the study of the relationship between fathers and sons. This is the first screening part of a larger study. At this stage, the authors present the results of a preliminary study of the influence of male role models (father/guardian) on the level of psychological well-being of adult men, or

rather, the relationship of the most pronounced models of father-son relations with the severity of neurotic manifestations in adult men.

Keywords: male role models, psychological well-being of men, neurotic disorders, fathering styles, father-son relationships.

Введение. Последнее десятилетие сопряжено с волной значительных социокультурных изменений, касающихся трансформации роли мужчины в обществе в целом и в семье в частности. Если еще в начале 2000-х гг. редко можно было увидеть молодого мужчину, гуляющего в парке с коляской или мужчину, находящегося в декретном отпуске, то сегодня такие ситуации становятся нормой. Это намекает на то, что меняется восприятие роли мужчины и, соответственно, встают вопросы о том, что повлияло на такие изменения и как и насколько современные мужчины готовы к ним?

Научных исследований, посвященных изучению отношений отцов и сыновей, не так много, особенно в отечественной психологии; большинство работ носит социологический характер или посвящено отношениям матерей и детей, и, как правило, отец выступает как фоновая фигура.

Теоретические разработки в отношении отцовства, роли отца в основном лежат в русле психоанализа, в истории развития которого можно наблюдать смену взглядов на фигуру отца: от практически полного игнорирования до концепции «Третьести» [1]. Исходя из психоаналитических постулатов, качество отношений ребенка с отцом в детстве (а тем более его отсутствие) имеет влияние на взрослую жизнь выросшего ребенка.

Материалы и методы. Настоящее исследование — это часть скрининга, посвященного изучению влияния мужских ролевых моделей (отца/опекуна) (ЗМФ) на уровень психологического благополучия взрослых мужчин, а точнее взаимосвязи наиболее ярко выраженных моделей отношений отца к сыну с выраженностью НП у взрослых мужчин.

Для скрининга нами использовалась социодемографическая анкета, полуструктурированное интервью, включающее некоторые элементы опросника «Подростки о родителях» Л. И. Вассермана, И. А. Горьковой и Е. Е. Ромицыной [2].

Результаты. На данном этапе в исследовании приняли участие 61 мужчина в возрасте 20–50 лет. 37 мужчин (60,66 %), состоящих в браке, имеющих высшее образование, трудоустроенных, выросших в полных семьях, ярко демонстрирует 2 стиля поведения отцов по отношению к сыновьям: «позитивный интерес» (14 респондентов — 22,95 % (группа 1)) и «амбивалентный» (23 респондента — 37,7 % (группа 2)).

«Позитивный интерес» рассматривается как отсутствие грубой силы и стремления к нераздельной власти в общении отца/опекуна с сыном. Отец/опекун хочет достигнуть расположения сына, признания отцовского авторитета, не прибегая к декларативным высказываниям, психологическому давлению, не требуя беспрекословного подчинения, без применения физической силы. Принятие сына отцом/опекуном основано прежде всего на доверии. В споре находят истину, прислушиваясь к различным аргументам друг друга. При этом сын не старается подстроиться под отца/опекуна [2].

«Амбивалентный» стиль сочетает «позитивный интерес» (см. выше) и «враждебность», в котором отец/опекун рассматривается как строгий или требовательный, всегда соглашается с общепринятым мнением, стремится соответствовать общепринятым требованиям, предъявляемым в отношении «хороших» отцов/опекунов. При таком поведении отец, пытается вымуштровать своего сына как идеального ребенка, стремится дать сыну более широкое образование, развивать способности, что зачастую приводит к непосильной нагрузке на юношеский организм. Такой отец по отношению к сыну суров и педантичен; подросток постоянно находится в состоянии тревожного ожидания низкой оценки от него и наказания отвержением [2].

У респондентов первой группы наблюдался хороший тесный контакт с обоими родителем, и у большинства респондентов этой группы отец занимал место ЗМФ на протяжении всей жизни. Респонденты второй группы отмечали скорее низкий уровень позитивного интереса в отношениях с отцом как ЗМФ.

Анализ патопсихологического и психосоматического диатеза позволяет говорить о том, что в обеих группах респонденты

не проявляли в детском и подростковом возрасте никаких ярко выраженных нарушений. Их поведение, психологическое и физическое здоровье можно охарактеризовать как не выходящее за границы нормы.

На момент обследования 29,73 % респондентов ни разу не обращалось за психологической помощью; 8,11 % обращались к психологу и обсуждали вопросы, связанные с отношениями с отцом; 5,41 % мужчин обсуждает вопросы, связанные с отношениями с отцом, только с близкими и друзьями.

Мужчинам, принявшим участие в исследовании, был задан вопрос: «Какие общие характеристики отношений со значимой мужской фигурой (например, отец и/или опекун) вы считаете самими важными?» Большая часть (29,73 %) ответила, что больше всего ценили совместную деятельность и/или проведенное вместе время, в то время как 18,92 % испытуемых отмечало внимание со стороны отца.

На основе полученных результатов можно сделать вывод, что на момент проведения исследования респонденты не декларируют ярко выраженных проблем психологического характера и описывают свое психическое здоровье скорее как удовлетворительное. Респонденты, обращавшиеся за психологической помощью (в основном это испытуемые со второй группы), не демонстрируют клинически выраженной невротической симптоматики.

Опираясь на эти данные, можем выдвинуть некоторые гипотезы:

1. Позитивный интерес отца к сыну в детстве способствует более благополучному развитию мужчин, чем при амбивалентных отношениях.

2. Существуют взаимосвязи между позитивным отношением отца к сыну и эмоциональной поддержкой ЗМФ, с одной стороны, и формированием и манифестацией НП у взрослых мужчин — с другой.

Заключение. Представленные данные и выдвинутые гипотезы требуют дальнейшего более подробного изучения и тщательной проверки на более широкой выборке. После завершения скринингового исследования планируется более масштабное и углубленное изучение этой проблемы.

Библиографические ссылки

1. Гулина М. А. Ипостаси и трансформации образа отца в психоанализе // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26, № 1. С. 129–145.

2. Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М. Семейный диагноз и семейная психотерапия : учеб. пособие для врачей и психологов. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб. : Речь, 2006. 352 с.

Л. Г. Уляева

Московский государственный университет спорта и туризма;

Ассоциация спортивных психологов;

Московское городское физкультурно-спортивное объединение

Москва, Россия

КРИЗИСЫ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОМ СПОРТЕ

В данной публикации анализируются особенности самореализации личности юных спортсменов. Представлены возрастные и личностные кризисы самореализации личности в детско-юношеском спорте с позиции авторской ресурсно-динамической концепции. Выявлены механизмы их возникновения и развития на этапах спортивной карьеры.

Ключевые слова: ресурсно-динамический подход, самореализация личности, возрастные и личностные кризисы, детско-юношеский спорт, спортивная карьера.

Lira G. Ulyeva

Moscow State University of Sports and Tourism;

Association of Sports Psychologists;

Moscow City Physical Culture and Sports Association

Moscow, Russia

CRISES OF PERSONAL SELF-REALIZATION IN YOUTH SPORTS

This publication analyzes the features of self-realization of the personality of young athletes. Age and personality crises of self-realization of personality in children's and youth sports are presented from the position of the author's resource-dynamic concept. The mechanisms of their occurrence and development at the stages of a sports career are revealed.

Keywords: resource-dynamic approach, self-realization of personality, age and personality crises, youth sports, sports career.

Введение. В качестве одного из приоритетов «Национальная доктрина образования в Российской Федерации» отмечает «...разностороннее и своевременное развитие детей и молодежи, их творческих способностей, формирование навыков самообразования, самореализацию личности» [1]. Особое внимание детско-юношескому спорту уделено в Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 № 329-ФЗ [2, ст. 34.1].

Исследователи совсем недавно повернулись лицом к решению такой проблемы, как самореализация личности в детско-юношеском спорте. Причина такого внимания связана с ранним привлечением детей к занятиям спортом и ориентацией их на высшие достижения, что в свое время было доступно лишь зрелым спортсменам [3–5].

В связи с этим обстоятельством важными компонентами в подготовке юных спортсменов является (на что указывают Г. Б. Горская (2008, 2017), С. О. Истомина (2019) и др.) установление следующего: соответствие возрастным, индивидуально-психологическим особенностям и требуемых спортивных результатов по освоению различных из сторон спортивной деятельности.

Материалы и методы. Теоретический анализ научно-методической литературы, синтез и обобщение.

Результаты. Результаты теоретического анализа исследований, посвященных различным проблемным аспектам самореализации личности спортсменов разного возраста: дошкольного (Н. Аксенов, Г. А. Безденежных, В. Ю. Вайсвалавичене, Т. В. Волосников, Т. И. Дмитриенко, О. Б. Завьялов, С. О. Истомина, Л. В. Руднев, С. О. Филиппов и др.); младшего школьного (А. Е. Ловягина, В. И. Лях, Р. А. Передельская, Г. И. Польшина, Е. И. Сердюкова, Е. Е. Хвацкая и др.); наиболее сложного подросткового (В. Э. Бушманова, А. Ю. Данькова, Д. М. Калугин, Ю. И. Стародымова и др.), позволяют сделать основной вывод о том, что с позиций ресурсно-динамического подхода самореализация личности в детско-юношеском спорте может быть представлена и как некий результат, и как продукт спортивной деятельности, в том числе и как процесс трансформации внутреннего мира юного спортсмена, происходя-

щей в процессе занятий избранным им видом спорта и переходом с этапа на этап спортивной подготовки.

Следует осознать, что кризис самореализации личности в детско-юношеском спорте является динамическим многоуровневым явлением, разворачивающемся в определенном жизненном и временном пространстве юного спортсмена. Он подразумевает три основные фазы развития. Каждая из этих фаз обусловлена действием специфических механизмов, влияющих на направленность и характер происходящего преобразования структур личности, и его последствий. Особого внимания заслуживает первая фаза — фаза предкризисного состояния. Она обусловлена актуализацией возрастн-обусловленных потребностей растущей личности и невозможностью их быстрого, и даже сиюминутного удовлетворения. Такая фаза напрямую связана с внутренним противоречием между способом своего сущностного воплощения и его непродуктивностью, в том числе переживаниями и осознанием индивидуальных кризисов жизненного (спортивного) пути. Состояние внутреннего противоречия является пусковым механизмом процесса преобразования энергетического потока, что влечет за собой или полное блокирование механизмов нарастания кризисных состояний или же, наоборот, усиление степени их активизации.

По наблюдениям большинства исследователей, в соответствии с возрастными особенностями начинающих спортсменов, этапом их спортивной подготовки и полученными спортивными достижениями (как представлено на рис. 1), можно выделить определенные типы кризисов. Это кризис самоутверждения, совпадающий со старшим дошкольным возрастом и спортивно-оздоровительной направленностью начального этапа спортивной подготовки; кризис самовыражения, соотносящегося с новообразованиями младшего школьного возраста и кризисом семи лет; кризис самопознания в младшем подростковом возрасте на этапе спортивной специализации; кризис самоопределения в старшем подростковом возрасте как кризис идентичности на этапе совершенствования спортивного мастерства.

Старший дошкольный возраст	<p>Основные новообразования возраста</p> <ul style="list-style-type: none"> • Формируется система соподчиненных мотивов, придающая общую направленность поведению • Основной мотив волевых усилий – оценка взрослыми успехов в деятельности • Формирование своих интересов • Появляется оценка себя по сравнению с другими <p>Потребность в самоутверждении («Я сам!») как начальная форма самореализации личности в детско-юношеском спорте</p>	<p>КРИЗИС САМОУТВЕРЖДЕНИЯ</p> <p>Причины:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Отсутствие похвалы • Завышенные требования взрослых • Ориентация только на результат <p>Признаки:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Деструктивная агрессивность • Лживость как защитная реакция • Манипулятивное поведение • Чувство вины <p>Конструктивный выход: Развитие инициативности в спорте, целеустремленности, интереса</p>
Младший школьный возраст	<p>Основные новообразования возраста</p> <ul style="list-style-type: none"> • Ориентация на результат, а не процесс • Стремление внести в действие свое, созданное в воображении • Начало развития рефлексии как способности анализировать свои действия • Осознание своих изменений в процессе занятий спортом <p>Дифференциация интересов</p> <p>Потребность в самовыражении как форма самореализации личности в детско-юношеском спорте</p>	<p>КРИЗИС САМОВЫРАЖЕНИЯ</p> <p>Причины:</p> <ul style="list-style-type: none"> • «Обман ожиданий» • Противоречивость мотивации • Отсутствие самостоятельности и творчества в спорте <p>Признаки:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Враждебность • Тревожность • Перекалывание вины • Чувство вины <p>Конструктивный выход: Осознание ценности и личного смысла спортивной деятельности</p>
Младший подростковый возраст	<p>Основные новообразования возраста</p> <ul style="list-style-type: none"> • Интенсивное развитие самосознания • Склонность к рефлексии и самоанализу своей деятельности без сравнения с другим • Поиск личного смысла в осуществляемой деятельности • Стремление к изменению себя и «конструированию» себя как спортсмена • Становление социально значимых жизненных ценностей и их роли в жизни <p>Потребность в самопознании как форма самореализации личности в детско-юношеском спорте</p>	<p>КРИЗИС САМОПОЗНАНИЯ</p> <p>Причины:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Проблемы несоответствия «Я-концепции» достижениям • Чрезмерный контроль <p>Признаки:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Изменчивость настроения • Тревожность и депрессия • Неуверенность в себе • Самоотчуждение <p>Конструктивный выход: Осознание ценности своей личности как субъекта спортивной деятельности, роли спорта в самоизменении</p>
Старший подростковый возраст	<p>Основные новообразования возраста</p> <ul style="list-style-type: none"> • Духовный рост и изменение психического статуса • Личностное и профессиональное самоопределение • Склонность к риску и стремление все испытать • Формирование индивидуального стиля спортивной деятельности • Регуляция поведения на основе личностных смыслов <p>Потребность в самоопределении и самореализации личности в детско-юношеском спорте</p>	<p>КРИЗИС САМООПРЕДЕЛЕНИЯ</p> <p>Причины:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Отсутствие взаимной любви, заботы • Отсутствие поддержки • Отсутствие улучшения результатов <p>Признаки:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Появление страхов • Нарушения работы нервной системы • Максимализм <p>Конструктивный выход: Спорт как личностный смысл, планирование жизни, определение ближних и дальних целей</p>

Рис. 1. Кризисы самореализации личности в детско-юношеском спорте

Известно, что существует три типа выхода из кризиса самореализации личности в детско-юношеском спорте: конструктивный, субъектно-опосредованный и деструктивный. При первом типе происходит формирование потребности в самореализации, идет активный поиск смысла жизни и смысла дальнейших занятий спортом. Конструктивный тип выхода из кризиса самореализации проявляется за счет переосмысления юным спортсменом приоритетов жизненных ценностей, напрямую связанных со спортивной деятельностью, как основным средством достижения внешних спортивных результатов и осознания их значимости в личностном саморазвитии и самореализации, в том числе на дальнейшую перспективу.

Заключение. Самореализация личности в детско-юношеском спорте относится к нелинейному процессу, отражающему особенности каждого из этапов спортивной подготовки и этапов возрастного развития формирующейся личности юного спортсмена. Самореализация практически всегда сопровождается возрастными и личностными кризисами в детско-юношеском спорте — состояниями крайнего психического дискомфорта, обусловленными как естественными возрастными кризисами развития, так и специфическими индивидуальными кризисами жизненного пути, сопряженного со спортивной деятельностью и переходом со ступени на ступень спортивной карьеры.

Библиографические ссылки

1. Национальная доктрина образования в Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 4 октября 2000 г. № 751.
2. О физической культуре и спорте в Российской Федерации : Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 06.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2022).
3. Толочек В. А. Континуум «задатки-способности-профессионально важные качества-компетенции»: открытые вопросы // Псих. журнал. Т. 41, № 4. 2020. С. 32–45.
4. Психологическая подготовка спортсмена в ДЮСШ / Г. Г. Уляева и др. // Инновационные технологии в спорте и физическом воспитании подрастающего поколения : материалы науч.-практ. конф. с международ. участием. М., 2013. С. 294–297.

5. Ресурсы успешной самореализации личности в спорте / Л. Г. Уляева и др. // Олимпийский спорт и спорт для всех : материалы XXVI Международ. науч. конгресса : сб. / под общ. ред. Р. Т. Бурганова. Казань, 2021. С. 454–456.

Г. Г. Уляева
Б. Б. Раднагуруев
Л. Г. Уляева

*Московский государственный технический университет
Гражданской авиации;*

Ассоциация спортивных психологов;

Московский государственный университет спорта и туризма;

*Российский государственный университет физической культуры,
спорта, молодежи и туризма;*

*Московское городское физкультурно-спортивное объединение
Москва, Россия*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЧЕРЕЗ ЗАНЯТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ, СПОРТОМ И ДВИЖЕНИЕМ ВФСК ГТО

В настоящее время возникла необходимость обеспечения психологического благополучия студенческой молодежи через занятия физической культурой и спортом (ФКиС) и движение Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ВФСК ГТО). Это может происходить путем организации кабинетов психологической поддержки при образовательной организации, работа специалистов-психологов которых может быть направлена на вовлечение студентов-первокурсников в спортивную деятельность института/университета, их психологическую поддержку на всех этапах спортивного становления и мотивацию здорового образа жизни в целом.

Ключевые слова: психологическое благополучие, студенческая молодежь, занятия физической культурой, спорт, движение ВФСК ГТО.

Gulnaz G. Ulyaeva
Bulat B. Radnaguruev
Lira G. Ulyaeva

Moscow State Technical University of Civil Aviation;
Moscow State University of Sports and Tourism;
Association of Sports Psychologists;
Russian State University of Physical Culture, Sports, Youth and Tourism;
Moscow City Physical Culture and Sports Association
Moscow, Russia

ENSURING THE PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF STUDENT YOUTH THROUGH PHYSICAL EDUCATION, SPORTS AND THE MOVEMENT OF THE VFSK GTO

Currently, there is a need to ensure the psychological well-being of students through physical education and sports (FKiS) and the movement of the All-Russian Physical Culture and Sports Complex «Ready for Work and Defense» (VFSK GTO). This can happen by organizing psychological support rooms at an educational organization, the work of psychologists whose specialists can be aimed at involving first-year students in the sports activities of the institute / university, their psychological support at all stages of sports formation and motivation of a healthy lifestyle in general.

Keywords: psychological well-being, student youth, physical education, sports, movement of the VFSK GTO.

Введение. На современном этапе в России все более популярным среди молодежи становится физкультурно-спортивная деятельность, в том числе участие в движении Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ВФСК ГТО).

Методы исследования: анализ источников информации и обобщение.

Результаты. Начало обучения молодого человека в вузе является особым периодом воздействия на его психику. Новый студенческий коллектив, учебные нагрузки, освоение сложных дисциплин, участие в общественной жизни, повышенные требования к успеваемости и дисциплине и другое зачастую приводят

к психологическому дискомфорту и состоянию напряженности. Спортивная деятельность вуза является мотиватором здорового образа жизни, двигательной активности, саморазвития и самореализации, вектором физического и психического здоровья, формированием целостного образа Я. Участие студенческой молодежи в ВФСК ГТО также дает новый импульс в потребности испытать свои силы, в реализации мотивации успеха, самоуважения, признания других [1]. Однако многие первокурсники длительное время не видят возможность самореализации через физическую культуру и спорт, уровень их стрессоустойчивости как компонент адаптивности личности находится на уровне ниже требуемого [2]. Роль психологической поддержки в самореализации личности достаточно высока. Согласованная психологическая поддержка студентов-первокурсников повышает интерес к физической культуре и спорту в целом, мотивирует на включение в процесс двигательной активности, побуждает ставить перед собой значимые цели и добиваться их [3–5].

Заключение. Вышеизложенное подтверждает необходимость обеспечения психологического благополучия студенческой молодежи через вовлечение в сферу ФКиС, одним из компонентов которой является движение ВФСК ГТО. На реализацию психологического благополучия должно быть нацелено создание кабинетов психологической поддержки в образовательных организациях, обеспечение их высокопрофессиональными кадрами, способными не только мотивировать студенческую молодежь на участие в физкультурно-спортивной жизни, но и вести их на протяжении всего студенческого периода. НКО «Ассоциация спортивных психологов» способна оказать действенную помощь в этом направлении. Осознание ответственными лицами существующей проблемы, обеспечение вузов кабинетами психологической поддержки, повысит коэффициент вовлечения студентов-первокурсников в физкультурно-спортивную деятельность, что, в свою очередь, будет способствовать реализации задач, поставленных государством до 2030 года, одной из которых является воспитание физически и психически здоровой личности.

Библиографические ссылки

1. Организация и проведение фестиваля ГТО для студентов в условиях центра тестирования ГТО Москомспорта / Л. Г. Рыжкова и др. // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2020. № 1. С. 14–16.
2. Стрессоустойчивость как компонент адаптивности личности в экстремальных условиях спортивной деятельности / Г. Г. Уляева и др. // Экстремальная деятельность человека. 2014. № 1(30). С. 70–73.
3. Роль психологической поддержки в самореализации личности спортсмена / Л. Г. Уляева и др. // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2014. № 6. С. 14–16.
4. Организация занятий по физическому воспитанию студенческой молодежи с ограниченными возможностями здоровья / Ю. И. Дудкина и др. // Современные тенденции, проблемы и пути развития физической культуры, спорта, туризма и гостеприимства : XV Всерос. юбилейн. науч.-практ. конф. с международ. участием, посвящ. 55-летию образования МГУСиТ (25 ноября 2021 г.). М. : МГУСиТ, 2021. С. 299–305.
5. Отношение и мотивация современных школьников к занятиям физической культуры / Б. Б. Раднагуруев и др. // Инновации и традиции в современном физкультурном образовании : материалы межвуз. конф. с международ. участием. М. : МПГУ, 2019. С. 184–190.

ПСИХОЛОГИЯ ИННОВАЦИЙ КАК ПРОБЛЕМА ТВОРЧЕСТВА

Приводится обоснование гипотезы о соотношении уровней развития деятельности с видами инноваций на основании выделенных линий анализа: «уровни развития деятельности — ступени познания — виды инноваций». Установлено соответствие: модифицирующие и комбинированные инновации — стимульно-продуктивный уровень деятельности; радикальные инновации — эвристический уровень деятельности. Проведенное сопоставление представляет собой попытку рассмотрения феномена инноваций с позиции психологии творчества, что позволяет применить к анализу инноваций критерии оценки творческого продукта.

Ключевые слова: инновации, инновационное поведение, инновационная деятельность, развитие деятельности по своей инициативе, радикальные инновации, комбинированные инновации, модифицирующие инновации.

Elena P. Fedorova

*Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russia*

THE PSYCHOLOGY OF INNOVATION AS A PROBLEM OF CREATIVITY

The substantiation of the hypothesis of correlating the levels of development of activity with the types of innovations is given on the basis of the selected lines of analysis: “levels of development of activity — stages of cognition — types of innovations”. Correspondence has been established: modifying and combined innovations — incentive-productive level of activity; radical innovations — heuristic level of activity. The comparison made is an attempt to consider the phenomenon of innovation from the standpoint

of the psychology of creativity, which makes it possible to apply criteria for evaluating a creative product to the analysis of innovation.

Keywords: innovations, innovative behavior, innovative activity, development of activities on one's own initiative, radical innovations, combined innovations, modifying innovations.

Введение. Психология инноваций — относительно недавно сложившаяся область исследований в психологии, получила свое развитие в первое десятилетие двадцатого столетия [1; 2]. В. Е. Ключко, Э. В. Галажинский, авторы концепции инновационного поведения, в 2009 году отмечали: «Если психология не раскроет природу и механизмы инновационного поведения, если она не покажет, как, почему и зачем возникает и формируется инновационное поведение в конкретных жизненных ситуациях, то инновации в образовании просто “провиснут”. Ведь эти инновации направлены на подготовку “инновационной личности”, человека с “инновационным сознанием”, “инновационным интеллектом”, “инновационной культурой” и т. д.» [1, с. 3]. Инновационное поведение в основе своей является поведением инициативным, сверхадаптивным, творческим. Оно сопряжено со способностью человека «выходить за пределы», преодолевать устоявшиеся стереотипы поведения, перестраивать свой жизненный опыт. Актуальность психологического исследования феномена инноваций сопряжена с выявлением психологических механизмов, на основе которых оно возникает [1, с. 3]. Требует своего дальнейшего исследования проблема взаимосвязи: «интеллект — творческие возможности человека — инновации».

Материалы и методы. В ходе сравнительного анализа нами проведено соотнесение уровней развития деятельности, предложенных в теории творчества Д. Б. Богоявленской с видами инноваций, выделенных в классификации А. И. Пригожина [3]. В группе инноваций «по степени новизны и инновационному потенциалу» выделены три вида инноваций — *радикальные, комбинированные и модифицирующие* [3]. Приведем характеристику и примеры инноваций:

1) *радикальные (базовые)* — предполагают создание принципиально новых видов продукта, в корне меняющих процесс или содер-

жание определенной сферы человеческой деятельности, основаны на научных открытиях и крупных изобретениях новых поколений техники и технологий; их накопление приводит к новому технологическому уровню, прорыву. Пример: изобретение антибиотиков, двигателя, фотографии, рентгена, компьютера;

2) *комбинированные (улучшающие)* — изменяют значительным образом процесс, приводят к высвобождению больших объемов ресурсов и труда; затрагивают уже существующие продукты, заметно улучшены и использованы более эффективные материалы, представляют частичное или значительное изменение ранее существующего. Представляют собой продукт новых поколений техники и технологий, к ним относят «мелкие» и «средние» изобретения; создание или разработка новой технологии продукта, который уже был на рынке. Пример: фотография — черно-белая, цветная, цифровая;

3) *модифицирующие (совершенствующие)* — это инновационные решения, несущие существенные изменения основных инноваций, они не изменяют принципов, однако они совершенствуют, видоизменяют, усовершенствуют существующие инновации; предполагают дополнение исходных форм, конструкций, принципов. Пример: катушечный магнитофон — кассетный магнитофон.

В теории творчества Д. Б. Богоявленской раскрывается психологический механизм творчества: «Рассматриваю выделение мной феномена развития деятельности по своей инициативе в качестве единицы анализа творчества» [4, с. 25]. Экспериментальные исследования по методу «Креативное поле» позволили выделить три уровня развития деятельности: 1) *стимульно-продуктивный уровень* — характеризуется выполнением предложенной деятельности (добросовестное и энергичное) в рамках заданного или найденного способа действия; 2) *эвристический уровень* — характеризуется проявлением интеллектуальной активности, не стимулируемой внешними факторами развития деятельности по своей инициативе, открытие новых, оригинальных и остроумных решений; 3) *креативный уровень* — это высший уровень интеллектуальной активности, обнаружение эмпирической закономерности, теоретическое обоснование выделенной самостоятельно проблемы. Дифференциация соответствует уровням познания (по Гегелю): «Анализ

на уровне единичного (стимульно-продуктивный уровень), анализ на уровне особенного (эвристический уровень), анализ на уровне всеобщего (креативный уровень)» [4, с. 30–31]. Раскрываемая природа феномена развития деятельности по своей инициативе субъекта проявляется в результате «... углубленного (не диктуемого извне требования) анализа осуществляемой деятельности» — это характеризует уровень творчества и сущность инновационной деятельности, предполагающей инициативно возникающий «выход за пределы» заданного [Там же].

Результаты. Предлагаемая нами гипотеза соотношения уровней деятельности с видами инноваций отражена в нижеследующих позициях сопоставления:

1. *Стимульно-продуктивный уровень* деятельности — соответствие — модифицирующие (совершенствующие) и комбинированные (улучшающие) виды инноваций.

2. *Эвристический уровень* деятельности — соответствие — радикальные (базовые) инновации. Как отмечает Д. Б. Богоявленская, для эвристического уровня характерно «... овладение новой деятельностью, после чего испытуемый начинает ее далее развивать по своей инициативе и выходит на выявление новых закономерностей» [4, с. 31]. Радикальные инновации — это всегда создание нового, которое приводит не просто к технологическому прорыву, а изменяет уклад жизни людей, это техническое творчество в наиболее высоком смысле этого понятия.

Мы не предлагаем *креативному уровню* соответствующий ему вид инновации, поскольку данный уровень характеризуется не только открытием закономерностей, «... он подвергает их теоретическому обоснованию, что приводит к постановке проблемы, позволяет выявить сущность явления» — это уровень создания новой теории [4, с. 32]. «Теоретическое доказательство открытой закономерности относится к высшему уровню творчества», — отмечает Д. Б. Богоявленская [Там же].

Заключение. Для обоснования гипотезы о соотношении уровней деятельности с видами инноваций, мы обратились к объяснительному потенциалу теории творчества Д. Б. Богоявленской. Сопоставление выделенных линий анализа «уровни развития

деятельности — ступени познания — виды инноваций» позволяет предложить в дальнейшем оценку инноваций с позиции творчества, применив к ним критерии оценки творческого продукта.

Библиографические ссылки

1. *Клочко В. Е., Галажинский Э. В.* Психология инноваций. Томск : ТГУ, 2009. 240 с.
2. Интеллектуальный потенциал и инновационная активность вузовской молодежи : кол. монография. / отв. ред. С. А. Богомаз, О. М. Краснорядцева. Томск : ТГУ, 2014. 192 с.
3. *Пригожин А. И.* Нововведение: стимулы и перспективы. М. : Политиздат, 1998. 270 с.
4. *Богоявленская Д. Б.* Творчество как предмет психологической антропологии // Исследователь/Researcher. 2018. Вып. 1–2. С. 23–34.

С. В. Федотова
И. Д. Белоглазов

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ МОЛОДЕЖЬЮ, ПРОЖИВАЮЩИХ В МОСКВЕ И РЕГИОНАХ

Изучены особенности конструирования жизненного пути молодежи, проживающей в регионах, Москве, и тех, кто переехал в столицу. С помощью нарративного интервью и методики «линия жизни» показаны различия в представлениях о дальнейшем жизненном пути. Результатом исследования стало описание процесса выбора жизненной траектории, а также выделены факторы, способствующие выбору желаемого пути и активности в ситуации неопределенности.

Ключевые слова: жизненный путь, жизненная модель, нарративное интервью, линия жизни, жители регионов.

Svetlana V. Fedotova
Iliia D. Beloglazov

*Moscow State University
named after M. V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

DESIGNING THE LIFE PATH OF THE YOUTH LIVING IN MOSCOW AND THE REGIONS

The features of the construction of the life path by young people, living in the regions, Moscow and those who moved to the capital, are shown. Having used narrative interview and the “life line” method, differences in ideas about the future life path were shown. The result of the study are description of the process of choosing a certain life trajectory, the factors contributing to the choice of more desirable path and activity in a situation of uncertainty.

Keywords: life path, life model, narrative interview, life line, residents of the regions.

Введение. Современное общество предоставляет безграничные возможности для нахождения себя и создания собственного неповторимого жизненного пути [1; 2]. Положительный эффект высокой вариативности необходимо ставить под вопрос. Вместо четких нормативных жизненных сценариев приходит неизвестность, которая предлагает человеку самому определить путь и начать его реализовывать.

В психологии не совсем закрыт вопрос: как происходит выбор жизненной модели и ее реализация? Частичный ответ можно найти в работе Дж. Хекхаузен [3]. В статье вводится понятие «рубикон», который разделяет два этапа: принятия решения о реализации цели и сами действия. Само решение (начинать делать или нет) принимается на основе анализа знаний и ресурсов человека на соответствие цели.

Однако цель может быть признана непосильной ошибочно: человек обладает всеми необходимыми ресурсами, но посчитал жизненную модель недостижимой. Поэтому остаются непонятными факторы, которые обеспечивают выбор той или иной жизненной модели; что позволяют человеку выбрать менее известную, но более желаемую траекторию.

Материалы и методы. В исследовании были три группы респондентов в возрасте 22–27 лет:

- москвичи — родились в столице и не переезжали;
- жители регионов — родились в центральной части России и продолжают там проживать;
- кто переехал в Москву — прожили в регионе 16–17 лет и переехали в столицу.

Последнюю группу как раз можно назвать той, которая выбрала нестандартную жизненную траекторию. Ее интересно сравнить с теми, кто остался в регионе: почему они не выбрали для себя этот путь.

Исследование состояло из трех этапов:

- анкетирование — проконтролировать влияние отношения к регионам и на принятие решения о переезде;
- методика «линия жизни» — выявить взаимодействия разных сфер жизни респондентов и как они воспринимают свой жизненный путь;

— нарративное интервью — задавался пусковой вопроса, в котором респондентов просили рассказать историю их жизни.

На первом этапе было 103 человека (средний возраст — 22,6). Из них 26 мужчин и 77 женщин. На втором и третьем этапе нами была достигнута повторяемость данных на шести респондентах (по три человека каждого пола).

Результаты

Методика «Линия жизни». Наиболее детализированный жизненный путь характерен для тех, кто переехал. То есть не столько осознание большого количества возможностей влияет на детализацию, сколько некоторая неопределенность будущего.

У жителей регионов отсутствует развитие профессиональной сферы. Она заканчивается на получение специальности и выходе на работу. У москвичей же она имеет «финал» в получении признания в профессиональном сообществе и становлении себя как специалиста. У тех, кто переехал, эта сфера носит более материальный характер: получение высокого уровня заработка.

С этим связан и разный тип взаимодействия между профессиональной и семейной сферой жизни. У тех, кто переехал, последняя подчинена первой. Респонденты объясняли это тем, что сначала нужно достичь финансовой стабильности и только потом думать о браке. У москвичей эти сферы взаимодействуют друг с другом. События каждой из них чередуются на линиях. Они стремятся к гармонии, чтобы в их жизни была развита как профессиональная, так и семейная сфера жизни. У жителей регионов на линии жизни в будущем присутствует только семейная. Для них характерен уход профессиональной части жизни на задний план. При этом обе сферы существуют параллельно и подчиняются социальным нормам. То есть планируемое время для рождения детей и начало карьеры задаются исходя из социальных норм.

Нарративное интервью. Основная тема, которая прослеживалась у респондентов, переехавших в Москву, — получение поддержки от близких. Поэтому у них сформировалась позиция: «непонятно только пока не начал действовать».

При этом в историях нет осознания выбора специальности, что есть у двух других групп. Но есть описания того, как они решились

на переезд в Москву. Это либо был человек в окружении, кто уже так сделал, либо близкие, помогли осознать возможность переезда.

Москвичи имеют развернутую тему поиска себя. Можно говорить, что нахождение с самого детства в среде с большим числом возможностей приводит к тому, что человек стремится к поиску своего уникального жизненного пути, примеряет как можно больше жизненных моделей.

Жители регионов также имеют тему сомнений в выборе своего будущего. Выбор их профессии произошел из детской мечты, либо же специальность казалась перспективной и прибыльной. Сейчас они сомневаются в правильности своего выбора, но попробовать что-то новое не готовы. То есть они имеют предопределенность и заданность дальнейшей жизни.

Заключение. Существенным фактор, влияющим на процесс выбора жизненной траектории, — наличие в «близкой» окружении человека с аналогичной жизненной моделью. При этом простого знания о наличии такого пути оказывается недостаточным, так как он не позволяет начать действовать. В случае отсутствия «доступной» модели индивид нуждается в «разбиении» жизненной модели на более мелкие части.

Близкие способствует выбору менее детализированной, но более привлекательной траектории. Они помогают прояснить пути достижения, благодаря которым человек сможет начать действовать в ситуации «неизвестности». При этом роль близких не сводится только к помощи, они важны и для формирования навыка анализа и реализации менее знакомой жизненной модели.

Библиографические ссылки

1. Асмолов А. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Псих. исследования. 2015. Т. 8, № 40.
2. Жизненная модель как конструкт изучения жизненного сценария личности / С. Н. Костромина, Н. В. Гришина, Е. В. Зиновьева и др. // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Психология. 2018. Т. 8. Вып. 4. С. 341–357.
3. Heckhausen J., Wrosch C., Schulz R. A motivational theory of life-span development // Psychological review. 2010. Vol. 117, № 1. P. 32.

Л. С. Филимонов

*Южно-Уральский государственный университет
Челябинск, Россия*

СОЦИАЛЬНО-РОЛЕВАЯ, СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ФАКТОРЫ КРЕАТИВНОСТИ СУБЪЕКТОВ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анализируется влияние социальной-ролевой, социокультурной идентичности и толерантности на вербальную и образную креативность студентов творческих вузов. Устанавливается корреляционная связь между этими психическими феноменами. Исследуются психологические особенности субъектов творческой деятельности с точки зрения пола, года обучения и профиля подготовки. Определяются векторы психологической работы по развитию креативности.

Ключевые слова: социально-ролевая идентичность, социокультурная идентичность, толерантность, вербальная креативность, образная креативность.

Leonid S. Filimonov

*South Ural State University
Chelyabinsk, Russia*

SOCIO-ROLE AND SOCIO-CULTURAL IDENTITY AND TOLERANCE AS FACTORS OF CREATIVITY OF SUBJECTS OF CREATIVE ACTIVITY

The influence of social-role, socio-cultural identity and tolerance on the verbal and figurative creativity of students of creative universities is analyzed. A correlation is established between these mental phenomena. The psychological characteristics of the subjects of creative activity are studied in terms of gender, year of study and training profile. The vectors of psychological work on the development of creativity are determined.

Keywords: socio-role identity, socio-cultural identity, tolerance, verbal creativity, imaginative creativity.

Введение. Современная социокультурная реальность ставит перед человеком ряд вызовов: пандемия, социальные конфликты разного уровня, продвижение идей культуры отмены и новой этики. Футуролог, создатель онлайн-ресурса «Open the Future» Джамаис Кашио доказывает, что сегодня мы оказались в так называемом BANI-мире, который характеризуется хрупкостью (brittle), тревожностью (anxious), нелинейностью (nonlinear), непостижимостью (incomprehensible) [1]. Жизнедеятельность в таких условиях требует от нас креативного подхода к возникающим проблемам. При этом под угрозой оказывается идентичность, а толерантность становится одним из главных условий взаимодействия с новым миром. Мы решили провести исследование, в котором постараемся выяснить, какое влияние оказываются идентичность и толерантность на креативность субъектов творческой деятельности.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 107 человек в возрасте от 18 до 23 лет — студенты бакалавриата 1–3 курсов трех профилей подготовки: «Постановка театрализованных представлений и праздников. Преподавание художественно-творческих дисциплин» (53 человека), «Постановка и продюсирование культурно-досуговых программ» (25 человек), «Менеджмент социально-культурной деятельности» (29 человек). Исследование проводилось с октября по декабрь 2021 года.

Для определения социальной идентичности и толерантности была выбрана психодиагностическая технология «Ролевые отношения социальных субъектов к творческой личности» (РОССТЛ) В. Г. Грязевой-Добшинской, Н. Ю. Бакунчик, В. А. Глухой, А. С. Мальцевой [2]. Для диагностики уровня креативности (вербальной и образной) был применен тест Э. П. Торренса в адаптации Е. Е. Туник [3].

Результаты. Это исследование дало возможность определить социальные роли субъектов (руководитель, заместитель руководителя, криэйтор, востребованный сотрудник, спасатель в кризисе, увольняемый), а также охарактеризовать социокультурный образ (Мельпомена, Дедал, Одиссей, Эпей, Диана, Гефест, Аполлон, Деметра, Зевс, Эрот, Эзоп, Венера, Сатурн, Икар, Гений, Арион, Афродита, Гера, Орфей, Афина, Психея, Ариадна, Грация, Амазонка, Геракл,

Прометей), выявить, кого считают своими, а кого чужими (толерантность — конфликтность), а далее понять, как это отражается на показателях креативности (беглость, гибкость, оригинальность, разработанность).

Наиболее популярной социальной ролью всей выборки оказался руководитель. Девушки-студентки предпочли роль руководителя, парни — роль заместителя или востребованного сотрудника. От первого до третьего курса выражена тенденция ухода от руководящей позиции к заместителю или востребованному сотруднику. У менеджеров и продюсеров наиболее популярна роль руководителя. У режиссеров — востребованного сотрудника. Очень редко встречались выборы себя на роль криэйтора и спасателя в кризисе.

Рейтинг социально-культурных ролей возглавила Гера (конкуренция, мастерство, ум, размах). Большинство девушек ассоциируют себя именно с этим образом. Парни видят себя Гефестами (мастерство, упорство, трудолюбие). Интерес к этим двум героям возрастает с каждым курсом. При этом режиссеры видят в себе черты Дедала (ум, мастерство, поиск нового), а менеджеры и продюсеры — Орфея (удовольствие, риск, оригинальность, свобода). Наименее популярными оказались Психея, Эрот и Афина.

Наиболее частые выборы соответствуют высокому индексу толерантности, редкие выборы говорят об интолерантности к данным ролям.

Прослеживается негативная корреляция уровня креативности и руководящей позиции, а также положительная корреляция ролей востребованного сотрудника, спасателя в кризисе, криэйтора с высокими показателями креативности.

Заключение. В дальнейшей работе будет уделено внимание разработке психологический тренингов развития креативности на основе данных об идентичности и толерантности групп. Считаем возможным использование театральных технологий, которые обеспечат интерактивный характер деятельности.

Библиографические ссылки

1. *Cascio J.* Facing the Age of Chaos : [website]. URL: <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d> (дата обращения: 25.04.2022).
2. Методика диагностики отношения социальных субъектов к творческой личности / В. Г. Грязева-Добшинская, Н. Ю. Бакунчик, В. А. Глухова и др. // Вестн. ЮУрГУ. Серия «Психология», 2008. Вып. 3. С. 33–45.
3. *Туник Е. Е.* Диагностика креативности. Тест Е. Торренса. Адаптированный вариант. СПб. : Речь, 2006. 170 с.

Ю. В. Филиппова

М. А. Тихонова

Ярославский государственный университет

им. П. Г. Демидова

Ярославль, Россия

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

В статье анализируются вопросы результативности обучения в различных условиях организации образовательного процесса. Выделяются и анализируются факторы, обеспечивающие эффективность обучения в очном, дистанционном и смешанном форматах. Результаты исследования позволяют утверждать, что форма организации учебного процесса влияет на результативность учебной деятельности студентов.

Ключевые слова: цифровизация образования, успеваемость, очное обучение, дистанционное обучение, смешанное обучение.

Yulia V. Filippova

Maria A. Tikhonova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Yaroslavl, Russia

COMPARATIVE ANALYSIS OF STUDENTS' LEARNING OUTCOMES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF EDUCATION

The article analyzes the students' outcomes of learning in different conditions of the educational process. The factors that ensure the effectiveness of learning in classroom, distance and blended formats are distinguished and analyzed. The results of the study suggest that the form of organization of the educational process affects the effectiveness of students' educational activities.

Keywords: digitalization of education, academic achievement, classroom learning, distance learning, blended learning.

Введение. Тема цифровизации современного российского образования является на сегодняшний день одной из наиболее актуальных и обсуждаемых в научных кругах. Под цифровизацией понимается повсеместный процесс распространения и внедрения цифровых технологий в различные сферы жизни общества: экономику, культуру, образование и т. д. [1]. Данное явление было вызвано стремительным развитием информационных технологий и микроэлектроники в развитых странах мира. Благодаря этому цифровизация стала рассматриваться как глобальный процесс, с каждым днем все больше захватывающий различные сферы общественной жизни. Помимо объективных факторов, связанных с развитием научно-технического прогресса, свой вклад в ускорение внедрения цифровизации в систему образования внесла и пандемия COVID-19. В одночасье школы и вузы вынуждены были перейти в режим дистанционного обучения, обучающиеся и преподаватели параллельно с учебным процессом осваивали и апробировали на себе цифровые образовательные технологии. Данный формат принципиально отличается от традиционных способов обучения, поэтому для большей эффективности учебного процесса необходимы были быстрые решения всех проблем, с которыми сталкивались преподаватели и учащиеся. Такого рода естественный эксперимент в значительной мере ускорил освоение цифровых технологий участниками образовательного процесса, однако породил и множество вопросов. Одним из них стала проблема соотнесения эффективности (результативности) дистанционного обучения по сравнению с традиционными моделями, решение которого обладает высокой актуальностью в контексте определения дальнейших векторов развития цифрового образования. Бесспорная актуальность данного вопроса породила постановку цели настоящего исследования, содержание которой состояло в определении и сравнении показателей результативности обучения в разных формах реализации образовательного процесса: очной, дистанционной и смешанной. Очное обучение определяется как процесс непосредственного получения знаний в личном контакте преподавателя и студента. Под дистанционным обучением понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при

опосредованном взаимодействии обучающихся и педагогических работников [2]. Смешанное обучение представляет собой сочетание аудиторного обучения с элементами дистанционного.

Материалы и методы. В качестве эмпирического материала для исследования использовались результаты экзаменационных сессий студентов факультета психологии ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Были применены методы продольных (сравнение эмпирических показателей экзаменационной оценки студентов в разных формах обучения) и поперечных (сравнение результатов обучения студентов, изучавших один предмет в разных формах организации учебного процесса) срезов. В качестве эмпирической методики выступил метод анализа документов (экзаменационные ведомости с оценками по промежуточной аттестации). Всего были проанализированы показатели 143 студентов, 1 917 экзаменационных оценок.

В процессе обработки результатов исследования использовались:

— для определения достоверности различий в результатах учебной деятельности студентов в разных форматах обучения (продольные срезы) — Т-критерий Вилкоксона; критерий Хи-квадрат Фридмана;

— для сравнения результатов обучения студентов, изучавших один предмет в разных формах (поперечные срезы) — U-критерий Манна — Уитни и H-критерий Крускала — Уоллеса.

Результаты. На первом этапе было произведено статистическое сравнение оценок студентов каждого курса на разных формах обучения. Анализ различий проводился с использованием критерия χ^2 Фридмана. Полученные результаты показывают наличие достоверных различий в успеваемости студентов разных курсов, что свидетельствует о значимом влиянии формата организации обучения на результативность учебной деятельности. Однако содержание данных различий обнаруживает некоторую разнонаправленность. Так, в выборке студентов 2-го и 4-го курсов наиболее высокая успеваемость определяется на дистанционном обучении, у студентов 3-го курса — в смешанном формате. При этом наиболее низкая успеваемость студентов наблюдается в очном образовательном формате.

В целом полученные результаты говорят о том, что при переходе на дистанционный формат студенты оказались способны

приспособиться к данной форме учебного процесса, показывая более высокую результативность. Таким образом, мы можем предположить, что, обучаясь в дистанционном формате, студенты либо более ответственно подходят к самоорганизации своей учебной деятельности, либо полученный результат может говорить о снижении требований преподавателя при преподавании дисциплины в дистанционной форме.

Для проверки второго предположения был реализован следующий этап исследования, в ходе которого методом поперечных срезов определялось, как меняется в разных форматах обучения результативность изучения отдельных дисциплин, ведущихся одним и тем же преподавателем. Было проведено статистическое сравнение результатов освоения отдельных учебных предметов при использовании разных форм преподавания с использованием критериев U Манна — Уитни и H Крускала — Уоллеса. Результаты продемонстрировали отсутствие различий в успеваемости при изучении дисциплин в различных форматах в 84,4 % случаев. Это позволяет утверждать, что в абсолютном большинстве случаев требования преподавателя к обучающимся не изменяются вне зависимости от формата преподавания учебной дисциплины. Интересно, что во всех случаях, когда искомые различия были найдены, более высокий средний балл обнаруживался при преподавании дисциплины в очном формате. Это говорит о том, что при переходе на дистанционную и смешанную форму преподавания дисциплины преподаватель не только не смягчает требования к студентам, а скорее делает их более высокими.

Таким образом, для объяснения полученных данных более обоснованным выглядит первое интерпретационное утверждение, касающееся сформировавшейся способности студентов самостоятельно организовать свою учебную деятельность и самоподготовку в дистанционном формате. Это согласуется с точкой зрения Р.Э. Лилеберг, которая отмечает, что даже у минимально адаптировавшегося к учебному процессу студента актуализирован необходимый компендиум функциональных стереотипов и форм собственной учебной активности, позволяющий сохранять некоторую необходимую норму выполнения учебного графика [3].

Заключение. Результаты исследования позволяют утверждать, что форма организации учебного процесса влияет на результативность учебной деятельности студентов. Цифровизация образования и перевод его в дистанционный и смешанный формат позволяют сохранить качество обучения и оставляют неизменными требования преподавателей к оценке уровня сформированности закладываемых в содержание дисциплины компетенций. Качество освоения дисциплин в дистанционном формате зависит от сформированности общих навыков самоорганизации, что определяет актуальность формирования такого рода универсальных компетенций в период школьного обучения и на ранних этапах обучения в вузе.

Библиографические ссылки

1. Гордеева М. В., Мурадян Ш. Г., Жажоян А. С. Цифровизация в образовании // Journal of Economy and Business. 2021. Vol. 4.1(74). <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-v-obrazovanii/viewer>

2. Об образовании в Российской Федерации : Федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ ст. 16 (ред. от 16.04.2022) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/9ab9b85e5291f25d6986b5301ab79c23f0055ca4/

3. Лильберг Р. Э. Психолого-педагогический анализ факторов взаимовлияния учебного стресса и учебной эффективности студентов в условиях дистанционного обучения // Балт. гум. журнал. 2021. Т. 10, № 4 (37). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47699085_91324593.pdf

Т. Г. Фомина

*Психологический институт
Российской академии образования
Москва, Россия*

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ ФАКТОРОВ БОЛЬШОЙ ПЯТЕРКИ, СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И ОСОЗНАННОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ ШКОЛЬНИКОВ

Приводятся данные эмпирического исследования, целью которого являлась верификация гипотезы об опосредованном влиянии уровня развития осознанной саморегуляции обучающихся на взаимосвязь личностных факторов (модель Большая пятерка) и субъективного благополучия. Результаты позволяют сделать вывод о том, что саморегуляция выступает фасилитатором позитивного вклада в благополучие подростков экстраверсии, доброжелательности, добросовестности и открытости опыту и снижает негативный эффект влияния нейротизма.

Ключевые слова: осознанная саморегуляция, субъективное благополучие, личностные факторы, учебная деятельность.

Tatiana G. Fomina

*Psychological Institute of the Russian Academy of Education,
Moscow, Russia*

FEATURES OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE FACTORS OF THE BIG FIVE, SUBJECTIVE WELL-BEING AND CONSCIOUS SELF-REGULATION OF SCHOOLCHILDREN

The data of an empirical study are presented, the purpose of which was to verify the hypothesis about the indirect influence of the level of development of students' conscious self-regulation on the relationship between personal factors (the Big Five model) and subjective well-being. The results allow us to conclude that self-regulation is a facilitator of the positive contribution to the well-being of adolescents of extraversion, agreeableness,

conscientiousness and openness to experience and reduces the negative effect of the influence of neuroticism.

Keywords: conscious self-regulation, subjective well-being, personal factors, learning activity.

Введение. Изучение психической саморегуляции в контексте проблемы психологического благополучия человека является одним из актуальных направлений современных исследований. Особо следует отметить, что саморегуляция выступает одним из значимых механизмов поддержания субъективного благополучия школьников в образовательных условиях в разные периоды школьного обучения. Так, выявлены взаимосвязи позитивного развития и саморегуляции [1; 2]; показано, что развитые навыки самоконтроля и саморегуляции у подростков обеспечивают более высокие уровни их удовлетворенности жизнью [3]; выявлена роль саморегуляции как протектора формирования проблемного поведения в подростковом возрасте. Доказано, что практическая работа по развитию саморегуляции обучающихся имеет огромный потенциал для улучшения удовлетворенности жизнью, подрастающего поколения [4].

В связи с этим эмпирические исследования по верификации гипотез о специфике взаимосвязи различных проявлений саморегуляции, субъективного благополучия (СБ) и личностных характеристик составляют актуальное поле научных исследований. Целью настоящего исследования являлась проверка предположения о том, что саморегуляция, помимо прямого влияния на СБ учащихся, может выступать медиатором взаимосвязи личностных факторов (модель «Большая пятерка») и удовлетворенности жизнью подростков. Основанием гипотезы выступили данные о том, что в определенной степени индивидуальные особенности саморегуляции детерминируются личностно-темпераментальными характеристиками, а личностные факторы, в свою очередь, тесно взаимосвязаны с психологическим благополучием личности. В большинстве исследований факторов СБ показано, что личностные особенности являются одним из главных его предикторов, что подчеркивает важность использования личностных черт для понимания феномена благополучия. Осознанную саморегуляцию мы рассматриваем в контексте

ресурсного подхода В. И. Моросановой как многоуровневую и динамическую метасистему психологических процессов, состояний и свойств человека, являющейся инструментом инициации и поддержания активности, направленной на осознанное выдвигание и достижение субъектных целей [5]. Осознанная саморегуляция реализуется посредством когнитивных процессов (целеполагание и планирование, моделирование значимых условий достижения цели, программирование действий, оценивание результатов), а также проявляется через регуляторно-личностные свойства (гибкость, самостоятельность, надежность, ответственность).

Выборку исследования составили обучающиеся 5–7 классов общеобразовательных школ ($N = 352$ чел., 52,3 % мальчики, возраст — 10–14 лет, средний возраст — 11,97).

Материалы и методы. Опросная методика Моросановой «Стиль саморегуляции учебной деятельности ССУД-М» (Моросанова, Бондаренко, 2015), позволяющая оценить следующие регуляторные процессы и свойства: планирование, моделирование, программирование, оценивание результата, гибкость, инициативность, ответственность, надежность, а также общий уровень.

Для оценки параметров субъективного благополучия школьников была использована русскоязычная адаптация опросника MSLSS Е. С. Хюбнера («Многомерная детская шкала удовлетворенности жизнью (ШУДЖИ)», Сычев и др., 2018). Удовлетворенность жизнью оценивается по трем шкалам: «Семья» (удовлетворенность взаимоотношениями в семье); «Школа» (удовлетворенность детей школьной жизнью с точки зрения поддержки их интересов и общего отношения к школе и учебной деятельности) и «Я сам» (удовлетворенность самим собой, позитивное отношение к себе и мнениям других людей).

Для диагностики личностных диспозиций использовалась опросная методика «Большая пятерка — детский вариант» (Big Five Questionnaire — Children version, BFQ-C; адаптация С. Б. Малых и др., 2015). Измеряемые шкалы: «Нейротизм», «Экстраверсия», «Открытость опыту», «Дружелюбность», «Добросовестность».

Для анализа данных использовались методы анализа описательной статистики, корреляционный анализ, регрессионный анализ,

для оценки значимости медиаторных моделей использовался тест Собея.

Результаты. Корреляционный анализ позволил выявить значимые взаимосвязи как личностных факторов, так и различных показателей саморегуляции с субъективным благополучием обучающихся. Установлено, что факторы дружелюбности, добросовестности и открытости опыту оказались связаны с СБ учащихся на достаточно высоком уровне, хотя их значимость для СБ взрослых фиксируется далеко не всегда. Регрессионный анализ позволил установить, что даже при контроле влияния личностных факторов (как более сильных предикторов), саморегуляция также вносит значимый вклад в субъективное благополучие. При этом процент дисперсии выше для школьного уровня СБ. С помощью медиаторного анализа подтвержден тезис о том, что общий уровень осознанной саморегуляции выступает медиатором связи личностных диспозиций и удовлетворенности жизнью подростков. Обнаружено, что саморегуляция выступает фасилитатором позитивного вклада в благополучие подростков экстраверсии, доброжелательности, добросовестности и открытости опыту и снижает негативный эффект влияния нейротизма.

Заключение. Полученные результаты, таким образом, позволяют обозначить перспективы для решения актуальных практических задач по выявлению действенных механизмов поддержания оптимального уровня субъективного благополучия современных школьников в образовательной среде, в том числе средствами осознанной саморегуляции.

Библиографические ссылки

1. Фомина Т. Г., Ефтимова О. В., Моросанова В. И. Взаимосвязь субъективного благополучия с регуляторными и личностными особенностями у учащихся младшего школьного возраста // Псих.-пед. исследования. 2018. Т. 10, № 2. С. 64–76. DOI: 10.17759/psyedu.2018100206
2. Gestsdottir S., Lerner R. M. Positive development in adolescence: The development and role of intentional self-regulation // Human Development. 2008. Vol. 51, № 3. P. 202–224.

3. Self-Control and Self-Regulation as Determinants of the Quality of Pupils Functioning In the School Environment / A. Itendo-Milewska, J. Nawrocka, K. Szorc et al. // *Social Science and Humanities Journal*. 2018. Vol. 2, № 3. P. 395–412.

4. Effective self-regulation change techniques to promote mental wellbeing among adolescents: a meta-analysis / L. van Genugten, E. Dusseldorp, E. K. Massey et al. // *Health psychology review*. 2017. Vol. 11, № 1. P. 53–71.

5. Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция человека как психологический ресурс достижения учебных и профессиональных целей // *Теор. и эксперимент. психология*. 2014. № 4. С. 16–38.

**С. А. Хазова
Н. С. Шипова**

*Костромской государственный университет
Кострома, Россия*

МОДИФИКАЦИЯ ОПРОСНИКА CRIS (COPING RESOURCES INVENTORY FOR STRESS) ДЛЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЫБОРКИ*

В данной статье описаны результаты психометрической проверки сокращенного варианта методики «Опросник ресурсов совладания со стрессом» (Coping Resources Inventory for Stress (CRIS)). Статистическая обработка данных показала достаточный коэффициент внутренней согласованности шкал, что делает возможным применение ее для изучения ресурсов субъекта.

Ключевые слова: ресурс, субъект, совладание со стрессом, психометрическая проверка, опросник.

**Svetlana A. Khazova
Natalya S. Shipova**

*Kostroma State University
Kostroma, Russia*

MODIFICATION OF THE CHRIS — COPING RESOURCES INVENTORY FOR STRESS QUESTIONNAIRE FOR THE RUSSIAN-SPEAKING SAMPLE

This article describes the results of a psychometric check of an abbreviated version of the “Coping Resources Inventory for Stress (CRIS)” technique. Statistical data processing has shown a sufficient coefficient of internal consistency of the scales, which makes it possible to use it to study the resources of the subject.

Keywords: resource, subject, coping with stress, psychometric check, questionnaire.

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00435А.

Введение. В эпоху яркой динамичности жизни и высокого уровня стресса актуальным является вопрос наличия внутренних сил, способствующих ежедневной продуктивности, жизнестойкости и потенциальному развитию [1; 2]. Поэтому тематика ресурсов, отвечающая на вызовы времени, является социально и научно значимой. При этом отмечен дефицит методик исследования ресурсов личности. «Опросник ресурсов совладания со стрессом» (Coping Resources Inventory for Stress (CRIS)) авторства К. В. Matheny, W. L. Curlett, J. L. Pugh, D. W. Ayscock, H. F. Taylor (1981, 1987) в адаптации А. В. Махнача, Ю. В. Постыляковой (2004) является валидным инструментом для измерения индивидуальных психологических ресурсов совладания со стрессом, который обеспечивает комплексную оценку личностных, социальных, когнитивных ресурсов человека и ресурсов, обусловленных предшествующим опытом совладания со стрессом [3]. Однако данная методика имеет некоторые сложности с применением, в частности с надежностью отдельных выделяемых авторами субшкал. Поэтому для реализации целей исследования нами принята попытка модификации данного инструмента и создания на основе модели авторов собственного инструмента — Опросника ресурсов совладания со стрессом — ОРСС–М.

Материалы и методы. Выборка для психометрической проверки составила 507 человек, возраст — от 12 до 67 лет ($M = 30,46$, $SD = 12,31$). В выборке 189 респондентов мужского пола (37 %), 318 опрошенных — женского (63 %). Испытуемому предлагается выбор из четырех предложенных вариантов ответа (не согласен; скорее не согласен; скорее согласен; согласен). Для психометрической проверки использовался коэффициент внутренней согласованности шкал альфа Кронбаха.

Результаты. Модификация опросника была проведена по следующим направлениям:

— изменено количество пунктов за счет удаления проблемных вопросов, например вопрос 16 «Я определяю наиболее важные дела на день и стараюсь их сделать в первую очередь», удаление которого повышает психометрические показатели как субшкалы, так и шкалы (по смыслу этот вопрос предполагает как структурирование

времени и установление иерархии дел, так и выполнение наиболее важного и значимого);

— изменена структура шкал 1 «Уверенность» и 6 «Направленность на себя». В итоговом варианте они не разделяются на субшкалы;

— изменена структура шкалы 3 «Контроль напряжения», в которой выделены две субшкалы — «Когнитивный контроль» и «Эмоциональный контроль» и удалена шкала «Физический контроль», которая демонстрирует низкую альфу Кронбаха.

Таким образом, итоговый вариант опросника включает в себя 45 вопросов и шесть шкал:

— «Уверенность» (6 пунктов, $\alpha = 0,64$) — контроль собственного состояния и ситуации, способность высказать свое мнение окружающим;

— «Социальная поддержка» (9 пунктов, $\alpha = 0,89$): семейная поддержка (4 пункта, $\alpha = 0,87$) и дружеская поддержка (5 пунктов, $\alpha = 0,88$) — получение поддержки от ближайшего окружения;

— «Контроль напряжения» (11 пунктов, $\alpha = 0,72$): когнитивный контроль (6 пунктов, $\alpha = 0,72$) и эмоциональный контроль (5 пунктов, $\alpha = 0,65$) — отслеживание собственного состояния и способность им управлять;

— «Структурирование» (7 пунктов, $\alpha = 0,84$): планирование (4 пункта, $\alpha = 0,76$) и выполнение планов (3 пункта, $\alpha = 0,80$) — организация и использование собственных ресурсов и инструментов для преодоления трудности;

— «Физическое здоровье» (9 пунктов, $\alpha = 0,92$): здоровье (4 пункта, $\alpha = 0,83$) и Энергия (5 пунктов, $\alpha = 0,95$) — самооценка состояния здоровья и ощущение энергии;

— «Направленность на себя» (3 пункта, $\alpha = 0,83$) — способность добиться реализации собственных прав.

Итоговый коэффициент надежности методики Альфа Кронбаха $\alpha = 0,94$, стандартизованная альфа $\alpha = 0,94$, средняя межпозиционная корреляция $r = 0,27$. Шкалы методики имеют размах от 3 до 44 баллов (в зависимости от количества пунктов шкалы). Полученные данные подтверждают надежность данной методики для исследования копинг-ресурсов личности по шести обозначенным шкалам.

Заключение. Таким образом, применение сокращенного варианта методики «Опросник ресурсов совладания со стрессом» (Coping Resources Inventory for Stress (CRIS)) вполне оправдано для изучения ресурсов субъекта.

Библиографические ссылки

1. *Хазова С. А.* Ментальные ресурсы и жизнеспособность субъекта // *Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты* / ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М. : Ин-т психологии РАН, 2016. С. 210–219.
2. *Маленов А. А.* Ресурсы личности и их реализация в пространстве психологического образования : дис. ... канд. псих. наук. Омск, 2021. 220 с.
3. *Постылякова Ю. В.* Психологическая оценка ресурсов совладания со стрессом в профессиональных группах : автореф. дис. ... канд. псих. наук. М., 2004. 20 с.

А. С. Херай

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
Москва, Россия*

РУССКОЯЗЫЧНАЯ АДАПТАЦИЯ ШКАЛЫ ОТКРЫТОСТИ БУДУЩЕМУ

Шкала открытости будущему, Openness to Future Scale, OFS (Botella, 2018) является инструментом позитивной диагностики для изучения восприятия будущего. Целью исследования стала русскоязычная адаптация Шкалы открытости будущему. В исследовании приняли участие 374 русскоязычных респондента в возрасте от 19 до 70 лет. С помощью конфирматорного факторного анализа была подтверждена однофакторная структура русскоязычной версии OFS, α -Кронбаха составил 0,834. Русскоязычная версия шкалы показала себя как надежный и валидный инструмент позитивной диагностики и может быть использована для психологической диагностики русскоязычных респондентов.

Ключевые слова: открытость будущему, шкала открытости будущему, психометрический анализ, позитивная психология.

Anna S. Khegay

*National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russia*

RUSSIAN-LANGUAGE ADAPTATION OF THE SCALE OF OPENNESS TO THE FUTURE

The Openness to Future Scale, OFS (Botella, 2018) is a positive diagnostic tool for studying future perceptions. The aim of the study was a Russian-language adaptation of the Openness to the Future Scale. A total of 374 Russian-speaking respondents aged between 19 and 70 took part in the study. Confirmatory factor analysis was used to confirm the one-factor structure of the Russian version of OFS, Cronbach's α was 0,834. The Russian

version of the scale proved to be a reliable and valid instrument and can be used in psychological diagnostics of Russian-speaking respondents.

Keywords: openness to the future, openness to the future scale, psychometric analysis, positive psychology.

Введение. В 2018 году Кристиной Ботелло была опубликована новая методика позитивной психодиагностики — Шкала открытости будущему (The openness to the future scale) [1].

Шкала открытости к будущему представляет собой шкалу Ликерта, где с помощью 10 тестовых пунктов измеряются: а) ощущение контроля над ситуацией перед лицом неопределенных будущих событий; б) принятие и открытость к любому развитию событий; в) вовлеченность в жизнь, склонность к активному планированию; г) склонность к позитивным интерпретациям будущего; д) самооэффективность как уверенность в своих способностях реализовывать свои планы.

Шкала открытости будущему опирается на теорию позитивных иллюзий Тейлора и Брауна [2], согласно которой повышенная самооценка, нереалистичный оптимизм и преувеличенное ощущение контроля над ситуацией являются адаптивными механизмами, увеличивающими счастье, удовлетворенность жизнью и благополучие. Более того, было показано, что люди, страдающие от умеренной и сильной депрессии, устойчиво демонстрируют отсутствие позитивных иллюзий [3], а оптимистический взгляд в будущее является защитным фактором от развития депрессии [4].

Оригинальная Шкала открытости будущему имеет однофакторную структуру и хорошую внутреннюю согласованность ($\alpha = 0,87$ для общей популяции и $\alpha = 0,82$ для клинической группы). Шкала используется при исследовании таких феноменов, как посттравматический рост, удовлетворенность жизнью, резильентность и при изучении дезадаптивных когнитивных паттернов.

Короткий и ясный опросник, измеряющий отношение респондентов к будущему имеет высокий научный и практический потенциал, в связи с чем русскоязычная адаптация шкалы и проверка ее психометрических свойств в русскоязычной выборке.

Материалы и методы. Выборка: 374 русскоязычных респондента, из них 61 мужчина (16,3 %), 312 женщин (83,4 %), 1 респондент указал свой пол как небинарный afab (0,3 %), небинарный afab означает «при рождении приписан женский пол». Возраст участников — от 19 до 70 лет ($M = 39,0$; $SD = 9,78$). 61 участник заполнил опросник на бумаге, и 313 участников заполнили анкету онлайн в системе «Google.Формы».

Респонденты заполняли русскоязычную версию Шкалы открытости к будущему, состоящую из 10 пунктов. Шкала является ранговой шкалой Ликерта, где 1 — совершенно не согласен, а 5 — полностью согласен.

Перевод был осуществлен профессиональным переводчиком и получил высокие экспертные оценки трех психологов-психометриков.

Описательные статистики, коэффициент α -Кронбаха, дисперсионный анализ ANOVA и конфирматорный факторный анализ были вычислены в статистической программе Jamovi версии 2.2.5

Результаты. Русскоязычная версия Шкалы открытости к будущему показала высокую внутреннюю надежность шкалы (α -Кронбаха = 0,834), повторив данные оригинальной шкалы [1].

Была подтверждена однофакторная структура шкалы открытости будущего ($\chi^2 = 114(35)$, $p < 0,001$; CFI = 0,92; TLI = 0,90; RMSEA < 0,07, 90 % CL[0,061–0,094]). Все вопросы дают факторную нагрузку на шкалу, превышающую 0,4. Результаты конфирматорного факторного анализа свидетельствуют в пользу хорошей факторной валидности русскоязычной версии Шкалы открытости к будущему.

Респонденты 18–34 лет демонстрировали более высокие значения, чем респонденты 35–49 лет и респонденты старше 50 лет ($F(2, 141) = 6,67$, $\eta^2 = 0,039$, $p < 0,001$). Мужчины ($n = 61$, $M = 37,9$, $SD = 6,04$) демонстрировали более высокие значения, чем женщины ($n = 312$, $M = 34,6$, $SD = 5,82$), $t(371) = 3,99$, $p = 0,001$.

Заключение. Русскоязычная шкала открытости будущему показала себя как надежный и валидный инструмент позитивной диагностики.

Шкала открывает широкие возможности для изучения связи восприятия будущего с позитивными феноменами (оптимизмом,

надеждой, посттравматическим ростом и иными феноменами). За счет своей краткости шкала открытости будущему подходит для программ комплексной психологической диагностики

Необходимо учесть, что данные для исследования собирались в апреле 2022 года и рекомендуется провести повторное исследование вне кризисной ситуации. Относительно небольшая выборка исследования не дает возможности распространить данные на всю русскоязычную популяцию, необходимы дальнейшие исследования. В дальнейшем также рекомендуется подробнее исследовать социодемографические характеристики респондентов (образование, семейный статус, тип занятости), а также проверить конструктивную валидность шкалы.

Представляется важным исследовать роль открытости будущему как защитного фактора, а также изучить как позитивное, так и негативное влияния открытости будущему на оптимальное функционирование человека.

Библиографические ссылки

1. Development and validation of the openness to the future scale: a prospective protective factor / С. Botella et al. // Health and quality of life outcomes. 2018. Vol. 16, № 1. P. 1–16.
2. *Taylor S. E., Brown J. D.* Positive illusions and well-being revisited: separating fact from fiction. 1994.
3. *Taylor S. E.* Adjustment to threatening events: A theory of cognitive adaptation // American psychologist. 1983. Vol. 38, № 11. P. 1161.
4. *Roepke A. M., Seligman M. E. P.* Depression and prospection // British Journal of Clinical Psychology. 2016. Vol. 55, № 1. P. 23–48.

**Т. Л. Худякова
А. Н. Севрюкова**

*Воронежский государственный педагогический университет
Воронеж, Россия*

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ПОДХОДА П. Я. ГАЛЬПЕРИНА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ

В статье обосновывается важность формирования коммуникативной компетентности на современном этапе развития образования, рассматривается роль групповых форм обучения в формировании коммуникативных умений. Авторами представлен опыт применения концепции поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина для развития коммуникативной компетентности студентов.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, коммуникативные умения, групповые методы, совместная деятельность.

**Tatiana L. Khudyakova
Alla N. Sevryukova**

*Voronezh State Pedagogical University
Voronezh, Russia*

THE EXPERIENCE OF IMPLEMENTING P. YA. GALPERIN'S APPROACH IN THE PROCESS OF FORMING STUDENTS' COMMUNICATIVE COMPETENCE

The article substantiates the importance of the formation of communicative competence at the present stage of education development, examines the role of group forms of learning in the formation of communicative skills. The authors present the experience of applying the concept of step-by-step formation of mental actions of P. Ya. Galperin for the development of students' communicative competence.

Keywords: communicative competence, communicative skills, group methods, joint activity.

Введение. Развитие общества и меняющиеся социально-экономические условия предъявляют новые требования к образованию. Это приводит к необходимости поиска новых подходов к обучению. На современном этапе результатом образования является формирование у обучающихся не только определенных знаний и умений, но и метакомпетентностей — универсальных образований, на основе которых могут быть сформированы другие компетенции. Одной из таких метакомпетентностей является коммуникативная компетентность. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.03.02 «Психолого-педагогическое образование» предъявляет требования к коммуникативной компетентности студентов, определяя в качестве важных умений, в частности умение взаимодействовать с участниками образовательного процесса, осуществлять разные виды коммуникации, реализовывать свою роль в команде. Все это делает развитие коммуникативной компетентности студентов важным направлением исследования. Безусловно, развитие коммуникативных умений происходит прежде всего в ходе общего развития личности, в процессе участия в жизни общества, установления социальных связей. Однако естественный путь развития коммуникативной компетентности не всегда позволяет достичь необходимого уровня сформированности коммуникативных умений, в связи с чем следует рассмотреть возможности их планомерного формирования. Наиболее эффективными методами формирования коммуникативной компетентности являются групповые методы. Важность групповых форм обучения подтверждается многочисленными исследованиями. В основе данного направления лежат фундаментальные положения о совместной деятельности, которые представлены в трудах Л. С. Выготского [1], А. Н. Леонтьева [2], В. В. Рубцова [3] и др. Авторы отмечают, что «...эффективное обучение и развитие невозможно вне контекста совместной деятельности» [3, с. 11]. Соответственно, основной задачей педагога является эффективная организация процесса взаимодействия обучающихся. Нами получен опыт применения групповых форм работы для развития коммуникативной компетентности студентов. Анализ публикаций по данной теме

позволяет сделать вывод о существовании различных подходов к развитию коммуникативной компетентности. При этом одной из актуальных проблем можно назвать недостаточность методологического обоснования существующих моделей развития. Мы предлагаем обратиться к достижениям отечественной науки и рассмотреть возможности применения теории поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина [4] для развития коммуникативных умений. Возможности применения теории П. Я. Гальперина в практике обучения рассматривались многими авторами. В литературе описаны результаты реализации данного подхода в обучении разных категорий обучающихся — студентов вузов, учащихся школ, воспитанников дошкольных образовательных учреждений. А. И. Подольский [5] подчеркивает, что в последние годы наблюдается расширение подхода П. Я. Гальперина и его применение в новых сферах. В частности, результаты применения теории поэтапного формирования в ходе становления профессионального сознания студентов представлены в работах Н. Н. Нечаева [6]. С учетом вышеизложенного нами предложена деятельностная модель развития коммуникативной компетентности, которая предполагает освоение коммуникативных действий в соответствии с этапами, выделенными П. Я. Гальпериным. Нами разработана и реализована программа по развитию коммуникативной компетентности студентов. Программа предполагает цикл занятий, в ходе которого реализуются групповые формы обучения. В процессе обучения выполнение коммуникативных действий первоначально осуществляется с опорой на схему ориентировочной основы действия, которая представлена в виде особых раздаточных материалов, содержащих основные характеристики эффективного коммуникативного действия. После того, как во внешнем плане действие освоено и осознано, происходит переход действия во внутренний план личности, то есть осуществляется овладение действием и его интериоризация. Таким образом, в ходе реализации программы соблюдаются этапы формирования умственных действий, предложенные П. Я. Гальпериным.

Материалы и методы. Для выявления результативности занятий нами была проведена первичная и повторная диагностика.

В ходе диагностики оценивались такие показатели, как уровень эмпатии, уровень эмоциональных барьеров в общении, а также уровень сформированности отдельных коммуникативных компетенций. Были применены следующие методы: стандартизированные опросники (опросник «Юношеская копинг-шкала» в адаптации Т. Л. Крюковой; опросник А. А. Меграбяна по диагностике эмпатии; опросник В. В. Бойко «Эмоциональные барьеры в общении»), метод субъективного шкалирования, метод экспертного оценивания. Контингент исследования — студенты направления «Психолого-педагогическое образование» Воронежского государственного педагогического университета.

Результаты. Результаты повторной диагностики позволили сделать вывод о повышении эффективности коммуникативных действий участников занятий. Выявлены следующие статистически обоснованные эффекты занятий: повышение уровня эмпатии, снижение эмоциональных барьеров в общении, повышение точности восприятия себя как коммуникатора, а также повышение требовательности и критичности к себе, связанное с повышением уровня рефлексии.

Заключение. Различия результатов основной и контрольной групп свидетельствуют о том, что формирование коммуникативной компетентности в рамках групповых форм работы происходит эффективнее, чем в процессе естественного личностного развития, и, соответственно, о том, что концепция П. Я. Гальперина может быть эффективно применена для формирования коммуникативных умений у студентов.

Библиографические ссылки

1. *Выготский Л. С.* Собрание сочинений : в 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии / под ред. В. В. Давыдова. М. : Педагогика, 1982. 504 с.
2. *Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения : в 2 т. Т. 2. М. : Педагогика, 1983. 318 с.
3. Совместная учебная деятельность и развитие детей : кол. монография / под ред. В. В. Рубцова, И. М. Улановской. М. : ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. 352 с.

4. *Гальперин П. Я.* Лекции по психологии : учеб. издание. М. : АСТ ; КДУ, 2007. 400 с.

5. *Подольский А. И.* Научное наследие П. Я. Гальперина и вызовы XXI века // Нац. псих. журнал. 2017. № 3(27). С. 9–20.

6. *Нечаев Н. Н.* Избранное. Работы разных лет. М. : «Логос-Принт», 2013. 226 с.

Д. А. Циринг
Я. Н. Пахомова
Ю. О. Гладков

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
Томск, Россия;*

*Финансовый университет при Правительстве РФ (Уральский филиал)
Челябинский государственный университет
Челябинск, Россия*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВЫЖИВАЕМОСТИ И ТЕЧЕНИЯ БОЛЕЗНИ У ЖЕНЩИН С РАКОМ МОЛОЧНОЙ ЖЕЛЕЗЫ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ*

В статье приводятся результаты исследования психологических факторов выживаемости и течения болезни у женщин с раком молочной железы. В результате лонгитюдного исследования получены данные о связи психологических показателей с различными вариантами течения болезни, а также о динамике личностных и субъектных характеристик при различных исходах болезни. Авторами обозначены дальнейшие перспективы лонгитюдного исследования на выборке женщин с раком молочной железы при пятилетней выживаемости.

Ключевые слова: рак молочной железы, выживаемость, течение болезни, лонгитюдное исследование.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00426).

Yana N. Pakhomova

Diana A. Tsiring

Yuri O. Gladkov

National Research Tomsk State University

Tomsk, Russia

Chelyabinsk State University;

*Financial University under the Government
of the Russian Federation (Ural Branch)*

Chelyabinsk, Russia

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF SURVIVAL AND DISEASE COURSE IN WOMEN WITH BREAST CANCER: RESULTS AND PROSPECTS OF THE STUDY

The article presents the results of a study of psychological factors of survival and the course of the disease in women with breast cancer. As a result of a longitudinal study, data were obtained on the relationship of psychological indicators with various variants of the course of the disease, as well as on the dynamics of personal and subjective characteristics with different outcomes of the disease. The authors have outlined further prospects for a longitudinal study on a sample of women with breast cancer with a five-year survival rate.

Keywords: breast cancer, survival, course of the disease, longitudinal study.

Введение. Актуальность исследования факторов выживаемости больных злокачественными образованиями, а также факторов течения онкологического заболевания, сохраняется как в психологической науке, практике лечения, так и в социальной политике государства. Данное направление исследований занимает чрезвычайно значимое место в условиях сложившейся ситуации неизменного роста числа онкологических больных в России. По данным Всемирной организации здравоохранения, прогнозируемое увеличение количества новых случаев рака в мире к 2040 году составит 63,1 %, в то время как новых случаев смерти от рака 71,5 % [1]. Прирост количества новых случаев смерти от рака в России — 17,4 %. Ли-

дирующее место в структуре заболеваемости злокачественными новообразованиями среди женского населения сохраняет рак молочной железы.

Психологическая травматичность рака молочной железы обусловлена, с одной стороны, страхом перед болезнью, восприятием заболевания как угрожающего жизни, с другой — боязнью утратить женственность, нежеланием подвергаться калечащей операции, связанной с причинением косметического дефекта. Кроме того, данное заболевание может восприниматься как фактор, нарушающий социально-психологическую адаптацию человека и сказывающийся на его отношениях с другими [2].

Материалы и методы. Цель исследования: изучить психологические факторы выживаемости и течения болезни у больных злокачественными новообразованиями, а также обозначить перспективы дальнейшей работы. Базой исследования выступил ГБУЗ «Челябинский областной клинический центр онкологии и ядерной медицины». Психологическую диагностику прошли 206 респондентов — женщины на этапе постановки диагноза, первый срез лонгитюдного исследования. Далее среди женщин на этапе постановки диагноза повторно были опрошены на втором срезе лонгитюдного исследования — 152 женщины и на третьем срезе лонгитюдного исследования — 96 женщин. В лонгитюдное исследование вошли пациентки, которым выполнено хирургическое вмешательство в плане радикального лечения; пациентки, больные распространенным нерезектабельным раком молочной железы, в ходе лонгитюдного исследования не изучались. Исследование было реализовано при помощи стандартизированных опросников: шкала базисных убеждений (R. Janoff-Bulman, адаптация М. А. Падун, А. В. Котельниковой), тест жизненной ориентаций (M. F. Scheier, C. S. Carver, адаптация Д. А. Циринг, К. Ю. Эвниной), опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса (адаптация Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляева), тест жизнестойкости (S. Maddi, адаптация Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой), тест-опросник «Уровень субъективного контроля» (Дж. Роттер, адаптация Е. Ф. Бажиным, Е. А. Голынкиной, Л. М. Эткиндоном), опросник личностной беспомощности (Д. А. Циринг, А. В. Степаненко), опросник качество

жизни (SF-36), («Health status survey», Short Form, русскоязычная версия, созданная и рекомендованная Межнациональным центром исследования качества жизни), опросник «Субъективный возраст человека» (B. Barak, адаптация Е. А. Сергиенко). В качестве методов математической статистики использовались: методы описательной статистики, Н-критерий Краскола — Уоллеса, U-критерий Манна-Уитни.

Результаты. Сравнительный анализ эмпирических данных трех срезов лонгитюдного исследования показал ряд значимых отличий: у женщин с раком молочной железы через 2,5–3 года после постановки диагноза возрастают показатели качества жизни (PF — физическое функционирование ($p = 0,028$), GH — общее состояние здоровья ($p = 0,05$), SF — социальное функционирование ($p = 0,022$), MH — психическое здоровье ($p = 0,008$)); снизились показатели ригидности мышления ($p = 0,022$); отмечается более высокий уровень самооценки ($p = 0,016$); наблюдается изменение локуса контроля в отношении здоровья к полюсу экстернальности ($p = 0,017$).

Далее был определен вклад конкретных субъектных и личностных характеристик женщин больных раком молочной железы в непосредственные (течение болезни) и отдаленные эффекты лечения (выживаемость). Женщины с негативным исходом заболевания (смерть) были убеждены в собственной удачливости и в возможности контроля происходящего, использовали широкий спектр стратегий совладания (положительная переоценка, дистанцирование, планирование решения проблемы, бегство-избегание), были более жизнестойки, оптимистичны и имели выраженную интернальность по сравнению с женщинами, у которых заболевание перешло в ремиссию. Полученные данные демонстрируют наличие парадоксальной гиперзащиты у скончавшихся ввиду болезни женщин, которые отрицали негативный исход заболевания, игнорировали факт возможного летального исхода.

Лонгитюдное исследование, реализуемое в течение трех лет (2019–2021), позволило получить данные о связи психологических показателей с различными вариантами течения болезни, а также о динамике личностных и субъектных характеристик при различных исходах болезни. Говоря о дальнейших перспективах, важно отме-

титель, что в онкологической практике целевым является показатель пятилетней выживаемости. Пятилетняя выживаемость является подтверждением успешно проведенного лечения. Поэтому крайне необходимо продолжить лонгитюдное исследование на выборке женщин с раком молочной железы при пятилетней выживаемости с целью оценки роли особенностей системной психической организации женщин с раком молочной железы в пятилетнюю выживаемость. Продолжением лонгитюдного исследования психологических факторов выживаемости и течения болезни у больных злокачественными новообразованиями является эмпирическая проверка на выборке женщин с раком молочной железы при пятилетней выживаемости двух каузальных гипотез: 1) о роли психологических характеристик больных в выживаемости и течении болезни; 2) о динамике личностно-психологических характеристик больных под влиянием болезни.

Заключение. Таким образом, изучение психологических характеристик женщин с раком молочной железы на протяжении пяти лет в связи с динамикой злокачественного образования повысит точность выводов о влиянии психологических предикторов на выживаемость и течение болезни в более длительной перспективе.

Библиографические ссылки

1. Global Cancer Observatory / J. Ferlay, M. Ervik, F. Lam et al. Cancer Today. Lyon, France : International Agency for Research on Cancer, 2020. URL: <https://gco.iarc.fr/today>.

2. *Тарабрина Н. В.* Посттравматический стресс у больных угрожающими жизни (онкологическими) заболеваниями // Журнал консультирования психологии и психотерапии. 2014. № 1. С. 36–90.

И. Ю. Цыганов
И. Н. Бондаренко

*Психологический институт
Российской академии образования
Москва, Россия*

ВКЛАД САМОРЕГУЛЯЦИИ, ШКОЛЬНОЙ ВОВЛЕЧЕННОСТИ И МОТИВАЦИИ ВОСЬМИКЛАСНИКОВ В ПОЗНАВАТЕЛЬНУЮ АКТИВНОСТЬ В 9-м КЛАССЕ*

Анализируются регуляторные и мотивационные предикторы познавательной активности в предэкзаменационных 8–9 классах на материале лонгитюдного исследования. В качестве предикторов изучаются показатели осознанной саморегуляции, школьной вовлеченности и безучастности, академической мотивации. Проверку получило предположение о том, что учащиеся с различным отношением к учению в 8-м классе различаются ресурсами (регуляторными и мотивационными) познавательной активности в 9-м классе.

Ключевые слова: познавательная активность, школьная вовлеченность, академическая мотивация, осознанная саморегуляция, лонгитюдное исследование.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 20-18-00470 «Саморегуляция и школьная вовлеченность как психологические ресурсы академической успешности: лонгитюдное исследование».

Igor Yu. Tsyganov
Irina N. Bondarenko

*Psychological Institute
of the Russian Academy of Education
Moscow, Russia*

THE CONTRIBUTION OF SELF-REGULATION, SCHOOL ENGAGEMENT AND MOTIVATION OF EIGHTH GRADERS TO COGNITIVE ACTIVITY IN THE 9TH GRADE*

Regulatory and motivational predictors of cognitive activity in pre-examination grades 8 and 9 are analyzed on the basis of longitudinal research. Indicators of conscious self-regulation, school engagement and disengagement, academic motivation are studied as predictors. The assumption was verified that students with different attitudes towards learning in grade 8 differ in the resources (regulatory and motivational) of cognitive activity in grade 9.

Keywords: cognitive activity, school engagement, academic motivation, conscious self-regulation, longitudinal study.

Введение. Одна из явных проблем основной школы — снижение у учеников положительного отношения к учению и появлением дефицитов познавательной активности — его главной составляющей. Это проявляется в потере интереса к учебному материалу, снижении успеваемости, повышении тревожности и учащении нарушений учебной дисциплины. Познавательную активность (ПА) изучают как качество (Б. Ф. Ломов, В. Д. Небылицын, Г. И. Шукина и др.) и как направленность (Д. Б. Годовикова, М. И. Лисина, А. М. Матюшкин и др.). Ее реализуют стремления к приобретению новых знаний о мире и обогащению ими уже имеющихся. В связи со снижением ПА к 9-му классу [1] представляется важным выявить регуляторные и мотивационные ресурсы поддержания оптимальной ПА в этом

* The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) within the framework of the scientific project No. 20-18-00470 “Self-regulation and school engagement as psychological resources of academic success: a longitudinal study”.

предэкзаменационном классе. Одним из регуляторов ПА может выступать школьная вовлеченность. Данное исследование проведено с опорой на зарубежные представления о школьной вовлеченности. Ее рассматривают как целостный психологический конструкт с многокомпонентной структурой и конкретным поведенческим проявлением (Fredricks, Reschly, Stefansson et al.). Наиболее авторитетен подход В. Fredricks, дополненный расширенной моделью школьной вовлеченности М.-Т. Wang [2; 3]. Вовлеченность («engagement») они рассматривают как многомерный конструкт и выделяют в нем четыре компонента: поведенческую, когнитивную, эмоциональную и социальную вовлеченность. В расширенной модели к вовлеченности добавлен фактор безучастности («disengagement») с аналогичными компонентами. Другим значимым ресурсом ПА выступает осознанная саморегуляция (СР) учащегося. В ресурсном подходе В. И. Моросановой к осознанной саморегуляции [4] СР понимается как *метаресурс* — управляющая система универсальных и специальных психологических средств (ресурсов) осознанного выдвижения целей и управления их достижением через мобилизацию всех остальных ресурсов на достижение планируемого результата. Соответствующие задачам мобилизованные ресурсы реализуются подсистемами универсальных и специальных регуляторных компетенций выдвижения и достижения цели, к которым относятся процессы и свойства осознанной саморегуляции (по В. И. Моросановой). Возможности осознанной СР как метаресурса также предполагают ее вклад в продуктивные аспекты достижения целей, например поддержание ПА учащегося в решении им учебной задачи с успешным результатом. Механизмы становления и реализации ПА тесно связаны с развитием регуляторно-личностных качеств инициативности, ответственности, и других [5]. Рост этих качеств у подростков также связан со степенью их вовлеченности в учебный процесс и взаимодействием с другими его участниками. Мы предположили совместный вклад саморегуляции, школьной вовлеченности/безучастности, академической мотивации в ПА. Также проверялась гипотеза том, что учащиеся с различным отношением к учению в 8-м классе различаются ресурсами (регуляторными и мотивационными) ПА в 9-м классе.

Материалы и методы. Выборка лонгитюдного исследования включала 156 восьмиклассников 13–16 лет ($M = 13,88$; $SD = 0,445$). Проведено по одному замеру показателей у каждого участника лонгитюда в 8-м и 9-м классе. Методики: «Отношение к учению в средних и старших классах школы» (методика А. Д. Андреевой, А. М. Прихожан в модификации И. Н. Бондаренко и др.), «Многомерная шкала школьной вовлеченности» (методика М.-Т. Wang et al. в адаптации Т. Г. Фоминой и В. И. Моросановой), «Стиль саморегуляции учебной деятельности, ССУД-М» (В. И. Моросанова, И. Н. Бондаренко), «Шкалы академической мотивации школьников, ШАМ-Ш» (Т. О. Гордеева и др.).

Результаты. Частотный анализ данных восьмиклассников показал преобладание среди них (90 %) учащихся с третьим (67 человек) и четвертым (78 человек) уровнями отношения к учению. Третий уровень характеризуется средним (равнодушным) отношением к учению и сниженной ПА. Четвертый уровень — отрицательным (негативным) отношением к учению и низкой ПА (по А. Д. Андреевой, А. М. Прихожан). В дальнейшем анализировались только эти учащиеся. С целью выявления ресурсов ПА в 9-м классе построены линейные регрессионные модели отдельно для групп с 3-м и 4-м уровнями. Зависимая переменная — «познавательная активность» в 9-м классе. Независимые переменные: компоненты осознанной саморегуляции, школьной вовлеченности и безучастности, академической мотивации в 8-м классе. В группе 3 регуляторными предикторами ПА стали «оценивание результатов» (обеспечивает положительный вклад) и «гибкость» (вносит отрицательный вклад). Другими предикторами (положительными) явились «интроецированная мотивации» и «социальная безучастность». В группе 4 обнаружены следующие регуляторные предикторы ПА: «гибкость» и «ответственность» (с положительным вкладом), «инициативность» (с отрицательным вкладом). Помимо них, отрицательный вклад вносит «социальная безучастность».

Заключение. Результаты исследования показали, что именно школьная безучастность восьмиклассников, а не их вовлеченность в 8-м классе, вносит вклад в ПА в 9-м. Более того, у восьмиклассников со сниженной ПА повышение социальной безучастности

в 8 классе ведет к росту ПА в 9-м классе, а в группе с отрицательным отношением к учению — наоборот. Гипотеза исследования подтверждена. Для учащихся со средним отношением к учению основными ресурсами ПА выступают оценивание результатов, самостоятельность в работе с учебным материалом и чувство вины за свою неуспешность. Для учащихся с негативным отношением таковыми являются ответственность за свое обучение, гибкость поведения в учебных ситуациях и способность обратиться за помощью к сверстникам и преподавателям.

Библиографические ссылки

1. *Андреева А. Д.* Отношение к учению в разные периоды развития российского школьного образования // *Культурно-историческая психология*. 2021. Т. 17, № 1. С. 84–92. DOI: 10.17759/ chp.2021170112
2. *Fredricks J., Reschly A., Christenson S.* Handbook of student engagement interventions: working with disengaged students. London; San Diego : Academic Press, 2019. 410 p.
3. Conceptualization and assessment of adolescents' engagement and disengagement in school: A Multidimensional School Engagement Scale / M.-T. Wang, J. Fredricks et al. // *European Journal of Psychological Assessment*. 2019. Vol. 35, № 4. P. 592–606. DOI: 10.1027/1015–5759/a00043
4. *Моросанова В. И.* Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // *Вестн. Моск. ун-та. Серия 14. Психология*. 2021. № 1. С. 3–37. DOI: 10.11621/vsp.2021.01.01
5. *Бондаренко И. Н., Моросанова В. И., Цыганов И. Ю.* Регуляторные и личностные предикторы познавательной активности учащихся // *Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики : материалы II-й Международ. науч.-практ. конф. 20–22 апреля 2017 г., Калуга, Россия. Калуга : АКФ «Политоп», 2017. С. 51–59.*

Е. В. Чернышева

Д. О. Прокин

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ ГЕЙМЕРОВ

Анализируются особенности общения геймеров. Выявляются положительные и отрицательные особенности влияния игровой среды. Акцентируется, что достоинством игровой коммуникации является нахождение друзей со схожими интересами и веселое времяпрепровождение. Появление агрессии является негативным влиянием коммуникативной среды геймеров.

Ключевые слова: геймер, коммуникация геймеров, игровой сленг.

Elena V. Chernysheva

Danil O. Prokin

*Ural Federal University named
after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia*

FEATURES OF GAMERS' COMMUNICATION

The features of gamers' communication are analyzed. The positive and negative features of the influence of the gaming environment are revealed. It is emphasized that the advantage of game communication is finding friends with similar interests and having fun. The appearance of aggression is a negative influence of the communicative environment of gamers.

Keywords: gamer, communication of gamers, gaming slang.

Введение. Сегодня существует огромное количество средств, форм и способов общения, часть из которых связана с применением современных технологий, в том числе и Интернета. Развитие компьютерных технологий, их общедоступность, развитие сети Интернет позволяют коммуницировать с другим человеком посред-

ствам виртуального общения. Одной из таких сред коммуникации является игровая, особенности которой психологически изучены недостаточно.

Материалы и методы. Для изучения особенностей коммуникации геймеров мы разработали анкету «Коммуникация геймеров» и проанализировали полученные данные от людей, обладающих знаниями и опытом в игровой среде.

В исследовании приняли участие более 40 человек разных возрастов от 18 до 50 лет, чей игровой стаж составляет от года до десяти лет (33,3 %), более 10 лет — 66,7 %. Средняя продолжительность игры большинства испытуемых составляет от 2 до 3 часов в день. Интересным фактом является то, что 13,3 % игроков тратят на игры больше 5 часов в день, а 10,3 % тратят на игры несколько часов в месяц.

Результаты. В компьютерных играх, как и в любой сфере, есть как достоинства, так и недостатки. Важным достоинством игр является развитие социальных навыков. Большинство онлайн-игр нацелены на развитие у играющих социальной активности. Во время командной игры у человека развиваются навыки умения взаимодействовать с игроками, а также умение правильно общаться с соперниками. Большинство респондентов (66,7 %) подчеркивают, что игровое общение является важной деталью игры.

На просторах виртуального мира люди находят людей, схожих с их взглядами и интересами, и такое общение перерастает в дружбу. Способность коммуницировать в игровом пространстве позволяет быстро узнавать человека, не выходя из дома. По мнению Петровой А. А. и Чеджемова Г. А.: «благодаря играм можно познакомиться с людьми со всего мира, найти друзей и просто расширить круг знакомых» [1]. Наше исследование показывает, что 40 % респондентов нашли друзей в игровой среде, а почти все имеют более 5 друзей, также увлеченных играми.

В игровой среде люди способны общаться, преодолевая языковой барьер и коммуницировать между собой, ясно друг друга понимая. У геймеров имеется особая форма коммуникации, их сленг напрямую зависит от жанра игры, в которую они играют. Этот общепринятый язык известен почти всем пользователям иг-

рового сообщества. Из данных опроса выяснено, что 73,3 % игроков пользуются игровым сленгом, а 26,7 % ограничиваются обычным общением и предпочитают не использовать игровой сленг.

Скляр Е. С. предполагает, что игровой язык формируется из сокращения основ или целых слов, аббревиация активно используются в компьютерном игровом сленге [2]. Для упрощения коммуникаций и удобства коммуникации игроков из разных частей мира в играх присутствуют различные механики общения. Их особенностью является то, что они могут использоваться всеми игроками, даже при полном незнании игрового языка или языка собеседника. Они индивидуально подстраиваются под каждого геймера в онлайн — играх.

Было выяснено, что 60 % респондентов пользуются игровым сленгом в реальной жизни. 40 % же склоны не употреблять слова из игрового сленга в повседневной жизни, употребляя его только на просторах виртуальной реальности.

На вопрос, какими словами люди пользуются в реальной жизни, большинство ответили, что не могут вспомнить конкретных слов или не используют их вообще, но те, кто активно пользуется игровым жаргоном, выделяют такие слова игрового сленга, как *холдить* (оставаться незамеченным), *скилл* (опыт в играх), *го* (идти, следовать). Наиболее распространенным словом, которое активно используется в реальной жизни, является слово *го*, которое значит идти.

Еще одним достоинством коммуникации игроков является нахождение людей со схожими интересами и возможность завести друзей. На вопрос: «Что привлекает в коммуникации с игроками?» — респонденты ответили, что их привлекает достижение совместных успехов и веселое времяпровождение. Особый интерес представили ответы на вопрос о продолжении общения в реальной жизни. Полученные данные указали на то, что 46,7 % людей готовы перенести общение в реальную жизнь и 40 % находили 1–2 друзей именно игровой среде. 60 % игроков имеют в своем окружении более 5 человек, увлеченных играми. Геймеры в игровой среде могут найти себе друзей или людей со схожими интересами и переносить общение из игровой среды в реальную жизнь. Но важно отметить, что 46,7 % респондентов привлекает веселое времяпровождение, а 33,3 % объединены общностью интересов.

Недостатком игровой коммуникации выступает агрессивность со стороны игроков. В игровых чатах чаще встречаются гневные, агрессивные комментарии, чем положительные. Человек выплескивает свой негативизм в игру, и нередко «под раздачу» попадают другие игроки. 26,7 % респондентов отмечают, что постоянно встречаются с агрессивным поведением других игроков. Проявление положительного отношения со стороны других игроков отмечают лишь 40 % респондентов.

Еще одним недостатком выступает нежелание общаться. Желание коммуницировать может пропадать в следствии агрессии со стороны других игроков. Агрессия является причиной негативного влияния, в редких случаях может стать причиной прекращения коммуникации в игровой среде. Нежелание общаться может возникнуть и из-за влияния настроения самого человека. Некоторые люди хотят отдохнуть в игре, а взаимодействие с другими людьми может вызывать лишнее напряжение и утомление.

Из 80 % тех, кто не желает коммуницировать, находятся те, кто может взаимодействовать с другими игроками только по необходимости, например для того чтобы добиться совместных целей. Нежелание взаимодействовать в игре с другими игроками схоже с нежеланием общаться в реальной жизни, когда человек напряжен и не имеет сил контактировать с окружающими.

Заключение. Общение геймеров в игровой среде является новым способом коммуникации. В общении геймеров выделяют положительные и отрицательные стороны. В положительные стороны входит повышение социальных и коммуникативных навыков и поиск людей со схожими интересами. Отрицательная сторона включает в себя негативное отношение игроков в общении, проявление агрессии.

Библиографические ссылки

1. Петрова А. А., Чеджемов Г. А. Особенности субкультуры российских геймеров в процессе онлайн-игры // *Вопр. студенческой науки.* 2020. Вып. № 4(44). С. 690–694.
2. Скляр Е. С. Геймерский сленг как компонент компьютерного жаргона // *Регион. вестн.* 2019. С. 23–25.

В. С. Чернявская
В. Р. Малахова

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
Владивосток, Россия*

ИСТОЧНИКИ САМОРАСКРЫТИЯ СПОСОБНОСТЕЙ ПОДРОСТКОВ: РАЗРАБОТКА ОПРОСНИКА

Показаны этапы создания опросника «Источники самораскрытия способностей». Описан этап построения событийного и ролевого контекста самораскрытия способностей. Использован нарративный подход с включением интерпретации на базе концепции В. Я. Проппа. На основе самоописаний выделены категории источников детерминации самораскрытия способностей: «я сам», «друзья», «родители», «учитель». Текст вопросов был проанализирован, выявлена согласованность экспертов (альфа Кронбаха).

Ключевые слова: самораскрытие способностей, источники, подростки, родители, учитель, сверстники, опросник.

Valentina S. Chernyavskaya
Varvara R. Malakhova

*Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia*

SOURCES OF SELF-DISCLOSURE OF THE ABILITIES OF ADOLESCENTS: QUESTIONNAIRE DEVELOPMENT

The stages of creating the questionnaire “Sources of self-disclosure of abilities” are shown. The stage of constructing the event and role context of self-disclosure of abilities is described. A narrative approach is used with the inclusion of interpretation based on the concept of V. Y. Propp. Based on self-descriptions, categories of sources of determination of self-disclosure of abilities are identified: “myself”, “friends”, “parents”, “teacher”. The text

of the questions was analyzed, the consistency of experts was revealed (Cronbach's alpha).

Keywords: self-disclosure of abilities, sources, adolescents, parents, teacher, peers, questionnaire.

Введение. В условиях постоянных изменений процесс взросления и формирования идентичности у подростков затрудняется. Остается неясным кто в наибольшей степени влияет на рост идентичности подростков, то есть является источником самораскрытия способностей для подростка.

Согласно мнениям Э. Эриксона и Дж. Мида, наиболее важными возрастными задачами подростка являются актуализация самосознания, формирование идентичности, становление Я-концепции и образа будущего [1; 2].

Феномен самораскрытия способностей подростка основан на внутреннем диалоге [3, с. 8–19]. Самораскрытие способностей как процесс проходит скрыто, но его результат может быть зафиксирован тогда, когда подросток в тексте самоописания отражает себя как субъекта определенных способностей. Наличие категории способностей в самоописании (Я-концепции) является критерием самораскрытия способностей подростка [Там же]. Содержание Я-концепции происходит в связи с усвоенным мнением о нем других, во взаимодействии подростка с ними.

И. В. Дубровина пишет: «Ребенок приходит к осознанию самого себя через отношение к нему значимых для него людей» [4, с. 12]. Далее автор описывает интеграцию социальной ситуации таким образом: «Взаимодействие формирующейся «внутренней среды» растущего человека с разными средами его обитания составляет содержание социальной ситуации развития и определяет его психологическое благополучие/неблагополучие» [Там же].

Социальная ситуация развития подростка по Л. С. Выготскому, предопределена тем, как относится к подростку взрослый: чувствует ли ребенок уважение к нему, свою значимость для родителей — именно такого рода отношение детерминирует соответствующее отношение подростка к себе [5].

Материалы и методы. Целью нашей работы была разработка и валидизация опросника социальных источников самораскрытия способностей подростка. Разработанный автором статьи, первый вариант диагностики — опросник факторов самораскрытия, решал подобную задачу, но был ориентирован на более широкие возрастные категории (подростков и студентов), данные о его адаптации не были обобщены [6].

Необходима стала разработка нового опросника для выявления иерархии источников самораскрытия способностей подростка. Для поиска общих источников проводился эксплораторный эксперимент, связанный с детерминацией социального окружения подростка. Перечень источников соответствовал теоретическим положениям педагогической психологии. Процедура верификации компонентов опросника проводилась на основе данных полученных от психологов — участников тренингов и программ повышения квалификации. Задание формулировалось так: «Описать, как Вы узнали, что у Вас есть способности». Полученные самоописания систематизировались. Мы исходили из положений нарративного подхода. Каждый из добровольцев предлагал ретроспективную историю самораскрытия своих способностей, сопровождая ее интерпретацией событийного ряда.

Результаты. Реконструкция опыта, выраженная в устной речи человека, обладает высоким потенциалом активности. Обобщив повествования добровольцев — участников исследования как некие «сценарии» самораскрытия способностей, мы получили модель, которая, по нашему мнению, оказалась пригодной к интерпретации с позиции функций волшебной сказки А. Я. Проппа [7]. Соотнесение онтогенетических этапов открытия в себе своих способностей через функции героя (рассказчика) позволило раскрыть смысловое отражение исследуемого процесса с учетом социального окружения. Были получены три категории родителей; учителей; сверстников, которые трактовались в широком контексте.

Заключение. На основании выделенных смысловых категорий отражающих субъектов социальной среды развития личности были сформированы версии опросника, которые были валидизированы с помощью компетентных экспертов. Вопросы были сгруппированы

по темам. Эксперты выявляли содержание вопросов (о чем говорит этот вопрос?). Проверялась согласованность их мнений. Расчет выполнялся в программе SPSS. Оказалось, что средний коэффициент корреляции между компонентами: $r = 71$ (α Кронбаха).

Характеристики опросника: контингент испытуемых: школьники-подростки. Комплектность, состав методики: методика включает в себя инструкцию, бланк для ответов, рекомендации по обработке и интерпретации результатов. Теоретическое основание: самораскрытие понимается как новообразование подросткового возраста, результат внутреннего диалога подростка с собой (Я-другое Я) связанное с обнаружением у себя способностей.

Библиографические ссылки

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. 344 с.
2. Мид Дж. Г. Избранное : сб. переводов / отв. ред. Ефременко. М., 2009. 290 с. (Сер.: Теория и история социологии).
3. Чернявская В. С. Самораскрытие способностей: понятие, основные функции и условия развития // Самораскрытие способностей как внутренний диалог: когнитивные, метакогнитивные и экзистенциальные ресурсы человека : монография / отв. ред. д-р пед. наук В. С. Чернявская. Владивосток, 2021. 216 с.
4. Дубровина И. В. Феномен «психологическое благополучие» в контексте социальной ситуации развития // Вестн. практ. психологии образования. 2020. Т. 17, № 3. С. 9–21. DOI: 10.17759/bprp.2020170301
5. Выготский Л. С. Вопросы детской возрастной психологии. М., 2000. 1008 с.
6. Чернявская В. С. Факторы самораскрытия профессиональных способностей студентов: адаптация опросника // Человек и его ценности в современном мире : IX Международ. науч.-практ. конф., 15–16 ноября 2017 г., г. Чита. Чита, 2017. 135 с
7. Пропп В. Я. Морфология сказки. М., 1969. 168 с.

Ю. Д. Черткова
М. С. Егорова
О. В. Паршикова
Н. М. Зырянова

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

АВТОРИТАРНОСТЬ КАК КОМПЕНСАТОРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА В СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Исследование посвящено авторитарности как компенсаторной характеристике в ситуациях неопределенности и оценке ассортативности по показателям авторитарности. Показано, что сходство супругов по авторитарности является значимой как для формирования, так и для сохранения брачных отношений, поскольку отражает важные для жизни установки, от которых зависит суждения и действия в стрессовых и неопределенных ситуациях.

Ключевые слова: авторитарность, компенсаторная характеристика, ассортативность, ситуация неопределенности, агрессия, конвенционализм.

Yulia D. Chertkova
Marina S. Egorova
O. V. Parshikova
Nadezhda M. Zyryanova
*Moscow State University
named after M. V. Lomonosov
Moscow, Russia*

AUTHORITARIANISM AS A COMPENSATORY CHARACTERISTIC IN A SITUATION OF UNCERTAINTY

The study is devoted to authoritarianism as a compensatory characteristic in situations of uncertainty and the assessment of assortativity in terms of authoritarianism. It is shown that the similarity of spouses in authori-

tarianism is significant both for the formation and preservation of marital relations, since it reflects important attitudes for life, on which judgments and actions depend in stressful and uncertain situations.

Keywords: authoritarianism, compensatory characteristic, assortativity, situation of uncertainty, aggression, conventionalism.

Введение. Авторитарность как личностная черта представляет собой склонность к некритическому отношению к власти. В ней выделяются три составляющие — авторитарное подчинение (слепое подчинение властным структурам), авторитарная агрессия (агрессия по отношению к инакомыслящим) и конвенционализм (приверженность устоявшимся, проверенным временем нормам и ценностям [1; 2].

К настоящему времени показано, что авторитарность связана с низкой толерантностью к амбивалентности [3]. В свою очередь авторитарность является защитной установкой, снижающей тревожность и увеличивающей ощущение предсказуемости внешнего мира и веры в то, что на него можно как-то влиять.

В исследовании рассматривается авторитарность как компенсаторная характеристика в ситуациях стресса и неопределенности, а также анализируется сходство супругов по этой черте.

Материалы и методы. Выборку исследования составили 214 супружеских пар (возраст от 19 до 72 лет, $M = 36,89$, $SD = 12,56$). Стаж брака варьировал от нескольких месяцев до 47 лет ($M = 10,99$, $SD = 11,05$).

Использовались следующие методики. Краткий опросник авторитарности, позволяющий получить оценку авторитарности и двух ее компонент — авторитарного подчинения и агрессии и конвенционализма [4; 5].

Опросник толерантности к неопределенности.

Опросник веры в паранормальные явления Дж. Тобасика, имеющий 7 шкал — религиозные представления, парапсихология, магия, вера в приметы (суеверия), спиритизм, необычные существа, предсказание будущего и астрология [6].

Респонденты заполняли опросники, оценивая свое согласие с утверждениями по пятичленной шкале Ликерта, где 1 балл соот-

ветствует абсолютному несогласию, а 5 — максимальному согласию. Суммарный балл по шкале опросника делился на количество пунктов, входящих в нее, что позволяло иметь одинаковую размерность у шкал всех опросников (от 1 до 5).

Статистическая обработка включала в себя дескриптивную статистику, оценку различий между группами (сравнение средних по t -критерию Стьюдента и дисперсий по F -отношению), корреляционный анализ (вычисление коэффициентов ранговой корреляции Спирмена).

Обработка данных проводилась в статистической системе IBM SPSS Statistics, версия 18.0.

Результаты. Ответы респондентов на вопросы опросников покрывают весь спектр возможных значений — от полного согласия до полного несогласия. Среднее по двум шкалам опросника авторитарности расходится — люди оценивают себя как не очень склонных к подчинению власти и недовольству инакомыслящими ($M = 2,37$, $SD = 0,95$), но считают важным сохранение традиций и ценностей прошлых поколений ($M = 3,44$, $SD = 1,00$). В отношении веры в паранормальные явления мы наблюдаем смещение ответов в сторону несогласия ($M = 2,47$, $SD = 0,79$), особенно в отношении веры в приметы ($M = 1,61$, $SD = 0,88$). Толерантность к неопределенности демонстрирует нормальное распределение ($M = 3,05$, $SD = 0,79$).

Женщины в целом демонстрируют большую веру в паранормальные явления (2,59 vs 2,34, размер эффекта 0,32) включая традиционные религиозные представления, а также большую веру в парапсихологию, спиритизм, возможность предсказания будущего и спиритизм. Они имеют более низкую, чем мужчины, толерантность к неопределенности (2,93 vs 3,18, размер эффекта -0,32).

По авторитарности и ее составляющим половых различий обнаружено не было.

Авторитарность взаимосвязана с верой в паранормальные явления ($r = 0,22$, $p < 0,001$) и отдельными ее составляющими: религиозными представлениями, верой в парапсихологию, магию, приметы, предсказание будущего и астрологию, а также с низкой толерантностью к неопределенности ($r = -0,24$, $p < 0,001$).

Супруги демонстрируют высокий уровень сходства по всем показателям авторитарности (так, для общей авторитарности $r = 0,550$, $p < 0,001$).

Заключение. Таким образом, очевидно, что авторитарность является характеристикой, значимой для формирования и сохранения брачных отношений, поскольку отражает важные для жизни установки, определяющие суждения и действия в стрессовых и неопределенных ситуациях.

Библиографические ссылки

1. *Altemeyer B.* Right-wing authoritarianism. Manitoba : University of Manitoba Press, 1981.
2. *Altemeyer R.* The authoritarian specter. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1996.
3. *Van Hiel A., Onraet E., De Pauw S.* The relationship between socialcultural attitudes and behavioral measures of cognitive style: A meta-analytic integration of studies. *Journal of Personality.* 2010. Vol. 78. P. 1765–1799.
4. *Jost J. T., Sidanius J.* Political psychology: Key readings. Psychology Press, 2004.
5. Авторитарность в структуре личностных черт / Ю. Д. Черткова, М. С. Егорова, А. Я. Фоминых и др. // Псих. исследования. 2017. № 10 (52). С. 11.
6. *Tobacyk J. A.* Revised Paranormal Belief Scale // *The International Journal of Transpersonal Studies.* 2004. Vol. 23. P. 94–98.

М. В. Чумаков
Д. М. Чумакова

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия;
Курганский государственный университет
Курган, Россия*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВОЛЕВЫХ КАЧЕСТВ И СУИЦИДАЛЬНЫХ НАМЕРЕНИЙ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА

Анализируются взаимосвязи личностных качеств и суицидальных намерений студентов университета на примере волевых качеств. Эмпирически выявляются взаимосвязи с суицидальными намерениями как отдельных волевых качеств, так и общего показателя развития эмоционально-волевой сферы. Показано, что уровень развития волевых качеств отрицательно коррелирует с суицидальными намерениями студентов. Группа студентов, имеющих суицидальные мысли в момент исследования, демонстрирует более низкий уровень выраженности волевых качеств. Программы развития эмоционально-волевой сферы личности перспективны с точки зрения профилактики суицидальности в молодежной среде.

Ключевые слова: суицидальность, намерения, воля, взаимосвязь, молодежная среда.

Mikhail V. Chumakov

Darya M. Chumakova

*Ural Federal University named
after the first President of Russia B. N. Yeltsin*

Yekaterinburg, Russia;

Kurgan State University

Kurgan, Russia

INTERRELATION OF VOLITIONAL QUALITIES AND SUICIDAL INTENTIONS OF UNIVERSITY STUDENTS

Interrelations of personal qualities and suicidal intentions of university students are analyzed on the example of volitional qualities. Relationships with suicidal intentions of both individual volitional qualities and the general indicator of the development of the emotional-volitional sphere are empirically revealed. It is shown that the level of development of volitional qualities negatively correlates with suicidal intentions of students. A group of students with suicidal thoughts at the time of the study demonstrates a lower level of volitional qualities. Programs for the development of the emotional-volitional sphere of the personality are promising from the point of view of the prevention of suicidality among young people.

Keywords: suicidality, intentions, will, relationship, youth environment.

Введение. В психологии продолжают исследования, посвященные взаимосвязям личностных качеств и суицидальности. Значительное число работ по данной проблематике касается патологических особенностей личности. Исследования в границах нормы в отношении популяции позитивно развивающихся молодых людей не столь многочисленны [1–4]. Некоторые авторы рассматривают условия формирования суицидального поведения студентов в определенной категории вузов, например в медицинском университете [5]. Под суицидальными намерениями в нашем исследовании понимается выраженность мыслей о самоубийстве, суицидальных планов и попыток. Волевые качества отражают развитие эмоционально-волевой сферы личности студентов. Гипотеза исследования состояла в том, что студенты с более выраженными

волевыми качествами личности имеют менее выраженные суицидальные намерения.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 923 студента университетов Курганской области. Группа студентов с выраженными суицидальными мыслями на момент исследования 89 человек.

Шкала суицидальных намерений (M. Perrez, B Plancherel, S. Seitz, A. Babounakis, A. Teuscher, N. Michlig). Шкала волевых качеств личности (ВКЛ, М. Чумаков). Математическая обработка проводилась с использованием коэффициента корреляции Спирмена и критерия Колмогорова — Смирнова, поскольку распределение некоторых переменных отличалось от нормального.

Результаты. В исследовании выявлена отрицательная корреляция общего балла по методике ВКЛ и показателя выраженности суицидальных намерений ($-0,25, p < 0,01$). По отдельным волевым качествам корреляции с суицидальными намерениями следующие. Ответственность ($-0,11, p < 0,01$). Решительность ($-0,19, p < 0,01$). Выдержка ($-0,17, p < 0,01$). Настойчивость ($-0,18, p < 0,01$). Энергичность ($-0,29, p < 0,01$). Внимательность ($-0,18, p < 0,01$). Целеустремленность ($-0,17, p < 0,01$). Группа студентов с выраженными суицидальными мыслями на момент исследования имеет статистически значимо менее выраженный общий показатель развития волевых качеств по методике ВКЛ ($Z = 2, 0,80, p < 0,01$).

Заключение. Гипотеза исследования подтвердилась. Студенты с развитыми эмоционально-волевыми качествами менее склонны к суициду. Развитие эмоционально-волевой сферы студентов можно рассматривать как элемент профилактической работы по снижению суицидальных намерений.

Библиографические ссылки

1. Розанов В. А., Лаская Д. А, Шаболтас А. В. Самоубийства студентов — что мы знаем, и чего мы не знаем (результаты анализа сообщений сетевых СМИ) // Суицидология. 2021. Т. 12, № 3 (44). С. 39–57.

2. Розанов В. А., Рахимкулова А. С., Уханова А. И. Ощущение бессмысленности существования у подростков — связь с суицидальными прояв-

лениями и психическим здоровьем // Суицидология. 2014. Т. 5, № 3 (16). С. 33–40.

3. Чумаков М. В., Чумакова Д. М. Религиозность личности и суицидальные намерения студентов университета // Пед. образование в России. 2020. № 4. С. 169–176.

4. *Chumakov M., Chumakova D. Parents' Personality, Marriage Satisfaction, Stress, and Punishment of Children in the Family // Behavioral Sciences. 2019. № 9(12). P. 153.*

5. Условия формирования суицидального поведения у студентов медицинского вуза / Д. Ф. Хритинин, М. А. Сумарокова, А. В. Есин и др. // Суицидология. 2016. Т. 7, № 2 (23). С. 49–54.

С. Г. Шабас

*Гуманитарный университет
Екатеринбург, Россия*

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ПЕДАГОГОВ В ДЕТСКОМ САДУ

Создаваемая в соответствии с законодательством цифровая образовательная среда приводит в детских садах к значительным изменениям в психологической готовности педагогов к осуществлению взаимодействия с субъектами образования. Эмоциональная и деятельностная включенность в новые технологические условия, повышенные требования к личностному и профессиональному потенциалу влияют на психологическое благополучие всего педагогического коллектива.

Ключевые слова: цифровизация, психологическое благополучие, педагоги, детский сад.

Svetlana G. Shabas

*Liberal Arts University — University for Humanities
Yekaterinburg, Russia*

THE IMPACT OF DIGITALIZATION OF EDUCATION ON THE PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF TEACHERS IN KINDERGARTEN

The digital educational environment created in accordance with the legislation leads in kindergartens to significant changes in the psychological readiness of teachers to interact with the subjects of education. Emotional and activity involvement in new technological conditions, increased requirements for personal and professional potential affect the psychological well-being of the entire teaching staff.

Keywords: digitalization, psychological well-being, teachers, kindergarten.

Введение. Цифровизация образования как процесс внедрения цифровых технологий требует повышения цифровой компетенции педагогов. Государственная политика и потребности родителей и воспитанников приводят педагогов к необходимости создания новой цифровой образовательной среды, что приводит к значительному напряжению в психологическом благополучии.

Материалы и методы: метод экспертных оценок педагогов-психологов дошкольных образовательных организаций на базе районного методического объединения Ленинского района г. Екатеринбурга.

Результаты. Необходимость цифровой модернизации дошкольного образования влечет за собой немало проблем — мотивация педагогов к взаимодействию со всеми субъектами цифровой социализации и их личностная и профессиональная готовность [1]. Новые требования к уровню профессиональной компетенции педагогов в условиях технологических вызовов должны влиять на психологическую готовность осуществления педагогической деятельности без снижения ее качества. Психологическое напряжение, связанное со сменой образовательного формата, приводят к появлению психологических проблем и ухудшают психологическое благополучие педагогического состава [2]. Цифровые технологии в настоящее время не просто новый инструмент в дошкольном образовании, а среда существования и самостоятельный процесс, приводящий педагогов к необходимости постоянного совершенствования профессиональных и личностных навыков [3]. Внедрение федерального проекта «Цифровая образовательная среда» в детские сады проявило противоречие между необходимостью повышать качество дошкольного образования и недостаточной психолого-педагогической готовностью педагогов к использованию цифровых ресурсов [4]. Цифровые инновации в образовательном процессе предъявляют новые требования к деятельности педагогов, приводящие к повышению уровня профессионального стресса. Значительная затрата психических ресурсов для достижения новых результатов негативизирует социально-психологическое взаимодействие педагогов [5]. Педагоги-психологи системы дошкольного образования отмечают, что цифровизация образования вызывает

проблемы педагогического коллектива: низкий уровень мотивации для участия в процессах цифровизации образования; непонимание последствий технологизации образовательного процесса; отсутствие личностной активности в освоении цифровых ресурсов; сложность контроля сформированности цифровых компетенций; обезличивание субъектов образовательного процесса. Данные проблемы приводят к психологическому напряжению во взаимодействии педагогов со всеми субъектами образования, к психологическому истощению и хроническому стрессу. Многие педагоги отмечают, что часто испытывают негативные эмоции, склонны к конфликтности в коммуникации, теряют осмысленность педагогической деятельности, не хотят принимать цифровую компетентность как личностный рост. Важную роль в оптимизации психологического благополучия педагогов в системе дошкольного образования играет психологическое сопровождение, направленное на поиск и укрепление личностных ресурсов для продвижения к высокому уровню самоактуализации в профессии. Основными направлениями деятельности педагогов-психологов по сохранению психологического благополучия педагогов в условиях современного детского сада являются следующие: поддержка автономии, самостоятельности и независимости; закрепление чувства целенаправленности своих действий; формирование устойчивости в освоении и управлении окружающей средой; принятие цифровизации как части педагогической деятельности; повышение эмоциональной устойчивости личности.

Заключение. Таким образом, информатизация образовательной среды в условиях детского сада имеет прямое воздействие на психологическое благополучие педагогического коллектива. Необходима психолого-педагогическая поддержка, направленная на позитивизацию коммуникации педагогов, их личностную гибкость и формирование цифровой культуры.

Библиографические ссылки

1. Багинская Е. С. Цифровизация дошкольного образования: психологические проблемы // Науч. мнение. 2021. № 12. С. 163–167.

2. *Винокурова О. В.* Психологическая адаптация педагогов в условиях цифровизации современной системы образования // Проблема профессиональной дезадаптации в условиях современных социальных вызовов : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Липецк, 15 октября 2021 г.). Липецк : Липец. гос. пед. ун-т им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. С. 65–72.

3. *Молянова Т. П.* Дошкольное образование и цифровизация: проблемы и риски // Осовские педагогические чтения «Образование в современном мире: новое время — новые решения». 2021. № 1. С. 342–346.

4. *Сваталова Т. А.* Исследование готовности педагогов дошкольного образования к использованию цифровых технологий в педагогической деятельности // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2021. № 1(46). С. 38–44.

5. *Абдурахманов Р. А., Васильев В. И., Глебская О. В.* Цифровизация образования и эмоциональное выгорание педагогов // Процессы цифровизации в современном социуме: тенденции и перспективы развития : сб. докладов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Елец, 27 ноября 2019 г.). Елец : Рос. нов. ун-т, 2019. С. 21–28.

М. С. Шевелева

Н. А. Руднова

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Пермь, Россия

ФЕНОМЕН САМОЗВАНЦА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Целью настоящего исследования стало изучение мотивации и перфекционизма как потенциальных предикторов феномена самозванца в профессиональной среде. В исследовании приняли участие 320 взрослых работающих русскоязычных респондентов. Результаты множественного регрессионного анализа показали, что дезадаптивный перфекционизм и профессиональная амотивация позитивно предсказывали феномен самозванца у взрослых работающих русскоязычных респондентов.

Ключевые слова: феномен самозванца, профессиональная среда, перфекционизм, мотивация, регрессионный анализ.

Marina S. Sheveleva

Natalia A. Rudnova

HSE University

Perm, Russia

IMPOSTOR PHENOMENON IN THE WORK CONTEXT

The objective of this research is to study motivation and perfectionism as potential predictors of the impostor phenomenon in the work context. 320 working Russian respondents took part in this study. The results of the multiple regression analysis indicate that maladaptive perfectionism and professional amotivation could be regarded as positive predictors of the impostor phenomenon in working Russian adults.

Keywords: impostor phenomenon, work context, perfectionism, motivation, regression.

Введение. Феномен самозванца описывает людей с высокими результатами деятельности, которые, несмотря на объективные признаки успеха, не могут принять собственные достижения и испытывают постоянный страх перед тем, что окружающие узнают, что они не настолько хороши, как о них думают. Одной из наиболее изученных областей, в которых процветает феномен самозванца, стала профессиональная деятельность человека. Известно, что сотрудники с феноменом самозванца испытывают высокий уровень стресса [1], склонны к прокрастинации [2] и профессиональному выгоранию [3], не удовлетворены работой и карьерой [4], не желают продвигаться по карьерной лестнице и занимать руководящие позиции [5]. Как правило, после получения сложного задания люди с выраженным феноменом самозванца проявляют сильное беспокойство и с повышенным старанием выполняют это задание, хотя даже общественное признание успеха не приносит им облегчения и не ведет к улучшению самооценки. Современные специалисты отмечают тесные связи между феноменом самозванца, перфекционизмом и профессиональной мотивацией, однако до сих пор не было проведено ни одного эмпирического исследования этих связей. Целью настоящего исследования стало изучение мотивации и перфекционизма как потенциальных предикторов феномена самозванца в профессиональной среде.

Материалы и методы. В кросс-секционном исследовании приняли участие 320 взрослых работающих русскоязычных респондентов. Все участники исследования заполнили анкету, содержащую шкалу феномена самозванца П. Кланс, краткую почти совершенную шкалу Р. Слейни и опросник профессиональной мотивации Е. Н. Осина.

Результаты. Результаты множественного регрессионного анализа показали, что негативный перфекционизм и профессиональная амотивация позитивно предсказывали феномен самозванца у взрослых работающих русскоязычных респондентов. Автономная и контролируемая профессиональная мотивация не оказались статистически значимыми предикторами феномена самозванца. Тот факт, что в настоящем исследовании ни внутренняя, ни внешняя профессиональная мотивация не предсказывали феномен самоз-

ванца, противоречит ранее обнаруженным закономерностям и нуждается в дополнительных эмпирических испытаниях. Позитивное предсказание амотивацией может указывать на влияние побочных психологических характеристик, в частности чувства усталости, эмоционального выгорания или профессиональной апатии сотрудников.

Заключение. Результаты настоящего исследования могут быть использованы в диагностической и консультационной работе с сотрудниками, демонстрирующими негативный перфекционизм и профессиональную амотивацию. В этом случае превентивные мероприятия, направленные на коррекцию отношения сотрудников к своим профессиональным обязанностям, могут предотвратить развитие не только феномена самозванца, но и многих связанных с ним негативных психологических и организационных изменений.

Библиографические ссылки

1. *Bechtoldt M. N.* Wanted: Self-doubting employees — Managers scoring positively on impostorism favor insecure employees in task delegation // *Personality and Individual Differences*. 2015. Vol. 86. P. 482–486.
2. *Rohrmann S., Bechtoldt M. N., Leonhardt M.* Validation of the impostor phenomenon among managers // *Frontiers in psychology*. 2016. Vol. 7. P. 821.
3. Examining the impostor phenomenon and work-family conflict / *W. S. Crawford et al.* // *Journal of Managerial Psychology*. 2016.
4. *Sharma S.* Impostor phenomenon, career satisfaction and perceived career success of research scholars: Testing the mediator role of career optimism // *Pacific Business Review International*. 2018. Vol. 10, № 9. P. 182–187.
5. *Neureiter M., Traut-Mattausch E.* An inner barrier to career development: Preconditions of the impostor phenomenon and consequences for career development // *Frontiers in psychology*. 2016. Vol. 7. P. 48.

А. Ю. Шепеленко

В. В. Косоногов

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Москва, Россия

МЕЖСУБЪЕКТНЫЕ КОРРЕЛЯЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ КАК ПРЕДИКТ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ПРОЕКТ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Мы исследовали взаимосвязь уровня межсубъектных корреляций эмоционального состояния и размера пожертвования. Используя программу автоматического распознавания эмоций (Facereader), а также показатели электрической активности кожи (ЭАК), частоты сердечных сокращений (ЧСС) и variability сердечного ритма (ВСР), мы измеряем эмоциональное состояние испытуемых во время просмотра видеосюжетов, направленных на сбор пожертвований. Мы предполагаем, что уровень синхронизации эмоционального состояния, ЭАК, ЧСС, ВСР будет связан с размером пожертвований. Полученные данные могут быть полезны для оценки эффективности благотворительных сюжетов и оптимизации маркетинговых коммуникаций некоммерческих организаций.

Ключевые слова: пожертвования, благотворительное поведение, базовые эмоции, частота сердечных сокращений, электрическая активность кожи, variability сердечного ритма.

A. Yu. Shepelenko

V. V. Kosonogov

HSE University

Moscow, Russia

INTER-SUBJECT CORRELATIONS OF EMOTIONAL STATES AS A PREDICT OF CHARITABLE BEHAVIOR: A PSYCHO-PHYSIOLOGICAL RESEARCH PROPOSAL

In this study, we explore the relationship between the level of inter-subject correlations of the emotional state and the size of the donation. Using the Facereader, an automatic emotion recognition program, as well as the skin conductance response (SCR) heart rate (HR), we measure the emotional state of the subjects while watching donation videos. We expect that the level of synchronization of the emotional state, SCR and HR will be related to the amount of donations. The data obtained can be useful for evaluating the effectiveness of charitable stories and optimizing non-profit organization' marketing communications.

Keywords: donations, charitable behavior, basic emotions, heart rate, skin electrical activity.

Введение. Для благотворительных организаций сбор пожертвований является крайне важной задачей, реализация которой сильно осложняется в условиях экономической нестабильности [1]. Дополнительную поддержку некоммерческому сектору могут оказать исследования, изучающие процесс принятия решений о пожертвованиях. Ранее было показано, что эмоциональное состояние связано с благотворительным поведением [2–4], однако данные предыдущих исследований противоречивы и не дают однозначного представления о том, какие именно эмоции наиболее эффективны в контексте благотворительных призывов, особенно при использовании длительных повествований, например видеосюжетов или телевизионной рекламы.

Таким образом, данное исследование направлено на изучение взаимосвязи эмоционального состояния при просмотре благотворительных видеосюжетов и размера пожертвования.

Материалы и методы. С этой целью мы используем метод межсубъектных корреляций, который широко используется для анализа нарративов [5] и уже применялся для анализа рекламы и кинофильмов [6; 7]. Учитывая данные предыдущих исследований, можно ожидать, что уровень синхронизации эмоциональных состояний будет связан с размером пожертвования. Для измерения эмоционального состояния мы планируем использовать программу Facereader, которая по активности лицевых мышц на основе алгоритма машинного обучения автоматически распознает шесть базовых эмоций (радость, печаль, страх, удивление, злость и отвращение), а также знак и силу эмоций. Дополнительно мы регистрируем физиологические данные, связанные с изменением эмоционального состояния, частоту сердечных сокращений и электрическую активность кожи.

Для участия в исследовании будет отобрано 60 здоровых испытуемых (30 женщин) в возрасте от 20 до 45 лет. В качестве стимульных материалов планируется использовать четыре видеосюжета, направленные на сбор средств на поддержку неизлечимо больных детей, которые ранее были показаны в эфире телеканала «НТВ». Средняя продолжительность стимулов составляет три минуты, предъявление рандомизированно и чередуется с контрольными (их уровень межсубъектных корреляций ранее уже был показан в других исследованиях) и эмоционально нейтральными видео. После просмотра каждого благотворительного сюжета испытуемым будет предложено сделать добровольное пожертвование из бюджета, который они получают до начала исследования от экспериментатора, или оставить деньги себе. Также участникам будет дано задание, оценить свое эмоциональное состояние после просмотра сюжета, включая шесть базовых эмоций и четыре чувства, потенциально связанные с благотворительностью (эмпатия, симпатия, чувство вины и несправедливости).

Результаты. По результатам анализа данных эксперимента мы ожидаем выявить значимую положительную корреляцию ($p < 0,05$) между размером пожертвования и уровнем межсубъектных корреляций эмоций испытуемых, ЭАК, ЧСС, ВСР т.е. активность благотворительного поведения будет выше при просмотре тех видео, где будет выявлен наивысший уровень синхронизации регистрируемых

параметров. Также мы ожидаем, что на готовность пожертвовать в наибольшей степени будут влиять такие эмоции, как грусть и эмпатия, что может быть показано данными Facereader и самоотчета.

Заключение. Таким образом, представленный проект психофизиологического исследования направлен на исследование взаимосвязи благотворительного поведения и эмоционального состояния при просмотре видеосюжетов. Полученные результаты могут быть применены в качестве основы для анализа эффективности материалов, направленных на сбор пожертвований, что позволит оптимизировать маркетинговые коммуникации некоммерческих организаций.

Библиографические ссылки

1. Pro Bono Economics. Charities facing £10.1 billion funding gap over the next six months. 2020. URL: <https://www.probonoeconomics.com/news/pres-release-charities-facing-101-billion-funding-gap-over-the-next-six-months> (дата обращения: 20.03.2022).

2. O'Loughlin Banks J., Raciti M. M. Perceived fear, empathy and financial donations to charitable services // *The Service Industries J.* 2018. Vol. 38, № 5–6. P. 343–359.

3. Шепеленко А. Ю., Косоногов В. В. Как эмоции влияют на благотворительное поведение: краткий обзор // *Мир психологии. Научно-методический журнал.* 2022. № 1. С. 22–29.

4. Neural underpinnings of the identifiable victim effect: Affect shifts preferences for giving / A. Genevsky et al. // *Journal of Neuroscience.* 2013. Vol. 33, № 43. P. 17188–17196.

5. Conscious processing of narrative stimuli synchronizes heart rate between individuals / P. Pérez et al. // *Cell Reports.* 2021. Vol. 36, № 11. P. 109692.

6. Neurocinematics: The neuroscience of film / U. Hasson et al. // *Projections.* 2008. Vol. 2. № 1. P. 1–26.

7. Differences in fMRI intersubject correlation while viewing unedited and edited videos of dance performance / A. Herbec et al. // *Cortex.* 2015. Vol. 71. P. 341–348.

М. А. Шестова
Т. В. Корнилова

*Московский институт психоанализа;
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЙМИНГ ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ В ИГРОВЫХ СТРАТЕГИЯХ

Экспериментально исследуется вклад эмоциональной регуляции, задаваемой посредством аффективного прайминга (модулирующего эстетические эмоции), в процесс принятия решений в условиях неопределенности, которые моделируются с помощью компьютерной методики-игры «Доверие». Показано, что в ситуации отсутствия заданных критериев выбора предпочтение отдается когнитивной регуляции; эмоциональная регуляция вносит вклад в процесс принятия решений.

Ключевые слова: эмоциональная регуляция, когнитивная регуляция, эстетические эмоции, принятие решений, Trust Game.

Mariia A. Shestova
Tatiana V. Kornilova

*Moscow Institute of Psychoanalysis;
Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Moscow, Russia*

EMOTIONAL PRIMING AND DECISION-MAKING IN THE GAME STRAGIES

The contribution of emotional regulation, set through affective priming (which are modulating aesthetic emotions), to the decision-making process under uncertainty, which are simulated by a computer version of “Trust game” is experimentally investigated. It is shown that in a situation where there are no given any criteria for decision-making, cognitive regulation is preferred; emotional regulation contributes to decision-making.

Keywords: emotion regulation, cognitive regulation, aesthetic emotions, decision-making, “Trust Game”.

Введение. Концепция динамических регулятивных систем предполагает возможность выхода на верхние уровни регуляции, опосредствующей процесс принятия решений (ПРП) как когнитивных, так и эмоционально-личностных составляющих интеллектуально-личностного потенциала [1]. На материале игр, моделирующих ситуации неопределенности, показан вклад в ПР когнитивных процессов [2], диспозициональных переменных [3], а также предвосхищающих эмоций [4]. Игровой материал позволяет не только моделировать ситуации неопределенности, но и на основании предпочтения участниками игровых стратегий предсказывать реальное финансовое поведение, например, это показано в отношении игры «Доверие» [5; 6]. В ней участники для большего выигрыша должны сотрудничать друг с другом, то есть выбрать кооперирующиеся стратегии; при этом показано, что социальная желательность не участвует в процессе принятия решений о доверии финансовых средств [6]. Исследования показали вклад в ПР базовых [3] и предвосхищающих эмоций [4], но не изученной остается вклад эстетических эмоций, возникающих при оценке стимула с точки зрения его эстетической привлекательности [7].

Цели нашего исследования: 1) выявить, какому виду регуляции (когнитивной или эмоциональной) отдается предпочтение при ПР в условиях неопределенности, где изначально не заданы критерии выбора; 2) выявить посредством аффективного прайминга вклад эмоциональной регуляции в ПР.

Материалы и методы. Участники — 147 студентов МГУ. В первой серии эксперимента приняло участие 79 студентов (41 женщина и 38 мужчин в возрасте от 17 до 39 лет, $M = 20,8$; $SD = 4,8$). Во второй — 68 (56 женщин и 12 мужчин в возрасте от 18 до 30 лет, $M = 20,1$; $SD = 2,4$). Экспериментальная схема — смешанный факторный план $2 \times 3 \times 3$ с тремя независимыми переменными: 1) время предъявления прайминга — 33 мс или 500 мс — межгрупповая переменная; 2) тип компьютерного противника — «Имитатор» (имитирует ходы участника), «Детектив» (обманывает первым) и «Злопамятный» (обманывает до конца игры, если его один раз обмануть); 3) валентность прайминга — картины современных художников, отобранные после экспертной оценки, и обладающие

позитивным, негативным или нейтральным содержанием. Зависимыми переменными выступили «число решений, в ориентировке на доверие» и «выигрыш». В первой серии отсутствовали заданные критерии выбора, участникам нужно самостоятельно выбрать, на что опираться при ПР: на стратегии компьютерных противников и счет игры или на эстетические эмоции, актуализируемые аффективным праймингом. Вторая серия эксперимента выявляла вклад эстетических эмоций в ПР, поэтому в ней отсутствовала демонстрация счета, на основании которой участник может выявить стратегию компьютерного игрока.

Схема предъявления стимулов: на экране компьютера появляется инструкция, и участник совершает несколько пробных игр, чтобы освоиться с правилами. После проб появляется задача: «Что ты выберешь: довериться или обмануть?», затем фиксационная точка, маска — пиксельная картинка, не имеющая содержания, прайминг, маска. Затем появляется экран с игровой ситуацией, на котором есть две кнопки: «довериться» и «обмануть».

Результаты. Анализ данных первой серии эксперимента показал, что в ситуации, когда участнику эксперимента не заданы критерии выбора и есть возможность опоры как на когнитивную, так и на эмоциональную регуляцию, предпочтение отдается когнитивной. Результаты второй серии показали, что эстетические эмоции, модулируемые посредством аффективного прайминга, вносят вклад в ПР, но только при прайминге длительностью 500 мс. Позитивные эстетические эмоции приводят к увеличению количества ПР с ориентацией на доверие (кооперирующиеся стратегии), а негативные снижают ориентацию на доверие. В случае прайминга длительностью 33 мс эстетические эмоции не включаются в регуляцию ПР. Можно предположить, что этого промежутка недостаточно для выявления содержания картины. Полученные нами результаты согласуются с цитированными ранее, базовые позитивные эмоции способствуют кооперации, а базовые негативные эмоции приводят к выбору конкурирующих стратегий [3].

Заключение. Полученные результаты демонстрируют, во-первых, правомерность предположения о разных регулятивных системах принятия решений в зависимости от ситуационных факторов, при-

водящих к большей представленности когнитивной или эмоциональной регуляции. Во-вторых, они свидетельствуют в пользу регулятивной роли эстетических эмоций; при этом важным аспектом ситуационных условий неопределенности выступает временной аспект задаваемого прайминга, предполагающий в случае материала картин большее время.

Библиографические ссылки

1. *Корнилова Т.В.* Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб. : Нестор-История, 2016. 334 с.
2. Когнитивная и личностная регуляция стратегий решения прогностической задачи (на материале IowaGamblingTask) / С. Д. Смирнов, М. А. Чумакова, С. А. Корнилов и др. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 14. Психология. 2017. № 3. С. 39–59.
3. *Кузьмичева Ж.Э.* Личностные и ситуативные предпосылки принятия решения в условиях доверия-недоверия (модель «дилемма заключенного») // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17, № 1. С. 118–133.
4. *Красавцева Ю.В.* Предвосхищаемые и результирующие эмоции в регуляции принятия решений // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Псих. науки. 2020. № 2. С. 18–33.
5. *Berg J., Dickhaut J., McCabe K.* Trust, reciprocity, and social history // Games and economic behavior. 1995. Vol. 10. № 1. P. 122–142.
6. *Baran N. M., Sapienza P., Zingales L.* Can we infer social preferences from the lab? Evidence from the Trust Game [electronic resource] // National Bureau of Economic Research. 2010. No. W15654. URL: <https://www.nber.org/papers/w15654> (дата обращения: 30.04.2022).
7. What are aesthetic emotions? / W. Menninghaus, V. Wagner, E. Wassiliwizky et al. // Psychological review. 2019. Vol. 126. № 2. P. 171–195.

Н. С. Шипова

*Костромской государственный университет
Кострома, Россия*

СФЕРЫ И БАРЬЕРЫ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЦ С АТИПИЧНЫМ РАЗВИТИЕМ*

Приведенное исследование определено стремлением систематизировать данные относительно аспектов самореализации (сферы, барьеры, ресурсы, уровень и т. д.), а также актуальной потребностью современной науки в изучении самореализации лиц с нарушенным развитием. Проанализированы сферы возможной реализации собственного потенциала лицами, имеющими нарушения в состоянии здоровья, а также барьеры, ограничивающие данный процесс.

Ключевые слова: самореализация, сферы самореализации, барьеры, лица с нарушением здоровья.

Natalya S. Shipova

*Kostroma State University
Kostroma, Russia*

SPHERES AND BARRIERS OF SELF-REALIZATION OF PERSONS WITH ATYPICAL DEVELOPMENT

The research is determined by the desire to systematize data on aspects of self-realization (spheres, barriers, resources, level, etc.), as well as the urgent need of modern science in the study of self-realization of persons with impaired development. The spheres of possible realization of their own potential by persons with health disorders, as well as barriers limiting this process, are analyzed.

Keywords: self-realization, spheres of self-realization, barriers, disabled people.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук МК-6263.2021.2.

Введение. Реализация себя и раскрытие потенциала является важной личностной задачей человека. Самореализация имеет сложный полисистемный механизм, ее успешность невозможно определить однозначно, поскольку она обусловлена разноуровневыми проявлениями [1]. Теоретические основы изучения самореализации определены концепциями Э. В. Галажинского, А. Журавлева, Л. А. Коростылевой, С. И. Кудинова. Стремление систематизировать данные относительно сфер и барьеров самореализации, а также актуальная потребность современной науки в изучении самореализации лиц с нарушенным развитием определили проведение эмпирического исследования, предпринятого в 2020–2022 годах.

Материалы и методы. Выборку составили лица с атипичным развитием: 177 человек ($M = 28,89$; $SD = 18,16$). Из них 15 человек имеют нарушения зрения, 9 — слуха, 27 — опорно-двигательного аппарата (НОДА), 81 — интеллекта, 45 — соматические заболевания. Методический инструментарий включает в себя тест суждений самореализации личности (С. И. Кудинов); авторское интервью. Результаты интервью обрабатывались методом контент-анализа. Как изучаемые категории были определены параметры «барьер» (единицы анализа: барьер, мешает, не хватает, недостает, если бы не...), «сфера» (единицы анализа: сфера деятельности, для меня важно, я стараюсь сделать...). Для анализа успешности в сферах самореализации респондентам предлагался вопрос о собственной оценке каждой из сфер (профессиональная, партнерская, семейная, личностная, социальная, творческая, досуговая).

Результаты. Анализ сфер показал следующие результаты: у лиц с нарушением слуха наиболее выраженной является самореализация в семейной ($M = 83,33$; $SD = 15,28$) и личностной ($M = 82,5$; $SD = 21,88$) сферах. Наименьшие значения отмечены по реализации в профессии ($M = 71,25$; $SD = 23,72$), творчестве ($M = 71,25$; $SD = 26,96$) и досуге ($M = 71,25$; $SD = 26,96$). У лиц с нарушением зрения отмечено преобладание значений в личностной сфере ($M = 78,33$; $SD = 17,36$), наименьшие значения определены в сфере досуга ($M = 64,17$; $SD = 26,78$). Лица с нарушением опорно-двигательного аппарата чувствуют себя успешными в семейной сфере ($M = 73,39$; $SD = 28,02$), наименьшая реализованность выявлена

в сфере близких отношений ($M = 61,67$; $SD = 27,32$). Лица с нарушением интеллекта более успешны в семейной сфере ($M = 76,77$; $SD = 27,36$), а наименее — в сфере профессии ($M = 55,14$; $SD = 23,92$).

Заключение. Указанное распределение сфер самореализации соотносится с имеющимися данными: у испытуемых более всего выражена личностная самореализация, затем социальная и профессиональная, при этом все виды имеют низкую степень выраженности [2]. Мы соглашаемся с обоснованием авторов, соответственно которому причина в обстоятельствах жизни испытуемых, делающих для них затруднительными либо невозможными иные виды активности и, соответственно, самореализации. С. И. Кудинов заявлял об ограничении возможностей лиц с атипичным развитием в сфере социальной и профессиональной самореализации [2]. Анализ сфер самореализации дополнен анализом возникающих препятствий. О сочетании внешних (трудности в перемещении, отсутствие секции, клуба, невостребованность работодателями, отсутствие вакансий и т. д.) и внутренних (инертность, пассивность, нежелание заявить о себе при наличии возможности) барьеров говорит С. И. Кудинов [2]. Социологические исследования (REGNUM по данным ВЦИОМ) от 03.11.2021 отмечает такие барьеры, как трудности перемещения (34 %), сложности с выходом из дома, то есть архитектурная доступность зданий (29 %), недостаток финансов, в частности пособий (26 %), проблемы с лекарственными средствами (23 %) и трудоустройством (17 %). Мы проанализировали группы барьеров, мешающих самореализации индивидов. Лица с нарушением слуха говорят о таких барьерах, как обстоятельства (37,5 %), личностный барьер (25 %), временной (12,5 %) и барьер, связанный с окружением субъекта (12,5 %). Лица с нарушением зрения отмечают наличие внешнего барьера обстоятельств (36 %), личностного (18 %), барьера, связанного с мнением окружающих людей (9 %), возрастом (9 %), страхом (9 %). Лица с НОДА отмечают доминирование лени (19 %), личностного барьера (12,5 %), страха (6 %), отвлечения (6 %), грусти (6 %). Лица с соматическими заболеваниями отмечают внешний барьер (53 %), барьер, связанный с мнением других людей (30 %), личностный (25 %), лень (5 %) и жалость к себе (3 %). Лица с интеллектуальными нарушениями

в основном говорят о наличии внешнего барьера (42 %), барьера, связанного с мнением других людей (18 %), личного (16 %), лень как барьер определяют 8 % респондентов. В целом отмечены низкие показатели удовлетворенности жизнью и самореализации: 35 % лиц с нарушенным здоровьем отмечают неудовлетворенность, удовлетворены жизнью только 13 % [3]. В исследовании самореализации лиц с нарушениями зрения, проведенных коллективом С. И. Кудинова, обнаружен низкий уровень самореализации в 30 % случаев, достаточно высокий в 20 % [3]. Причиной низкой реализации своих возможностей слабовидящие назвали социально-психологические преграды, ограниченное количество творческих коллективов, общественных организаций и спортивных клубов для лиц с атипичным развитием. Авторами отмечен низкий уровень социальной активности респондентов и низкая степень осведомленности о государственных программах поддержки (более 45 %) [3]. Наши данные схожи с результатами исследования С. И. Кудинова, где низкий уровень самореализации обнаружен в 30 % случаев, а достаточно высокий — в 20 % [2]. У лиц с атипичным развитием отмечена недостаточная сформированность целей самореализации (42 %), отсутствие осознания ее задач (52 %) [2]. Отмечен низкий уровень стремления к освоению новых навыков и реализации себя в деятельности [4]. Таким образом, нами проанализированы сферы возможной реализации собственного потенциала лицами, имеющими нарушения в состоянии здоровья. Также приведен анализ барьеров, которые могут сделать этот процесс затруднительным или невозможным.

Библиографические ссылки

1. Кудинов С. И. Полисистемный подход исследования самореализации личности // Сибир. пед. журнал. 2007. С. 337–346.

2. Кудинов С. И., Кудинов С. С. Психологические особенности самореализации личности с ограниченными физическими возможностями // Сибир. пед. журнал. 2010. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-samorealizatsii-lichnosti-s-ogranichennymi-fizicheskimi-vozmozhnostyami> (дата обращения: 10.02.2022.).

3. *Кудинов С. С., Кудинов С. И.* Самореализация личности с ограниченными возможностями здоровья в сетевом образовательном пространстве // Новая психология профессионального труда педагога: от нестабильной реальности к устойчивому развитию. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samorealizatsiya-lichnosti-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya-v-setevom-obrazovatelnom-prostranstve> (дата обращения: 10.02.2022).

4. *Осьмук Л. А., Мельникова М. С.* Психосоциальное благополучие студентов с ограниченными возможностями здоровья в системе высшей школы // Псих.-пед. исследования. 2019. Т. 11, № 3. С. 84–94. DOI: 10.17759/psyedu.2019110307

М. Ю. Широкая

Д. М. Кобзева

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ ПРИ РАЗНЫХ УРОВНЯХ ХРОНИЧЕСКОГО УТОМЛЕНИЯ

Данная работа посвящена изучению особенностей психологической саморегуляции в деятельности в зависимости от степени выраженности хронического утомления. В исследовании приняли участие 80 респондентов математического и физического профиля. Показано, что в состоянии хронического утомления происходит истощение психологических ресурсов саморегуляции, остается задействованной только произвольная саморегуляция.

Ключевые слова: психологическая саморегуляция, хроническое утомление, самоорганизация деятельности, самоконтроль, копинг-стратегии.

Marina Yr. Shirokaya

Darya M. Kobzeva

Moscow State University,

Faculty of Psychology

Moscow, Russia

A PSYCHOLOGICAL SELF-REGULATION AT THE DIFFERENT LEVELS OF CHRONIC FATIGUE

The research focused on the study of psychological self-regulation's features in activities depending on the degree of the intensity's chronic fatigue. In total, 80 respondents (mathematical and physical profile) were taking part in the survey. It is shown that in the state of chronic fatigue there

is a depletion of self-regulation's psychological resources; just an arbitrary self-regulation stays to be used.

Keywords: psychological self-regulation, fatigue, chronic fatigue, self-organization of the activities, control, copying strategies.

Введение. Социально-экономические особенности, присущие нашему времени — постиндустриализация, урбанизация, быстрый ритм жизни, информационный феномен Всемирной паутины, пандемия COVID-19 — вызывают перманентный рост устойчивых деструктивных функциональных состояний, к которым относят «хроническое утомление» — истощение психофизиологических и энергетических ресурсов, «аккумуляцию эффектов острого утомления», возникающую из-за недостатка полноценного отдыха между периодами труда, снижающую эффективность труда, приводящую к ухудшению здоровья и качества жизни работающих людей [1–3]. Проблемы совладания с неблагоприятными состояниями в труде связаны с изучением психологической саморегуляции человека, в которой проявляется активная роль человека в поддержании и управлении своими ресурсами для достижения целей [4; 5].

Наше исследование было посвящено изучению связи хронического утомления (ХрУ) с показателями психологической саморегуляции при выраженном уровне хронического утомления у различных субъектов труда.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 80 респондентов: 18 инженеров (конструкторское бюро, г. Москва), $M = 34,61$ ($SD = 10,798$), 23 педагога (школа № 2 г. Алексина, преподаватели математики, физики и информатики), $M = 39,00$ ($SD = 16,304$) и 39 студенты МГТУ им. Баумана, $M = 18,36$ ($SD = 1,478$). Для нашей цели выборка была разделена на две группы, различающиеся по уровню выраженности хронического утомления (ХрУ); респонденты с астеническим синдромом не рассматривались. *Группа А* (ХрУ = 29,86; $SD = 8,14$): $M = 29$ ($SD = 11$), 13 мужчин, 27 женщин (40 чел.). *Группа В* (ХрУ = 8,97; $SD = 4,89$): $M = 27$ ($SD = 10$), 21 мужчина и 19 женщин (40 чел.). Были использованы опросники: «Степень хронического утомления» (А. Б. Леонова); «Шкала личностной тревожности» (Ч. Спилберг, адапт. Ю. Л. Ханин), «Опрос-

ник самоорганизации деятельности» (Е. Ю. Мандрикова), «Стиль саморегуляции поведения» (В. И. Моросанова), «Шкала контроля за действием» (Ю. Куль, адапт. С. А. Шапкина), Мельбурнский опросник принятия решений (адапт. Т. В. Корниловой). Была разработана и использовалась профессиографическая анкета. Для обработки данных применялись описательная статистика, непараметрические методы: сравнение данных (U-Манна — Уитни), корреляционный анализ (критерий Спирмена) (SPSS.23).

Результаты. Респондентов группы А отличают повышенная личностная тревожность (45,77 балл; $\sigma = 6,7$), низкие значения показателя произвольной саморегуляции — самостоятельности (4,31; 1,89). В группе В наблюдаются высокая целеустремленность (35,00; 5,33), настойчивость (25,30; 6,04), общий уровень саморегуляции (32,27; 6,08). Показатель волевой регуляции — контроль за действием при реализации (9,07; 2,65) и копинг-стратегия — бдительность (15,45; 2,28) выше нормы; прокрастинация (8,20; 1,96) и сверхбдительность (8,28; 2,0) у них ниже нормы.

Сравнение между группами выявило различия (у группы А значимо ниже) по всем показателям ХрУ ($p = 0$) и личностной тревожности ($p = 0$); по показателям самоорганизации деятельности — планомерности ($p = 0,002$), целеустремленности ($p = 0,002$), настойчивости ($p = 0$); волевой регуляции — контроль за действием при планировании ($p = 0,004$), реализации ($p = 0,043$) и неудаче ($p = 0,009$); копинг-стратегиям — бдительности ($p = 0,023$), прокрастинации ($p = 0,054$) и сверхбдительности ($p = 0,006$); произвольной саморегуляции: моделированию ($p = 0$), программированию ($p = 0,053$), самостоятельности ($p = 0,039$), общему уровню саморегуляции ($p = 0,039$). Пониженная внешняя самоорганизация деятельности (6,61; 3,70) оказалась характерной для всех респондентов.

Рассмотрение корреляционных связей общего показателя ХрУ и психологической саморегуляции у группы А показало немногочисленные связи ХрУ с общим уровнем саморегуляции ($-0,36$; $0,031$), с показателями планирования ($-0,49$; $0,003$), программирования ($-0,37$; $0,027$) и ориентации на настоящее ($-0,49$; $0,003$) — показателем самоорганизации деятельности. Обнаруже-

ны корреляции отдельных показателей ХрУ и психологической саморегуляции: нарушения в *эмоционально-аффективной сфере* сопровождаются снижением уровня планирования ($-0,61; 0$), моделирования ($-0,45; 0,007$), программирования ($-0,45; 0,007$); *когнитивный дискомфорт* прямо коррелирует с интегральным показателем самоорганизации деятельности ($-0,35; 0,039$) и планированием ($-0,36; 0,032$). Эти данные иллюстрируют накопление «психологической усталости» [1].

Результаты исследования показали, что при выраженном ХрУ отсутствует волевой самоконтроль, выражены непродуктивные копинг-стратегии, импульсивное, необдуманное рабочее поведение, усиливается внимание к мелочам, тяжелее переносятся неудачи, снижается самостоятельность в принятии решений, организации труда и инициации целей, нарушается временная перспектива, что выражается в невозможности сосредоточиться на *текущих* задачах. Такая картина демонстрирует истощение психологических ресурсов саморегуляции в состоянии хронического утомления. Отсутствие прокрастинации предположительно связано со спецификой выборки. При выраженном хроническом утомлении остается задействованной только произвольная саморегуляция как осознанная необходимость поддержания активности при выполнении профессиональных задач.

Заключение. Изучение психологической саморегуляции при неблагоприятном функциональном состоянии — хроническом утомлении — позволило получить детальную картину ведущих тенденций саморегуляции при усугублении данного состояния.

На основе полученных данных становится возможной разработка адресной программы профилактики и работы с последствиями хронического утомления у субъектов труда.

Библиографические ссылки

1. Бодров В. А. Профессиональное утомление. Фундаментальные и прикладные проблемы. М. : ИП РАН, 2009. 560 с.
2. Леонова А. Б., Кузнецова А. С. Структурно-интегративный подход к анализу функциональных состояний: история создания и перспективы развития // Вест. Моск. ун-та, серия 14. Психология. 2019. № 1.

3. Организационная психология : учебник / А. Б. Леонова, Т. Ю. Базаров, М. М. Абдуллаева и др. / под общ. ред. А. Б. Леоновой. М. : ИНФРА-М, 2022. 429 с.

4. Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М. : URSS, 2018. 320 с.

5. Моросанова В. И. Развитие ресурсного подхода к исследованию осознанной саморегуляции достижения целей и саморазвития человека // Психология саморегуляции: эволюция подходов и вызовы времени / под ред. Ю. П. Зинченко, В. И. Моросановой. М. ; СПб. : Нестор-История, 2020. 472 с.

Е. О. Шишова

Казанский федеральный университет

Казань, Россия

ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДОШКОЛЬНИКОВ В ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВАРИАТИВНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

Анализируются условия формирования и развития игровой деятельности в системе дошкольного образования, определяется степень популярности и особенности игровой деятельности в детских дошкольных учреждениях. Цель исследования — изучить развивающий потенциал образовательных сред и влияние игры на психическое развитие ребенка в современном образовательном пространстве. Представлены результаты дисперсионного и корреляционного анализа, согласно которым качество образования дошкольников зависит от определенных показателей профессионального мастерства педагогов, влияющих на развитие игровой деятельности ребенка.

Ключевые слова: дошкольное образование, когнитивное развитие, игровая деятельность, образовательная среда, модели и типы образовательных сред, профессиональное мастерство педагога, дети дошкольного возраста.

Evgeniya O. Shishova

Kazan Federal University

Kazan, Russia

MENTAL DEVELOPMENT OF PRESCHOOL CHILDREN IN GAMING ACTIVITY IN THE CONDITIONS OF VARIABILITY OF EDUCATIONAL ENVIRONMENTS

The conditions for the formation and development of play activities in the system of preschool education are analyzed, the degree of popularity and features of play activity in preschool institutions are determined. The purpose of the study is to study the developing potential of educational environments and the impact of the game on the mental development of a child in the mod-

ern educational space. The results of dispersion and correlation analysis are presented, according to which the quality of education of preschoolers depends on certain indicators of the professional skills of teachers that affect the development of the child's play activity.

Keywords: preschool education, cognitive development, game activity, educational environment, models and types of educational environments, teacher's professional skills, preschool children.

Введение. Когнитивное и личностное развитие являются приоритетными направлениями развития ребенка в дошкольном возрасте. Качество развивающей подготовки детей в дошкольных учреждениях, уровень их готовности к обучению в школе, степень их адаптации к школе, сверстникам и учителям во многом зависят от состояния образовательной среды, уровня профессионального мастерства педагога и его личностных особенностей. Процесс когнитивного, эмоционального, коммуникативного и личностного развития дошкольников может определяться совокупностью условий, обеспечивающих позитивные возможности и разнообразные варианты выбора оптимальной траектории развития ребенка. Методологической базой для обоснования игры как ведущего типа деятельности для дошкольников стала социокультурная теория Л. С. Выготского. Правильно организованное развивающее обучение способствует свободному развитию, творческой инициативе, самостоятельности, активной познавательной позиции ребенка и приводит к повышению у детей когнитивных функций, связанных с развитием памяти, мышления, воображения, вербально-коммуникативной и познавательной деятельности. Игровая роль задает зону ближайшего развития и впоследствии интериоризируется. Движущие силы развития ребенка скрыты в специфических формах деятельности ребенка, которые в наибольшей мере соответствуют потребностям и возможностям ребенка [1]. Рассматривая многообразие моделей образовательных сред, порождающих типологии с различными возможностями для развития и становления личности, следует отметить важность типа взаимодействия ребенка и взрослого, творящее зону ближайшего развития [2] и способствуя

максимальному раскрытию, как возможностей среды, так и индивидуальных особенностей ребенка [3–6].

Материалы и методы. Для комплексной оценки качества дошкольного образования были использованы международные шкалы оценки образовательной среды ECERS (Early Childhood Environment Rating Scale); была проведена диагностика уровня развития профессиональной культуры и мастерства педагогов детских садов (В. Ф. Габдулхаков, Л. М. Попов); для оценки различных аспектов игровой деятельности (уровня замещения, особенностей взаимодействия, реализации игрового замысла, развернутости и устойчивости игровой идеи) мы использовали предложенную экспериментальную ситуацию Е. О. Смирновой, А. Н. Вераксои [7].

Эмпирические данные получены на базе 16 дошкольных образовательных организаций в Республике Татарстан с численностью населения более 3 млн человек, на выборке испытуемых в 876 человек (50 воспитателей, 413 дошкольника в возрасте 4–6 лет и 413 родителей (матерей) детей-дошкольников). Среди них 4 ДОО — лучшие детские сады по итогам муниципального рейтинга (утв. Приказом Министерства образования и науки Республики Татарстан «О рейтинге дошкольных образовательных организаций»). Остальные выбраны из числа среднестатистических детских садов. Группы детских садов были разделены на две выборки по итогам муниципального рейтинга. В группу А вошли лучшие детские сады, а в группу Б — среднестатистические дошкольные образовательные организации. Исследование проводилось в период с 2014 по 2022 г.

Результаты. На основе изучения качественных характеристик образовательных сред (по шкалам ECERS-R) делается вывод о том, что специфика образовательной среды задает вектор развития ребенка, способствуя (или не способствуя) раскрытию индивидуальных особенностей [5]. Уровень развития профессиональной культуры и мастерства педагогов дошкольных образовательных учреждений, их личностное развитие определяет возможности интеллектуального и личностного развития ребенка и зависит от системы условий для стимулирования качественной работы педагогического коллектива и руководителей, их включенности

в творческое саморазвитие для реализации творческого потенциала и активности, совершенствования профессионального мастерства.

С целью проверки достоверности различий в выраженности различных аспектов игровой деятельности детей в разных типах образовательных сред было проведено сравнение средних значений (использовался однофакторный дисперсионный анализ, $p < 0,05$), в результате которого были получены достоверно значимые различия по следующим диагностическим критериям: «замещение» ($F = 25,72$); «взаимодействие» ($F = 29,3$), «игровой замысел» ($F = 13,76$); «инициативность» ($F = 5,25$). Таким образом, были установлены достоверные различия в уровнях развития игры современных дошкольников, обучающихся в лучших и среднестатистических дошкольных образовательных учреждениях. Результаты корреляционного анализа показывают, что профессиональное мастерство влияет на развитие игровой деятельности ребенка: способности играть самостоятельно, без предложений взрослых; избранные черты замены (предметная, позиционная, пространственная); особенности взаимодействия (организационные и внутриигровые); и игровую идею (уровень идеи, ее развитие, ее реализация). Развитие детской игры зависит и от некоторых показателей профессиональных качества педагогов в отношении их способности обеспечивать самореализацию детской личности, создать рефлексивное поле, использовать индивидуальный подход к детям и связывать общение с реальными потребностями детей.

Заключение. Таким образом, в ходе исследования было показано, что образовательная среда может быть поддерживающая, развивающая, насыщенная, комфортная или в некоторых случаях нейтральная, в той или иной степени будет способствовать эффективному формированию игровой деятельности детей дошкольного возраста. Детская игра возникает из условий жизни ребенка в окружающей среде. Игра объединяет «взрослый мир» и «мир детей», обеспечивая создание условий для их психического развития и «взросления», тем самым подготавливая ребенка к дальнейшей жизни.

Библиографические ссылки

1. Кудрявцев В. Т. Игра и развитие воображения: взгляд с позиций культурно-исторической психологии // СДО. 2011. № 1. URL: <https://cy>

berleninka.ru/article/n/igra-i-razvitie-voobrazheniya-vzglyad-s-pozitsiy-kulturno-istoricheskoy-psihologii

2. *Цукерман Г. А.* Взаимодействие ребенка и взрослого, творящее зону ближайшего развития // Культурно-историческая психология. 2006. Т. 2, № 4. С. 61–73.

3. *Веракса Н. Е.* Детское развитие: две парадигмы // Культ.-ист. психология. 2018. Т. 14, № 2. С. 102–108. DOI: 10.17759/chp.2018140211

4. *Габдулхаков В. Ф., Попов Л. М.* Об индикаторах профессионального мастерства педагога // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2013. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-indikatorah-professionalnogo-masterstva-pedagoga>

5. *Шишова Е. О.* Влияние типа образовательной среды на психическое развитие дошкольников // Псих. наука и образование. 2021. Т. 13, № 1. С. 84–100. DOI: 10.17759/psyedu.2021130106

6. *Vayanova L. F., Shishova E. O.* 2017. Educational Environment as the Factor of Development of Children's Subjectivity // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. P. 89–99. <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2017.08.02.12>

7. Связь игровой деятельности дошкольников с показателями познавательного развития / Е. О. Смирнова, А. Н. Веракса, Д. А. Бухаленкова и др. // Культ.-ист. психология. 2018. Т. 14, № 1. С. 4–14. DOI: 10.17759/chp.2018140101

М. А. Щукина

Национальный медицинский исследовательский центр

им. В. А. Алмазова

Минздрава РФ

Санкт-Петербург, Россия

ЦЕННОСТЬ САМОРАЗВИТИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ВРАЧА

Привлекается внимание к значимости ценности саморазвития в профессиональном развитии современного врача. Указывается на важность универсальной компетенции саморазвития в федеральных образовательных стандартах медицинских направлений подготовки. Саморазвитие раскрывается как необходимая составляющая стратегии образования длиною в жизнь и инструмент противостояния профессиональному выгоранию. Приводятся примеры практик саморазвития в медицинской среде.

Ключевые слова: саморазвитие, ценность, врач, универсальные компетенции, профессиональное обучение и развитие, выгорание.

Mariia A. Shchukina

Federal State Budgetary Institution

"Almazov National Medical Research Centre"

of the Ministry of Health of the Russian Federation

Saint Petersburg, Russia

THE VALUE OF SELF-DEVELOPMENT IN THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF A MODERN DOCTOR

Attention is drawn to the importance of the value of self-development in the professional development of a modern doctor. The importance of universal competence of self-development in the federal educational standards of medical training areas is pointed out. Self-development is revealed as a necessary component of a lifelong education strategy and a tool to resist

professional burnout. Examples of self-development practices in the medical environment are given.

Keywords: self-development, value, doctor, universal competencies, professional training and development, burnout.

Введение. В Федеральных государственных образовательных стандартах последнего поколения неотъемлемой частью образа выпускника программ высшего образования стали универсальные компетенции, среди которых компетенция самоорганизации и саморазвития [1]. Это обозначает востребованность стратегии саморазвития в профессиональном становлении и построении профессиональной карьеры. Такая ситуация налагает требования нового уровня к развивающемуся профессионалу — быть субъектом развития, способным занимать активную и творческую позицию в профессиональной ситуации, задавать ориентиры в неопределенной системе координат (Л. В. Алексеева, Л. Н. Куликова, В. Г. Маралов, С. А. Минюрова, Н. А. Низовских, Е. Е. Сапогова, М. А. Фризен, Г. А. Цукерман, С. В. Яремчук, J. J. Bauer, R. F. Baumeister, J. Brandtstädter, E. L. Carver, R. Harre, J. O. Prochaska и др.). В современном обществе саморазвитие востребовано, во-первых, как технология управления своим развитием, позволяющая личности эволюционировать в избираемом ею направлении. Ответом психологии на такой социальный заказ является большой объем информации научного и научно-популярного характера с рекомендациями по саморазвитию психических процессов (памяти, внимания, мышления), черт личности (настойчивости, общительности, толерантности), выстраиванию успешного (конкурентоспособного) жизненного пути. На рынке услуг практическая психология саморазвития представлена разнообразными программами личного коучинга, тренингами развития отдельных черт личности, тренингами различных психологических умений, тренингами общения и пр. Во-вторых, есть основания говорить о том, что саморазвитие становится для современного человека и чем-то бóльшим — жизненной ценностью, символизирующей возможности личности по сознательному самосозиданию, способной обеспечить экзистенциальную наполненность личности, так как по своей природе — подобно смыслои-

скательству, познанию, творчеству, труду — саморазвитие является скорее способом, а не целью существования. В ценностной проекции саморазвитие осуществляется как конкуренция с самим собой, как борьба с Я-настоящим за Я-будущее, в котором отражен идеал человечности. Саморазвитие видится как путь достижения человеческой сущности в ее всеобщей (подразумевающей ориентацию на всеобщие нравственные идеалы) и единичной (подразумевающей движение к своей индивидуальности) формах. Иными словами, саморазвитие как форма развития, при которой личность занимает активно-творческую позицию по отношению к изменениям в себе, становится в настоящее время востребованным способом становления личности.

Материалы и методы. Особую значимость стратегия саморазвития приобретает в работе современного врача, погруженного в мир постоянно обновляющихся технологий, быстро растущих знаний и уточняющихся регламентов. Возможности и стандарты медицины меняются настолько динамично, что передача приемов профессиональной деятельности жизни от одного поколения к другому становится недостаточной. Даже в рамках одного поколения профессионал уже не в состоянии пройти жизненный путь с накопленным в вузе багажом и необходимо включается в образовательную стратегию длиной в жизнь. Так в неустойчивом, непредсказуемом глобальном мире повышается востребованность самодетерминированной субъектной активности личности, позволяющей эффективно осуществлять профессиональное самопостроение личности в процессе саморазвития. Это делает востребованным в практике подготовки будущих врачей таких программ тренинговых практик и практикумов личностной компетентности, которые проходили бы не формально, но выработывали у студентов направленность на саморазвитие (личностное и профессиональное) и понимание его ценности на протяжении всей карьеры [2].

Результаты. Выбираемая стратегия саморазвития становится важным инструментом противостояния рискам профессионального выгорания в однотипной рутинности работы и напряженности деятельности врача. Устремленность в направлении возможного Я, к вершинам профессионального роста, к возможным для реали-

зации личностным и интеллектуальным потенциалам становится для врача своеобразной прививкой против профессиональной жесткости и цинизма. Саморазвитие реализуется в таких личностных процессах, как определение своей ценностной ориентации, осознание подлинных чувств, предпочтений и интересов, умение делать выбор и выполнять обязательства в конкретных ситуациях, быть открытым для других людей в подлинности собственной позиции [3]. Саморазвитие отвечает идеалу хорошей, подлинной жизни и процветания человека, поскольку в ходе саморазвития человек обретает свое индивидуальное измерение, находит соответствующий своей идентичности способ бытия и способы самовыражения. В то же время подлинность жизни единичной личности не противопоставляется общественному благу. Направленность на саморазвитие, на самоусовершенствование становится успешной только тогда, когда саморазвитие включено в более общую систему жизненных целей и гуманистических ценностей личности.

Интересным представляется опыт реализации организационной стратегии с ориентацией на саморазвитие персонала представлял собой годовой формирующий эксперимент, проведенный под руководством Г. Митчела с соавт. [4]. Исследователей интересовало, какое воздействие на развитие медицинских сестер оказывает предоставленная организацией возможность уделять 20 % своего рабочего времени самообучению и саморазвитию. Половину этого времени сестры посвящали занятиям по совершенствованию навыков помощи пациентам, другая половина времени могла быть использована сотрудниками самостоятельно в соответствии с их интересами и приоритетами саморазвития. По завершении эксперимента медсестрам было предложено оценить те изменения, которые произошли с ними за время реализации проекта. Самые значительные преобразования были отмечены в сфере отношения к пациентам и членам их семей. Медсестры признались, что в их работе стало больше ориентации на реального человека, больше уважения и сострадания к нему, больше радости от собственной полезности. Они осознали, какой уникальный вклад они вносят в дело выздоровления людей, и стали гордиться этим вкладом.

Заключение. Наконец, позиция саморазвития становится важным ориентиром и опорой для пациентов врача, которые попадают в трудные ситуации принятия диагноза, прохождения лечения и, выходя из них, могут выбрать стратегию саморазвития как возможную стратегию посттравматического роста личности. Дальнейшее укрепление жизнеспособности и жизнестойкости пациента, самостоятельного построения жизненного пути в новом статусе идентичности пациента получает важную поддержку, если пациент наблюдает рядом врача, уже разделяющего ценность саморазвития.

Библиографические ссылки

1. ФГОС 31.05.01 Лечебное дело (уровень специалитета). URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-31-05-01-lechebnoe-delo-988/>
2. *Edwards J.* Examining the role and functions of self-development in healthcare therapy trainings: A review of the literature with a modest proposal for the use of learning agreements // *European Journal of Psychotherapy and Counselling*. 2013. Vol. 15, Iss. 3. P. 214–232.
3. *Medlock G.* The Evolving Ethic of Authenticity: From Humanistic to Positive Psychology // *The Humanistic Psychologist*. Vol. 40, Iss. 1. 2012. P. 38–57.
4. *Mitchell G. J., Bournes D. A., Hollett J.* Human Becoming-Guided Patient-Centered Care: A New Model Transforms Nursing Practice // *Nursing Science Quarterly*. 2006. Vol. 19, No. 3. P. 218–224.

А. А. Якушина

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА И МЕТАКОГНИЦИЙ В СПОРТЕ

Для успешной спортивной деятельности спортсмену крайне важно осознавать и контролировать те действия, которые он выполняет для достижения того или иного результата. Однако на когнитивные процессы спортсменов могут оказывать влияние различные личностные особенности, в частности перфекционизм. В представленной работе описаны результаты, демонстрирующие наличие вклада адаптивных параметров перфекционизма в метакогнитивный компонент деятельности спортсменов. Кроме того, было показано, что спортсмены с более высоким уровнем перфекционизма лучше осознают, какие действия они совершают и понимают, каким образом можно менять свои действия в зависимости от внешних условий.

Ключевые слова: спортивная психология, перфекционизм в спорте, метакогниции.

Anastasia A. Yakushina

Moscow State University

named after M. V. Lomonosov

Moscow, Russia

THE RELATIONSHIP BETWEEN PERFECTIONISM AND METACOGNITION IN SPORTS

To be successful in sport, it is essential for an athlete to be aware and in control of the actions they perform to achieve a particular outcome. However, athletes' cognitive processes can be influenced by different personality traits, in particular perfectionism. The present paper describes the results demonstrating the presence of a contribution of adaptive perfectionism parameters to the metacognitive component of athletes' performance. In

addition, it was shown that athletes with higher levels of perfectionism are more aware of the actions they perform and understand how to modify their actions in response to external conditions.

Keywords: sport psychology, perfectionism in sports, metacognition.

Введение. Спорт — одна из тех деятельностей, где человеку приходится постоянно развиваться и совершенствовать свои навыки. Многие исследования говорят о том, что более успешные спортсмены характеризуются более сформированными когнитивными способностями, например способностью к осознанию различных аспектов своей деятельности и самоконтролю [1; 2]. В то же время часть авторов отмечает, что в спорте достаточно редко специально занимаются развитием когнитивных способностей, чаще всего многие когнитивные способности спортсменов формируются спонтанно в ситуациях, не связанных со спортивной деятельностью, но, несмотря на это, они оказывают положительное действие и повышают эффективность выступлений [3]. Именно поэтому в спорте, как и в любом ином виде деятельности, где человек вынужден многое узнавать и постоянно обучаться, метакогнитивные навыки играют значительную роль. Перфекционизм же как многомерная черта личности может оказывать влияние на различные аспекты деятельности спортсменов, включая метакогнитивный компонент навыка, развитие которого положительно влияет на успех спортсменов [4]. Целью данного исследования было определение вклада различных (адаптивных и неадаптивных) параметров перфекционизма в метакогнитивный компонент навыков у спортсменов разных видов спорта.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 311 спортсменов из четырех регионов России в возрасте от 16 до 26 лет ($M_{age} = 20,18$; $SD_{age} = 3,13$): 163 мужчины и 148 женщин. Для определения уровня перфекционизма у спортсменов была использована методика «Многомерная шкала перфекционизма в спорте», состоящая из 34 вопросов, которые объединяются в пять шкал: организация режима и высокие личностные стандарты; высокие родительские ожидания; высокие тренерские ожидания; сомнения в собственных действиях; озабоченность ошибками [5].

Для диагностики развития метакогниций была использована методика «Опросник метакогнитивной включенности в деятельность». Методика состоит из 52 вопросов, которые объединяются в восемь шкал: декларируемые знания (знание своих умений, интеллектуальных ресурсов и способностей); процедурные знания (применение знаний для целей реализации процесса в различных ситуациях); условные знания (знание о том, когда и почему использовать учебные ситуации; применение декларируемых и процедурных знаний с определенными условиями); планирование (выбор целей и распределение ресурсов обучения); стратегии управления информацией (организация, разработка, обобщение, выборочная фокусировка); контроль компонентов (оценка использования обучения или стратегии); структура исправления ошибок (стратегии исправления ошибок понимания и реализации); оценка (анализ эффективности стратегии после учебного эпизода). Также сумма баллов по всем вопросам методики дает информацию об общем уровне развития метакогнитивного компонента [6].

Результаты. В результате было показано, что существуют различия в уровнях метакогнитивных навыков в зависимости от уровня перфекционизма: спортсмены с высоким уровнем перфекционизма имеют больше знаний о своих когнитивных процессах и понимают, как управлять и изменять когнитивные процессы, по сравнению со спортсменами с низким уровнем перфекционизма. Результаты регрессионного анализа демонстрируют значимый вклад таких параметров перфекционизма, как организация режима и высокие личностные стандарты (адаптивные параметры), в общий уровень метапознания спортсменов ($B = 1,485, p < 0,001; R^2 = 0,196$).

Заключение. Таким образом, если спортсмен стремится к достижению высоких результатов и четко следует установленному режиму, то это положительно влияет на его способность оценивать и моделировать свою спортивную деятельность, что в свою очередь может привести к повышению эффективности работы спортсмена и достижения более высоких результатов.

Библиографические ссылки

1. Self-regulation and performance level of elite and non-elite youth soccer players / T. T. Toering, M. T. Elferink-Gemser, G. Jordet et al. // Journal of Sports Sciences. 2009. № 27:14. P. 1509–1517. DOI: 10.1080/026404109033699192.
2. *MacIntyre T. E., Moran A. P.* Exploring imagery use and meta-imagery processes: qualitative investigations with an elite multi-sport sample // J. Imagery Res. Sport Phys. 2007. Act. 2:4.
3. Metacognition and action: a new pathway to understanding social and cognitive aspects of expertise in sport / T. E. MacIntyre, E. R. Igou, M. J. Campbell et al. // Front. Psychol. 2014. № 5. P. 1155. DOI: 10.3389/fpsyg.2014.01155
4. *Kitsantas A., Zimmerman B. J.* Enhancing self-regulation of practice: The influence of graphing and self-evaluative standards. Metacognition and Learning. 2006. 1(3). P. 201–212. DOI: 10.1007/s11409-006-9000-7
5. *Якушина А. А., Леонов С. В., Асланова М. С.* Проверка надежности и валидности диагностической модели перфекционизма в спорте // Вестн. Моск. ун-та. Серия 14: Психология. 2021. № 1. С. 241–264.
6. *Карпов А. В., Скитяева И. М.* Психология метакогнитивных процессов личности. М. : Ин-т психологии РАН, 2005. 325 с.

М. И. Яновский

Е. В. Чуканов

Донецкий национальный университет

Донецк, Донецкая Народная Республика

ФИЛЬМЫ УЖАСОВ И ЧУВСТВО СОБСТВЕННОСТИ

Ставится проблема возможности стимулирования чувства собственности таким социально-культурным фактором, как кино. Приводятся теоретические основания гипотезы о возможности такого стимулирования. В частности, состав эмоционально значимых образов фильма ужасов: жертва; агрессор; квази-мессианская (псевдоморальная) идея агрессора — подобны аспектам чувства собственности: бережливость; экспансия; самоуверенность. Приведены результаты исследования, в котором фильм ужасов изменял отношение к категории «Мое».

Ключевые слова: фильмы ужасов, чувство собственности, семантический дифференциал, рыночное общество, воздействие кино.

Mikhail I. Yanovsky

Evgeniy V. Chukanov

Donetsk National University;

Donetsk, DPR

HORROR MOVIES AND A FEELING OF PROPERTY

The problem of the possibility of stimulating a sense of ownership by such a form of socio-cultural impact as cinema is posed. The theoretical foundations of the hypothesis about the possibility of such stimulation are given. In particular, the main aspects of the emotional content of the horror film: victim; aggressor; quasi-messianic idea of the aggressor — largely correspond to the aspects of the sense of ownership: thrift; expansion; self-confidence. The results of a study in which a horror film changed the attitude to the category “Mine” are presented.

Keywords: horror films, feeling of property, semantic differential, market society, the impact of cinema.

Введение. Чувство собственности — элемент общества с рыночными отношениями. Считается, что рыночное общество — объективная стадия развития общества, причем стадия зрелости. Соответственно, и чувство собственности зачастую рассматривается как атрибут социально (и духовно) зрелой личности [1]. На наш взгляд, однако, рыночное общество — проекция сознания, определенным образом структурированного (как эгоцентрическое).

Если так, то «рыночное сознание» теоретически может индуцироваться искусственно, например как побочный эффект определенных социокультурных факторов. Действительно, в одном из исследований, в котором изучалось воздействие фильма ужасов, мы получили результат, который можно интерпретировать как усиление позиции собственника [2].

Феноменологический анализ показывает, что состав чувства собственности и набор эмоций, характерных для фильмов ужасов, подобны. Так, в чувстве собственности выявляются такие элементы, как *жалость* (к себе), *агрессия* и *псевдоморальный мессианизм* (т. е. бережливость, экспансия, самоуверенность) [3]. Аналогичные элементы встречаются в фильмах ужасов как элементы эмоциональной среды, отраженные в персонажах: *жертва*; *агрессор* с паранойяльной, *квазимессианской* (псевдоморальной) идеей.

Есть также подобие когнитивной основы. Так, для фильмов ужасов характерна коллизия, связанная со стремлением основного персонажа попасть в определенное место или выбраться из него [2]. Когнитивная основа чувства собственности — также мысленное «помещение» себя в вещь как некое место [4]. Таким образом, когнитивные основы чувства собственности и коллизий в фильмах ужасов также подобны.

Материалы и методы. Целью нашего эмпирического исследование было проверить гипотезу о том, что фильм ужасов усиливает у зрителя чувство собственности.

Для исследования мы операционализировали чувство собственности как отношение к категории «*Мое*» как форме репрезентации собственности в сознании человека.

«Семантическим дифференциалом» диагностировалось отношение к этой категории; через три дня испытуемым демонстриро-

вался кинофильм (на мониторе компьютера), и испытуемые снова проходили методику. В исследовании приняли участие 50 человек (34 — экспериментальная группа, 16 — контрольная). Использовался фильм «1408» по рассказу С. Кинга. Фильм испытуемые ранее не видели.

Результаты. «Мое» после просмотра фильма ужасов стало оцениваться как достоверно более *тяжелое, злое, грязное, противное, горькое, несчастное*. Отметим, что число шкал, по которым произошел достоверный сдвиг в экспериментальной группе, велико — 6. В аналогичном исследовании, где оценивался сдвиг после того же фильма в Я-концепции по методике «Личностный семантический дифференциал», достоверное изменение произошло только по одной шкале [2]. Это в целом подтверждает гипотезу о способности фильма ужасов воздействовать на чувство собственности. Однако почему «Мое» приобретает негативные коннотации?

Обратим внимание, что 5 из 6 шкал (*злое, грязное, противное, горькое, несчастное*) относятся к фактору *Оценка*. Изменение фактора *Оценки* в негативную сторону на первый взгляд можно интерпретировать как «заражение» зрителя негативными эмоциями. Однако почему факторы *Сила* и *Активность* остаются незатронутыми? В другом исследовании при диагностике Я-концепции после этого же фильма было зафиксировано снижение фактора *Силы*, без изменения фактора *Оценки* [2]. Значит, зритель после данного фильма осознает себя (свое Я) более *слабым* (как бы «жертвой» [2]), а «Свое» — более *негативным* (но не более *слабым!*).

Полагаем, что фильм ужасов не просто индуцирует у зрителя негативные эмоции, а погружает зрителя в особый образ структурированный фильмный мир, в котором господствует иррациональное отчуждение среды от личности. При этом индуцируется эгоцентрическая нарциссическая позиция [2]. Из этой позиции мир воспринимается тотально враждебным. Однако из той же позиции любая часть среды, которая находится во взаимодействии с Я, воспринимается через сравнение: «это для меня или против меня?», «это делает меня сильнее соперника или слабее?» Эта пограничная — между мною и не-мною — часть среды приобретает амбивалентность: одновременно это и самоценное (как Я), и враждебное

(как Не-Я). Это тот феномен, сопряженный тому, что в жизни мы называем *завистью*. Именно в зависти реализуется амбивалентное сочетание самоотчуждения, как презрения к «своему», с нарциссизмом.

Зависть, безусловно, имеет отношение к чувству собственности; это активное его проявление, опора на него и утверждение.

Отметим также, что доминирование фактора *Оценка* в трансформациях отношения к «*Моему*» означает наличие пассивно-оценочной позиции, которую мы можем понимать как нахождение в своего рода *месте*, замкнутом и защищающем человека от предполагаемой «враждебной» реальности, что характерно для когнитивной основы сознания «собственника».

Заключение. Таким образом, есть основания считать, что фильм ужасов влияет на отношение к собственности, которое, в свою очередь, может служить опорой для «рыночного сознания».

Библиографические ссылки

1. Ильин И. А. О частной собственности // Рус. философия собственности (XVII–XX). СПб. : Ганза, 1993. С. 240–246.

2. Яновский М. И., Антропова В. И. Воздействие фильма ужасов на Я-концепцию зрителя // Соц. и экон. психология. Институт психологии Рос. академии наук. 2021. Т. 6, № 2 (22). С. 147–168. DOI: 10.38098/ipran.sep_2021_22_2_06

3. Яновский М. И., Чуканов Е. В. Феномен собственности как возможная причина актуализации элементов эгоцентрического мышления: к постановке проблемы // Вестн. Самар. гум. академии. Серия: Психология. 2018. № 2 (24). С. 32–46.

4. Яновский М. И. Чувство собственности как индуктор деформаций сознания (на примере иллюзий восприятия) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2019. Т. 21, № 2. С. 459–466. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-459-466>

СПИСОК АВТОРОВ

Адамович Тимофей Валерьевич, научный сотрудник лаборатории возрастной психогенетики Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия. tadamovich11@gmail.com

Адева Татьяна Николаевна, кандидат психологических наук, заведующая кафедрой специальной педагогики и психологии, доцент кафедры специальной педагогики и психологии, Институт педагогики и психологии, Костромской государственной университет, Кострома, Россия. adeeva.tanya@rambler.ru

Акдерли Алина Ростиславовна, студентка 5-го курса по специальности «Клиническая психология» ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ, Самара, Россия. zagumenнова.alina63@yandex.ru

Акимов Игорь Борисович, кандидат педагогических наук, заместитель директора по учебно-методической работе, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Самарский филиал, Самара, Россия. fort077@gmail.com

Акмаев Владислав Антонович, аспирант кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия. akvladislav@gmail.com

Алексеева Дарья Сергеевна, младший научный сотрудник, Региональный научный центр Российской академии образования в Южном федеральном округе, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. dalekseeva@sfedu.ru

Альперович Валерия Дмитриевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. alper@sfedu.ru

Аникеева Татьяна Яковлевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры общей психологии факультета психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. anikeeva-07@mail.ru

- Антилогова Лариса Николаевна**, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и педагогической психологии, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия. Antilogova@yandex.ru
- Антипова Алина Сергеевна**, научный сотрудник кафедры психологии языка и преподавания иностранных языков, факультет психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. alineant@yandex.ru
- Антонова Наталья Викторовна**, кандидат психологических наук, доцент, доцент департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. vantonova@hse.ru
- Артамонова Алёна Геннадиевна**, преподаватель кафедры психологии управления и юридической психологии, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия. alartamonova@sfedu.ru
- Астаева Алена Васильевна**, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой клинической психологии, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия. a.v.astaeva@gmail.com
- Афанасенкова Елена Леонидовна**, доцент, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Института психологии и педагогики, ФГБОУ ВО «Сахалинский государственный университет», Южно-Сахалинск, Россия. el_afa@mail.ru
- Бабенко Виталий Вадимович**, доктор биологических наук, профессор, профессор кафедры психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. babenko@sfedu.ru
- Бабиянц Каринэ Артемовна**, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и педагогической психологии, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. bakart@sfedu.ru
- Баланев Дмитрий Юрьевич**, кандидат психологических наук, доцент, руководитель лаборатории экспериментальной психологии, декан факультета психологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия. balanevd@gmail.com
- Балева Милена Валерьевна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государствен-

ный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия.
milena baleva@yandex.ru

Банщикова Татьяна Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, руководитель научно-образовательного центра психологического сопровождения личностно-профессионального развития, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия. sevkv@mail.ru

Барановская Татьяна Артуровна, доктор психологических наук, профессор, Школа иностранных языков, Национально-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. tbaranovskaya@hse.ru

Баянова Лариса Фаритовна, доктор психологических наук, старший научный сотрудник ФГБНУ «Психологический институт РАО», Москва, Россия. balan7@yandex.ru

Белашева Ирина Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей психологии и психологии личности психолого-педагогического факультета Северо-Кавказского федерального университета. ibelashева@ncfu.ru

Белоглазов Илья Дмитриевич, студент, факультет психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. i.d.beloglazov@gmail.com

Белоглазова Татьяна Сергеевна, магистрант, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Россия. tatatatyana21@mail.ru

Белодед Диана Роландовна, судебный эксперт-психолог, аспирант КГУ им. К. Э. Циолковского, Калуга, Россия. dr_beloded@mail.ru

Белоусов Максим Владимирович, психолог-консультант, Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Центр региональных социально-гуманитарных связей», Москва, Россия. belmax777@mail.ru

Белоусова Алина Игоревна, аспирант кафедры общей психологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. alina_belousova@inbox.ru

Бердникова Дария Владимировна, психолог частной практики, соискатель ученой степени кандидата психологических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. dariyab@bk.ru

- Бердянская Юлия Владимировна**, преподаватель, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. yuber@sfnu.ru
- Бибарсова Надия Витальевна**, ассистент кафедры общей и когнитивной психологии, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань, Россия. nadiya_mih@mail.ru
- Благов Евгений Юрьевич**, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры информационных технологий в менеджменте, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. blagove@gsom.spbu.ru
- Блинникова Ирина Владимировна**, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, факультет психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. blinnikovamslu@hotmail.com
- Бовдуй Диана Александровна**, студентка, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия. diana.bovdudj26022001@mail.ru
- Богданова Мария Владимировна**, кандидат психологических наук, доцент, кафедра общей и социальной психологии, Институт психологии и педагогики, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия. bogdanova-mv@yandex.ru
- Богоявленская Диана Борисовна**, доктор психологических наук, профессор, руководитель Центра междисциплинарных исследований творчества и одаренности, Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия. mpo-120@mail.ru
- Бондаренко Ирина Николаевна**, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии саморегуляции Психологического института Российской академии образования, Москва, Россия. pondi@inbox.ru
- Борисов Георгий Игоревич**, старший преподаватель кафедры общей и социальной психологии, Уральский федеральный университет им. первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. georgy.boriosv@urfu.ru
- Бредун Екатерина Валерьевна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета, Томск, Россия. bredun.88@mail.ru

- Бубновская Олеся Владимировна**, кандидат психологических наук, заведующая лабораторией междисциплинарных исследований безопасности и риска Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия. bubnovskaia.ov@dvfu.ru
- Бурминский Денис Сергеевич**, кандидат медицинских наук, научный сотрудник лаборатории психофармакологии, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», Москва, Россия. desbur@gmail.com
- Бурмистрова-Савенкова Анжелика Валерьевна**, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии саморегуляции, Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия. cygnet@inbox.ru
- Важенин Андрей Владимирович**, доктор медицинских наук, профессор, академик РАН, ректор Южно-Уральского государственного медицинского университета, Челябинск, Россия. kanc@chelsma.ru
- Валиев Руслан Радисович**, кандидат биологических наук, научный сотрудник лаборатории популяционной и медицинской генетики НИС НИУ ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», Уфа, Россия. ruslan_valiev@mail.ru
- Вартанян Гаянэ Аршалусовна**, кандидат психологических наук, научный сотрудник, кафедра психологии здоровья и отклоняющегося поведения, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. g.vartanyan@spbu.ru
- Васягина Наталия Николаевна**, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии образования, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия. vasyagina_n@mail.ru
- Верховская Евгения Михайловна**, студентка 6-го курса клинической психологии по специальности «Клиническая психодиагностика, консультирование и психотерапия», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. jeneverkhovskaya@gmail.com
- Ветвицкая Татьяна Владимировна**, кандидат психологических наук, руководитель психологической службы Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение школа № 616 Адмиралтейского района Санкт-Петербурга «Центр абилитации с индивидуальными формами обучения «Динамика», Россия. taniu@yandex.ru

Волкова Елена Вениаминовна, доктор психологических наук, заведующая лабораторией психологии способностей и ментальных ресурсов им. В. Н. Дружинина, Институт психологии Российской академии наук. volkovaev@ipran.ru

Волченкова Анастасия Александровна, аспирант 3-го года обучения факультета психологии, ассистент кафедры организационной психологии и психологии труда, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия. 24Crocus95@gmail.com

Воробьева Елена Викторовна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психофизиологии и клинической психологии, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета; профессор кафедры психофизиологии и клинической психологии, факультет психологии, педагогики и дефектологии Донского государственного технического университета, Ростов-на-Дону, Россия. evorob2012@yandex.ru

Воробьева Ирина Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, начальник управления научных исследований, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия. lorisha@mail.ru

Воронцова Татьяна Алексеевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия. shkurko@sfedu.ru

Галаятдинова Наира Азаматовна, магистрант Московского государственного психолого-педагогического университета, факультета экстремальной психологии, Москва, Россия. nairka59@mail.ru

Галаятдинова Светлана Ишбулдиновна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей психологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», Уфа, Россия. lanagal@bk.ru

Гарамян Борис Георгиевич, аспирант, Московский государственный областной университет, Москва, Россия. garamjan13@gmail.com

Гашкова Анастасия Сергеевна, магистр направления «Когнитивные нейронауки», УрФУ, Екатеринбург, Россия. annabolein08@gmail.com

Гвоздева Дарья Ивановна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии личности и консультативной психологии

академии психологии и педагогики, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. gvozdeva@sfedu.ru

Гилемханова Эльвира Нурахматовна, кандидат психологических наук, доцент, педагог-психолог высшей квалификационной категории, доцент кафедры педагогической психологии Института психологии и образования, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия. enkazan@mail.ru

Гладков Юрий Олегович, младший научный сотрудник лаборатории психофизиологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия. ug_95@mail.ru

Голубицкая Дарья Игоревна, инженер-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. golubitskaya.dariya@yandex.ru

Горбатовская Юлия Викторовна, педагог-психолог частной практики, член ОО «Санкт-Петербургское психологическое общество», Санкт-Петербург, Россия. gorbatovskaya_y@garmony-spb.ru

Горбушина Анастасия Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», Киров, Россия. gorbushina_anast@mail.ru

Гордеева Алла Валериановна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии, Донецкий национальный университет, Донецк, Донецкая Народная Республика. a.valer@mail.ru

Грандилевская Ирина Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры медицинской психологии, психофизиологии и психотерапии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. grandira@inbox.ru

Гусева Юлия Викторовна, студентка, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия. yuliaa.guseva@gmail.com

Гуткевич Елена Владимировна, доктор медицинских наук, профессор кафедры генетической и клинической психологии, факультет психологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»; ведущий научный сотрудник, отделение эндогенных расстройств, ФГБУ «Томский национальный исследовательский медицинский центр Российской академии наук», Научно-исследовательский институт психического здоровья, Томск, Россия. gutkevich.elena@rambler.ru

- Давыдова Юлия Дмитриевна**, младший научный сотрудник Института биохимии и генетики ФГБНУ Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук; младший научный сотрудник лаборатории нейрокогнитивной геномики ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», Уфа, Россия. julia.dmitrievna@list.ru
- Данилова Марина Викторовна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. dan_m@mail.ru
- Дёмин Андрей Николаевич**, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и социологии управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия. andreydemin2014@yandex.ru
- Денисова Галина Валерьевна**, доктор культурологии, заведующая кафедрой психологии языка и преподавания иностранных языков, факультет психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. g.v.denissova@gmail.com
- Денисова Екатерина Геннадьевна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия. denisovakeith@gmail.com
- Джанерьян Светлана Тиграновна**, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии личности и консультативной психологии академии психологии и педагогики, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. swetdjan@sfnu.ru
- Дикая Людмила Александровна**, главный научный сотрудник, кандидат психологических наук, доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. dikaya@sfnu.ru
- Докучаев Денис Александрович**, аспирант, младший научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук, лаборатория психологии способностей и ментальных ресурсов им. Дружинина, Москва, Россия. dokuchaevda@ipran.ru
- Доминяк Владислав Игоревич**, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. vldominiak@gmail.com

Дорогина Ольга Ивановна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры клинической психологии и психофизиологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. Dorogina_olga@mail.ru

Дорохов Владимир Борисович, доктор биологических наук, заведующий лабораторией «Нейробиологии сна и бодрствования» Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, Москва, Россия. vbdorokhov@mail.ru

Дьячук Анна Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Красноярск, Россия. danna@kspu.ru

Евстафеева Евгения Александровна, кандидат психологических наук, декан факультета психологии и педагогики, Челябинский государственный университет, старший научный сотрудник, Томский государственный университет, Челябинск, Томск, Россия. evgeniy-eg@mail.ru

Егорова Валерия Александровна, младший научный сотрудник, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. veremeeva@sfedu.ru

Егорова Марина Сергеевна, профессор, заведующая кафедрой психогенетики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. ms_egorova@mail.ru

Екимчик Ольга Александровна, доцент кафедры общей и социальной психологии, старший научный сотрудник сектора фундаментальных исследований Костромского государственного университета, кандидат психологических наук, член РПО с 2007 года; Кострома, Россия. olga-ekimchik@rambler.ru

Еникеева Рената Фануровна, кандидат биологических наук, научный сотрудник Института биохимии и генетики ФГБНУ Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, научный сотрудник лаборатории нейрокогнитивной геномики НИС НИУ ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», Уфа, Россия. enikeevarf@gmail.com

Енова Наталья Андреевна, студентка программы магистратуры педагогическое образование: экспериментальное высшее образование, Школа перспективных исследований (SAS) ТюмГУ, Тюмень, Россия. n.enova.xhe@gmail.com

- Еремина Елена Владимировна**, ТПМПК педагог-психолог, детский сад № 1, Каменск-Уральский, Россия. eremina-elena@list.ru
- Ермаков Павел Николаевич**, доктор биологических наук, профессор, академик РАО, профессор кафедры психофизиологии и клинической психологии, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия. paver@sfedu.ru
- Есаян Марине Леоновна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии личности психолого-педагогического факультета Северо-Кавказского федерального университета. mesaian@ncfu.ru
- Ефимова Анастасия Анатольевна**, старший преподаватель, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия. efmova27@mail.ru
- Жданова Наталья Евгеньевна**, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии образования и профессионального развития Российского государственного профессионально-педагогического университета, Екатеринбург, Россия. zne1976@gmail.com
- Жемерикина Юлия Игоревна**, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии саморегуляции, Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия. yulkazh@yandex.ru
- Жеронкина Дарья Романовна**, студентка Костромского государственного университета, Кострома, Россия. darya.chaczkaya@mail.ru
- Жолдасов Дмитрий Сергеевич**, магистрант направления психология, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия. zholdasovdimend@yandex.ru
- Жукова Наталья Юрьевна**, ассистент кафедры психологии управления и служебной деятельности, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия. nata3-17@mail.ru
- Журавлева Александра Владимировна**, магистрант, факультет психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. zhuravleva.alex@mail.ru
- Зайцева Юлия Николаевна**, студентка, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия. colorbenedict@gmail.com

- Захарова Людмила Николаевна**, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии управления, Национальный исследовательский университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия. zlnnnov@mail.ru
- Зеер Эвальд Фридрихович**, профессор кафедры психологии образования и профессионального развития ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», Екатеринбург, Россия. zeer.ewald@yandex.ru
- Зиннатова Мария Владимировна**, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии образования, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. mashaperv@rambler.ru
- Зиновьева Елена Викторовна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. e.zinovieva@spbu.ru
- Злоказов Кирилл Витальевич**, кандидат психологических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия. zkirvit@gmail.com
- Золотарева Алена Анатольевна**, кандидат психологических наук, доцент департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), заведующая лабораторией психосоматической медицины научно-образовательного Российского-китайского центра системной патологии Национального исследовательского университета «Южно-Уральский государственный университет», Челябинск, Россия. alena.a.zolotareva@gmail.com
- Зорина Екатерина Сергеевна**, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований в области госпитальной педагогики ФГБНУ «Институт возрастной физиологии Российской академии образования», педагог-психолог проекта госпитальных школ России «УчимЗнаем», Москва, Россия. katarinatutor@gmail.com
- Зырянова Надежда Михайловна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры психогенетики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия. nzyr@mail.ru

- Иваницкая Елизавета Денисовна**, медицинский психолог, ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница № 4 им. П. Б. Ганнушкина ДЗМ», Москва, Россия. ivi.lizzie@gmail.com
- Игнатова Екатерина Сергеевна**, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия. 131013@mail.ru
- Измалкова Анна Игоревна**, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории когнитивных исследований основ коммуникации, МГЛУ Москва, Россия. mayogan@mail.ru
- Ильченко Даниил Сергеевич**, научный сотрудник проблемной научно-исследовательской лаборатории комплексного изучения актуальных проблем журналистики, факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. ilchenkod@yandex.ru
- Исаева Елена Рудольфовна**, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и клинической психологии Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. академика И. П. Павлова, Санкт-Петербург, Россия. isajeva@yandex.ru
- Исмагилова Файруза Салихджановна**, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия. ismagilova.f@gmail.com
- Исматуллина Виктория Игоревна**, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории возрастной психогенетики Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия. ismatullina.v@pirao.ru
- Исурина Галина Львовна**, кандидат психологических наук, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. gisurina@yandex.ru
- Кабрин Валерий Иванович**, доктор психологических наук, профессор, кафедра психологии личности Томского государственного университета, Томск, Россия. kabrin@list.ru
- Казанцева Анастасия Валерьевна**, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института биохимии и генетики ФГБНУ Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, старший научный сотрудник лаборатории нейрокогнитивной геномики

НИС НИУ ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,
Уфа, Россия. kazantsa@mail.ru

Казицева Валентина Олеговна, старший преподаватель кафедры психологии и социальных наук, Институт психологии, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова», Якутск, Россия. kazitseva@bk.ru

Калеменева Мария Павловна, аспирант, кафедра общей и социальной психологии, Институт психологии и педагогики, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия. mary_kl@icloud.com

Калита Виталий Владимирович, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), Москва, Россия. 700200@mail.ru

Камакина Ольга Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии начального обучения, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Россия. olekam@bk.ru

Кандыбович Сергей Львович, академик Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, Рязань, Россия. s.kandybovich@sodru.com

Кара Жанна Юрьевна, доцент, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. zy kara@sfedu.ru

Караяни Александр Григорьевич, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский военный институт Войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия. karayani@mail.ru

Карпов Анатолий Викторович, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, декан факультета психологии, заведующий кафедрой психологии труда и организационной психологии ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия. anvikar56@yandex.ru

Касанов Даурен Айтжанович инженер-исследователь, учебно-научной лаборатории нейротехнологий УрФУ, Екатеринбург, Россия. dauren.kasa@gmail.com

Касьянова Татьяна Ивановна, кандидат педагогических, доцент кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. kasyanova.t@gmail.com

Каткало Ксения Дмитриевна, аспирант кафедры педагогики и психологии образования Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. katkaloksenia@mail.ru

Кашапов Мергалис Мергалимович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и педагогической психологии, Ярославский государственный университет, Ярославль, Россия. smk007@bk.ru

Каширин Владимир Александрович, студент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. vk1998@mail.ru

Каширская Екатерина Владимировна, кандидат психологических наук, научный сотрудник департамента психологии факультета социальных наук, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия. ekashirskaya@hse.ru

Клейман Елена Олеговна, клинический психолог, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. elena.o.kleyman@yandex.ru

Климова Елена Константиновна, кандидат психологических наук, доцент, практикующий психолог, руководитель Психологического центра «Успех», доцент кафедры психологии развития и образования Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия. klimovelen@yandex.ru

Клюева Ольга Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии труда и клинической психологии, факультет психологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тверской государственный университет», Тверь, Россия. Klyueva.OA@tversu.ru

- Кобзева Дарья Михайловна**, выпускница специалитета, специализация «Организационное консультирование», факультет психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. dar.kobzeva.95@mail.ru
- Ковалёв Артём Иванович**, кандидат психологических наук, доцент факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. artem.kovalev.msu@mail.ru
- Ковш Екатерина Михайловна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия. emkovsh@sfedu.ru
- Ковшова Ольга Степановна**, доктор медицинских наук (специальность «Медицинская психология»), доцент, заведующая кафедрой медицинской психологии и психотерапии ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ, Самара, Россия. o.s.kovshova@samsmu.ru
- Козлов Михаил Юрьевич**, медицинский психолог, ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница № 4 им. П. Б. Ганнушкина ДЗМ», Москва, Россия. mishafetser@gmail.com
- Козловский Станислав Александрович**, кандидат психологических наук, доцент кафедры психофизиологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. s_t_a_s@mail.ru
- Колесникова Вероника Александровна**, магистрант кафедры психологии языка и преподавания иностранных языков факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. pss.kolesss@yandex.ru
- Колесникова Екатерина Ивановна**, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогика, межкультурной коммуникации и русского как иностранного, Самарский государственный технический университет, Самара, Россия. kolesnikovaei@yandex.ru
- Коломийченко Елена Валерьевна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ физического воспитания, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. evkolomiychenko@sfedu.ru
- Кондратюк Наиля Гумеровна**, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии саморегуляции, Пси-

хологический институт Российской академии образования, Москва, Россия. n.kondratyuk@gmail.com

Кононыхина Василина Борисовна, аспирант 1-го курса кафедры общей психологии и психологии труда Гуманитарного института, АНО ВО «Российский новый университет», Москва, Россия. vkononykhina@yandex.ru

Коноплева Елена Александровна, кризисный психолог отдела лингвистической и психологической поддержки Государственного казенного учреждения Свердловской области «Территориальный центр мониторинга и реагирования на чрезвычайные ситуации в Свердловской области», член Уральского отделения Общественного совета Общества психологов силовых структур Российского психологического общества, член Ветеранской организации Уральского юридического института МВД России, Екатеринбург, Россия. elen.konopleva@yandex.ru

Корниенко Дмитрий Сергеевич, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии, факультет психологии, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия. kornienko-ds@ranepa.ru

Корнилова Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. tvkornilova@mail.ru

Коропец Ольга Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры управления персоналом и психологии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. okor78@mail.ru

Короткова Инга Сергеевна, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. i.s.korotkova@spbu.ru

Коряков Ярослав Игоревич, старший преподаватель кафедры клинической психологии и психофизиологии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. yarkor@mail.ru

Косаченко Александра Ильична, младший научный сотрудник, учебно-научной лаборатории нейротехнологий УрФУ, Екатеринбург, Россия. alleshch7@gmail.com

Косоногов Владимир Владимирович, кандидат психологических наук, научный сотрудник, Институт когнитивных нейронаук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. vkosonogov@hse.ru

Костакова Ирина Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Институт направленного профессионального образования, Тольятти, Россия. ikostakova@bk.ru

Котюсов Александр Игоревич, младший научный сотрудник, учебно-научной лаборатории нейротехнологий УрФУ, Екатеринбург, Россия. Sunalexr@gmail.com

Кох Дмитрий Александрович, магистрант первого курса направления когнитивная психология и технологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия. tempus12345@mail.ru

Красноярцева Ольга Михайловна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и педагогической психологии Томского государственного университета, Томск, Россия. krasnoo@mail.ru

Кривчун Анастасия Витальевна, выпускница Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия. kriw4un.nas@yandex.ru

Кружкова Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая лабораторией перспективных социосредовых исследований научных исследований, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия. galiat1@yandex.ru

Крутелева Людмила Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия. kruteleva@sfedu.ru

Куваева Ирина Олеговна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии образования, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. irina.kuvaeva@urfu.ru

- Кузенко Светлана Сергеевна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. Kuzenko@sfedu.ru
- Кузнецова Анна Сергеевна**, магистрант факультета психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. catann06@mail.ru
- Кузнецова Елена Андреевна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. kuznetsova@spbu.ru
- Кузнецова Татьяна Алексеевна**, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. kerpataya@mail.ru
- Кузьмин Андрей Юрьевич**, магистр психологии, аспирант факультета психологии СПбГУ, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. kuzmin-a.y@yandex.ru
- Кузьмина Мария Геннадиевна**, инженер-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. mari.kuzmina@yahoo.com
- Куфтяк Елена Владимировна**, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; заведующая кафедрой возрастной и семейной психологии Московского института психоанализа, Москва, Россия. elena.kuftyak@inbox.ru, kuftyak@yandex.ru
- Лабунская Вера Александровна**, доктор психологических наук, профессор Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия. vlab@aaanet.ru
- Лаврова Мария Александровна**, старший преподаватель, кафедра клинической психологии и психофизиологии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. m.a.lavrova@urfu.ru
- Ларина Алёна Владимировна**, медицинский психолог, ООО «Клинический лечебно-реабилитационный центр “Территория здоровья”», Барнаул, Россия. ski-91@mail.ru
- Ларионова Светлана Владимировна**, начальник отдела мониторинга Муниципального бюджетного учреждения информационно-методического центра «Екатеринбургский дом учителя», член Уральско-

го отделения Общественного совета Общества психологов силовых структур Российского психологического общества, член Ветеранской организации Уральского юридического института МВД России, Екатеринбург, Россия. larionova_s.v@mail.ru.

Леонова Елена Васильевна, доктор психологических наук, главный эксперт Центра компетенций по культуре безопасности и надежности человеческого фактора АНО ДПО «Техническая академия “Росатома”», Обнинск, Россия. EVLeonova@rosatomtech.ru

Литвинов Владимир Юрьевич, соискатель степени кандидата наук, аспирант кафедры методологии психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. volodimir.litvinov@gmail.com

Ломака Анастасия Олеговна, аспирант, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия. nastya15lomaka@yandex.ru

Лукашкин Сергей Игоревич, кандидат физико-математических наук, директор Научно-образовательного центра «Цифровые технологии в образовании», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. lukashkinsi@vtb.education

Лушпаева Ирина Игоревна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической психологии Института психологии и образования, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия. psilogiairort@mail.ru

Лыгина Диана Дмитриевна, аспирант 3-го года очного обучения по специальности «Психологические науки» ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ, Самара, Россия. diana.radaieva.94@yandex.ru

Лысова Александра Владимировна, доктор социологических наук, профессор Школы криминологии, Университет Саймона Фрейзера, Ванкувер, Канада. alexandra_lysova@sfu.ca

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Россия. v.mazilov@yspu.org

Макаревская Юлия Эдуардовна, кандидат психологических наук, доцент, декан социально-педагогического факультета, Сочинский государственный университет, Сочи, Россия. yuliya-sochi@mail.ru

- Максарова Лидия Баировна**, студент кафедры общей психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ им. М. В. Ломоносова»), Москва, Россия.
maksarovalydia@gmail.com
- Максименко Елена Георгиевна**, доктор психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», Донецк, Донецкая Народная Республика.
e.maksimenko@donnu.ru
- Малахова Варвара Романовна**, старший преподаватель кафедры философии и юридической психологии, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток, Россия.
vareffka@mail.ru
- Малых Сергей Борисович**, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией возрастной психогенетики ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования», Москва, Россия; старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории нейротехнологий ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург, Россия.
malykhsb@mail.ru
- Мальцев Алексей Владимирович**, кандидат биологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия. A.V.Maltsev@urfu.ru
- Матвеева Алена Игоревна**, аспирант, аналитик управления научных исследований, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия. lyonchik_7777@list.ru
- Матвеева Лидия Владимировна**, доктор психологических наук, профессор кафедры методологии психологии факультета психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
matweewa-com@yandex.ru
- Матвеева Полина Андреевна**, студентка 3-го курса по направлению «Психология служебной деятельности», Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. polina.matveeva.2018@mail.ru
- Мелещенко Евгений Александрович**, магистрант, младший научный сотрудник Академии психологии и педагогики, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. meleshenko@sfnedu.ru

Мельникова Надежда Михайловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры менеджмента Финансово-экономического института, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия. shpresamel@gmail.com

Мерзлякова Светлана Васильевна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и когнитивной психологии, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань, Россия. svetym@yandex.ru

Микляева Анастасия Владимировна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия. a.miklyaeva@gmail.com

Мироненко Ирина Анатольевна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия. mironenko.irina1@gmail.com

Моисеева Виктория Сергеевна, студентка, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. vicmoiseeva@gmail.com

Морозова Маргарита Алексеевна, доктор медицинских наук, профессор отдела по подготовке специалистов в области психиатрии, заведующая лабораторией психофармакологии, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», Москва, Россия. margmorozova@gmail.com

Моросанова Варвара Ильинична, член-корреспондент Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии саморегуляции, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), Москва, Россия. morosanova@mail.ru

Мочалова Юлия Васильевна, кандидат психологических наук, научный сотрудник кафедры инженерной психологии факультета психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. vassom@mail.ru

Муртазина Инна Ралифовна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. i.r.myrtazina@spbu.ru

- Наумова Ольга Александровна**, педагог-психолог, Березовское муниципальное автономное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа № 1 им. героя Советского Союза Неустроева С. А., Березовский, Россия. o.naumova1984@yandex.ru
- Никонова Евгения Юрьевна**, младший научный сотрудник лаборатории «Психология профессий и конфликта» факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. eniconova@mail.ru
- Никulichева Екатерина Олеговна**, специалист по профессиональному обучению, Центр компетенций по культуре безопасности и надежности человеческого фактора АНО ДПО «Техническая академия “Росатома”», Обнинск, Россия. EONikulicheva@rosatomtech.ru
- Новикова Галина Рудольфовна**, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского Минздрава России, Москва, Россия. gr_novikova@mail.ru
- Новопашина Лариса Александровна**, кандидат психологических наук, доцент, руководитель научно-учебной лаборатории мониторинга профессиональных компетентностей, Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия. novo.laris@mail.ru
- Орлова Александра Дмитриевна**, студентка кафедры социальной психологии факультета психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. sashaorlova5@yandex.ru
- Оуен Цзыянь**, магистр, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. ouzy2020spbu@mail.ru
- Павельчук Яна Евгеньевна**, студентка программы магистратуры педагогическое образование: экспериментальное высшее образование, Школа перспективных исследований (SAS), ТюмГУ, Тюмень, Россия. y.pavelchuk.xhe@gmail.com
- Павлов Юрий Геннадьевич**, PhD, заведующий учебно-научной нейротехнологий Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. pavlovug@gmail.com
- Паршикова Оксана Викторовна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры психогенетики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. ksapa2003@mail.ru

- Пахомова Вероника Андреевна**, студентка 4-го курса направления подготовки 37.05.01 «Клиническая психология» Академии психологии и педагогики, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. vrahamova@sfedu.ru
- Пахомова Яна Николаевна**, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психофизиологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, доцент кафедры психологии, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. sizova159@yandex.ru
- Перткова Екатерина Романовна**, выпускница факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. pertkovaer@my.msu.ru
- Петраш Марина Дмитриевна**, кандидат психологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. m.petrash@spbu.ru
- Петровская Мария Дмитриевна**, практический психолог, Ростов-на-Дону, Россия. mariya-reznik@yandex.ru
- Петросьян Светлана Николаевна**, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и гостиничного дела, Международный инновационный университет, Сочи, Россия. svpet@mail.ru
- Печеркина Анна Александровна**, кандидат психологических наук, доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. 79apa@mail.ru
- Пирлик Галина Петровна**, кандидат медицинских наук, магистр психологии, доцент, Московский педагогический государственный университет, Институт детства, кафедра психологической антропологии, Москва, Россия. galina@pirlik.ru
- Пищик Влада Игоревна**, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и консультативной психологии, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия. vladaph@yandex.ru
- Позднякова Екатерина Анатольевна**, аспирант, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия. pekaterina73@gmail.com
- Пономарева Ирина Владимировна**, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии, Челябинский государственный университет, Челябинск, старший научный сотрудник, Томский государственный университет, Томск, Россия. ivp-csu@yandex.ru

- Пономарева Ольга Яковлевна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры управления персоналом и психологии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. o.y.ponomareva@urfu.ru
- Попова Лариса Владимировна**, старший преподаватель кафедры социальной психологии, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. lvpopova@sfedu.ru
- Потанина Анна Михайловна**, научный сотрудник лаборатории психологии саморегуляции, Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия. a.m.potan@gmail.com
- Предеина Марина Владимировна**, соискатель кафедры общей и социальной психологии УГИ, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, практический психолог, Екатеринбург, Россия. mvpredeina@mail.ru
- Прокин Данил Олегович**, студент 3-го курса по направлению «Клиническая психология», Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. prockin.danil@yandex.ru
- Проклов Руслан Игоревич**, старший преподаватель кафедры психологии языка и преподавания иностранных языков, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва Россия. fermoso@list.ru
- Прохоров Александр Октябрьнович**, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия. alprokhor1011@gmail.com
- Прохорова Мария Вячеславовна**, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии управления факультета социальных наук, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия. personalgerente@mail.ru
- Рабесон Мария Давидовна**, научный сотрудник кафедры психологии языка и преподавания иностранных языков факультета психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. maria.rabeson@gmail.com
- Раднагуруев Булат Баторович**, кандидат педагогических наук, доцент; доцент кафедры государственного управления и молодежной политики Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма, Москва, Россия. radnaguruev@yandex.ru

- Разина Татьяна Валерьевна**, член-корреспондент Российской академии образования, доктор психологических наук, доцент, проректор по развитию, Институт мировых цивилизаций, Москва, Россия. razinat@mail.ru
- Рафикова Вероника Айдаровна**, аспирант 3-го года обучения факультета психологии, инженер-исследователь кафедры психологии личности Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия. veronikarafikova1996@gmail.com
- Решетникова Ирина Сергеевна**, ассистент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия. reshetnikovairina588@mail.ru
- Робин Сергей Дмитриевич**, лаборант лаборатории перспективных социосредовых исследований, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия. robinseryi@gmail.com
- Роголева Юлия Александровна**, лаборант, лаборатории восприятия факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. rogolevayulia@gmail.com
- Родионова Елена Анатольевна**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологического обеспечения профессиональной деятельности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. psygea@mail.ru
- Руднова Наталья Александровна**, кандидат психологических наук, научный сотрудник департамента иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Пермь, Россия. chernysheva-n.a@yandex.ru
- Рупчев Георгий Евгеньевич**, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психофармакологии, ФГБНУ «Научный Центр психического здоровья», Москва, Россия. rupchevgeorg@mail.ru
- Рыкман Людмила Владимировна**, кандидат психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. lyudmila_ryk@mail.ru
- Рысева Ксения Михайловна**, студентка 2-го курса программы «Нейропсихоллингвистика» магистратуры факультета психологии, методист и старший преподаватель Государственного образовательного учреждения города Москвы «Центр педагогического мастерства» (ГАОУ ДПО ЦПМ), Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. riseva1998@yandex.ru

- Рюмшина Любовь Ивановна**, доктор психологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. ryumshina@sfedu.ru
- Рябикина Зинаида Ивановна**, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия. z.ryabikina@yandex.ru
- Савичева Анастасия Вячеславовна**, аспирант кафедры психологии управления факультета социальных наук, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия. sav9497@yandex.ru
- Сапунова Ольга Валерьевна**, старший преподаватель кафедры психологии языка и преподавания иностранных языков факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. sapunovaov@my.msu.ru
- Севрюкова Алла Николаевна**, старший преподаватель кафедры практической психологии, Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия. qweerts@yandex.ru
- Сиповская Яна Ивановна**, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии способностей и ментальных ресурсов им. В. Н. Дружинина, Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия. sipovskayaui@ipran.ru
- Ситкина Евгения Владимировна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. академика И. П. Павлова, Санкт-Петербург, Россия. Sitkina_evgenya@mail.ru
- Ситцева Мария Сергеевна**, студентка Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, Калуга, Россия. SittsevaMS@studklg.ru
- Скиртач Ирина Анатольевна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. iskirtach@sfedu.ru
- Слепко Юрий Николаевич**, доктор психологических наук, профессор РАО, декан педагогического факультета, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Россия. slepko@inbox.ru

- Слободчиков Илья Михайлович**, профессор, доктор психологических наук, заведующий лабораторией психолого-педагогического развития творческой личности Института художественного образования и культурологии Российской академии образования, профессор кафедры клинической психологии Уральского государственного медицинского университета, Москва, Россия. il_grant@mail.ru
- Смешко Евгения Валерьевна**, лаборант, лаборатория экспериментальной психологии Томского государственного университета, Томск, Россия. eva.smeshko@mail.ru
- Смирнов Александр Александрович**, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и педагогической психологии, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия. asmirnov1970@bk.ru
- Смирнова Елена Геннадьевна**, кандидат психологических наук, директор муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения города Кургана «Гимназия № 19», Курган, Россия. smelg22860@yandex.ru
- Смирнова Ольга Владимировна**, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой цифровой журналистики, факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. smirnovaorama@gmail.com
- Соколовский Максим Леонидович**, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра психологического сопровождения личностно-профессионального развития, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия. msokolovskii@ncfu.ru
- Солдатова Елена Леонидовна**, доктор психологических наук, профессор, профессор факультета психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. elena.l.soldatova@gmail.com
- Соловьева Елизавета Валерьевна**, студентка, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия. solovyeva.ev205@gmail.com
- Сошликова Валерия Александровна**, кандидат психологических наук, медицинский психолог Федерального государственного бюджетного учреждения «Федеральный научно-клинический центр спортивной

- медицины и реабилитации Федерального медико-биологического агентства», Москва, Россия. valeria-moskva@mail.ru
- Сперанский Ростислав Константинович**, руководитель направления новых форматов практики научно-исследовательского центра «Цифровые технологии в образовании», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. r.speransky@gsom.spbu.ru
- Степанова Ксения Игоревна**, студентка, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия. stepanovaki1998@gmail.com
- Степанова Лидия Михайловна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Финансово-экономического института, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия. panlito@bk.ru
- Степанчук Наталья Николаевна**, аспирант, младший научный сотрудник, Государственное учреждение «Институт проблем искусственного интеллекта», Донецк, Донецкая Народная Республика. stepanchuk_natala@mail.ru
- Стрельников Степан Владимирович**, лаборант лаборатории «Восприятие» факультета психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. stepan99strelnikov@gmail.com
- Стрижицкая Ольга Юрьевна**, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. o.strizhitskaya@spbu.ru
- Суворова Галина Андреевна**, доктор психологических наук, директор департамента психологии, ООО «Психологическая консультация “Диалог”», Москва, Россия. suvorovaga@mail.ru
- Судейманов Рамиль Фаилович**, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, Казань, Россия. souleimanov@ieml.ru
- Сургутский Евгений Денисович**, студент 6-го курса кафедры психологии здоровья и отклоняющегося поведения, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. evgeniipsy@gmail.com
- Сылка Надежда Валерьевна**, студентка, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия. gramtysh99@gmail.com

- Сыманюк Валерий Васильевич**, аспирант 1-го года обучения ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет», Москва, Россия. symanyuk.valera@yandex.ru
- Сыманюк Эльвира Эвальдовна**, доктор психологических наук, заведующая кафедрой общей и социальной психологии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. e.e.symaniuk@urfu.ru
- Сыченко Юлия Анатольевна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. julija-2016@bk.ru
- Табидзе Александр Александрович**, клинический психолог, член-корреспондент Российской академии естественных наук (Секция «Геополитика и безопасность»), доктор физико-математических наук, профессор, директор Научного центра «Психопедагогика» Минобрнауки РФ (1991), действительный член Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги (руководитель модальности), эксперт Союза охраны психического здоровья, Москва, Россия. a.a.tabidze@yandex.ru
- Тазетдинов Андрей Маулетзянович**, кандидат биологических наук, научный сотрудник лаборатории популяционной и медицинской генетики НИС НИУ ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», Уфа, Россия. tam-1983@yandex.ru
- Татарина Татьяна Александровна**, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. taatarinova@gmail.com
- Тахирова Залина Равильевна**, кандидат биологических наук, научный сотрудник лаборатории нейрокогнитивной геномики НИС НИУ ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», Уфа, Россия; старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории нейротехнологий, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. tahirovazalina@mail.ru
- Титова Инна Игоревна**, магистрант Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия. ititova@sfedu.ru
- Тихонова Инна Викторовна**, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры специальной педагогики и психологии, Институт

- педагогике и психологии, Костромской государственной университет,
Кострома, Россия. inn.007@mail.ru
- Тихонова Мария Андреевна**, студентка факультета психологии, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия. maria.tihonova.03@gmail.com
- Токарев Александр Григорьевич**, преподаватель-исследователь, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия. tochkae@yandex.ru
- Токарева Юлия Александровна**, доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой управления персоналом и психологии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. ulia.tokareva@yandex.ru
- Тромбчиньски Петр Кристиан**, кандидат психологических наук, доцент кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. Skala.84@mail.ru
- Тютюнников Петр Романович**, магистрант 1-го курса направления «Когнитивная психология и технологии», Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия. tyutyunnikovpiere@gmail.com
- Ульянова Вера Павловна**, кандидат психологических наук, доцент, директор МДУ ДО «ДДиЮТ», Октябрьский, Россия. vuiyanowa@mail.ru
- Уляева Гульназ Гаязовна**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры физвоспитания Московского государственного технического университета Гражданской авиации; доцент кафедры психофизиологических основ физкультурно-спортивной деятельности Московского государственного университета спорта и туризма, Москва, Россия. gulnaz-ulyaeva@yandex.ru
- Уляева Лира Гаязовна**, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии, Московский государственный университет физической культуры спорта и туризма; президент, Ассоциация спортивных психологов; психолог, Московское городское физкультурно-спортивное объединение, Москва, Россия.lira-ulyaeva@yandex.ru
- Федорова Елена Прокопьевна**, кандидат психологических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия. ep.fedorova@mpgu.su

- Федотова Светлана Владимировна**, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры социальной психологи, факультет психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. fedotova-s@yandex.ru
- Филимонов Леонид Сергеевич**, аспирант 2-го курса, направление «Психологические науки» (37.06.01), направленность «Социальная психология» (19.00.05), Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия. Leonid-filimonov1996@yandex.ru
- Филиппова Юлия Владимировна**, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии труда и организационной психологии, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия. yuliafil2022@yandex.ru
- Фомина Татьяна Геннадьевна**, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии саморегуляции, Психологический институт Российской академии образования (ФГБНУ «ПИ РАО»), Москва, Россия. tanafoмина@mail.ru
- Хазова Светлана Абдурахмановна**, доктор психологических наук, профессор кафедры специальной педагогики и психологии, Костромской государственной университет, Кострома, Россия. hazova_svetlana@mail.ru
- Харитоновна Марина Павловна**, доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой клинической психологии и психофизиологии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. nosar@sosp.ru
- Хархурин Анатолий Владимирович**, PhD, доцент департамента психологии факультета социальных наук, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия. akharkhurin@hse.ru
- Хегай Анна Сергеевна**, студентка 2-го курса магистерской программы «Позитивная психология», психолог, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия. askhegay@edu.hse.ru
- Хлыстова Елена Викторовна**, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры клинической психологии и психофизиологии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. duslem6704@mail.ru
- Худякова Татьяна Леонидовна**, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой практической психологии, Воронежский

государственный педагогический университет, Воронеж, Россия.
tanya.dom@list.ru

Хуснутдинова Эльза Камилевна, доктор биологических наук, профессор, заведующая кафедрой генетики и фундаментальной медицины биологического факультета, Башкирский государственный университет; директор Института биохимии и генетики ФГБНУ Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия. elzakh@mail.ru

Циринг Диана Александровна, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психофизиологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, директор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Уральский филиал), Челябинск, Россия. l-di@yandex.ru

Цыганов Игорь Юрьевич, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии саморегуляции Психологического института Российской академии образования, Москва, Россия. i4321@mail.ru

Чернецкая Елена Дмитриевна, кандидат психологических наук, директор центра компетенций по культуре безопасности и надежности человеческого фактора АНО ДПО «Техническая академия «Росатома»», Обнинск, Россия. EDChernetskaya@rosatomtech.ru

Чернов Альберт Валентинович, кандидат психологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия. albertprofit@mail.ru

Чернышева Елена Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. evchern2010@gmail.com

Чернявская Валентина Станиславовна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры философии и юридической психологии, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток, Россия. valstan13@mail.ru

Черткова Юлия Давидовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психогенетики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. y_chertkova@mail.ru

- Чмилевская Оксана Сергеевна**, магистрант, Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск, Россия. oks19810403@gmail.com
- Чуканов Евгений Валериевич**, старший преподаватель, Донецкий национальный университет, Донецк, ДНР. chukanove.v@gmail.com
- Чумаков Михаил Владиславович**, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и социальной психологии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. mihail_chumakov@mail.ru
- Чумакова Дарья Михайловна**, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии Курганского государственного университета, Курган, Россия. ch-darya@mail.ru
- Шабас Светлана Георгиевна**, кандидат психологических наук, доцент факультета социальной психологии, Гуманитарный университет, Екатеринбург, Россия. shabassv@mail.ru
- Шевелева Марина Сергеевна**, кандидат психологических наук, доцент, руководитель департамента иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Пермь, Россия. msheveleva@hse.ru
- Шемпелева Наталья Ивановна**, аспирант кафедры психологии образования, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия. nat-shempeleva@yandex.ru
- Шепеленко Анна Юрьевна**, аспирант, приглашенный преподаватель, стажер-исследователь, Институт когнитивных нейронаук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. ashepelenko@hse.ru
- Шестова Мария Александровна**, кандидат психологических наук, старший преподаватель, Московский институт психоанализа, Москва, Россия. shestovamariya@yandex.ru
- Шипова Наталья Сергеевна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной педагогики и психологии, Костромской государственной университет, Кострома, Россия. ns.shipova@yandex.ru
- Широкая Марина Юрьевна**, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии образования и педагогики, факультет психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. shirokaya.msu.psy@gmail.com

Шишова Евгения Олеговна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогической психологии, Казанский федеральный университет, Казань, Россия. Evgeniya. Shishova@kpfu.ru

Шкурин Денис Вадимович, кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. vortexinform@gmail.com

Щеглова Элеонора Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра общей и педагогической психологии Томского государственного университета, Томск, Россия. sea1506@mail.ru

Щукина Мария Алексеевна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, Национальный медицинский исследовательский центр им. В. А. Алмазова Минздрава РФ, Санкт-Петербург, Россия. corr5@mail.ru

Юсупов Марк Геннадьевич, кандидат психологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия. yusmark@yandex.ru

Явна Денис Викторович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия. dvyavna@sfedu.ru

Якушина Анастасия Александровна, преподаватель кафедры психологии образования и педагогики, факультет психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. anastasia.ya.au@yandex.ru

Яновский Михаил Иванович, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии, Донецкий национальный университет, Донецк, ДНР. m.i.yanovsky@mail.ru

Ячменёва Надежда Павловна, старший преподаватель кафедры общей психологии, факультет психологии, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия. yachmeneva-np@ranepa.ru

LIST OF AUTHORS

- Adamovich Timofey V.**, Researcher, Laboratory of Developmental behavior genetics, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia. tadamovich11@gmail.com
- Adeeva Tatiana N.**, PhD in Psychology, Head of department of Special Pedagogy and Psychology, Kostroma State University, Kostroma, Russia. adeeva.tanya@rambler.ru
- Afanasenkova Elena L.**, Associate Professor, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology of the Institute of Psychology and Pedagogy, Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia. el_afa@mail.ru
- Akderli Alina R.**, 5th year student majoring in Clinical Psychology, Samara State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Samara, Russia. zagumennova.alina63@yandex.ru
- Akimov Igor B.**, Candidate of Pedagogical Sciences, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, Samara Branch, Deputy Director for Educational and Methodological Work, Samara, Russia. fort077@gmail.com
- Akmaev Vladislav A.**, Postgraduate Student of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State National Research University, Perm, Russia. akvladislav@gmail.com
- Alekseeva Daria S.**, Junior Researcher, Regional Research Center of the Russian Academy of Education in the Southern Federal District, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. dalekseeva@sfedu.ru
- Alperovich Valeriya D.**, PhD in Psychology, assoc. prof. of the Department of Social Psychology, Academy of Psychology and of Pedagogics, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. alper@sfedu.ru
- Anikeeva Tatiana Ya.**, Candidate of Psychological Sciences, Senior Researcher at the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. anikeeva-07@mail.ru
- Antilogova Larisa N.**, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of General and Pedagogical Psychology, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia. Antilogova@yandex.ru

- Antipova Alina S.**, Researcher, Chief specialist in the methods of teaching, the Department of Psychology of Language and Teaching of Foreign Languages, the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. alineant@yandex.ru
- Antonova Natalia V.** PhD in Psychology, Associate Professor, Psychology Department, National research university Higher school of economics, Moscow, Russia. nvantonova@hse.ru
- Artamonova Alena G.**, Lecturer of the Department of Management Psychology and Legal Psychology, Academy of Psychology and Educational Sciences Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. alartamonova@sfedu.ru
- Astaeva Alyona V.**, Candidate of Psychological Sciences, Associate professor, Head of the Department of Clinical Psychology, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia. a.v.astaeva@gmail.com
- Babenko Vitaly V.**, Doctor of Biology, professor, professor of the Department of Psychophysiology and Clinical Psychology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. babenko@sfedu.ru
- Babiants Karine A.**, Associate Professor of the Department of General and Pedagogical Psychology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. bakart@sfedu.ru
- Balanev Dmitry Y.**, candidate of psychology science, associate professor, the head of laboratory experimental psychology, the dean Faculty of Psychology, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia. balanevd@gmail.com
- Baleva Milena V.**, PhD (Psychology), Associate Professor, Department of General and Clinical Psychology Perm State University, Perm, Russia. milenabaleva@yandex.ru
- Banshchikova Tatiana N.**, candidate of psychological sciences, associate professor, head of the scientific and educational center for psychological support of personal and professional development North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia. sevkav@mail.ru
- Baranovskaya Tatiana A.**, Doctor of Psychological Sciences, Professor, School of Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. tbaranovskaya@hse.ru
- Bayanova Larisa F.**, Doctor of Psychology, senior researcher at the Psychological Institute of the Russian Academy of Education. Moscow, Russia. balan7@yandex.ru

- Belasheva Irina V.**, PhD in psychology, associate professor head of the department of general psychology and personality psychology North-Caucasus Federal University. ibelasheva@ncfu.ru
- Beloded Diana Rolandovna**, forensic psychologist post-graduate student of KSU named after K. E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia. dr_beloded@mail.ru
- Beloglazov Ilia D.**, student, the Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. i.d.beloglazov@gmail.com
- Beloglazova Tatiana S.**, Master's student, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia. tatatatiana21@mail.ru
- Belousov Maksim V.**, psychologist-consultant, Autonomous non-profit organization of additional professional education "Center for Regional Social and Humanitarian Relations", Moscow, Russia. belmax777@mail.ru
- Belousova Alina I.**, postgraduate student of the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. alina_belousova@inbox.ru
- Berdnikova Daria V.**, psychologist of private practice, applicant for the degree of candidate of psychological sciences, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. dariyab@bk.ru
- Berdianskaya Yuliya V.**, assistant, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. yber@sfnu.ru
- Bibarsova Nadia V.**, Assistant at the Department of General and Cognitive Psychology, the Faculty of Psychology, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia. nadiya_mih@mail.ru
- Blagov Evgeny Yu.**, Candidate of Economic Sciences, Senior lecturer of the Information Technologies in Management department, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia. blagove@gsom.spbu.ru
- Blinnikova Irina V.**, PhD in Psychology, Associate Professor, Senior Researcher, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. blinnikovamslu@hotmail.com
- Bogdanova Maria V.**, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Institute of Psychology and Pedagogy, Tyumen State University, Tyumen, Russia. bogdanova-mv@yandex.ru
- Bogoyavlenskaya Diana B.**, PsyD, Professor, Head of the Center for Interdisciplinary Studies of Creativity and Giftedness, Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia. mpo-120@mail.ru

- Bondarenko Irina N.**, PhD in Psychology, Leading Researcher, Department of Psychology of Self-regulation, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia. pondi@inbox.ru
- Borisov Georgy I.**, Senior Lecturer, Department of General and Social Psychology, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. georgy.boriosv@urfu.ru
- Bovdui Diana A.**, student, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia. diana.bovduj26022001@mail.ru
- Bredun Ekaterina V.**, PhD of Psychological Sciences, associate Professor, Department of General and Pedagogical Psychology, Tomsk State University, Russia. bredun.88@mail.ru
- Bubnovskaia Olesia V.**, Candidate of Psychological Sciences, Head of the Laboratory of Interdisciplinary Safety and Risk Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. bubnovskaia.ov@dvfu.ru
- Burminskiy Denis S.**, MD, PhD, research of the Laboratory of psychopharmacology, Mental Health Research Center, Moscow, Russia. desbur@gmail.com
- Burmistrova-Savenkova Anjelika V.**, PhD in Psychology, is senior researcher of the Department of Self-Regulation Psychology, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia. cygnet@inbox.ru
catann06@mail.ru
- Chernetskaya Elena D.**, PhD (psychology), Head of the Scientific-Methodological Center “Psycho-Physiological Support for Personnel Professional Reliability”, Rosatom Technical Academy, Obninsk, Russia. EDChernetskaya@rosatomtech.ru
- Chernov Albert V.**, PhD (Psychology), associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. albertprofit@mail.ru
- Chernyavskaya Valentina S.**, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Legal Psychology, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia. valstan13@mail.ru
- Chernysheva Elena V.**, Candidate of Sciences (in Psychology), associate-professor at the chair of General and Social Psychology, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. evchern2010@gmail.com
- Chertkova Yulia D.** PhD, Associate Professor, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. y_chertkova@mail.ru

- Chmilevskaya Oksana S.**, Master's student of the Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia. oks19810403@gmail.com
- Chukanov Evgeny V.**, Senior Lecturer, Donetsk National University, Donetsk, DPR. chukanove.v@gmail.com
- Chumakov Mikhail V.**, Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Professor of the Department of General and Social Psychology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. mihail_chumakov@mail.ru
- Chumakova Darya M.**, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Department of Psychology, Kurgan State University, Kurgan, Russia. ch-darya@mail.ru
- Danilova Marina V.**, PhD in Psychology, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia. dan_m@mail.ru
- Davydova Yulia D.**, Junior Researcher at the Institute of Biochemistry and Genetics of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Junior Researcher at the Laboratory of Neurocognitive Genomics of the Bashkir State University, Ufa, Russia. julia.dmitrievna@list.ru
- Denisova Ekaterina G.**, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Psychophysiology and Clinical Psychology, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia. denisovakeith@gmail.com
- Denisova Galina V.**, PhD, Associate professor, Head of the Department of Psychology of Language and Teaching of Foreign Languages, the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. g.v.denissova@gmail.com
- Dikaya Liudmila A.**, PhD in Psychology, Head Researcher at the research laboratory of theory and practice of education and development of persons with special educational needs of the Academy of Psychology and Education Sciences. Southern Federal University, Russia. dikaya@sfedu.ru
- Diomin Andrey N.**, Doctor of Psychology, Professor, Department of Social Psychology and Sociology of Management, Kuban State University, Krasnodar, Russia. andreydemin2014@yandex.ru
- Dokuchaev Denis A.**, graduate student, Junior Researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Laboratory of Psychology of Abilities and Mental Resources named after. Druzhinin, Moscow, Russia. dokuchaevda@ipran.ru

- Dominiak Vladislav I.**, PhD in Psychology, Associate Professor in Social Psychology Department, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia. vldominiak@gmail.com
- Dorogina Olga I.**, PhD in Psychology, associate professor of clinical psychology and psychophysiology department, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. Dorogina_olga@mail.ru
- Dorokhov Vladimir B.**, PhD Dr. Sc. Head of laboratory «Sleep/Wake Neurobiology». Institute of Higher Nervous Activity & Neurophysiology RAS, Moscow, Russia. vbdorokhov@mail.ru
- Dyachuk Anna A.**, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Psychology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russia. danna@kspu.ru
- Dzhaneryan Svetlana T.**, Doctor of Psychology, Professor, Professor of Department of Personality Psychology and Counseling Psychology, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. swetdjan@sfedu.ru
- Efimova Anastasia A.**, Lecturer in the Psychology Department, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia. efimova27@mail.ru
- Egorova Marina S.** PhD, Professor, Head, Department of Behavioral Genetics, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. ms_egorova@mail.ru
- Egorova Valeria A.**, Junior researcher, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. veremeeva@sfedu.ru
- Ekimchik Olga A.**, Associate Professor of the Department of General and Social Psychology, Senior Researcher of the Basic Research Sector, PhD in Psychology Kostroma State University, member of the member of the Russian Psychological Society; Kostroma, Russia. olga-ekimchik@rambler.ru
- Enova Natalia A.**, Master of Arts student in Experimental Higher Education, School of Advanced Studies (SAS), the University of Tyumen, Tyumen, Russia. n.enova.xhe@gmail.com
- Eremina Elena V.**, TPMPK teacher-psychologist, Kindergarten No. 1, Kamensk-Uralsky, Russia. eremina-elena@list.ru
- Ermakov Pavel N.**, professor, Head of the Department of Psychophysiology and Clinical Psychology of the Academy of Psychology and Pedagogy of Southern

- Federal University, Doctor of Sciences in Biology, Academician of RAO, Rostov-on-Don, Russia. paver@sfedu.ru
- Evstafeeva Evgeniya A.**, Candidate of Psychological Sciences, Dean of the Faculty of Psychology and Pedagogy, Chelyabinsk State University, Senior Researcher, Tomsk State University, Chelyabinsk, Tomsk, Russia. evgeniy-eg@mail.ru
- Fedorova Elena P.**, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Pedagogical State University, Moscow, Russia. ep.fedorova@mpgu.su
- Fedotova Svetlana V.**, PhD in Psychology, the Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. fedotova-s@yandex.ru
- Filimonov Leonid S.**, 2nd year postgraduate student, direction — Psychological sciences (37.06.01), focus — Social psychology (19.00.05), South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. Leonid-filimonov1996@yandex.ru
- Filippova Yulia V.**, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Labor Psychology and Organizational Psychology, P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia. yuliafil2022@yandex.ru
- Fomina Tatiana G.**, PhD in Psychology, Leading Researcher, Department of Psychology of Self-regulation, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia. tanafofina@mail.ru
- Galyautdinova Naira A.**, Master's student of the Moscow State Psychological and Pedagogical University, Faculty of Extreme Psychology, Moscow, Russia. nairka59@mail.ru
- Galyautdinova Svetlana I.**, PhD, Associate Professor of the Department of General Psychology, Bashkir State University, Ufa, Russia. lanagal@bk.ru
- Gashkova Anastasia S.**, master student in Cognitive Neuroscience Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. annabolein08@gmail.com
- Gashkova Anastasia S.**, master student in Cognitive Neuroscience Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. annabolein08@gmail.com
- Gharamyan Boris G.**, PhD student, Moscow Region State University, Moscow, Russia. garamjan13@gmail.com
- Gilemkanova Elvira N.**, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogical Psychology of the Institute of Psychology and Education, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. enkazan@mail.ru
- Gladkov Yuri O.**, Junior Researcher at the Laboratory of Psychophysiology, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia. ug_95@mail.ru

- Golubitskaya Daria I.**, researcher, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia. golubitskaya.dariya@yandex.ru
- Gorbatovskaya Yuliya V.**, teacher-psychologist in private practice, member of the St. Petersburg Psychological Society, St. Petersburg, Russia. gorbatovskaya_y@garmony-spb.ru
- Gorbushina Anastasiya V.**, candidate of psychological sciences, associate Professor of the Department of Psychology, Vyatka State University, Kirov, Russia. gorbushina_anast@mail.ru
- Gordeeva Alla V.**, Candidate of Psychological Sciences, associate professor, Head of the Department of Psychology, Donetsk National University, Donetsk, Donetsk People's Republic. a.valer@mail.ru
- Grandilevskaja Irina V.**, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Medical Psychology and Psychophysiology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. grandira@inbox.ru
- Guseva Yulia V.**, student, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia. yuliaa.guseva@gmail.com
- Gutkevich Elena V.**, Doctor of Medical Sciences, Professor of the Department of Genetic and Clinical Psychology, Faculty of Psychology, National Research Tomsk State University; lead researcher, Endogenous Disorders Department, Mental Health Research Institute, Tomsk National Research Medical Center, Russian Academy of Sciences, Tomsk, Russian Federation, Tomsk, Russia. gutkevich.elena@rambler.ru.
- Gvozdeva Daria I.**, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Personality Psychology and Counseling Psychology, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. gvozdeva@sfedu.ru
- Ignatova Ekaterina S.**, Candidate of psychological sciences, Associate professor, Head of the Department of general and clinical psychology, Perm State National Research University, Perm, Russia. 131013@mail.ru
- Ilchenko Daniil S.**, Researcher, the Laboratory for Complex Studies of Current Issues in Journalism, the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. ilchenkod@yandex.ru
- Isajeva Elena R.**, PhD, Professor, Head of the Department of General and Clinical Psychology of Pavlov First Saint Petersburg State Medical University, Saint Petersburg, Russia. isajeva@yandex.ru

- Ismagilova Fairuza S.**, Doctor of Psychology, Professor, Chair of General and Social Psychology, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. ismagilova.f@gmail.com
- Ismatullina Victoria I.**, PhD, Leading Researcher, Laboratory of Developmental behavior genetics, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia. ismatullina.v@pirao.ru
- Isurina Galina L.**, PhD in Psychology, Professor, Department of Medical Psychology and Psychophysiology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. gisurina@yandex.ru
- Ivanitskaya Elizaveta D.**, Medical psychologist, Psychiatric Clinical Hospital 4 named after P. B. Gannushkin, Moscow, Russia. ivi.lizzie@gmail.com
- Izmailkova Anna I.**, PhD in Psychology Researcher at the Laboratory for Cognitive Research of Communication, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia. mayoran@mail.ru
- Kabrin Valery I.** Doctor of Psychology, Professor, Department of Personality Psychology, Tomsk State University, Russia. kabrin@list.ru
- Kalmeneva Maria P.**, Postgraduate Student, Department of General and Social Psychology, Institute of Psychology and Pedagogy, Tyumen State University, Tyumen, Russia. mary_kl@icloud.com
- Kalita Vitaly V.**, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Vocational Education, K. G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University), Moscow, Russia. 700200@mail.ru
- Kamakina Olga Y.**, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Primary Education, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia. olekam@bk.ru
- Kandybovich Sergey L.**, Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor, Leading Researcher Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russia. s.kandybovich@sodru.com
- Kara Zhanna Y.**, associate Professor, Department of general and pedagogical psychology, candidate of psychological Sciences, associate Professor, Academy of psychology and pedagogy, Southern Federal University, Rostov-on-don, Russia. zy kara@sfedu.ru

- Karayani Alexander G.**, Doctor of Psychological Sciences, Professor, St. Petersburg Military Institute of the National Guard of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia. karayani@mail.ru
- Karpov Anatolii V.**, Dr. Sci. (Psychol.), Prof. Corresponding Member of the RAE, Dean of Psychology Department, Head of the Department of Work and Organizational Psychology, Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia. anvikar56@yandex.ru
- Kasanov Dauren A.**, Research Engineer, Educational and Scientific Laboratory of Neurotechnologies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. dauren.kasa@gmail.com
- Kashapov Mergalyas M.**, Doctor of Psychology, professor, Head of the Department of Pedagogy and Educational Psychology, Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia. smk007@bk.ru
- Kashirin Vladimir A.**, student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. vk1998@mail.ru
- Kashirskaya Ekaterina V.**, Cand in Science, Research Fellow: School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia. ekashirskaya@hse.ru
- Kasyanova Tatyana I.**, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Chair of Municipal Management, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. kasyanova.t@gmail.com
- Katkalo Ksenia D.**, Postgraduate Student, Department of Pedagogy and Psychology of Education, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. katkaloksenia@mail.ru
- Kazantseva Anastasia V.**, Candidate of Biological Sciences, Senior Researcher at the Institute of Biochemistry and Genetics of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher at the Laboratory of Neurocognitive Genomics of the Bashkir State University, Ufa, Russia. kazantsa@mail.ru
- Kazitseva Valentina O.**, senior lecturer, Department of Psychology and Social Sciences, Institute of Psychology, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia. kazitseva@bk.ru
- Kharitonova Marina P.**, Doctor of Medical Sciences, Professor, Head of the Department of Clinical Psychology and Psychophysiology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. nocar@sosp.ru

- Kharkhurin Anatoly V.**, PhD, Associate Professor, Chief Research Fellow: School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia. akharkhurin@hse.ru
- Khazova Svetlana A.**, PhD in Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of special pedagogy and psychology, Kostroma State University, Kostroma, Russia. hazova_svetlana@mail.ru
- Khegay Anna S.**, 2 year student of Master Degree “Master in positive psychology”, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. askhegay@edu.hse.ru
- Khlystova Elena V.**, PhD in Psychology, associate professor of clinical psychology and psychophysiology department, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. duslem6704@mail.ru
- Khudyakova Tatiana L.**, Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Practical Psychology, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia. tanya.dom@list.ru
- Khusnutdinova Elsa K.**, Doctor of Biological Sciences, Professor, Head of the Department of Genetics and Fundamental Medicine of the Biological Faculty of the Bashkir State University; Director of the Institute of Biochemistry and Genetics of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia. elzakh@mail.ru
- Kleiman Elena O.**, clinical psychologist, postgraduate student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. elena.o.kleyman@yandex.ru
- Klimova Elena K.**, PhD in Psychology, Associate Professor, practicing psychologist, head of the Psychological Center “Success”, Department of Psychology of development and education Kaluga State University named after Tsiolkovsky, Kaluga, Russia. klimovelen@yandex.ru
- Kliueva Olga A.**, Doctor of Philosophy, Docent, Docent of the Department of Labor Psychology and Clinical Psychology, Department of Psychology of Tver State University, Tver, Russia. Klyueva.OA@tversu.ru
- Kobzeva Darya M.**, graduate specialist, specialization Organizational Consulting, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow, Russia. dar.kobzeva.95@mail.ru
- Koch Dmitry A.**, the first year graduate student, cognitive psychology and technology, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia. tempus12345@mail.ru

- Kolesnikova Ekaterina I.**, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy, Intercultural Communication and Russian as a Foreign Language, Samara State Technical University, Samara, Russia. kolesnikovaei@yandex.ru
- Kolesnikova Veronika A.**, Master Student at the Department of Psychology of Language and Foreign Language Teaching, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University. pss.kolesss@yandex.ru
- Kolomiychenko Elena V.**, Associate Professor of the Department of Theoretical Foundations of Physical Education Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. evkolomiychenko@sfedu.ru
- Kondratyuk Nailya G.**, PhD in Psychology, is senior researcher of the Department of Self-Regulation Psychology, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia. n.kondratyuk@gmail.com
- Kononykhina Vasilina B.**, Postgraduate student of the Department of General Psychology and Labor Psychology of Institute of Psychology and Pedagogics, of Russian New University, Moscow, Russia. vkononykhina@yandex.ru
- Konopleva Elena A.**, crisis psychologist of the Department of Linguistic and Psychological Support of the Sverdlovsk Region State Institution «Territorial Center for Monitoring and Responding to Emergencies in the Sverdlovsk Region», member of the Ural branch of the Public Council of the Society of Psychologists of Law Enforcement Agencies of the Russian Psychological Society, member of the Veteran Organization of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia. elen.konopleva@ya.ru
- Kornienko Dmitry S.**, PhD (Psychology), Professor, Department of General Psychology, Institute for Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia. kornienko-ds@ranepa.ru
- Kornilova Tatiana V.**, Doctor in Psychology, Professor, Department of General Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. tvkornilova@mail.ru
- Koropets Olga A.**, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Personnel Management and Psychology, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. okor78@mail.ru

- Korotkova Inga S.**, PhD in Psychology, Senior Lecturer, Department of Medical Psychology and Psychophysiology St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. i.s.korotkova@spbu.ru
- Koryakov Yaroslav I.**, Senior Lecturer of the Department of Clinical Psychology and Psychophysiology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. yarkor@mail.ru
- Kosachenko Alexandra I.**, Junior Researcher, Educational and Scientific Laboratory of Neurotechnologies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. alleshch7@gmail.com
- Kosonogov Vladimir V.**, PhD (Psychology), Researcher, Institute for Cognitive Neuroscience, HSE University, Moscow, Russia. vkosonogov@hse.ru
- Kostakova Irina V.**, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Scientific Work, Institute of Directed Professional Education, Togliatti, Russia. ikostakova@bk.ru
- Kotyusov Alexander I.**, Junior Researcher, Educational and Scientific Laboratory of Neurotechnologies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. Sunalexr@gmail.com
- Kovalev Artem I.**, PhD, Associated professor of the Department of Labor Psychology and Engineering Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. artem.kovalev.msu@mail.ru
- Kovsh Ekaterina M.**, PhD in Psychology, Associate Professor of psychophysiology and clinical psychology department, Academy of psychology and pedagogy, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. emkovsh@sfsedu.ru
- Kovshova Olga S.**, Doctor of Medical Sciences (specialty “Medical Psychology”), Associate Professor, Head of the Department of Medical Psychology and Psychotherapy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Samara State Medical University” of the Ministry of Health of the Russian Federation, Samara, Russia. o.s.kovshova@samsmu.ru
- Kozlov Mikhail Y.**, Medical psychologist, Psychiatric Clinical Hospital 4 named after P. B. Gannushkin, Moscow, Russia. mishafetser@gmail.com
- Kozlovskiy Stanislav A.**, PhD, associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. s_t_a_s@mail.ru
- Krasnoryadtseva Olga M.** Doctor of Psychology, Professor, Head of Department of General and Pedagogical Psychology, Tomsk State University, Russia. krasnoo@mail.ru

- Krivchun Anastasiya V.**, graduate, Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga, Russia. kriw4un.nas@yandex.ru
- Kruteleva Liudmila Ju.**, Candidate of Science in Psychology, Associate Professor, the Department of General and Educational Psychology of Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. kruteleva@sfedu.ru
- Kruzhkova Olga V.**, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory for Advanced Socio-Environmental Research, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia. galiat1@yandex.ru
- Kuftyak Elena V.**, Doctor of Psychology, Professor, Department of General Psychology, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of the Department of age and family psychology Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia. elena.kuftyak@inbox.ru
- Kuvaeva Irina O.**, PhD of psychology, associated professor of chair of pedagogic and educational psychology, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. irina.kuvaeva@urfu.ru
- Kuzenko Svetlana S.**, candidate of psychological sciences, Associate Professor of Psychophysiology and Clinical Psychology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. Kuzenko@sfedu.ru
- Kuzmin Andrey Y.**, Master's degree in Psychology, Postgraduate student, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia. kuzmin-a.y@yandex.ru
- Kuzmina Maria G.**, researcher, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia. mari.kuzmina@yahoo.com
- Kuznetsova Anna S.**, Master Student at the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Kuznetsova Elena A.**, Candidate of Psychology, Associate professor, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia. kuznetsova@spbu.ru
- Kuznetsova Tatyana A.**, post-graduate student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. kerpataya@mail.ru
- Labunskaya Vera A.**, Doctor of psychological Sciences, Professor of Academy of psychology and pedagogy. Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. vlab@aaanet.ru
- Larina Alena V.**, clinical psychologist, LLC "Clinical treatment and rehabilitation Center "Territoriya zdorovya", Barnaul, Russia. ski-91@mail.ru

- Larionova Svetlana V.**, Head of the Monitoring Department of the Municipal Budgetary Institution of the Yekaterinburg Teacher's House Information and Methodological Center, member of the Ural Branch of the Public Council of the Society of Psychologists of Power Structures of the Russian Psychological Society, member of the Veteran Organization of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia. larionova_s.v@mail.ru
- Lavrova Mariia A.**, senior lecturer, Department of Clinical Psychology and Psychophysiology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. m.a.lavrova@urfu.ru
- Leonova Elena V.**, ScD (psychology), Chief expert, Rosatom Technical Academy, Obninsk, Russia. EVLeonova@rosatomtech.ru
- Litvinov Vladimir U.**, Candidate of Science Degree Applicant, Postgraduate Student, Department of Methodology of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. volodimir.litvinov@gmail.com
- Lomaka Anastasia O.**, postgraduate student, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia. nastya15lomaka@yandex.ru
- Lukashkin Sergey I.**, Candidate of Physical & Mathematical Sciences, Head of Graduate School of Management Saint Petersburg University Center of Digital Education Technologies, Saint Petersburg, Russia. lukashkinsi@vtb.education
- Lushpaeva Irina I.**, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogical Psychology of the Institute of Psychology and Education, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. psilogiairort@mail.ru
- Lygina Diana D.**, PhD student of the 3rd year of full-time study in the specialty "Psychological Sciences" of the Samara State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Samara, Russia. diana.radaieva.94@yandex.ru
- Lysova Alexandra V.**, Doctor of Sociology, Professor at the School of Criminology, Simon Fraser University, Vancouver, Canada. alexandra_lysova@sfu.ca
- Makarevskaya Yuliya A.**, Candidate of Philology, docent, dean of the Social and Pedagogical Faculty, Sochi State University, Sochi, Russia. yuliya-sochi@mail.ru
- Maksarova Lidia B.**, student of Department of General Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. maksarovalydia@gmail.com

- Maksimenko Elena G.**, Advanced Doctor in Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Psychology, Donetsk National University, Donetsk, Donetsk People's Republic. e.maksimenko@donnu.ru
- Malakhova Varvara R.**, Senior Lecturer of the Department of Philosophy and Legal Psychology, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia. vareffka@mail.ru
- Maltsev Alexey V.**, PhD in Biology, Associate Professor, Chair of General and Social Psychology, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. A.V.Maltsev@urfu.ru
- Malykh Sergey B.**, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Age-related Psychogenetics of the Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia; senior Researcher at the Educational and Scientific Laboratory of Neurotechnologies of the Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. malykhbs@mail.ru
- Matveeva Alena I.**, Analyst, Department of Scientific Research, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia. lyonchik_7777@list.ru
- Matveeva Lidiya V.**, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Methodology of Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. matweewa-com@yandex.ru.
- Matveeva Polina A.**, 3rd year student in the field of «Psychology of professional activity», Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. polina.matveeva.2018@mail.ru
- Mazilov Vladimir A.**, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia. v.mazilov@yspu.org
- Meleshchenko Evgeniy A.**, Junior researcher, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. meleshenko@sfedu.ru
- Meleshenko Evgeny A.**, Undergraduate, Junior Researcher at the research laboratory of theory and practice of education and development of persons with special educational needs of the Academy of Psychology and Education Sciences. Southern Federal University, Russia. meleshenko@sfedu.ru
- Melnikova Nadezhda M.**, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Management, Institute of Finances and Economics, North-Eas-

- tern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk, Russia.
shpresamel@gmail.com
- Merzlyakova Svetlana V.**, PhD in Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of General and Cognitive Psychology, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia.
svetym@yandex.ru
- Miklyaeva Anastasia V.**, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia. a.miklyaeva@gmail.com
- Mironenko Irina A.**, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Personality Psychology, St. Petersburg State University, Russia.
mironenko.irina1@gmail.com
- Mochalova Yulia V.**, Candidate of Psychological Sciences, Researcher at the Department of Engineering Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. vassom@mail.ru
- Moiseeva Viktoria S.**, student, St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia.
vicmoiseeva@gmail.com
- Morosanova Varvara I.**, Doctor of Psychology, professor, Head of the Department of Self-Regulation Psychology, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia. morosanova@mail.ru
- Morozova Margarita A.**, Doctor of Medicine, Professor of the Department for Psychiatry Professional Training, Head of Laboratory of Psychopharmacology, Mental Health Research Center, Moscow, Russia.
margmorozova@gmail.com
- Murtazina Inna R.**, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Developmental and Differential Psychology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia. i.r.myrtazina@spbu.ru
- Naumova Olga A.**, teacher psychologist, Berezovsky Municipal Autonomuos General Educational Institution Secondary School № 1 named after the Hero of the Soviet Union Neustroev S. A., Berezovsky, Russia.
o.naumova1984@yandex.ru
- Nikonova Evgenia Yu.**, research of the Laboratory of professions and conflictology, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. eniconova@mail.ru
- Nikulicheva Ekaterina O.**, Vocational Training Specialist of the Scientific-Methodological Center "Psycho-Physiological Support for Personnel

- Professional Reliability”, Rosatom Technical Academy, Obninsk, Russia.
EONikulicheva@rosatomtech.ru
- Novikova Galina R.**, PhD, senior research assistant, Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Addiction, Moscow, Russia.
gr_novikova@mail.ru
- Novopashina Larisa A.**, PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Scientific and Educational Laboratory for Monitoring Professional Competencies, Institute of Economics, Public Administration and Finance of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia. novo.laris@mail.ru
- Orlova Aleksandra D.**, student of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology. Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russia. sashaorlova5@yandex.ru
- Ouyang Ziyang**, Master in Psychology, Department of General Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. oyzy2020spbu@mail.ru
- Pakhomova Veronika A.**, 4th year student of 37.05.01 “Clinical Psychology” of Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. vpakhomova@sfnu.ru
- Pakhomova Yana N.**, Candidate of Psychological Sciences, Senior Researcher at the Laboratory of Psychophysiology, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, Associate Professor of the Department of Psychology, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. sizova159@yandex.ru
- Parshikova Oksana V.** PhD, Associate Professor, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. ksapa2003@mail.ru
- Pavelchuk Yana Ye.**, Master of Arts student in Experimental higher education, School of Advanced Studies (SAS), the University of Tyumen, Tyumen, Russia. y.pavelchuk.xhe@gmail.com
- Pavlov Yuriy G.**, PhD, Head of Educational and Scientific Neurotechnologies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. pavlovug@gmail.com
- Pecherkina Anna A.**, PhD, Associate Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. 79apa@mail.ru
- Pertkova Ekaterina R.**, Graduate student, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. pertkovaer@my.msu.ru
- Petrash Marina D.**, PhD in Psychology, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia. m.petrash@spbu.ru

- Petrosyan Svetlana N.**, PhD in Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Psychology and Hospitality, International Innovation University, Sochi, Russia. svpet@mail.ru
- Petrovskaya Maria D.**, practical psychologist, Rostov-on-Don, Russia. mariya-reznik@yandex.ru
- Pirlik Galina P.**, Candidate of Medical Sciences, Master of Psychology, Associate Professor, Moscow Pedagogical State University, Institute of Childhood, Department of Psychological Anthropology, Moscow, Russia. galina@pirlik.ru
- Pishchik Vlada I.**, Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of General and Consultative Psychology, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia. vladaph@yandex.ru
- Ponomareva Irina V.**, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Psychology, Chelyabinsk State University, Senior Researcher, Tomsk State University, Chelyabinsk, Tomsk, Russia. ivp-csu@yandex.ru
- Ponomareva Olga Ya.**, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Personnel Management and Psychology, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. o.y.ponomareva@urfu.ru
- Popova Larisa V.**, Senior Lecturer, Department of Social Psychology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. lvpopova@sfedu.ru
- Potanina Anna M.**, scientific researcher, laboratory of psychology of self-regulation, Psychological Institute of Russian academy of Education, Moscow, Russia. a.m.potan@gmail.com
- Pozdnyakova Ekaterina A.**, post-graduate student, Kuban State University, Krasnodar, Russia. pekaterina73@gmail.com
- Predeina Marina V.**, applicant for the Department of General and Social Psychology of the UGI Ural Federal University, practical psychologist, Yekaterinburg, Russia. mvpredeina@mail.ru
- Prokhorov Alexander O.**, Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of General Psychology of Kazan Federal University, Kazan, Russia. alprokhor1011@gmail.com
- Prokhorova Maria V.**, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Managerial Psychology Department, Faculty of Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia. personalgerente@mail.ru

- Prokin Danil O.**, 3rd year student in the direction of «Clinical Psychology», Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. prockin.danil@yandex.ru
- Proklov Ruslan I.**, Senior Lecturer at the Department of Psychology of Language and Teaching of Foreign Languages, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. fermoso@list.ru
- Rabeson Maria D.**, Researcher, Department for Psychology of Language and Teaching of Foreign Languages, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. maria.rabeson@gmail.com
- Radnaguruev Bulat B.**, PhD in Pedagogy, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Public Administration and Youth Policy of the Russian State University of Physical Culture, Sports, Youth and Tourism, Moscow, Russia. radnaguruev@yandex.ru
- Rafikova Veronika A.**, 3 year postgraduate student of the Faculty of Psychology, research engineer of the Department of Personality Psychology of St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. veronikarafikova1996@gmail.com
- Razina Tatyana V.**, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Associate Professor, Vice-Rector for Development, Institute of World Civilizations, Moscow, Russia. razinat@mail.ru
- Reshetnikova Irina S.**, assistant, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. reshetnikovairina588@mail.ru
- Robin Sergey D.**, student, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia. robinseryi@gmail.com
- Rodionova Elena A.**, PhD, Associate Professor of the Department of Psychological Support of Professional Activity, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia. psyrea@mail.ru
- Rogoleva Yulia A.**, laboratory assistant, Laboratory of Perception, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. rogolevayulia@gmail.com
- Rudnova Natalia A.**, Candidate of Psychology, Research Fellow, Department of Foreign Languages, HSE University, Perm, Russia. chernysheva-n.a@yandex.ru
- Rupchev George E.**, PhD, research of the Laboratory of psychopharmacology, Mental Health Research Center, Moscow, Russia. rupchevgeorg@mail.ru

- Ryabikina Zinaida I.**, Doktor of Psychology, Professor of the Department of Personality Psychology and General Psychology, Kuban State University, Krasnodar, Russia. z.ryabikina@yandex.ru
- Rykman Liudmila V.**, candidate of Science in Psychology, St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia. lyudmila_ryk@mail.ru
- Ryseva Ksenia M.**, Master's degree student of the programme "Neuropsycholinguistics" of the Faculty of Psychology, methodologist and senior teacher of the State Educational Institution of the City of Moscow "Center for Pedagogical Excellence" (GAOU DPO CPM), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. riseva1998@yandex.ru
- Ryumshina Liubov I.**, Doctor of Psychology, professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. ryumshina@sfedu.ru
- Sapunova Olga V.**, Senior Lecturer at the Department of Psychology of Language and Foreign Language Teaching, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University. sapunovaov@my.msu.ru
- Savicheva Anastasia V.**, Post-graduate of Managerial Psychology Department, Faculty of Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia. sav9497@yandex.ru
- Sevryukova Alla N.**, Senior Lecturer of the Department of Practical Psychology, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia. qweerts@yandex.ru
- Shabas Svetlana G.**, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Faculty of Social Psychology, Liberal Arts University — University for Humanities, Yekaterinburg, Russia. shabassv@mail.ru
- Shcheglova Eleonora A.** PhD of Psychological Sciences, Docent, Department of General and Pedagogical Psychology, Tomsk State University, Russia. sea1506@mail.ru
- Shchukina Mariia A.**, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Psychology, Federal State Budgetary Institution "Almazov National Medical Research Centre" of the Ministry of Health of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia. corr5@mail.ru
- Shempeleva Natalia I.**, Postgraduate student of the Department of Psychology of Education, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia. nat-shempeleva@yandex.ru
- Shepelenko Anna Y.**, PhD Student, Visiting Lecturer, Research assistant, Institute for Cognitive Neuroscience, HSE University, Moscow, Russia. ashepelenko@hse.ru

- Shestova Mariia A.**, PhD in Psychology, senior lecturer, Moscow Institute of Psychoanalysis. shestovamariya@yandex.ru
- Sheveleva Marina S.**, Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, HSE University, Perm, Russia. msheveleva@hse.ru
- Shipova Natalya S.**, candidate of psychological sciences, Associate Professor of the Department of Special Pedagogy and Psychology, Kostroma State University, Kostroma, Russia. ns.shipova@yandex.ru
- Shirokaya Marina Yu.**, PhD in Psychology, assistant professor, Department of Psychology of Education and Pedagogics, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow, Russia. shirokaya.msu.psy@gmail.com
- Shishova Evgeniya O.**, PhD in Pedagogics, Associate Professor, Department of Educational Psychology, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia. Evgeniya.Shishova@kpfu.ru
- Shkurin Denis V.**, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Applied Sociology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin. vortexinform@gmail.com
- Sipovskaya Yana I.**, candidate of Sciences (Psychology), researcher of the laboratory of abilities and mental resources named after V. N. Druzhinin, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. sipovskayayi@ipran.ru
- Sitkina Evgeniya V.**, PhD, Docent of the Department of General and Clinical Psychology of Pavlov First Saint Petersburg State Medical University, Saint Petersburg, Russia. Sitkina_evgenya@mail.ru
- Sittseva Maria S.**, student, Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga, Russia. SittsevaMS@studklg.ru
- Skirtach Irina A.**, PhD in Psychological sciences, associate professor of Psychophysiology and Clinical Psychology Department at Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. iskirtach@sfedu.ru
- Slepko Yury N.**, Doctor of Psychology, Professor RAE, Dean of the Pedagogical Faculty, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia. slepko@inbox.ru
- Slobodchikov Ilya M.**, Professor, Doctor of Psychological Sciences, Head of the Laboratory of Psychological and Pedagogical Development of Creative Personality of the Institute of Art Education and Cultural Studies of the Russian

- Academy of Education, Professor of the Department of Clinical Psychology of the Ural State Medical University, Moscow, Russia. il_grant@mail.ru
- Smeshko Evgeniya V.** Laboratory assistant of the Laboratory of Experimental Psychology, Tomsk State University, Russia. eva.smeshko@mail.ru
- Smirnov Aleksandr A.**, Candidate of psychological sciences, associate professor of the chair of pedagogy and pedagogical psychology of Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia. asmirnov1970@bk.ru
- Smirnova Elena G.**, Candidate of Psychological Sciences, Director of the municipal budgetary educational institution of Kurgan “Gymnasium No. 19”, Kurgan, Russia. smelg22860@yandex.ru
- Smirnova Olga V.**, PhD, Associate Professor, Chair of Periodical Press Department, the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. smirnovaorama@gmail.com
- Sokhlikova Valeria A.**, PhD in Psychology, clinical psychologist in the department of medical-psychological support sports national teams of Russia Federal Research and Clinical Center of Sport Medicine and Rehabilitation of Federal Medical Biological Agency of Russia, Moscow, Russia. valeria-moskva@mail.ru
- Sokolovsky Maxim L.**, Candidate of Psychological Sciences, Leading Researcher at the Scientific and Educational Center for Psychological Support of Personal and Professional Development, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia. msokolovskii@ncfu.ru
- Soldatova Elena L.**, Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Faculty of Psychology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia. elena.l.soldatova@gmail.com
- Solovyeva Elizaveta V.**, Student, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia. solovyeva.ev205@gmail.com
- Speransky Rostislav K.**, Head of New Practice Formats, Graduate School of Management Saint Petersburg University Center of Digital Education Technologies, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia. r.speransky@gsom.spbu.ru
- Stepanchuk Nataliya N.**, Postgraduate Student, Junior Researcher, State Institution “Institute of Problems of Artificial Intelligence”, Donetsk, Donetsk People’s Republic. stepanchuk_natala@mail.ru
- Stepanova Ksenia I.**, student, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia. stepanovaki1998@gmail.com

- Stepanova Lidia M.**, PhD in Economics, Associate Professor, Department of Management, Institute of Finances and Economics, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk, Russia. panlito@bk.ru
- Strelnikov Stepan V.**, Assistant at the Laboratory “Perception” of the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. stepan99strelnikov@gmail.com
- Strizhitskaya Olga Yu.**, DSc in Psychology, professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia. o.strizhitskaya@spbu.ru
- Suleymanov Ramil F.**, Doctor of Psychology, Professor of the Department of General Psychology, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, Russia. souleimanov@ieml.ru
- Surgutskiy Evgeniy D.**, 6th year student of the Department of Psychology of Health and Deviant Behavior, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. evgeniipsy@gmail.com
- Suvorova Galina A.**, Doctor of Psychological Sciences, Director of the Department of Psychology, Psychological Consultation Dialog LLC, Moscow, Russia. suvorovaga@mail.ru
- Sychenko Yulia A.**, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of General and Social Psychology, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. julija-2016@bk.ru
- Sylka Nadejda V.**, student, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia. gramtysh99@gmail.com
- Symaniuk Elvira E.**, Doctor of Psychological Sciences, Head of the Department of General and Social Psychology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. e.e.symaniuk@urfu.ru
- Symaniuk Valery V.**, Postgraduate student of the first year of study of the State Educational Institution of Higher Education “Moscow State Regional University”, Moscow, Russia. symanyuk.valera@yandex.ru
- Tabidze Alexandr A.**, clinical psychologist, corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences (Section “Geopolitics and Security”), Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Director of the Scientific Center “PSYCHOPEDAGOGICS” of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, full member of the All-Russian

- Professional Psychotherapeutic League (head of the modality), expert of the Union for Mental Health; Moscow, Russia. a.a.tabidze@yandex.ru
- Takhirova Zalina R.**, Candidate of Biological Sciences, Researcher at the Laboratory of Neurocognitive Genomics of the Bashkir State University, Ufa, Russia; Senior Researcher at the Educational and Scientific Laboratory of Neurotechnologies of the Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. tahirovazalina@mail.ru
- Tatarinova Tatyana A.**, PhD student, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia. taatarinova@gmail.com
- Tazetdinov Andrey M.**, Candidate of Biological Sciences, Researcher at the Laboratory of Population and Medical Genetics of the Bashkir State University, Ufa, Russia. tam-1983@yandex.ru
- Tihonova Maria A.**, psychology student, P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia. maria.tihonova.03@gmail.com
- Tikhonova Inna V.**, PhD in Psychology, Assoc. Prof. of Special Pedagogy and Psychology, Kostroma State University, Kostroma, Russia. inn.007@mail.ru
- Titova Inna I.**, Master of Psychology, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. ititova@sfnu.ru
- Tokarev Alexander G.**, Research Teacher, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia. tochkae@yandex.ru
- Tokareva Yulia A.**, Doctor of Psychology, docent, Head of the Department of Personnel Management and Psychology, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. ulia.tokareva@yandex.ru
- Trąbczyński Piotr K.**, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Medical Psychology and Psychophysiology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. Skala.84@mail.ru
- Tsiring Diana A.**, Doctor of Psychology, Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Psychophysiology, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, Director, Financial University under the Government of the Russian Federation (Ural Branch), Chelyabinsk, Russia. l-di@yandex.ru
- Tsyganov Igor Yu.**, PhD in Psychology, Senior Researcher, Department of Psychology of Self-regulation, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia. i4321@mail.ru

- Tyutyunnikov Petr R.**, the first year graduate student, cognitive psychology and technology, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia. tyutyunnikovpiere@gmail.com
- Ulyayeva Gulnaz G.**, PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Physical Education of the Moscow State Technical University of Civil Aviation; Association of Sports Psychologists; Associate Professor of the Department of Psychophysiological Foundations of Physical Culture and sports activities of the Moscow State University of Sports and Tourism, Moscow, Russia. gulnaz-ulyayeva@yandex.ru
- Ulyayeva Lira G.**, PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Psychology, Moscow State University of Physical Culture, Sports and Tourism; President, Association of Sports Psychologists; Psychologist, Moscow City Physical Culture and Sports Association, Moscow, Russia. lira-ulyayeva@yandex.ru
- Ulyanova Vera P.**, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Director of MDU DO “DDiUT”, Oktyabrsky, Russia. vuyanova@mail.ru
- Valiev Ruslan R.**, Candidate of Biological Sciences, Researcher at the Laboratory of Population and Medical Genetics of the Bashkir State University, Ufa, Russia. ruslan_valiev@mail.ru
- Vartanyan Gayane A.**, PhD in Psychology, Research Fellow, Department of Psychology of Health and Deviant Behaviour, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia. g.vartanyan@spbu.ru
- Vasyagina Natalia N.**, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Education, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia. vasyagina_n@mail.ru
- Vazhenin Andrey V.**, Doctor of Medical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Rector of the South Ural State Medical University, Chelyabinsk, Russia. kanc@chelsma.ru
- Verkhovskaia Evgeniia M.**, 6th year student of clinical psychology, specialty “Clinical psychodiagnostics, counseling and psychotherapy”, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. jeneverkhovskaya@gmail.com
- Vetvitskaya Tatiana V.**, PhD in Psychology, head of the psychological service of GBOU “Center “Dynamics”, St. Petersburg, Russia. taniu@yandex.ru
- Volchenkova Anastasiya A.**, 3 year postgraduate student of the Faculty of Psychology, Assistant of the Department of Organizational Psychology and

Labor Psychology, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia
24Crocus95@gmail.com

Volkova Yelena V., Doctor of Psychology, Head of the Laboratory of Abilities and Mental Resources, Institute of Psychology, RAS, Moscow, Russia.
volkovaev@ipran.ru

Vorobieva Irina V., PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia. lorisha@mail.ru

Vorobyeva Elena V., Doctor of Psychology, Professor, Psychophysiology and Clinical Psychology department, Academy of psychology and pedagogy, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; department “Psychophysiology and Clinical Psychology”, faculty “Psychology, Pedagogy and Defectology”, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia.
evorob2012@yandex.ru

Vorobyeva Irina V., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Scientific Research, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia. lorisha@mail.ru

Vorontsova Tatiana A., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Social Psychology, Academy of Psychology and Educational Sciences Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.
shkurko@sfned.ru

Yachmenyova Nadezda P., Senior lecturer, Department of General Psychology, Institute for Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.
yachmeneva-np@ranepa.ru

Yakushina Anastasia A., lecturer, faculty of psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. anastasia.ya.au@yandex.ru

Yanovsky Mikhail I., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Donetsk National University, Donetsk, DPR.
m.i.yanovsky@mail.ru

Yavna Denis V., PhD in Psychology, Associate Professor, Psychophysiology and Clinical Psychology department, Academy of psychology and pedagogy, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. dvyavna@sfned.ru

Yenikeeva Renata F., Candidate of Biological Sciences, Researcher at the Institute of Biochemistry and Genetics of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, researcher at the Laboratory of Neurocognitive Genomics of the Bashkir State University, Ufa, Russia. enikeevarf@gmail.com

- Yesayan Marine L.**, PhD in psychology, associate professor of the department of general psychology and personality psychology North-Caucasus Federal University. mesaian@ncfu.ru
- Yusupov Mark G.**, PhD (Psychology), associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. yusmark@yandex.ru
- Zaitseva Yulia N.**, student, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia. colorbenedict@gmail.com
- Zakharova Lyudmila N.**, Doctor of Psychology, Professor, Head of Department of Management Psychology, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia. zlnnnov@mail.ru
- Zeer Ewald F.**, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Department of Psychology of Education and Professional Development, Russian State Vocational Pedagogical University; Ekaterinburg, Russia. zeer.ewald@yandex.ru
- Zhdanova Natalya E.**, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Educational Psychology and Professional Development, Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia. zne1976@gmail.com
- Zhemerikina Yulia I.**, PhD in Psychology, is senior researcher of the Department of Self-Regulation Psychology, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia. yulkazh@yandex.ru
- Zheronkina Daria R.**, student of Kostroma State University, Kostroma, Russia. darya.chaczkaya@mail.ru
- Zholdasov Dmitry S.**, Master's degree in Psychology, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia. zholdasovdimend@yandex.ru
- Zhukova Natalya Y.**, assistant at the department of Psychology of Management and Law Enforcement Activities, South Ural State University (National Research University); Chelyabinsk, Russia. nata3-17@mail.ru
- Zhuravleva Alexandra V.**, Master Student, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. zhuravleva.alex@mail.ru
- Zinnatova Mariya V.**, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Pedagogy and Psychology of Education, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. mashaperv@rambler.ru
- Zinovyeva Elena V.**, Candidate of Psychology, Associate professor, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia. e.zinovieva@spbu.ru

Zlokazov Kirill V., PhD in Psychology, Associate Professor, Head of Research Department, St. Petersburg University of the Russian Interior Ministry, St. Petersburg, Russia. zkirvit@gmail.com

Zolotareva Alena A., PhD in Psychology, Associate Professor at School of Psychology, HSE University (Moscow, Russia), Head of the Laboratory of Psychosomatic Medicine at the Russian-Chinese Education and Research Center of System Pathology, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. alena.a.zolotareva@gmail.com

Zorina Ekaterina S., PhD of Psychology, senior scientist Laboratory of interdisciplinary research in the field of hospital pedagogy of the FSBSI “Institute of Developmental Physiology of the Russian Academy of Education”, the project of Russian hospital schools “UchimZnaem”, Moscow, Russia. katarinatutor@gmail.com

Zyryanova Nadezhda M. PhD, Associate Professor, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. nzyr@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Адеева Т. Н., Тихонова И. В., Хазова С. А.</i> Самоотношение как ресурс адаптации личности в ситуации ограниченных возможностей здоровья.....	3
<i>Акимов И. Б.</i> Экзистенциальное понимание уровней стадий становления субъектности обучающихся среднего профессионального образования.....	7
<i>Акмаев В. А.</i> Технопсихосоциальная модель робота как объекта социального взаимодействия в восприятии человека.....	12
<i>Альперович В. Д.</i> «Образ мира» и ситуации взаимодействия субъекта со «своими» и «чужими» людьми в нарративах.....	17
<i>Антилогова Л. Н.</i> Ценности и ценностные ориентации будущих педагогов.....	21
<i>Антонова Н. В.</i> Психология коучинга (Coaching psychology): перспективы развития.....	26
<i>Артамонова А. Г., Воронцова Т. А.</i> Предполагаемая продолжительность жизни современных молодых людей и их отношение к своему внешнему облику как маркер ее возможной продолжительности.....	31
<i>Астаева А. В., Степанова К. И.</i> Нейропсихологическая оценка нарративной компетенции детей младшего школьного возраста.....	36
<i>Афанасенкова Е. Л., Чмилевская О. С.</i> Философия кайдзен как инструмент профессиональной самореализации педагога.....	41
<i>Бабенко В. В., Явна Д. В., Алексева Д. С.</i> Роль модуляций нелокального контраста в обнаружении лиц и определении пола.....	47

<i>Бабиянц К. А., Коломийченко Е. В.</i>	
Влияние коронавирусной самоизоляции на формирование отчужденности и процессы саморегуляции у студентов вуза.....	52
<i>Бабиянц К. А., Позднякова Е. А.</i>	
Взаимосвязь рефлексии и эмоционального состояния женщин-педагогов вуза в период проживания нормативных кризисов взрослости.....	57
<i>Баланев Д. Ю., Смешко Е. В.</i>	
Психологический анализ двигательной активности в процессе решения познавательных задач.....	62
<i>Баницикова Т. Н.</i>	
Субъективное благополучие молодых людей с разной степенью выраженности регуляторно-личностных ресурсов.....	66
<i>Баянова Л. Ф., Ульянова В. П.</i>	
Психология формирования паттернов поведения детей и культура.....	71
<i>Белашева И. В., Есян М. Л.</i>	
Анализ содержательной специфики ментальных репрезентаций будущего страны у студенческой молодежи Северного Кавказа через призму уровней образования.....	75
<i>Белодед Д. Р.</i>	
Психологическая безопасность человека в условиях формирования цифровой культуры.....	81
<i>Белоусов М. В.</i>	
Особенности психологического консультирования при сопровождении безработных.....	86
<i>Белоусова А. И.</i>	
Эмоциональный компонент в ситуации принятия решения в рамках морального выбора.....	90
<i>Бердникова Д. В.</i>	
Предикторы профессиональной активности преподавателей вузов.....	94
<i>Благов Е. Ю., Лукашкин С. И., Сперанский Р. К., Енова Н. А., Павельчук Я. Е.</i>	
Сравнительная эффективность VR-тренажера и альтернативных методов в обучении навыкам публичных выступлений на иностранном языке.....	99

<i>Блинникова И. В., Измалкова А. И., Рабесон М. Д.</i>	
Языковой опыт и стратегии зрительного лексического поиска.....	104
<i>Богоявленская Д. Б.</i>	
Развитие творчества как проблема образования.....	108
<i>Бондаренко И. Н.</i>	
Структурная модель взаимосвязи саморегуляции, школьной вовлеченности и академической успешности учеников средней школы.....	112
<i>Борисов Г. И.</i>	
Ресурсы психологического благополучия людей поздней зрелости.....	116
<i>Бубновская О. В., Калита В. В., Лысова А. В., Соколовский М. Л.</i>	
Связь саморегуляции с активностью российской молодежи.....	121
<i>Вартамян Г. А., Муртазина И. Р.</i>	
Классификация несовершеннолетних, совершивших сексуализированные преступления, и возможности ее использования.....	126
<i>Васягина Н. Н., Шемпелева Н. И.</i>	
Возможности социально-психологического тестирования при диагностике риска суицидального поведения.....	131
<i>Ветвицкая Т. В.</i>	
Риски профессиональной деформации тренеров детского адаптивного хоккея.....	136
<i>Волченкова А. А.</i>	
Социально-психологические особенности подростков в контексте инклюзивного образования.....	140
<i>Воробьева Е. В., Петровская М. Д.</i>	
Способность к эмпатии и эмоциональный интеллект у студентов-психологов.....	144
<i>Воробьева И. В., Кружкова О. В., Робин С. Д., Матвеева А. И.</i>	
Изучение склонности к аддиктивному поведению студентов с помощью психофизиологического метода.....	148
<i>Воронцова Т. А.</i>	
Влияние целостного оформления внешнего облика мужчин на их воспринимаемый возраст.....	153

<i>Вороницова Т. А.</i>	
Отношение к своему внешнему облику и воспринимаемый возраст взрослых старше 50 лет: как относятся к своему внешнему облику те люди, которые выглядят моложе своих лет?.....	158
<i>Галаяутдинова С. И., Галаяутдинова Н. А.</i>	
Особенности самооценки юношей-руферов.....	163
<i>Гарамян Б. Г.</i>	
Проявление аффективных реакций у детей с ОВЗ при стоматологическом лечении.....	166
<i>Гилемханова Э. Н.</i>	
Типы психологической устойчивости учащихся к социокультурным рискам образовательной среды школы.....	170
<i>Голубицкая Д. И., Стрижицкая О. Ю., Петраш М. Д., Кузьмина М. Г.</i>	
Планирование стратегий позитивного старения и психологическое благополучие в период поздней взрослости.....	174
<i>Горбатовская Ю. В.</i>	
Лишь бы не было ...вины! (об особенностях родительской позиции современных матерей).....	178
<i>Горбушина А. В.</i>	
Концепция психологического благополучия личности: теоретико-методологические основания.....	182
<i>Гордеева А. В.</i>	
Психологическое благополучие и киберкоммуникативная зависимость студенческой молодежи.....	191
<i>Гуткевич Е. В.</i>	
Психологические особенности привязанности к дому как фактор адаптации при разном уровне психического здоровья.....	196
<i>Данилова М. В.</i>	
Жизнестойкость и выбор способов реагирования на стрессовые ситуации в связи с взаимоотношениями с родителями в старшем подростковом возрасте.....	200
<i>Денисова Г. В., Антипова А. С., Смирнова О. В., Ильченко Д. С.</i>	
Этнокультурная специфика семантического ядра космической терминологии в медиадискурсе: пилотный эксперимент.....	205

<i>Денисова Г. В., Перткова Е. Р.</i>	
Когнитивные механизмы юмора: к вопросу психолингвистических особенностях восприятия иноязычного анекдота.....	209
<i>Денисова Е. Г., Зайцева Ю. Н., Ермаков П. Н.</i>	
Психофизиологические особенности распознавания визуальных иллюзий.....	213
<i>Денисова Е. Г., Бовдуй Д. А., Ломака А. О.</i>	
Исследование психологического благополучия и психологических аспектов профессиональной деятельности работников сферы образования.....	217
<i>Денисова Е. Г., Гусева Ю. В., Сылка Н. В.</i>	
Метакогнитивные навыки и стратегии преодоления дефицита времени как стресс-фактора профессиональной деятельности педагогов.....	222
<i>Дёмин А. Н.</i>	
Способ измерения качества занятости.....	227
<i>Джанерьян С. Т., Гвоздева Д. И.</i>	
Социальная фрустрированность работающих и учащихся мужчин и женщин в связи с их личностной направленностью.....	231
<i>Джанерьян С. Т., Гвоздева Д. И.</i>	
Профиль трудовой мотивации у специалистов рабочих профессий с разным трудовым стажем.....	235
<i>Джанерьян С. Т., Гвоздева Д. И.</i>	
Изменение учебных и жизненных мотивов у студенток-психологов на разных этапах обучения в вузе.....	239
<i>Дикая Л. А., Егорова В. А., Мелешенко Е. А.</i>	
Психологические характеристики школьников, активно занимающихся исследовательской деятельностью.....	243
<i>Докучаев Д. А.</i>	
Изучение нейроэффективности на примере когнитивных стилей «импульсивность — рефлексивность».....	248
<i>Дорогина О. И., Хлыстова Е. В.</i>	
Результаты программы повышения субъективного благополучия пожилых людей.....	252

<i>Дорохов В. Б.</i>	
Воспроизведение инструкции из памяти во сне вызывает пробуждение и восстановление деятельности, нарушенной засыпанием: гипотеза.....	256
<i>Дьячук А. А.</i>	
Особенности копинг-стратегий студентов с разным уровнем позитивного функционирования.....	260
<i>Егорова В. А., Дикая Л. А., Мелещенко Е. А.</i>	
Психологические факторы, способствующие повышению исследовательского потенциала у обучающихся общеобразовательных учебных заведений.....	265
<i>Екимчик О. А., Жеронкина Д. Р.</i>	
Особенности отношений с сиблингами и диадический копинг партнеров близких отношений.....	269
<i>Еремина Е. В.</i>	
«Литературная гостиная» как форма работы по гармонизации семейных взаимоотношений.....	274
<i>Ермаков П. Н., Титова И. И.</i>	
Особенности дерматоглифических маркеров у лиц с высокими показателями эмпатии.....	279
<i>Ефимова А. А., Токарева Ю. А.</i>	
Психолого-педагогическое сопровождение воспитательной деятельности отцов детей школьного возраста разной национальности.....	284
<i>Жукова Н. Ю., Солдатова Е. Л.</i>	
Проективные методы исследования отношения к смерти подростков.....	289
<i>Журавлева А. В.</i>	
Ведущие факторы становления этнокультурной идентичности (на примере Итальянской Республики).....	293
<i>Захарова Л. Н.</i>	
Субъективное благополучие и социально-психологический возраст персонала.....	297
<i>Зеер Э. Ф., Сыманюк В. В.</i>	
Персонификация как предиктор формирования профессиональной успешности субъекта деятельности.....	302

<i>Зиннатова М. В.</i>	
Рефлексивная саморегуляция в структуре самотрансценденции субъекта.....	308
<i>Злоказов К. В.</i>	
Самоотношение и социальное взаимодействие преступника: эффект сопряжения.....	312
<i>Золотарева А. А.</i>	
Психосоматические симптомы и субъективный социально- экономический статус.....	316
<i>Зорина Е. С.</i>	
Особенности детско-родительских отношений в период ремиссии детей, перенесших онкологические и гематологические заболевания.....	320
<i>Игнатова Е. С.</i>	
Социальный обмен эмоциями как фактор эмоциональной безопасности.....	325
<i>Исмагилова Ф. С., Касьянова Т. И., Мальцев А. В.</i>	
К проблеме карьерного консультирования выпускников вузов.....	329
<i>Исматуллина В. И., Адамович Т. А.</i>	
Особенности отношения к математике как фактора выбора STEM-направлений у подростков из России и Киргизии.....	333
<i>Казицева В. О., Гуткевич Е. В.</i>	
Особенности когнитивной сферы детей после кохлеарной имплантации.....	337
<i>Калеменова М. П., Богданова М. В.</i>	
Структура деловой репутации руководителя на муниципальной службе.....	342
<i>Камакина О. Ю., Белоглазова Т. С.</i>	
Стиль педагогической деятельности учителей начальных классов как фактор тревожности младших школьников.....	346
<i>Кандыбович С. Л., Разина Т. В.</i>	
Образ женщины политического лидера у российской молодежи.....	350
<i>Кара Ж. Ю.</i>	
Особенности копинг-стратегий и самоактуализации личности в молодой семье.....	354

<i>Караяни А. Г.</i>	
Иницирированная обратная связь как принцип психологического обеспечения деятельности сотрудников силовых структур в боевой обстановке.....	358
<i>Карпов А. В.</i>	
Закономерности взаимосвязи процессов метамышления и метапамяти.....	363
<i>Касанов Д. А., Котюсов А. И., Косаченко А. И.,</i>	
<i>Гашкова А. С., Павлов Ю. Г.</i>	
Оценка состояния когнитивной перегрузки по размеру зрачка и электрической активности мозга.....	368
<i>Катькало К. Д.</i>	
Эмпирическая верификация модели личностно-профессиональной самореализации работающих студентов.....	372
<i>Кашапов М. М.</i>	
Динамика ресурсности мышления субъекта на стадиях профессионализации.....	377
<i>Кашапов М. М., Соловьева Е. В.</i>	
Особенности ресурсного мышления в психологическом консультировании.....	382
<i>Каширская Е. В., Хархурин А. В.</i>	
«Ключи к полилингвальному, межкультурному и творческому образованию»: новый подход к развитию навыков XXI века у школьников и студентов.....	387
<i>Клейман Е. О., Тромбчиньски П. К., Исурин Г. Л.,</i>	
<i>Грандильевская И. В., Короткова И. С.</i>	
Особенности восприятия ситуации симуляционного обучения среди студентов-медиков в сравнении с взаимодействием с реальным пациентом.....	392
<i>Климова Е. К.</i>	
Принятие ответственности на себя как конструктивный вид субъективного управления.....	397
<i>Клюева О. А.</i>	
К проблеме измерения конкурентоспособности личности: феномены гиперконкурентоспособности и избегания конкуренции.....	402

<i>Ковш Е. М., Ермаков П. Н., Бабенко В. В., Воробьева Е. В., Явна Д. В., Денисова Е. Г., Алексеева Д. С.</i>	
Связь сочетаний генотипов генов COMT и DRD4 с эмоционально-личностными особенностями молодежи.....	406
<i>Ковалев А. И., Рысева К. М.</i>	
Когнитивно-стилевой аспект использования стратегий изучения лексики при построении индивидуальной образовательной траектории.....	410
<i>Ковшова О. С., Лыгина Д. Д., Акдерли А. Р.</i>	
Превенция суицидального риска в молодежной среде с использованием «ASR-test».....	414
<i>Колесникова Е. И.</i>	
Трансформация принципов работы психологической службы вуза в аспекте цифровизации.....	418
<i>Кононыхина В. Б.</i>	
Влияние методов арт-терапии на эмоциональную сферу детей с ОВЗ.....	423
<i>Коноплева Е. А., Ларионова С. В.</i>	
Взаимосвязь интернальности с деонтологическими качествами личности.....	429
<i>Корниенко Д. С., Ячменёва Н. П., Балева М. В.</i>	
Взаимосвязь черт «Темной триады» и ориентаций на материализм.....	433
<i>Корнилова Т. В.</i>	
Проблема построения психологических теорий в современных методологических поисках.....	439
<i>Коропец О. А.</i>	
Цифровой профессиональный менталитет: постановка проблемы исследования.....	444
<i>Коряков Я. И.</i>	
Теория Карен Хорни как модель нарциссической динамики.....	449
<i>Костакова И. В.</i>	
Проект «Мастерская саморазвития и жизнестойкости личности» в образовательной деятельности обучающихся среднего, среднего профессионального, высшего образования и учреждений дополнительного образования.....	453

<i>Красноярджцева О. М., Бредун Е. В., Кабрин В. И., Щеглова Э. А.</i>	
Реконструкция темпоральных индикаторов индивидуального процесса решения когнитивной задачи.....	458
<i>Кружкова О. В., Воробьева И. В., Матвеева А. И., Жданова Н. Е.</i>	
Стресс-факторы городской цифровой среды: личностные детерминанты восприимчивости.....	463
<i>Крутелева Л. Ю.</i>	
Особенности самоотношения, удовлетворенности жизнью и самопредъявления в общении лиц с химической зависимостью..	467
<i>Крутелева Л. Ю.</i>	
Особенности смысложизненных и ценностных ориентаций и совладающего поведения молодежи.....	473
<i>Куваева И. О., Волкова Е. В.</i>	
Концептуализация стрессовых ситуаций как фактор совладающего поведения.....	478
<i>Кузенко С. С.</i>	
Ценностно-смысловые корреляты отношения к болезни людей, страдающих психосоматическими кожными заболеваниями.....	482
<i>Козловский С. А., Каширин В. А.</i>	
Мозговая активность при зрительном восприятии живых и неживых объектов.....	487
<i>Кондратюк Н. Г., Бурмистрова-Савенкова А. В., Жемерикина Ю. И.</i>	
О специфике осознанной саморегуляции у школьников, выбравших разные профили обучения.....	491
<i>Котюсов А. И., Касанов Д. А., Косаченко А. И.,</i>	
<i>Гашкова А. С., Павлов Ю. Г.</i>	
Исполнительные функции как факторы индивидуальных различий в объеме вербальной рабочей памяти.....	496
<i>Кох Д. А., Тютюнников П. Р., Баланев Д. Ю.</i>	
Экспериментальный дизайн исследования ансамблевого восприятия.....	501
<i>Кузнецова Е. А., Зиновьева Е. В.</i>	
Приверженность ценностным посланиям лидеров мнений поколения Z: возрастной аспект.....	505

<i>Кузнецова Т. А., Грандилевская И. В.</i>	
Качество жизни пациентов с рассеянным склерозом.....	510
<i>Кузьмин А. Ю., Родионова Е. А.</i>	
Психологические характеристики культуры безопасности сотрудников в организации (на примере российской нефтеперерабатывающей компании).....	515
<i>Куфтяк Е. В.</i>	
Совладание со стрессом неопределенности в период ранней взрослости.....	520
<i>Куфтяк Е. В., Козлов М. Ю., Иваницкая Е. Д.</i>	
Связь нарушенного типа привязанности и депрессии. Что еще предстоит изучить?.....	524
<i>Лабунская В. А.</i>	
Методология построения «иерархической модели» детерминант влияния отношения к своему внешнему облику на субъективное благополучие.....	529
<i>Лаврова М. А.</i>	
Влияние развода родителей на психологические особенности ребенка раннего детства.....	534
<i>Лаврова М. А., Харитонова М. П.</i>	
Стиль саморегуляции и качество жизни людей старшего возраста.....	539
<i>Ларина А. В.</i>	
Роль психологических установок и субъективных ожиданий пациента от операции в оценке эффективности лечебно-реабилитационного процесса после эндопротезирования крупных суставов.....	544
<i>Леонова Е. В.</i>	
Аппаратно-программные психодиагностические комплексы в практике психологической поддержки персонала атомных станций.....	548
<i>Леонова Е. В., Кривчун А. В., Ситцева М. С.</i>	
Внешние и внутренние факторы психологической безопасности старшеклассников.....	553
<i>Леонова Е. В., Чернецкая Е. Д., Никуличева Е. О.</i>	
Возрастные особенности восприятия понятия «культура безопасности».....	558

<i>Литвинов В. Ю.</i>	
Репрезентация отношения к образу собственного региона посредством метода метафорической ассоциации у молодежи России.....	562
<i>Лушпаева И. И., Гилемханова Э. Н.</i>	
Профессиональное благополучие учителей в контексте безопасности взаимодействия.....	567
<i>Мазилов В. А., Слепко Ю. Н.</i>	
Проблема интеграции психологического знания в современной психологии.....	571
<i>Макаревская Ю. Э., Рябикина З. И.</i>	
Универсальные критерии социального неуспеха в парадигме субъектно-бытийного подхода к личности.....	575
<i>Максарова Л. Б., Оуен Цзыянь, Корнилова Т. В.</i>	
Латентные профили личностной регуляции принятия решений: кросс-культурное сравнение российской и китайской выборок.....	580
<i>Максименко Е. Г.</i>	
Анализ механизмов психологической защиты личности в зависимости от уровня дифференциации психики.....	585
<i>Малахова В. Р.</i>	
Психолого-педагогические условия активизации самораскрытия способностей подростков как фактора академической успешности.....	590
<i>Матвеева Л. В., Аникеева Т. Я., Мочалова Ю. В.</i>	
Психологический анализ ценностно-смыслового содержания современных мультфильмов и традиционных сказок.....	595
<i>Матвеева П. А., Чернышева Е. В.</i>	
Профессиональная деформация и профессиональная деградация в понимании будущих психологов.....	600
<i>Мельникова Н. М., Степанова Л. М.</i>	
Социально-психологические проблемы акционерного общества.....	604
<i>Мерзлякова С. В., Бибарсова Н. В.</i>	
Образ брачного партнера в представлениях юношей с разной степенью выраженности ответственности.....	609

<i>Микляева А. В.</i>	
Смартфон или компьютер? Характеристики онлайн-поисковых запросов в процессе выполнения учебных заданий школьниками, использующими различные технические устройства.....	613
<i>Мироненко И. А.</i>	
О методологическом ригоризме в психологии.....	618
<i>Моисеева В. С., Рыкман Л. В.</i>	
Осознанность и профессионально-личностное самоопределение.....	622
<i>Моросанова В. И.</i>	
Осознанная саморегуляция человека: эволюция научных представлений.....	627
<i>Наумова О. А.</i>	
Арт-терапия как одно из основных направлений по коррекции и профилактике социальной дезадаптации детей ОВЗ.....	631
<i>Никонова Е. Ю., Рупчев Г. Е., Морозова М. А., Бурминский Д. С.</i>	
Возможности использования иммерсивных технологий в реабилитации больных шизофренией в состоянии лекарственной ремиссии.....	634
<i>Новикова Г. Р.</i>	
Клинико-психологическая экспертная оценка психической ретардации в условиях перехода на МКБ-11.....	639
<i>Новопашина Л. А.</i>	
Условия и критерии самоопределения студентов.....	644
<i>Орлова А. Д., Денисова Г. В.</i>	
Восприятие концепта «дружба» представителями разных лингвокультур на примере России и Италии.....	649
<i>Петросьян С. Н., Рябикина З. И.</i>	
Типы субъектной активности: самоорганизация личностного позиционирования в пространстве со-бытийности.....	653
<i>Пирлик Г. П.</i>	
Неопределенность и одаренность в обучении.....	658
<i>Пищик В. И., Жолдасов Д. С.</i>	
Коллективный нарциссизм и вера в теории заговора молодого поколения.....	662

<i>Пономарева И. В., Евстафеева Е. А., Важенин А. В.</i>	
Исследование вклада субъектных и личностных характеристик в вероятность заболеть раком молочной железы у женщин, проживающих в промышленном мегаполисе и сельской местности.....	666
<i>Пономарева О. Я., Шкурин Д. В.</i>	
Взаимосвязь социальной структуры персонала и удовлетворенности трудом на предприятиях крупного бизнеса.....	672
<i>Попова Л. В.</i>	
Социально-психологические эффекты пандемии: динамика отношения студентов к внешнему облику и изменению их удовлетворенности жизнью.....	677
<i>Потанина А. М.</i>	
Регуляторные и личностные ресурсы успешности школьного обучения: индивидуально-типологические аспекты.....	681
<i>Предеина М. В.</i>	
К проблеме исследования личностных предикторов успешной субъективной карьеры: связь готовности к непрерывному обучению и субъективной карьере.....	686
<i>Проклов Р. И., Кузнецова А. С.</i>	
Вербальные характеристики личности успешного человека (на материале российских СМИ).....	690
<i>Прохоров А. О., Чернов А. В., Юсупов М. Г., Решетникова И. С.</i>	
Ментальная регуляция психических состояний студентов.....	695
<i>Прохорова М. В., Савичева А. В.</i>	
Представления студенческой молодежи о мотивации труда ученых.....	699
<i>Рафикова В. А.</i>	
Психологическое сообщество Германии в послевоенный период.....	703
<i>Роголева Ю. А., Ковалев А. И.</i>	
Влияние способа организации деятельности в виртуальной образовательной среде на процесс актуализации учебных знаний.....	707
<i>Рюмишина Л. И.</i>	
Значимость межличностных отношений для интеллектуально одаренных учащихся.....	712

<i>Рюмишина Л. И., Бердянская Ю. В.</i>	
Цифровое образование: различные подходы к педагогическому общению.....	715
<i>Сапунова О. В., Колесникова В. А.</i>	
Разработка комплексного подхода к преподаванию терминосистемы языка для специальных целей при формировании профессиональных компетенций студентов (на материале терминосистемы «Психология»).....	719
<i>Сиповская Я. И.</i>	
Факторы совладающего поведения, лежащие в основе академических достижений.....	724
<i>Ситкина Е. В., Исаева Е. Р.</i>	
Психологический портрет комплаентного пациента стоматологической клиники.....	728
<i>Скиртач И. А.</i>	
Коррекция дисфункциональных установок при различных формах невротического расстройства.....	733
<i>Скиртач И. А., Пахомова В. А.</i>	
Особенности проявления смысложизненного кризиса у лиц молодого возраста.....	737
<i>Слободчиков И. М.</i>	
К вопросу о современной специфике переноса внутриличностных конфликтов во внешнее поле.....	742
<i>Смирнов А. А., Соловьева Е. В.</i>	
Респонзивность как механизм конативных эмпатических способностей.....	747
<i>Смирнова Е. Г.</i>	
Теория поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина как методическая основа преподавания химии в средней школе.....	751
<i>Сохликова В. А.</i>	
Выявление моделей разной спортивной успешности на основе выявленных вариантов соотношения уровней самооценки и притязаний.....	755

<i>Степанчук Н. Н.</i>	
Возможности применения методов качественного анализа в задачах обработки текстовой информации.....	758
<i>Стрельников С. В., Ковалев А. И.</i>	
Особенности использования технологий виртуальной реальности при формировании навыка публичных выступлений.....	763
<i>Суворова Г. А.</i>	
О системогенезе способностей и одаренности.....	767
<i>Сулейманов Р. Ф.</i>	
Дифференциальная чувствительность как основа личности.....	772
<i>Суворова Г. А., Барановская Т. А.</i>	
О мире внутренней жизни человека как предмете диалога субъектов психологического консультирования в образовании.....	776
<i>Сургутский Е. Д., Вартамян Г. А.</i>	
Психологические критерии оценки общественной опасности лиц, признанных невменяемыми.....	781
<i>Сыманюк Э. Э., Печеркина А. А.</i>	
Исследование стратегий преодолевающего поведения у педагогов в поздней зрелости.....	787
<i>Сыченко Ю. А.</i>	
Психологическое благополучие как личностный предиктор субъективного благополучия.....	793
<i>Табидзе А. А.</i>	
Единая теория психологии личности и эмоциональная зрелость психолога.....	797
<i>Татарина Т. А., Доминяк В. И., Родионова Е. А.</i>	
Процессуальный подход к вовлеченности в организацию.....	800
<i>Тахирова З. Р., Казанцева А. В., Еникеева Р. Ф., Давыдова Ю. Д., Тазетдинов А. М., Валиев Р. Р., Малых С. Б., Хуснутдинова Э. К.</i>	
Генетические основы развития пространственного интеллекта.....	805
<i>Тахирова З. Р., Казанцева А. В., Тазетдинов А. М., Малых С. Б., Хуснутдинова Э. К.</i>	
Геномика и лингвистика: вовлеченность наследственных факторов в развитие языковых способностей индивида.....	810

<i>Тихонова И. В., Адеева Т. Н.</i>	
Родительский стресс в контексте представлений о реальном и идеальном родителе.....	815
<i>Токарева Ю. А., Токарев А. Г.</i>	
Психологические детерминанты проектной деятельности обучающихся.....	819
<i>Тромбчиньски П. К., Верховская Е. М.</i>	
Влияние мужских ролевых моделей (отца/опекуна) на уровень психологического благополучия взрослых мужчин.....	824
<i>Уляева Л. Г.</i>	
Кризисы самореализации личности в детско-юношеском спорте.....	829
<i>Уляева Г. Г., Раднагуруев Б. Б., Уляева Л. Г.</i>	
Обеспечение психологического благополучия студенческой молодежи через занятия физической культурой, спортом и движение ВФСК ГТО.....	835
<i>Федорова Е. П.</i>	
Психология инноваций как проблема творчества.....	839
<i>Федотова С. В., Белоглазов И. Д.</i>	
Конструирование жизненного пути молодежью, проживающих в Москве и регионах.....	844
<i>Филимонов Л. С.</i>	
Социально-ролевая, социокультурная идентичность и толерантность как факторы креативности субъектов творческой деятельности.....	848
<i>Филиппова Ю. В., Тихонова М. А.</i>	
Сравнительный анализ результативности учебной деятельности студентов в условиях цифровизации образования.....	852
<i>Фомина Т. Г.</i>	
Особенности взаимосвязи факторов большой пятерки, субъективного благополучия и осознанной саморегуляции школьников.....	857
<i>Хазова С. А., Шинова Н. С.</i>	
Модификация опросника CRIS (Coping Resources Inventory for Stress) для русскоязычной выборки.....	862
<i>Хегай А. С.</i>	
Русскоязычная адаптация шкалы открытости будущему.....	866

<i>Худякова Т. Л., Севрюкова А. Н.</i>	
Опыт реализации подхода П. Я. Гальперина в процессе формирования коммуникативной компетентности студентов.....	870
<i>Циринг Д. А., Пахомова Я. Н., Гладков Ю. О.</i>	
Психологические факторы выживаемости и течения болезни у женщин с раком молочной железы: результаты и перспективы исследования.....	875
<i>Цыганов И. Ю., Бондаренко И. Н.</i>	
Вклад саморегуляции, школьной вовлеченности и мотивации восьмиклассников в познавательную активность в 9-м классе.....	880
<i>Чернышева Е. В., Прокин Д. О.</i>	
Особенности коммуникации геймеров.....	885
<i>Чернявская В. С., Малахова В. Р.</i>	
Источники самораскрытия способностей подростков: разработка опросника.....	889
<i>Черткова Ю. Д., Егорова М. С., Паршикова О. В., Зырянова Н. М.</i>	
Авторитарность как компенсаторная характеристика в ситуации неопределенности.....	893
<i>Чумаков М. В., Чумакова Д. М.</i>	
Взаимосвязь волевых качеств и суицидальных намерений студентов университета.....	897
<i>Шабас С. Г.</i>	
Влияние цифровизации образования на психологическое благополучие педагогов в детском саду.....	901
<i>Шевелева М. С., Руднова Н. А.</i>	
Феномен самозванца в профессиональной среде.....	905
<i>Шепеленко А. Ю., Косоногов В. В.</i>	
Межсубъектные корреляции эмоциональных состояний как предикт благотворительного поведения: проект психофизиологического исследования.....	908
<i>Шестова М. А., Корнилова Т. В.</i>	
Эмоциональный прайминг при принятии решений в игровых стратегиях.....	912
<i>Шипова Н. С.</i>	
Сферы и барьеры самореализации лиц с атипичным развитием.....	916

<i>Широкая М. Ю., Кобзева Д. М.</i>	
Психологическая саморегуляция при разных уровнях хронического утомления.....	921
<i>Шишова Е. О.</i>	
Психическое развитие дошкольников в игровой деятельности в условиях вариативности образовательных сред.....	926
<i>Шукина М. А.</i>	
Ценность саморазвития в профессиональной деятельности современного врача.....	931
<i>Якушина А. А.</i>	
Взаимосвязь перфекционизма и метакогниций в спорте.....	936
<i>Яновский М. И., Чуканов Е. В.</i>	
Фильмы ужасов и чувство собственности.....	940
Список авторов.....	944
List of authors.....	978

Научное издание

ПСИХОЛОГИЯ СЕГОДНЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы
Всероссийского психологического форума

Том 1

Екатеринбург, 28–30 сентября 2022 года

Редактор *Е. Е. Крамаревская*
Компьютерная верстка *В. К. Матвеев*

*Электронное сетевое издание
размещено в архиве УрФУ
<http://elar.urfu.ru>*

Подписано 23.09.2022. Формат 60 × 84 1/16.
Уч.-изд. л. 40,33. Объем данных 7,15 Мб.
Гарнитура Minion Pro.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-90-13, 358-93-22, 350-58-20
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

